ISSN 3033-5949

ВЕСТНИК

ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА, ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

№ 2 (35) - 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 3033-5949 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) лицензионный договор с Научной электронной библиотекой eLIBRARY.ru от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

КИЙКО А.Ю. 5
Ценностные ориентиры правовой саморегуляции личности

КИЙКО А.Ю., КУДИНА С.А. 15
Преимущественное право на единовременную социальную выплату для многодетных сотрудников: правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации и ее значение

ИВАКИН В.И. 25
Русская Правда как литературное произведение: современные подходы, тенденции развития и ответственность

ЛЫСЕНКОВ С.Г. 33
Воспитательная роль духовно-нравственных традиций в русской семье конца X – начала XX веков

КОМИССАРОВ М.А. 40
Государственно-правовая идеология военно-служебных отношений в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации

ОЧЕРЕДЬКО В.П. 50
Войска национальной гвардии как институциональное отражение и силовой гарант эволюции ценностно-правовой парадигмы российской государственности

САЛЬНИКОВ В.П., БЕГЕЗА В.В. 59
Идея мира и правопорядка в учении Марсилия Падуанского как историко-правовая предпосылка концепции истинного суверенитета государства

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ЕВДОКИМОВА О.В. 69
Особенности совершения мошенничества организованными преступными группами на платформах онлайн-знакомств

МИЩЕНКО Е.В. 77
Цифровизация как совершенствование форм уголовно-процессуальной деятельности

НОВОКШОНОВ Д.В. 85
Особенности проведение некоторых следственых действий в боевых условиях

ТРЕТЬЯКОВ И.Л. 94
Патриотическое воспитание как эффективное средство криминологической профилактики девиантного поведения учащихся кадетских классов и корпусов

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ДАМИНОВ А.А. 109
Психологические и профессионально-служебные аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях

ПАШКИН С.Б., ТУРЧИН А.С. 118
Особенности представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов, обучающихся в вузах по программам специалитета и магистратуры

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

АРХИПОВА Е.М. 128
Цифровая образовательная среда как объект психологического исследования: подходы к изучению, потенциал и риски развития

ПАУЛКИНА Д.П., ПАШУКОВА А.Д. 139
Психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения

СОРОКОУМОВА С.Н., БАШМАКОВА А.В. 151
Программа формирования психологической готовности курсантов психологического факультета к будущей профессиональной деятельности

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

НЕСТЕРОВ Д.А., ИВЛЕВ Д.А. 158
Психологические механизмы формирования политических установок у военнослужащих в условиях информационной неопределённости

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ВОЛКОВ В.Д. 166
Характерные особенности периодов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере диссертационных исследований)

КУЗНЕЦОВ Д.Е. 178
Ученики и последователи Слепова В.Я. в контексте истории развития педагогической науки в войсках правопорядка

ШАРУХИН А.П. 187
Теоретико-методологическое значение общей педагогики для становления служебно-боевой педагогики Росгвардии

© Академия войск национальной гвардии, 2026

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

КИСЕЛЕВ А.В. 198
Структура и содержание ценностных ориентаций кадет на военную службу

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ВАХИТОВ Д.М., УТЮГАНОВ А.А. 206
Коррупция как социальная болезнь: педагогические основания и пути антикоррупционного воспитания

ИГНАТЬЕВ А.А. 218
Формирование военно-патриотических качеств личности курсанта войск национальной гвардии Российской Федерации посредством проведения мультимедийной викторины

МАСЛО Н.В., ФЕДОСЕЕВА И.А. 227
Конкурс социальных проектов как инструмент в воспитании кадет

НОЗДРИНА Н.А., КУЗНЕЦОВ Е.С. 234
Воспитательный компонент учебной и производственной практики в среднем профессиональном образовании: правовые аспекты и нормы

ПРОКОПЕНКО В.В., ШАЙДУЛЛОВ А.Р. 246
Обоснование внедрения вида спорта «Регби» в систему образовательной и внеучебной деятельности курсантов по физической подготовке (на примере Академии войск национальной гвардии)

ФЕДОРИШИН М.И. 258
Структурно-уровневая организация коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих

ШАРУХИНА Т.Г. 267
Воспитательная деятельность преподавателя в процессе обучения в военной академии (институте) Росгвардии: теоретико-методологический аспект

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

НОЗДРИНА Н.А., КУЗНЕЦОВ Е.С. 276
Правовой аспект воспитательных коллизий в системе среднего профессионального образования

ПРОХОРЕНКО Е.В., МОЛДОВАНОВ А.В., ФЕТИСОВ А.В., ЛАТУГА А.С. 287
Усовершенствованная модель подготовки подразделений войск национальной гвардии оперативного назначения к выполнению служебно-боевых задач

СТАВИЦКИЙ Д.В., ШАПОШНИКОВ А.А., ГЛАЗКОВ Р.Л. 297
Интегративная модель патриотического воспитания и правового обеспечения воинской дисциплины в условиях специальной военной операции: педагогический, криминологический и нормативно-правовой аспекты

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗВЯГИНЦЕВ А.Г. 307
Токийский трибунал: исторические уроки и современные вызовы

КИЙКО А.Ю., БАКИН А.А. 315
Творчество Александра Звягинцева как особая форма ценностной ориентации и самополагания человека в современном мире

КИЙКО А.Ю., ШКРУМ Д.В., ХАБИБУЛИН А.Г. 321
Традиции естественно-правового мышления в обосновании ценностной природы права и государства: их актуальность в XXI веке

КОЗАЕВ П.Д., ВНУКОВ А.Д., ТКАЧЕВ Д.А. 329
Формирование 607 ордена Жукова центра специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации: историко-аналитический обзор

ШАРУХИНА Т.Г. 342
Обзор итогов межвузовского научно-практического семинара «Теория и практика совершенствования иноязычного обучения курсантов и адъюнктов в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии»

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты.

Материалы должны соответствовать одному из научных направлений (по отраслям наук), определяющему направленность (профильность) журнала: педагогические, психологические и юридические науки.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов, имён собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций.

© Академия войск национальной гвардии, 2026

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION « MILITARY ORDER OF ZHUKOV ACADEMY OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 3033-5949 (online)

Journal is published since December, 2017

Journal is published on quarterly basis

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) license agreement with the Scientific Electronic Library eLIBRARY.ru dated 13.02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

KIIKO A.YU. 5
Value guidelines for legal self-regulation of an individual

KIIKO A.YU., KUDINA S.A. 15
The priority right to a one-time social payment for employees with many children: the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation and its significance)

IVAKIN V.I. 25
«Russian Truth» as a literary work: modern approaches, development trends and responsibility

LYSENKOV S.G. 33
The educational role of spiritual and moral traditions in the russian family of the late x – early xx centuries

KOMISSAROV M.A. 40
The state-legal ideology of military-service relations in the Federal service of the national guard of the Russian Federation

OCHERED'KO V.P. 50
National guard troops as an institutional reflection and power guarantee of the evolution of the value-legal paradigm of russian statehood

SALNIKOV V.P., BEGEZA V.V. 59
The idea of peace and law and order in the teachings of Marsilius of Padua as a historical and legal prerequisite for the concept of true state sovereignty

CRIMINAL LAW SCIENCES

EVDOKIMOVA O.V. 69
Features of fraud committed by organized criminal groups on online dating platforms

MISHCHENKO E.V. 77
Digitalization as an improvement of forms of criminal procedural activity

NOVOKSHONOV D.V. 85
Features of conducting some investigative actions in combat conditions

TRETYAKOV I.L. 94
Patriotic education as an efficient tool for criminological prevention of deviant behavior among cadet class and corps

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

DAMINOV A.A. 109
Psychological and professional aspects of training employees of internal affairs bodies for action in extreme conditions

PASHKIN S.B., TURCHIN A.S. 118
Features of students' perceptions of their future professional activities at universities with specialization and master's programs

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

ARKHIPOVA E.M. 128
Digital educational environment as an object of psychological research: approaches, potential, risks

PAULKINA D.P., PASHUKOVA A.D. 139
Psychological and pedagogical algorithm for adapting cadets at the initial stage of training

SOROKOUMOVA S.N., BASHMAKOVA A.V. 151
A program for developing psychological readiness of psychology faculty cadets for future professional practice

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

NESTEROV D.A., IVLEV D.A. 158
Psychological mechanisms of formation of political attitudes among military personnel in conditions of information uncertainty

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

VOLKOV V.D. 166
Characteristic features of the periods of pedagogical science development in the national guard troops of the Russian Federation (on the example of dissertation research)

KUZNETSOV D.E. 178
Students and followers of V. Ya. Slepov in the context of the history of the development of pedagogical science in the law enforcement forces

SHARUKHIN A.P. 187
The theoretical and methodological significance of general pedagogy for formation of the service and combat pedagogy of the Rosgvardiya

© Академия войск национальной гвардии, 2026

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

KISELEV A.V. 198
Structure and content of cadets' value orientations towards military service

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

VAKHITOV D.M., UTYUGANOV A.A. 206
Corruption as a social disease: pedagogical foundations and ways of anti-corruption education

IGNATEV A.A. 218
Formation of military-patriotic qualities of the personality of a cadet of the national guard troops of the Russian Federation through the conduct of a multimedia quiz

MASLO N.V., FEDOSEEVA I.A. 227
Social projects competition as a tool for cadets' education

NOZDRINA N.A., KUZNETSOV E.S. 234
The educational component of academic and industrial practice in secondary vocational education: legal aspects and regulations

PROKOPENKO V.V., SHAIDULLOV A.R. 246
Justification for the introduction of the sport of "rugby" into the system of educational and extracurricular activities for cadets in physical training (using the example of the Military order of Zhukov academy of the national guard troops)

FEDORISHIN M.I. 258
Structural and level-based organization of collective mental models of military personnel interaction

SHARUKHINA T.G. 267
Upbringing activities of a lecturer in the process of teaching at a military academy (institute) Rosgvardiya: theoretical and methodological aspect

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

NOZDRINA N.A., KUZNETSOV E.S. 276
The legal aspect of educational conflicts in the system of secondary vocational education

PROKHORENKO E.V., MOLDOVANOV A.V., FETISOV A.V., LATUGA A.S. 287
Improved model of training operational units of the national guard for performing service and military tasks

STAVITSKY D.V., SHAPOSHNIKOV A.A., GLAZKOV R.L. 297
Integrative model of patriotic education and legal support of military discipline in the context of the special military operation: pedagogical, criminological, and regulatory-legal aspects

SCIENTIFIC LIFE

ZVYAGINCEV A.G. 307
The Tokyo tribunal: historical lessons and current challenges

KIIKO A. YU., BAKIN A.A. 315
Creativity of Alexander Zvyagintsev as a special form of value orientation and self-determination of a person in the modern world

KIIKO A.YU., SHKRUM D.V., KHABIBULIN A.G. 321
Traditions of natural law thinking in substantiating the value-based nature of law and state: their relevance in the 21st century

KOZAEV P.D., VNUKOV A.D., TKACHEV D.A. 329
Formation of the 607th orders of Zhukov special purpose center of the national guard troops of the Russian Federation: historical and analytical review

SHARUKHINA T.G. 342
Overview of the scientific and practical seminar «theory and practice of improving foreign language education of the cadets and military postgraduate students in Rosgvardiya military educational institutions of higher education»

When reprinting materials, a reference to the journal is required.

The editorial board has the right to shorten and literary process the texts accepted for publication.

Materials must correspond to one of the scientific directions (by branches of science), which determines the direction (profile) of the journal: pedagogical, psychological and legal sciences.

The publication reviews all incoming materials corresponding to the subject of the journal for the purpose of their expert assessment. Manuscripts are not returned.

The authors of the publications are responsible for the reliability of the facts, proper names, and non-disclosure of secrets.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРАВОВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Андрей Юрьевич Кийко
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
obr_kom@academrg.ru

Аннотация. Право определяет социальное поведение человека как за счет внешнего принуждения, так и за счет формирования позитивных установок правосознания и нравственной позиции личности. Для этого требуется отношение личности к праву и к его институтам как к значимой духовно-нравственной ценности. В таком случае нормы права входят в ценностное ядро бытия человека и служат ориентирами для добровольной саморегуляции его поведения. Поиск путей решения этой задачи во многом определил содержание истории правовой мысли. Опираясь на достижения классической мировой и русской философии права, можно обосновать гуманистический потенциал права как социального института. Следование этой позиции позволяет увидеть смысл и перспективы процессов аксиологизации российского права, начатых Конституционной реформой 2020 года.

Ключевые слова: право, ценности, человек, личность, правосознание, Конституция, социальное регулирование, саморегуляция личности

Для цитирования: Кийко А.Ю. Ценностные ориентиры правовой саморегуляции личности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 5–14. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/001.pdf.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCE

Original article

VALUE GUIDELINES FOR LEGAL SELF-REGULATION OF AN INDIVIDUAL

Andrey Yu. Kiiko
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
obr_kom@spvi.ru

Abstract. Law determines human social behavior both through external coercion and by shaping positive attitudes of legal consciousness and the individual's moral stance. This requires an individual's attitude toward law and its institutions as a significant spiritual and moral value. In this case, legal norms become part of the value core of human existence and serve as guidelines for voluntary self-regulation of behavior. The search for solutions to this problem has largely determined the history of legal thought. Drawing on the achievements of classical world and Russian legal philosophy, one can substantiate the humanistic potential of law as a social institution. Adherence to this position allows one to understand the meaning and prospects of the processes of axiologizing Russian law initiated by the 2020 Constitutional reform.

Keywords: law, values, human being, personality, legal consciousness, Constitution, social regulation, individual self-regulation

For citation: Kiiko A.Yu. Value guidelines for legal self-regulation of an individual. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 5–14. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/001.pdf.

© Кийко А.Ю., 2026

Введение

Нормативная природа права в системе социального регулирования личности не исключает, а, наоборот, предполагает непосредственное воздействие его ценностного ядра на волевые установки чело-

века. Как пишет профессор Е. А. Фролова, «… из всех формальных ценностей право в большей степени воздействует на поведение человека» [38, с. 69].

Основные положения

Нормы права воспринимаются социализированной личностью прежде как внешние, т. е. объективно сформированные, регуляторы ее поведения, подчиняться которым следует для того, чтобы не противопоставить себя укладу жизни общества и не стать объектом санкций со стороны государства. Но при этом человек осознает и безусловную ценность права как единой системы. Человек должен также осознать значимость базовых норм права в качестве того, что имеет для него безусловную ценность, а потому добровольное следование этим нормам составляет нравственный долг личности и является источником ее достоинства. В таком случае нормы права входят в ценностное ядро бытия личности и выполняют роль своего рода внутренних критериев для определения человеком соответствия своего реального поведения собственным нравственным идеалам. Об этом очень убедительно и точно говорил выдающийся русский теоретик и философ права И. А. Ильин: «Человечеству, живущему на земле, присущ такой способ существования, который делает право необходимою формою его бытия» [20, с. 145].

Разумеется, следование нормам права обеспечивается средствами государственного принуждения. И даже обеспечивается ими в первую очередь. Но без соответствия этих норм нравственному строю бытия человека они становятся, практически, неотличимы от мер насильственного воздействия на его волю. От этого они, конечно, не перестают быть именно правовыми нормами, но мы уже теряем возможность определить и выразить специфику именно их правовой природы. И лишь когда человек «добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение его (права – А. Ю. Кийко) правил и воспитывает в этом направлении не только свои сознательные решения, но и свои непосредственные, инстинктивные хотения и порывы» [20, с. 134], лишь тогда становится возможным и для ученого-правоведа, и для каждого человека, обладающего зрелым правосознанием, уяснить суть истинного права: «…развитое правосознание умеет всегда разобраться в том, где начинается и где кончается право и где возникает произвол» [20, с. 118].

В сравнении с нормами морали, нормы права более точно соответствуют характеристикам общей культуры как «второй природы», созданной человеком в качестве социального пространства реализации своей сущностной свободы. На достаточно высоком уровне развития правовой культуры и правосознания человеком осознается ценностная природа права и действие его норм сближается с действием норм морали. Правовая культура определяется мерой включенности личности в свою национальную культуру и мерой включенности права в эту национальную культуру. Это выдвигает особые требования к законодателю и к субъектам нравственно-правовой социализации личности по актуализации ценностного потенциала права.

Следуя за инстинктом правосознания, правовая мысль всегда стремилась выразить именно эту ценностную природу права, несомненно, обладающую внутренней силой для направления поведения личности в правомерное русло при одновременном согласии с ее волей. Так, Платон связывал законы, установленные государством, с объективной идеей абсолютного блага, являющейся для этих законов изначальной «порождающей моделью» [11, с. 13–14]. Идея блага, согласно Платону, «...придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать...» [24, с. 291]. Именно через познание этой абсолютной идеи «...становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное...» [24, с. 286].

Эта связь юридического закона государства с высшим нравственным законом мироздания наиболее отчетливо отпечатывалась в правосознании жителей полиса как идеал гражданственности. Идеалом человека представлялось его бытие как микрокосма – воплощение в человеке прекрасного, гармоничного, живого и божественного Космоса. Но этих качеств представлялось возможным достичь только в социальном пространстве своего государства, в котором человек служил его общим целям, однако при этом не переставал осознавать себя свободным. И это было совершенно оправданно: настоящий гражданин следует законам своего государства и решениям его управляющих органов не из рабского страха наказания, а единственно лишь поскольку, поскольку только такое поведение он считает достойным свободного человека.

Классический пример правового саморегулирования личности Платон оставил нам в образе Сократа. Будучи несправедливо приговоренным к смертной казни, Сократ не покинул места своего заключения, хотя имел для этого достаточно возможностей. Но он считал своим гражданским долгом подчиняться закону, в данном случае – подчиняться законному решению суда, независимо от того, справедлив ли закон и приговор к нему лично или же несправедлив. Символично и то, что он сам исполнил приговор, выпив яд из чаши, данной ему палачом.

Христианство с его пониманием мироздания как результата действия благой воли Бога, многократно усилило аксиологический потенциал философского учения о мире, а следовательно, и о праве, что мы находим в ранней христианской патристике [18, с. 44–61]. И. А. Ильин писал: «Собственно говоря, христианское учение не дало людям никакого нового учения о праве, о правосознании, о государстве и политике, о законах и суде, о правах и сословиях… Вот это-то религиозное настроение и вносило в общение людей и в процесс общественной организации дух нового, христианского правосознания. Оно прикрепляло волю человека к единой – высшей – цели; оно учило его ставить духовное выше материального и подчинять личное как начало своекорыстия, гордости и посягания – сверхличному как началу качества, достоинства и совершенства. Этим правосознание прикреплялось к своим благородным первоосновам: к достоинству, самообладанию и дружелюбной общительности. Всюду, где действительно расцветала полнота любви, она порождала совестное доброжелательство, примиряющую справедливость, жертвенную щедрость…» [21, с. 26]. Эти нравственные ценности, столь близкие и современному российскому обществу, благодаря христианству приобретают новое измерение, формируются как ценности, имеющие также и свое правовое измерение.

Современная правовая культура, по справедливому замечанию профессора Ф. Х. Галиева, носит синкретический характер [7; 8; 10]. Правомерное поведение личности обеспечивается совместным влиянием права и морали, по существу совокупность воздействия всех социальных регуляторов. Оно, наряду с правом и моралью, обеспечивается также традициями, обычаями, этикой, корпоративными нормами, религиозными таинствами и т.д. В частности, Ф. Х. Галиев пишет: «В современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [9, с. 12].

Синкретизм правовой культуры ориентирует личность, по существу, на единство нравственно-правовых ценностей. Например, рассматривая право и мораль в социокультурной системе регуляции, широко известный отечественный специалист в области теории государства и права, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН Е. А. Лукашева справедливо пишет: «Мораль, как и другие компоненты социальной регуляции, возникает из социальной потребности в согласовании поведения индивида с интересами социального целого, в преодолении противоречий седлу интересами личности и общества. Мораль выступает как нормативное осознание такого рода противоречий, как ответ на эту социальную потребность, на вызовы развивающейся общности. Мораль значима не только для преодоления противоречий между личностью и обществом, но и для согласования межличностных контактов, урегулирования межличностного общения. Такой подход к оценке функции морали в обществе позволяет выявить ее "универсальный", "всепроникающий" характер».

И далее продолжает: «Действительно, моральное регулирование предстает в относительно чистом виде в сравнительно узкой сфере межличностного общения (дружба, любовь, взаимопомощь), хотя и здесь оно исторически никогда не действовало изолированно от религиозных норм, обычаев, традиций и т. п. Практически мы не может назвать ни одной сферы общественных отношений, в которой в "химически чистом" виде действовал бы тот или иной вид социальных норм. Взаимодействие социальных регуляторов неизбежно в любой области жизнедеятельности людей. Однако, выделяя относительно самостоятельное поле действия моральных норм, мы не должны забывать о важнейшем их свойстве – универсальности, способности проникать в самые различные сферы общественных отношений, в том числе пра-

вовые, политические и др. И это понятно, так как моральные нормы ориентированы на категории добра, чести, совести, долга, достоинства, личной ответственности и т. д.» [16, с. 313; 14, с. 283].

Здесь, по существу, идет речь о тех категориях, которые определяют наши отечественные духовно-нравственные ценности. Эти категории «в той или иной цивилизационной интерпретации выступают в качестве критерия оценки поведения людей во всех сферах их деятельности». Мораль отличает такое свойство, как «способность незримо проникать, пронизывать самые различные социальные отношения, окрашивая их в различные тона с помощью оценок, ориентации, императивов». На данное свойство морали обращают внимание многие представители этической и юридической науки [16, с. 313–314].

Процесс ценностного синтеза и становления единых нравственно-правовых ценностей, основанных на истинных духовных традициях, был продолжен спустя шесть веков после возникновения христианства в пространстве исламской религиозности и культуры. При всем различии романо-германской и исламской систем права их общая ориентация на духовные ценности обуславливает возможность соразмерности правовой культуры мусульман и христиан, что особенно значимо для многонационального и поликультурного Российского государства. Как справедливо отмечают профессора Р. Ф. Исмагилов и В. П. Сальников, «мусульманская правовая культура ориентирована на обеспечение социальной справедливости, на борьбу с коррупцией и на защиту прав уязвимых слоев населения. Ее ценности формируют основу для развития гражданского общества, в котором все граждане, независимо от вероисповедания, могут чувствовать себя защищенными и участвовать в политической жизни страны…» [22, с. 270–271].

Попытка в Новое время построить секулярную модель права и государства в рамках конвенциональной парадигмы правового мышления не могла увенчаться успехом без обоснования ее в той или иной системе аксиологического измерения права. Т. Гоббс пытался решить эту задачу, связав право с моралью в единстве естественного закона. Однако поскольку последний понимался только как результат общественного договора и тем самым абсолютное начало бытия выносилось за его пределы, постольку и ценностное начало права могло быть только относительным, но не абсолютным. Реакцией на эту ограниченность стало творчество немецких классиков И. Канта, И. Г. Фихте и Г.В. Ф. Гегеля, которые стремились, с одной стороны, развивать учение об абсолютном начале права и морали, а с другой – преодолеть механицизм прежней метафизики за счет инкорпорации в систему правового мышления принципов историзма [11, с. 182–160].

Этот подход был положен в основу классических концепций русской философии права таких мыслителей, как Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, И. В. Михайловский, Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин и др. [32, с. 199–201]. Политико-правовые идеи этих правоведов представляли собой проекцию их религиозно-философских и этических концепций на правовую сферу жизни общества. В них выражалось неприятие отрыва права от его ценностных основ, который был теоретически обоснован юридическим позитивизмом и являлся, с точки зрения этих мыслителей, частным следствием общей нравственной дезорганизации общества, вызванной господством в умах европейской интеллектуальной элиты идей богостроительства. Подчеркивалась внутренняя связь между нарастанием дегуманизации капиталистического общества, с одной стороны, и эволюцией европейской политико-правовой доктрины к защите правового этатизма, с другой стороны. Русские правоведы вполне адекватно уловили эту тенденцию к размыванию аксиологических основ западного общества, которой они противопоставили идеалы русской философии права – философии веры и нравственности [27].

Дегуманизация западного общества вполне очевидно явила себя в нацизме середины прошлого века с его попранием любых прав человека, включая право на жизнь и с отрицанием самого института права, который заменялся насилием, практикой массовых внесудебных расправ и организацией геноцида. С распадом системы двухполярного мира кризис ценностных основ западного общества все более нарастал, что привело к прямой поддержке коллективным Западом неонацистского режима на территории бывшей УССР, к провоцированию кровавых боестолкновений на Ближнем Востоке, к почти неприкрытой замене христианских ценностей антиценностями сатанизма [3]. Об этом прямо говорил Святейший Патриарх Кирилл: «Если главной идеей секуляр-

ного гуманизма являлось признание высшей ценностью человека самого по себе, вне его связи с Богом, то фундаментом – осознанным или нет – идей трансгуманизма является расчеловечивание» [12].

В этом же контексте Святейший Патриарх оценивает и перспективы искусственного интеллекта, в стихийном развитии которого он даже видит угрозу существованию человечества. «Одно из самых серьезных испытаний современности – так называемый технологический прорыв, который, принося многие блага, одновременно порождает и новые опасности, – говорил Патриарх на собрании духовенства Московской митрополии в зале церковных соборов храма Христа Спасителя. – Мы еще до конца не осознаем опасность бесконтрольного развития искусственного интеллекта. Некоторые отмахиваются – мол, меня это не касается. Но это апокалиптическая тема, потому что искусственный интеллект будет непременно сильнее интеллекта человеческого. Если он будет создан, он будет сам себя воспроизводить, и эта машина будет сильнее, чем человеческий мозг. Появление искусственного интеллекта, который способен заменить человеческий интеллект, человеческую душу, человеческую совесть, человеческую нравственность, думаю, станет самым опасным моментом в развитии цивилизации, которая непременно устремится к концу своего существования» [13]. Эта опасность станет тем более значительной, если развитие искусственного интеллекта возьмут под свой контроль люди из «списка Эпштейна», а наша страна не сумеет занять здесь позиции лидерства.

Основным содержанием дегуманизации общества, культуры, права в странах Запада является все более открытое, все более отчетливо проявляющее себя отрицание собственно человеческого начала в человеке, его своего рода «расчеловечение». Это явно проявляется в философии, а теперь уже и в практике трансгуманизма; проявляется в стремлении поставить общество под тотальный контроль искусственного интеллекта, действующего в интересах группы миллиардеров-технократов, что прямо заявляется, например, Питером Тилем, сооснователем группы «Палантир», которая сегодня активно поддерживает своими технологиями террористическую деятельность Вооружённых сил Украины; проявляется в утверждении представителей так называемой объектно ориентированной онтологии о том, что человек является тупиковой веткой эволюции природы.

В этих условиях важно не только дистанцироваться от влияния этих антиценностей на российское общество, но и с максимальной определенностью указать на связь правовых основ Российской Федерации с политико-правовыми традициями [33; 34; 35; 36], правовой культурой [26; 30; 32] и правосознанием [5; 6; 15; 23] ее коренных народов. Духовно-нравственные традиции русского народа определялись православием, для которого человек, созданный по образу и подобию Бога, является центром мироздания, а идеалом – Сам Богочеловек. Гуманистическое, человекоориентированное, мировоззрение задают и другие, традиционные религии народов России: ислам, буддизм, иудаизм. По мере того, как Россия в течение ближайших десятилетий будет формироваться в качестве государства-цивилизации, она будет обнаруживать себя именно «цивилизацией человека», противостоящей разрушительным тенденциям, идущим от «расчеловеченного» Запада. При этом, по мысли академика А. Н. Савенкова, русская идея будет создавать «смысловой концепт в истории философии права» [28, с. 481–507].

Поэтому сегодня для российского общества и государства особенно важно эксплицировать ценностную природу права, которая производна от идеалов абсолютного добра, свободы и гуманизма [4; 17; 19]. Самый значительный шаг в этом направлении за последние годы был отмечен конституционной реформой 2020 года в результате одобрения поправок в российскую Конституцию путем всенародного голосования. «Впервые Основной Закон, дающий легитимность всем правовым нормам, обеспечивает защиту не только прав личности, но также социально-нравственных и социально-правовых ценностей: веры, семьи, нравственных традиций, истории народа. А значит, эти и другие фундаментальные для общества традиционные ценности не просто декларируются на уровне Основного Закона, что, конечно же, само по себе немаловажно. Но, по сути, проявляется и юридически закрепляется их значение как действительного основания права и фундамента российской государства, а государственный суверенитет понимается как одна из важнейших ценностей нашего общества» [25, с. 6].

Представляется, что с аксиологизацией Конституции Российской Федерации и

всей ее правовой системой тесно связан Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Его можно рассматривать как продолжение процесса развития российского права, которое имеет своим содержанием именно экспликацию его ценностного потенциала. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом, к традиционным ценностям отнесены: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

В «Основах…» говорится и об источнике основой угрозы для системы традиционных духовно-нравственных ценностей народов России: «… традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» [2; 1; 37, с. 153–188].

Заключение

Ответом на исторические вызовы бытию Российского государства стало усиление роли ценностных начал в жизни российского общества и аксиологизация права, в том числе и на конституционном уровне. Только приверженность традиционным ценностям позволит сохраниться российскому обществу, сохраниться русскому народу, сохраниться России как единому государству, в основе суверенитета которого лежит общественное согласие относительно духовно-нравственных традиций народа.

Хочется верить, что реформа 2020 года – это только начало масштабного процесса аксиологизации российского права [29, с. 227–237]. Именно этот процесс уже способствует и будет способствовать в дальнейшем закреплению в общественном правосознании представлений о ценности права как социального института, а также о ценности его норм, в особенности тех, которые напрямую призваны обеспечить права гражданина Российской Федерации, четко определить общие для всех граждан обязанности, защитить духовное наследие народов нашей страны. Последовательное решение этой задачи будет постепенно переносить центр тяжести в обеспечении законности из области государственного регулирования в сферу правового саморегулирования граждан. Это не быстрый процесс, но именно он со временем создаст максимально надежные механизмы воспроизводства общественного правопорядка.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 6250.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Багдасарян В. Э. Исторический генезис антихристианства на современном западе: сатанизм западных элит как политическая реальность / В. Э. Багдасарян, С. П. Лукашенко // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 22–39.

4. Ващенко А. Н. Идея абсолютного добра в учении о человеке Ф. М. Достоевского / А. Н. Ващенко, В. П. Сальников, И. В. Бердников // Modernity: человек и культура: сборник материалов XXV научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Егоров. СПб. : РХГА, 2023. С. 66–70.

5. Воробьев А. О. Суверенитет государства и личности: к вопросу о роли правосознания / А. О. Воробьев, В. П. Сальников // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 5–13.
6. Вострокнутов В. А. Мифологический компонент в правосознании современного общества: монография / В. А. Вострокнутов, А. И. Клименко. М. : Проспект, 2025. 168 с.
7. Галиев Ф. Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1352–1356.
8. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 336–341.
9. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Галиев Фарит Хатипович. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. 55 с.
10. Галиев Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры: монография. Уфа: БашГУ, 2011. 354 с.
11. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с.
12. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (22 декабря 2022 года) // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/ (дата обращения: 08.03.2026 г.)
13. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на собрании духовенства Московской митрополии (12 февраля 2026 г.) // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/ (дата обращения: 23.04.2026 г.).
14. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М. : Наука, 1974. 388 с.
15. Дроздова А. М. Правосознание личности в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития / А. М. Дроздова, В. С. Комаров, Т. Л. Комарова [и др.] // Теория государства и права. 2024. № 2–1. С. 43–58.
16. Е. А. Лукашева. Первая женщина-юрист, избранная в Российскую академию наук / отв. ред. А. Н. Савенков. М. : ИГП РАН, 2025. 432 с.
17. Захарцев С. И. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1. С. 4–7.
18. Зорина Н. В. Идея свободы в христианской патристике и ее влияние на классическую философию права / Н. В. Зорина, В. П. Сальников, Д. В. Масленников // Теория государства и права. 2025. № 2 (43). С. 44–61.
19. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / под ред. д-ра юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Анапских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
20. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : АСТ, 2024. 384 с.
21. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 2. Кн. 2. М. : Русская книга, 1993. 479 с.
22. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2025. 552 с.
23. Малахов В. П. Правосознание: природа, содержание, логика: монография. М. : МА МВД России, 2001. 385 с.
24. Платон. Сочинения в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. Т. 3 (1). М. : Мысль, 1971. 678 с.
25. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 423 с.
26. Ромашов Р. А. Правовая культура: ценностный аспект / Р. А. Ромашов, А. Г. Тищенко // Правовая культура. Научный журнал. 2006. № 1. С. 7–10.
27. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов [и др.]; автор и руководитель проекта – академик В. П. Сальников. СПб. : Алетейя, 1997. 399 с.
28. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М. : Наука, 2024. 739 с.
29. Сальников В. П. Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно практической

конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 227–238. в. сб. 310 с.

30. Сальников В. П. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70–86.

31. Сальников В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 187–189.

32. Сальников В. П. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.

33. Сальников М. В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2004. № 3 (23). С. 20–22.

34. Сальников М. В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 27–44.

35. Сальников М. В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: монография. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 203 с.

36. Сальников М. В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. 2013. № 9. С. 62–81.

37. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 418 с.

38. Фролова Е. А. Право: онтология, гносеология, аксиология. М. : Московский университет, 2025. 254 с.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 19.08.2024 g. № 702 «Ob okazanii gumanitarnoy podderzhki litsam, razdelyayushchim traditsionnyye rossiyskiye dukhovno-nravstvennyye tsennosti» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2024. № 35 St. 6250. (In Russ.).

2. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2022. № 46. St. 7977. (In Russ.).

3. Bagdasaryan V. E. Historical Genesis of Anti-Christianity in the Modern West: Satanism of Western Elites as a Political Reality / V. E. Bagdasaryan, S. P. Lukashenko // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2024;3: 22–39. (In Russ.).

4. Vashchenko A. N. The Idea of Absolute Good in Dostoevsky's Theory of Man / A. N. Vashchenko, V. P. Sal'nikov, I. V. Berdnikov // Modernity: chelovek i kul'tura: Sbornik materialov XXV nauchno-prakticheskoy konferentsii / Otv. red. V. A. Yegorov. SPb.: RKHGA, 2023. S. 66–70. (In Russ.).

5. Vorob'yev A. O. Sovereignty of the State and the Individual: On the Role of Legal Awareness / A. O. Vorob'yev, V. P. Sal'nikov // Vestnik Voyennoy akademii voysk natsional'noy gvardii. 2025;3 (32): 5–13. (In Russ.).

6. Vostroknutov V. A. Mifologicheskiy komponent v pravosoznanii sovremennogo obshchestva: monografiya / V. A. Vostroknutov, A. I. Klimenko. M.: Prospekt, 2025. 168 s. (In Russ.).

7. Galiyev F.Kh. The Impact of Law on Social Relations and Syncretism of Legal Culture // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2013. Tom 18;4: 1352–1356. (In Russ.).

8. Galiyev F.Kh. Syncretism of Legal Culture and Optimization of Social Relations // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2014. Tom 19; 1: 336–341. (In Russ.).

9. Galiyev F. Kh. Sinkretizm pravovoy kul'tury sovremennoy Rossii: teoretiko-metodologicheskoye i istoriko-prikladnoye issledovaniye: Avtoref. dis. … dokt. yurid. nauk: 12.00.01 / Galiyev Farit Khatipovich. M.: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2014. 55 s. (In Russ.).

10. Galiyev F. Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury: Monografiya. Ufa: BashGU, 2011. 354 s. (In Russ.).

11. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye. V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ.).

12. Doklad Svyateyshego Patriarkha Kirilla na Yeparkhial'nom sobranii g. Moskvy (22 dekabrya 2022 goda) // Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata. Available from: http://www.patriarchia.ru/ (data obrashcheniya: 08.03.2026 g.) (In Russ.).
13. Doklad Svyateyshego Patriarkha Kirilla na sobranii dukhovenstva Moskovskoy mitropolii (12 fevralya 2026 g.) // Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata. Available from: http://www.patriarchia.ru/ (data obrashcheniya: 23.04.2026 g.). (In Russ.).
14. Drobnitskiy O. G. Ponyatiye morali. M.: Nauka, 1974. 388 s. (In Russ.).
15. Drozdova A. M. Pravosoznaniye lichnosti v usloviyakh informatizatsii i tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva v interesakh ustoychivogo razvitiya / A. M. Drozdova, V. S. Komarov, T. L. Komarova [i dr.] // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;2–1. S. 43–58. (In Russ.).
16. Ye.A. Lukasheva. Pervaya zhenshchina-yurist, izbrannaya v Rossiyskuyu akademiyu nauk / Ruk. proyekta i otv. red. A. N. Savenkov. M.: IGP RAN, 2025. 432 s. (In Russ.).
17. Zakhartsev S. I. Freedom as the Concreteness of the Idea of Absolute Good in Dostoevsky's Philosophy of Law / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // Monitoring pravoprimeneniya. 2020;1: 4–7. (In Russ.).
18. Zorina N. V. The Idea of Freedom in Christian Patristics and Its Influence on Classical Philosophy of Law / N. V. Zorina, V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2 (43): 44–61. (In Russ.).
19. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava): Monografiya / Pod red. dokt. yurid. nauk S. I. Zakhartseva; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2020. 288 s. (In Russ.).
20. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. M.: AST, 2024. 384 s. (In Russ.).
21. Il'in I. A. Sobraniye sochineniy. T. 2. Kn. 2. M.: Russkaya kniga, 1993. 479 s. (In Russ.).
22. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskiye i dukhovnyye predposylki yeye suverennosti / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb.: Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).
23. Malakhov V. P. Pravosoznaniye: priroda, soderzhaniye, logika: monografiya. M.: MA MVD Rossii, 2001. 385 s. (In Russ.).
24. Platon. Sochineniya v 3 t. / pod obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa; per. s drevnegrech. Tom 3 (1). M.: Mysl', 1971. 678 s. (In Russ.).
25. Politiko-pravovoye upravleniye i ugrozy suverenitetu gosudarstva: Monografiya / M.Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 423 s. (Nauchnaya mysl'). (In Russ.).
26. Romashov R. A. Legal culture: value aspect / R. A. Romashov, A. G. Tishchenko // Pravovaya kul'tura. Nauchnyy zhurnal. 2006;1: 7–10. (In Russ.).
27. Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i nravstvennosti: Antologiya / Sostaviteli A. P. Al'bov, D. V. Maslennikov, A. I. Chislov [i dr.]; avtor i rukovoditel' proyekta akademik V. P. Sal'nikov. SPb.: Aleteyya, 1997. 399 s. (In Russ.).
28. Savenkov A. N. Filosofiya prava i stanovleniye rossiyskogo gosudarstva-tsivilizatsii: monografiya. M.: Nauka, 2024. 739 s. (In Russ.).
29. Sal'nikov V. P. Constitutional Reform as the Implementation of the Value Consensus of Society / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Popravki k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i perspektivy razvitiya regional'nogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 24 marta 2021 g.) / Otv. red. N. V. Yamaletdinova. Ufa: RITS BashGU, 2021. S. 227–238. V. sb. 310 s. (In Russ.).
30. Sal'nikov V P. Legal Culture and Political and Legal Traditions in the Context of Absolute Values / V. P. Sal'nikov, M. V. Sal'nikov // Yuridicheskaya mysl'. 2014;4 (84): 70–86. (In Russ.).
31. Sal'nikov V. P. Legal Culture as a Factor in Stabilizing Modern Russian Society// Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2001;1: 187–189. (In Russ.).
32. Sal'nikov V. P. Theoretical and Spiritual-Moral Prerequisites for the True Sovereignty of the Philosophy of Law of Russia / V. P. Sal'nikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [i dr.] // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;3 (38) : 196–211. (In Russ.).
33. Sal'nikov M. V. Domestic Political and Legal Tradition: Geopolitical, Economic, and Socio-Cultural Determinants // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2004;3 (23): 20–22. (In Russ.).
34. Sal'nikov M. V. Domestic Political and Legal Tradition: Factors Determining Originality // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2013;10: 27–44. (In Russ.).
35. Sal'nikov M. V. Politiko-pravovaya traditsiya Rossii: genezis i evolyutsiya: Monografiya. SPb.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2004. 203 s. (In Russ.).
36. Sal'nikov M. V. Evolution of the Domestic Political and Legal Tradition: Some Problems of the Relationship between Static and Dynamic Principles // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2013;9: 62–81. (In Russ.).

37. Filosofsko-pravovoye poznaniye: aktual'nyye problemy: monografiya / Ye.V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, M.Yu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s.(Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004 (In Russ.).
38. Frolova Ye.A. Pravo: ontologiya, gnoseologiya, aksiologiya. M. : Moskovskiy universitet, 2025. 254 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026;
одобрена после рецензирования 20.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Law), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 29.04.2026;
approved after reviewing 20.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 340

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО НА ЕДИНОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ВЫПЛАТУ ДЛЯ МНОГОДЕТНЫХ СОТРУДНИКОВ: ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Андрей Юрьевич Кийко[1], Светлана Анатольевна Кудина[2]
[1, 2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] kiykoau@rosguard.gov.ru
[2] k.svetlanna@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации преимущественного права многодетных сотрудников и пенсионеров правоохранительных органов и войск национальной гвардии на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. Несмотря на социальную значимость данной гарантии, правоприменительная практика характеризуется наличием серьезных коллизий, обусловленных межотраслевой дифференциацией понятия «члены семьи» и не единообразным толкованием норм Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: единовременная социальная выплата, многодетные семьи, преимущественное право, войска национальной гвардии, сотрудники органов внутренних дел, члены семьи, совершеннолетние дети

Для цитирования: Кийко А.Ю., Кудина С.А. Преимущественное право на единовременную социальную выплату для многодетных сотрудников: правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации и ее значение // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 15–24. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/002.pdf.

Original article

THE PRIORITY RIGHT TO A ONE-TIME SOCIAL PAYMENT FOR EMPLOYEES WITH MANY CHILDREN: THE LEGAL POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SIGNIFICANCE

Andrey Yu. Kiiko[1], Svetlana A. Kudina[2]
[1, 2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] kiykoau@rosguard.gov.ru
[2] k.svetlanna@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of implementing the preferential right of large-family employees and pensioners of law enforcement agencies and the National Guard to receive a one-time social payment for the purchase or construction of a residential building. Despite the social significance of this guarantee, the law enforcement practice is characterized by serious conflicts caused by the intersectoral differentiation of the concept of "family members" and the inconsistent interpretation of the Federal Law of July 19, 2011 No. 247-FZ "On Social Guarantees for Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation".

Keywords: one-time social payment, large families, preferential right, National Guard troops, internal affairs officers, family members, adult children

For citation: Kiiko A.Yu., Kudina S.A. The priority right to a one-time social payment for employees with many children: the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation and its significance. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 15–24. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/002.pdf.

© Кийко А.Ю., Кудина С.А., 2026

Введение

Обеспечение жильем отдельных категорий государственных служащих и лиц, проходивших службу в правоохранительных органах и войсках национальной гвардии, остается одним из наиболее социально значимых направлений государственной политики. Важным инструментом такой поддержки выступает единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения, предусмотренная Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ)[1].

Особую актуальность в современных условиях приобретает регулирование преимущественного права на получение указанной выплаты для многодетных сотрудников и уволенных со службы лиц, имеющих трех и более детей. Данная категория граждан объективно нуждается в повышенной социальной защите, поскольку многодетность сопряжена с дополнительными жилищными потребностями и финансовыми обременениями. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о наличии серьезных коллизий и неопределенностей в толковании норм, регламентирующих преимущественное право, что порождает многочисленные судебные споры и нарушает права добросовестных приобретателей социальной гарантии.

Цель настоящего исследования – на основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных источников выявить проблемы реализации преимущественного права многодетных сотрудников на единовременную социальную выплату и предложить пути их решения.

Методология исследования

Материалами исследования послужили научные труды в области гражданского, семейного и военного права, нормативные правовые акты Российской Федерации, судебная практика. Методологическую основу составили общенаучные (диалектический, анализа и синтеза, системно-структурный) и частно-научные методы: формально-юридический (при анализе норм Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ), сравнительно-правовой (при сопоставлении подходов различных ведомств), метод судебно-статистического анализа (при обобщении правоприменительной практики), а также метод телеологического (целевого) толкования.

Основные положения

Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ закрепляет равные жилищные гарантии для сотрудников органов внутренних дел и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации (имеющих специальные звания полиции) (далее – сотрудник)[2].

В рамках действующего правового регулирования для возникновения права на получение единовременной социальной выплаты сотруднику войск национальной гвардии Российской Федерации необходимо одновременное соблюдение следующих юридически значимых условий:

– наличие стажа службы продолжительностью не менее 10 лет в календарном исчислении;

– документально подтвержденная нуждаемость в жилом помещении по основаниям, перечисленным в ч. 2 ст. 4 Федеральном законе от 19.07.2011 № 247 ФЗ (отсутствие жилья, обеспеченность ниже учетной нормы, проживание в помещении, не отвечающем установленным требованиям и др.);

– отсутствие фактов умышленного ухудшения жилищных условий со стороны сотрудника и совместно проживающих с ним членов семьи [1; 2; 3].

Однако темпы предоставления выплат остаются крайне низкими. Согласно информации, размещенной на официальном сайте МВД России, в настоящее время единовременная социальная выплата предоставлена сотрудникам, принятым на

[1] Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (Ч. I). Ст. 4595.

[2] Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (Ч. I). Ст. 4160.

учет в 2012 году, а также сотрудникам, имеющим преимущественное право, принятым на учет по 12 августа 2013 года. с датами постановки на учет по 12 августа 2013 года[3]. Таким образом, лица, поставленные на учет в 2013 году, ожидают своей очереди более 12 лет.

Обсуждение

Важное значение для правильного применения указанных норм имеет определение круга лиц, признаваемых членами семьи сотрудника. Согласно ч. 2 ст. 1 Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ, к ним отнесены: супруг(а); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения этого возраста; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме; лица, находящиеся на полном содержании сотрудника; иные иждивенцы.

Особую категорию получателей социальной выплаты составляют многодетные сотрудники и граждане, уволенные со службы с правом на пенсию. Часть 10 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (введена Федеральным законом от 23 ноября 2015 г. № 315-ФЗ[4]) устанавливает, что сотрудники и граждане Российской Федерации, уволенные со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях и имеющие трех и более детей, проживающих совместно с ними, пользуются преимущественным правом на получение единовременной социальной выплаты в текущем году по сравнению с иными лицами, принятыми на учет в том же году. Аналогичное правило воспроизведено в абз. 2 п. 31 Правил предоставления единовременной социальной выплаты, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223[5].

Определяющее значение имеет целевая направленность данной нормы, введение которой было продиктовано государственной политикой по усилению социальной защиты многодетных семей и созданию условий для реализации их жилищных потребностей. Целевое (телеологическое) толкование требует при определении круга лиц, дающих право на преимущество, исходить из фактического состава семьи и ее нуждаемости, а не из формальных возрастных ограничений, содержащихся в иных нормах закона (например, в ч. 2 ст. 1 Федеральный закон от 19 июля 2011 № 247 ФЗ), если это противоречит социальной сущности льготы.

Проведенный анализ правоприменительной практики выявил, что ключевая коллизия при реализации преимущественного права многодетных сотрудников обусловлена не только пробелами в законодательстве, но и более глубокой теоретической проблемой – межотраслевой дифференциацией понятия «члены семьи». Каждая отрасль права (семейное, жилищное, право социального обеспечения) вкладывает в этот термин собственное содержание, что создает методологические сложности при применении норм, имеющих межотраслевой характер [4, 5, 6].

Как справедливо отмечает О. О. Небратенко, категория «члены семьи» в жилищном и социально-обеспечительном законодательстве имеет собственную специфику, не совпадающую с аналогичными понятиями в семейном или гражданском праве [7]. В семейном праве понятие «члены семьи» традиционно связывается с наличием родства или свойства, акцент сделан на взаимных правах и обязанностях супругов, родителей и детей, включая алиментные обязательства, при этом совместное проживание не

[3] Единовременная социальная выплата // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. М., 2026. URL: https://мвд.рф/есв (дата обращения: 26.03.2026).

[4] Федеральный закон от 23 ноября 2015 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 20 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 48 (Ч. I). Ст. 6724.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 3. Ст. 430.

является обязательным признаком[6]. В жилищном праве, напротив, ключевым критерием выступает совместное проживание и ведение общего хозяйства, что позволяет включать в состав семьи не только родственников, но и иных лиц, вселенных в качестве членов семьи[7]. Право социального обеспечения формирует собственный, автономный подход к определению круга членов семьи, что обусловлено его целевой направленностью - предоставлением материальной поддержки лицам, нуждающимся в ней в силу особых жизненных обстоятельств, в связи с чем определяющее значение приобретает критерий нуждаемости, который, как обоснованно отмечается в учебной литературе, лежит в основе предоставления большинства социальных выплат и льгот, поскольку социальное обеспечение призвано поддерживать лиц, объективно неспособных обеспечить себе достойный уровень жизни самостоятельно [8].

Нуждаемость как правовая категория имеет сложную структуру и включает материальный аспект (отсутствие дохода, достаточного для удовлетворения основных потребностей), жилищный аспект (отсутствие жилого помещения либо обеспеченность ниже учетной нормы) и социальный аспект (наличие иждивенцев, особых жизненных обстоятельств). Применительно к жилищным гарантиям сотрудников правоохранительных органов критерий нуждаемости конкретизирован в ч. 2 ст. 4 Федеральный закон от 19 июля 2011 № 247-ФЗ, где перечислены основания признания нуждающимся в жилом помещении. Важно подчеркнуть, что нуждаемость оценивается применительно ко всей семье в целом, а не к отдельному сотруднику [9; 10].

Изложенное понимание имеет принципиальное значение для разрешения коллизии, составляющей предмет настоящего исследования. Закрытый перечень членов семьи, установленный ч. 2 ст. 1 Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ, не может быть автоматически распространен на специальную норму ч. 10 ст. 4 того же Закона, поскольку последняя имеет собственную целевую направленность – поддержку многодетных семей. Как верно указывает Ю. А. Канаева, «при коллизии общих и специальных норм приоритет должны иметь специальные правила, учитывающие особый статус получателей» [11, с. 142].

При этом условие совместного проживания порождает вопросы в ситуациях, когда совершеннолетние дети (в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме) временно отсутствуют по месту жительства родителей в связи с обучением в другом населенном пункте, прохождением военной службы по призыву, нахождением в длительной командировке и т. п. Для разрешения этой неопределенности обоснованно применять по аналогии положения жилищного законодательства. Согласно ч. 2 ст. 69 Жилищного кодекса Российской Федерации, члены семьи нанимателя имеют равные права и обязанности, а временное отсутствие кого-либо из них не влечет изменения их прав. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 02 июля 2009 г. № 14 разъяснил, что временное отсутствие (в связи с обучением, работой, лечением и т. п.) само по себе не может служить основанием для признания гражданина утратившим право пользования жилым помещением[8]. То есть, для определения наличия у гражданина права состоять на учете нуждающихся в жилых помещениях существенное значение имеет оценка характера отсутствия по месту жительства его детей: если отсутствие носит временный характер (в связи с обучением, лечением, прохождением службы) и ребенок не приобрел самостоятельного права на иное жилое помещение, такое отсутствие не может служить основанием для признания его утратившим право пользования жильем и, соответственно, для исключения из состава семьи сотрудника при реализации жилищных прав.

Одним из наиболее острых вопросов правоприменения является квалификация действий многодетных сотрудников, связанных с регистрацией по месту жительства совершеннолетних детей (студентов, инвалидов), как намеренного ухудшения

[6] Статья 2 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[7] Статья 69 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 14.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02 июля 2009 г. № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 122.

жилищных условий с целью получения выплаты (ст. 53 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)). Жилищные комиссии нередко отказывают в постановке на учет либо исключают из списков льготников, ссылаясь на то, что вселение ребенка после достижения им 18 лет искусственно увеличивает состав семьи и создает нуждаемость. Однако такой подход противоречит как смыслу ст. 53 ЖК РФ, так и конституционным обязанностям родителей. Согласно ст. 53 ЖК РФ, намеренным ухудшением признаются действия, совершенные специально с целью приобретения права состоять на учете. Важно подчеркнуть: регистрация совершеннолетнего ребенка по месту жительства родителей сама по себе не является действием, направленным на ухудшение жилищных условий. Во-первых, родители обязаны заботиться о детях, в том числе обеспечивать их жильем (ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 60 ЖК РФ). Если ребенок фактически проживает с родителями (совместное питание, бюджет, уход), то его регистрация лишь подтверждает уже существующее положение и не создает искусственной нуждаемости. Во-вторых, судебная практика исходит из того, что для признания действий намеренным ухудшением необходимо установить специальную цель – создание искусственной нуждаемости. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что если вселение члена семьи произошло в связи с объективными обстоятельствами (достижение совершеннолетия, необходимость ухода, обучение), а не исключительно для создания нуждаемости, то такие действия не могут расцениваться как намеренное ухудшение. Применительно к многодетным семьям, где совершеннолетние дети часто продолжают жить с родителями в силу отсутствия собственного жилья и средств на его приобретение, отказ учитывать их при реализации преимущественного права под предлогом «намеренного ухудшения» противоречит конституционному принципу пропорциональности и справедливости (ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Отсутствие в Федеральном законе от 19.07.2011 № 247 ФЗ легальной дефиниции понятия «дети» применительно к преимущественному праву породило противоречивые подходы в деятельности жилищных комиссий и судов. В одних случаях комиссии исключали совершеннолетних детей из состава семьи для целей преимущественного права, основываясь на буквальном толковании ч. 2 ст. 1 Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ. В других – учитывали их при условии совместного проживания и сохранения нуждаемости. Такая ситуация, по справедливому замечанию Г. С. Черных, нарушает принцип равенства граждан перед законом и подрывает доверие к социальной политике государства [12, с. 174].

Аналогичные проблемы возникают и при применении законодательства о социальных гарантиях сотрудников других правоохранительных органов. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти»[9] содержит схожие нормы о преимущественном праве многодетных сотрудников ФСИН, ФССП, ГПС и таможенных органов. Ведомственные разъяснения и судебная практика по данным категориям дел также не всегда единообразны.

Исследователи отмечают, что в действующей редакции право сотрудника на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения реализуется не в полной мере [13], выделяя несколько недостатков в системе их жилищного обеспечения: отсутствие единообразного подхода к решению жилищных вопросов; противоречия между смежными нормативными актами; слабый контроль за исполнением законодательства, что ведёт к тому, что многие провозглашённые права остаются нереализованными [14; 15; 16; 17, 18].

Принципиальное значение для формирования единообразной практики применения ч. 10 ст. 4 Федерального закона № 247-ФЗ имеет определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2024 г. № 5-КГ24-57-К2. В рамках данного дела семья погибшего сотрудника Росгвардии, состоявшая из пяти человек (включая сына в возрасте старше 23 лет, обучавшегося по очной форме), была снята с учета на получение единовременной социальной выплаты. Основанием послужило исключение совершеннолетнего сына из состава семьи по достижении им 23 лет, что формально увеличило уровень обеспеченности оставшихся четырех членов семьи жильем (с 12,46 кв. м до 15,57 кв. м на человека) и, по мнению жилищной комиссии, устранило их нуждаемость. Су-

[9] Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7608.

ды трех инстанций признали такое решение законным, ограничившись буквальным толкованием ч. 2 ст. 1 Закона № 247-ФЗ, которая устанавливает закрытый перечень членов семьи сотрудника. При этом суды отвергли необходимость применения норм жилищного законодательства (ст. 31, 69 ЖК РФ), указав на приоритет специального закона.

Отменяя состоявшиеся судебные акты, Верховный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, имеющую фундаментальное значение. Коллегия указала, что определение уровня обеспеченности семьи жильем не может основываться исключительно на формальном составе семьи, предусмотренном специальным законом для расчета размера выплаты. При решении вопроса о наличии или отсутствии нуждаемости как основания для предоставления социальной гарантии необходимо учитывать фактические семейные отношения и предписания жилищного законодательства, которые не ставят статус члена семьи в зависимость от возраста. Достижение ребенком 23 лет само по себе не изменяет фактический состав семьи и не прекращает его нуждаемость в жилье, если он продолжает совместно проживать с родителями, вести с ними общее хозяйство и не приобрел самостоятельного права на иное жилое помещение. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации подтвердил приоритет принципа реальной нуждаемости семьи над формально-юридическими критериями, закрепленными в ведомственных актах. Данное решение служит важным ориентиром, обязывающим правоприменителей при оценке жилищных прав многодетных семей исходить из фактических обстоятельств, а не из механического применения возрастных ограничений.

Проведенное исследование преимущественного права многодетных сотрудников было бы неполным без сопоставительного анализа с жилищными гарантиями, предоставляемыми военнослужащим. Обращение к Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»[10] (далее – Федеральному закону от 27.05.1998 № 76-ФЗ), позволяет выявить более глубокие межведомственные различия и оценить необходимость унификации законодательства.

[10] Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

Анализ Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ и принятых в его исполнение подзаконных актов показывает, что прямого аналога ч. 10 ст. 4 Федеральный закон от 19.07.2011 № 247 ФЗ – преимущественного права многодетных военнослужащих на получение жилищной субсидии или иной формы жилищного обеспечения – в военном законодательстве не предусмотрено. Статья 15 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ, регулирующая право военнослужащих на жилище, устанавливает общие правила обеспечения жилыми помещениями, но не содержит специальных положений о приоритете многодетных семей при распределении жилищных субсидий или постановке на учет.

Возникает закономерный вопрос: чем объясняется отсутствие в Федеральном законе от 27.05.1998 № 76-ФЗ нормы, аналогичной ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 19.07.2011 № 247 ФЗ? Представляется, что это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, различиями в структуре жилищного обеспечения. Для военнослужащих приоритетным механизмом длительное время выступала накопительно-ипотечная система (НИС) [19, 20], которая по своей правовой природе не предполагает преимущественного права тех или иных категорий – участие в ней основано на единых для всех правилах. Для сотрудников ОВД и Росгвардии, напротив, основным инструментом остается единовременная социальная выплата, распределяемая в порядке очередности, что объективно требует установления льготных категорий. Во-вторых, особенностями правового статуса. Военнослужащие и сотрудники, несмотря на внешнее сходство, относятся к разным видам федеральной службы: первый – к военной службе, второй – к правоохранительной. Это предопределяет различия в подходах к социальному обеспечению. В-третьих, отсутствием единой концепции социальной поддержки многодетных в различных ведомствах. Исторически законодательство о социальных гарантиях развивалось ведомственно, что привело к фрагментарности. В результате многодетные семьи, имеющие сходные жилищные потребности, оказываются в неравном положении в зависимости от ведомственной принадлежности кормильца.

Результаты

Проведенное исследование подтверждает, что преимущественное право многодетных сотрудников на получение единовременной социальной выплаты, предусмотренное ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, остается востребованной, но проблемной гаранти-

ей. Несмотря на социальную значимость данной меры поддержки, ее реализация сопряжена с многочисленными коллизиями, обусловленными несовершенством нормативной базы и не единообразной правоприменительной практикой.

Основными причинами сложившейся ситуации выступают:

– межотраслевая дифференциация понятия «члены семьи» в семейном, жилищном праве и праве социального обеспечения;

– отсутствие в Законе № 247-ФЗ легальной дефиниции «дети» применительно к преимущественному праву;

– недостаточная согласованность ведомственных актов с федеральным законодательством (в частности, неполное приведение Правил № 1223 в соответствие с ч. 10 ст. 4 Закона № 247-ФЗ);

– необоснованное расширительное применение ст. 53 ЖК РФ (о намеренном ухудшении жилищных условий) к действиям, связанным с совместным проживанием совершеннолетних детей.

Сравнительный анализ с жилищным обеспечением военнослужащих выявил отсутствие в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ нормы, аналогичной ч. 10 ст. 4 Закона № 247-ФЗ. Многодетные семьи, имеющие сходные жилищные потребности, оказываются в неравном положении в зависимости от ведомственной принадлежности кормильца. Это свидетельствует о фрагментарности законодательства и отсутствии единой концепции социальной поддержки многодетных семей в силовых структурах.

Сложившаяся правовая неопределенность приводит к массовым судебным спорам, нарушает принцип равенства граждан перед законом, подрывает доверие к государственным гарантиям и снижает эффективность кадровой политики в правоохранительных органах и войсках национальной гвардии.

Заключение

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 29 июля 2024 г. № 5-КГ24-57-К2, имеет фундаментальное значение для единообразного применения ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанная позиция устраняет противоречия в судебной практике, подтверждает специальный характер названной нормы и её приоритет перед общими правилами о составе семьи, содержащимися в ч. 2 ст. 1 того же Закона. Тем самым закрепляется социальная направленность преимущественного права многодетных семей, соответствующая конституционным принципам справедливости, поддержки семьи (ст. 55 Конституции Российской Федерации) и правовой определённости.

Из сформулированного Верховным Судом подхода следует, что возраст детей сам по себе не может служить основанием для прекращения преимущественного права, если они продолжают совместно проживать с родителем, ведут с ним общее хозяйство и не утратили нуждаемости в жилом помещении. Временное отсутствие ребенка (в связи с обучением, лечением, прохождением военной службы, длительной командировкой и иными объективными обстоятельствами) не является безусловным основанием для исключения его из состава семьи при решении вопроса о предоставлении единовременной социальной выплаты, что согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в Постановлении от 2 июля 2009 г. № 14. Такой подход обеспечивает реальную, а не формальную реализацию жилищных гарантий многодетных сотрудников и пенсионеров, способствуя укреплению доверия к государственной социальной политике.

Список источников

1. Кудина С.А. Злоупотребление правом при получении социальных выплат: судебная практика и правовые последствия // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. М., 2026. С. 370–374.

2. Арутюнян М. С. Отдельные вопросы предоставления единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 2 (68). С. 33–38.

3. Кудина С. А. Намеренное ухудшение жилищных условий / С. А. Кудина, Е. В. Пономарева // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 67–69.

4. Николаева А. А. Защита прав детей при предоставлении единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения: актуальные проблемы // Молодежь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLIX региональной студенческой научно-практической конференции: в 3 ч. Омск, 2025. С. 177–181.

5. Кийко А. Ю. Проблемы определения круга членов семьи в контексте предоставления единовременной социальной выплаты сотрудникам Росгвардии: анализ судебных решений / А. Ю. Кийко, С. А. Кудина // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 22–30.

6. Белоглазова Н. Г. Проблемные вопросы предоставления сотрудникам МВД единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения // Юридический форум: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 75–78.

7. Небратенко О. О. Формирование судебной доктрины по вопросу предоставления сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации единовременной социальной выплаты для приобретения жилья // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 67–72.

8. Право социального обеспечения: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Р. А. Курбанов, Т. Э. Зульфугаргадзе, Н. Д. Эриашвили [и др.]; под ред. Р. А. Курбанова, К. К. Гасанова, С. И. Озоженко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 439 с.

9. Рыжов Д. Д. Проблемы получения права на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу / отв. ред. Н. Н. Ивашко. Новокузнецк, 2023. С. 108–112.

10. Кудина С. А. Правовое регулирование отношений по предоставлению и пользованию служебными жилыми помещениями // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 172–174.

11. Канаева Ю. А. К вопросу о проблемах нормативного правового регулирования единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 141–144.

12. Черных Г. С. Предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова. 2017. С. 173–177.

13. Синельников А. В. Проблемные вопросы предоставления сотрудникам УИС права на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, в 2 т. Воронеж, 2020. С. 133–135.

14. Строгович Ю. Н. О некоторых вопросах кадрового обеспечения как составной части ресурсного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 18–20.

15. Чуприн М. Г. Правовое регулирование, государственные гарантии сотрудников УИС на предоставление (улучшение) жилья: учебное пособие. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2017. 56 с.

16. Дербина О.В. О практике предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам уголовно-исполнительной системы // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 85–88.

17. Небратенко О. О. Судебная защита права сотрудников органов внутренних дел на получение единовременной социальной выплаты для приобретения жилого помещения // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 122–127.

18. Оруджев И. Э. Проблемы предоставления единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья / И. Э. Оруджев, О. В. Дербина // Государственное

управление и государственная служба: актуальные проблемы и пути совершенствования: сборник научных трудов. Вологда, 2021. С. 155–161.

19. Марков А. Ю. Военная ипотека как альтернатива единовременной социальной выплате для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам УИС // Социальные гарантии сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 37–40.

20. Трунова Е. Ю. Сущность накопительно-ипотечной системы и ее место в системе жилищного обеспечения военнослужащих / Е. Ю. Трунова, И. Д. Наумов // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 2. С. 86–90.

References

1. Kudina S.A. Zloupotreblenie pravom pri poluchenii social'nyh vyplat: sudebnaya praktika i pravovye posledstviya // Aktual'nye napravleniya razvitiya otraslej prava v usloviyah novoj real'nosti: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2026. S. 370–374. (In Russ.).

2. Arutyunyan M. S. Certain issues related to the provision of one-time social payments for the purchase or construction of housing for employees of internal affairs agencies // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015;2 (68): 33–38. (In Russ.).

3. Kudina S. A. Deliberate deterioration of housing conditions / S. A. Kudina, E. V. Ponomareva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019;3 (171): 67–69. (In Russ.).

4. Nikolaeva A. A. Zashchita prav detej pri predostavlenii edinovremennoj social'noj vyplaty na priobretenie ili stroitel'stvo zhilogo pomeshcheniya: aktual'nye problemy // Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnyh statej XLIX regional'noj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 3 ch. Omsk, 2025. S. 177–181. (In Russ.).

5. Kijko A. YU. Problems of Determining the Family Circle in the Context of Providing One-Time Social Benefits to Rosgvardia Employees: Analysis of Court Decisions / A. YU. Kijko, S. A. Kudina // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;1 (34): 22–30. (In Russ.).

6. Beloglazova N. G. Problemnye voprosy predostavleniya sotrudnikam MVD edinovremennoj social'noj vyplaty na priobretenie ili stroitel'stvo zhilogo pomeshcheniya // YUridicheskij forum: sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza, 2022. S. 75–78. (In Russ.).

7. Nebratenko O. O. Formation of the judicial doctrine on the provision of one-time social payments for housing to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Filosofiya prava. 2023;3 (106): 67–72. (In Russ.).

8. Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti «YUrisprudenciya» / R. A. Kurbanov, T. E. Zul'fugargadze, N. D. Eriashvili [i dr.]; pod red. R. A. Kurbanova, K. K. Gasanova, S. I. Ozozhenko. M. : YUNITI-DANA, 2017. 439 s. (In Russ.).

9. Ryzhov D. D. Problemy polucheniya prava na edinovremennuyu social'nuyu vyplatu dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya // Sbornik nauchnyh trudov pobeditelej i prizerov konkursov na luchshuyu nauchnuyu rabotu / otv. red. N. N. Ivashko. Novokuzneck, 2023. S. 108–112. (In Russ.).

10. Kudina S. A. Legal regulation of relations related to the provision and use of official residential premises // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017;8 (111): 172–174. (In Russ.).

11. Kanaeva YU. A. On the issue of regulatory legal regulation of one-time social payments for the purchase or construction of residential premises // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022;1: 141–144. (In Russ.).

12. CHernyh G. S. Predostavlenie edinovremennoj social'noj vyplaty dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya sotrudnikam organov vnutrennih del // Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya. Materialy Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. S. I. Suslova, A. P. Ushakova. 2017. S. 173–177. (In Russ.).

13. Sinel'nikov A. V. Problemnye voprosy predostavleniya sotrudnikam UIS prava na edinovremennuyu social'nuyu vyplatu dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya // Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenij UIS: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, v 2 t. Voronezh, 2020. S. 133–135. (In Russ.).

14. Strogovich YU. N. On certain issues of personnel support as an integral part of the resource support for the activities of the Russian Federation's penal system for the period up to 2030 // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2020;2: S. 18–20. (In Russ.).

15. CHuprin M. G. Pravovoe regulirovanie, gosudarstvennye garantii sotrudnikov UIS na predostavlenie (uluchshenie) zhil'ya: uchebnoe posobie. Tomsk: FKU DPO Tomskij IPKR FSIN Rossii, 2017. 56 s. (In Russ.).

16. Derbina O.V. O praktike predostavleniya edinovremennoj social'noj vyplaty dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya sotrudnikam ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // IV Mezhdunarodnyj

penitenciarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»: sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): v10 t. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2019. S. 85–88. (In Russ.).

17. Nebratenko O. O. Judicial protection of the right of internal affairs officers to receive a one-time social payment for the purchase of a residential premises // Filosofiya prava. 2022;4 (103): 122–127. (In Russ.).

18. Orudzhev I. E. Problemy predostavleniya edinovremennoj social'noj vyplaty na priobretenie ili stroitel'stvo zhil'ya / I. E. Orudzhev, O. V. Derbina // Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba: aktual'nye problemy i puti sovershenstvovaniya: sbornik nauchnyh trudov. Vologda, 2021. S. 155–161. (In Russ.).

19. Markov A. YU. Voennaya ipoteka kak al'ternativa edinovremennoj social'noj vyplate dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya sotrudnikam UIS // Social'nye garantii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. SPb., 2021. S. 37–40. (In Russ.).

20. Trunova E. YU. The essence of the accumulative mortgage system and its place in the housing system for military personnel / E. YU. Trunova, I. D. Naumov // Regional'naya i otraslevaya ekonomika. 2025;2: 86–90. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*
С. А. Кудина *– кандидат юридических наук*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026;
одобрена после рецензирования 14.03.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Law), Docent*
S. A. Kudina *– Candidate of Legal Sciences*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.01.2026;
approved after reviewing 14.03.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 34

«РУССКАЯ ПРАВДА» КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Виктор Иванович Ивакин
Российский новый университет, Москва, Россия
list.interneta@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье представленный свод законов, каким является «Русская Правда», впервые в истории отечественной юриспруденции рассматривается как литературное произведение. В связи с этим сформулировано понятие, выявлены и проанализированы признаки, позволяющие говорить о данной позиции. Среди них авторство, сюжет, композиция, художественный вымысел, использование прямой и оперирование терминами разговорной речи, сравнения, другие составляющие выше обозначенного явления. Анализ проведен также с точки зрения того, что названный памятник права есть важнейшая составная часть древнерусской литературы, включающий период XI–XVII веков, оказавший существенное влияние на дальнейшее развитие права и государства, включая подготовку нормативно-правовых актов в настоящее время.

Ключевые слова: «Русская Правда», литературное произведение, признаки, древнерусская литература, нормативно-правовые акты, ответственность

Для цитирования: Ивакин В.И. «Русская Правда» как литературное произведение: современные подходы, тенденции развития и ответственность // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 25–32. URL: http ://vestnik-academrg.ru/2026/06/003.pdf.

Original article

«RUSSIAN TRUTH» AS A LITERARY WORK: MODERN APPROACHES, DEVELOPMENT TRENDS AND RESPONSIBILITY

Viktor I. Ivakin
Russian New University, Moscow, Russia
list.interneta@yandex.ru

Abstract. In this article, the presented code of laws, which is the Russian Truth, is considered as a literary work for the first time in the history of Russian jurisprudence. In this regard, the concept is formulated, the signs that allow us to talk about this position are identified and analyzed. Among them are authorship, plot, composition, fiction, the use of direct and colloquial terms, comparisons, and other components of the above-mentioned phenomenon. The analysis is also carried out from the point of view that the named monument of law is the most important component of ancient Russian literature, including the period of the XI–XVII centuries, which had a significant impact on the further development of law and the state, including the preparation of normative legal acts at the present time.

Keywords: «Russian Truth», literary work, signs, ancient Russian literature, normative legal acts, responsibility

For citation: Ivakin V.I. «Russian Truth» as a literary work: modern approaches, development trends and responsibility. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 25–32. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/003.pdf.

© Ивакин В.И., 2026

Введение

В настоящее время у представителей отечественной юриспруденции отсутствует сомнение о том, что «Русская Правда» [1; 2] является одним из первых письменных источников российского законодательства

и кодификации, оказавшим огромное влияние на дальнейшее развитие государства и права, включая и подготовку нормативно-правовых актов в настоящее время, тем самым несущим ответственность за дальнейший ход развития событий. Кроме того, широко проанализированы роль и значение представленного документа в культуре, науке, в той же математике, другие моменты. В частности, впервые в истории русской литературы и указанной точной формальной научной дисциплины данным правовым актом в качестве показателей расчета были введены не только проценты, но и долги, штрафы и т. п. [3, с. 252]. До того такими позициями являлись тьма, означающая собой порядка десяти тысяч, легион – сто тысяч и т. д.

Основные положения

«Русскую Правду» открыл в 1737 году историк В. Н. Татищев [4], обнаруживший её в Новгородской первой летописи младшего извода, а названные летописные памятники, как известно, относят к литературным произведениям. При этом давно ведется спор, как и когда «Русская Правда» была помещена в текст вышеназванной I Летописи [5, с. 27]. По жанру последние являются сложной формой литературы, в отличие, например, от эпических форм, к которым относят, в частности, исторические хождения или аллегорические притчи. Обратимся непосредственно к указанной летописи: это огромный увесистый том размером примерно А4 издания 1950 года. Надпись названия гласит «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов» [6, с. 488–507]. С интересом, но не спеша листаем. Находим приложения, где на страницах 488–507 представлены Устав Великого князя Ярослава, Правда Русьская, именно так и написано: между двумя буквами «с» стоит мягкий знак.

И вот уже практически три столетия над «Русской Правдой» работают юристы, литературоведы, специалисты других отраслей знаний. Вместе с тем немного найдется лиц, возможно только единицы, рассматривающих демонстрируемый памятник юридических норм в качестве литературного произведения как части, важного источника древнерусской литературы, относящейся к периоду XI–XVII веков, где пределы верхней и нижней границ весьма условны, которую и хотелось бы на этот счет проанализировать. Дело в том, что если рассмотреть хронологию обозначенной письменности, то можно увидеть, что к литературе XI века специалисты без сомнения относят и описываемый источник, где значительной частью, причем весьма существенной, являлась Правда Ярослава (1016 или 1030-е годы), наряду, например, с таким произведением как Слово о законе и благодати митрополита Иллариона. Последняя включена поэтом Е. А. Евтушенко в 5-томную антологию «Десять веков русской поэзии» [7, С. 114–120], где ритм и рифма носили нерегулярный и условный характер и в которой, как отмечал академик Д. С. Лихачев, указанный религиозный деятель писал о равноправии народов, совершающих одно общее дело для человечества [8. С. 65], либо Мерило Праведное. В целом выделяют несколько редакций анализируемого документа, а именно Краткую, Пространную и Сокращенную Правду.

Пространная Правда, как констатировал в 1988 году известный специалист по обсуждаемому источнику профессор М. Б. Свердлов, написана «прекрасным литературным древнерусским языком без диалектизмов. Вместе с тем подчеркивал ученый, она является замечательным и еще не оцененным литературным произведением» [9, с. 402]. Прошло с того времени, а именно с констатации данного факта, уже почти четыре десятилетия, а воз, как говорится, и ныне там. Поэтому на описываемом моменте, а именно «Русская Правда» как литературное произведение, позиция, которую поддерживает, заметим, большинство историков, и хотелось бы для начала кратко остановиться. Вообще под литературным произведением в настоящей работе понимается не просто перечень всех издававшихся когда-либо письменных работ или написанных на камне, бересте, досках (например, Двенадцать таблиц), папирусе и подобных материальных носителях, а тексты высочайшего уровня, являющиеся неотъемлемой частью традиций изящного письма. Литературное произведение – это лучшее выражение лучших мыслей, доведенное до письменной формы, читаем в Британской энциклопедии. Хотя, конечно, здесь есть вопросы. Так, в Библии множество литературных факторов, и она написана великолепным литературным языком, но по большому счету, за исключением ряда писателей, её не считают литературным произведением, хотя как последние полагают, в ней, в частности, например, много фантастики. Вероятно, и «Русская Правда» в общепринятом художественном понимании не является литературным произведением. Но в связи с тем, что текст «Русской Правды» пред-

ставляет собой культурную ценность письменного порядка – это качество, в том числе, делает её таковым. Одновременно «Русская Правда» включается указанными представителями словесности в литературу, но как памятник литературы или литературный памятник, одновременно не являясь литературным произведением, что не совсем логично. В любом случае, «Русской Правде» необходимо воспринимать, подчеркивал Д. С. Лихачев, в общем контексте духовной, правовой и политической литературы Древней Руси [10, с. 9]. Обозначенная материя зиждется и на духовной литературе. Она оказала значительное влияние на вышеуказанную запись торжественной речи митрополита Иллариона и другие подобные сочинения. В то же время литература была и до «Русской Правды». Последняя показывает юридическую обстановку в тот период на Руси. Более того, как писал Н. М. Карамзин, «сей остаток древности подобный двенадцати доскам Рима, есть верное зерцало тогдашнего гражданского состояния России, и драгоценен для Истории» [11. С. 46]. В свою очередь, известный отечественный правовед С. В. Юшков отмечал огромное значение анализируемого источника непосредственно для истории русского литературного языка [12, с. 3; 13. с. 1]. При этом практически в каждой из статей «Русской Правды» имеется свой, как видится, особый подсюжет, показывающий ход событий, развитие действия, в совокупности представляющий собой в целом единый особый литературный сюжет, составляющий также признак разбираемого произведения, раскрывающий именно юридическую, с ней и политико-экономическую, а также социальную обстановку на Руси.

Однако анализируемый юридический документ не является художественным литературным произведением. Для художественной литературы характерен художественный вымысел, то есть отклонение от реального мира, что существенно отличает первую от всех других видов литературы, например, научной, деловой, медицинской, юридической, военной, спортивной или иной. Но в Пространной редакции «Русской Правды», составление которой относится к 1113–1132 гг., отдельные элементы художественности либо близкой к ней встречаются неоднократно. Так, в ст. 54 рассмотрена ответственность в случае крушения купеческого корабля, где находились чужие деньги. Однако констатирует закон, купец не виноват в том, что финансы пропали и его не надо наказывать. Тем не менее, если он добровольно начнет выплачивать за обозначенную пропажу собственникам погибших определенных сумм всеобщего эквивалента своего рода ежегодные долги, то пусть платит, несмотря на то, что кораблекрушение, как записано в цитируемой норме «это пагуба от Бога». Таким образом, считают некоторые специалисты, здесь налицо имеется вымысел, (нами для большей наглядности обозначенный в закавыченном словосочетании), что характерно для художественных произведений, которыми, по мнению представителей и работников, например, библиотечного дела, являются исключительно литература художественная, более того, в современных центрах культуры, связанных с книгой вообще нет такого понятия как литературное произведение и где фолианты делят с целью наилучшего использования на иные категории, по своеобразным критериям классификации. С другой стороны, не совсем понятно как тогда, спустя совсем небольшой для истории отрезок времени, а именно полтора столетия от Крещения Руси 988 года, воспринималось представленное явление, где также было широко распространено язычество. И не исключено, что одно из главных религиозных понятий оценивалось, как оценивается некоторыми и сейчас в форме реальной действительности.

Тем не менее в настоящее время произведениями, характерными для художественной литературы, выступают, в том числе романы, повести, рассказы, драмы, трагедии, пьесы, легенды, сатирические сочинения, составляющие так называемые прозу, а также поэмы, стихи, пусть даже короткие, иные тексты. «Русская Правда», не есть художественная с элементами развлекательности литература, но это литературное произведение, однако, с крайне специфическим форматом восприятия, не в традиционном современном понимании. С другой стороны, например, стихотворение «ФК «Нюрнберг», автор лауреат Нобелевской премии по литературе 2019 г. Петер Хандке, содержит исключительно имена футболистов названного клуба, в тексте нет даже никакой риторики или повествования. Вместе с тем его считают литературным произведением. Возможно, хотя с этим трудно согласиться, что недалеко от такой характеристики и один из известных фолиантов названного писателя роман «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», позже экранизирован-

ным, русский перевод 1972 года. В свою очередь, литературными произведениями следует считать статьи в энциклопедиях, словарях, а также такие научные работы, как, например, монографии, рецензии, статьи в соответствующих научных журналах, учебники и даже технические руководства и т. д., представляющих собой, следовательно, исследовательскую и техническую литературу.

Пространная Правда включена в перечень Древнерусской литературы сайта электронных публикаций Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук [20].

Не обошел вниманием искомый документ и наш великий лингвист, друг А. С. Пушкина, В. И. Даль [14, с. 329]. По перв. коренному значенъю, читаем в левой колонке указанного издания внизу на цитируемой странице составленного им словаря, правдой зовется судебник, свод законов, кодексъ. Далее тут же указано: «Русская Правда» и Правда Ярославлева, сборник узаконений, уставник. | посему же, *правда*, стар. право суда, власть судить, карать и миловать, судъ и расправа.

С анализируемым источником, как литературным произведением. можно познакомиться не только в библиотеках, научных учреждениях и Интернете. Так вовремя, когда посещаете книжный магазин в любой столице субъекта Российской Федерации, вероятно, практически всегда можно там найти прекрасно оформленные книги на аккуратно оформленных полочках с названием «Российская проза», где как в четком строю, будто перед военным парадом, находятся фолианты, в том числе, под рубрикой «Древнерусская литература» в серии «Эксклюзив: Русская классика», перевод с древнерусского. Вот перед нами один из томиков. В нем, как гласит аннотация, помещены жемчужины светской литературы русского Средневековья XII–XV веков. Поэтичная «Задонщина» и яростное «Сказание о Мамаевом побоище», душераздирающая «Повесть о разорении Рязани Батыем» и таинственное, полное литературных загадок и тайн «Слово о полку Игореве». В книге содержатся, кроме названных, далее читаем, иные литературные произведения, среди них также «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», «Житие Александра Невского», «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Русская Правда» в её пространной редакции [15, с. 13, 76–95]. Их веками, отмечается далее в аннотированной части источника, «переписывали вручную, читали, комментировали и обсуждали. Рукописи их горели вместе с усадьбами и монастырями, и отдельные копии уцелели лишь чудом – чтобы донести до нас не в сухом и равнодушном, а в ярком, эмоциональном художественном восприятии безымянных по большей части гениев русского слова и великую и драматичную историю Руси – с ее феодальными междоусобицами и сложными, неоднозначными отношениями с Великой степью, национальной трагедией монголо-татарского ига и великим национальным подъемом, позволившим это иго наконец сбросить. Произведения, в которых оживает прошлое Руси».

Итак, кроме двух вышеуказанных элементов, а именно культурной ценности и художественного вымысла, «Русская Правда» также обладает и иными признаками или особенностями, свойственными ей как литературному произведению. В связи с этим первоначально отметим, что «Русская Правда» в качестве одного из очерченных элементов имеет общую мысль, выраженную в охране общественного порядка и сохранении политического строя Древней Руси. Но в то же время вряд ли можно признать литературными произведениями, например, такие юридические документы как исковое заявление, договор-купли продажи, приговор суда, другие аналогичные акты, хотя отдельные представители, считают, что это все есть литературные произведения, с чем трудно, конечно, согласиться, но какие- то разумные зерна в данном предположении имеются. Во всяком случае названные источники движутся в этом направлении, а именно в траекторию литературы, в создании которых необходимо учитывать определенные закономерности и каноны, которым отвечает и по которым создается литературное произведение, поскольку под литературой в самом широком смысле этого слова можно рассматривать совокупность любых письменных, а даже некоторых других текстов.

Пространная Правда, как и любое новое литературное произведение, отличалось, без сомнения, новизной, поскольку для изучаемой эпохи это был весьма прогрессивный документ, новый, до того никогда не встречавшийся на Руси, что делает указанную особенность еще одним признаком рассматриваемого явления.

Имеется и композиция у обозначенного литературного произведения, представляющая собой взаимно логически соотнесенные единицы текста, которыми высту-

пают нормы закона. Данные позиции соответствующим образом расположены и сгруппированы, обеспечивая его единство и связь между элементами, при этом в них задействованы, в том числе, определенные речевые средства, а в целом структурно план текста, который начинается со своего рода введения или преамбулы, достаточно выверен.

Одним из важнейших признаков литературного произведения является *авторство*. Предполагается, что авторами «Русской Правды» в её краткой редакции (Древнейшая Правда) выступали князь Ярослав Мудрый. Затем ее дополнили его сыновья Ярославичи: Изяслав, Святослав и Всеволод, а также Владимир Мономах, которые раскрылись в ней как державники, выступая грамотнейшими, основательно знающими государство и право, специалистами, что характеризует их как уникальные личности и тем самым в определенном плане несущими ответственность за дальнейшее развитие обозначенной политической формы устройства общества и правил регулирования его общественных отношений. Вместе с тем в настоящее время, как и ранее, авторы-составители законов не защищены авторским правом, что дает оппонентам право не считать Пространную Правду литературным произведением. Но в принципе литературное произведение есть объект авторского права. В свою очередь нельзя не согласиться с А. А. Ушаковым, утверждающим – нормативный акт есть «своеобразное синтетическое, комплексное литературное произведение» [16, с. 57; 17, с. 18], при этом под последним, к слову, можно признать, например, Конституцию Российской Федерации или Уголовный кодекс Российской Федерации.

Следующим признаком рассматриваемого текста является *творческий характер* исследуемого литературного произведения, факт, который без сомнения здесь налицо, без данного качества составление фактически любого документа, а этого в особенности, невозможно.

Целостность и завершенность также важный признак любого, в том числе, анализируемого юридического источника. Но, с другой стороны, в него постоянно могли вноситься определенные изменения и дополнения. Такой подход не исключается и в художественных творениях, особенно, в объемных многотомных романах, когда тот или иной текст правится автором перед каждой очередной публикацией.

Наличие границ как один из признаков литературного произведения также, несомненно, свойственен «Русской Правде».

Литературное произведение – это, кроме того, письменный акт, обладающий или имеющий определенное общественное звучание или значение, чему полностью соответствует анализируемый источник, волнующий умы человечества условно вот уже более тысячи лет.

Оригинальность существеннейший признак любого литературного произведения, что характерно и для искомого документа, каким является анализируемый кодифицированный источник.

«Русская Правда» отличает четкость и лаконичность формулировок. Вместе с тем исследуемый акт не лишен заимствованных оборотов из народной речи и терминов литературного русского языка, например, обозначающих сельское хозяйство. Так, в статьях 43, 50 Пространной редакции «Русской Правды» речь идет о таком объекте как жито (хлеб, зерно, рожь), об этом говорит и ст. 9, где, кроме того, указаны куры, горох, сыр. В ст. 57 названы плуг, борона, ст. 35, 40–41 говорят о клети. Поросенок, овца, жеребец (конь), кобыла, теленок, корова и коровье молоко, баран, т.е. самое многочисленное перечисление домашних животных указаны ст. 45, последний кроме того, назван также ст. 9, 70, а вол и в ст. 64. Гусь упомянут ст. 81, сено 82, гумно ст. 43, 83; солод, пшено ст. 9, 96; овес ст. 9, 74, овца ст. 42,45, коза, свинья ст. 42, говядина 9,74, хлев ст. 41, 58, мёд статьей 50, пчелы ст. 76 и т. д. В тексте встречается и другая разговорная лексика, так неоднократно употребляется слово город (ст. 34, 36, 39, 55, 96, 114). Ст. 44 открывается разговорной фразой «А у него же погибло…» [18. С. 126]. Источнику присуща и, например, экологическая терминология, где используются дерево (ст. 75), бобер (ст. 69), иные. Некоторые слова в деловой лексике получают новые значения.

«Русская Правда» предлагает, в сущности, характеристику отдельных персоналий. Главные герои вышеназванные князья. Персонажами также выступают русин, купец, мечник, изгой, боярский тиун, княжий муж, гридин, жена, муж, дети, сыновья, дочери, сосед, господин, холоп, челядь, ремесленник, ремесленница, иноземец, смерд, свидетель, варяг.

Отсюда *стилистика* анализируемого литературного произведения разнообразна. Встречаются, например, сравнения. Так, в статье 56 говорится «закуп бежит от госпо-

дина» или «бежит к князю». Смысл цитируемого словосочетания надо понимать не буквально что бежит или убегает, как и ст. 65, хотя там также в значении скрывается. Здесь проглядываются определенные черты сравнения. Аналогично в ст. 112 «холоп бежит» от господина. Данная часть речи характерна и для ст. 40, где указывается, что вора «убей как собаку», тут налицо сравнение близкое к художественному тексту.

В цитируемом литературном произведении, кроме того, достаточно широко представлена *прямая речь*, признак характерный именно для указанных сочинений, хотя и имеется в них не всегда, но что, как правило, исключено из современного законодательства. Хотя, например, в ч. 2 ст. 158 ГПК Российской Федерации, ч. 3 ст. 257 УПК Российской Федерации записано, что присутствующие обращаются к суду: «Уважаемый суд», а к судье, единолично рассматривающему уголовное дело: «Ваша честь», и нахождение в «Русской Правде» прямой речи признак сходства с литературным произведением. Так, в ст. 14 «Русской Правды» читаем: «Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то нельзя отобрать ее, и не говори "это моё", но скажи ему так: "пойди на свод, укажи, где ты ее взял"». Отсюда видно, что в данном предложении названная часть рассуждения изложена даже в двух позициях. Такое положение не единственный случай использования в своде законов светской прямой речи. Например, статья 16 также гласит: «Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его отнять, то вести его к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к предыдущему продавцу, и когда дойдут до третьего, то скажи ему: "отдай мне своего челядина, а ты ищи своих денег при свидетеле". Прямая речь применена и в ряде иных норм. Так, ст. 35 говорит: «Если кто, без явки на торгу, отыщет что-либо у него пропавшее или украденное – коня, одежду или скотину, – то нельзя сказать "*это мое*", а надо заявить ответчику "иди на очную ставку, объяви, у кого взял, с тем и стань с очей на очи". Здесь выражение «это мое» представляет собой местоимение.

Говоря о данном, весьма важном признаке, заметим: высказывается позиция, что если это писал, например, Ярослав, то тогда и весь документ представляет собой прямую речь, а тем более то, что оформлено в кавычки, хотя многие считают это косвенной речью.

Если говорить о таком признаке литературного произведения, как пафос, то последний в «Русской Правде» выражен в большей степени в виде исторического пафоса, а также в форме трагизма, нравственности, отдельные моменты отражены в виде подъема или даже в форме пафоса закона. Есть и определенная патетика в акте, а именно не воруй, не прелюбодействуй, уважай ближнего, уважай родителей и т. д. Природа конфликтов здесь юридическая, возникшая из отношений людей между собой. Нормативный характер отличает анализируемый источник от иных литературных произведений.

Одним из характерных элементов является также то, что анализируемое произведение как литературный источник написано на национальном языке. Кроме того, в своих научных работах, диссертациях, монографиях и т. д. студенты, преподаватели, специалисты указывают список литературы, куда может включаться и данный акт.

Отсюда следует сказать: верен вывод о том, что грамотное нормативное проектирование возможно только при условии учета закономерностей и канонов литературного произведения [19. С. 6–14], потому и необходимо к составлению законов всегда привлекать также специалистов-филологов.

Выводы

Таким образом, на основании всего вышесказанного видно, что «Русская Правда», как кодифицированный акт, без сомнений, является литературным произведением. Это подтверждается изложенными выше доказательствами или признаками, в качестве которых выступают, например, культурная ценность письменного порядка, художественный вымысел, общая мысль, новизна, композиция, авторство, творческий характер, целостность и завершенность, наличие границ произведения, общественное значение, оригинальность, разговорная речь, прямая и косвенная речь, наличие сравнений, пафос, национальный язык, а также иные. Данный источник оказывал огромное влияние по регулированию общественных отношений на Руси в течение нескольких веков и даже более, в связи с чем лица его составившие, иные субъекты несут определенную ответственность за дальнейшее развитие как представляемого ими государства, так и права. Анализируемая позиция находит свое проявление и в новейшее время, в том числе при составлении любых нормативно-правовых актов.

Список источников

1. Правда Русская / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940–1963. Т. I: Тексты / подгот. к печати В.П. Любимов и др. 1940. 505 с. Т. II: Комментарии / подгот. к печати В.П. Любимов и др. 1940. 860 с. Т. III. М., 1963. 486 с.

2. «Русская Правда», или Законы Ярославовы. М. : Изд-во «Пашков Дом», 2016. 171 с.

3. История математики / под ред. А. П. Юшкевича: в 3 т. Т. 1. С древнейших времен до начала Нового времени (1970). М. : Наука, 1970–1972. 352 с.

4. Шлецер А. Л. Правда Русская, данная в XI в. от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. Издано по рукописи В. Н. Татищева. СПб. : Императорская академия наук, 1767. 15 с.

5. Юшков С. В. «Русская Правда». М. : Госюриздат, 1950. 380 с.

6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. :Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

7. Поэт в России – больше чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология: в 5 т. Т. 1 / авт.-сост. Евгений Евтушенко. М. : Русский Мир, 2013. 856 с.

8. Лихачев Д. Заметки о русском. М. : Колибри, 2014. – 380 с.

9. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997. 685 с. Т. 4. XII век.

10. Лихачев Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.

11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2. Изд. 2., испр. СПб., 1818. 316 с.

12. Юшков С. В. «Русская Правда»: происхождение, источники, ее значение / под ред. проф. О. И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002. 378 с.

13. Юшков С. В. «Русская правда» как кодекс феодального права / Тезисы доклада тов. С.В. Юшкова. М. : Юрид. изд-во, 1939. 2 с.

14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Рус. яз., 2000. 450 с. Т. 3.

15. Слово о полку Игореве. М. : Изд-во АСТ, 2024. 288 с.

16. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1. Пермь, 1967. 205 с.

17. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М. : РАП, 2008. 314 с.

18. Свердлов М. Б. От Закона Русского к «Русской Правде». М. : Юрид. лит., 1988. 176 с.

19. Похмелкин В. В. Нормативный акт как литературное произведение // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3. С. 6–14.

20. Русская Правда (пространная редакция). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947&ysclid=mgynpsx3t3861779809 (дата обращения: 06.02.2026).

References

1. Pravda Russkaya / pod obshch. red. akad. B. D. Grekova. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1940–1963. Vol. I: Teksty / podgot. k pechati V.P. Lyubimov i dr. 1940. 505 s. T. II: Kommentarii / Podgot. k pechati V.P. Lyubimov i dr. 1940. 860 s. T. III. M., 1963. 486 s. (In Russ).

2. «Russkaya Pravda», ili Zakony YAroslavovy. M. : Izd-vo «Pashkov Dom», 2016. 171 s. (In Russ).

3. Istoriya matematiki / pod red. A. P. YUshkevicha: v 3 t. Tom 1. S drevnejshih vremen do nachala Novogo vremeni (1970). M. : Nauka, 1970–1972. 352 s. (In Russ).

4. SHlecer A. L. Pravda Russkaya, dannaya v XI v. ot velikih knyazej YAroslava Vladimirovicha i syna ego Izyaslava YAroslavicha. Izdano po rukopisi V. N. Tatishcheva. SPb. : Imperatorskaya akademiya nauk, 1767. 15 s. (In Russ).

5. YUshkov S. V. «Russkaya Pravda». M. : Gosyurizdat, 1950. 380 s. (In Russ).

6. Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M. :L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. 640 s. (In Russ).

7. Poet v Rossii – bol'she chem poet. Desyat' vekov russkoj poezii. Antologiya: v 5 t. T. 1 / avt.-sost. Evgenij Evtushenko. M. : Russkij Mir, 2013. 856 s. (In Russ).

8. Lihachev D. Zametki o russkom. M. : Kolibri, 2014. – 380 s. (In Russ).

9. Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. In-t rus. lit. (Pushkinskij dom); pod red. D. S. Lihacheva [i dr.]. SPb. : Nauka, 1997. 685 s. T. 4. XII vek. (In Russ).
10. Lihachev D. S. Velichie drevnej literatury // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. IRLI; pod red. D. S. Lihacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. SPb. : Nauka, 1997. T. 1: XI–XII veka. 543 s. (In Russ).
11. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 2. Izd. 2., ispr. SPb., 1818. 316 s. (In Russ).
12. YUshkov S. V. «Russkaya Pravda»: proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie / pod red. prof. O. I. CHistyakova. M. : Zercalo-M, 2002. 378 s. (In Russ).
13. YUshkov S. V. «Russkaya pravda» kak kodeks feodal'nogo prava / Tezisy doklada tov. S.V. YUshkova. M. : YUrid. izd-vo, 1939. 2 s. (In Russ).
14. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M. : Rus. yaz., 2000. 450 s. T. 3. (In Russ).
15. Slovo o polku Igoreve. M. : Izd-vo AST, 2024. 288 s. (In Russ).
16. Ushakov A. A. Ocherki sovetskoj zakonodatel'noj stilistiki: uchebnoe posobie: v 2 ch. CH. 1. Perm', 1967. 205 s. (In Russ).
17. Ushakov A. A. Ocherki sovetskoj zakonodatel'noj stilistiki. Pravo i yazyk. M. : RAP, 2008. 314 s. (In Russ).
18. Sverdlov M. B. Ot Zakona Russkogo k «Russkoj Pravde». M. : YUrid. lit., 1988. 176 s. (In Russ).
19. Pohmelkin V. V. A normative act as a literary work // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2021;3: 6–14. (In Russ).
20. Russkaya Pravda (prostrannaya redakciya). Avaible from: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947&ysclid=mgynpsx3t3861779809 (data obrashcheniya: 06.02.2026). (In Russ).

Информация об авторе

В. И. Ивакин – *кандидат юридических наук, доцент*

Information about the author

V. I. Ivakin *– Candidate of Sciences (Law), Docent*

Статья поступила в редакцию 06.02.2026;
одобрена после рецензирования 11.04.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 06.02.2026;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 37.01; 94(47)

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА X – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Сергей Геннадьевич Лысенков
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
sergey.lysenkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются духовно-нравственные традиции русского народа и их воплощение в обычаях, поверьях, обрядах, иных символических формах поведения, связанных с язычеством. Их совмещение с религиозными обрядами и ритуалами после принятия христианства на Руси. Следование сложившимся духовно-нравственным традициям в русской семье, которые касались ключевых событий жизненного цикла человека.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, обычаи, обряды, семья, жизненный цикл человека

Для цитирования: Лысенков С.Г. Воспитательная роль духовно-нравственных традиций в русской семье конца x – начала xx веков // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 33–39. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/004.pdf.

Original article

THE EDUCATIONAL ROLE OF SPIRITUAL AND MORAL TRADITIONS IN THE RUSSIAN FAMILY OF THE LATE X – EARLY XX CENTURIES

Sergey G. Lysenkov
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
sergey.lysenkov@mail.ru

Abstract. The article examines the spiritual and moral traditions of the Russian people and their embodiment in customs, beliefs, rituals, and other symbolic forms of behavior associated with paganism. Their combination with religious rites and rituals after the adoption of Christianity in Russia. Following the established spiritual and moral traditions in the Russian family, which concerned the key events of a person's life cycle.

Keywords: spiritual and moral values, customs, rituals, family, human life cycle

For citation: Lysenkov S.G. The educational role of spiritual and moral traditions in the russian family of the late x – early xx centuries. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 33–39. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/004.pdf.

© Лысенков С.Г., 2026

Введение

Воспитательная функция духовно-нравственных традиций у русского народа, как, впрочем, и у других народов, проявлялась в межличностных отношениях, а также в разнообразных обычаях, поверьях и обрядах, связанных с циклической повторяемостью основных жизненных событий от рождения человека до его смерти. В этот период «люди, по мере своего развития, выполняют разные роли: ребенка, члена общины, семьи, родителя и др., в связи с чем у них зародилась практика формирования (воспитания) необходимых умений поведения для успешного выполнения своих ролей» [1, с. 230]. Такие события происходили с неотвратимой временной последовательностью, поэтому было нетрудно установить прошлое, воспринять настоящее и предсказать будущее, что, в свою очередь, могло свидетельствовать о стабильном состоянии традиционного общества [2, с. 78]. Духовно-нравственные традиции находили свое отражение в правых нормах, подчеркивая неделимую связь нравственности и права [3, с. 40].

Основные положения

До принятия христианства в 988 году для наших предков – восточных славян источником духовно-нравственных ценностей были языческие (политеистические) представления о добре и зле, правде и лжи, любви и ненависти, дружбе и вражде и т. п.

Многобожие предопределило тесную связь религиозных верований (анимизма, фетишизма, тотемизма и др.) с силами природы. Неслучайно поэтому в именах высших славянских божеств можно различить их нарицательное значение. Вот некоторые из них: Сварог – бог неба; Дажьбог – бог солнца; Стрибог – бог ветра; Велес – бог стад животных; Перун – бог грома, главный из них.

В народной традиции с тех пор и до настоящего времени сохранилось почитание духов: водяного – духа воды; лешего – духа леса; домового – домашнего духа; русалок, заманивающих к себе людей. На основе духов появились сказочные персонажи Змея Горыныча, Кощея Бессмертного, Бабы Яги, злой старухи из Избушки на курьих ножках и других «героев» русских мифов и сказаний [4, с. 432–433].

Необходимо заметить, что с принятием на Руси православия некоторые языческие обряды были совмещены с церковными праздниками или церковь совместила свои праздники с такими языческими обрядами, как колядование и гадание в святочные дни, Масленица, Радуница, празднование Ивана Купалы; Медовый, Яблочный, Ореховый Спасы и др.

Зарождались и сохранялись духовно-нравственные традиции русского народа в семье – наиболее устойчивой общности людей, поскольку семья объединяла в себе все этапы возобновления поколений и обеспечивала непрерывное воспроизводство жизни.

В данном аспекте необходимо иметь в виду, что в процессе антропогенеза появлялись, сменяя друг друга, различные типы семейных отношений от наиболее древних матриархальных и патриархальных до современных партнерских, гостевых и других типов. Например, Социологический энциклопедический словарь 1998 года содержит названия 24 типов семейной организации, но в нем не дается определения традиционной семьи [5, с. 314–316]. Между тем этот тип семейных отношений, основанных на духовно-нравственных традициях, исторически сформировавшихся в обществе, характерен для большинства населения нашей страны, особенно в обозначенных хронологических рамках.

В традиционных семьях фамилии образовывались, как правило, от имени главы семьи. Однако многие фамилии сохранялись от существовавшего несколько веков крепостного права, когда их давали в зависимости от ремесла, черт характера, а то и сходства с чем-либо. Часто мужиков наделяли различными прозвищами, в том числе и оскорбительными, за исключением тех, кто пользовался заслуженным уважением у окружающих. Прозвище мужика распространялось на его жену, к девичьей фамилии которой оно прибавлялось со словами «по мужу». В семье супруги называли друг друга по имени.

В начале становления древнерусской государственности у наших предков преобладала архаичная большая семья как отголосок родового строя. Однако к XII веку выделяются малые семьи, в которых с родителями оставались младшие дети, а старшие, создавая свои семьи, жили отдельно.

Русские семьи в абсолютном большинстве были моногамными, что связывается с христианской традицией. Как противопоставление православной семье и ее морали диким языческим нравам комментарии к статьям Устава князя Владимира содержат сведения о том, что у него до принятия христианства и женитьбы на византийской царевне Анне было 5 жен и 800 наложниц, 300 из которых содержались в Вышгороде, 300 – в Белгороде, а 200 – в сельце Берестовом [6, с. 152]. Обнародование подобных сведений, невзирая на их сомнительную достоверность, было обычным приемом в творчестве древнерусских летописцев. Дело в том, что литературные памятники Древней Руси, по мнению Романова Б. А., не упоминают о полигамии у подавляющего большинства населения, хотя Лаврентьевская летопись все же сообщает о многоженстве в некоторых зажиточных семьях у радимичей и вятичей [7, с. 200].

В Московской Руси с закрепощением крестьян [8, с. 240] родственники стремились объединиться в крупные семьи для совместной обработки земли и смягчения крепостного гнета, но с отменой крепостного права в 1861 году в России вновь стали преобладать малые семьи [9, с. 49].

В малых семьях главой был муж и отец, которому безоговорочно подчинялись все домочадцы. В больших семьях, по свидетельству Лещенко В. Ю., исследовавшего семейные отношения на землях к северу от Москвы, глава семьи имел статус «большака» [2, с. 40]. Члены семьи называли его хозяином, а друг друга – по имени. Большак обладал широкими правами от организации труда и ведения торговли до вершения суда в пределах семьи и возложения на себя всей полноты ответственности перед властью.

Статус большака наследовался старшим в семье, но им могли наделяться и другие лица мужского пола, в том числе и

холостяки, едва достигшие 25-летнего, а иногда и 18-летнего возраста. Избранный большак заменял собой отца (при отсутствии такового), поэтому с согласия семьи ему принадлежали все родительские права.

Женщина (как правило, вдова) также могла стать главой семьи – большухой, если сын не достиг установленного возраста, который, например, на Вологодчине составлял 18 лет. На ней в полном объеме лежало домашнее хозяйство и распоряжение женщинами. Однако большуха не могла принимать участие в управлении общими делами, поскольку этим занимались исключительно мужчины, достигшие совершеннолетия [2, с. 41].

Морально-нравственная оценка взаимоотношений мужа и жены, их роли в семейных делах представлена в пословицах, собранных Далем В. И., среди которых: «Без мужа, что без головы, без жены, что без ума»; «Муж жену береги как трубу в бане»; «Женский ум лучше всяких дум»; «На что корова, была бы жена здорова»; «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне» [10, с. 267, 331, 465, 467, 554].

Однако не следует идеализировать межличностные отношения супругов в русской семье. Достаточно, например, вспомнить Домострой, составленный около 1547 года духовником и сподвижником Ивана IV Сильвестром. Этот свод семейно-бытовых правил предписывал воспитывать жену методом наказания на том основании, что, если муж не «учит» свою жену, сам будет погублен и погубит свой дом, причем орудием наказания служила плеть, незамысловато названная «дураком» [11, с. 69]. Между прочим, Даль В. И. в связи с этим приводит также пословицы: «От нашего ребра нам не ждать добра»; «Жену не бить – в милу не быть»; «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее»; «Кобыла – не лошадь, баба – не человек» [10, с. 440]. Следовательно, и такая, не очень привлекательная традиция, существовала в русской семье.

Нравственная традиция, нашедшая широкое распространение у русского народа, большое значение придавала не только кровному, но и духовному родству, а также свойству, которые наступали вследствие вступления в брак, рождения и крещения ребенка. Следованию данной традиции было направлено воспитание подрастающего поколения, а по сути дела, всех членов семьи.

Кровное родство могло быть в виде прямой восходящей линии от конкретного лица к его предкам – отцу, деду, прадеду и т. д. Такая же, но нисходящая, линия шла к его потомкам – сыну, внуку, правнуку и т. д. При этом сыновья, рожденные от одного отца, находились в отношении друг друга по родству боковой линии.

Отношения свойства, которые олицетворяли сближение двух родов в результате вступления в брак их членов, в русских семьях приравнивались к кровнородственным на основании представления о муже и жене как имеющих одну плоть. Поэтому семьи, вступившие в свойство, представлялись как две боковые линии в кровном родстве, то есть родственники жены становились родственниками мужа в одинаковых отношениях, но не по кровному родству, а по свойству.

Каждая степень родства и свойства была персонифицирована: зять, тесть, теща, сноха (невестка, от невесты, т. е. неизвестной), свекр, свекровь, деверь, шурин, золовка, свояк, свояченица, сват, сватья, отчим, мачеха, пасынок, падчерица. При этом в разных местностях запрещались браки между родственниками в третьей, четвертой, пятой и даже в шестой степени родства и свойства [12, с. 80].

Духовное родство наступало во время обряда крещения, когда крестный принимал из купели крестимого. В духовном родстве восприемник полагался воспринятому в первой степени родства, как отец, к родителям воспринятого – во второй степени, как брат, а к братьям и сестрам воспринятого – в третьей степени, как дядя. Лица, находившиеся в духовном родстве, называли друг друга кумом и кумой.

Церковь вводила ограничения на бракосочетание в большинстве степеней духовного родства, поскольку кумовство почиталось не меньше кровного родства. Но все же нарушение духовного родства и свойства считалось меньшим грехом, чем нарушение кровного родства.

Касаясь семейно-брачных отношений в российском обществе, особенно в XVIII – первой половине XIX века, следует отметить, что рекрутский способ комплектования армии, существовавший в тот период, а также необходимость отхожих промыслов для сельских жителей, связанных с длительным отсутствием в молодых семьях мужей, породили уродливое явление – снохачество. Данный термин происходит от слова «сноха» (первоначально – сыноха, от слова «сын») и обозначает половую связь по принуждению главы семьи с женами его сыновей, поскольку те не могли противостоять безоговорочной, практически безграничной, власти свекра. Снохачество у русских людей не считалось какой-либо

традицией и всегда получало общественное осуждение, но когда дело доходило до привлечения насильника к ответственности, то волостные суды весьма неохотно принимали подобные дела к своему производству.

Как уже отмечалось во введении, неотвратимая цикличность основных жизненных событий предопределила в традиционной русской семье обрядность, связанную с началом жизни – рождением ребенка, с серединой – свадебными торжествами и с концом жизни – похоронами умершего.

Вполне понятно, что рождению ребенка предшествовал период беременности его будущей матери. Еще в дохристианское время у наших предков были распространены поверья, связанные с ограничениями и предписаниями в этот период. Прежде всего, женщину, ждущую рождение ребенка, старались оградить от тяжелой работы. Кроме того, Даль В. И. отмечает распространенное поверье, согласно которому беременные должны опасаться шить одежду для новорожденного, иначе тот не будет жить [13, с. 92–93].

Иного мнения придерживается Попов Г. И., исследовавший русскую народную медицину. Он отмечает, что в малообеспеченных и бедных семьях (а таких было большинство), в которых беременная могла быть единственным работником, она часто занималась работой, в том числе и тяжелой, вплоть до наступления родовых схваток, а порой и рожала на работе. К этому необходимо добавить, что в русских семьях прижилось суеверие скрывать беременность до последней возможности чтобы избежать сглаза, порчи, оговора. Такая скрытность приводила к тому, что даже муж длительное время не знал о беременности жены, а домочадцы продолжали возлагать на нее повседневные работы [14, с. 332–333].

Распространенным обычаем была изоляция женщины во время родов. Обряд требовал удаления роженицы из дома и помещения ее в нежилую постройку, чаще всего, в баню. После родов она с ребенком отправлялась из бани к своей матери и жила у нее до шести недель. Только после истечения этого срока она могла вернуться в дом своего мужа. Иногда для родов выбирали какое-либо укромное место на дворе (сарай, амбар, хлев, конюшня и т. п.), казавшееся недосягаемым для постороннего глаза. Во многих местностях соблюдался обычай родить, особенно первенца, в доме матери, а в некоторых селах роды проходили в своей избе, но с соблюдением правил, не допускавших посторонних глаз [14, с. 334–335].

Обряды во время родов в зависимости от климатических и иных особенностей местности были разнообразными, но при этом обязательным являлось присутствие повивальной бабки – повитухи (в некоторых местах ее называли «бабка-пупорезка». Повивальной бабкой являлась старая деревенская женщина, переставшая рожать и по мнению односельчан лучше других умевшая обращаться с роженицами. Бездетная женщина считалась плохой повитухой, а девица, даже в престарелом возрасте не могла быть таковой вообще. Избегали бабок, в прошлом замеченных в неверности мужу, имевших скверный характер и черные глаза. Считалось, что при таких повитухах будут трудные роды [15, с. 342].

Что же касается присутствия при родах мужа, то во многих местностях этого не одобряли, а в других, если и допускали, то обязывали его выполнять все указания повитухи [14, с. 342–343]. Большое значение участию мужа при родах жены придавали, например, в Олонецкой губернии. Прежде всего муж должен был снять с правой ноги сапог и напоить из него жену. От мужа также требовали развязать пояс и прижимать коленом спину жены, так как, по поверью, это ускоряло роды. В доме вообще не должно было оставаться ни одного не развязанного узла, а у роженицы полагалось расплетать косы [15].

Воспитание детей, приобщение их к духовно-нравственным ценностям, следованию семейным традициям начиналось с раннего детства. Грудных детей носили в церковь для причащения, с трех лет учили молиться, с пяти лет они вместе со взрослыми регулярно посещали богослужения. С первых лет жизни их учили почитать старших родственников и заботиться о младших. Детям внушали различные поверья о том, как обращаться с духами. С пятилетнего возраста их приучали к работе, а к десяти годам дети, подражая взрослым, вместе с ними выполняли многие домашние и полевые работы. Пятнадцатилетнего подростка считали взрослым работником. Он же допускался на собрания молодежи, беседы, вечеринки, игрища [2, с. 302–303].

На молодежных сходках юноши и девушки, достигшие 15 лет (а более молодых туда не допускали), знакомились. Если в их отношениях проявлялась симпатия, завязывалась «лада». В этой связи необходимо обратить внимание на возраст, являвшийся непременным условием совершения брака для достижения не только его прагмати-

ческой, детородной цели, но и моральной, предполагавшей ясное сознание и свободу воли при решении вопроса о создании семьи.

Византийские источники, которым должны были следовать православные, колебались в определении брачного возраста. Прохирон, например, назначал для мужчин 14, для женщин 12 лет, а Эклога – 15 и 13 лет. На Руси же браки совершали в более юном возрасте: мальчиков женили в 11 лет, девочек выдавали замуж в 10 лет. Позже Стоглав установил свои сроки: для мужчин 15 лет, для женщин 12 лет. Указ Петра I о единонаследии 1714 года определял брачный возраст для жениха в 20 лет, для невесты – в 17 лет, а с 1774 года вновь вернулись к ранним бракам: юношей в 15 лет, девушек – в 13 лет. Наконец, в 1830 году брачный возраст для мужчины был установлен в 18 лет, для женщины – в 16 лет [16, с. 409–410].

Духовно-нравственная традиция русской семьи, касавшаяся бракосочетания, видоизменялась в зависимости от особенностей, проявлявшихся в общественном сознании определенного исторического периода. Однако во все времена свадебный обряд традиционно состоял из сватовства, венчания и собственно свадьбы.

Сватовство заключалось в посещении сватами, которыми выступали родители или старшие родственники жениха, дома невесты. Если родители невесты были согласны с предложением сватов, то за этим следовало посещение дома жениха, которое заканчивалось обильным застольем. Данный обряд в некоторых местностях называли рукобитьем. Ефименко А. Я. отмечает, что сватовство преследовало цель смотрин невесты и жениха, осмотра мест их проживания, установления условий вступления в брак, а также скрепления соответствующего договора [17, с. 12].

Венчание придавало браку статус религиозного, то есть законного брака. Дети, появившиеся на свет только в таком браке, признавались законнорожденными. В петровское время за шесть недель до венчания следовало обручение, расторжение которого было возможно только в случае, если жених впервые увидел невесту, и та «есть безобразна, скорбна, не здрава» [16, с. 409]. В дальнейшем обручение было совмещено с обрядом венчания. Повенчанные, согласно обычаю, считались не мужем и женой, а продолжали оставаться женихом и невестой. До свадьбы им запрещалось вступать в супружеские отношения [18, с. 12; 17, с. 13].

Свадебные торжества в различных местностях также имели свои особенности. Например, в центральной части России накануне свадьбы у жениха и невесты устраивались вечеринки с приглашением священнослужителей, друзей, подруг, знакомых. В день свадьбы жених с невестой получали благословение родителей и отправлялись в церковь, где проходил торжественный обряд, как правило, при стечении большого количества народа, в том числе и посторонних лиц. По возвращении из церкви молодых благословляли родители жениха, всех усаживали за стол и начинался свадебный пир, в ходе которого новобрачным преподносили подарки. Свадебный стол накрывали и на второй день в доме молодого мужа, а на третий день переезжали к родителям молодой жены. Приходить на свадьбу могли все желающие. Свадьбы играли после Пасхи до начала полевых работ. У южнорусских крестьян этот период падал на осень после уборки урожая. Свадебные расходы зависели от достатка в семье, при этом семье жениха свадьба обходилась в два раза дороже, чем семье невесты [2, с. 106–109].

При завершении жизненного цикла человека духовно-нравственная традиция воплощалась в похоронной обрядности. По многовековым поверьям о смерти свидетельствовали различные знамения: собака на дворе начинает выть, петух не вовремя распоется, птица в дом залетит и др.

Кончину представляли как отделение души от тела, момент которого определяли, установив чашку с водой у изголовья умиравшего: когда душа выходит из тела вода должна всколыхнуться. Далее следовало омовение и одевание покойника в новую одежду. связывание ему рук и ног, закрытие глаз медными монетами. Его переносили на лавку у стены ногами к выходу. Тут же происходило и всенощное бдение родных и близких.

Гроб изготавливали из грубо отесанных досок. Ритуал помещения в него тела предусматривал развязывание рук и ног, обувание в недоплетенные лапти, укладывание незавершенных умершим поделок, обрезков ткани, оставшихся от шитья погребальной одежды, стружек от гробовых досок, медных монет и хлеба. Иногда тело посыпалось зернами ржи. Повсеместно запрещалось произносить имя покойника.

На кладбище чаще всего шли окольным путем, а возвращались обычным, памятуя о том, что дорога в мир мертвых не должна совпадать с дорогой в мире живых. Веревки, на которых опускали в могилу гроб с

телом, оставляли на кладбище, подвесив их не ветках дерева [2, с. 184–187].

Перед ритуальной трапезой происходило умывание присутствующих чтобы смыть следы контактов с миром умерших. На поминки не приглашали молодежь, гостей, ограничивались близкими родственниками. Готовили поминальные блюда: недопеченный хлеб, кутью, кисель. В дальнейшем погребальный обряд предусматривал поминки на 3-й, 9-й, 40-й дни. Кроме них были и поминальные даты, связанные с Церковным календарем. На этом завершалась обрядность финальной части жизненного цикла человека [19, с. 101]. Однако «с умершим не прощались в привычном нам понимании, поскольку усопшие предки составляли единую сакральную общину с живущими» [20, с. 104].

Заключение

Таким образом, тысячелетний период следования духовно-нравственным традициям, воплотившимся в христианской и языческой обрядности, наглядно демонстрирует их роль в развитии межличностных отношений в русской семье, воспитании ее членов. Это особенно заметно в обрядах, ритуалах, иных символических формах поведения людей, связанных с самыми значимыми элементами жизненного цикла человека, касавшимися его рождения, бракосочетания и смерти. Многие из духовно-нравственных традиций русского народа почитаются и соблюдаются в настоящее время.

Список источников

1. Шарухин А. П. История образования: периодизация и тенденции развития / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 229–233.
2. Лещенко В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999. 398 с.
3. Бутов С. В. Нравственность и право: проблемные вопросы взаимодействия в современном правовом пространстве // Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю. М. Аристакова): сборник статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 24 октября 2025 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 40–45.
4. Иллюстрированная история религии: в 2 т. Т. 2. Издательский отдел Спасопреображенского Валаамского Ставропигального монастыря, 1992. 526 с.
5. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор – координатор – академик РАН Осипов. Г. В. М. : ИНФРА. 1998. 488 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. 435 с.
7. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., Л. : 1947. 348 с.
8. Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. проф. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2008. 592 с.
9. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы в XVI–XIX столетиях великорусского народа. М., 1992. 304 с.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. I. СПб., 1879. 756 с.
11. Домострой. М., 1990. 304 с.
12. Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. 284 с.
13. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. 2-е изд. СПб., 1880. 150 с.
14. Попов Г. И. Русская народная медицина. СПб., 1903. 404 с.
15. Харузина В. М. Несколько слов о родильных, крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2 (кн. 48–49).
16. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. 640 с.
17. Ефименко А. Исследования народной жизни. Обычное право. Вып. 1. М., 1884. 398 с.
18. Якушкин Е. И. Обычное право. Вып. 2. Ярославль, 1896. 544 с.
19. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 237 с.

20. Захарцев С. И. Ментальность народа и правовое развитие государства / С. И. Захарцев, Д. В. Кривоносова, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2024. № 1(35). С. 100–115.

References

1. SHaruhin A. P. History of Education: Periodization and Development Trends / A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018;2(78): 229–233. (In Russ).
2. Leshchenko V. YU. Sem'ya i russkoe pravoslavie (XI–XIX vv.). SPb., 1999. 398 s. (In Russ).
3. Butov S. V. Nravstvennost' i pravo: problemnye voprosy vzaimodejstviya v sovremennom pravovom prostranstve // Aktual'nye problemy chastnogo prava (k 100-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, professora, doktora yuridicheskih nauk YU. M. Aristakova): sbornik statej po materialam mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2025 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 40–45. (In Russ).
4. Illyustrirovannaya istoriya religii: v 2 t. T. 2. Izdatel'skij otdel Spasopreobrazhenskogo Valaamskogo Stavropigal'nogo monastyrya, 1992. 526 s. (In Russ).
5. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' na russkom, anglijskom, nemeckom, francuzskom i cheshskom yazykah. Redaktor – koordinator – akademik RAN Osipov G. V. M. : INFRA, 1998. 488 s. (In Russ).
6. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. 435 s. (In Russ).
7. Romanov B. A. Lyudi i nravy Drevnej Rusi. M., L. : 1947. 348 s. (In Russ).
8. Vseobshchaya istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVIII veka / pod red. prof. O. A. YAnovskogo. M. : Eksmo, 2008. 592 s. (In Russ).
9. Kostomarov N. I. Domashnyaya zhizn' i nravy v XVI–XIX stoletiyah velikorusskogo naroda. M., 1992. 304 s. (In Russ).
10. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda: v 2 t. T. I. SPb., 1879. 756 s.
11. Domostroj. M., 1990. 304 s. (In Russ).
12. Berdnikov I. S. Kratkij kurs cerkovnogo prava. Kazan', 1888. 284 s. (In Russ).
13. Dal' V. I. O pover'yah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda. 2-e izd. SPb., 1880. 150 s. (In Russ).
14. Popov G. I. Russkaya narodnaya medicina. SPb., 1903. 404 s. (In Russ).
15. Haruzina V. M. A few words about childbirth, baptism, and childcare in the Pudozhsky District of the Olonets Governorate // Etnograficheskoe obozrenie. 1906;1–2 (kn. 48–49). (In Russ).
16. Vladimirskij-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. Rostov n/D: Izd-vo «Feniks», 1995. 640 s. (In Russ).
17. Efimenko A. Issledovaniya narodnoj zhizni. Obychnoe pravo. Vyp. 1. M., 1884. 398 s. (In Russ).
18. YAkushkin E. I. Obychnoe pravo. Vyp. 2. YAroslavl', 1896. 544 s. (In Russ).
19. Bajburin A. K. Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskih obryadov. SPb. : Nauka, 1993. 237 s. (In Russ).
20. Zaharcev S. I. The Mentality of the People and the Legal Development of the State / S. I. Zakhartsev, D. V. Krivonosova, and V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;1(35): 100–115. (In Russ).

Информация об авторе

С. Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.05.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

S. G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

The article was submitted 15.01.2026;
approved after reviewing 03.05.2025;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 34

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВОЕННО-СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михаил Алексеевич Комиссаров
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
kma41.95@mail.ru

Аннотация. Исследуется государственно-правовая идеология как важнейший элемент формирования государственных органов Российской Федерации. Идеология, пронизывающая Конституцию, определяет основные направления и задачи государственной военной организации, в состав которой входит Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. Историческая преемственность войск правопорядка и правовые основы, заложенные в конституционных нормах, подчеркивают значимость наличия высоких моральных и профессиональных качеств у военнослужащих, выполняющих задачи по поддержанию правопорядка, общественной безопасности и вооруженной защите государства. Идеологические установки определяются как неотъемлемая часть правосознания, влияющая на взаимодействие власти и гражданского общества в рамках правового государства.

Ключевые слова: государственно-правовая идеология, военная служба, войска национальной гвардии, идеология войск правопорядка

Для цитирования: Комиссаров М.А. Государственно-правовая идеология военно-служебных отношений В Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 40–49. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/005.pdf.

Original article

THE STATE-LEGAL IDEOLOGY OF MILITARY-SERVICE RELATIONS IN THE FEDERAL SERVICE OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhail A. Komissarov
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
kma41.95@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of state-legal ideology, which is an essential element in the formation of state bodies in the Russian Federation. The article states that the ideology established in the Constitution defines the main directions and tasks of the state military organization, which includes the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation. The historical continuity of the law enforcement forces and the legal foundations laid down in the constitutional norms emphasize the importance of having high moral and professional qualities among military personnel performing tasks to maintain law and order, public safety and armed defense of the State. Ideological attitudes are described as an integral part of the legal consciousness, influencing the interaction of government and civil society within the framework of the rule of law.

Keywords: state and legal ideology, military service, national guard troops, and law enforcement ideology

For citation: Komissarov M.A. The state-legal ideology of military-service relations in the Federal service of the national guard of the Russian Federation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 40–49. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/005.pdf.

© Комиссаров М.А., 2026

Введение

Государственно-правовая идеология как правовой феномен представляет большой интерес для современных ученых, исследующих ее значение, формы и проявления, они не редко приходят к выводу о необходимости ее наличия и четкого формулиро-

вания [1; 3; 4; 6; 7; 10; 13; 15; 18; 22; 26; 27; 30; 31; 32].

Данный вид идеологии находит свое отражение практически во всех сферах жизнедеятельности общества, урегулированных нормами права, в том числе и Конституцией. В таких предписаниях определяются основные идеологические установки, в рамках которых осуществляется взаимодействие индивидов.

Необходимо полностью согласиться с позицией известного и авторитетного российского конституционалиста, профессора Б. С. Эбзеева о том, что во взаимосвязи Основного Закона страны и Российского государства государство первично, а оформляющая его Конституция вторична. Выступая на научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста, он совершенно четко предложил следующую характеристику государства: «Государство – форма политико-юридического устроения жизни народа и гарантий его исторической бытийности. В этом смысле государство есть сам народ, организованный в государство, т. е. учредивший центральную власть, которая подчинила все иные социальные институты и покрывает всю занимаемую им территорию» [14, с. 167]. Отсюда важность и значимость государственно-правовой идеологии. Она отражает интересы государства, а следовательно (в России), всего нашего народа.

Идеология, по мнению профессора А. Г. Хабибулина, выступает системообразующим фактором государственного развития. В упомянутой ранее научной конференции он указывает на то, что именно идеология «позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе государственного развития, определить конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства их достижения. В основе государственного развития всегда лежит определенная система ценностей. Государственное развитие, свободное от ценностных детерминант, может привести к негативным социальным последствиям, нарушить устойчивость экономических, политических, культурных отношений. Система государственного управления основывается на идеологическом фундаменте. Именно идеология выступает средством реализации правовых целей, правовой политики, она позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и права. Именно ценностные ориентации, пропагандируемые морально-этические доминанты, представления о путях и конечных целых развития общества и государства постепенно трансформировались в правовые нормы, установленные и охраняемые государством» [14, с. 170].

Исходя изложенной позиции следует, что идеология – не просто набор идей, а важный инструмент для создания и поддержания правопорядка и социальной стабильности, она не только определяет направление развития государства, но и обеспечивает его устойчивость в условиях возникающих вызовов и угроз, формирует правовые, культурные, моральные и этические рамки, в которых функционирует общество. Вышеуказанное делает идеологию неотъемлемой частью государственного управления и развития, подчеркивая её значимость в современном мире, соответственно, по мнению автора, в основе этих норм должны находиться требования Конституции.

Согласно идеологемам, закрепленным в Конституции Российской Федерации, которые подчеркивают верховенство прав и свобод человека и гражданина, а также определяющими ответственность государства за их защиту, поддержание территориальной целостности и суверенитета страны, в России были учреждены специализированные федеральные органы власти. Одним из таких органов является Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, которая на ряду с Министерством обороны, Федеральной службой безопасности и Министерством внутренних дел играет ключевую роль в обеспечении безопасности и защиты прав и интересов человека, гражданина, общества и государства.

В целях выполнения задач, возложенных на Росгвардию, в данном федеральном органе исполнительной власти предусмотрено прохождение гражданами военной службы, которые обладают особым правовым статусом, сформированным в соответствии с государственно-правовой идеологией.

Основные положения

Государственно-правовая идеология, являясь системой правовых идей, нравственно-правовых ценностей и представлений, установленных и поддерживаемых государством с помощью программно-целевого и нормативного механизма, закладывает основные руководящие идеи, которые являются базисом, в соответствии с которым создаются нормы права, а также осуществляется их непосредственное

применение. Такая идеология служит средством передачи идеалов и ценностей, а также выступает в качестве инструмента, способствующего взаимодействию власти и населения страны, посредством влияния на общественные процессы [2; 11; 21; 23; 29].

Кроме того, идеология государства, закрепленная в нормах права, устанавливает желаемую модель общества и государства, определяет содержание правовой культуры, влияет на правосознание индивидов, обеспечивает единство правоприменительной практики, реализацию целей и задач государства посредством установления властных предписаний в нормативных правовых актах, а также определяет границы правомерного поведения в случаях, неурегулированных законом [24, с. 45; 28, с. 27].

Источником государственно-правовой идеологии, по мнению исследователей, являются правовые принципы, идеи, доктрины, лежащие в основе институционной сферы регулирования общественных отношений [33], а одним из основополагающих идеологических документов является сама Конституция Российской Федерации [12, с. 159; 20, с. 730; 34, с. 55].

По мнению автора, идеологемы, заложенные в основных нормативных правовых актах (например: Конституция, федеральные конституционные и федеральные законы), представляют собой совокупность основополагающих идей, в соответствии с которыми органы государственной власти организовывают свою деятельность и решают возложенные на них задачи.

Из приведенного выше можно сделать вывод, что основы государственно-правовой идеологии, касающиеся правоотношений, связанных с военной службой в Росгвардии, зафиксированы в нормативных правовых документах. Эти документы регулируют порядок прохождения военной службы в данном ведомстве, а также определяют правовой статус военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации.

В первую очередь, стоит подчеркнуть, что ключевые составляющие государственно-правовой идеологии, которые выражают идеологические и ценностные аспекты правовых отношений в области военной службы, зафиксированы в Конституции Российской Федерации. Такие идеологемы выражаются в конституционных нормах, в соответствии с которыми Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета (ч. 2^1 ст. 67), неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4) (территориальную целостность (ч. 2^1 ст. 67)), кроме того, действия направленные на отчуждение части территории Российской Федерации признаются недопустимыми (ч. 2^1 ст. 67). С этой целью в ведении Российской Федерации находятся вопросы обороны и безопасности, защиты государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа (п. «м» ст. 71), а также установлено, что Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности (ст. 79^1).

Указанные выше предписания являются основополагающими идеологемами, на которых строятся нормативные правовые акты. Эти акты определяют функции, полномочия и цели государственных органов и структур, которые занимаются защитой суверенитета и территориальной целостности страны, а также выполняют задачи по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности. К таким органам и структурам относятся те, где предусмотрено прохождение федеральной государственной службы особого вида – военной службы.

Одним из государственных военных формирований, выполняющих задачи по обеспечению государственной безопасности согласно статье 1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», являются войска национальной гвардии Российской Федерации. Однако, вместе с указанными выше конституционными идеологемами, непосредственное влияние на определение задач и функций Росгвардии, оказали статьи 2, 45, 71 Конституции Российской Федерации, в которых указано, что защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства и гарантируются им. В связи с чем, к предназначению войск национальной гвардии также отнесены вопросы обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Вышеуказанные нормы не возникли на пустом месте, система правовых идей, нравственно-правовых ценностей и представлений о предназначении и задачах войск правопорядка имеет историческую преемственность с внутренними войсками МВД России, внутренними войсками МВД СССР, МООП СССР, войсками НКВД, ВОХР,

ОГПУ, ГПУ, ВНУС, ВОХР, ВЧК СССР [25, с. 18], а также внутренней стражей Российской империи. История служебно-боевого применения войск национальной гвардии, как правопреемника вышеперечисленных формирований, свидетельствует о том, что на всех этапах своего развития они занимали важное место в общей структуре государственных органов, осуществлявших функции по укреплению личной и общественной безопасности, правопорядка в стране, а также участвовали во всех войнах и конфликтах, выполняя не только специальные задачи, но и принимая непосредственное участие в боевых действиях [5; 9, с. 3; 16; 17; 19; 25, с. 17], что также в полной мере отражается в принципах, на основе которых войска национальной гвардии осуществляют свою деятельность, закрепленных в ст. 4 ФЗ «О войсках национальной гвардии» (законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия, централизации управления), а также подтверждается современными событиями, связанными со служебно-боевым применением войск [8].

В наши дни войска правопорядка в соответствии со своим предназначением выполняют важные государственные задачи по участию в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, охране важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, особо важных и режимных объектов, участию в борьбе с терроризмом и экстремизмом, участию в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции, участию в территориальной обороне Российской Федерации, оказанию содействия пограничным органам ФСБ России в охране Государственной границы Российской Федерации, обеспечению безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и иных лиц, выполняют иные задачи, возложенные на войска, решениями Президента Российской Федерации (ст. 2 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

Решение таких задач требует от военнослужащих высоких морально-нравственных качеств и профессионализма, что выражается в нормах, устанавливающих их полномочия, права и обязанности – определяющих их правовой статус.

Военнослужащие войск национальной гвардии наделены достаточно широким спектром полномочий от участия в боевых действиях (выполнения задач, присущих исключительно военнослужащим, связанных с применением оружия, боевой и специальной техники в целях физического уничтожения противника при вооруженной защите отдельных участков территории, а также их вооруженного захвата) и выполнения специальных задач (связанных, например, с поиском различных схронов, диверсионно-разведывательных групп, незаконных вооруженных формирований и их уничтожения) до участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (выполнение задач, присущих в основном сотрудникам полиции, которые, как правило, связаны с несением военнослужащими патрульно-постовой службы в населенных пунктах в целях контроля за состоянием общественного порядка, выявления и пресечения различных правонарушений). Совокупность задач военного и полицейского характера обуславливает предоставление законом военнослужащим войск национальной гвардии широкого спектра прав по требованию от граждан соблюдения общественного порядка и прекращения совершения ими противоправных действий, пресечению преступлений, административных правонарушений и иных противоправных действий, проверке документов, удостоверяющих личность граждан, осуществлению производства по делам об административных нарушениях, задержанию, доставлению, обеспечению режимов чрезвычайного положения, военного положения, обеспечению правового режима контртеррористической операции и участию в ней (ст. 8, 15 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»), а также, в случае необходимости, применения физической силы, специальных средств, вооружения, военной и специальной техники (ст. 18–22 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

Исходя из вышеуказанного, граждане, проходящие военную службу в данном воинском формировании обязаны знать и уметь на практике применять нормы международного гуманитарного права, соблюдать правила и обычая ведения войны (ст. 26 ФЗ «О статусе военнослужащих» и ст. 16, 22 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации), неукоснительно соблюдать требования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях при реализации полномочий по задержанию, доставлению, составлению материалов об

административных правонарушениях (ст. 27.2, 27.3, пп. 93, 103 ч. 2 ст. 28.3), не допускать превышения полномочий, определенных в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», особенно при применении ими физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, а также действий связанных с ущемлением личных прав граждан (оцепление, блокирование, вскрытие транспортных средств, вхождение в жилые помещения и др.).

Кроме того, несмотря на то, что реализация ряда полномочий подразумевает применение насилия в отношении человека, и нанесение ущерба имуществу, военнослужащие войск национальной гвардии в силу закона обязаны стремиться к уменьшению неблагоприятных последствий для имущества и лиц, подвергшихся такому воздействию, исключению причинения вреда третьим лицам, их имуществу, а также обязаны оказать помощь пострадавшим в случае причинения вреда здоровью (ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). Данные предписания, по мнению автора, продиктованы совокупностью предписаний идеологического характера, заложенных в Конституции Российской Федерации о гарантиях и защите прав и свобод человека и гражданина, признании их высшей ценностью Российской Федерации.

Взаимодействие идеологических основ Конституции Российской Федерации и положений Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», наряду с другими нормативными правовыми актами определяет правовой статус военнослужащих Росгвардии, а также формирует желаемый государством облик военизированной составляющей ведомства, а также конкретные характеристики военнослужащего, который служит в этом федеральном органе государственной власти. Правовые нормы, содержащие идеологические установки, закрепленные в основополагающих законах о военной службе в войсках национальной гвардии, создают целостное представление о роли и месте военнослужащих в системе государственной власти, а также о том, каким образом они должны исполнять свои обязанности и какие ценности должны разделять, что подчеркивает важность правового регулирования и идеологической поддержки в формировании имиджа и функционала военной составляющей Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

С учетом возложенных на войска национальной гвардии задач и полномочий, предоставленных военнослужащим, государство установило, что военнослужащим Росгвардии может быть исключительно гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства, а также правовых оснований для проживания за пределами Российской Федерации (ст. 2 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), права и свободы которого, исходя из особенностей прохождения военной службы и необходимостью соблюдения ее интересов, ограничены (ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих»). Ограничения прав и свобод, которые накладываются на военнослужащих войск национальной гвардии, в целом аналогичны тем, что применяются к другим федеральным государственным служащим, они включают запрет на участие в управлении коммерческими структурами и ведение предпринимательской деятельности, соответственно военнослужащие могут получать доход исключительно за выполнение своих служебных обязанностей. Кроме того, им запрещается открывать и иметь счета, а также хранить наличные деньги и ценности в иностранных банках, находящихся за пределами России и др. (ст. 27.1 ФЗ «О статусе военнослужащих»).

Совокупность предоставленных полномочий и прав военнослужащих войск национальной гвардии, а также ограничений их прав и свобод, связанных с прохождением военной службы в войсках правопорядка, формируют желаемую модель построения государственного воинского формирования деятельность которого связана с участием в территориальной обороне, борьбе с особо опасными вооруженными деструктивными элементами (терроризмом) и оказании содействия органам внутренних дел в выполнении задач по охране общественного порядка.

Государственно-правовая идеология сформировала облик военнослужащего войск национальной гвардии как гражданина Российской Федерации, который не мыслит себя кроме как гражданином России, готового беззаветно служить Родине, защищать и охранять права и законные интересы граждан от преступных посягательств, укреплять общественный порядок при выполнении задач мирного времени, а в военное время и при выполнении задач по укреплению международного мира и

безопасности с оружием в руках защищать общественные и государственные интересы, территориальную целостность Отечества, вести непримиримую борьбу с вооруженными деструктивными элементами и воинскими формированиями стран-противников, не отвлекаясь на какие-либо собственные корыстные цели и интересы, проявляя в бою смелость, отвагу, оказывая всяческую помощь своим товарищам. Вышеперечисленные предписания идеологического характера, формирующие желаемый образ современного военнослужащего войск национальной гвардии, требуют от военнослужащих высокой сознательности, зрелости взглядов в отношении протекающих политических процессов, позиционирования себя с точки зрения служения государству, обеспечения его стабильности и, как следствие, общественного благосостояния посредством обеспечения высокого уровня правопорядка, который может быть достигнут в том числе, не иначе как в результате профессионального исполнения ими своих обязанностей и соблюдения законности при реализации предоставленных полномочий.

В войсках национальной гвардии, равно как и в Вооруженных Силах Российской Федерации в целом, современное законодательство, определяющее порядок прохождения военной службы и устанавливающее правовой статус военнослужащих, в отношении данного вида федеральной государственной службы содержит идеологемы, в соответствии с которыми взаимоотношения между военнослужащими должны быть построены на принципах единоначалия, взаимного уважения друг к другу вне зависимости от воинского звания, национальности и принадлежности к какой-либо религии и др., основываясь на сознании святости и нерушимости Военной присяги, построении крепкого войскового товарищества.

Идеи об облике военнослужащих и содержании военно-служебных отношений в войсках национальной гвардии имеют свое продолжение и нормативное закрепление в Наставлении по организации в войсках национальной гвардии Российской Федерации военно-политической (политической) работы, утвержденном приказом Росгвардии от 20 апреля 2021 г. № 132. В соответствии с данным наставлением военнослужащие в целях эффективного выполнения возложенных на них задач должны обладать высоким уровнем морально-политического и психологического состояния, иметь соответствующие качества, глубоко понимать и поддерживать государственную политику в установленных сферах деятельности Росгвардии, способствовать укреплению единоначалия, быть патриотами, верными воинскому долгу и Военной присяге.

Заключение

Вышеперечисленные предписания идеологического характера, заключенные в нормах права, посредством которых государство формирует желаемый облик государственного воинского формирования и граждан, проходящих в нем службу, определяет основные цели, задачи и ценностное наполнение военно-служебных отношений (отношений, возникающих в связи с прохождением и исполнением гражданами обязанностей военной службы), обусловленных совокупностью правового статуса военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и предоставленных им полномочий.

Таким образом, государственно-правовая идеология формирует образ военной составляющей Росгвардии и военнослужащего войск национальной гвардии как преданного Отечеству гражданина, который готов защищать интересы государства и общества, соблюдая законность и правопорядок. Неукоснительная реализация рассмотренных в настоящей статье идеологем способствует достижению целей создания Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, что влечет за собой укрепление России, как правового государства, где военная служба является не только обязанностью, но и выражением высших гражданских ценностей.

Список источников

1. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции. // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e (дата обращения 14.10.2025).

2. Бачинин В. А. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: монография / В. А. Бачинин, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2005. 224 с. (Наука и общество). EDN UGDADR.

3. Боброва Н. А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 24–33. EDN TYEVGI.

4. Воронков К. И. Национальная идея добра и всеобщего союза как возможный вариант государственной идеологии в Российской Федерации / К. И. Воронков Р. Ф. Исмагилов, М. В. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3(69). С. 117–123.

5. Дерюгин А. А. Государственно-правовое регулирование организации сопротивления в тылу врага (на примере деятельности войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны) // История органов государственной безопасности России. Исторические чтения: «Гороховая, 2» –2024: материалы Двадцать первых ежегодных Всероссийских исторических чтений, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. СПб. : Государственный музей политической истории России, 2024. С. 159–164. EDN GKZFPM.

6. Заметина Т. В. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности // Россия: общество, политика, история. 2023. № 3(8). С. 136–154. DOI 10.56654/ROPI-2023–3(8)-136–154. EDN BIECWP.

7. Захарцев С. И. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183–194.

8. Зубарев Н. В. Опыт подготовки и выполнения служебно-боевых (боевых) задач группировкой войск (сил) «Запад» по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в период проведения выборов Президента Российской Федерации в 2024 году в районе проведения специальной военной операции. Часть 1, 2 // Князев И. В. Савишин Д. С. Груднак В. М. [и др.]. Мариуполь, 2024 г. URL: http://files.szo.rosgvard.ru/index.php/s/YgbLsCwa59cbKmf. (дата обращения 14.10.2025).

9. История внутренних войск. Т. 3 (1941–1945 гг.) / В. Ю. Новожилов, В. П. Баранов, А. С. Беркутов [и др.]. 2-е изд., пер. и доп.: Военно-исторический труд. М. : Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013 496 с.

10. Каягин А. Б. Государственно-правовая идеология и правовое воспитание: взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 4. С. 99–104. DOI 10.14529/law220415. EDN ELDFIH.

11. Каягин А. Б. К вопросу о понимании государственно-правовой идеологии как необходимой социальной ценности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, № 4. С. 5–9. DOI 10.47475/2618–8236–2024–9-4–5-9. EDN CRMXGV.

12. Комиссаров А. В. Реализация конституционных идеологем в принципах права / А. В. Комиссаров, Е. Б. Абакумова, М. А. Комиссаров // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы XI международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. СПб. : Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. С. 157–161. EDN DVFPRE.

13. Крижановская Г. Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 34–40. EDN MUFAIR.

14. Кроткова Н. В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Советская и постсоветская теория и философия права: проблема преемственности. К 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста» // Государство и право. 2025. № 9. С. 164–186. DOI: 10.31857/S1026945225090164.

15. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 17–32. EDN PIIYYK.

16. Лысенков С. Г. Войска НКВД в системе обороны Сталинграда / С. Г. Лысенков, Н. В. Дубовицкая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4(56). С. 20–23. EDN PYAMBH.

17. Лысенков С. Г. Внутренние войска НКВД СССР в битве за Кавказ / С. Г. Лысенков, В. П. Сидоренко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4(56). С. 24–30. EDN PYAMBR.

18. Маслов В. Н. Государственная идеология или идеология нации? // Ученые записки. Том 15. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. С. 347–365. EDN YUEXHS.

19. Миняйленко Н. Н. Генезис внутренних войск МВД России как элемента системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Н. Н. Миняйленко, А. С. Лунгу // Военно-юридический журнал. 2009. № 1. С. 2–6. EDN LADXXT.

20. Михайлов В. В. Деидеологизация как негативное социальное ограничение // Государственная идеология и современная Россия: материалы Всероссийской научно-общественной конференции, Москва, 28 марта 2014 года / Центр научной политической

мысли и идеологии; Редакционно-издательская группа: С. С. Сулакшин (руководитель), В. Э. Багдасарян, В. Н. Лексин. М. : Наука и политика, 2014. С. 727–746. EDN TBMWCD.

21. Мухаев Р. Т. Теория государства и права: учебник для бакалавров. 3-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2015. 585 с. (Бакалавр. Академический курс). ISBN 978–5-9916–2944–7.

22. Новожилов С. А. Ценностные основания правовой идеологии российского государства / С. А. Новожилов, К. Г. Прокофьев, М. В. Сальников // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 54–60. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

23. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2001. 520с.

24. Осипов Р. А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3(134). С. 44–48. DOI 10.24411/2227–7315–2020–10066. EDN VJMHKW.

25. Рогожкин Н. Е. Внутренние войска МВД России: история и современность // Военная мысль. 2011. № 4. С. 17–30. EDN ODNFVX.

26. Сальников В. П. Преодоление Европы: философско-правовое эссе / В. П. Сальников, М. Л. Груздева // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 11–22. EDN UAXELB.

27. Сальников В. П. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, В. И. Цыганов // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 193–202. EDN UHXIUB.

28. Сальников В. П. Государственная идеология и язык закона / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Хабибулина. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб. : Фонд «Университет», 2001. 208 с. (Безопасность человека и общества). EDN UGUGFR.

29. Сальников М. В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 170–191. EDN SQCCLP.

30. Сальников М. В. Патриотизм и национальная идея России / М. В. Сальников, С. П. Сальников // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 443–447. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

31. Хабибулин А. Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 21–24. EDN CZXFJB.

32. Хабибулин А. Г. Идеология – фундамент государственной деятельности общества // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 37–45. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

33. Хорольский Г. В. Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хорольский Геннадий Валентинович. Волгоград, 2011. 39 с. EDN ZOILQP.

34. Хорунжий С. Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2(29). С. 45–64.

References

1. Bastrykin called for the state ideology to be included in the Constitution. // RBC. Available from: https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e (accessed 14.10.2025). (In Russ).

2. Bachinin V. A. Legal reality in the context of civilization and culture. Methodology of causal analysis: Monograph / V. A. Bachinin , V. P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2005. 224 p . (Science and society). EDN UGDADR. (In Russ).

3. Bobrova N. A. A state without ideology is nonsense // The World of Politics and Sociology. 2019;7: 24–33. (In Russ).

4. Voronkov K. I. National idea of good and universal union as a possible variant of state ideology in the Russian Federation / K. I. Voronkov R. F. Ismagilov, M. V. Salnikov // Legal state: theory and practice. 2022;3(69): 117–123. (In Russ).
5. Deryugin, A. A. State and legal regulation of the organization of resistance behind enemy lines (based on the activities of the NKVD troops of the USSR during the Great Patriotic War) // History of the state security agencies of Russia. Historical readings: "Gorokhovaya, 2" 2024: Proceedings of the Twenty-first annual All-Russian historical readings, St. Petersburg, April 18–19, 2024. SPb : State Museum of Political History of Russia, 2024. pp. 159–164. EDN GKZFPM. (In Russ).
6. Zametina T. V. Constitutional and legal foundations for ensuring the unity of the peoples of Russia as a traditional spiritual and moral value // Russia: society, politics, history. 2023; 3(8): 136–154. DOI 10.56654/ROPI-2023–3(8)-136–154. EDN BIECWP. (In Russ).
7. Zakhartsev S. I. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Legal Science: History and Modernity. 2020;2: 183–194. (In Russ).
8. Zubarev N. V. Experience of preparation and performance of service and combat (combat) tasks by the group of troops (forces) "West" to protect public order and ensure public safety during the elections of the President of the Russian Federation in 2024 in the area of the special military operation. Part 1, 2 // Knyazev I. V., Savishin D. S., Grudnak V. M. [et al.]. Mariupol, 2024 [Electronic resource]. Avaible from: http://files.szo.rosgvard.ru/index.php/s/YgbLsCwa59cbKmf (date of access 10/14/2025). (In Russ).
9. History of the Internal Troops. Volume 3 (1941–1945) / V. Yu. Novozhilov, V. P. Baranov, A. S. Berkutov [et al.]. 2nd ed., trans. and add.: Military-historical work. Moscow: Editorial board of the journal "On duty" of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, 496 p. (In Russ).
10. Kayagin A. B. State-legal ideology and legal education: interrelation and interdependence // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022; Vol. 22, 4: 99–104. DOI 10.14529/law220415. EDN ELDFIH. (In Russ).
11. Kayagin A. B. On the Issue of Understanding State-Legal Ideology as a Necessary Social Value // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2024; Vol. 9, 4: 5–9. DOI 10.47475/2618–8236–2024–9-4–5-9. EDN CRMXGV. (In Russ).
12. Komissarov A. V. Implementation of Constitutional Ideologies in the Principles of Law / A. V. Komissarov, E. B. Abakumova, M. A. Komissarov // Current Issues in the Development of Statehood and Public Law: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2025. St. Petersburg: All-Russian State University of Justice, 2025. pp. 157–161. EDN DVFPRE. (In Russ).
13. Krizhanovskaya G. N. On the Need for State Ideology // The World of Politics and Sociology. 2019;9: 34–40. EDN MUFAIR. (In Russ).
14. Krotkova N. V. All-Russian scientific conference with international participation "Soviet and post-Soviet theory and philosophy of law: the problem of continuity. On the 100th anniversary of the birth of O. E. Leist " // State and Law. 2025;9: 164–186. DOI : 10.31857/ S 1026945225090164. (In Russ).
15. Lazarev V. V. Ideological support of modern justice // The World of Politics and Sociology. 2019;4: 17–32. EDN PIIYYK. (In Russ).
16. Lysenkov S. G. NKVD troops in the Stalingrad defense system / S. G. Lysenkov, N. V. Dubovitskaya // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012;4 (56): 20–23. EDN PYAMBH. (In Russ).
17. Lysenkov S. G. Internal Troops of the NKVD of the USSR in the Battle for the Caucasus / S. G. Lysenkov, V. P. Sidorenko // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012;4(56): 24–30. EDN PYAMBR. (In Russ).
18. Maslov V. N. State ideology or ideology of the nation? // Scientific notes. Volume 15. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", 2017: 347–365. EDN YUEXHS. (In Russ).
19. Minyaylenko N. N. Genesis of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an Element of the System of Ensuring National Security of the Russian Federation / N. N. Minyaylenko , A. S. Lungu // Military Law Journal. 2009; 1: 2–6. EDN LADXXT. (In Russ).
20. Mikhailov V. V. Deideologization as a Negative Social Constraint // State Ideology and Modern Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Public Conference, Moscow, March 28, 2014 / Center for Scientific Political Thought and Ideology; Editorial and Publishing Group: S. S. Sulakshin (Head), V. E. Baghdasaryan, V. N. Leksin. Moscow: Science and Politics, 2014: 727–746. EDN TBMWCD. (In Russ).
21. Mukhaev R. T. Theory of State and Law: Textbook for Bachelors. 3rd ed., trans. and add. M.: Yurait, 2015. 585 p. (Bachelor. Academic course). ISBN 978–5-9916–2944–7. (In Russ).

22. Novozhilov S. A. Value Foundations of the Legal Ideology of the Russian State / S. A. Novozhilov, K. G. Prokofiev, M. V. Salnikov // Protection of Statehood: Historical Heritage and Modern Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, March 26, 2025) / Under the scientific ed. V. P. Salnikov. St. Petersburg : Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2025: 54–60. In the book. 634 pp . (Series: 80 Years of Our Victory in the Great Patriotic War). (In Russ).

23. General Theory of Law and State: Textbook / Ed. by V. V. Lazarev. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurist, 2001. 520 p. (In Russ).

24. Osipov R. A. Deformation of the individual's legal consciousness in modern Russian society // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020;3(134): 44–48. DOI 10.24411/2227–7315–2020–10066. EDN VJMHKW. (In Russ).

25. Rogozhkin N. E. Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: History and Modernity // Military Thought. 2011; 4: 17–30. EDN ODNFVX. (In Russ).

26. Salnikov V. P. Overcoming Europe: A Philosophical and Legal Essay / V. P. Salnikov, M. L. Gruzdeva // The World of Politics and Sociology. 2015;8: 11–22. EDN UAXELB. (In Russ).

27. Salnikov V. P. Western civilization and the threat of the blue international: political and legal aggression of the postmodern period / V. P. Salnikov, V. B. Romanovskaya, V. I. Tsyganov // The world of politics and sociology. 2015;9: 193–202. EDN UHXIUB. (In Russ).

28. Salnikov V. P. State Ideology and the Language of Law / V. P. Salnikov, S. V. Stepashin, N. G. Khabibulina . St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: University Foundation, 2001. 208 p. (Human and Society Security). EDN UGUGFR. (In Russ).

29. Salnikov M. V. Western legal tradition: political and legal values and ideals // The World of Politics and Sociology. 2013;10: 170–191. EDN SQCCLP. (In Russ).

30. Salnikov M. V. Patriotism and the National Idea of Russia / M. V. Salnikov, S. P. Salnikov // Defense of Statehood: Historical Heritage and Modern Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, March 26, 2025) / Under the scientific ed. V. P. Salnikov. St. Petersburg : Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2025: 443–447. In the book 634 p. (Series: 80 Years of Our Victory in the Great Patriotic War). (In Russ).

31. Khabibulin A. G. Ideology – a fundamental factor in social development // The World of Politics and Sociology. 2019;6: 21–24. EDN CZXFJB. (In Russ).

32. Khabibulin A. G. Ideology – the Foundation of the State Activity of Society // Protection of Statehood: Historical Heritage and Modern Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, March 26, 2025) / Under the scientific ed. V. P. Salnikov. St. Petersburg : Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2025: 37–45. In the book 634 p. (Series: 80 Years of Our Victory in the Great Patriotic War). (In Russ).

33. Khorolsky G. V. State and legal anti-corruption ideology in the structure of the Russian legal system: theoretical and legal analysis: specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state": Abstract of Cand. Sci. (Law): 12.00.01 / Khorolsky Gennady Valentinovich. Volgograd, 2011. 39 p. EDN ZOILQP. (In Russ).

34. Khorunzhiy S. N. Constitutional ideology and the balance of protected legal values // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2017; 2(29): 45–64. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 25.12.2025;
approved after reviewing 12.02.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 340

ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ И СИЛОВОЙ ГАРАНТ ЭВОЛЮЦИИ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Виктор Пантелеевич Очередько
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
ocheredkovp@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется место и роль войск национальной гвардии Российской Федерации в контексте эволюции ценностно-правовой парадигмы современной российской государственности. Рассматривается переход от интегративно-либеральной к конституционно-суверенной модели в рамках единой парадигмы, закрепленной Конституцией Российской Федерации 1993 года. На основе анализа институциональных изменений (2016–2026 гг.) делается вывод о том, что создание и развитие Росгвардии является знаковым маркером и силовым гарантом указанной эволюции. Предложена авторская классификация функций войск национальной гвардии, отражающая её роль в обеспечении стабильности государственного развития.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, российская государственность, ценностно-правовая парадигма, конституционная суверенность, ценностный суверенитет, силовые институты, функции государства

Для цитирования: Очередько В.П. Войска национальной гвардии как институциональное отражение и силовой гарант эволюции ценностно-правовой парадигмы российской государственности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 50–58. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/006.pdf.

Original article

NATIONAL GUARD TROOPS AS AN INSTITUTIONAL REFLECTION AND POWER GUARANTEE OF THE EVOLUTION OF THE VALUE-LEGAL PARADIGM OF RUSSIAN STATEHOOD

Viktor P. Ochered'ko
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
ocheredkovp@mail.ru

Abstract. The article examines the place and role of the National Guard Troops of the Russian Federation in the context of the evolution of the value-legal paradigm of modern Russian statehood. It considers the transition from an integrative-liberal to a constitutional-sovereign model within the framework of a unified paradigm established by the 1993 Constitution of the Russian Federation. Based on an analysis of institutional changes (2016-2026), the article concludes that the creation and development of the National Guard Troops is a significant marker and a forceful guarantor of this evolution. The author proposes a classification of the functions of the National Guard, reflecting its role in ensuring the stability of state development.

Keywords: National Guard troops, Russian statehood, value-legal paradigm, constitutional sovereignty, value sovereignty, power institutions, and state functions

For citation Ochered'ko V.P. National guard troops as an institutional reflection and power guarantee of the evolution of the value-legal paradigm of russian statehood. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 50–58. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/006.pdf.

© Очередько В.П., 2026

Введение

Современный этап развития российской государственности характеризуется сложными и динамичными процессами трансформации политико-правовой системы, поиска адекватных ответов на внутренние и внешние вызовы. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование роли силовых институтов, обеспечивающих стабильность и безопасность государства. Среди них особое место занимают войска национальной гвардии Российской Федерации, созданные в 2016 году и за короткий срок ставшие неотъем-

лемым элементом механизма государственной власти.

Целью настоящей статьи является определение места и роли войск национальной гвардии в контексте эволюции ценностно-правовой парадигмы современной российской государственности. Для достижения этой цели предполагается обосновать категорию «ценностно-правовая парадигма государственности» как методологический инструмент анализа, рассмотреть эволюцию российской государственности от интегративно-либеральной к конституционно-суверенной модели, проанализировать институциональные изменения, опосредованные созданием и развитием Росгвардии; предложить классификацию функций войск национальной гвардии, отражающую её роль в развитии современной российской государственности.

Основная часть

Исследование места и роли войск национальной гвардии в жизни современной России требует выхода за узкие рамки ведомственного анализа. Суть проблемы состоит в том, чтобы рассмотреть войска национальной гвардии в контексте эволюции современной российской государственности, рассматривая их как институциональное отражение и силовой гарант этой эволюции. В деятельности данного института обеспечивается осуществление правовых форм и приобретает стабильность развитие российской государственности в современных условиях. В последнее время такой подход приобретает всё большую актуальность [1, с. 43].

Государственность отражает идею государственно организованного общества и характеризует сущностные свойства государства. Она реализуется в отношениях между государством и обществом (доверие, легитимность), государством и территорией (суверенитет, контроль), его прошлым, настоящим и желаемым будущим (преемственность, историческая память). Обращение к категории государственности обеспечивает многомерное и глубокое понимание сложного и динамично развивающегося социального феномена – государства, позволяет проследить его историческую и культурную обусловленность, выявить и объяснить реальные проблемы эволюции общественной жизни.

Для более глубокого анализа места и роли войск национальной гвардии в развитии российской государственности целесообразно, на наш взгляд, ввести в научный оборот категорию «парадигма государственности». Это имеет глубокое методологическое и практическое значение, позволяя перейти от описания текущих функций силового ведомства к пониманию его сущностной роли в эволюции политической системы России, а именно – как институционального отражения и силового гаранта эволюции ценностно-правовой парадигмы российской государственности.

Термин «парадигма» имеет глубокие исторические корни и изначально был связан с представлением о первообразе мира, общества и человека. Первоначально он использовался в качестве методологического средства для выявления моделей и образцов развития науки. Т. Кун определяет научную парадигму как признанные научным сообществом достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений [2, с. 17]. Вместе с тем, к концу XX века, этот феномен выходит за пределы философии науки и используется в более широком контексте. Понятие «парадигма» распространяется как методологическое средство для анализа социальных явлений и процессов в целях выявления социокультурных и ценностных оснований, определяющих целеполагание и содержание развития социальных институтов. Формируясь в системе реальных общественных отношений, парадигма является своего рода ориентиром в развитии явлений социальной жизни. В настоящее время анализируется общественно-политическая парадигма [3], ценностно-правовая парадигма [4], парадигма правового государства [5], идеологическая парадигма [6], парадигма построения правовой государственности [7] и другие политико-правовые феномены. Обращает на себя внимание тот факт, что многие исследователи используют этот термин, не затрудняя себя определением его смысловой нагрузки [8].

Парадигма государственности представляется аналитической платформой, содержащей базовые параметры государственности и позволяющей провести инструментальный анализ деятельности войск национальной гвардии применительно к каждому элементу, увидеть, как именно войска «вшиты» в ткань современной российской государственности.

В основе парадигмы национальной государственности лежат ценностные образы и образы права (правовые институты и формы).

Ценностные образы представляют собой «душу» государственности. Они отвечают на вопрос: «Во имя чего мы существуем как государство?». Общество и государство в своем развитии всегда руководствуются ценностными ориентирами. Как совершенно справедливо указывает Г. Зиммель: «Как бы сильно ни была наша жизнь определена механикой вещей и их объективностью, мы в действительности не можем сделать ни шага, ни помыслить мысли, не оснащая свое чувствование вещей ценностями и не направляя соответственно этим ценностям нашу деятельность» [9, с. 45]. Образы «Русская земля», «Москва – Третий Рим», «Великая держава», «СССР – прообраз будущего человечества» в российской истории формируют идентичность, без которой любые правовые институты повисают в воздухе.

Образы права (институты, правовые формы) являются «телом» государственности. Они являются проекцией ценностных установок на плоскость практической организации жизни, формализуют идеалы, превращая их в институты и правовые формы (суды, полицию, кодексы, процедуры). Право, как социальный регулятор объективирует ценности конкретно-исторического общества, всегда выражая ценностный выбор последнего. Изменение этого выбора закономерно меняет институты и правовые формы.

Парадигма национальной государственности сохраняет устойчивость до тех пор, пока между этими двумя слоями – ценностным и институционально-правовым – сохраняется согласованность. Государственность разрушается, если правовые формы перестают быть вместилищем национальных ценностных образов, превращаясь в пустую оболочку. И точно так же она невозможна, если ценностные образы не облекаются в правовые формы, оставаясь в сфере благих пожеланий или утопий.

Дискурсивные образы (идеалы, оценки, констатации) – это не просто слова или метафоры, а сложные мыслительные конструкции, формирующиеся в процессе социальной коммуникации. Они находятся в центре ценностно-правовой парадигмы государственности, на стыке общества и государства, и вырабатываются в ходе неизменных дискуссий, где сталкиваются, объясняются, оспариваются и согласовываются устойчивые представления о должном, справедливом и законном. Архетипическим прообразом дискурса для всей последующей ценностно-правовой парадигмы российской государственности явилось «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. XI в.) [10, с. 12], от которого тянутся нити ко всем последующим образам – от «Москвы – Третьего Рима» до современных концепций «государства-цивилизации» и «ценностного суверенитета». Актуализацией этого древнего архетипа является дискурс, имеющий глубокую историю о традиционных ценностях, с которым связан устойчивый народный идеал «жить не по закону, а по совести».

Таким образом, можно определить парадигму государственности как исторически конкретную взаимообусловленную структуру ценностей (отвечающих на вопрос «во имя чего существует государство» – сакральные основания, целеполагание) и права (отвечающих на вопрос «как оно должно быть организовано» – институты, правовые формы), а также их объяснение и оценивание посредством дискурсивных образов (идеалы, оценки). Это те характеристики, которые подчеркивают самостоятельность и самодостаточность государственности, ее имманентную сущность, внутренние возможности и потенциал.

Российская государственность в своем историческом развитии была представлена в разных ценностно-правовых парадигмах. Ценностно-правовая парадигма современной российской государственности базируется на Конституции Российской Федерации 1993 года. Иногда говорят, что она, провозгласив права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2), наполнила государственность исключительно либерально-интеграционным содержанием. Однако ситуация не столь однозначна. В действительности Конституция Российской Федерации изначально содержала в себе как права и свободы человека в качестве высшей ценности, приоритет международного права, идеологическое многообразие, так и государственное единство, историческую преемственность, защиту суверенитета. Это заложило ресурс для реализации нескольких сценариев развития. Назовем их интегративно-либеральной и конституционно-суверенной моделями одной ценностно-правовой парадигмы, закрепленной в Конституции Российской Федерации 1993 года.

Интегративно-либеральная модель формировалась в контексте развития глобализационных тенденций, их признания

Россией и принятия либеральных ценностей в качестве приоритетов развития государственности. Следует признать, что страна серьезно продвинулась в реализации этой модели, что, однако, привело к возникновению серьезных угроз национальной безопасности.

Коррективы в содержательном наполнении российской государственности можно определить как переход к модели конституционной суверенности. Он характеризуется отказом от безусловной интеграции в западный мир, утверждением России как государства-цивилизации, опирающегося на собственные ценности, традиции и ресурсы, в стремлении дать на конституционном языке ответы на вопросы, на которые интеграционно-либеральная модель ответить не смогла.

Этот переход осуществляется в рамках сохранения единой ценностно-правовой парадигмы российской государственности, базирующейся на Конституции Российской Федерации, за счет переакцентуации содержащихся в ней смыслов. Ее ценностное ядро – «человек, его права и свободы – высшая ценность» (ст. 2 Конституции Российской Федерации) – сохранено, но изменилось его соотношение с другими конституционными ценностями. Поправки 2020 года стали легитимным способом адаптации основного закона к новым условиям, где суверенитет (территориальный, ценностный, информационный, культурный) и национальная идентичность выходят на первый план как необходимые условия для реализации прав человека. Суть эволюции – если в либерально-интеграционной модели права человека были не только высшей ценностью, но и критерием, которым оценивались законы, действия власти и даже сама Конституция, то в настоящее время суверенитет становится условием обеспечения прав человека.

В эволюции ценностно-правовой парадигмы «задействованы» все слои общества и все государственные институты. Эволюция нашла свое институциональное воплощение в усложнении и перестройке силового блока как реализации развивающейся концепции национальных интересов, закрепленной в стратегических документах (Стратегия национальной безопасности 2009 г. и последующие). Данный процесс включает трансформацию и перераспределение функций существующих силовых структур (МВД, ФСБ, Следственный комитет Российской Федерации, прокуратуры), создание новых координирующих органов (Национальный антитеррористический комитет, антитеррористические комиссии, военные советы), обеспечивающих надведомственное управление, коррекцию принципов управления в сторону прямой президентской вертикали в сочетании с ведомственным взаимодействием, а также нормативно-правовую формализацию новых реалий.

Образование войск национальной гвардии в 2016 году [11; 12] выступает не изолированным событием, а знаковым институциональным маркером того, как в рамках единой ценностно-правовой парадигмы происходит акцентуация суверенно-охранительного полюса и развитие права под эту акцентуацию, осуществляется глубинная реорганизация всего силового контура государства. Оно отражает логику институционального усложнения и президентски-центрированного управления силовым блоком. Росгвардия – это конкретная институциональная форма реализации новой концепции безопасности, где государство возвращает себе монополию на силу и защиту суверенитета.

Анализ войск национальной гвардии в заданном контексте позволяет перевести исследование из абстрактно-правового в социально-политическое и институционально насыщенное русло. Институт становится материальным воплощением новых ценностных приоритетов и коррективов в способе согласования ценностей и права.

Появление Росгвардии как отдельной структуры в 2016 г. отразило осознание того, что внутренняя безопасность требует самостоятельного, президентски-центрированного инструмента, выведенного из системы МВД.

Передача спецподразделения «Гром» из МВД в 2023 г.[13] отразила необходимость концентрации силовых ресурсов под единым командованием для противодействия нарастающим наркотической и криминальной угрозам, подчеркивая ключевую роль Росгвардии в защите внутренней безопасности страны.

Участие в специальной военной операции как регулярная функция отразило понимание тотальности угроз.

Оснащение войск национальной гвардии тяжелым вооружением (танки, артиллерия) в 2024–2025 гг. отразило расширение понимания угроз: участие в боевых действиях наравне с армией и возможность внутреннего вооруженного мятежа (опыт ЧВК «Вагнер»).

Повышение стратегической значимости Арктики и возрастание геополитических рисков обусловили наделение Росгвардии широким кругом задач по обеспечению государственной и общественной безопасности в этом регионе.

Усложнение задач и необходимость совершенствования служебно-боевой деятельности обусловили создание Главного штаба войск национальной гвардии [14]. Наделение его, среди прочих, разведывательной функцией отразило признание того, что гибридные угрозы требуют превентивной разведки, а не только реактивных действий.

Развитие образа «защитника традиционных ценностей» в публичном дискурсе отражает закрепление ценностной повестки и конституционализацию традиционных ценностей.

Разработка и реализация воспитательных и патриотических программ, работа с молодежью отражают понимание того, что безопасность обеспечивается не только силой, но и формированием, и отстаиванием адекватной информационно-ценностной среды.

Каждое предпринятое действие представляет собой институциональный ответ на новый уровень понимания угроз (гибридные угрозы), развитие функциональной универсализации Росгвардии, проявляющейся в способности действовать как полицейская структура в борьбе с терроризмом, обеспечении правопорядка, осуществлении регулятивной и надзорной деятельности, как армейское подразделение, способное вести боевые действия, как субъект социальной политики, участвуя в решении гуманитарных и социальных задач.

Процесс институционализации войск национальной гвардии (встраивания в ткань государственности) сопровождался теоретическим осмыслением и преодолением концептуальной неопределенности. Последняя была обусловлена тем, что, во-первых, Росгвардия выступила в качестве преемницы ряда функций, которые ранее выполнялись МВД России, а, во-вторых, созданный орган исполнительной власти представляет собой новую структуру, аналогов которой в России ранее не было. Как отмечает Л.Ю. Гарник, несмотря на очевидную преемственность по отношению к функциям МВД, новизна структуры порождала вопросы о её соответствии традиционным признакам правоохранительной деятельности [15, с. 189]. Доказательство такого соответствия через анализ законодательства и полномочий Росгвардии явилось важным результатом, закрепляющим в научном сознании образ нового института как «неотъемлемого элемента» правоохранительной системы, созданного для её совершенствования в целях обеспечения общественной и государственной безопасности.

Нельзя обойти вниманием и возникающие в результате создания и развития Росгвардии проблемы в части взаимодействия с другими государственными институтами как проявление процесса институциональной перестройки всего силового блока, требующего длительной и кропотливой доработки правовых механизмов на всех уровнях. Прикладные исследования, проведенные в системе МВД и Росгвардии в 2020–2021 гг., фиксировали характерный для переходного этапа разрыв. Так, по данным опросов руководящего состава, 66 % респондентов указывали на недостаточное правовое обеспечение взаимодействия с иными органами, а 60 % отмечали необходимость наделения Росгвардии правом проведения оперативно-розыскных мероприятий [16, с. 52].

Как показывает анализ правового регулирования в сфере оборота оружия, до 2023 года сохранялось дублирование полномочий между Росгвардией и МВД, а ведомственные акты вступали в противоречие друг с другом [17, с. 42]. Лишь с принятием Федерального закона от 6 февраля 2023 г. осуществлено окончательное разграничение функций: за МВД остался первичный прием оружия от граждан (районный уровень), а за Росгвардией – его централизованное хранение и уничтожение (региональный уровень). Данный пример наглядно демонстрирует, что нормативная база адаптируется к новым институциональным реалиям с неизбежным временным лагом, и процесс этой адаптации продолжается даже спустя годы после создания ведомства, требуя постоянного совершенствования законодательства и межведомственного взаимодействия.

Войска национальной гвардии не просто функционируют в рамках ценностно-правовой парадигмы российской государственности – они являются гарантом российской государственности, обеспечивающим силовые и правовые условия для ее дальнейшей эволюции без срывов и катастроф.

В реализации своего предназначения Росгвардия наделена широким кругом

функциональных обязанностей [18]. В литературе, в рамках исследования широкого круга обязанностей войск национальной гвардии, осуществляется структуризация ее функций, прежде всего в контексте реализации функций государства [1, с. 45]. Акцентуация анализа деятельности войск национальной гвардии в контексте эволюции ценностно-правовой парадигмы российской государственности позволяет нам осуществить классификацию функций войск национальной гвардии по её роли в обеспечении эволюции ценностно-правового развития государственности:

Функция поддержания правопорядка (базовая) – обеспечение текущего, повседневного функционирования государства и общества. Она включает охрану общественного порядка, защиту прав и свобод граждан, участие в охране частной собственности (вневедомственная охрана), контрольно-надзорную деятельность (оборот оружия, частная охранная деятельность) и др.

Институциональная функция – Росгвардия как институт с прямым президентским подчинением и расширенными полномочиями является механизмом силового обеспечения деятельности Президента Российской Федерации как гаранта Конституции Российской Федерации в выбранном ценностно-правовом векторе развития.

Функция обеспечения необратимости ценностной акцентуации – активируется в экстраординарных ситуациях, когда возникает угроза самому конституционному строю, и гарантирует, что эволюция в рамках единого ценностно-правового развития не будет прервана насильственным путем (вооруженным мятежом, попыткой цветной революции).

Дискурсивно-легитимирующая функция – формирование и трансляция в публичном пространстве ценностного образа Росгвардии как защитника конституционного строя и традиционных ценностей, обеспечивающего легитимацию силового обеспечения государственной политики через воспитательные, патриотические и просветительские мероприятия. Образ Росгвардии в публичном пространстве как защитника Конституции, а её создание – как «оправданный ответ на угрозы» – активно формируется в отечественном образовательном и научном пространстве [19, с. 521; 20, с. 59; 21, с. 26].

Реализация всех обозначенных функций войск национальной гвардии может быть осуществлена лишь при соответствующем кадровом обеспечении. Подготовка кадров должна быть нацелена не только на решение текущих задач, но и на подготовку офицера к работе в условиях, когда структура, функции и образ войск национальной гвардии будут неизбежно меняться вслед за эволюцией парадигмы государственности в поисках ответов на развитие внутренних и внешних угроз.

Ключевой тренд в модернизации системы подготовки офицерских кадров для Росгвардии – дополнение образа преимущественно «охранителя порядка» образом «защитника информационно-ценностного суверенитета». Информация – это не только «оружие пропаганды» и не только «воспитательная работа» в традиционном понимании. Это среда обитания, в которой разворачиваются все события: от массовых мероприятий до боевых действий. Офицер должен уметь ориентироваться в этой среде так же уверенно, как на местности. Работа с информацией, в том числе в неблагоприятной информационной среде, становится новым элементом профессиональной компетенции офицера войск национальной гвардии. Способность профессионально действовать в информационном пространстве становится сегодня таким же элементом профессионализма, как огневая подготовка или знание тактики. Информация – это оружие, среда и ресурс одновременно. Не овладевший им оказывается слеп и глух на поле боя XXI века.

Важным аспектом развития военного образования является подготовка не просто профессионалов, а носителей и трансляторов той самой парадигмы, которую они призваны защищать. Это требует включения в образовательные программы дисциплин, формирующих мировоззренческую устойчивость и глубокое понимание офицерами ценностных оснований своей служебно-боевой деятельности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Предложенная категория «ценностно-правовая парадигма государственности» выступает эффективным методологическим инструментом, позволяющим рассматривать развитие государственных институтов не изолированно, а в неразрывной связи с ценностными основаниями и правовыми формами их существования.

Эволюция современной российской государственности от интегративно-

либеральной к конституционно-суверенной модели обусловила перестройку всего силового блока. Создание в 2016 году войск национальной гвардии стало институциональным отражением этой трансформации.

Развитие структуры и комплекса задач Росгвардии отражает повышение ее роли в развитии российской государственности, адресных ответов на конкретные угрозы, которые государство научилось распознавать на данном этапе. Ведомство, способное действовать и как полицейская структура, и как армейское подразделение, и как субъект социальной политики, и как транслятор ценностей, становится универсальным инструментом защиты суверенитета в его широком понимании – от территориальной целостности до ценностной идентичности.

Усложнение существующих и появление новых угроз российской государственности, новый уровень их осмысления, предполагают дальнейшее развитие войск национальной гвардии. Ключевым условием адекватного ответа на эти вызовы выступает модернизация системы подготовки кадров, ориентированная на формирование офицера не только как высококлассного профессионала-силовика, но и как защитника информационно-ценностного суверенитета, способного действовать в информационной среде как в новой реальности XXI века.

Список источников

1. Никонов Д. А. Основные формы реализации правоохранительной функции войсками национальной гвардии Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) / Д. А. Никонов, Ф. С. Сибгатуллин // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 43–48.
2. Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М. : АСТ, 2003. 317 с.
3. Гаджиев К. С. Политическая наука. М. :Междунар. отношения, 1995. С. 250.
4. Посадский А. В. Юридическая наука в зеркале ценностно-правовой парадигмы / А. В. Посадский, О. И. Цыбулевская // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70).
5. Шумский Л. Н. Парадигма правового государства в политической концептологии Карла Шмитта / Л. Н. Шумский, А. В. Крысенко // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія. 2016. № 16.
6. Лебедев М. С. Идеологическая парадигма современного государства, опирающаяся на принцип верховенства права / М. С. Лебедев, С. П. Иванова // Журнал исторических исследований. 2023. Т. 8. № 4.
7. Глушаченко С. Б. Правовые идеалы в отечественной правовой мысли: парадигма построе- ния правовой государственности // История государства и права. 2009. № 5. С. 33–36.
8. Мельникова О. В. Теоретическая парадигма государственной власти: историко-правовой анализ // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). 270–272.
9. Зиммель Г. Философия денег // Теория общества: сборник / пер. с нем., англ.; вступ. ст., сост. и общ. ред. А. Ф. Филиппова. М. : КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 1999. С. 28–168.
10. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Повести Древней Руси / ред. О. В. Творогов. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 12–35.
11. Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2072.
12. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 41. Ст. 5802.
13. Полицейский спецназ «Гром» передали в подчинение Росгвардии // РБК (17 июля 2023) (дата обращения: 12 марта 2026).
14. Об утверждении Положения о Главном штабе войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 февраля 2026 г. № 63 // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413518566/ (дата обращения: 07.03.2026).
15. Гарник Л. Ю. Место Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) в системе правоохранительных органов государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 188–191.

16. Марин В. А. Системное взаимодействие войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 50–54.
17. Назарова И. С. Актуальные теоретико-прикладные аспекты нормативной регламентации функции Росгвардии по контролю в сфере оборота оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 41–44.
18. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.
19. Кильметова Р. Р. Роль войск национальной гвардии в обеспечении безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 520–522.
20. Буряков В.Н. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации в системе органов обеспечения государственной и общественной безопасности // Интерактивная наука. 2019. № 11 (45). С. 58–61.
21. Шеншин В. М. К вопросу о месте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме Российской государственности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 25–28.

References

1. Nikonov D. A. The Main Forms of Law Enforcement by the National Guard Troops of the Russian Federation (Theoretical and Legal Aspects) / D. A. Nikonov, F. S. Sibgatullin // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022;2 (33): 43–48. (In Russ.).
2. Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij / sost. V. YU. Kuznecov. M. : AST, 2003. 317 s. (In Russ.).
3. Gadzhiev K. S. Politicheskaya nauka. M. :Mezhdunar. otnosheniya, 1995. S. 250. (In Russ.).
4. Posadskij A. V. Legal Science in the Mirror of the Value-Legal Paradigm / A. V. Posadskij, O. I. Cybulevskaya // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025;2 (70). (In Russ.).
5. SHumskij L. N. The Paradigm of the Rule of Law in Carl Schmitt's Political Conceptology / L. N. SHumskij, A. V. Krysenko // Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Ser.: Istoriya. Politologiya. 2016;16. (In Russ.).
6. Lebedev M. S. The ideological paradigm of the modern state based on the principle of the rule of law / M. S. Lebedev, S. P. Ivanova // ZHurnal istoricheskih issledovanij. 2023. Vol. 8;4. (In Russ.).
7. Glushachenko S. B. Legal Ideals in Russian Legal Thought: The Paradigm of Building a Legal State // Istoriya gosudarstva i prava. 2009;5: 33–36. (In Russ.).
8. Mel'nikova O. V. The Theoretical Paradigm of State Power: Historical and Legal Analysis // Molodoj uchenyj. 2021;50 (392): 270–272. (In Russ.).
9. Zimmel' G. The Philosophy of money // Teoriya obshchestva: sbornik / per. s nem., angl.; vstup. st., sost. i obshch. red. A. F. Filippova. M. : KANON-press-C: Kuchkovo pole, 1999. S. 28–168. (In Russ.).
10. Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona // Povesti Drevnej Rusi / red. O. V. Tvorogov. SPb. : Azbuka-klassika, 2001. S. 12–35. (In Russ.).
11. Decree of the President of the Russian Federation No. 157 dated April 5, 2016 "Issues of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation" (with amendments and additions) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;15. St. 2072. (In Russ.).
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 510 dated September 30, 2016, "On the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation" (as amended and supplemented) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;41. St. 5802. (In Russ.).
13. Policejskij specnaz «Grom» peredali v podchinenie Rosgvardii // RBK (17 iyulya 2023) (data obrashcheniya: 12 marta 2026). (In Russ.).
14. Ob utverzhdenii Polozheniya o Glavnom shtabe vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11 fevralya 2026 g. № 63 // GARANT.RU. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413518566/ (data obrashcheniya: 07.03.2026). (In Russ.).
15. Garnik L. YU. The place of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (Rosgvardia) in the system of law enforcement agencies of the state // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020;2: 188–191. (In Russ.).
16. Marin V. A. Systemic Interaction of the National Guard Troops of the Russian Federation // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021;1: 50–54. (In Russ.).

17. Nazarova I. S. Current theoretical and applied aspects of the regulatory framework for the Rosgvardia's control over the circulation of weapons / I. S. Nazarova, V. M. SHenshin // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023;6 (222): 41–44. (In Russ.).
18. Federal Law No. 226-FZ of July 3, 2016 "On the National Guard Troops of the Russian Federation" (as amended on July 1, 2021)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;27 (chast' I). St. 4159. (In Russ.).
19. Kil'metova R. R. The Role of the National Guard in Ensuring Russia's Security // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024;10 (238): 520–522. (In Russ.).
20. Buryakov V.N. Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in the system of state and public security agencies // Interaktivnaya nauka. 2019;11 (45): 58–61. (In Russ.).
21. SHenshin V. M. On the Role of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in the Mechanism of Russian Statehood // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024;1 (229): 25–28. (In Russ.).

Информация об авторе

В. П. Очередько *– доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик РАЕН*

Information about the author

Viktor P Ochered'ko *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences*

Статья поступила в редакцию 16.03.2026;
одобрена после рецензирования 30.04.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 16.03.2026;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 340.12:340.15

ИДЕЯ МИРА И ПРАВОПОРЯДКА В УЧЕНИИ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО КАК ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ПРЕДПОСЫЛКА КОНЦЕПЦИИ ИСТИННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Виктор Петрович Сальников[1], Виталий Васильевич Бегеза[2]
[1] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
[1] fonduniver@bk.ru
[2] vvbegeza@niisem.ru

Аннотация. Раскрывается историко-правовое значение учения Марсилия Падуанского о мире и правопорядке для современной теоретико-правовой постановки вопроса об истинном суверенитете государства. Обосновывается, что мир в трактате «Защитник мира» означает не только отсутствие войны или конфликта, но и состояние правильно устроенного политико-правового порядка. Такое состояние предполагает верховенство человеческого закона, наличие гражданского законодателя, правителя, связанного законом, и недопустимость конкурирующих центров принудительной юрисдикции. Делается вывод о том, что марсилианская идея мира может рассматриваться как историко-правовая предпосылка концепции истинного суверенитета государства, понимаемого как реальная способность публичной власти обеспечивать устойчивый правопорядок, сохранять самостоятельность государственного решения и защищать национальную безопасность через право и институты.

Ключевые слова: Марсилий Падуанский, Защитник мира, мир, правопорядок, публичная власть, закон, гражданский законодатель, суверенитет, истинный суверенитет, национальная безопасность

Для цитирования: Сальников В.П., Бегеза В.В. Идея мира и правопорядка в учении Марсилия Падуанского как историко-правовая предпосылка концепции истинного суверенитета государства // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 59–68. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/007.pdf.

Original article

THE IDEA OF PEACE AND LAW AND ORDER IN THE TEACHINGS OF MARSILIUS OF PADUA AS A HISTORICAL AND LEGAL PREREQUISITE FOR THE CONCEPT OF TRUE STATE SOVEREIGNTY

Viktor P. Salnikov[1], Vitaly V. Begeza[2]
[1] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[1] fonduniver@bk.ru
[2] vvbegeza@niisem.ru

Abstract. The article explores the historical and legal significance of Marsilius of Padua's teachings on peace and law and order for the modern theoretical and legal approach to the question of true state sovereignty. It is argued that peace in the treatise "Defender of Peace" signifies not only the absence of war or conflict, but also a state of a properly organized political and legal order. Such a state presupposes the supremacy of human law, the presence of a civil legislator, a ruler bound by law, and the inadmissibility of competing centers of coercive jurisdiction. It is concluded that Marsilius's idea of peace can be viewed as a historical and legal prerequisite for the concept of true state sovereignty, understood as the real ability of public authority to ensure stable legal order, preserve the independence of state decision-making, and protect national security through law and institutions.

Keywords: Marsilius of Padua, Defender of Peace, peace, legal order, public authority, law, civil legislator, sovereignty, true sovereignty, national security

For citation: Salnikov V.P., Begeza V.V. The idea of peace and law and order in the teachings of Marsilius of Padua as a historical and legal prerequisite for the concept of true state sovereignty. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 59–68. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/007.pdf.

© Сальников В.П., Бегеза В.В., 2026

Введение

Обращение к Марсилию Падуанскому в исследовании истинного суверенитета государства не является историко-философским украшением темы. В трактате «Защитник мира» поставлен вопрос, который сохраняет значение для теории государства и права: каким образом политическое сообщество может удерживать мир, если внутри него появляются самостоятельные претензии на высшую власть, закон и принуждение (21; 25; 26; 36). Уже в исходном понятии «pacis» соединены значения мира и спокойствия; при этом Г. П. Лупарев специально указывает, что в контексте трактата мир сближается с устойчивостью общественного и политического порядка [28, с. 31–32; 30, с. 64].

Актуальность темы связана с тем, что суверенитет государства сегодня невозможно раскрывать только как формально-юридическую независимость. Для исследования, например, проблемы «Национальная безопасность Российской Федерации в контексте проблематики истинного суверенитета» важно показать: подлинный суверенитет предполагает способность государства обеспечивать правопорядок, сохранять самостоятельный центр публичного решения и защищать политико-правовую систему от внутреннего и внешнего размывания. Научная проблема статьи состоит в выявлении того, каким образом средневековая категория мира у Марсилия получает государственно-правовое содержание.

Цель статьи – раскрыть идею мира и правопорядка в учении Марсилия Падуанского как историко-правовую предпосылку концепции истинного суверенитета государства. Наш тезис заключается в следующем: мир у Марсилия – это не пассивное отсутствие столкновений, а результат правильно организованной публичной власти, закона и гражданского порядка. Элемент научной новизны состоит в интерпретации «Защитника мира» не только как антипапского трактата, но и как ранней модели защиты единого суверенного правопорядка.

Историко-правовой контекст: мир как состояние политического тела

Для Марсилия политический раздор не является частным неудобством власти. На примере Италии он показывает, что раздоры ведут к внешнему господству, бедности, унижению, утрате свободы и нормальной жизни народа [30, с. 65–66]. Тем самым мыслитель фактически связывает мир с политической субъектностью сообщества: народ, утративший устойчивый порядок, теряет способность самостоятельно удерживать собственную судьбу.

Историческая среда начала XIV в. усиливала такую постановку вопроса. Раздробленность Италии и Германии, противостояние папства и светской власти, коммунальное движение и рост городов создавали ситуацию, в которой несколько властных центров одновременно претендовали на управление обществом [28, с. 20–23]. Поэтому марсилианский вопрос о мире был вопросом не столько нравственного умиротворения, сколько устройства власти и устранения институционального раздвоения [30, с. 186–187].

Марсилий рассматривает государство как результат развития человеческого общения. Он обращается к происхождению гражданского общества и затем определяет город-государство как совершенное сообщество, созданное не только ради жизни, но и ради хорошей жизни [30, с. 75, 79]. Эта формула имеет для юридического анализа принципиальное значение: государство существует не ради одной физической безопасности, а ради упорядоченной и достойной жизни, которая невозможна без закона и публичной власти.

Особое место занимает учение о частях государства. Марсилий называет земледельцев, ремесленников, торговцев, воинов, священников, судей или советников и связывает спокойствие с тем, что каждая часть выполняет свое назначение согласно разуму и установленному порядку [30, с. 82, 185]. Следовательно, мир – это рабочее состояние политического тела. Правопорядок нарушается не только преступлением отдельного лица, но и институциональным выходом какой-либо части общества за пределы своей функции.

Закон и гражданский законодатель как основание правопорядка

Ключ к марсилианскому пониманию мира находится в учении о законе. В главах X и XI первой части трактата Марсилий разбирает значения слова «закон» и обосновывает необходимость правления по закону. Даже справедливый правитель, по его мысли, не должен управлять произвольно: закон защищает решение от неведения, страсти, личной выгоды и пристрастности [30, с. 108, 112]. Здесь хорошо видно, что мир держится не на личной добродетели властителя, а на устойчивости правового порядка.

Не менее важен вопрос о действующей причине закона. Марсилий различает знание справедливого и полезного, и закон в собственном смысле, который получает обязательную силу через полномочного законодателя [30, с. 123]. В этом пункте он обращается к аристотелевской традиции участия народа в решении вопроса о власти, но делает собственный акцент: законодательная власть должна быть связана с гражданским сообществом, а не с произволом одного лица или замкнутой группы [6, с. 464–466]. Это как бы апелляция к естественному праву каждого человека [10; 22; 23; 33].

Для концепции истинного суверенитета данное обстоятельство позволяет сделать важный вывод. Суверенная воля государства не должна превращаться в частную волю правителя, корпорации или внешнего центра. Она нуждается в правовой форме, способной выражать общий публичный порядок. Поэтому закон у Марсилия – это не просто приказ власти, а средство удержания общего блага от частного присвоения.

Именно здесь мир, закон и суверенитет соединяются в одну теоретическую линию. Если законодательная власть подменяется внешней или корпоративной юрисдикцией, государство теряет способность быть самостоятельным источником обязательного порядка. В таком случае формальное наличие власти еще не означает ее подлинной суверенности. Она предполагает в своем арсенале влияние на общественный порядок всей совокупности социальных регуляторов; в современной философии права эта ситуация определяется как синкретизм правовой культуры [4; 12; 13; 14; 34].

Правитель и пределы публичной власти

Марсилий не отрицает необходимости наличия правителя, но последовательно ограничивает его публичной функцией. Правитель должен обладать благоразумием и справедливостью, однако сама власть правителя производна: полномочие утверждать или выбирать правление принадлежит народу, а законодатель вправе определять правителя и отстранять его, если этого требует общее благо [30, с. 139, 147]. Перед нами не современная теория народного суверенитета, но уже выраженная идея производности и служебного характера публичной власти.

Особенно показательно рассуждение о санкциях против правителя. Марсилий признает, что правитель может выйти за пределы закона и превратиться в деспота, если не будет существовать правовой оценки его действий [30, с. 182]. Это важно подчеркнуть: мир требует не только повиновения управляемых, но и ответственности самой власти. Государство не становится сильнее от произвола правителя; напротив, произвол разрушает доверие к порядку и подрывает его устойчивость.

В современном теоретико-правовом измерении этот тезис работает против упрощенного понимания суверенитета как ничем не ограниченной власти. Истинный суверенитет не тождественен безграничности властителя. Он выражается в способности публичной власти действовать как институт, связанный правом, общим благом и ответственностью перед политическим сообществом, притом ответственностью находящегося ответчика на любом уровне власти, включая самый высокий [7; 8; 18].

Конкурирующая юрисдикция как угроза миру и суверенному порядку

Главный конфликт «Защитника мира» связан с притязаниями духовной власти на светское управление. Однако видеть в этом только богословскую полемику было бы слишком узко. Марсилий доказывает, что ни римский епископ, ни иной священник не могут присваивать себе принудительное правление, судебное производство и высшую власть над церковником или мирянином; одновременно он разводит обязанность священников и обязанность правителя [30, с. 215, 314]. В юридическом смысле речь идет о недопустимости второго центра принудительного решения внутри одного политического порядка.

Именно поэтому папское вмешательство в гражданские дела у Марсилия становится причиной смуты. Глава XXV второй части трактата специально показывает выход римского епископа за рамки церковной сферы, а Г. П. Лупарев справедливо характеризует соответствующую линию

трактата как прообраз светского государства [28, с. 44–50; 30, с. 521]. Но для нашей темы важно не только светское государство как таковое. Важно, что мыслитель описывает общий механизм разрушения правопорядка: конкурирующая юрисдикция разрывает политическое тело и делает невозможным устойчивый мир.

Это положение прямо связано с концепцией истинного суверенитета. Государство может иметь формальные признаки независимости, но если внутри него легально или фактически действует иной верховный центр принуждения, публичная власть оказывается неполной. Истинный суверенитет требует способности пресекать незаконное присвоение публичных полномочий и удерживать единство правового решения.

От историко-правовой идеи к современной концепции истинного суверенитета

В третьей части трактата Марсилий формулирует выводы, которые должны привести правителей и подданных к цели книги. Среди них – положение о том, что законодательство принадлежит гражданам или их преобладающей части, что правитель решает гражданские дела в соответствии с законами и обычаями, а частная коллегия или отдельное лицо не могут иметь власть над другим без решения земного законодателя [30, с. 646–647]. По существу, это программа защиты единого гражданского правопорядка.

В российской конституционной плоскости проблема единства публичной власти и правового порядка соотносится с положениями о суверенитете Российской Федерации, верховенстве Конституции и юридической значимости федеральных законов, предметах ведения Российской Федерации и статусе Президента как главы государства [1, ст. 4, 71, 80]. Разумеется, Марсилий со своими идеями не может быть напрямую включен в современную конституционную доктрину. Но историко-правовой смысл его учения помогает увидеть, что суверенитет всегда связан с вопросом о том, кто является носителем окончательного публичного решения.

Связь рассматриваемой проблематики с национальной безопасностью также не является внешней или искусственно присоединенной [5; 9; 27; 29; 37; 39]. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет ее как базовый документ стратегического планирования, в котором закреплены национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, задачи нейтрализации внутренних и внешних угроз, а также создание условий для достижения национальных целей развития [2, п. 1–2]. В этом смысле национальная безопасность выступает не только как система оборонных, политических, экономических или информационных мер. В более глубоком теоретико-правовом измерении она предполагает наличие устойчивого государственного правопорядка, способного обеспечивать управляемость общества, обязательность права, единство публичной власти и самостоятельность принятия государственных решений.

Если перевести это на язык общей теории государства и права, национальная безопасность невозможна без суверенного правопорядка. Государство может обладать формальными признаками суверенитета, иметь территорию, население, систему органов власти, международно-правовое признание, но при этом фактически утрачивать способность самостоятельно определять цели развития, защищать общественный порядок, пресекать конкурирующее принуждение и обеспечивать верховенство собственного закона. Именно здесь возникает различие между формальным суверенитетом и суверенитетом подлинным, или истинным. Последний выражается не только в юридическом провозглашении независимости, но и в реальной способности государства действовать как самостоятельный центр публичной власти, правового решения и стратегической ответственности.

В такой постановке вопроса национальная безопасность, оказывается тесно связанной с состоянием правопорядка. Угроза безопасности возникает не только тогда, когда государству противостоит внешний военный противник. Не менее существенной угрозой является размывание внутренней способности государства к правовому управлению: раздвоение центров власти, подмена публичного интереса частными или корпоративными интересами, зависимость ключевых решений от внешних субъектов, утрата контроля над нормативной, информационной, экономической или ценностной средой. Поэтому национальная безопасность в ее государственно-правовом понимании предполагает не только защиту территории и населения, но и защиту самой способности государства быть государством, то есть самостоятельно создавать, поддерживать и охранять обязательный для всех правовой порядок.

Именно в этой логике представляется возможным использовать учение Марсилия Падуанского как историко-правовую предпосылку современной концепции истинного суверенитета. Разумеется, Марсилий не использует категорию национальной безопасности в современном смысле и не создает законченной доктрины суверенитета, тем более в ее конституционно-правовом или международно-правовом выражении. Однако он ставит вопрос, без которого современная теория суверенитета остается неполной: как политическое сообщество может сохранить мир и порядок, если внутри него возникает конкурирующая претензия на высшую власть, закон и принуждение. Для Марсилия опасность состоит не только в конфликте между духовной и светской властью как таковом, а в том, что подобный конфликт разрушает единый порядок управления и создает ситуацию, при которой политическое тело перестает действовать согласованно.

С этой точки зрения марсилианская идея мира имеет прямое значение для теории национальной безопасности. Мир у Марсилия – это не пассивная тишина и не простое отсутствие открытого столкновения. Это нормальное состояние политико-правового организма, в котором каждая часть выполняет свое назначение, правитель действует по закону, гражданский законодатель обладает полномочием устанавливать обязательные правила, а принудительная власть не раздваивается между несколькими самостоятельными центрами. Иначе говоря, мир есть состояние защищенного правопорядка. Там, где право перестает быть единым, где принуждение присваивается конкурирующим субъектом, где публичная власть утрачивает самостоятельность, там исчезает не только мир в марсилианском смысле, но и сама основа безопасности политического сообщества.

В современной российской государственно-правовой повестке данная логика может быть сопоставлена с обращением к категории полного суверенитета. Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 17 декабря 2025 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что Россия «вернула себе статус полного суверенитета» и стала «во всех смыслах этого слова суверенной страной» [3]. Для целей настоящего исследования данная формула важна не как политическая декларация, а как теоретико-правовой ориентир: она указывает на суверенитет не только как на юридический статус, но и как на фактическое состояние государственной дееспособности. Полный, а в предлагаемой нами научной конструкции – истинный суверенитет означает способность государства самостоятельно определять стратегический курс, обеспечивать безопасность, защищать национальные интересы и удерживать собственный правопорядок от внешнего и внутреннего размывания.

Поэтому связь между Марсилием Падуанским и современной проблематикой национальной безопасности заключается не в прямой исторической преемственности понятий, а в общности государственно-правовой логики. Марсилий показывает, что политическое сообщество не может быть устойчивым, если в нем отсутствует единый центр законной публичной власти. Современная теория национальной безопасности, в свою очередь, показывает, что государство не может быть безопасным, если оно не обладает реальной способностью самостоятельно поддерживать правопорядок, защищать суверенную волю и нейтрализовывать угрозы, направленные на разрушение его политико-правовой субъектности. В этом смысле учение Марсилия можно рассматривать как одну из ранних историко-правовых предпосылок концепции истинного суверенитета государства, где суверенитет понимается не как символический атрибут власти, а как ее реальная способность обеспечивать мир, порядок, безопасность и общее благо.

Марсилий не использует современную категорию национальной безопасности и не создает законченной доктрины суверенитета. Но он ставит вопрос, без которого современная теория суверенитета неполна: как защитить политическое сообщество от раздвоения власти и от конкурирующих претензий на принуждение. Поэтому его учение можно рассматривать как историко-правовую предпосылку концепции истинного суверенитета, где суверенитет понимается не как символ, а как реальная дееспособность государства.

Историческое значение «Защитника мира» подтверждается тем, что трактат не был забыт и воспринимался как серьезный вызов средневековому порядку. Г. П. Лупарев отмечает широкий отклик произведения, а Б. Н. Чичерин видел в позиции Марсилия возражение не только против папских притязаний, но и против всего

средневекового устройства власти [28, с. 59–62; 40, с. 104]. Сравнение с Данте также показательно: если Данте связывал мир с идеей единой всемирной монархии, то Марсилий сильнее сосредоточен на внутренней юридической организации гражданского порядка – законе, законодателе, правителе и пределах церковной власти [16, с. 34–35].

Заключение

Идея мира у Марсилия Падуанского имеет выраженное государственно-правовое содержание. Мир – это не только отсутствие войны, но и нормальное состояние политического сообщества, в котором его части действуют согласно назначению, закон обладает обязательной силой, правитель связан правом, а принудительная юрисдикция не раздваивается.

Для концепции истинного суверенитета это имеет принципиальное значение. Государство не является подлинно суверенным, если оно не способно охранять собственный правопорядок от незаконного присвоения публичной власти, конкурирующего принуждения и произвола самой власти. Истинный суверенитет проявляется как способность государства быть правовой формой общего блага и защитником гражданского мира. Он выступает как духовная и нравственно-правовая социальная ценность [11; 19; 20, с. 137–154; 24; 31; 38, с. 21–55].

Само название трактата, раскрываемое в заключительной части, позволяет увидеть Марсилия как «защитника мира» в более широком смысле: защитника политико-правового порядка, без которого невозможны ни устойчивое государство, ни полноценная публичная власть [30, с. 653]. Для научной специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» данная тема важна тем, что связывает историю правовых учений с современной теорией государства, суверенитета и национальной безопасности. Для научного исследования она показывает: национальная безопасность начинается не только с реакции на угрозы [17; 32; 35], но и с наличия у государства самостоятельного, устойчивого и защищенного правопорядка. Нам представляется, что именно о таком подходе к анализу теоретико-правовых проблем справедливо говорят представители Российской академии наук [15].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. М., 2026.
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
3. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 17 декабря 2025 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78801 (дата обращения 03.05.2026)
4. Абезгильдин Р. Р. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет / Р. Р. Абезгильдин, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. 2016. № 2. С. 182–195.
5. Александров А. И. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А. И. Александров, С. С. Ковалевский, А. В. Коровников [и др.]; под общ. ред. С. В. Степашина. М.: Финансовый контроль, 2003. 250 с.
6. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
7. Артамонова Г. К. Правовой запрет как способ ограничения публичной политической власти: исторические предпосылки возникновения / Г. К. Артамонова, П. П. Сальников, М. М. Султыгов // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 11–20.
8. Артамонова Г. К. Правовые запреты в контексте ограничения публичной политической власти: некоторые вопросы классификации / Г. К. Артамонова, П. П. Сальников, М. М. Султыгов // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 37–51.
9. Васильев А. И. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание / А. И. Васильев, В. П. Сальников, С. В. Степашин. СПб. : Фонд «Университет», 1999. 192 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
10. Верховодов Е. В. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля / Е. В. Верховодов, В. П. Сальников, В. Б. Романовская // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201–208.

11. Воробьев А. О. Общественное согласие как основание государственного суверенитета: ценностный аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2. С. 5–11.

12. Галиев Ф. Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С 36–73.

13. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Том 19. № 1. С. 336–341.

14. Галиев Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры: монография. Уфа: БашГУ, 2011. 354 с.

15. Горбань В. С. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли (по результатам заседания Президиума РАН от 9 сентября 2025 г.) / В. С. Горбань, С. В. Маликов // Государство и право. 2025. № 12. С. 203–206.

16. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В. П. Зубова; коммент. И. Н. Голенищева-Кутузова. М. : Канон, 1999.

17. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 67–72. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

18. Додонов В. Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 160 с.

19. Жук А. С. Государственность как нравственно-правовая ценность общества // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 30–36. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

20. Захарцев С. И. Право в XXII веке: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, В. И. Гасумянов. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.

21. Зорина Н. В. Суверенитет как выражение свободы воли общества: концепция Марсилия Падуанского / Н. В. Зорина, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 173–179.

22. Исмагилов Р. Ф. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 176–184.

23. Исмагилов Р. Ф. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19–26.

24. Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 22–24. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

25. Клименко О. А. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22–28.

26. Клименко О. А. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22–29.

27. Колокольцев В. А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 248 с.

28. Лупарев Г. П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст. и примеч. Г. П. Лупарева. М. : Дашков и К°, 2014. С. 11–62.

29. Маркус С. А. Юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-инструментальный анализ: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1 / Маркус Сергей Альбертович. СПб., 2026. 214 с.

30. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст. и примеч. Г. П. Лупарева. М. : Дашков и К°, 2014. 656 с.

31. Мирзоев А. К. Правовой режим функционирования системы обеспечения государственного суверенитета в условиях глобализации и политико-правовой интеграции (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мирзоев Ашурали Кенджаевич. Душанбе, 2025. 43 с.

32. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 423 с. (Научная мысль).

33. Романовская Л. Р. Античные корни естественно-правовой теории / Л. Р. Романовская, Е. В. Верховодов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 84–88.

34. Сальников М. В. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры / М. В. Сальников, С. П. Сальников, И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 125–131.

35. Сальников М. В. Угрозы суверенитету Российской Федерации и пути их преодоления // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 117–123. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

36. Сауляк О. П. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее / О. П. Сауляк, А. И. Экимов // Мир политики и социологии. 2014. № 10. С. 23–25.

37. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): монография. СПб. : Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994. 240 с.

38. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

39. Хабибулин А. Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование / А. Г. Хабибулин, А. И. Селиванов. М. : Формула права, 2008. 272 с.

40. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. М. : Гардарики, 2001.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. M., 2026. (In Russ).

2. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2021. № 27 (chast' II). St. 5351. (In Russ).

3. Putin V. V. Vystupleniye na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii 17 dekabrya 2025 g. // Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/78801 [Accessed 3rd May 2026] (In Russ).

4. Abezgil'din R. R. Network structures, organized crime, syncretism of modern legal culture and state sovereignty / R. R. Abezgil'din, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2016;2: 182–195. (In Russ).

5. Aleksandrov A. I. Problemy zakonodatel'nogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii / A. I. Aleksandrov, S. S. Kovalevskiy, A. V. Korovnikov [i dr.]; pod obshch. red. S. V. Stepashina. M.: Finansovyy kontrol', 2003. 250 s. (In Russ).

6. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. (In Russ).

7. Artamonova G. K. Legal Prohibition as a Method of Limiting Public Political Power: Historical Prerequisites for Its Emergence / G. K. Artamonova, P. P. Sal'nikov, M. M. Sultygov // Mir politiki i sotsiologii. 2013;12: 11–20. (In Russ).

8. Artamonova G. K. Legal Prohibitions in the Context of Limiting Public Political Power: Some Classification Issues / G. K. Artamonova, P. P. Sal'nikov, M. M. Sultygov // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2015. № 10: 37–51. (In Russ).

9. Vasil'yev A. I. Natsional'naya bezopasnost' Rossii: konstitutsionnoye obespecheniye: Nauchnoye izdaniye / A. I. Vasil'yev, V. P. Sal'nikov, S. V. Stepashin. SPb.: Fond «Universitet», 1999. 192 s. (Seriya: «Bezopasnost' cheloveka i obshchestva»). (In Russ).

10. Verkhovodov Ye. V. "Natural Law" and "Virtue" in the Works of Aristotle / Ye. V. Verkhovodov, V. P. Sal'nikov, V. B. Romanovskaya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015;8: 201–208. (In Russ).

11. Vorob'yev A. O. Public Consent as the Basis of State Sovereignty: Value Aspect // Vestnik Voyennoy ordena Zhukova akademii voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii. 2025;2: 5–11. (In Russ).

12. Galiyev F. Kh. On the Syncretism of Legal Culture // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013;4 (34): 36–73. (In Russ).

13. Galiyev F. Kh. Syncretism of Legal Culture and Optimization of Social Relations // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2014. Tom 19;1: 336–341. (In Russ).

14. Galiyev F. Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury: Monografiya. Ufa: BashGU, 2011. 354 s. (In Russ).

15. Gorban' V. S. Formation of a Coherent Picture of Russian History: Synthesis of Archeology, Historiography, and Humanitarian Thought (based on the results of the meeting of the Presidium of the Russian Academy of Sciences on September 9, 2025) / V. S. Gorban', S. V. Malikov // Gosudarstvo i pravo. 2025;12: 203–206. (In Russ).

16. Dante Alig'yeri. Monarkhiya / per. s ital. V. P. Zubova; komment. I. N. Golenishcheva-Kutuzova. M.: Kanon, 1999. (In Russ).

17. Deryugin A. A. Traditsionnyye dukhovno-nravstvennyye tsennosti i oriyentiry – sterzhen' rossiyskoy gosudarstvennosti na fone sovremennykh ugroz / A. A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Akademiya voysk natsional'noy gvardii, Fond «Universitet», 2025: 67–72. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ).

18. Dodonov V. N. Institut pravovoy otvetstvennosti glavy gosudarstva v sovremennom mire: Monografiya / Pod obshch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2006. 160 s. (In Russ).

19. Zhuk A. S. Gosudarstvennost' kak nravstvenno-pravovaya tsennost' obshchestva // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Akademiya voysk natsional'noy gvardii, Fond «Universitet», 2025: 30–36. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ).

20. Zakhartsev S. I. Pravo v XXII veke: monografiya / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov, V. I. Gasumyanov. M. : Yurlitinform, 2024. 264 s. (In Russ).

21. Zorina N. V. Sovereignty as an Expression of the Free Will of Society: the Concept of Marsilius of Padua / N. V. Zorina, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;4: 173–179. (In Russ).

22. Ismagilov R. F. Convergence in Philosophy and Theology in the Works of Thomas Aquinas as Ensuring the Stability of the Concept of Natural Law / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;10: 176–184. (In Russ).

23. Ismagilov R. F. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the Idea of Justice in the Natural Law Tradition / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;9: 19–26. (In Russ).

24. Kiyko A. Yu. Gosudarstvennyy suverenitet Rossii kak dukhovno-nravstvennaya tsennost' // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025: 22–24. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ).

25. Klimenko O. A. Political Concept of Absolute Sovereignty of Marsilius of Padua and Jean Bodin in the Context of Syncretism of Modern Legal Culture / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev, I. L. Tret'yakov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;3: 22–28. (In Russ).

26. Klimenko O. A. The Development of the Concept of Sovereignty from Marsilius of Padua to Hegel / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev // Yuridicheskaya nauka. 2016;3: 22–29. (In Russ).

27. Kolokol'tsev V. A. Problemy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii: Monografiya / pod obshch. red. V. P. Sal'nikova, R. A. Romashova SPb. : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2005. 248 s. (In Russ).

28. Luparev G. P. Myslitel'-buntar' Marsiliy Paduanskiy // Marsiliy Paduanskiy. Zashchitnik mira. Defensor pacis / per. s frants. B. U. Yesenova; nauch. red., vstupit. st. i primech. G. P. Lupareva. M.: Dashkov i K°, 2014. S. 11–62. (In Russ).

29. Markus S. A. Yuridicheskiye sredstva obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-instrumental'nyy analiz: dis. … kand. yurid. nauk. 5.1.1 / Markus Sergey Al'bertovich. SPb., 2026. 214 s. (In Russ).

30. Marsiliy Paduanskiy. Zashchitnik mira. Defensor pacis / per. s frants. B. U. Yesenova; nauch. red., vstupit. st. i primech. G. P. Lupareva. M. : Dashkov i K°, 2014. 656 s. (In Russ).

31. Mirzoyev A. K. Pravovoy rezhim funktsionirovaniya sistemy obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyakh globalizatsii i politiko-pravovoy integratsii (teoretiko-pravovoy aspekt): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Mirzoyev Ashurali Kendzhayevich. Dushanbe, 2025. 43 s. (In Russ).

32. Politiko-pravovoye upravleniye i ugrozy suverenitetu gosudarstva: Monografiya / M. Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 423 s. (Nauchnaya mysl'). (In Russ).

33. Romanovskaya L. R. Ancient Roots of Natural Law Theory / L. R. Romanovskaya, Ye. V. Verkhovodov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2002;1: 84–88. (In Russ).

34. Sal'nikov M. V. Doctrinal Approaches to International Cooperation in the Fight against Crime: Understanding of Law and Syncretism of Modern Legal Culture / M. V. Sal'nikov, S. P. Sal'nikov, I. L. Tret'yakov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;3: 125–131. (In Russ).

35. Sal'nikov M. V. Ugrozy suverenitetu Rossiyskoy Federatsii i puti ikh preodoleniya // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025: 117–123. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ).

36. Saulyak O. P. Medieval Ideas of the Political Structure of Society, Facing the Future / O. P. Saulyak, A. I. Ekimov // Mir politiki i sotsiologii. 2014;10: 23–25. (In Russ).

37. Stepashin S. V. Bezopasnost' cheloveka i obshchestva (politiko-pravovyye voprosy): Monografiya. SPb.: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy in-t MVD Rossii, 1994. 240 s. (In Russ).

38. Filosofsko-pravovoye poznaniye: aktual'nyye problemy: monografiya / Ye.V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, M. Yu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004 (In Russ).

39. Khabibulin A. G. Strategicheskaya bezopasnost' Rossiyskogo gosudarstva: politiko-pravovoye issledovaniye / A. G. Khabibulin, A. I. Selivanov. M.: Formula prava, 2008. 272 s. (In Russ).

40. Chicherin B. N. Politicheskiye mysliteli drevnego i novogo mira. M.: Gardariki, 2001. (In Russ).

Информация об авторах

В. П. Сальников *– доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

V. P. Sal'nikov *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.05.2026; approved after reviewing 03.06.2026; accepted for publication 18.06.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.985.7

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ НА ПЛАТФОРМАХ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ

Ольга Владимировна Евдокимова
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия
olga.evdokimova_2018@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности совершения мошенничества организованными преступными группами на платформах онлайн-знакомств. Актуальность темы обусловлена активным развитием цифровой среды и использованием онлайн-сервисов не только для общения, но и для реализации преступных схем, направленных на хищение денежных средств граждан. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предметом исследования выступает механизм совершения мошенничества организованными преступными группами на платформах онлайн-знакомств, включая способы вовлечения потерпевших, распределение ролей между участниками группы и т. д. Основная проблема исследования заключается в сложности выявления и доказывания организованного характера таких преступлений. Цель работы состоит в выявлении и систематизации криминалистически значимых признаков мошенничества, совершаемого организованными преступными группами на платформах онлайн-знакомств, а также в определении особенностей, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений данной категории. В результате исследования установлено, что для мошенничества на платформах онлайн-знакомств, совершаемого организованными группами, характерны устойчивость преступной группы, предварительная согласованность действий, распределение функций между участниками, использование подставных аккаунтов, перевод общения в контролируемую преступниками среду, а также сокрытие противоправной деятельности под законную.

Ключевые слова: мошенничество, платформы онлайн-знакомств, организованная преступная группа, ресторанная схема, брачное агентство, информационно-телекоммуникационные технологии, способы мошенничества, технологический метод, психологическое воздействие, цифровые следы, дистанционный способ совершения преступления

Для цитирования: Евдокимова О.В. Особенности совершения мошенничества организованными преступными группами на платформах онлайн-знакомств // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 69–76. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/008.pdf.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF FRAUD COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS ON ONLINE DATING PLATFORMS

Olga V. Evdokimova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia
olga.evdokimova_2018@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the features of fraud committed by organized criminal groups on online dating platforms. The relevance of the topic is due to the active development of the digital environment and the use of online services not only for communication,

but also for the implementation of criminal schemes aimed at stealing citizens' funds. The object of the study is the social relations that arise in the field of countering fraud committed by using information and telecommunication technologies. The subject of the study is the mechanism of fraud committed by organized criminal groups on online dating platforms, including ways to involve victims, the distribution of roles between group members, etc. The main problem of the study is the difficulty of identifying and proving the organized nature of such crimes. The purpose of the work is to identify and systematize criminalistically significant signs of fraud committed by organized criminal groups on online dating platforms, as well as to identify features relevant to disclosure and the investigation of crimes in this category. As a result of the study, it was found that fraud on online dating platforms committed by organized groups is characterized by the stability of the criminal group, the preliminary coordination of actions, the distribution of functions between participants, the use of fake accounts, the transfer of communication to an environment controlled by criminals, as well as the concealment of illegal activities under legitimate ones.

Keywords: fraud, online dating platforms, organized criminal group, restaurant scheme, marriage agency, information and telecommunication technologies, methods of fraud, technological method, psychological impact, digital traces, remote method of committing a crime

For citation: Evdokimova O.V. Features of fraud committed by organized criminal groups on online dating platforms. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 69–76. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/008.pdf.

© Евдокимова О.В., 2026

Введение

Развитие цифровых технологий существенно изменило характер межличностного общения. Платформы онлайн-знакомств, социальные сети и мессенджеры стали привычными средствами поиска партнера, поддержания коммуникации и организации личных встреч. Однако, наряду с легитимным использованием, такие сервисы все чаще становятся инструментом подготовки и совершения преступлений против собственности [13; 14; 15].

Особую общественную опасность представляет мошенничество, совершаемое не отдельными лицами, а организованными преступными группами, использующими платформы онлайн-знакомств как начальный элемент преступного механизма. В подобных случаях сама платформа не всегда является местом непосредственного хищения денежных средств, однако она выполняет ключевую функцию, обеспечивая первичный контакт с потерпевшим, позволяя отобрать потенциально уязвимое лицо, сформировать доверие и перенести общение в контролируемую преступниками среду. Здесь следует согласиться с мнением А. К. Щербаченко, что «цифровизация преступности, в целом, и появление новых способов преступлений, в частности, наиболее активно проявляются в мошенничествах, совершенных группой лиц» [22].

На заседании межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, проходимой в декабре 2025 года, был выработан комплекс дополнительных мер. Это подчеркивает высокую практическую и научную значимость исследования проблем противодействия организованной и высокотехнологичной преступности в современных условиях [4], в том числе и в интересах предупреждения и профилактики преступной деятельности [6; 18; 20; 23],

Зарубежными исследованиями также подтверждается, что современные мошеннические схемы в сфере онлайн-знакомств становятся все более организованными и технологически сложными. Так, в аналитическом материале McMaster University, канадского государственного исследовательского университета, указывается, что «преступные группировки в Юго-Восточной Азии используют психологическое профилирование, тщательно подготовленные сценарии коммуникации и цифровые алгоритмы для воздействия на потенциальных жертв. Через приложения для знакомств они выбирают уязвимых пользователей, стремящихся к романтическим отношениям, формируют у них чувство доверия и эмоциональной привязанности, а затем используют это доверие для реализации финансового мошенничества» [24].

В этой связи представляется обоснованным обращение к научным работам, посвященным проблемам раскрытия и расследования мошенничеств, совершаемых организованными преступными группами. Так, Ф. Г. Аминев и Э. Д. Нугаева, подчеркнули, что «знание особенностей организованной преступной деятельности при совершении мошенничеств при оказании оккультных услуг, в том числе организаторов и исполнителей, характерных свойств личности преступника находится в неразрывной связи с необходимостью разработ-

ки комплекса действенных рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению таких преступлений» [1].

Платформы онлайн-знакомств в рассматриваемой категории преступлений выступают не просто средством общения, а начальным механизмом всей противоправной цепочки. На первом этапе участник преступной группы создает привлекательный образ: использует фотографии, тщательно подобранную анкету, демонстрирует заинтересованность в общении, имитирует романтические намерения либо готовность к серьезным отношениям. При этом преступная цель заключается не в установлении личных отношений, а в последующем склонении потерпевшего к расходованию денежных средств в интересах организованной группы.

Криминалистическое значение данного этапа состоит в следующем:

1. Происходит выбор потерпевшего. Преступники могут ориентироваться на лиц, демонстрирующих доверчивость, одиночество, материальную обеспеченность или готовность быстро перейти к личной встрече.

2. Формируется эмоциональная зависимость. Коммуникация строится таким образом, чтобы у потерпевшего возникло ощущение взаимной симпатии, романтической перспективы или необходимости произвести благоприятное впечатление.

3. Контакты переводятся из Интернета в реальную встречу. Потерпевшему предлагается встреча в конкретном ресторане, кафе, клубе, либо посещение организации, позиционирующей себя как брачное агентство.

4. Предпринимаются меры для сокрытия связи между участниками группы. Потерпевший, как правило, не осознает, что лицо, с которым он познакомился онлайн, действует согласованно с администраторами заведения, официантами, охраной, менеджерами агентства или иными участниками схемы.

Организованная преступная деятельность в сфере мошенничества на платформах онлайн-знакомств характеризуется рядом устойчивых признаков.

Во-первых, это предварительная согласованность действий. Участники заранее распределяют функции: одни лица осуществляют поиск и вовлечение потерпевших на сайтах знакомств, другие обеспечивают встречу, третьи создают видимость законного оказания услуг или обслуживания, четвертые оказывают психологическое давление либо обеспечивают безопасность преступной схемы.

Во-вторых, имеет место устойчивость группы. Такие преступления, как правило, не являются случайными или единичными. Одна и та же схема может применяться неоднократно в отношении разных потерпевших с использованием аналогичных сценариев поведения.

В-третьих, наблюдается распределение ролей. Например, в ресторанной схеме могут участвовать лицо, привлекающее потерпевшего через сайт знакомств, официант, администратор, охранник, кассир или иные лица, создающие видимость обычной коммерческой деятельности. В схеме с брачным агентством роли могут распределяться между анкетерами, менеджерами по продажам, «клиентками» агентства, администраторами и лицами, отвечающими за оформление договоров.

В-четвертых, присутствует маскировка преступной деятельности под законную деятельность. Именно это обстоятельство существенно осложняет квалификацию содеянного, поскольку внешне отношения могут выглядеть как добровольное посещение ресторана, оплата счета или заключение договора на оказание услуг.

В-пятых, важным признаком является использование психологического воздействия. Потерпевшего побуждают действовать под влиянием симпатии, неловкости, желания соответствовать ожиданиям партнера, страха конфликта или давления со стороны персонала.

Одним из распространенных способов организованного мошенничества является схема, связанная с ресторанной деятельностью. Ее сущность заключается в том, что потерпевший знакомится с лицом на платформе онлайн-знакомств, после чего приглашается на встречу в заранее определенное заведение общественного питания. На первый взгляд ситуация выглядит как обычное свидание. Однако фактически место встречи выбирается не случайно, а контролируется участниками преступной группы либо находится с ними в устойчивой связи. Лицо, познакомившееся с потерпевшим, выполняет функцию вовлечения и психологической подготовки.

В ходе анализа эмпирических материалов установлено, что гр. Д., действуя по предварительному сговору с неустановленными лицами, создала профиль на сайте знакомств, вступила в контакт с гр. Г. и назначила ему встречу в кафе, которое выбрала неслучайно, поскольку она действовала в сговоре с его сотрудниками. В ходе встречи гр. Д. заказала салат с рыбой, который впоследствии был упакован с собой, два бокала шампанского и чашку черного чая. Потерпевшему был предъяв-

лен счет на сумму 15 000 рублей, что значительно превышало реальную стоимость заказанных блюд и напитков. Гр. Д., создавая непричастность к происходящему, не выразила возмущения по поводу завышенной стоимости заказа. Непосредственно при расчете к потерпевшему подошли официант и охранники, которые своим присутствием, манерой общения и настойчивыми требованиями закрыть счет создали психологически напряженную и устрашающую обстановку. Их действия были направлены на то, чтобы сформировать у потерпевшего убеждение в неизбежности оплаты счета независимо от его согласия с размером предъявленной суммы. Тем самым потерпевший фактически был поставлен в ситуацию, при которой отказ от оплаты воспринимался им как способный повлечь конфликт, применение физического воздействия либо иные неблагоприятные последствия [19].

Ключевой особенностью ресторанной схемы является то, что хищение денежных средств маскируется под исполнение обязательства по оплате ресторанного счета. Однако если установлено, что заведение, лицо с сайта знакомств и персонал действовали согласованно, а счет был завышен либо потерпевший был введен в заблуждение относительно характера и стоимости услуг, имеются основания рассматривать такие действия как мошеннические.

Второй способ организованной преступной деятельности связан с использованием брачных агентств или организаций, внешне оказывающих услуги по подбору партнера. Как и в ресторанной схеме, первоначальный контакт с потерпевшим устанавливается на платформе онлайн-знакомств. Однако дальнейшая цель состоит не в оплате счета в заведении, а в склонении лица к приобретению дорогостоящих пакетов услуг.

Так, из материалов уголовного дела следует, что преступная схема начиналась с создания на сайте знакомств анкеты от имени привлекательного мужчины, демонстрирующего заинтересованность в установлении романтических отношений. После непродолжительного общения с потерпевшей гр. А. происходил обмен номерами телефонов, что создавало у последней впечатление реальности намерений указанного лица. Вместе с тем дальнейшего телефонного звонка от мужчины гр. Б. не поступало. Спустя некоторое время потерпевшей звонила женщина, представлявшаяся сотрудницей агентства деловых контактов, при этом специально подчеркивая, что данная организация не является брачным агентством. В ходе разговора она сообщала, что действует якобы по просьбе мужчины гр. Б., с которым потерпевшая ранее познакомилась на сайте знакомств. По словам звонившей, данный мужчина был заинтересован во встрече и уже оплатил организацию свидания. Потерпевшей предлагалось прибыть в офис агентства для предварительной встречи и обсуждения деталей предстоящего свидания. После согласия потерпевшая прибывала по указанному адресу, однако вместо ранее звонившей сотрудницы ее встречало иное лицо. Потерпевшей предлагалось заполнить анкету, после чего ей сообщалось о необходимости внесения денежных средств в размере 15 000 рублей в качестве платы за членство в клубе. При этом сотрудники агентства убеждали потерпевшую в том, что членство позволит ей участвовать в организованных свиданиях, посещать мероприятия, а также знакомиться с «достойными мужчинами». Для придания деятельности агентства видимости легитимности сотрудники ссылались на его положительную репутацию, участие в телевизионных проектах, а также на наличие состоятельных клиентов. При отказе потерпевшей оплатить указанную сумму на нее оказывалось психологическое давление. В частности, сотрудник агентства, повышая голос, задавал вопросы следующего содержания: «Почему вы не хотите платить? Тем более 15 тысяч рублей – это не такая большая сумма. У нас некоторые мужчины платят по 300 тысяч рублей». Указанные высказывания были направлены на формирование у потерпевшей чувства неловкости, сомнения в обоснованности собственного отказа, а также на побуждение к немедленной оплате навязанных услуг. Таким образом, первоначальной целью действий участников указанной схемы являлось не фактическое содействие в организации свидания, а привлечение потерпевшей в офис агентства под предлогом бесплатной встречи с заинтересованным мужчиной. После установления личного контакта потерпевшей навязывались платные услуги, не соответствующие первоначально заявленной цели обращения. Даже в случае отказа от внесения денежных средств сотрудники агентства получали возможность дальнейшего воздействия на потерпевшую, используя ее персональные данные, контактную информацию и сведения, полученные при заполнении анкеты [12]. Таким образом, брачное агентство в рассматриваемой модели выполняет функцию легального прикрытия преступной деятельности, а сайт знакомств –

функцию первичного вовлечения потерпевшего.

Ресторанная схема и схема, связанная с брачными агентствами, имеют общую криминалистическую основу: использование романтического интереса как инструмента обмана, согласованность действий нескольких лиц, маскировка преступной деятельности под легальный бизнес и стремление придать хищению видимость добровольной оплаты услуг.

Кроме того, в практике встречаются ситуации, когда преступное поведение начинается с мошеннических действий, основанных на обмане или злоупотреблении доверием, однако в дальнейшем приобретает признаки вымогательства. Так, согласно материалам уголовного дела, в период с мая по сентябрь 2024 года участники преступной группы использовали интернет-знакомства для поиска потерпевших и создания условий для последующего вымогательства денежных средств. Одна из членов группы устанавливала контакт с мужчинами в сети Интернет и договаривалась о встрече при условии наличия у них наркотических средств. После подтверждения данного обстоятельства к месту встречи прибывали соучастники, которые представлялись сотрудниками полиции и требовали деньги за отказ от привлечения потерпевших к уголовной ответственности. В ходе расследования были установлены четыре потерпевших, один из которых передал 100 тысяч рублей [3].

Мошенничество на платформах онлайн-знакомств является одной из современных форм преступной деятельности, при которой цифровые технологии используются для вовлечения потерпевшего в заранее спланированную схему хищения денежных средств. Онлайн-платформа выступает первоначальным звеном преступного механизма, поскольку именно через нее устанавливается контакт с потерпевшим, постепенно формируется доверие и создаются условия для дальнейшего психологического воздействия.

Организованный характер таких преступлений проявляется в устойчивости преступной группы, заранее распределенных ролях между ее участниками, повторяемости применяемых схем, использовании психологического воздействия на потерпевших, а также в наличии коммерческой инфраструктуры, создающей видимость законности совершаемых действий. Поэтому эффективное расследование подобных деяний требует всестороннего анализа цифровых следов, финансовых операций, показаний потерпевших, документации организаций, а также сведений о других эпизодах, совершенных по сходной схеме.

Выводы

Изучение указанных обстоятельств имеет существенное значение для правильного понимания механизма преступления, своевременного выдвижения следственных версий, определения круга причастных лиц, а также выявления, фиксации и последующего использования цифровых доказательств [16]. Особую роль при этом играют переписка потерпевшего со злоумышленниками, данные об используемых аккаунтах, IP-адресах, платежных операциях, банковских картах, электронных кошельках, телефонных номерах и иных цифровых следах.

Понимание специфики таких преступлений позволяет следователям и оперативным сотрудникам более эффективно планировать расследование, устанавливать взаимосвязи между отдельными эпизодами мошенничества, выявлять признаки организованной преступной группы и доказывать согласованный характер действий ее участников. Кроме того, анализ способов совершения мошенничества на сайтах и в приложениях для знакомств важен не только для раскрытия уже совершенных преступлений, но и для их профилактики. Он способствует разработке предупредительных мер, информированию граждан о распространенных схемах обмана, а также совершенствованию взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с администрациями онлайн-платформ и финансовыми организациями [7]. Исключительное значение здесь принадлежит сотрудничеству следственных подразделений и оперативных аппаратов, то есть использованию следователем возможностей оперативно-розыскной деятельности [2; 5; 8; 9; 10; 11; 17; 21].

Таким образом, исследование мошенничества на платформах онлайн-знакомств имеет существенное теоретическое и практическое значение. Оно способствует развитию криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также повышению эффективности выявления, пресечения и доказывания деятельности организованных преступных групп в цифровой среде.

Список источников

1. Аминев Ф. Г. Особенности организованной преступной деятельности в мошенничестве при оказании оккультных услуг / Ф. Г. Аминев, Э. Д. Нугаева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1(83). С. 49–54. EDN ZAVTNZ.

2. Бастрыкин А. И. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве / А. И. Бастрыкин, В. М. Егоршин, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года). СПб. : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 7–45.

3. В Санкт-Петербурге вынесен приговор участникам организованной преступной группы, совершивших серию вымогательств // Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу: официальный сайт. URL: https://spb.sledcom.ru/news/item/2051972/ (дата обращения: 03.05.2026).

4. В Совбезе Российской Федерации подготовили новые меры борьбы с оргпреступностью // Известия. 2025. 16 декабря.

5. Винниченко Н. А. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Н. А. Винниченко, С. И. Захарцев, В. И. Рохлин; под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2004. 176 с.

6. Виноградова Е. В. Профилактика преступности: от концепта к конструкту / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 3. С. 111–119.

7. Евдокимова О. В. Криминалистическое предупреждение мошенничества на платформах онлайн-знакомств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 579–582. DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_579. EDN NRMBDY.

8. Захарцев С. И. Возвращаясь к дискуссии об использовании результатов ОРД в уголовном процессе // Мир политики и социологии. 2014. № 10. С. 153–159.

9. Захарцев С. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. Душанбе: Ирфон, 2014. С. 90–93.

10. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенков, В. П. Сальников. М. : Норма, 2015. 400 с. DOI: 10.17513/np.469

11. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенков, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 320 с. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. DOI: 10.17513/pn.506.

12. Ирина Волк: задержана бывшая сотрудница брачного агентства. Она подозревается в мошенничестве // МВД МЕДИА: сайт. URL: https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-zaderzhana-byvshaya-sotrudnitsa-brachnogo-agentstva-ona-podozrevaetsya-v-moshennichestve/ (дата обращения: 03.05.2026).

13. Исмагилов Р. Ф. Собственность и ее правовая защита (некоторые любопытные новеллы) / Р. Ф. Исмагилов, Э. Б. Курзенин, А. И. Числов // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 121–130.

14. Карязов Н. В. О качестве расследования отдельных видов экономических преступлений: опыт противодействия «финансовым пирамидам» и незаконным валютным операциям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 3. С 513–518.

15. Карязов Н. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Карязов Наиль Викторович. СПб., 2025. 26 с.

16. Нугаева Э. Д. Организация раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием интернет-сервисов: научно-практическое пособие / Э. Д. Нугаева, З. И. Харисова, О. В. Евдокимова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2026. 96 с.

17. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А. И. Бастрыкин,

В. М. Егоршин, С. И. Захарцев [и др.]; под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020. 280 с.

18. Петровский А. В. Институционно-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. 5.1.4 / Петровский Антон Владимирович. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. 597 с.

19. Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-5/2025 // СудебныеРешения.рф: сайт. URL: https://судебныерешения.рф/search (дата обращения: 03.05.2026).

20. Сальников В. Преступления, которых могло не быть / В. Сальников, С. Захарцев // Защита и безопасность. 2020. № 4(95). С. 30–31.

21. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика: монография / А. С. Александин, И. А. Антонов, С. И. Захарцев [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, академика РАЕН С. И. Захарцева, д-ра юрид. наук, профессора, академика РАЕН, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.П. Сальникова. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. 315 с.

22. Щербаченко А. К. Способы мошенничеств, совершенных группой лиц,и криминалистические методы их установления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43). С. 156–161. DOI 10.51980/2542-1735_2021_2_156. EDN ZQLQHX.

23. Яковлева М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Яковлева Маргарита Александровна. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. 23 с.

24. Analysis: Organized crime has infiltrated online dating with sophisticated ‘pig-butchering’ scams // McMaster University: site. 2024. URL: https://news.mcmaster.ca/analysis-organized-crime-has-infiltrated-online-dating-with-sophisticated-pig-butchering-scams/ (дата обращения 03.05.2026).

References

1. Aminev F. G. Features of organized criminal activity in fraud in the provision of occult services / F. G. Aminev, E. D. Nugayeva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019;1(83): 49–54. (In Russ.).

2. Bastrykin A. I. Zakonnost' – glavnoye v ispol'zovanii rezul'tatov ORD v ugolovnom sudoproizvodstve / A. I. Bastrykin, V. M. Yegorshin, S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Protsessual'no-pravovyye osobennosti vzaimodeystviya sledstvennykh organov s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost': Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22 oktyabrya 2021 goda). SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2022. S. 7–45. V sb. 198 s. (In Russ.).

3. V Sankt-Peterburge vynesen prigovor uchastnikam organizovannoy prestupnoy gruppy, sovershivshikh seriyu vymogatel'stv // Glavnoye sledstvennoye upravleniye Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii po g. Sankt-Peterburgu: ofitsial'nyy Avaible from: https://spb.sledcom.ru/news/item/2051972/ (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

4. V Sovbeze RF podgotovili novyye mery bor'by s orgprestupnost'yu // Izvestiya: 2025. 16 dekabrya. Avaible from: https://iz.ru/2009263/2025–12–16/v-sovbeze-rf-podgotovili-novye-mery-borby-s-orgprestupnostiu (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

5. Vinnichenko N. A. Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve / N. A. Vinnichenko, S. I. Zakhartsev, V. I. Rokhlin; pod redaktsiyey V. P. Sal'nikova. SPb., 2004. 176 s. Ser. Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. (In Russ.).

6. Vinogradova Ye. V. Crime prevention: from concept to construct / Ye.V. Vinogradova, S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;3: 111–119. (In Russ.).

7. Yevdokimova O. V. Criminalistic prevention of fraud on online dating platforms // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025;7: 579–582. DOI 10.47643/1815–1337_2025_7_579. EDN NRMBDY. (In Russ.).

8. Zakhartsev S. I. Returning to the discussion about the use of the results of the ORDO in criminal proceedings // Mir politiki i sotsiologii. 2014;10: 153–159. (In Russ.).

9. Zakhartsev S. I. Ispol'zovaniye rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugolovnomu delu: perspektivy zakonodatel'noy reglamentatsii / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Konstitutsionnyye aspekty sovremennogo sostoyaniya zakonodatel'stva Respubliki Tadzhikistan:

Materialy mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Dushanbe: Irfon, 2014. S. 90–93. V sb. 243 s. (In Russ.).

10. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke: Monografiya / S. I. Zakhartsev, Yu. Yu. Ignashchenkov, V. P. Sal'nikov. M.: Norma, 2015. 400 s. DOI: 10.17513/np.469 (In Russ.).

11. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya v XXI veke: Monografiya / S. I. Zakhartsev, Yu. Yu. Ignashchenkov, V. P. Sal'nikov. SPb.: Fond «Universitet», 2006. 320 s. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. DOI: 10.17513/pn.506 (In Russ.).

12. Irina Volk: zaderzhana byvshaya sotrudnitsa brachnogo agentstva. Ona podozrevayetsya v moshennichestve // MVD MEDIA: Avaible from: https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-zaderzhana-byvshaya-sotrudnitsa-brachnogo-agentstva-ona-podozrevaetsya-v-moshennichestve/ (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

13. Ismagilov R. F. Property and its legal protection (some interesting short stories) / R. F. Ismagilov, E. B. Kurzenin, A. I. Chislov // Mir politiki i sotsiologii. 2015;11: 121–130. (In Russ.).

14. Karyazov N. V. On the quality of investigation of certain types of economic crimes: the experience of countering "financial pyramids" and illegal currency transactions // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2024;3: 513–518. (In Russ.).

15. Karyazov N. V. Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4 / Karyazov Nail' Viktorovich. SPb., 2025. (In Russ.).

16. Nugayeva E. D. Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya distantsionnykh moshennichestv, sovershayemykh s ispol'zovaniyem internet-servisov: nauchno-prakticheskoye posobiye / E. D. Nugayeva, Z. I. Kharisova, O. V. Yevdokimova. Ufa: Ufimskiy YUI MVD Rossii, 2026. 96 s. (In Russ.).

17. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': Nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateynyy) k Federal'nomu zakonu / A. I. Bastrykin, V. M. Yegorshin, S. I. Zakhartsev [i dr.]; pod obshch. red. A. I. Bastrykina. M.: Yurlitinform, 2020. 280 s. (In Russ.).

18. Petrovskiy A. V. Institutsionno-normativnaya sistema preduprezhdeniya prestupnogo povedeniya: teoretiko-prikladnoye issledovaniye: Dis. ... dokt. yurid. nauk. 5.1.4 / PetrovskyAnton Vladimirovich. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy un-t, 2024. 597 s. (In Russ.).

19. Prigovor Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Sankt-Peterburga. Delo № 1–5/2025 // SudebnyyeResheniya.rf: Avaible from: https://sudebnyyeresheniya.rf/search (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

20. Sal'nikov V. Crimes that could not have happened / V. Sal'nikov, S. Zakhartsev // Zashchita i bezopasnost'. 2020;4(95): 30–31. (In Russ.).

21. Sledstvennyye deystviya i operativno-rozysknyye meropriyatiya: pravovaya osnova i pravoprimenitel'naya praktika. Monografiya / A. S. Aleksanin, I. A. Antonov, S. I. Zakhartsev [i dr.]; Pod obshch. red. dokt. yurid. nauk, akademika RAYEN S. I. Zakhartseva, dokt. yurid. nauk, professora, akademika RAYEN, Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii V. P. Sal'nikova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy voyennyy ordena Zhukova institut voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2022. 315 s. (In Russ.).

22. Shcherbachenko A. K. Methods of fraud committed by a group of persons and criminalistic methods of their detection // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021;2(43): 156–161. DOI 10.51980/2542–1735_2021_2_156. EDN ZQLQHX. (In Russ.).

23. Yakovleva M. A. Organy vnutrennikh del kak odin iz sub"yektov v sisteme profilaktiki prestupnosti: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. 12.00.08 / Yakovleva Margarita Aleksandrovna. SPb.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2019. 23 s. (In Russ.).

24. Analysis: Organized crime has infiltrated online dating with sophisticated ‘pig-butchering’ scams // McMaster University: site. 2024. Avaible from: https://news.mcmaster.ca/analysis-organized-crime-has-infiltrated-online-dating-with-sophisticated-pig-butchering-scams/ (data obrashcheniya 03.05.2026).

Статья поступила в редакцию 26.05.2026;
одобрена после рецензирования 16.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 26.05.2026;
approved after reviewing 16.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 343.13

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Валерьевна Мищенко
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
map_1234@inbox.ru

Аннотация. В статье отмечается, что цифровизация охватывает все области деятельности человека, не является исключением и сфера уголовного судопроизводства. В этом отношении представлен передовой опыт зарубежных государств, который следовало бы применить в отечественном уголовном судопроизводстве с учетом российского менталитета. Уделяется внимание процессуальным особенностям проведения допроса с использованием видео-конференц-связи. Делается вывод о том, что пока внедрение цифровизации в уголовное судопроизводство происходит не структурированно, а в виде отдельных действий, однако процесс начат и, безусловно, будет получать все большее распространение на уровне и правотворчества, и правоприменения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, цифровизация, зарубежный опыт, модернизация, видео-конференц-связь, допрос

Для цитирования: Мищенко Е.В. Цифровизация как совершенствование форм уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 77–84. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/009.pdf.

Original article

DIGITALIZATION AS AN IMPROVEMENT OF FORMS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

Elena V. Mishchenko
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
map_1234@inbox.ru

Abstract. The article notes that digitalization covers all areas of human activity, and the sphere of criminal justice is no exception. In this regard, the best practices of foreign countries are presented, which should be applied in domestic criminal proceedings, taking into account the Russian mentality. Attention is paid to the procedural features of conducting an interrogation using video conferencing. It is concluded that while the introduction of digitalization into criminal proceedings is not taking place in a structured manner, but in the form of separate actions, however, the process has begun and, of course, will become more widespread at the level of law-making and law enforcement.

Keywords: criminal procedure, digitalization, foreign experience, modernization, video conferencing, interrogation

For citation: Mishchenko E.V. Digitalization as an improvement of forms of criminal procedural activity. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 77–84. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/009.pdf.

© Мищенко Е.В., 2026

Введение

В современном мире с большой скоростью в жизнь и деятельность входят передовые технологии. Деятельность органов предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом не является исключением, и цифровизация уверенными темпами охватывает и эти области. Для того чтобы эффективно усовершенствовать процессуальную деятельность органов предварительного расследования в России важно обратиться к мировому опыту и из синтеза всех наиболее удачных и оптимальных вариантов применить его в своих условиях с учетом особенностей российского восприятия мира. Степень развитости цифровизации в сфере правоприменения различна в зависимости от страны. В настоящее время принято ориентироваться на те государства, которые

наиболее преуспели в юридической сфере, – это Швеция, Нидерланды, Финляндия.

Методы

Методами исследования выступили: метод системного анализа, сравнительно-правовой метод, а также прогностический и формально-логический методы познания.

Основные положения

Первая из перечисленных выше стран – это Нидерланды. Государство шло к нынешнему уровню развития цифровых технологий почти двадцать лет, но в итоге они получили одно из лидирующих мест по уровню цифровизации. В начале XXI века Нидерланды ввели использование электронных подписей, и в течение короткого времени такие подписи стали распространенной практикой. После 2016 года практикуется обеспечение полного открытого доступа к решениям суда и иной документации. Кроме того, подача заявлений о преступлении, апелляционных жалоб также осуществляется в электронной форме через интернет-ресурс, а затем они поступают в обработку наряду с бумажными. Важно отметить, что практика работы с бумажными заявлениями также имеет место в нынешнее время. Все специалисты юридической сферы отмечают удобство использования веб-портала и возможность его использования в любое удобное время [5, с. 15]. В целом, законодательство в Нидерландах устроено таким образом, чтобы все категории граждан имели возможность к обеспечению своих прав наиболее доступным способом.

На таком же высоком уровне, что и в Нидерландах, находится и Германия по уровню правового обеспечения и цифровизации, несмотря на то, что на ее территории уголовно-процессуальный кодекс действует достаточно внушительное время – с 1879 года. Тем не менее политика государства является инновационной [4, с. 108–109].

В научном сообществе Германии считается, что основная цель всех информационных технологий, применяемых в правовой сфере, состоит в обеспечении максимально комфортного сотрудничества государственных органов с остальными институтами и с населением с одновременным развитием удаленного взаимодействия.

Так, в Федеративной Республике Германии (далее – ФРГ) с 1 января 2018 года любое лицо может подать обращение в полицию, прокуратуру, суд в форме электронного документа. ФРГ можно сравнить с Россией, поскольку и в той, и в другой стране есть деление на территориальные единицы. В случае России – это 85 субъектов Российской Федерации, в ФРГ – 16 земель. И в обеих странах есть тенденция развитости одной части территориальных единиц и более замедленных темпов роста в других. Поэтому опыт цифровизации в ФРГ можно также сравнить с Россией, поскольку в некоторых землях, вроде Саксонии, Анхальт, Мекленбург, электронные документы мало распространены ввиду слабого экономического развития. Одновременно в других землях, таких как Бавария, Гессен, Гамбург, цифровые технологии получили быстрое развитие [16, с. 52].

Отмечается, что в планы ФРГ входят меры по расширению возможностей подачи заявлений о преступлениях в органы полиции онлайн, по увеличению компетенций следственного судьи, по улучшению систем протоколирования заседаний в формате аудио, ведутся переговоры относительно образования банка данных ДНК когда-либо подлежавших уголовному преследованию лиц, развитие взаимодействия между органами прокуратуры, судами, полиции на всех уровнях [11, с. 218; 20, с. 1580].

На данный момент документооборот в правовой сфере ФРГ претерпевает период изменений, который в будущем положительно отразиться в области правотворчества и применения права. И этот опыт является полезным для Российской Федерации, ввиду сходства экономического и геополитического развития, даже несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) отличается от УПК ФРГ [11, с. 218].

Для России также интересен опыт цифровизации в Киргизской Республике. В этой сфере выделено несколько направлений:

— были введены новые методы получения доказательств с помощью технических средств видеосвязи;

— введение системы «Единый реестр преступлений» и автоматизация учета сведений;

— переход от института понятых к аудио- и видеофиксации следственных мероприятий;

— внедрение оперативно-розыскных мероприятий в качестве специальных следственных действий с применением различных информационных технологий, таких как видео- и аудиозаписывающие устройства [15, с. 311].

Опыт цифровизации Киргизской Республики также может быть интересен для российского законодательства ввиду удачной и относительно быстрой адаптации новшеств в правотворчестве и правоприменении.

В России на данный момент предприняты первые действия на пути модернизации в уголовном судопроизводстве. Уже существует практика дистанционных судебных разбирательств, что в российских реалиях является актуальным ввиду разницы в часовых поясах регионов страны, а также отсутствия возможности у некоторых участников процесса лично присутствовать в заседании.

Положительно влияет на развитие в этом направлении также использование справочных-правовых систем «Гарант», «КонсультантПлюс», «Кодекс», ГАС «Правосудие». С 2016 года стало возможным применение в процессуальной деятельности копий документов в электронной форме, использование электронной подписи [6, с. 157].

Однако, как утверждает А. А. Якушкин, несмотря на использование электронных носителей в качестве вещественных доказательств, цифровизация не затронула досудебные стадии уголовного процесса [19, с. 464].

В целом, цифровые технологии используются достаточно активно в российском правотворчестве и правоприменении, однако применение их не имеет системности и структуры [13, с. 7; 14, с. 3; 18, с. 45]. Поэтому учет зарубежного опыта цифровизации важен для дальнейшего введения в практику передовых технологий. При этом необходимо также брать в расчет и особенности менталитета.

С января 2017 года у участников уголовного процесса появилась возможность подавать документы в электронной форме, некоторым стало возможным делать это с электронной подписью.

Распространение коронавирусной инфекции ускорило увеличение популярности видео-конференц-связи. В апреле 2025 года сообщалось, что, по данным начальника отдела видеоконференций и связи управления информатизации и связи Верховного суда Российской Федерации А. Германа, количество судебных заседаний с применением видео-конференц-связи (ВКС) в российских судах превысило 6 тысяч в день[1]. Защита также активно ведет деятельность онлайн. Согласно исследованиям, 185 адвокатов из 257 опрошенных пользуются цифровыми технологиями в деятельности [12, с. 39].

Данные нововведения очень важны для уголовного судопроизводства, необходимо их подробное изучение для улучшения в будущем правотворчества и правоприменения в данной сфере [10, с. 90]. Необходимым также представляется проведение анализа по итогам мероприятий по внедрению этих технологий.

Политика государства на данный момент направлена на развитие цифровизации и в будущем. В планах подготовка специального оборудования для хранения электронных документов, обеспечение условий для судопроизводства, обеспечение технических условий для сотрудничества судов с информационными системами Прокуратуры Российской Федерации, Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов и многими другими органами[2].

Некоторые исследователи предполагают в качестве результативного переход материалов в электронный вид, сохранение некоторых действий в цифровом варианте, распространение цифрового документооборота [17, с. 61].

М. Б. Набатов придерживается идеи о более структурированном подходе к распространению цифровых технологий и предлагает создание специального вебпортала, на котором смогут вести деятельность все участники уголовного процесса, в соответствии с их компетенциями, а также с обеспечением всех условий для фиксации хода заседания [12, с. 32].

Мы также поддерживаем точку зрения М. Б. Набатова. Безусловно, цифровизация положительно повлияет в будущем на эффективность судопроизводства, сократит сроки расследования, обеспечит удоб-

[1] Верховный суд раскрыл число дел, рассматриваемых по видеосвязи. URL: https://ria.ru/20250418/sud-2012146482.html (дата обращения: 10.10.2025).

[2] О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 13 (дата обращения: 10.10.2025).

ные варианты взаимодействия между участниками, сбережет правовые средства. Однако все это возможно лишь при учете всех возможных рисков цифровизации, правильной организации и подведении итогов процесса, учет излеченного опыта и дальнейшее совершенствование системы [8, с. 61].

Мы изучили работы таких авторов, как И. С. Ашманов, Н. И Касперская, Б. Шнайер. и пришли к выводу, что есть два типа рисков при внедрении цифровых технологий [3, с. 201]. Их можно назвать утечками и фальсификациями.

В исследованиях В. Солдатских, В. Горячевой сообщается о том, что в 2019 году произошла утечка данных 60 млн клиентов ПАО «Сбербанк»[3], 5 млн учеников школы английского языка «Skyeng»[4]. Больше 70 % этих случаев произошли по той причине, что данные были переданы правонарушителям самими служащими.

М. Б. Набатов в своих исследованиях высказывает возможность подобной ситуации с утечкой данных в процессе перевода всех документов в цифровой формат [12, с. 32]. Трезво оценивая данные риски, важно внедрить и усилить ответственность должностных лиц, имеющих доступ к электронным базам данных, за неразрешенное копирование и распространение. Сегодня с использованием различных программ легко подделывать изображения. Например, Я. Крисслером на международном хакерском форуме было наглядно продемонстрировано, как легко фальсифицировать отпечаток пальцев министра обороны Германии, найденный в открытом доступе. Таким образом, цифровизация, являясь безусловно позитивным явлением, одновременно требует принятия дополнительных правотворческих и технических мер защиты для обеспечения сохранения всех важных данных[5].

В уголовном судопроизводстве такими мерами защиты документов может служить отправка документов в формате PDF или отечественного аналога, а также применение технологии блокчейн. Последняя технология показала свою значительную эффективность, что является необходимым для электронного документооборота, для создания и обеспечения безопасности системы. Вместе с совершенствованием процессуального закона это позволит уменьшить риск создания фальсификаций и утечек.

Теперь необходимо перейти к более точечному рассмотрению процессуальной деятельности органов предварительного расследования, совершенствованию ее методов и уделить внимание опыту цифровизации в конкретном процессуальном контексте.

Так, в настоящий момент допрос является одним из самых важных средств и способов уголовно-процессуального доказывания. При этом на допрос уходит большое количество времени, поскольку при необходимости допрашивать приходится несколько раз, что занимает более 75 % рабочего времени, не считая дополнительного времени на поиск, привлечение, доставку граждан, поэтому большую часть протокольных материалов уголовных дел составляют протоколы допросов [7, с. 20]. Если же необходим допрос лица из другого региона, то обязательно направление письменного поручения о производстве следственного действия с определением наименования органа, ФИО ответственного должностного лица, почтового или электронного адреса и краткого разъяснения круга задач, которые необходимо решить, что также является достаточно затратным по времени процессом.

Данные факты позволяют сделать вывод, что допрос является сложным процессуальным действием, которое может затрудняться еще и поведением допрашиваемого лица, у которого чаще всего интересы, противоположные задачам следователя или дознавателя. Часто допрос усложняет-

---

[3] Солдатских В. Клиенты Сбербанка попали на черный рынок. Утечка затронула владельцев кредитных карт / В. Солдатских, В. Горячева // Коммерсант. 2019. 3 октября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4111863 (дата обращения: 10.10.2025).

[4] Демурина Г. СМИ сообщили об утечке данных млн учащихся и сотрудников Skyeng // РБК. 2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/06/2020/5ef6d8a39a794728d0a39b85. (дата обращения: 10.10.2025).

[5] Шартогашева А. Хакер подделал отпечатки пальцев министра обороны ФРГ. URL: https://www.popmech.ru/technologies/272032-khaker-poddelal-otpechatki-paltsev-ministra-oborony-frg/. (дата обращения: 10.10.2025).

ся из-за поведения допрашиваемого лица – отказа от дачи показаний, в намеренной или ненамеренной даче ложных показаний, изменение ранее полученной информации.

Непосредственный контакт субъекта расследования с допрашиваемым лицом часто помогает определить, правдивы ли данные показания.

Однако такое взаимодействие не всегда представляется возможным в силу следующих обстоятельств:

— лицо, которое могло бы способствовать расследованию, находится за пределами региона, на который распространяются правомочия следователя, с целью работы, командировки и иных обстоятельств;

— должностному лицу, ведущему расследование, не имеет смысла направляться в другой регион ввиду временных или материальных расходов;

— из-за ограничений для выезда в регион ввиду коронавирусной инфекции.

Между тем 30 декабря 2021 года УПК Российской Федерации дополнен статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи» для того, чтобы следователю или дознавателю не было необходимости направляться в другие места или ожидать прибытия допрашиваемого и таким образом предпринять все меры для соблюдения сроков расследования. Подобные попытки предпринимались еще в 2011 году, когда статья 240 УПК Российской Федерации была дополнена соответствующими положениями, предоставляющими судам право осуществлять допрос потерпевших и свидетелей с помощью видео-конференц-связи, что вызвало продуктивные научные дискуссии [1, с. 202; 2, с. 10].

В положениях статьи 189.1 УПК Российской Федерации можно выделить наиболее важные особенности.

При производстве допроса существуют системы видео-конференц-связи государственных органов предварительного расследования при наличии соответствующих технических условий. В судебной практике допрос проводился с помощью систем, используемых в других органах, таких как Министерство Чрезвычайных Ситуаций, Федеральной службы исполнения наказаний. Применялся также удаленный метод рассмотрения дел с помощью специальной законной видео-конференц-связи.

Для лиц, производящих расследование, также на законодательном уровне есть ограничение на использование средств видео-конференц-связи, и есть возможность использовать только защищенные мессенджеры. Участники процесса должны иметь условия для того, чтобы видеть и слышать ход следственного действия, предъявляемые улики, соответствующие видео- и аудиоматериалы, задавать вопросы и отвечать на них.

Следователь или дознаватель в письменном виде должны уведомить следователя или дознавателя по месту нахождения допрашиваемого лица о необходимости организации участия лица в допросе.

Протокол допроса должен быть оформлен согласно соответствующим правилам УПК Российской Федерации по следующим положениям:

— протокол составляется следователем или дознавателем по месту расследования с указанием места, времени и даты, что в условиях такого разброса часовых поясов, как в России, является важным фактом;

— должностное лицо, производящее допрос, обязано разъяснить допрашиваемому его права, обязанности и ответственность. После оглашения протокола берется подписка с указанием всех замечаний со стороны участников допроса, а также заявления о нарушении прав и интересов свидетеля при наличии таковых;

— при допросе обязательным условием является ведение видеозаписи наряду с материалами допроса;

— остальные материалы, включая различные схемы, чертежи, диаграммы и т. д., вместе с ордером адвоката направляются инициаторам следственного действия в течение 24 часов с момента допроса;

— подписка, полученная должностным лицом органа дознания, также присоединяется к протоколу;

— установлен также запрет на допрос лиц, которые имеют доступ к государственной или охраняемой федеральным законом тайне [9, с. 81] либо данным, в отношении которых приняты меры безопасности.

Таким образом, можно охарактеризовать основные факторы при реализации данного следственного действия с помощью видео-конференц-связи. Дополнения в статье 189.1 УПК Российской Федерации, в целом, положительно повлияют на даль-

нейшее развитие системы допроса, поскольку эта мера была предпринята не только в связи с ограничениями из-за COVID, но и в соответствии с тенденциями всего мира и необходимостью идти в ногу со временем – внедрять новые технологии, менять коммуникацию людей. Такие нововведения повлияют также на расширение персонала, увеличение затрат, как материальных, так и временных, на документооборот. Для дальнейшего распространения технологии ведения допроса посредством видео-конференц-связи необходимо ввести многие новые должности для технического обслуживания программного обеспечения. Кроме того, важно обеспечить наличие подходящего помещения либо специальных зон, где будут созданы условия для качественного проведения видео-конференц-связи.

Заключение

Таким образом, следует признать, что цифровизация неуклонно охватывает весь мир и, думается, не может не внедряться в сферу российского уголовного судопроизводства. К сожалению, пока это происходит не структурированно, а в виде отдельных действий, однако процесс начат и, безусловно, будет получать все большее распространение на уровне и правотворчества, и правоприменения.

Совершение уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования сегодня является одной из основных задач в сфере правотворчества и правоприменения. Данная цель достигается с помощью внедрения новшеств на основе опыта зарубежных стран, а также самой Российской Федерации. В настоящее время начали внедрять опыт видеконференц-связи для проведения допроса, что имеет целью уменьшить сроки расследований, облегчить работу следователей и дознавателей. В планах создание единой электронный базы данных, и уже можно говорить о положительном опыте при первых пробных мероприятиях, хотя риски фальсификации и утечек также учитывается.

Список источников

1. Александров А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–208.

2. Андреева О. И. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени / О. И. Андреева, О. В. Качалова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 36. С. 5–15.

3. Ашманов И. С. Цифровая гигиена / И. С. Ашманов, Н. И. Касперская. М. : Питер, 2022. 400 с.

4. Бахтеев Д. В. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / Д. В. Бахтеев, А. И. Зазулин, В. А. Задорожная [и др.]; под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2020. 216 с.

5. Дударев В. А. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства в зарубежных странах и Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 15–17.

6. Дударев В. А. Цифровизация уголовного судопроизводства России: плюсы и минусы // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 2. С. 155–157.

7. Корнакова С. В. Вопрос как эффективное средство познания в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3(37). С. 17–23

8. Корнакова С. В. Критическая оценка «оцифрования» уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 58–63.

9. Корнакова С. В. Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 11(180). С. 81–90.

10. Марковичева Е. В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2017. № 3. С. 88–95.

11. Масленникова Л. Н. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России / Л. Н. Масленникова, Т. Е. Сушина // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 218–226.

12. Набатов М. Б. О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 37–42.

13. Пастухов П. С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5–8.

14. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Пастухов Павел Сысоевич. М., 2015. 22 с.

15. Сманалиев К. М. Реформирование и цифровизация досудебного производства в уголовном судопроизводстве Киргизской Республики // Бюллетень науки и практики. 2020. № 9. С. 309–314.

16. Хришкевич Т. Г. Региональная диспропорция современной Германии: социальная сфера // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 50–59.

17. Цоколова О. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел / О. И. Цоколова, С. С. Безруков // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 59–62.

18. Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы / Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 2. С. 44–50.

19. Якушкин А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства в Российском уголовном процессе: использование опыта Республики Казахстан // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т. Тамбов, 24–25 мая 2019 г. / отв. ред. В. Ю. Стромов. Т. 1. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 463–465.

20. Hellmann U. Straf-und-zivilprozessrechtliche Konsequenzen der elektronischen Aktenführung // Festschrift für Ingeborg Puppe. Berlin. 2011. S. 1579–1596.

References

1. Aleksandrov A. S. On the prospects for the development of Russian criminal proceedings in the context of digitalization / A. S. Aleksandrov, O. I. Andreeva, O. A. Zajcev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019;448: 199–208. (In Russ).

2. Andreeva O. I. The Russian Criminal Process in the Era of the Coronavirus: Challenges of the Time / O. I. Andreeva, O. V. Kachalova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020;36: 5–15. (In Russ).

3. Ashmanov I. S. Cifrovaya gigiena / I. S. Ashmanov, N. I. Kasperskaya. M. : Piter, 2022. 400 s. (In Russ).

4. Bahteev D. V. Informacionnye tekhnologii v ugolovnom processe zarubezhnyh stran / D. V. Bahteev, A. I. Zazulin, V. A. Zadorozhnaya [i dr.]; pod red. S. V. Zueva. M. : YUrlitinform, 2020. 216 s. (In Russ).

5. Dudarev V. A. Experience in digitalizing criminal proceedings in foreign countries and the Russian Federation // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2022;2: 15–17. (In Russ).

6. Dudarev V. A. Digitalization of Criminal Proceedings in Russia: Pros and Cons // Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo. 2021;2: 155–157. (In Russ).

7. Kornakova S. V. Question as an effective means of knowledge in the process of proving a criminal case // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2016;3(37): 17–23. (In Russ).

8. Kornakova S. V. A critical assessment of the "digitization" of criminal proceedings // Biblioteka kriminalista. 2018;3(38): 58–63. (In Russ).

9. Kornakova S. V. Secrecy, confidential information, and privacy in the context of protecting the privacy of participants in criminal proceedings // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2025. Vol. 20;11(180): 81–90. (In Russ).

10. Markovicheva E. V. Prospects for the Development of Electronic Legal Proceedings in the Russian Federation // Rossijskoe pravosudie. 2017;3: 88–95. (In Russ).

11. Maslennikova L. N. The experience of digitalization of criminal proceedings in the Federal Republic of Germany and its potential use in the digitalization of criminal proceedings in Russia / L. N. Maslennikova, T. E. Sushina // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020;6: 218–226. (In Russ).

12. Nabatov M. B. On some risks of introducing digital technologies into criminal proceedings // Advokatskaya praktika. 2022;4: 37–42. (In Russ).

13. Pastuhov P. S. On the issue of creating a procedure for using "electronic evidence" in criminal proceedings // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2015;2: 5–8. (In Russ).

14. Pastuhov P. S. Modernizaciya ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya v usloviyah informacionnogo obshchestva: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk / Pastuhov Pavel Sysoevich. M., 2015. 22 s. (In Russ).

15. Smanaliev K. M. Reforming and digitalizing pre-trial proceedings in the criminal proceedings of the Kyrgyz Republic // Byulleten' nauki i praktiki. 2020;9: 309–314. (In Russ).

16. Hrishkevich T. G. Regional Disproportion in Modern Germany: The Social Sector // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2016;3: 50–59. (In Russ).

17. Cokolova O. I. Actual problems of restoration of lost criminal cases / O. I. Cokolova, S. S. Bezrukov // Rossijskaya yusticiya. 2018;12: 59–62. (In Russ).

18. CHigrina E. V. Electronic Evidence in the Russian Criminal Procedure: Issues of Concern / E. V. CHigrina, S. V. Kornakova // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2025. Vol. 11;2: 44–50. (In Russ).

19. YAkushkin A. A. Cifrovizaciya nachal'nogo etapa dosudebnogo proizvodstva v Rossijskom ugolovnom processe: ispol'zovanie opyta Respubliki Kazahstan // Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 t. Tambov, 24–25 maya 2019 g. / otv. red. V. YU. Stromov. Vol. 1. Tambov: Izd. dom «Derzhavinskij», 2019. S. 463–465. (In Russ).

20. Hellmann U. Straf-und-zivilprozessrechtliche Konsequenzen der elektronischen Aktenführung // Festschrift für Ingeborg Puppe. Berlin. 2011. S. 1579–1596.

Информация об авторе

Е. В. Мищенко *– доктор юридических наук, доцент*

Information about the author

E. V. Mishchenko *– Doctor of Law, Docent*

Статья поступила в редакцию 11.05.2026;
одобрена после рецензирования 08.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 11.05.2026;
approved after reviewing 08.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Дмитрий Вячеславович Новокшонов
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
d_novoksh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы производства осмотра места происшествия, допроса, освидетельствования следственно-оперативной группой в условиях проведения специальной военной операции. Отмечается, что эффективность данных следственных действий в значительной степени обеспечивается за счет своевременности их проведения. На результаты и продолжительность следственных действий могут оказывать близость позиций противника, артиллерийские и минометные обстрелы, действия снайперов и другие факторы. В районах вооруженного конфликта следователь обязан учитывать и оценивать душевное, эмоциональное и психологическое состояние допрашиваемого, а также возможные последствия боевых психических травм, полученных в ходе ведения боевых действий и боевой обстановке. В период проведения боевых действий тактическая обстановка в районе производства следственных действий может очень быстро меняться, поэтому автором предложен алгоритм действий субъекта расследования по проведению следственных действий в данных условиях, организация взаимодействия с силовыми подразделениями разных ведомств.

Ключевые слова: следственно-оперативная группа, осмотр места происшествия, допрос, освидетельствование, процессуальные действия, следственные действия, боевые условия

Для цитирования: Новокшонов Д.В. Особенности проведения некоторых следственных действий в боевых условиях // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 85–93. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/010.pdf.

Original article

FEATURES OF CONDUCTING SOME INVESTIGATIVE ACTIONS IN COMBAT CONDITIONS

Dmitry V. Novokshonov
Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
d_novoksh@mail.ru

Abstract. The article discusses the problematic issues of conducting an inspection of the scene, interrogation, and examination by an investigative task force in the context of a special military operation. It is noted that the effectiveness of these investigative actions is largely ensured by the timeliness of their implementation. The results and duration of the inspection of the scene may be affected by the proximity of enemy positions, artillery and mortar attacks, sniper actions, and other factors. In areas of armed conflict, the investigator is obliged to take into account and evaluate the mental, emotional and psychological state of the interrogated person, as well as the possible consequences of combat mental injuries sustained during combat operations and combat situations. During the period of combat operations, the tactical situation in the area of investigative activities can change very quickly, therefore, the author suggests an algorithm for the actions of the subject of the investigation to conduct investigative activities.

Keywords: investigative and operational group, inspection of the scene, interrogation, examination, procedural actions, investigative actions, combat conditions

For citation: Novokshonov D.V. Features of conducting some investigative actions in combat conditions. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 85–93. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/010.pdf.

© Новокшонов Д.В., 2026

Введение

В условиях информационной войны и пропаганды в средствах массовой информации, организация и проведение предварительного расследования помогает противостоять манипуляциям и фальсификациям преступных действий. Это способствует формированию исторической правды, что особенно важно для будущих поколений и процессов национального единства. В зоне активных боевых действий высок риск совершения военных преступлений, таких как нападение на мирное население, применение запрещенных видов оружия или пытки, которые не имеют сроков давности. Жертвы конфликта и их родственники имеют право на правду и справедливость, требовать компенсаций вреда, причиненного преступными действиями. На линии боевого соприкосновения доказательства могут быть быстро уничтожены из-за непрерывных боевых действий, природных факторов или умышленных действий сторонами конфликта. Фиксация обстановки на месте совершения преступлений очень важна для восстановления объективной картины событий. Своевременный сбор доказательств позволяет привлечь виновных к ответственности, в том числе в рамках будущих уголовных процессов преступных деяний со стороны военнослужащих преступного режима. От того как будет качественно проведена эта работа, зависит дальнейшее расследование уголовного дела и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности и наказанию. Представители следственных органов возбуждают уголовные дела по статьям, предусмотренными преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка. Следует отметить, что получение доказательственной информации в ходе следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, имеет ряд особенностей в условиях специальной военной операции.

Основные положения

Большое доказательственное значение имеют результаты осмотра места происшествия. В условиях, когда под непрерывными обстрелами и работой FPV-дронов (камикадзе), становится проблемой и большой опасностью подготовиться и провести следственные действия следователю или следственно-оперативной группе. Эффективность данного следственного действия в значительной степени обеспечивается за счет своевременности его проведения. Возможность обнаружения следов ряда легколетучих и газообразных взрывчатых веществ значительно уменьшается с течением времени. Разрушительно действуют на следы преступлений некоторые природные атмосферные явления, перепады температуры, ветер, осадки, атмосферное давление, снег.

Я. Н. Ермолович указывает, что негативное влияние на результаты и продолжительность осмотра места происшествия могут оказывать близость позиций противника, артиллерийские и минометные обстрелы, действия снайперов и другие факторы. Нередко осмотр места происшествия осуществляется параллельно с проведением поисковых и восстановительных мероприятий. Алгоритм действия следственно-оперативной группы можно представить в таком порядке. Прежде всего, необходимо выполнить подготовку к осмотру, получить максимально подробную информацию о произошедшем событии, определить состав следственно-оперативной группы, в том числе специалистов в различных областях знаний. Предусмотреть решение вопроса организации охраны места происшествия и вопросы, связанные с его безопасностью [5, с. 47].

В зависимости от задач осмотра места происшествия, следует иметь в виду, что качественный осмотр может быть проведен лишь с привлечением специалистов-взрывотехников, экспертов-криминалистов, а при необходимости – судебных медиков, автотехников, специалистов в области ракетно-артиллерийского вооружения, артиллерийской разведки. К работе на месте происшествия в обязательном порядке привлекают специалистов разминирования для обезвреживания взрывных устройств, саперов, специалистов по работе со следами взрыва, взрывотехников [2, с. 101].

Необходимо определить криминалистическую и иную технику, которая необходима для качественного и безопасного проведения следственных действий. В настоящее время целесообразно использовать криминалистическую технику небольших размеров, способную эффективно, быстро и качественно фиксировать доказа-

тельства совершенного преступления. Инженерно-саперное оборудование, металлоискатели, роботы-манипуляторы для обезвреживания взрывных устройств. Беспилотные летательные аппараты, аэрофотосъемка для создания карты местности выявления опасных зон. 3D-сканеры и портативные лидары для быстрого построения цифровой модели разрушенных объектов. Защищенные камеры и тепловизоры при производстве съемки в условиях задымления и в темное время суток, GPS-метки для точной привязки к местности, мобильные комплексы, спутниковые телефоны, облачные хранилища информации [10, с. 233].

Рабочий этап производства осмотра места происшествия состоит из двух стадий: общий и детальный. Общий осмотр проводится без изменения обстановки места происшествия с целью получения представления о характере произошедшего события. Детальный осмотр заключается в непосредственном изучении конкретных объектов, предметов и следов.

На заключительном этапе осмотра оценивается и анализируется вся собранная информация, проверяется, все ли задачи осмотра решены, все ли следы изъяты. Надлежащим образом упаковываются объекты, изъятые с места происшествия. Формируется протокол осмотра места происшествия. Желательно использовать для фото- и видеофиксации беспилотные летательные аппараты, однако при угрозе огневого поражения их применение может быть невозможным [17, с. 106].

Еще следует отметить, что необходимо оборудовать место укрытия в случаях повторного обстрела или появления дронов-камикадзе, иметь при себе устройство радиоэлектронной борьбы в воздухе. Выставить наблюдателей за воздушным пространством с соответствующей экипировкой. Немедленно прекращать производство следственного действия в случае появления опасности, о чем делать в обязательном порядке запись в протоколе осмотра. Необходимо организовать взаимодействие с силовыми структурами других ведомств, Министерство обороны Российской Федерации, Росгвардия, ФСБ Российской Федерации. Провести инструктивное занятие с участниками проведения следственного действия, на случай возникновения непредвиденных угроз жизни и здоровья участников процессуального действия. Использовать видеосъемку с беспилотных летательных аппаратов для осмотра места преступления и другую криминалистическую технику, в том числе искусственный интеллект.

Одним из распространенных следственных действий, которое проводят следователи в рамках уголовного дела в боевых условиях, является допрос. В уголовно-процессуальном праве под допросом следует понимать регламентированное законом действие, которое осуществляется следователем, дознавателем или судом в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. В зависимости от процессуального статуса допрашиваемого, его можно подразделить на: допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста [18, с. 129].

По мнению Р. В. Закомолдина, при расследовании преступлений в боевых условиях могут допрашиваться беженцы, пострадавшие мирные жители, военнослужащие, представители силовых структур и органов власти Российской Федерации, военнопленные. В ходе проведения допроса потерпевших, свидетелей в условиях ведения боевых действий необходимо учитывать ряд особенностей, обусловленных повышенными рисками, ограниченными ресурсами и необходимостью соблюдения международного права [6, с. 112].

В целях получения достоверных сведений от допрашиваемого лица необходимо зафиксировать в протоколе правдивые и достоверные показания, вскрыть возможное добросовестное заблуждение допрашиваемого лица и оказать ему помощь в правильном воспроизведении ранее воспринятых обстоятельств, изобличить во лжи лицо, умышленно скрывающего правду и добиться получения от него правдивых и достоверных показаний.

В ходе допросов необходимо применение универсального тактического приема, заключающегося в максимально возможной детализации показаний, которое достигается постановкой вопросов, задаваемых следователем по ходу допроса после свободного рассказа допрашиваемого. Используются рекомендации, касающиеся установления поддержания психологического контакта. При подготовке и проведении допроса военнослужащих как Российской Федерации, так

и представителей вооруженных формирований Украины либо наемников, следует учитывать влияние условий боевой обстановки на их состояние. Показания фиксируются быстро из-за риска изменения обстановки, целесообразно использовать технические средства, такие как диктофон, видео- и фотокамеру для экономии времени. При необходимости составить краткие опросные листы и раздать их участникам [1, с. 38].

В районах вооруженного конфликта следователь обязан учитывать и оценивать душевное, эмоциональное и психологическое состояние допрашиваемого, а также возможные последствия, боевых психических травм, полученных в ходе ведения боевых действий или в результате совершения военного преступления. Учет стрессового состояния при производстве процессуального действия посттравматическое стрессовое расстройство, шок, страх мести. В необходимых случаях, для более качественной фиксации доказательств, можно привлечь к проведению следственных действий военных медиков и психологов, для оказания помощи в установлении контактов с участниками допроса. При этом провести инструктаж по требованиям соблюдения безопасности в районе проведения процессуального действия [8, с. 178].

Выбирать наиболее целесообразные процессуально допустимые тактические приемы в получении доказательственной информации. При этом следователь должен заранее быть ориентированным в использовании специальной терминологии в области военной техники, вооружения, тактики ведения боевых действий. Вопросы задаются четко, без давления, с учетом культурных и языковых особенностей.

В случаях необходимости допроса на линии боевого соприкосновения пленных боевиков необходимо получить данные о расположении противника, его планах, ресурсах, тактике, морально-психологическом состоянии. Кроме этого, необходимо соблюдать Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Не допускать посягательства на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение. Применение физического насилия, жестокое обращение, пытки и состязания, увечья и убийства [3, с. 92].

Одним из важных элементов проведения следственного действия является безопасность его участников, приоритетом будет являться защита жизни и здоровья потерпевших, свидетелей и следственно-оперативной группы. Допрос можно проводить в укрытиях, временных пунктах безопасности или на удалении от линии боевого соприкосновения. В обязательном порядке используются средства индивидуальной бронезащиты. Следует учесть, что в данной местности нет специальных помещений для проведения процессуальных действий [11, 19, 20].

После возвращения из зоны боевых действий оформить протокол допроса в соответствии со статьями 166, 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Протокол допроса целесообразно составлять по прибытию вместо временной дислокации, при этом все материалы, фото- видеофиксация, стенограмма, стенографическая запись, снимки негативы должны быть подготовлены на месте проведения допроса. В соответствии с частью 2 статьи 166 УПК РФ протокол допроса может быть составлен от руки или с помощью оргтехники, печатной машинки. В нем указывается точная дата и время его составления, должность, фамилия, имя, отчество лица, производящего расследование. Кроме этого, точные данные всех участников следственного действия. Указываются все технические средства, фото, видеоаппаратура, применяемая в ходе допроса, и предъявляется для ознакомления всем участникам, где они ставят свои подписи [13, с. 110].

В условиях вооруженного конфликта часто требуется сохранение конфиденциальности данных, особенно при риске репрессий со стороны террористов, разрешается использовать в протоколе следственного действия кодовые имена, зашифрованные носители информации. Согласно статьи 166 УПК РФ допускается тайна сохранения личных данных свидетелей и потерпевших.

При проверке достоверности показаний потерпевших и свидетелей необходимо учитывать то обстоятельство, что со стороны украинских боевиков могут быть угрозы жизни и здоровья родственникам, знакомым, находящиеся в районах боевых действий, давление со стороны боевиков. По-

терпевший, как мы знаем, одно из самых заинтересованных лиц в уголовном судопроизводстве, которому преступлением причинен вред материальный, физически, моральный. Этот аспект необходимо учитывать при оценке показаний [14, с. 58].

Большое значение для установления различных обстоятельств имеет результат проведения освидетельствования. При освидетельствовании лиц могут быть выявлены специфические признаки, указывающие на принадлежность к вооруженным формированиям.

Следует учитывать, что возможны случаи, когда военнослужащие вооруженных формирований на Украине переодеваются в гражданскую одежду и сливаются с потоком мирных жителей, перемещающихся по гуманитарным коридорам [4, с. 47].

Согласно УПК РФ (ст. 179) допускается проведение данного следственного действия без участия понятых. При этом необходимо привлекать специалистов взрывотехников и медицинских работников. Целью проведения является фиксация на теле потерпевших следов преступного действия, ссадин, осколочных ранений, побоев, порезов. Все особые приметы – татуировки, пирсинг, шрамы в обязательном порядке заносятся в протокол. Особое значение имеют следы крови на теле и одежде потерпевшего и свидетеля: при расследовании преступлений это будет являться прямым доказательством совершения преступлений. В боевой обстановке наиболее распространенный метод проведения освидетельствования – наблюдение. Следует отметить, что освидетельствование должно проходить лицом одного и того же пола. При этом необходимо использовать специальную криминалистическую технику, лампы, увеличительные приборы, инфракрасное излучение [15, с. 34].

По мнению С. В. Маликова и А. Н. Савенкова, данное следственное действие целесообразно проводить на теле потерпевшего сверху вниз, слева направо, тщательно осматривая участки тела, при этом фиксировать поражение в протоколе проведения освидетельствования. Следует отметить, что параллельно можно проводить осмотр одежды потерпевшего с внесением результатов в отдельный протокол. При проведении освидетельствования следует обращать внимание на особенности человека, развитие артикуляционного аппарата, его речь (картавость, заикание, гнусавость).

В некоторых случаях возникает проблема установления личности потерпевшего или свидетеля за неимением документов, удостоверяющих личность. Максимально использовать другие документы, которые имеются в наличии (водительское удостоверение, военный билет). Освидетельствование в зоне проведения специальной военной операции требует гибкости, строгого соблюдения безопасности и адаптации стандартных процедур в экстремальных условиях.

Представляется интересными исследования этих авторов об использовании обнаруженных сопутствующих факторов выстрела и других судебно-медицинских признаков для верификации стрелка. Они приводят перечень признаков, позволяющих идентифицировать профессионального стрелка по следам и повреждениям на его теле, что особенно актуально при освидетельствовании на предмет определения принадлежности задержанного лица к незаконным вооружённым формированиям и доказательства его участия в боевых действиях. К таким признакам они относят: а) кровоподтек на одном плече от приклада, в результате отдачи при продолжительной стрельбе из автоматического оружия; б) очаговое опаление волос одной или двух височных областей у стрелка от стрельбы из ручного гранатомета; в) кровоподтек одной из глазничных областей округлой формы с четкими границами у снайперов, стреляющих из оружия, снабженного оптическим прицелом с резиновой накладкой на окуляр; г) множественные, преимущественно полосовидные, пересекающиеся между собой кровоподтеки и ссадины на разных поверхностях груди от скрытного ношения подсумков с боеприпасами под одеждой; д) поверхностные раны и рубцы на наружной (лучевой) поверхности второго пальца обычно правой кисти от многократного нажатия пальцем на спусковой крючок автомата; е) множественные ссадины и кровоподтеки задненаружных поверхностей локтевых и передних поверхностей коленных суставов от перемещения с опорой на них по грунту и их повреждения в результате стрельбы лежа; ж) отложение продуктов выстрела (копоти, порошинок) на одежде подозреваемых, выявляемых с

помощью контактно-диффузионного метода (на сурьму, медь, железо, свинец); з) следы бывших ранений (хорошо выявляются до трех месяцев); и) признаки длительного пребывания в полевых условиях (загар открытых участков тела, шелушение кожи); к) кожные заболевания, характерные для условий отсутствия нормальных бытовых условий (педикулез, общее загрязнение тела, гнойничковые и грибковые поражения); л) снижение остроты слуха; м) комплекс невралгических нарушений, наиболее вероятно – от действия ударной волны (дрожание пальцев вытянутых рук, повышенная потливость, нистагм – непроизвольные ритмичные двухфазные движения глазных яблок при поражении вестибулярного аппарата [10, с. 443].

Одно из распространенных следственных действий при расследовании уголовных дел, связанных с вооруженным конфликтом – предъявления для опознания. Объектами опознания являются лица, предметы и трупы. Вместе с тем на практике производится также опознание участков местности, строений, помещений, транспортных средств и т. д.

Чаще всего предъявления для опознания проводятся по фотоснимкам, например, в удостоверении личности, в военном билете военнослужащего. Могут использоваться также любительские снимки. Предпочтительно, чтобы опознание проводилось с предъявлением самих лиц, но иногда это по каким-либо причинам невозможно. Если обстановка в районах вооруженного конфликта осложняется большим количеством опознаваемых и опознающих, то в целях экономии времени предъявляют задержанных для опознания не по отдельности, а всех вместе, образуя из них требуемую группу сходных по внешности лиц [12, с. 395].

В целях обеспечения безопасности опознающего возможно предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего и опознаваемого. В целом следует сказать, что проведение не только перечисленных, но и других следственных действий в условиях специальной военной операции базируется, прежде всего, на общих уголовно-процессуальных рекомендациях с учетом особенностей обстановки и специфики расследуемых преступлений.

Выводы

Автор считает, что подготовка следователя для работы в боевых условиях требует более детального изучения криминалистической техники, и особенности тактики проведения следственных действий на месте совершений преступления. Это способствует более качественному и детальному проведению следственного действия и фиксации доказательств. Соблюдение требований безопасности, организация межведомственной координации и соблюдение международного права. Обратить внимание на техническое оснащение следственно-оперативной группы, иметь современную криминалистическую технику, беспилотные летательные аппараты в помощь военным следователям, защищенные средства связи. В боевых условиях грамотная организация и проведение следственных действий становиться инструментом не только расследования, но и защиты жизни и здоровья его участников. Ключевые факторы успеха – скорость безопасность и применение адаптированных технологий.

Список источников

1. Антонов И. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам / И. А. Антонов, А. А. Кульпин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 38–47.

2. Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности): научно-практическое издание. М. : Прометей, 2017. 478 с.

3. Глухов Е. А. Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса // Военное право. 2024. № 4(86). С. 91–96.

4. Горбенко Т. В. Дистанционное решение задач по проведению следственных действий: на примере осмотра места происшествия // Обеспечение общественной

безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 2022. С. 46–52.

5. Ермолович Я. Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности за государственную измену, шпионаж и сопряженные с ними преступления (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 4(333). С. 46–57.

6. Закомолдин Р. В. О реформировании военно-уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах –Военно-правовое обозрение. 2024. № 12(329). С. 111–116.

7. Закомолдин Р. В. Актуальные проблемы военно-уголовного законодательства на современном этапе // Военное право. 2024. № 5(87). С. 115–122.

8. Казачек Е. Ю. Об особенностях проведения допроса по уголовным делам, в условиях проведения специальной военной операции // Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2024. С. 177–182.

9. Кийко А. Ю. Объективные детерминанты совершенствования инструментов уголовно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от внешних посягательств / А. Ю. Кийко, П. А. Спиваков, Р. В. Черепанов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2(31). С. 48–59.

10. Маликов С. В. Руководство по военно-полевой криминалистике / С. В. Маликов, А. Н. Савенков, С. В. Маликов. М. : Этника, 2011. 654 с.

11. Моргуленко Е. О необходимости совершенствования уголовно-правовой защиты интересов государства и общества в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий / Е. А. Моргуленко, С. Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 93–98.

12. Новокшонов Д. В. О преступлениях против безопасности России / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 394–397.

13. Новокшонов Д. В. О дополнительных социальных гарантиях и компенсациях, предоставляемых членам семей военнослужащих войск национальной гвардии, устанавливаемых субъектами Российской Федерации / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. 2022. № 6(76). С. 109–117.

14. Новокшонов Д. В. К вопросу об оперативно-розыскном обеспечении расследования преступлений террористической направленности / Д. В. Новокшонов, Ю. В. Гульбинский, А. А. Шапошников // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17–18 февраля 2022 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, 2022. С. 196–200.

15. Новокшонов, Д. В. Особенности признаков субъектов воинских преступлений / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2018. № 8(253). С. 33–41.

16. Сальников В. П. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право»): в 3 т. М. : Центр правовых коммуникаций, 2022) / В. П. Сальников, В. М. Большакова, С. И. Захарцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1.

17. Степанов С. А. Особенности осмотра места происшествия / в условиях проведения специальной военной операции // Проблемы раскрытия и расследования преступлений против военной службы: сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2024 года. Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. С. 105–110.

18. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для реализации профессиональных образовательных программ высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 – Юриспруденция / И. М. Алексеев, О. И. Андреева, И. А. Антонов [и др.]. СПб. : Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2023. 672 с.

19. Шеншин В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 3(332). С. 111–117.

20. Шеншин В. М. К вопросу о взаимодействии войск национальной гвардии Российской Федерации с Федеральным медико-биологическим агентством в сфере обеспечения биологической и химической безопасности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 2(331). С. 89–97.

References

1. Antonov I. A. Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): manipulative use of metaphor and its study in conducting examinations in criminal cases / I. A. Antonov, A. A. Kul'pin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): S. 38–47. (In Russ).

2. Baev O. YA. Sledovatel' (osnovy teorii i praktiki deyatel'nosti): nauchno-prakticheskoe izdanie. M. : Prometej, 2017. 478 s. (In Russ).

3. Gluhov E. A. Increased danger of the nature of military service to the life and health of servicemen as a component of their legal status // Voennoe pravo. 2024;4(86): 91–96. (In Russ).

4. Gorbenko T. V. Distancionnoe reshenie zadach po provedeniyu sledstvennyh dejstvij: na primere osmotra mesta proisshestviya // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar. 2022. S. 46–52. (In Russ).

5. Ermolovich YA. N. Sovershenstvovanie norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvennuyu izmenu, shpionazh i sopryazhennye s nimi prestupleniya (nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 28 dekabrya 2024 goda № 510-FZ // Pravo v Vooruzhennyh Silah - Voenno-pravovoe obozrenie. 2025. № 4(333). S. 46–57. (In Russ).

6. Zakomoldin R. V. On the Reform of Military-Criminal Legislation in the Context of a Special Military Operation // Pravo v Vooruzhennyh Silah –Voenno-pravovoe obozrenie. 2024;12(329): 111–116. (In Russ).

7. Zakomoldin R. V. Current issues of military-criminal legislation at the present stage // Voennoe pravo. 2024;5(87): 115–122. (In Russ).

8. Kazachek E. YU. Ob osobennostyah provedeniya doprosa po ugolovnym delam, v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii // Sovetskaya i rossijskaya kriminalistika: tradicii i sovremennye vektory: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2024. S. 177–182. (In Russ).

9. Kijko A. YU. Objective determinants of improving the tools of criminal-law protection of the sovereignty of the Russian Federation from external encroachments / A. YU. Kijko, P. A. Spivakov, R. V. CHerepanov // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(31): 48–59. (In Russ).

10. Malikov S. V. Rukovodstvo po voenno-polevoj kriminalistike / S. V. Malikov, A. N. Savenkov, S. V. Malikov. M. : Etnika, 2011. 654 s. (In Russ).

11. Morgulenko E. On the necessity of improving the criminal law protection of the interests of the state and society during a period of mobilization or martial law, in wartime or in conditions of armed conflict or hostilities / E. A. Morgulenko, S. N. SHarapov // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2024;3(320): 93–98. (In Russ).

12. Novokshonov D. V. On crimes against the security of Russia / D. V. Novokshonov, V. M. SHenshin // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024;5(233): 394–397. (In Russ).

13. Novokshonov D. V. On additional social guarantees and compensations provided to family members of servicemen of the National Guard troops, established by the subjects of the Russian Federation / D. V. Novokshonov, V. M. SHenshin, L. A. SHenshina // Voennoe pravo. 2022;6(76): 109–117. (In Russ).

14. Novokshonov D. V. K voprosu ob operativno-rozysknom obespechenii rassledovaniya prestuplenij terroristicheskoj napravlennosti / D. V. Novokshonov, YU. V. Gul'binskij, A. A. SHaposhnikov // Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape: sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s

mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 17–18 fevralya 2022 goda. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut vojsk nacional'noj gvardii, 2022. S. 196–200. (In Russ).

15. Novokshonov, D. V. Features of the characteristics of subjects of war crimes / D. V. Novokshonov, V. M. SHenshin // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2018;8(253): 33–41. (In Russ).

16. Sal'nikov V. P. Institualizaciya voennogo prava kak otrasli prava v postneklassicheskoj nauchnoj racional'nosti (recenziya na monografiyu «Voennoe pravo»): v 3 t. M. : Centr pravovyh kommunikacij, 2022) / V. P. Sal'nikov, V. M. Bol'shakova, S. I. Zaharcev // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2023. № 1. (In Russ).

17. Stepanov S. A. Osobennosti osmotra mesta proisshestviya / v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii // Problemy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij protiv voennoj sluzhby: sbornik nauchnyh statej mezhvuzovskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 31 oktyabrya 2024 goda. Belgorod: OOO «Epicentr», 2024. S. 105–110. (In Russ).

18. Ugolovno-processual'noe pravo (ugolovnyj process): uchebnik dlya realizacii professional'nyh obrazovatel'nyh programm vysshego obrazovaniya po ukrupnennoj gruppe special'nostej i napravlenij podgotovki 40.00.00 – YUrisprudenciya / I. M. Alekseev, O. I. Andreeva, I. A. Antonov [i dr.]. SPb. : Fond sodejstviya nauke i obrazovaniyu v oblasti pravoohranitel'noj deyatel'nosti «Universitet», 2023. 672 s. (In Russ).

19. SHenshin V. M. On Some Features of Ensuring Public Safety by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in Certain Subjects of the Russian Federation // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2025;3(332): 111–117. (In Russ). (In Russ).

20. SHenshin V. M. On the issue of interaction between the troops of the National Guard of the Russian Federation and the Federal Medical-Biological Agency in the field of biological and chemical safety // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2025;2(331): 89–97. (In Russ).

Информация об авторе

Д. В. Новокшонов *– кандидат юридических наук, доцент*

Information about the author

D. V. Novokshonov *– Candidate of Sciences (Law), Docent*

Статья поступила в редакцию 06.06.2026;
одобрена после рецензирования 18.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 06.06.2026;
approved after reviewing 18.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 94

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ КАДЕТСКИХ КЛАССОВ И КОРПУСОВ

Иван Львович Третьяков
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Tretyakov@mail.su, https://orcid.org/0000-0002-1720-4187

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профилактики девиантного поведения учащихся кадетских классов и корпусов. В качестве объекта исследования выступает личность несовершеннолетнего правонарушителя. В качестве предмета – содержание воспитательных мероприятий патриотической направленности, нацеленных на повышение общекультурного и образовательного уровня, а также укрепления правового сознания. Методологическую и научно-теоретическую основу исследования составляют работы отечественных авторов, посвященные проблемам социализации (социальной адаптации) несовершеннолетних, склонных к деструктивному мышлению, хулиганству, жестокости и насилию. Среди эмпирических методов применялись – наблюдение, интервьюирование, педагогический эксперимент. Выделены предикторы (детерминанты) антисоциальных поступков учащихся, к которым были отнесены: изъяны семейного воспитания, личностные аномалии, повышенная агрессивность, нервозность и неусидчивость, завышенная самооценка с гедонистическими установками, нарциссизм, проблемы с самоидентификацией. Определены условия эффективности патриотического воспитания, которые необходимо учитывать при работе с данной категорией лиц.

Ключевые слова: кадеты, несовершеннолетние правонарушители, девиации, ценности, патриотизм, психолого-педагогические воздействия, идентификация, наставники, ветераны боевых действий, специальная военная операция

Для цитирования: Третьяков И.Л. Патриотическое воспитание как эффективное средство криминологической профилактики девиантного поведения учащихся кадетских классов и корпусов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 94–108. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/011.pdf.

Original article

PATRIOTIC EDUCATION AS AN EFFICIENT TOOL FOR CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG CADET CLASS AND CORPS

Ivan L. Tretyakov
SPbPolyTechU, Saint-Petersburg, Russia
tretyakov@mail.su, https://orcid.org/0000-0002-1720-4187

Abstract. The Author of the Article examines various approaches to preventing deviant behavior among students in cadet classes and corps. His research focuses on the personality of a juvenile offender. The subject of the research being the substance of patriotic education programs aimed at enhancing general cultural and educational level of students, as well as developing their legal awareness. The methodological and theoretical framework of the study is based on the works of home authors and researchers dedicated to the socialization and social adaptation of minors prone to destructive reasoning, hooliganism, cruelty, and violence. The empirical methods employed include observation, interviewing, and pedagogical experimentation. The study identified the predictors (determinants) of the respondents ' antisocial actions, such as: flaws in family upbringing, anomalies of personality, excessive aggressiveness, nervousness and restlessness, exaggerated self-esteem coupled with hedonistic attitudes, narcissism, and problems with self-identification.

The Author identified the specific features of patriotic education, which must be considered when working with such contingent of persons to attain best results.

Keywords: cadets, juvenile offenders, deviance, values, patriotism, psycho-educational interventions, identification, mentors, combat veterans, special military operation

For citation: Tretyakov I.L. Patriotic education as an efficient tool for criminological prevention of deviant behavior among cadet class and corps. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 94–108. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/011.pdf.

© Третьяков И.Л., 2026

Введение (состояние проблемы и обоснование ее актуальности)

Отклоняющееся от общепринятых норм поведение учащихся кадетских классов и корпусов, как правило, рассматривается специалистами в рамках возрастной девиантности, свойственной пубертатному периоду и ранней юности. По мнению российских учёных, когнитивные предпосылки формирования мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, механизмов самоидентификации и т. д. у несовершеннолетних только-только начинают обнаруживаться, хотя и довольно интенсивно (особенно, если развитию человека способствуют благоприятные условия и высокая личностная активность) [1, С. 69–83; 2, С. 149–178; 3, С. 24–36].

Один из классиков отечественной психологии и педагогики И. С. Кон в своё время писал, что сложная, требующая вдумчивости, но усвоенная весьма поверхностно и фрагментарно информация «складывается в голове подростка в своеобразный винегрет, в котором перемешано всё что угодно». «Серьезные, глубокие суждения странным образом переплетаются с наивными, детскими. Старшеклассник может, не замечая этого, в течение одного и того же разговора радикально изменить свою позицию, однако пылко и категорично отстаивать прямо противоположные, несовместимые друг с другом взгляды». Причём взрослые (порой даже, весьма опытные учителя и наставники) объясняют этот сумбур педагогической запущенностью. На самом же деле, считал И. С. Кон, – «это нормальное свойство ранней юности» [4, С. 186].

Анна Митянина, уполномоченный по правам ребёнка в Санкт-Петербурге, абсолютно верно подмечает, что на детях отражается состояние нашей действительности. Какая действительность, так они себя ведут и чувствуют. А «сложный» (проблемный) подросток – это вызов нам, взрослым. Подросток стремится к полной автономии, к свободе в суждениях, к демонстративному проявлению своего «Я». Зачастую несовершеннолетние увлекаются такими видами деятельности, о которых взрослые не имеют ни малейшего представления (из-за их экстремальности и неординарности). При всём при этом молодым людям чрезвычайно свойственна ориентация на сверстников, среди которых немало лиц со всевозможными девиациями [5, С. 5].

Другое дело – совершение преступлений. Противоправные деяния могут носить ситуативный или стойкий, индивидуальный или групповой, а также суггестивный, «подражательный» или психопатологический характер [6, С. 248–253; 7, С. 27–42; 8, С. 18–20; 9, С. 25–27]. В среде «неблагополучных» подростков доминируют насильственные и корыстно-насильственные преступления, обусловленные стремлением некоторых гипертимных личностей доминировать над сверстниками или компенсировать свою «ущербность», неспособность выстраивать межличностные отношения, добиваться своих целей законными методами. Как правило, чрезмерно агрессивные подростки демонстрируют признаки дезадаптации, обусловленные отсутствием действенного самоконтроля и критического самоанализа. В «зачаточном» состоянии находятся и прогностические функции мышления. Кадеты, образующие так называемую «группу риска», стремятся к неформальному общению, употреблению энергетиков, алкогольных напитков, наркотических веществ. Они тяготеют к неформальным (девиантным) лидерам, к неформальным движениям, деструктивным полулегальным субкультурам, стремятся использовать их сленг, жаргон, дают друг другу «клички».

Подростки с выраженным антисоциальным настроем, криминальным опытом и «низменными» интересами пытаются устанавливать собственные правила поведения. Они придумывают особые способы «группирования», инициации и проведения досуга. Атрибутика, татуировки, украшения и т. д. – «заимствуются» из интернета. Их преступления отличаются дерзостью, цинизмом, жестокостью, продуманностью. Обя-

зательно имеют место попытки скрыть следы преступления.

По данным специалистов, психопатические или психопатоподобные расстройства, свойственные так называемым неформальным лидерам из числа подростков, всегда выделялись на общем фоне за счет преобладания в клинической картине истерических проявлений и «взрывчатости» (аффективной неустойчивости). В свою очередь, внушаемые и астенические члены группы обращали на себя внимание тем, что они постоянно сосредотачивались на своих внутренних проблемах, болезненных переживаниях. Причем все это сопровождалось стойким снижением настроения, боязнью травли, избиений (со стороны более агрессивных субъектов) или страхом «неминуемого разоблачения» [10; 11, С. 71–75; 12, С. 90–101; 13, С. 72–74; 14, С. 26–33].

Еще одной болевой точкой российской действительности является вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность посредством информационных технологий. Преступники находят свои жертвы в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах, где те проводят большую часть свободного времени. Используя возрастную уязвимость и желание подростка быть замеченным, вербовщики выстраивают с жертвой доверительные отношения, представляясь друзьями, наставниками, сверстниками, единомышленниками. Они предлагают «увлекательные» задания, «секретные миссии», обещают быстрые деньги, славу, почет и уважение за выполнение простых действий, которые, на первый взгляд, кажутся весьма безобидными – снять видео конкретного объекта, доставить по конкретному адресу пакет и т. д. В какой-то момент игры перерастают в совершение конкретных преступлений. Подростков «просят» поджечь релейные шкафы, повредить оборудование связи или положить горючее вещество в техническое помещение.

28 октября 2025 года Госдума в первом чтении одобрила законопроект, предусматривающий ужесточение наказания (вплоть до пожизненного лишения свободы) за вовлечение несовершеннолетних в диверсионную деятельность. Проект также предполагает, что возраст привлечения к уголовной ответственности за диверсии будет снижен до 14 лет. Кроме того, планируется отменить сроки давности за подобные деяния и ввести запрет назначать наказание мягче минимально установленных санкций. Благодаря принятию этого закона наказание за диверсии будет таким же, как и за терроризм. Цель законопроекта – не только наказать виновных, но и предотвратить новые преступления террористической направленности.

Злоумышленники все чаще маскируют свои «посылы» под квесты или акции протеста, внушая доверчивым людям (школьникам, учащимся колледжей, студентам и т. д.), что вреда от них никому не будет, и что это – шанс проявить себя. Если же жертва отказывается выполнять задания – в ход идут шантаж и угрозы, взламываются аккаунты, похищаются личные фото и т. д. В этой же связи следует рассматривать и втягивание подростков в совершении киберпреступлений. Примерами могут служить дропперство (передача своей банковской карты), установка вредоносных ПО, сбор персональных данных, вандализм и хулиганство. Во всём этом участвуют несовершеннолетние, склонные к суггестии и прошедшие психологическую обработку [15, С. 5].

Серьезную озабоченность у правоохранителей вызывает лавинообразный рост дипфейков в Рунете. Речь идет о тщательно сфальсифицированных видео, нацеленных на умышленное введение в заблуждение населения и несущих высокую социальную опасность. Акцент делается на дестабилизации, распространении слухов, панических настроений, а также разжигание вражды и ненависти. Наиболее «успешные» (и часто распространяемые) дипфейки паразитируют: на политической тематике, на ходе проведения специальной военной операции, социально-значимых происшествиях, на проблемах в сфере коррупции, здравоохранении, образовании, создания и внедрения в России новых информационных технологий. Чаще всего персоналиями дипфейков становятся сотрудники силовых структур, представители органов власти, медийные личности. Дипфейки дезориентируют ювенальные слои населения, деформируют как обыденное, так и правовое сознание. Под их влиянием усиливаются процессы маргинализации и люмпенизации молодежи, растет недоверие к государственным институтам.

К сожалению, отсутствие жизненного опыта, переоценка своих сил и возможностей нередко приводят молодых людей в интернет-сообщества с опасным контентом. Несовершеннолетние начинают экспериментировать с играми откровенно суицидальной направленности. Но спустя довольно короткий период времени неминуемо наступает момент, когда способ реа-

лизации подобных увлечений посредством онлайн-общения начинает угрожать жизни пользователя. Как следует из материалов СМИ, на протяжении многих лет преступники (украинские политтехнологи) подготавливали (обучали), так называемых администраторов «групп смерти» из числа несовершеннолетних, которые в дальнейшем активно вовлекали в сферу своего влияния лиц школьного возраста. Одним из самых печально-известных сообществ, деятельность которого удалось пресечь российским правоохранителям, был «Синий кит». По разным данным жертвами злоумышленников стали более 130 человек [16].

Разумеется, процент кадет в подростковой преступности минимален, однако уже сам факт криминализации данной категории лиц, не может не вызывать обеспокоенности. Тем более что речь идет о потенциальных абитуриентах в военные вузы, а в последующем, возможно, и об офицерах, которые будут отвечать за жизнь, здоровье, моральное состояние личного состава, его боеспособность. Иными словами, есть все основания полагать, что спустя годы деятельность подобных субъектов (если они не будут изобличены), способна привести к неминуемой дезинтеграции воинского коллектива, к межличностным конфликтам, к дискредитации воинской службы.

Таким образом, опасность криминальной мотивации кадет очевидна, причём рассматривать её следует в тесной связи с девиантной и противоправной активностью несовершеннолетних (на уровне всей подростковой популяции). Требуется выработка эффективных мер борьбы с указанными явлениями, причем осуществляться они должны, как нам представляется, одновременно на макро- и на микроуровнях. Главными же субъектами криминологической профилактики традиционно остаются семья и школа. Лишь при крайней неблагоприятном развитии событий подключаются правоохранители. К сожалению, период становления личности (взросления) большинства современных родителей, чьи дети обучаются в кадетских классах, пришелся на 90-е – начало двухтысячных. Их сознание оказалось большей частью деформировано. По свидетельству классных руководителей, с которыми нам довелось общаться, среди некоторых родителей доминируют исключительно корыстные и гедонистические установки, культивируется неуважительное отношение к праву. Как показывают наши собственные наблюдения, примерно 70 % родителей девиантных подростков (подвергшихся уголовному наказанию), обладают признаками дисгармоничного инфантилизма или органического поражения центральной нервной системы, что проявляется в виде агрессии, панических атаках, частых истерических реакциях, повышенной конфликтности, злобы, раздражительности, нетерпимости к чужому мнению. Во время интервьюирования некоторые семейные пары даже не скрывают наличие у них проблем, вызванных злоупотреблением психоактивными веществами (ПАВ), игровой зависимостью и т. д.

С учетом сказанного напрашивается очевидный вывод о том, что львиная доля нагрузки по обеспечению правомерного поведения детей и подростков приходится на учителей. В связи с указанным обстоятельством, президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что общество обязано оказывать учителям всемерную поддержку. Учителя и родители должны не конфликтовать, выясняя отношения, а взаимодействовать друг с другом, поскольку процесс воспитания и образования не может быть эффективно организован без сотрудничества семьи и школы [17, С. 2].

К российским педагогам с полным основанием может быть применима фраза, сказанная еще в XIX веке известным шотландским писателем Томасом Карлейлом: «Человек не должен жаловаться на времена, из этого ничего не выходит. Время дурное: Ну что же, на то и человек, чтобы улучшить его» [18]. Опытному педагогу под силу объяснить ученику истинное содержание таких понятий как свобода и справедливость, мораль и этика, приблизиться к раскрытию смысла жизни и смерти, совершить кардинальный «разворот» в ментальной сфере (от идеологии иждивенчества и потребительства к высокой духовности и патриотизму).

Признанием заслуг российских педагогов стало награждение лучших специалистов в сфере школьного образования президентом Российской Федерации в октябре 2025 года (в преддверии Дня учителя) государственными наградами. Во время праздничной церемонии глава государства в частности заявил: «Ваши ученики достойно выдержали главный экзамен на верность Отчизне». «Сила России в ее самобытной, суверенной системе образования». «Именно педагоги, искренне преданные своему делу, своему народу, своей стране, во все исторической эпохи вели Россию вперёд, служили нравственным

маяком для целых поколений, воспитывали достойных учеников, которые одерживали судьбоносные ратные победы, добивались выдающихся результатов в науке, в спорте, в искусстве» [19, С. 2].

Не секрет, что педагогам с большим жизненным опытом удаётся очень грамотно использовать притягательную силу патриотического воспитания, опираясь на положительные примеры, факты, а также на стремление несовершеннолетних повысить свой культурный и общеобразовательный уровень. Как правило, учителя кадетских классов успешно решают педагогические задачи, предъявляя высокие требования к дисциплине, к соблюдению подростками норм этики, к качеству учёбы, к организации досуга и отдыха (демонстрируя при этом заботливое отношение к каждому из своих воспитанников). Веря в силу и возможности своих учеников, школьный учитель, наставник и т. д. предъявляет к ним постепенно усложняющиеся, но посильные требования. Так, закаляется воля. Успешная реализация принципа «единства требований» возможна лишь в том случае, если будет обеспечена согласованность в работе образовательного учреждения, семьи, наставника, самого подростка и классного актива. Роль последнего особенно важна, если речь идет о старшеклассниках. Кроме того, нельзя забывать, что воспитательные технологии постоянно корректируются, изменяются, дорабатываются по мере взросления учащихся. В основной своей массе учителя, занимающиеся кадетами, имеют четкое представление о возрастных, психологических и мировоззренческих особенностях несовершеннолетних, а также об их сугубо индивидуальных качествах, взглядах, вкусах, привычках. То есть современные педагоги придерживаются индивидуального подхода к воспитанию, который предполагает тщательный сбор сведений (с последующим анализом) об условиях жизни учеников, их наклонностях, когнитивных способностях. В контексте сказанного хочется напомнить, что регулярно изучая индивидуальные проявления психики каждого учащегося, педагогам удается направлять свои усилия на стимулирование моральных качеств подростков и формирование у каждого из них структурных основ критического мышления.

Патриотическое воспитание, как одно из направлений криминологической профилактики преступности несовершеннолетних, успешно применялось еще в советское время. Поэтому сегодня речь идёт о «реновации» многих психолого-педагогических технологий и ценностно-смысловых конструктов недавнего прошлого (с учётом опыта специальной военной операции (далее СВО) и новейших достижений в сфере искусственного интеллекта). К сожалению, «воссозданная» система патриотического воспитания еще слишком далека от совершенства. Тем не менее, она способна вооружить несовершеннолетних многими знаниями и умениями, привить иммунитет ко лжи и лицемерию, нацелить человека на решение сверхзадач и совершение ярких, благородных поступков.

Основная часть

Рассуждая о специфике кадетского образования, важно помнить, что существенная разница между кадетскими и не кадетскими классами состоит в наличии у первой категории подростков особой программы воспитания, которую воплощают в жизнь наставники (специальные классные воспитатели). Кадетское образование не предполагает, что подросток будет жить и учиться исключительно по военному уставу. Программы формируются исходя из социально-экономических реалий, государственных интересов, возможностей педагогических коллективов и подростковых интересов. В ряде учреждений реализуются программы, обучающие кадетов правильному поведению с точки зрения безопасности (при этом максимально возможное внимание уделяется первоначальной военной подготовке, патриотизму, спорту и особому подходу к дисциплине). В некоторых школах проводятся занятия по хоровому пению, танцам, игре на различных музыкальных инструментах, программированию, информационной безопасности, основам робототехники, стрельбе из различных видов оружия, спортивному ориентированию. При приеме на работу в кадетские классы предпочтение отдается претендентам, имеющим опыт службы в Вооруженных силах, органах внутренних дел, МЧС, Росгвардии, в том числе – ветеранам СВО и других вооруженных конфликтов. Кроме этого, кандидат должен обладать дипломом о среднем или высшим педагогическом образовании, не иметь судимости. При положительном решении вопроса специалисты, соответствующие указанным требованиям, направляются на переподготовку [20, С. 16].

В одной из своих бесед с научными работниками профессор В. Я. Слепов абсолютно правильно заметил, что успешно заниматься проблемами воспитания кадет, курсантов и т. д. могут лишь люди, ясно

представляющие себе перспективу подобной деятельности. Это своего рода подвижники, грамотные, принципиальные, глубоко убежденные в правоте своего дела, умеющие беспристрастно оценивать негативные явления общественной жизни, обладающие пытливым умом, незаурядными творческими способностями. Именно от таких педагогов в значительной мере зависит эмоциональный настрой воспитанников, их морально-психологическая готовность преодолевать трудности и демонстрировать высокий уровень успеваемости [21, С. 73–74].

Организуя работу с лицами пубертатного возраста, педагог должен понимать, что сочетание врожденного и приобретенного, а также медико-биологического в поведении подростка не является чем-то «застывшим». Учет характера динамики психофизиологических процессов, мировоззренческих «сдвигов» и т. д. очень важен. Дело в том, что одни специфические индивидуально-личностные особенности (в виде совокупности криминогенных признаков) могут начать проявляться еще задолго до совершения преступления и в какой-то момент привести индивида к стойкой дезадаптации. Другие могут «предопределить» криминальную активность подростка, степень ее интенсивности, или, что встречается довольно часто, крайне отрицательно сказаться на характере потребностей, мотивации, ценностных ориентирах. Третьи – взять на себя роль пускового механизма (например, во время внезапно вспыхнувшей ссоры, совершения убийства или изнасилования).

В сентябре 2025 года сотрудниками Фонда содействия науки и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет» было проведено комплексное изучение 22 уголовных дел (за последние 5 лет) из архивов семи федеральных судов г. Санкт-Петербурга, а также Санкт-Петербургского городского суда и Ленинградского областного суда. Фигурантами этих дел являлись учащиеся кадетских классов и корпусов, которые совершили уголовно-наказуемые деяния насильственного характера в составе группы. Речь шла о грабежах, разбоях, нанесении тяжких телесных повреждений, хулиганстве, вандализме, трех изнасилованиях и одном насильственном мужеложстве. Существенное внимание было уделено школьным характеристикам виновных и актам комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (если таковые имели место).

Всего к уголовной ответственности было привлечено 117 человек, из них:

– около 29,4 % (35 человек) ранее обучались в кадетских классах и корпусах (их возраст находился в диапазоне от 16 до 18 лет);

– 62,2 % (72 человека) на момент совершения преступления являлись учениками школ и колледжей;

– 8,4 % (10 человек) преодолели порог совершеннолетия. Самому старшему из преступников едва исполнилось 22 года. Молодые люди нигде не учились, не работали, имели от одной до трех судимостей (в основном за кражи, хулиганство, мошенничество, двое – за экстремизм). Восемь человек злоупотребляли спиртными напитками, трое – имели опыт длительной наркотизации и стационарного лечения по месту жительства.

Обращает на себя внимание наличие лиц женского пола в количестве одиннадцати человек (все девушки – несовершеннолетние, учащиеся колледжей). Девушки особенно развязно и цинично рассказывали о своих низменных потребностях, сексуальных связях. Судя по информации, полученной от ближайших родственников и педагогов, в течение всего пубертатного периода девушки отличались от сверстников лживостью, изворотливостью, импульсивностью, повышенной агрессивностью, склонностью к бродяжничеству. Одна из девушек в течение двух лет выполняла функции организатора четко структурированной преступной группы.

Из материалов уголовных дел следовало, что кадеты, отчисленные из соответствующих заведений в связи с совершением преступленных деяний, воспитывались в полных, обеспеченных и внешне благополучных семьях. Также из показаний подростков следовало, что молодые люди «надели форму» исключительно по настоянию родителей. То есть они не были мотивированы к учебе в кадетских классах и корпусах. Никто из них не планировал стать военным или получить какое-либо образование. Данных субъектов привлекали компьютерные игры, «энергетики», бесцельное времяпрепровождение в компании неблагополучных подростков, реже – силовые виды спорта, восточные единоборства. Подростки не испытывали материальных проблем, так как регулярно получали значительные денежные суммы «на карманные расходы» из семейного бюджета. В основе преступных деяний лежали либо игровые мотивы, либо легкомыслие (небрежность), либо стремление «прове-

рить себя», «получить порцию адреналина и пощекотать нервы». Многие неблаговидные поступки совершались из чувства ложной солидарности с деструктивным окружением (криминально ориентированным микросоциумом) или из стремления завоевать авторитет среди сверстников. Согласно наблюдениям психологов и сведениям, полученным из актов судебных экспертиз, для данной категории преступников были характерны: незрелость, отсутствие критического мышления, наличие признаков психопатизации личности с высоким уровнем импульсивности, ригидность (которая сочеталась с грубостью, властностью, мстительностью, повышенной агрессивностью, жестокостью и чрезмерно завышенной самооценкой). Общекультурный уровень крайне низок, кругозор сужен, словарный запас ограничен. Подростки не могли назвать ни одного произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, путались в датах начала и окончания Великой Отечественной войны, не знали, живы ли такие исторические персонажи, как В. И. Ленин, И. В. Сталин, не могли определиться с местоположением Эрмитажа, Медного всадника и т. д. Специалисты акцентировали внимание на том, что «речь подэкспертных изобилует орфоэпическими неправильностями, засорена подростковым, сетевым и уголовным сленгом (жаргоном), что значительно затрудняет общение, а порой делает невозможным выстраивание полноценного диалога».

В качестве иллюстрации приведем один весьма показательный пример. Подросток Б., участвовавший в групповом изнасиловании девочки-инвалида, был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение, так как, по мнению экспертов, в момент совершения преступления не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, руководить ими в связи с наличием у него выраженных эмоционально-волевых нарушений, некритичности, расторможенности влечений.

Уголовное дело было возбуждено, когда данному субъекту исполнилось 17 лет. До возбуждения уголовного дела он обучался в юридическом кадетском корпусе (по этическим соображениям мы не приводим полное название этого образовательного учреждения). Согласно имеющимся сведениям, наследственность психическими заболеваниями не отягощена. Семья – полная. Родители – сотрудники правоохранительных органов, без вредных привычек, положительно характеризуются по месту службы. К детским дошкольным, а затем и к школьным учреждениям адаптировался с трудом, не мог сосредоточиться на «чем-то конкретном». В первой половине дня был заторможен, во второй – чрезмерно возбужден, подвижен, суетлив, упрям, капризен, раздражителен и конфликтен. Очень часто не подчинялся требованию взрослых, провоцировал их на агрессию. До 12 лет психоневрологи констатировали ночное недержание мочи, а так же недостаточную развитость мелкой моторики (получал соответствующее лечение). Частным порядком наблюдался у детского врача-психиатра, который диагностировал резидуально-органическое поражение головного мозга неясного генеза с психопатоподобными расстройствами, задержкой психического развития и энурезом. Были назначены ноотропы и нейролептики, которые Б. принимать отказался.

При поступлении в кадетский корпус данные о состоянии здоровья Б. были скрыты от медицинской комиссии, а предоставленная документация фальсифицирована. Во время учебы Б. часто нарушал дисциплину, прогуливал занятия, провоцировал драки с одноклассниками, конфликтовал с учителями. Поддерживал дружеские отношения с ранее судимыми несовершеннолетними К. и Н., распивал с ними спиртные напитки, играл в азартные игры, совершал нападения на лиц без определенного места жительства (избивал, а затем обливал одежду бензином и поджигал). Вопрос об отчислении Б. периодически возникал, но постоянно откладывался, так как родители подростка приносили справки о мнимых травмах и частых простудных заболеваниях своего сына. В феврале 2023 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, Б. предпринял попытку потушить Вечный огонь на территории одного из мемориальных комплексов Ленинградской области, был задержан и доставлен в отдел полиции. Однако в скором времени, благодаря вмешательству родителей, он вновь оказался дома без каких-либо негативных для себя последствий. В мае того же года Б. испачкал фекалиями входную дверь в квартиру соседа по лестничной клетке – ветерана Великой Отечественной войны. Пожилой человек написал заявление в полицию, но, в очередной раз, ситуацию «взял в свои руки» отец подростка. Ветеран Великой Отечественной войны отказался от претензий в адрес подростка и отозвал свое заявление. В первых числах июня 2024 года, когда родители уехали в санаторий, Б. перестал посещать занятия,

т. к. практически ежедневно алкоголизировался. В один из дней он, совместно с К. и Н., под благовидным предлогом обманным путем заманил к себе домой 14-летнюю умственно отсталую девочку-инвалида, с которой познакомился на железнодорожной станции. Девочка была изнасилована, однако смогла выбраться на балкон и позвать на помощь. Случайные прохожие вызвали полицию. Насильников задержали. Учитывая возраст Б., тяжесть содеянного, а также целый ряд иных обстоятельств, следователь вынес постановление о назначении обвиняемому комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Заключение экспертов содержит информацию о том, что контакт с подростком носил «малосодержательный характер». Испытуемый был чрезвычайно подвижен, не проявлял никакой заинтересованности в предмете разговора, постоянно отвлекался на второстепенные темы. На вопросы отвечал неохотно. Эмоциональные проявления – монотонны, однообразны. Запас знаний крайне низкий. Для подэкспертного были также характерны: слабость абстрагирования, поверхностность и незрелость суждений, ослабление концентрации внимания, истощаемость психических процессов, «нарочитая дурашливость». Обнаружены признаки первой стадии алкоголизма, а также игровой зависимости. На электроэнцефалограмме (ЭЭГ) выявились изменения биоэлектрической активности головного мозга с диффузными разрядами условно эпилептиформных феноменов в период функциональных нагрузок, что свидетельствовало об органическом расстройстве личности. Эксперты посчитали, что в отношении содеянного данного подростка следует признать ограниченно вменяемым. Однако, по ходатайству адвоката, судом была назначена повторная судебная экспертиза, которая прошла в ГНЦ им. В. П. Сербского. Московские психиатры признали подростка невменяемым, обнаружив характерные для эндогенного процесса эмоционально-волевые нарушения, возникшие на органически неполноценной почве.

Прежде чем рассмотреть криминологические детерминанты поведенческой активности несовершеннолетнего Б., попытаемся ответить на вполне естественный и закономерный вопрос: как такой сложный, неадекватный, недисциплинированный и агрессивный ребенок, обладающий широчайшим спектром психических аномалий, смог не только «успешно» поступить в кадетский юридический корпус, но и «продержаться» там более года? Во-первых, очевидна роль родителей Б., которые тщательно подготовились и сумели скрыть от медиков наличие тяжелого заболевания у сына. Во-вторых, нельзя игнорировать вероятность коррупционной составляющей. В-третьих, эта история отчетливо высветила некомпетентность и безответственность руководителей, педагогов, наставников и психологов данного учреждения. В-четвертых, крайне отрицательно на всю ситуацию с Б. повлияла безучастность родителей учеников, которые, зная о существовании такого деструктивного подростка, не приняли никаких мер, чтобы заставить администрацию кадетского корпуса решить вопрос о правомерности пребывания Б. в учебном заведении.

Все вышесказанное чрезвычайно важно для понимания произошедшего, но что же конкретно привело Б. на скамью подсудимых? Иными словами, какие медико-биологические и социальные факторы повлияли на развитие криминогенной, а затем и откровенно криминальной личности? То, что подросток был болен и нуждался в наблюдении, коррекции и лечении – очевидно. Психическая патология существенно сузила диапазон его адаптации, психофизиологического развития, интеллектуального поиска, обучения и т. д. Тем не менее, важно понимать, что обусловленные болезненными процессами способы девиантного мышления и восприятия психоаномалов, могут (причем далеко не всегда) лишь исказить мотивацию, извратить сферу потребностей, усилить агрессивность, повысить риск совершения общественно опасных действий, но ведущей детерминантой в механизме преступного поведения, всегда было, есть и будет нравственное состояние субъекта. Именно безнравственность, по мнению отечественных ученых, усугубляет социальную дезадаптацию криминогенной личности с психическими аномалиями и подводит ее к «опасной черте». А болезнь, какой бы тяжелой она не была, никоим образом, не может определять социальную (или антисоциальную) направленность человеческих поступков [22, С. 38; 23, С. 36–37; 24, С. 186].

Семейный фактор обусловил несостоятельность межличностных отношений и домашнего воспитания Б. Судя по всему, родители подростка. занимались исключительно своей карьерой и руководствовались сугубо эгоистическими интересами. Несмотря на внешнюю респектабельность, наличие обширных связей, довольно высокое положение в обществе, супруги так и

не смогли осознать, что на протяжении всей своей семейной жизни оказывали на сына исключительно десоциализирующее влияние. Фактически, их попустительство, а также бесконтрольность и безнадзорность ребенка сформировали из «маленького человека» самого настоящего монстра, желания которого моментально удовлетворялись. Ни о каком духовно-нравственном воспитании не было и речи. Вина родителей состоит еще и в том, что они не обеспечили ребенку полноценного лечения.

Люди, подобные Б., не способны совершить гражданский поступок, взять на себя какую либо ответственность, критически оценить свои недостатки, осознать всю порочность и губительность своего поведения. Они лишены внутреннего стержня, постоянно оправдывают себя и во всех неудачах винят окружающих. А между тем еще Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Если, желая оправдать себя, я объясняю свои беды злым роком, я подчиняю себя злому року. Если я приписываю их измене, я подчиняю себя измене. Но если я принимаю всю ответственность на себя, то я, тем самым, отстаиваю свои человеческие возможности. Я могу повлиять на судьбу того, от чего я неотделим. Я – составная часть общности людей» [25, с. 401–402]. Понять эти слова, увы, дано далеко не каждому, поскольку они предполагают наличие тонкой душевной организации и сформировавшейся системы ценностей, развитого сознания.

Важным дополнением к сказанному могут служить наблюдения, сделанные научными и практическими работниками, которые занимаются ювенальной психологией. Авторы особо подчеркивают, что одной из наиболее значимых характеристик несовершеннолетних преступников является устойчивая утрата ими связей с коллективом одноклассников, с законопослушными подростками. Они систематически пропускают занятия и не успевают практически по всем дисциплинам. Криминологи и педагоги указывают на полное игнорирование несовершеннолетними преступниками каналов поступления культурной информации. Предпочтение отдается пассивно-потребительскому досугу, сопряженному с крайне негативными проявлениями в поведении (в виде азартных игр, потребления ПАВ, участия в беспорядочных половых связях, драках, порче чужого имущества). В свою очередь школьные психологи отмечают у таких подростков ослабление или полное отсутствие чувства стыда, равнодушие к чужой боли, к переживаниям близких, несдержанность, разбалансированность эмоций, грубость, лживость, тщеславие, обидчивость и злопамятность [26, С. 61–67; 27, С. 274–277; 28, С. 121–128; 29].

А. И. Бастрыкин, выступая на оперативном совещании перед сотрудниками Следственного комитета (22 октября 2025 года), заявил, что число совершенных подростками тяжких и особо тяжких преступлений ежегодно увеличивается. Прослеживается устойчивая динамика увеличение количества несовершеннолетних, совершивших преступление в составе организованной преступной группы. Глава Следственного комитета указал подчиненным на недостаточную активность региональных управлений в области профилактики и поручил руководителем подразделений ведомства обратить внимание местных органов власти на проблему значительной криминализации подростковой среды. А. И. Бастрыкин потребовал усилить общественно-политическую, правовую и просветительскую работу с населением (в первую очередь с «неблагополучными» семьями и с конкретными подростками, отнесенными к «группе риска»). Также на совещании было принято решение об открытии новых кадетских классов под эгидой Следственного комитета и о налаживании взаимодействия образовательных организаций ведомства с всероссийским детско-юношеским военно-патриотическим общественным движением «Юнармия» [30, С. 1].

Разумеется, глава Следственного комитета озвучил лишь те направления, которые имеют непосредственное отношение к работе сотрудников его ведомства. Между тем профилактика криминальной активности несовершеннолетних традиционно, на протяжении последних ста лет является одним из важнейших разделов криминологии. Напомним, что меры профилактики призваны воздействовать на социально-экономические, социально-демографические, социально-психологические, семейные, медико-биологические, экологические и криминогенные факторы. Однако, говоря о кадетах, целесообразно сделать акцент именно на патриотическом воспитании (как нам представляется, мы уже обосновали эту точку зрения).

В одном из своих монографических исследований, посвященных кадетскому образованию и воспитанию, А. Ю. Кийко писал, что человек, впитавший с молоком матери нравственные начала, всегда и везде будет тяготеть к родному очагу, к близким

по духу людям, будет стремиться соответствовать их представлениям о добре и справедливости. По мнению ученого, патриотизм находит свое выражение в конкретных делах и повседневных поступках, в исполнении гражданского долга, в мыслях, чувствах, в труде и учебе, в творчестве, в ратной деятельности. Сегодня, в условиях проведения СВО, когда степень противоборства России и Запада достигла своего критического значения, государство особенно остро нуждается в патриотизме своих граждан [31].

Результаты, обсуждение, рекомендации

С апреля по июнь 2025 года нами было проведено интервьюирование 173 выпускников кадетских корпусов и классов Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Петрозаводска. В качестве объекта исследования были выбраны правовые, культурные, исторические и патриотические взгляды, ценностные ориентации, мировоззренческие установки, доминирующие у данной категории лиц. Цель исследования заключалась в научном осмыслении таких сложных социально-психологических явлений, как патриотизм, нравственность и правовое сознание лиц пубертатного возраста, стремящихся в дальнейшем посвятить свою жизнь военной службе. Методологической основой данного исследования стал диалектический метод познания, а также методы социальной психологии и педагогики, статистики.

Специалистами фонда «Университет» была разработана анкета, включавшая в себя ряд групповых оценок. Каждому из предлагаемых ответов соответствовала конкретная оценка в баллах. Эта оценка отражала ту или иную степень интенсивности проявления определенной социально-психологической характеристики группы, а также самой личности кадета. При этом, контингент интервьюированных рассматривался не как механические конгломерат личностей, а как самостоятельная структура (общность), обладающая своими специфическими особенностями, несводимыми к сумме особенности отдельных ее членов.

Именно такой подход, как нам представляется, наиболее точно соответствует целям и задачам социально-психологических исследований. Кроме того, метод групповых оценок позволяет рассмотреть социальную группу изнутри, глазами ее непосредственных участников, выяснить тональность (характер) отражения в группе тех или иных социально-психологических явлений. Существенным достоинством данного метода является и то, что при большом количестве суммарных оценок возможные «случайности» отдельных ответов стираются, а в групповых оценках проявляется закономерность. Фактически, получение необходимой информации осуществлялось через комбинирование двух форм опроса – анкетирования и интервьюирования.

Итак, обратимся к результатам исследования. Во-первых, было установлено, что коэффициент корреляции между суммарной оценкой качества (а также сплоченности) учебного коллектива и индексом константности «патриотического настроя» оказался чрезвычайно высоким (+0,96). Во-вторых, в перечне внутренних критериев «удовлетворенности и престижности» первое место было отдано «чувству высокой социальной значимости обучения именно в данном учреждении и личной ответственности за все происходящее в учебном коллективе (классе)». В-третьих, оценочный подход к анализу духовно-нравственной сферы выпускников позволил сделать вывод о наличии у респондентов сформировавшейся ценностной иерархии, выраженной гражданско-патриотической позиции, дисциплинированности. В-четвертых, более 90 % выпускников кадетских классов и корпусов согласились с тезисом о том, что неотъемлемой частью патриотического мировоззрения является высокий уровень общей культуры и развитого правосознания. По мнению интервьюированных, на уроках патриотизма речь должна идти о социально-значимых поступках людей, сумевших продемонстрировать свою приверженность духовным, нравственным и правовым идеалам. В-пятых, около 76 % опрошенных посчитали, что криминальная активность их сверстников была обусловлена правовым нигилизмом, истоки которого лежат в дисгармонии семейных отношений. На важность учета в профилактической работе таких факторов как безнадзорность и неспособность к самоорганизации, к выстраиванию межличностных отношений указали 24 % участников опроса (респонденты имели юридическую специализацию и разбирались в вопросах предупреждения преступности). Каждый десятый выпускник считал, что уровень осмысления этнокультурных традиций зависит от той почвы, которая сформировалась в раннем детстве, а также от когнитивных способностей самого субъекта и глубины его эмоционально-нравственного реагирования на деструктивные воздействия внешней среды.

Таким образом, результаты опроса позволяют утверждать, что подавляющая часть выпускников обладает сформировавшимся взглядами и убеждениями просоциальной направленности. Их восприятие происходящих в стране и в мире событий осуществляется с учетом интересов общества и государства, а также защиты прав и свобод граждан. Довольно часто, нам приходилось слышать мнение выпускников о том, что патриотические чувства должны «идти из глубины души», в них не должно быть «казенщины» и лицемерия. Выпускники демонстрировали потребность в дальнейшем самовоспитании, самообразовании и в обретении «служебного профессионализма».

Для комплексного обеспечения процесса воспитания кадет и создания социально-педагогической среды, позволяющей повысить эффективность патриотической работы, была сформирована рабочая группа, в которую вошли представители фонда «Университет», преподаватели Военный ордена Жукова академии войск национальной гвардии, наставники нескольких кадетских корпусов и классов (все наставники являлись ветеранами СВО), следователи СК России.

На первом этапе члены рабочей группы изучили наиболее известные и хорошо себя зарекомендовавшие методики патриотического воспитания школьников, кадет, студентов и курсантов. Методики подверглась тщательной «ревизии» и, с учетом реалий сегодняшнего дня, были выработаны собственные методические рекомендации, составлен тематический план мероприятий. Особый акцент был сделан на формировании у молодых людей такого типа индивидуального сознания, в котором были бы отражены основные этапы цивилизационного развития человечества, многовековые общественные и религиозные традиции, правовые нормы, историческая память народов, населяющих территории Российской Федерации. Кроме того, предполагалось (путём целенаправленных психолого-педагогических воздействий) научить подростков тактике распознавания опасного контента (фейков, провокационных слухов и разного рода манипуляций), использованию метода индукции и дедукции, критического анализа. Определенные усилия были направлены на то, чтобы сформировать у несовершеннолетних понимание необходимости поддержания баланса общественных и личностных интересов на протяжении всей своей жизни. Значительная роль отводилась повышению цифровой грамотности и виктимологической компетентности кадет. Не остались без внимания и вопросы, связанные с нейтрализацией аддиктивных установок, с профилактикой злоупотребления ПАВ.

При выборе тех или иных мероприятий мы руководствовались советами прекрасного советского педагога И.С. Кона, который писал, что воспитание подрастающего поколения и пропаганда должны «как огня бояться пошлого морализирования, порождающего цинизм и скепсис». «Нравственные развитие человека идет параллельно его умственному и социальному развитию, и зависит, прежде всего, от характера его собственной жизнедеятельности. Четкое и недвусмысленное противопоставление добра и зла педагогически эффективно только на фоне поощрения собственной нравственной активности воспитуемого» [32, с. 59].

Совместными усилиями был запущен проект по изучению беспилотных летающих систем, моделированию БПЛА и производству комплектующих для дронов (большая часть из которых затем отправлялась на фронт). Отрадно отметить, что между директорами двух школ и Министерством обороны достигнута договоренность о создании в ближайшем будущем специальных учебных мест (классов, лабораторий и т. д.) с тренажерами, на которых будущие операторы FPV будут осваивать навыки пилотирования. Причем, как нам представляется, наибольший шанс показать высокие результаты будут иметь геймеры, сдавшие на отлично экзамены по математике и физике, дисциплинированные, целеустремленные и хладнокровные.

Была предусмотрена и добровольческая деятельность в виде шефства над ветеранами-инвалидами, а также над членами семей мобилизованных и погибших военнослужащих, сбора гуманитарной помощи для жителей новых регионов. Отрадно отметить, что на момент подготовки данной статьи, педагогами кадетских классов и корпусов (участвовавших в исследовании) было налажено взаимодействие с Молодежным парламентом Санкт-Петербурга (членами «Молодой гвардии»), Ассоциацией Ветеранов СВО «Защитники Родины», Фондом «Защитники Отечества».

Заключение

Патриотическое воспитание учащихся кадетских классов и корпусов целесообразно рассматривать как сферу междисциплинарных научных знаний, граничащую со всеми науками, которые изучают ценностные ориентации ювенальных слоев

населению, а также те гуманитарные дисциплины, которые сами молодые люди изучают в процессе своего социального и профессионального становления. В данной области аккумулируются сведения о закономерностях формирования индивидуального сознания у несовершеннолетних в процессе их взросления и самоидентификации под влиянием семейных, этических, психологических и т. д. факторов. Речь также идет о долгосрочных педагогических мероприятиях, которые конкретизируются в процессе индивидуально-воспитательной работы с подростками (с учетом их возраста, психофизиологических особенностей, направленности интересов и «уровня воспитанности»).

Обращение к героическим традициям прошлого и к примерам из новейшей истории, осмысление текущих событий с учетом тысячелетнего духовного опыта русского народа - все это создает патриотический настрой личности и выступает в качестве предпосылки ее законопослушного поведения. Патриотическое мировоззрение, ставшее неотъемлемой частью морального сознания, заставляет человека постоянно прислушиваться к голосу своей совести, ограничивать «эгоистические» потребности рамками общественной и государственной целесообразности.

Применительно к целям и задачам криминологической профилактики преступной активности учащихся, объектом патриотического воспитания следует считать личность подростка, который только начинает постигать азы правовой культуры в условиях кадетских классов и корпусов. Предметом же воспитания выступают закономерные взаимосвязи и взаимозависимости объективно-субъективных факторов, способствующих успешному переходу индивида от детства и отрочества к юности и зрелости (дело в том, что именно в этот период закладываются основы социального самоопределения личности). Основной задачей индивидуальной превенции (как и воспитания в целом) является развитие у воспитуемых нравственных чувств, духовности, инициативности, решительности, стойкости, мужественности, гражданственности.

Профилактика правонарушений и преступлений среди указанной категории лиц предполагает создание такой общеобразовательной среды, в которой каждый учащийся мог бы ощутить себя составной и крайне важной частью коллектива, дорожил бы мнением товарищей и педагогов, стремился проявить себя в учебе, в спорте, в процессе организации и проведения досуга.

Эффективность патриотического воспитания зависит от профессионализма педагогов (наставников) и степени готовности кадет к восприятию соответствующей информации, от наличия у них мотивов полного и осознанного погружения в сферу военно-патриотической деятельности. Причем эта готовность имеет сложную динамическую структуру и зависит от ранее сформировавшихся у молодых людей ценно-смысловых ориентаций, насущных потребностей, представлений о себе и своем будущем, от когнитивных способностей, от развитости эмоционально-волевых качеств.

Наибольшую значимость в процессе отклоняющегося поведения и криминализации личности учащихся кадетских классов имеют: 1) изъяны семейного воспитания; 2) личностные аномалии (особенно характеризующиеся повышенной агрессивностью, злобой, импульсивностью, нервозностью и неусидчивостью, завышенной самооценкой с гедонистическими установками, нарциссизмом, наличием признаков аддиктивного поведения); 3) внутренние проблемы, вызванные недостаточной самоорганизацией и самоидентификацией.

Цифровая трансформация жизненного пространства таит в себе множество опасностей (в виде электронного мошенничества, вредоносных фейков, информационных атак и диверсий, попыток манипулирования общественным мнением). Не следует забывать и о «полном уходе» некоторых субъектов в виртуальную реальность, что, как правило, обусловлено интеллектуальной деградацией и (или) стойкой игровой зависимостью. Лишь тщательно продуманное и ответственное использование в процессе воспитания нейросетевых технологий позволит педагогам, как нам кажется, настроить молодых людей на конструктивный лад, пробудить у них интерес к учебе, к участию в военно-патриотических мероприятиях, к приобретению особых, принципиально новых навыков и умений.

Список источников

1. Горьковая И. А. Ценностные предикторы гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением / И. А. Горьковая, А .В. Микляева, О. М. Самойлов // Психология и право. 2024. № 14 (3). С. 69–83. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140306.

2. Миронова О. И. Сравнительный анализ программ профессиональной подготовки специалистов работающих с девиантными подростками / О. И. Миронова, А. А. Голенков // Педагогика и психология образования. 2025. №1. С.149–178.DOI.: 10. 31862 / 2500-297 X - 2025 - 1- 149 – 178.

3. Федонкина А. А. Особенности психического развития детей и подростков в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2025. № 15(3). С. 24-36. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150302.

4. Кон И. С. Психология ранней юности: Книга для учителей. М. : Просвещение, 1989. 255 с.

5. Митянина А. Сегодня подросток – это вызов взрослым // Петербургский дневник. 2025. 29 января.

6. Гончарова Е. М. Формирование и проявление паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних // Вестник Московского ун-та МВД России. 2024. № 1. С. 248–253. https://doi.org/ 10.24412/2073-0454-2024-1-248-253.

7. Щербаков Г. В. Понятие антисоциальной личности с позиций криминологии, психологии и психиатрии / Г. В. Щербаков, И. В. Лаврентьева // Прикладная юридическая психология. 2024. № 2 (67). С. 27–42. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67). 027-042.

8. Бакин А. А. Когнитивное звено в преступном поведении лиц, склонных к криминальному насилию // Российский следователь. 2009. № 14. С. 18–20.

9. Бакин А. А. О направлениях изучения структуры характера подростков, склонных к криминальному насилию // Закон и право. 2009. №10. С. 25–27.

10. Сафуанов Ф. С. Представления о феномене самоубийства у лиц старшего подросткового возраста, склонных к девиантному поведению / Ф. С. Сафуанов, Р. М. Мусаева // Прикладная юридическая психология. 2025. № 1(70). С. 036–049. DOI: 10.33463/2072-8336.2025.1(70).036-049.

11. Зарина А. М. Современные проблемы противодействия буллингу в России // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 71–75. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-1-71-75. EDN: ZFJGEQ.

12. Нго Дык Тай. Влияние школьной культуры на агрессивное поведение старшеклассников // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2024. № 1. С. 90–101.

13. Бакин А. А. «Рисунок поведения» насильственных преступников с аддиктивными нарушениями // Закон и право. 2009. № 11. С. 72–74.

14. Бакин А. А. Криминологические и медико-биологические подходы к изучению криминальной агрессии // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 26–33.

15. Емельяненко В. Задержали на платформе // Российская газета. 2025. 24 сентября.

16. Tretyakov I. L. (2020). Criminal manipulative impacts on minors with internet technologies: countermeasures // 11-th International Scientific and Theoretical Conference «Communicative Strategies of Information Society» CSIS 2019 EpSBS. 25-26 October, 2019. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, pp. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.47.

17. Герейханова А. Важный разговор // Российская газета. 2024. 4 октября.

18. Карлейль Т. Этика жизни. М. : Изд-во «РИПОЛ КЛАССИК», 2021. 198 с.

19. Латухина К. Учителя участников СВО получили награды // Российская газета. Неделя. 2025. 8 октября.

20. Чернова М. Встать в строй по уставу // Российская газета. Неделя. 2025. 26 марта.

21. Сухоруков В. Н. О вечных ценностях и патриотизме // Юридическая наука: История и современность. 2022. № 10. С. 69–77.

22. Антонян Ю. М. Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. М. : Наука, 1991. 248 с.

23. Бакин А. А. История вопроса оценки личности обвиняемого с психическими аномалиями // История государства и права. 2008. № 8. С. 36–37.

24. Шпорт С. В. Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения / С. В. Шпорт, А. А. Дубинский, М. М. Проничева // Психология и право. 2025. № 15 (2). С. 185–206.

25. Сент-Экзюпери А. Сочинения. М., 1964. С. 401–402.

26. Беспалова Т. М. Ответственность подростков с разным уровнем агрессивности / Т. М. Беспалова, А. В. Рыбалко // Прикладная юридическая психология. 2024. № 2(67). С. 61–71. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67).061-071.

27. Марьясис И. Б. Особенности социально-психологической реадаптации несовершеннолетних, признанных виновными в совершении преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 274–277. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-274-277. EDN: YKGGEG.

28. Мороз М. В. Проблемы исследования девиантного поведения несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2024. № 2(67). С. 121–128. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67).121-128.

29. Частная криминология / отв. ред. Д. А. Шестаков. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007. 771 с.

30. Козлова Н. Криминальный подросток // Российская газета. 2025. 23 октября.

31. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: коллективная монография / под ред. А. Ю. Кийко. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2023. 368 с.

32. Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М. : Политиздат, 1988. 384 с.

References

1. Gorkovaya I.A. Value predictors of civic identity in adolescents with deviant behavior / I.A. Gorkovaya, A.V. Miklyaeva, O.M. Samoilov // Psihologiya i pravo. 2024; 14 (3): 69–83. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140306. (In Russ).

2. Mironova O.I. Comparative analysis of professional training programs for specialists working with deviant adolescents / O.I. Mironova, A.A. Golenkov // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2025;1: 149-178. DOI.: 10. 31862 / 2500-297 X - 2025 - 1- 149 – 178. (In Russ).

3. Fedonkina A.A. Features of mental development of children and adolescents in the context of digitalization of society // Psihologiya i pravo. 2025; 15(3): 24–36. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150302. (In Russ).

4. Kon I.S. Psihologiya rannej yunosti: Kniga dlya uchitelej. M.: Prosveshchenie, 1989. 255 s. (In Russ).

5. Mityanina A. Today, a teenager is a challenge to adults // Peterburgskij dnevnik. 2025. 29 yanvarya. (In Russ).

6. Goncharova E.M. Formation and manifestation of patterns of antisocial behavior in minors // Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii.2024; 1: 248–253. https://doi.org/ 10.24412/2073-0454-2024-1-248-253. (In Russ).

7. Shcherbakov G. V. The concept of antisocial personality from the standpoint of criminology, psychology and psychiatry / G. V. Shcherbakov, I. V. Lavrentyeva // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2024; 2 (67): 27–42. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67). 027-042. (In Russ).

8. Bakin A.A. Cognitive link in criminal behavior of individuals prone to criminal violence // Rossijskij sledovatel'. 2009; 14: 18-20. (In Russ).

9. Bakin A.A. On the directions of studying the character structure of adolescents prone to criminal violence // Zakon i pravo. 2009; 10: C. 25–27. (In Russ).

10. Safuanov F.S. Ideas about the phenomenon of suicide in older adolescents prone to deviant behavior / F.S. Safuanov, R.M. Musaeva // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2025; 1(70): 036–049. DOI: 10.33463/2072-8336.2025.1(70).036-049. (In Russ).

11. Zarina A. M. Contemporary issues of combating bullying in Russia // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2025; 1: 71–75. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-1-71-75. EDN: ZFJGEQ. (In Russ).

12. Ngo Duc Thai. The Impact of School Culture on Aggressive Behavior in High School Students // Obrazovanie i vospitanie doshkol'nikov, shkol'nikov, molodezhi: teoriya i praktika. 2024; 1: 90–101. (In Russ).

13. Bakin A.A. «Pattern of behavior» of violent criminals with addictive disorders // Zakon i pravo. 2009; 11: 72–74. (In Russ).
14. Bakin A.A. Criminological and medical-biological approaches to the study of criminal aggression // Vestnik Akademii ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii. 2010; 4: 26–33. (In Russ).
15. Emelianenko V. Detained on the platform // Rossijskaya gazeta. 2025. 24 sentyabrya. (In Russ).
16. Tretyakov I.L. (2020). Criminal manipulative impacts on minors with internet technologies: countermeasures // 11-th International Scientific and Theoretical Conference «Communicative Strategies of Information Society» CSIS 2019 EpSBS. 25-26 October, 2019. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, pp. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.47.
17. Gereikhanova A. An Important Conversation // Rossijskaya gazeta. 2024. 4 oktyabrya. (In Russ).
18. Karlejl' T. Etika zhizni. M.: Izd-vo «RIPOL KLASSIK», 2021. 198 s. (In Russ).
19. Latukhina K. Teachers of the SVO participants received awards // Rossijskaya gazeta. Nedelya. 2025. 8 oktyabrya. (In Russ).
20. Chernova M. To stand in line according to the regulations // Rossijskaya gazeta. Nedelya. 2025. 26 marta. (In Russ).
21. Sukhorukov V.N. On Eternal Values and Patriotism // YUridicheskaya nauka: Istoriya i sovremennost'. 2022; 10: 69–77. (In Russ).
22. Antonyan YU.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naya patopsihologiya. M.: Nauka, 1991. 248 s. (In Russ).
23. Bakin A.A. History of the issue of assessing the personality of an accused with mental anomalies // Istoriya gosudarstva i prava. 2008; 8: 36–37. (In Russ).
24. Shport S.V. Value-semantic and individual-psychological characteristics of personality as risk factors for deviant behavior / S.V. Shport, A.A. Dubinsky, M.M. Pronicheva, I.A. Rozanov // Psihologiya i pravo. 2025; 15 (2): 185–206. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150213. (In Russ).
25. Sent-Ekzyuperi A. Sochineniya. M., 1964. (In Russ).
26. Bespalova T. M., Rybalko A. V. Responsibility of adolescents with different levels of aggressiveness // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2024; 2(67): 61–71. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67).061–071. (In Russ).
27. Maryasis I. B. Features of the socio-psychological readaptation of minors found guilty of committing a crime // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024; 5: 274-277. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-274-277. EDN: YKGGEG. (In Russ).
28. Moroz M.V. Problems of studying deviant behavior of minors // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2024; 2(67): 121–128. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67).121-128. (In Russ).
29. CHastnaya kriminologiya / Otvetstvennyj redaktor D.A. SHestakov. SPb.: Izd-vo «YUridicheskij centr Press», 2007. 771 s. (In Russ).
30. Kozlova N. Criminal teenager // Rossijskaya gazeta. 2025. 23 oktyabrya. (In Russ).
31. Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchihsya v kadetskih korpusah, suvorovskih uchilishchah i voennyh institutah Rossijskoj Federacii kak predmet kompleksnogo analiza / Kollektivnaya monografiya pod red. A.YU. Kijko. SPb.: Sankt-Peterburgskij voennyj Orden ZHukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. 368 s. (In Russ).
32. Eticheskaya mysl': Nauchno-publicisticheskie chteniya. M.: Politizdat, 1988. 384 s. (In Russ).

Информация об авторе

И. Л. Третьяков *– доктор юридических наук, доцент*

Information about the author

I. L. Tret'yakov *– Doctor of Sciences (Law), Docent*

Статья поступила в редакцию 07.11.2025;
одобрена после рецензирования 14.04.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 07.11.2025;
approved after reviewing 14.04.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СЛУЖЕБНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Айнур Айдарович Даминов
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия
arturakbarov0@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируются психологические механизмы функционирования личности сотрудника в экстремальных условиях и раскрываются профессионально-служебные компоненты подготовки, обеспечивающие устойчивость к дезорганизующему влиянию стресса. Особое внимание уделяется формированию психологической устойчивости и готовности сотрудников к принятию правомерных решений в ситуациях, связанных с повышенной угрозой жизни и здоровью, включая применение огнестрельного оружия. Анализируются особенности воздействия стрессовых факторов на процесс принятия решений, а также роль огневой, тактико-специальной и психологической подготовки в обеспечении эффективной служебной деятельности.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, огнестрельное оружие, психологическая подготовка, служебная деятельность, полиция

Для цитирования: Даминов А.А. Психологические и профессионально-служебные аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 109–117. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/012.pdf.

Original article

PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL ASPECTS OF TRAINING EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR ACTION IN EXTREME CONDITIONS

Ainur A. Daminov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia
arturakbarov0@gmail.com

Abstract. This article analyzes the psychological mechanisms of employee functioning under extreme conditions and reveals the professional and service components of training that ensure resilience to the disruptive effects of stress. Particular attention is paid to developing psychological resilience and the readiness of employees to make lawful decisions in situations involving increased threats to life and health, including the use of firearms. The impact of stress factors on decision-making is analyzed, as well as the role of firearms training, tactical and psychological training in ensuring effective performance.

Keywords: extreme situation, firearms, psychological training, service activities, police

For citation: Daminov A.A. Psychological and professional aspects of training employees of internal affairs bodies for action in extreme conditions. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 109–117. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/012.pdf.

© Даминов А.А., 2026

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел в большинстве случаев связана с экстремальными нагрузками. Служба осуществляется в напряженной и сложной обстановке, при которой на сотрудников органов внутренних дел постоянно влияют стрессогенные факторы. Это, в свою очередь, отрицательно отражается на способности оператив-

но и своевременно принимать важные решения в условиях, когда возникает экстремальная ситуация.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что сотрудники органов внутренних дел часто сталкиваются с нештатными ситуациями, которые помимо дисциплинированности требуют и высокой психологической устойчивости. Особое внимание следует уделять формированию профессионально значимых качеств сотрудников органов внутренних дел уже на этапе их первоначальной подготовки, а также в процессе последующей профессиональной подготовки и повышения квалификации. Это обусловлено объективной необходимостью формирования устойчивой готовности сотрудника к действиям в экстремальных ситуациях, включая способность к эффективному применению огнестрельного оружия в целях пресечения и нейтрализации противоправных посягательств при одновременном соблюдении требований действующего законодательства.

Основные положения

В научной литературе отсутствует единый подход к определению понятия «экстремальная ситуация». Так, Кузнецов Б. В. полагает, что экстремальная ситуация: «представляет собой ситуацию, которая возникла в условиях решения сотрудником полиции служебных задач, связанная с повышенными умственными, физическими и психологическими нагрузками, а также представляющая опасность жизни и здоровья граждан или сотрудников полиции» [10]. Устинова Л. Г. и Султанова М. В утверждают, что «под понятием «экстремальная ситуация» в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов понимают, например, «ситуацию, возникшую в условиях решения сотрудником оперативно-служебной задачи, связанную с повышенными умственными, психическими и физическими нагрузками, опасностью для его жизни и здоровья, а также для жизни и здоровья граждан»» [17].

В обобщенном виде под экстремальной ситуацией следует понимать такую совокупность условий, при которой обеспечение безопасности жизнедеятельности субъекта начинает преобладать над другими аспектами его деятельности.

Экстремальная ситуация сама по себе является своего рода «раздражителем», а степень и продолжительность ее воздействия во многом определяется психологическим состоянием, сформированностью волевых качеств и личными качествами сотрудника [15]. Одним из ключевых условий служебной деятельности является развитие способности сохранять самообладание и применять ранее усвоенные в процессе обучения знания и навыки даже в условиях интенсивного стрессового воздействия.

В зависимости от характера и интенсивности экстремальных факторов экстремальную подготовленность целесообразно рассматривать в нескольких взаимосвязанных аспектах. Первый из них связан с готовностью к обострениям повседневной правоохранительной деятельности, когда экстремальные элементы носят кратковременный и внезапный характер, возникая на фоне относительно стабильной служебной обстановки. Такая подготовленность предполагает способность сотрудника быстро ориентироваться в изменяющейся ситуации, сохранять самоконтроль и принимать правомерные решения при осуществлении текущей, в целом, обычной деятельности. Второй аспект касается подготовленности к решению экстремальных служебных задач, связанных с выполнением оперативно-розыскных мероприятий, пресечением насильственных преступлений, отражением нападений, задержанием вооруженных и особо опасных преступников, освобождением заложников и иных действий, сопряженных с высоким уровнем риска. Особое место занимает подготовленность к длительному нахождению в экстремальных условиях, предполагающая способность сотрудников органов внутренних дел продолжительное время функционировать в сложных, нестандартных условиях, поддерживая необходимый уровень профессиональной эффективности и психологической устойчивости [6; 13].

Воздействие экстремальных условий служебной деятельности на психическое состояние сотрудника органов внутренних дел проявляется неоднозначно и может выражаться в различных формах. В ряде случаев наблюдается снижение уровня организованности поведения, нарушение координации действий и принятие необдуманных решений. В иных ситуациях экстремальные факторы обусловливают замедление двигательных и поведенческих реакций, что связано с повышенной когнитивной нагрузкой и необходимостью оценки потенциальных рисков. Вместе с тем, при наличии достаточного уровня профессионально-служебной подготовленности, экстремальная обстановка может, напротив, способствовать мобилизации внутрен-

них ресурсов личности и повышению эффективности служебной деятельности [2; 4; 7; 12].

Находясь в экстремальной ситуации, сотрудник воспринимает и перерабатывает поступающую извне информацию через совокупность познавательных, оценочных и эмоционально-волевых процессов. Именно их согласованность и устойчивость определяют адекватность поведения, своевременность принятия решений и успешность выполнения служебных задач в условиях неопределенности.

Экстремальное психическое состояние, формирующееся под воздействием интенсивных стрессовых факторов, следует рассматривать как особую форму психической мобилизации, занимающую промежуточное положение между устойчивым нормальным функциональным состоянием и критическим состоянием личности [5; 19]. Для данного состояния характерны значительные изменения эмоционального фона, выражающиеся в повышенном эмоциональном напряжении, повышенной тревожности и ощущении дефицита времени, что объективно усложняет процесс осмысления происходящих событий, снижает способность к рациональной оценке происходящего, растет вероятность принятия импульсивных решений.

Возникновение экстремальных ситуаций в служебной деятельности сотрудников полиции, как правило, обусловлено наличием реальной угрозы их жизни и здоровью, а также здоровью иных лиц. Подобные ситуации нередко связаны с необходимостью принятия оперативных решений, в том числе, о применении огнестрельного оружия. Недостаточная профессиональная и психологическая готовность сотрудника к действиям в экстремальных условиях может привести к ошибкам в оценке обстановки и неправомерному применению огнестрельного оружия.

Стоит отметить, что при выполнении служебных обязанностей сотрудник органов внутренних дел обязан строго соблюдать требования законодательства, регламентирующие пределы необходимой обороны и крайней необходимости. Превышение указанных пределов, даже в условиях повышенной опасности, влечет юридическую ответственность, что требует от сотрудника высокого уровня правовой подготовки и самоконтроля.

Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции является исключительной мерой, направленной на защиту жизни и здоровья граждан и самих сотрудников, а также на обеспечение выполнения возложенных на полицию служебных обязанностей. Наиболее важным ключевым аспектом использования огнестрельного оружия сотрудниками полиции является умение объективно и в кратчайшие сроки оценивать условия для его применения в экстремальных ситуациях, а также психологическая готовность к принятию решения о его использовании.

Согласно ч. 8 ст. 18 Федерального закона «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ применение огнестрельного оружия с превышением своих полномочий влечет привлечение к ответственности на основании действующих законов Российской Федерации [18].

Официальные статистические данные о частоте случаев применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия не размещается в открытом доступе, поскольку подобная информация может оказывать негативное влияние на формирование общественного мнения и уровень доверия граждан к деятельности правоохранительных органов.

Однако оценить наличие нарушений при применении данной меры принуждения возможно, исходя из данных, размещенных в средствах массовой информации. Не редки случаи, когда сотрудники полиции были уволены из органов внутренних дел, или же вовсе в отношении них было возбуждено уголовное дело. Проанализируем некоторые подобные примеры.

Одним из часто обсуждаемых стал случай 2016 года, произошедший в одной из деревень Московской области. Следственным комитетом было возбуждено уголовное дело о превышении должностных полномочий сотрудником патрульно-постовой службы. При патрулировании сотрудниками полиции автомобиль ВАЗ-2109 показался «подозрительным», сотрудники патрульно-постовой службы решили проверить документы водителя. Однако последний отказался и попытался скрыться, направив свой автомобиль в сторону одного из полицейских. Как отмечает ведомство, действия водителя угрожали жизни и здоровью сотрудника патрульно-постовой службы, что послужило основанием применения табельного оружия. Полученное ранение оказалось смертельным.

В 2020 году в Ставропольском крае было возбуждено уголовное дело по ст. ст. 105, 119, 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (Убийство, Угроза убийством,

Превышение должностных полномочий) против инспектора дорожно-патрульной службы. Ночью завязалась погоня за автомобилем «Лада Веста», водитель отказывался выполнять неоднократное законное требование сотрудников полиции остановиться, вследствие чего был открыт огонь по колесам автомобиля. После, водитель машины остановился и бросился бежать в неизвестном направлении, инспектором дорожно-патрульной службы было произведено два выстрела: один – предупредительный, второй – смертельный – в убегающего.

Следующий инцидент произошел в 2022 году в Москве: дорожный конфликт, в ходе которого полицейский выстрелил из пистолета в водителя легкового автомобиля. После произошедшего сотрудник скрылся с места преступления. УМВД России по городскому округу Подольск была назначена служебная проверка, в результате которой сотрудник был уволен из органов внутренних дел по отрицательным мотивам и привлекли к уголовной ответственности.

Анализ приведенных случаев свидетельствует о том, что неоднозначная правоприменительная практика и последующая жесткая оценка действий сотрудников органов внутренних дел нередко формируют у них состояние повышенной профессиональной тревожности. Осознание высокой вероятности назначения служебных проверок, дисциплинарных взысканий либо привлечения к уголовной ответственности даже в условиях объективной опасности может оказывать сдерживающее влияние на принятие решений о применении огнестрельного оружия. В результате у сотрудников формируется внутренний конфликт между необходимостью незамедлительного пресечения противоправных действий и опасением наступления неблагоприятных правовых последствий, что негативно отражается на оперативности и эффективности служебной деятельности в экстремальных ситуациях.

В указанном контексте особую значимость приобретает психологическая и профессионально-служебная подготовка личного состава, направленная на формирование устойчивых навыков применения мер принуждения, в том числе табельного оружия. Развитие стрессоустойчивости, способности к саморегуляции и принятию решений в условиях неопределенности позволяет снизить уровень субъективного страха перед ответственностью и обеспечить баланс между законностью и эффективностью служебных действий.

Подготовка кадрового состава органов внутренних дел к применению и использованию огнестрельного оружия включает в себя два элемента: технический и психологический. Психологическая подготовка в свою очередь подразделяется на юридическую подготовку и непосредственное психологическое воздействие на сотрудника.

Целенаправленное психологическое воздействие в процессе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел способствует формированию способности безопасно и эффективно действовать в условиях повышенного эмоционального напряжения, а также развитию психологической готовности к принятию решений о правомерном применении огнестрельного оружия. Применение оружия в служебной деятельности объективно связано с высоким уровнем стресса, обусловленного значительной психической нагрузкой и ответственностью за возможные последствия принимаемых решений [3; 22]. В этой связи особое значение приобретает системная психологическая подготовка, направленная на снижение дезорганизующего влияния стресса и формирование устойчивых профессионально-значимых установок.

Основная цель огневой подготовки заключается в формировании устойчивой готовности сотрудников органов внутренних дел к уверенному владению и правомерному применению стрелкового оружия при решении оперативных и служебно-боевых задач. Достижение данной цели предполагает не только отработку технических приемов стрельбы, но и развитие навыков быстрого ориентирования, оценки обстановки и принятия решений в условиях ограниченного времени и повышенной психоэмоциональной нагрузки.

Для достижения основной цели огневой подготовки, руководителю стрельб, а также его помощнику необходимо учесть специфику процесса ведения огня и развития навыков плодотворной стрельбы и, кроме того, решить ряд задач, стоящих перед ним в период обучения. В качестве приоритетной задачи следует выделить формирование устойчивости нервной системы сотрудников в ситуациях, требующих принятия решения о правомерном применении огнестрельного оружия. Второй значимой задачей является разработка и внедрение наиболее эффективных методик преодоления психологических факторов, обу-

словливающих неготовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия в стрессовых и экстремальных ситуациях. Третья задача заключается в систематической и всесторонней отработке практических действий при применении огнестрельного оружия, направленной на повышение уровня профессиональной уверенности сотрудников в собственных силах, знаниях и умениях.

Уверенность сотрудника в уровне сформированности своих профессиональных умений и навыков оказывает значительное влияние на дальнейший успешный результат, а также в получении еще более устойчивых навыков при применении различных методик стрельбы, что ведет к автоматизации всех действий с оружием.

Главным требованием для собственной уверенности является пунктуальное знание основных частей оружия, тактических особенностей, технических характеристик, принципов строения оружия, а также механизма его действия. Это достигается регулярным повторением теоретической части и выполнением практических упражнений по разборке и сборке оружия.

Несомненно, лучшим показателем отработки различных стрелковых упражнений является результат применения оружия на огневом рубеже. По мере роста индивидуальных результатов стрельбы у сотрудника формируется устойчивая уверенность в уровне собственных профессиональных навыков, что, в свою очередь, стимулирует его к инициативному и углубленному освоению специальных аспектов огневой подготовки, способствую дальнейшему совершенствованию профессиональной компетентности.

К числу характерных условий, в которых осуществляется оперативно-служебная и служебно-боевая деятельность сотрудников органов внутренних дел, относятся факторы, существенно осложняющие применение огнестрельного оружия и повышающие требования к уровню профессиональной и психологической подготовленности. В частности, огневой контакт, как правило, носит скоротечный характер и развивается в условиях острого дефицита времени, что исключает возможность длительной подготовки к выстрелу и тщательного прицеливания. В подобных ситуациях сотрудник вынужден действовать практически мгновенно, опираясь на ранее сформированные навыки и автоматизированные действия.

Существенное влияние на эффективность действий оказывают интенсивные физические и психоэмоциональные нагрузки, возникающие в процессе преследования или противоборства с нарушителем, а также условия ограниченной видимости и иные неблагоприятные внешние факторы. Совокупность указанных обстоятельств требует от сотрудников органов внутренних дел высокого уровня готовности к действиям в экстремальной обстановке и обуславливает необходимость целенаправленного совершенствования системы их психологической и огневой подготовки.

Вместе с тем условия проведения стандартных учебных стрельб существенно отличаются от реальной обстановки, в которой возникает необходимость применения огнестрельного оружия. Как правило, занятия на огневом рубеже осуществляются при стабильном освещении, отсутствии посторонних раздражающих факторов и использовании противошумовых наушников и защитных очков, что снижает уровень стрессового воздействия. В реальной оперативной деятельности применение огнестрельного оружия может происходить при слабом освещении либо в полной темноте, при встречном свете, а также в условиях интенсивного шума, вызванного выстрелами других сотрудников или преступником. Кроме того, в отличие от статичных мишеней правонарушитель, как правило, находится в постоянном движении, что требует точной оценки дистанции до цели, навыки которой зачастую формируются у сотрудников в недостаточном объеме.

Безусловно, отработка навыков ведения огня, осуществления иных действий с огнестрельным оружием должна проводиться не только на огневом рубеже, но и на иных тренажерах. Использование таких альтернативных форм обучения позволяет повысить эффективность подготовки, обеспечить многократное повторение действий без риска для жизни и здоровья, а также сформировать устойчивые навыки ведения огня. В процессе практических занятий по огневой подготовке особое значение приобретает моделирование разнообразных служебных ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям оперативно-служебной деятельности.

Полностью преодолеть воздействие негативных внешних и внутренних факторов практически невозможно. Указанные факторы оказывают сильное воздействие на сотрудника, и избавление от них – очень трудоемкая задача. Несмотря на это, по-

мочь сосредоточиться на правильном выполнении основных элементов стрельбы может проведение практических занятий в искусственно созданных неудобных условиях [1].

Современные технические средства имитации экстремальных условий, в частности, стрелковый комплекс «Рубин», позволяют воспроизводить внезапное появление и перемещение целей, акустические эффекты, характерные для вооруженного противостояния, а также моделировать ответный огонь условного противника. Дополнительно применяются мультимедийные и компьютерные технологии, обеспечивающие визуализацию различных сценариев противоправного поведения, включая ситуации с вооруженным преступником, захватом заложников, попыткой скрыться либо непосредственным нападением [11]. В указанных условиях сотрудник должен в кратчайшие сроки проанализировать обстановку и принять обоснованное решение о возможности и правомерности применения огнестрельного оружия.

Методы моделирования эмоционального, психического и физического возбуждения, направленные на формирование устойчивости к стрессовым ситуациям, демонстрируют высокую эффективность и находят широкое применение в системе профессионально-служебной подготовки сотрудников правоохранительных органов за рубежом. Альтернативные методы безопасного выведения из «состояния равновесия» эффективно используются в правоохранительных органах с целью качественной отработки применения мер государственного принуждения в экстремальных ситуациях. К числу таких методов относятся практические занятия с использованием визуальных и объемных тренажеров, включая фотографии и манекены, имитирующие фигуру условного правонарушителя. Фотография стрелка-мишени наклеена на голову цели, которую он должен поразить с расстояния 5 – 7 метров (при этом в зависимости от уровня подготовки руководитель стрельб может выбрать иное расстояние для обучающегося). Возникающий при этом умеренный и контролируемый психологический дискомфорт по мере адаптации обучаемого снижается, что позволяет уменьшить дезорганизующее влияние стресса при принятии решений в реальных экстремальных условиях.

Общее физическое состояние человека в стрессовой ситуации характеризуется не только изменением психической активности организма, но и повышенной частотой сердечных сокращений и тремором, а также повышенным потоотделением, учащением дыхания, повышением артериального давления. Регулярные тренировки, выработка навыков автоматических действий при владении оружием в разы повышает возможность сотрудника контролировать как физическое, так и психическое состояние. При этом необходимо помнить о том, что состояние сильного эмоционального и физического возбуждения также стоит моделировать при выполнении определенных упражнений.

Следует отметить, что стрессовое состояние у сотрудников может формироваться не только непосредственно в процессе ведения огня, но и на предшествующих этапах огневой подготовки. Так, момент получения и снаряжения табельного оружия боевыми патронами нередко сопровождается повышенным психоэмоциональным напряжением, обусловленным осознанием реальности возможных последствий применения огнестрельного оружия и возрастанием субъективной ответственности за принимаемые решения. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что сам факт выдачи боевых патронов способен вызвать у сотрудника внутреннее напряжение и тревожность.

Развитие стабильности центральной нервной системы в обстоятельствах принятия решения о применении оружия представляет собой сложный и многоаспектный процесс, включающий формирование профессиональных знаний, практических умений, устойчивых навыков, а также ценностно-правовых установок [8; 21]. В экстремальных условиях данный процесс требует одновременной активизации когнитивных механизмов, обеспечивающих функционирование оперативной и долговременной памяти, логического мышления и аналитической оценки складывающейся обстановки.

В этой связи особое значение приобретает использование в образовательном процессе тактико-социальных и деловых игр, ориентированных на моделирование типовых и нестандартных служебных ситуаций. В ходе решения тактических задач у сотрудников формируется устойчивая алгоритмизированная модель поведения при применении тех или иных мер государственного принуждения. При этом принципиально важно, чтобы данные действия осуществлялись строго в рамках правового поля, что предполагает приоритет ана-

лиза и правовой оценки ситуации даже в условиях интенсивного психоэмоционального давления.

Внедрение новых альтернативных упражнений, создание необычных и изменяющихся целевых условий способствует повышению уровня тактической решимости и стабильности центральной нервной системы [9]. Эти упражнения должны содержать и логическую составляющую, то есть – определенные числовые ряды, цепочки, причинно-следственные составляющие. После выполнения таких упражнений стабильность нервной системы многократно возрастает, и работник приобретает определенную способность принимать хладнокровные решения.

Стоит отметить, что психологическая подготовка в органах внутренних дел рассматривает разнообразные направления, а эмоциональное состояние сотрудника в служебной деятельности является одним из важнейших в их профессиональной подготовке. Даже в сложных ситуациях сотрудник правоохранительных органов должен чувствовать себя психологически устойчиво [14; 20]. «Психологически устойчивый» – это описание сотрудника, который может обладать своими эмоциями в стрессовой ситуации и сохранять самообладание в своей служебной деятельности даже в критической обстановке.

Практика деятельности правоохранительных органов показывает, что для сохранения хладнокровия и принятия взвешенных решений в условиях экстремальной оперативно-служебной обстановки сотруднику органов внутренних дел требуется не только высокий уровень психической и физической выносливости, но и комплекс специальных знаний [6; 16]. К ним относятся понимание закономерностей поведения человека в стрессовых и опасных ситуациях, механизмов психической мобилизации и дезорганизации, а также типичных моделей реагирования личности на угрозу жизни, внезапность и неопределенность обстановки. Осознание указанных факторов позволяет сотруднику адекватно оценивать происходящее, прогнозировать развитие ситуации и выбирать правомерный и наиболее эффективный алгоритм действий в условиях повышенного риска.

Заключение

Рекомендации по организации и проведению учебно-тренировочных занятий, изложенные в настоящей статье, могут быть использованы в практической деятельности руководителями правоохранительных органов, а также руководителями стрельб с целью повышения уровня служебной подготовки личного состава. Психологическая подготовка сотрудников полиции в условиях реальной угрозы жизни и здоровью как самого сотрудника, так и окружающих лиц, приобретает первостепенное значение для обеспечения эффективной служебной деятельности и безопасности сотрудников, а также гражданских лиц. Ее содержание должно быть направлено на формирование устойчивости к стрессовым воздействиям, снижение вероятности дезадаптивных реакций и поддержание оптимального уровня психической работоспособности. Внедрение в программы подготовки элементов, ориентированных на развитие эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции, способствует формированию психологической устойчивости сотрудников. В свою очередь, это позволит им эффективно справляться с повышенными физическими и эмоциональными нагрузками, характерными для служебной деятельности в экстремальных условиях.

Список источников

1. Абатуров Е. М. Способы формирования психологической устойчивости курсантов во время проведения занятий по огневой подготовке // Молодой ученый. 2022. № 52 (447). С. 223¬–224.

2. Андреев Н. В. Влияние психологического фактора на деятельность подразделений ОВД в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2. С. 65–68.

3. Белецкий А. А. К вопросу о формировании психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). С. 123–127.

4. Билык В. И. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: проблемы и способы решения / В. И. Билык, Е. Н. Митракова // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. С. 23–29.

5. Галимова А. Г. Методы и средства адаптации сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях / А. Г. Галимова, А. Н. Толстихин, Д. А. Липилина // Актуальные

вопросы взаимодействия образовательных организаций и практических подразделений правоохранительных органов России в ходе профессионального обучения. 2018. С. 60–63.

6. Геляхова Л. А. Устойчивость сотрудников ОВД к экстремальным ситуациям служебной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 130–132.

7. Канунников Р. И. Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 107–121.

8. Кобленков А. Ю. К вопросу о необходимости формирования навыков применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях при обучении в ведомственных образовательных организациях МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 233–240.

9. Колесников А. С. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе // Молодой ученый. 2019. № 15 (253). С. 266–270.

10. Кузнецов Б. В. Влияние профессионально-адаптационной физической подготовки на профессионально важные личностные качества курсантов // Культура физическая и здоровье. 2013. № 5 (47). С. 62–65.

11. Мартусенко С. Н. Применение интерактивных методов и средств обучения при формировании тактико-технических навыков готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия // Актуальные проблемы науки: от теории к практике. 2016. С. 293–301.

12. Поповичева Т. М. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1. С. 74–77.

13. Стрельченко А. Б. Психологические аспекты обеспечения профессиональной надежности сотрудников ОВД в экстремальных условиях / А. Б. Стрельченко, Г. С. Човдырова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. № 1. С. 68–70.

14. Томилова А. Е. Психологическая подготовка и боевая готовность сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 1. С. 54–57.

15. Труфанов Н. И. Подходы к пониманию деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях / Н. И. Труфанов, Н. А. Труфанова // Прикладная юридическая психология. 2025. № 1 (70). С. 144–152.

16. Украинский С. В. Формирование у сотрудников органов внутренних дел профессиональных качеств, необходимых для выполнения оперативно-служебных задач в экстремальных ситуациях / С. В. Украинский, С. М. Струганов, С. Н. Баркалов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2(52). С. 139–142.

17. Устинова Л. Г. Влияние экстремальных ситуаций на личность и деятельность сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 323–324.

18. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». URL: https://base.garant.ru/12182530/ (дата обращения: 02.02.2026).

19. Човдырова Г. С. Психологическая стимуляция «боевого духа» сотрудников ОВД для действий в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. № 1 (3). С. 70–72.

20. Човдырова Г. С. Социально-психологические пути повышения стрессоустойчивости сотрудников ОВД и ВВ в экстремальных условиях / Г. С. Човдырова, Т. С. Клименко // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1997. № 1. С. 49–53.

21. Шевченко Г. В. К вопросу о подготовке в вузах МВД Российской Федерации будущих сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях // Научный поиск. 2016. № 4. С. 11.

22. Яковлев М. П. Применение оружия сотрудниками органов внутренних дел в экстремальных условиях / М. П. Яковлев, В. А. Торопов, А. И. Каплунов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 1. С. 138–142.

References

1. Abaturov E. M. Methods of developing psychological stability among cadets during fire training sessions // Molodoj uchenyj. 2022;52 (447): 223¬–224. (In Russ.).

2. Andreev N. V. The impact of the psychological factor on the activities of law enforcement units in extreme conditions // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2004;2: 65–68. (In Russ.).

3. Beleckij A. A. On the issue of developing the psychological readiness of police officers to use firearms // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023;8 (134): 123–127. (In Russ.).
4. Bilyk V. I. Psychological Training of Internal Affairs Officers for Actions in Extreme Conditions: Problems and Solutions / V. I. Bilyk, E. N. Mitrakova // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2023;3: 23–29. (In Russ.).
5. Galimova A. G. Metody i sredstva adaptacii sotrudnikov OVD k dejstviyam v ekstremal'nyh situaciyah / A. G. Galimova, A. N. Tolstihin, D. A. Lipilina // Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya obrazovatel'nyh organizacij i prakticheskih podrazdelenij pravoohranitel'nyh organov Rossii v hode professional'nogo obucheniya. 2018. S. 60–63. (In Russ.).
6. Gelyahova L. A. Resilience of law enforcement officers in extreme working conditions // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014;2: 130–132. (In Russ.).
7. Kanunnikov R. I. Psychological Safety of Internal Affairs Officers in Extreme Situations // Psihologiya i pravo. 2024. Vol. 14;3: 107–121. (In Russ.).
8. Koblenkov A. YU. On the need to develop the skills of using firearms in extreme conditions during training at departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. №. 2 (70). S. 233–240. (In Russ.).
9. Kolesnikov A. S. Methods of Fire Training for Law Enforcement Officers at the Present Stage // Molodoj uchenyj. 2019;15 (253): 266–270. (In Russ.).
10. Kuznecov B. V. The impact of professional adaptation physical training on the professionally important personal qualities of cadets // Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e. 2013;5 (47): 62–65. (In Russ.).
11. Martusenko S. N. Primenenie interaktivnyh metodov i sredstv obucheniya pri formirovanii taktiko-tekhnicheskih navykov gotovnosti sotrudnika policii k primeneniyu ognestrel'nogo oruzhiya // Aktual'nye problemy nauki: ot teorii k praktike. 2016. S. 293–301. (In Russ.).
12. Popovicheva T. M. Psychological support for law enforcement officers in extreme conditions // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2002;1: 74–77. (In Russ.).
13. Strel'chenko A. B. Psychological Aspects of Ensuring the Professional Reliability of Law Enforcement Officers in Extreme Conditions / A. B. Strel'chenko, G. S. CHovdyrova // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1996;1: 68–70. (In Russ.).
14. Tomilova A. E. Psychological training and combat readiness of law enforcement officers for action in extreme situations // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1998;1: 54–57. (In Russ.).
15. Trufanov N. I. Approaches to understanding the activities of internal affairs officers in extreme conditions / N. I. Trufanov, N. A. Trufanova // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2025;1 (70): 144–152. (In Russ.).
16. Ukrainskij S. V. Developing the professional qualities necessary for law enforcement officers to perform operational tasks in extreme situations / S. V. Ukrainskij, S. M. Struganov, S. N. Barkalov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021;2(52): 139–142. (In Russ.).
17. Ustinova L. G. The impact of extreme situations on the personality and activities of law enforcement officers // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018;1 (68): 323–324. (In Russ.).
18. Federal'nyj zakon ot 07 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii». Available from: https://base.garant.ru/12182530/ (data obrashcheniya: 02.02.2026). (In Russ.).
19. CHovdyrova G. S. Psychological stimulation of the "fighting spirit" of law enforcement officers for action in extreme conditions // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1996;1 (3): 70–72. (In Russ.).
20. CHovdyrova G. S. Social and psychological ways to increase the stress resistance of police officers and military personnel in extreme conditions / G. S. CHovdyrova, T. S. Klimenko // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1997;1: 49–53. (In Russ.).
21. SHevchenko G. V. On the issue of training future employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to act in extreme conditions // Nauchnyj poisk. 2016;4: 11. (In Russ.).
22. YAkovlev M. P. Use of weapons by law enforcement officers in extreme conditions / M. P. YAkovlev, V. A. Toropov, A. I. Kaplunov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2001;1: 138–142. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.02.2026;
одобрена после рецензирования 17.04.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 20.02.2026;
approved after reviewing 17.04.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ ПО ПРОГРАММАМ СПЕЦИАЛИТЕТА И МАГИСТРАТУРЫ

Сергей Борисович Пашкин[1], Анатолий Степанович Турчин[2]
[1] РГПУ имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] sergejjpashkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8791-3029
[2] ast55@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7973-2017

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития представлений молодых людей, выбравших профессию психолога, но обучающихся по разным программа – специалитета и магистратуры. Исследовательский интерес был связан с субъективным оцениванием студентами – будущими психологами адекватности своего профессионального выбора, а также перспектив будущей профессиональной деятельности. Обнаружено, что у студентов, обучающихся по магистерской программе, представления о будущей профессиональной деятельности носят более конкретизированный характер, а сам образ будущей профессии является более позитивным и сформированным.

Ключевые слова: первичное профессиональное самоопределение, бакалавриат, специалитет, магистратура

Для цитирования: Пашкин С.Б., Турчин А.С. Особенности представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов, обучающихся в вузах по программам специалитета и магистратуры // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 118–127. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/013.pdf.

Original article

FEATURES OF STUDENTS' PERCEPTIONS OF THEIR FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITIES AT UNIVERSITIES WITH SPECIALIZATION AND MASTER'S PROGRAMS

Sergey B. Pashkin[1], Anatoly S. Turchin[2]
[1] The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia,
[2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] sergejjpashkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8791-3029
[2] ast55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7973-2017

Abstract. The article discusses the problem of developing the ideas of young people who have chosen the profession of a psychologist, but are studying in different programs – speciality and master's degree. The research interest was related to the subjective assessment of the adequacy of their professional choice by future psychologists, as well as the prospects for their future professional activities. It was found that students studying in a master's program have more specific ideas about their future professional activities, and the image of their future profession is more positive and well-defined.

Keywords: primary professional self-determination, bachelor's degree, specialist degree, master's degree

For citation: Pashkin S.B., Turchin A.S. Features of students' perceptions of their future professional activities at universities with specialization and master's programs. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 118–127. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/013.pdf.

© Пашкин С.Б., Турчин А.С., 2026

Введение

Данная работа посвящена изучению особенностей представлений студентов о будущей профессиональной деятельности. Поскольку программы специалитета на протяжении полутора десятилетий реализовывались преимущественно в столичных вузах и вузах силовых структур России, было произведено сравнение представлений о будущей профессиональной деятельности студентов специалитета и магистратуры. При этом основной акцент был сделан на выявлении представлений о желательных и нежелательных перспективах их профессиональной деятельности. Часть исследования выполнялось при помощи очного анкетирования в различных вузах Санкт-Петербурга, другая же часть проведена заочно с помощью анкетирования через сеть Интернет. В обоих случаях каждому из респондентов было предложено заполнить четыре психологические методики.

Цель исследования: изучение особенностей представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов, обучающихся по программам специалитета и магистратуры.

Задачи исследования были определены таким образом, чтобы их решение приводило к проверке выдвигаемых гипотез с учетом предмета и объекта работы.

Теоретическая часть

На протяжении уже почти двух десятилетий в литературе дискутируется проблема о «плюсах» и «минусах» двухуровневой подготовки в высшем профессиональном образовании России [1; 3; 5; 8; 11]. Некоторым специальностям удалось отстоять право на специалитет, в том числе в медицинском и психологическом образовании. При этом на юбилейной конференции, посвященной пятидесятилетию психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, практически все известные ученые-психологи высказывались категорически против отказа от программ специалитета. В итоге их сохранили в ряде крупных вузов и военных высших учебных заведения.

Основные возражения были связаны как с необходимостью получить полноценное, а не урезанное содержание образования, соответствующее квалификации «Психолог. Преподаватель психологии», так и некоторой двусмысленностью аргументации в пользу возможности работать за рубежом, не проходя процедуры нострификации [20; 21; 22; 23; 24]. Последующее развитие событий показало, что выпускники бакалавриата, так или иначе оказавшиеся за рубежом, не слишком востребованы. К сожалению, они оказались не слишком востребованы и в России. Последнее нельзя связывать только лишь с тем, что работодатели не понимали их возможностей и запросов. В наших работах отмечалось, что взаимные ожидания выпускников и работодателей фактически диаметрально противоположны [2; 4; 7; 17; 18].

У психологов, освоивших программы бакалавриата, оказалось на пути ряд дополнительных препятствий. Самым существенным, на наш взгляд, выступает то, что их готовность к самостоятельной практической деятельности оказалась не на том уровне, который позволял бы обойтись без прохождения ряда дополнительных курсов в системе послевузовской образовательной подготовки [10; 13; 14; 16; 19]. Это означало дополнительные финансовые и временные затраты на первоначальном этапе профессиональной деятельности.

В дальнейшем выяснилось, что не во всех вузах введен второй уровень образовательной подготовки психологов, и выпускникам бакалавриата требуется либо искать вуз с магистратурой по психологии, либо поступать на магистерские образовательные программы подготовки по социологии, управлению персоналом и др.

Для студентов-психологов важным оказалось еще одно противоречие, а именно:

1) Отсутствие значимого жизненного опыта, как скрытого фактора их профессиональной пригодности в глазах, потенциальных консультируемых;

2) Необходимость решения актуальной задачи возраста (выход за рамки родительской семьи и создание семьи собственной).

Если первая проблема могла снижать свою остроту благодаря курсовой пере-

подготовке (тренинги, получение дополнительной квалификации и др.), то вторая оказалась в чем-то сходной с той, которая существовала и до попыток внедрения Болонской системы, но в аспирантуре [9]. Помимо того, что процент поступавших на бюджетные места в магистратуре по психологическим направлениям в целом выполнялся, у преподавателей о качестве этой подготовки сложилось неоднозначное мнение. Так, часть мест могла заполняться лицами, не имевшими профильной образовательной подготовки, и им фактически приходилось получать собственно психологическое образование экстерном. Хуже было то, что значительная часть студентов вынуждена была пропускать аудиторные занятия, объясняя это условиями на работе.

Одним из довольно быстрых последствий разделения на бакалавров и магистров оказалось положение с подготовкой кадров высшей квалификации. Желающих «Учиться и учиться», фактически до тридцати лет, становилось все меньше. Так, после избрания Президентом РАО доктор педагогических наук О. Васильева в СМИ обнародовала информацию о том, что за прошедшее десятилетие по некоторым педагогическим специальностям не было защищено ни одной диссертации.

Опыт отечественной высшей школы показывает, что творческий потенциал старшего поколения преподавателей не утрачен, и он проявляет себя в поиске и утверждении таких инноваций, которые компенсируют недостатки всех существующих уровней образования [15; 17; 18]. Представляет интерес сравнение показателей эмпирического исследования, выполненного на материале студентов-психологов, которые, по нашему мнению, позволяют конкретизировать и прояснить существующее соотношение оценок и возможностей выпускников специалитета и магистратуры – будущих профессиональных психологов.

Материалы и методики

Описание методик исследования

Для получения эмпирических данных были использованы следующие психодиагностические методики [12]:

1. Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК).
2. Методика «Лесенка» (авторская модификация).
3. Методика «Незаконченные предложения» (авторская модификация).
4. Методика «Феноменологическое интервью» (авторская модификация).

Результаты исследования

Исследование состояло из данных *этапов:*

1. Подготовительный этап – была выявлена научная проблема, изучена научная литература по теме исследования и выбраны психологические методики. Затем были выделены две группы респондентов.
2. Основной этап – проведение диагностических методик и анализ результатов.
3. Заключительный этап – написание выводов и заключений по полученным результатам.

Описание выборки:

В течение 9 учебного семестра 2026 года было проведено эмпирическое исследование. Выборка составляет 42 человека.

В двух группах были заполнены все предложенные диагностические методики. Диагностика проводилась исключительно добровольно. Одной части респондентов, с которыми исследование проводилась в очной форме, были предоставлены текст методик и бланк ответов. Другая же часть выборки заполняла диагностический материал через сеть Интернет в онлайн форме.

Большая часть респондентов проявляли достаточный интерес к результатам методик и условились о получении обратной связи.

Обсуждение

Результаты сравнительного анализа представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов

- В методике «Лесенка» респондентам было предложено оценить степень своей готовности к будущей профессиональной деятельности по шкале от 1 до 10.

Полученные при обработке результатов данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средние значения, полученные по методике «Лесенка»

Table 1 – Average values obtained using the "Ladder" method

Студенты-специалисты	Студенты-магистры
6	5.42

• При обработке данных методики «Незаконченные предложения» было выявлено, что показатели «Отношение к себе», «Отношение к друзьям и знакомым» и «Отношение к профессии» выше у студентов магистрантов; в свою очередь показатель «Отношение к будущему» выше у студентов специалитета. Подобные различия так же возможно объяснить зачислением на первый курс магистратуры достаточного количества людей без базового психологического образования, которым может быть сложно оценить свои возможности в получаемой профессии.

Полученные при обработке результатов данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Средние значения, полученные по методике «Незаконченные предложения»

Table 2 – Average values obtained using the "Unfinished Sentences" method

	Студенты-специалисты	Студенты-магистры
Отношение к себе	0.7	0.84
Отношение к будущему	2.13	1.37
Отношение к друзьям и знакомым	1.26	1.74
Отношение к профессии	1.57	2

• Данные, полученные при обработке результатов опросника «Уровень субъективного контроля», позволяют увидеть, что показатели по всех шкалам опросника незначительно выше у студентов, обучающихся в магистратуре. Опираясь на эти и полученные в других методиках результаты, можно объяснить эту разницу более высокой личностной зрелостью студентов-магистрантов, проявляющейся в их осознанном выборе продолжения образования именно в этой области.

Полученные при обработке результатов данные представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Средние значения, полученные в опроснике «Уровень субъективного контроля»

Table 3 – Average values obtained in the "Level of Subjective Control" questionnaire

	Студенты-специалисты	Студенты-магистры
Общая интернальность (ИО)	27.65	28.42
Интернальность в области достижений (ИД)	8.78	8.89
Интернальность в области неудач (ИН)	7.39	8.05
Интернальность в семейных отношенях (ИС)	5.3	6.05
Интернальность в области производственных отношений (ИП)	5.57	5.79
Интернальность в области межличностных отношений (ИМ)	2.7	3.21
Интернальность в отношении здоровья и болезни (ИЗ)	2.57	2.68

Полученные в исследовании результаты были подвергнуты сравнительному анализу с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни в программе Statistica 10. В результате было выявлено отсутствие статистически значимых различий между двумя группами студентов на уровне $p \leq 0.05$.

- Данные, полученные с помощью методики «Феноменологическое интервью», позволяют выявить личностное отношение респондентов к некоторым особенностям профессиональной деятельности психологов. При обработке данных методики «Феноменологическое интервью» были получены следующие данные, общая суть которой отражена в таблице 4.

Таблица 4 – Наиболее часто встречающиеся ответы в методике «Феноменологическое интервью»

Table 4 – Most common responses in the Phenomenological Interview technique

Изучаемый параметр	Студенты-специалисты	Студенты-магистры
Цвет	Голубой и зеленый цвет выбрало 40 % респондентов. Оттенки красного и желтого выбрали 20 %, остальные 40 % выбирали разнообразные цвета, которые невозможно объединить в группу.	Оттенки голубого и зеленого цвета выбрали 70 % респондентов, 20 % выбрали оттенки красного и желтого, 10 % не выбрали цвет вообще.
Качества, привлекающие в образе профессии	Личные качества.	Качества, отражающие сферу умственной деятельности человека.
Ценность профессии	Ответы респондентов основаны в большей степени на индивидуальных особенностях личности. Присутствует мотив помощи другим людям.	Ответы респондентов основаны в большей степени на индивидуальных особенностях личности. Присутствует мотив помощи другим людям.
Роль в будущей профессиональной деятельности	Пессимистичный образ будущего в профессии. Неопределённость в сфере будущей профессиональной деятельности или нежелание работать в выбранной сфере.	Оптимистичный образ будущего в профессии. Нацеленность на будущее. Респонденты видят свою роль в будущем конкретно, в качестве практикующего специалиста.

Первым изучаемым показателем был цвет, который ассоциируется у респондентов с выбранной профессией. Обе группы респондентов в большинстве своем выбрали в качестве ассоциирующего у них цвета с профессией оттенки голубого и зеленого. Н. В. Серов в своей книге «Символика цвета» дает следующую характеристику голубому цвету: «Этот цвет сопоставляют с цветом покоя, сосредоточенности, доброжелательности, умения ладить с людьми». Зеленому цвету Серов дает следующую характеристику: «Как пишут исследователи, зеленый цвет является цветом природы и роста, что оказывает успокаивающее действие, создает нейтральное настроение, впечатление мягкого, приятного и благотворного покоя» [6]. И так, голубые и зеленые оттенки зачастую ассоциируются у людей со спокойствием, уверенностью и доброжелательностью, то есть у респондентов профессия психолога с большой вероятностью ассоциируется с данными качествами. Респонденты представляют профессионала как сосредоточенного, спокойного человека, который хорошо умеет ладить с окружающими. Большая часть респондентов из выборки магистров выбрала именно оттенки голубого и зеленого, что может означать, что у них сформирована гармоничная и целостна система представлений об образе будущей профессии. Студенты, обучающиеся по программе специалитета, реже выбирали голубые и зеленные оттенки, что означает, что их представления отличаются от представлений магистров.

Следующим изучаемым параметром были качества, которые привлекают респондента в профессиональном образе выбранной специальности. В обеих группах респонденты отмечали эмпатию, как

качество, привлекающее их в профессиональном образе. При этом были выявлены следующие различия: студентов, обучающихся по программе специалитета, в профессиональном образе привлекают именно личностные качества. Чаще всего студенты специалитета выбирали такие качества, как ответственность, желание помогать другим людям и эмпатия. Студенты, обучающиеся по магистерской программе чаще, выбирали качества, которые отражают умственную деятельность человека. В их выборки присутствовали такие ответы как, «высокий уровень интеллекта», «аналитический ум», «критичность ума», «широта познаний» и «аналитические способности». Также, студенты-магистры отмечали такое качество, как спокойствие.

Следующим изучаемым показателем была ценность, которую студенты видят в будущей профессии. Ответы респондентов основаны в большей степени на индивидуальных особенностях личности. При этом мотив помощи присутствует в обеих группах выборки. Значимых различий между группами студентов, обучающихся по программе специалитета и студентов, обучающихся по магистерской программе, не было выявлено.

Последним исследуемым параметром было представление респондентов о своей будущей профессиональной роли. У группы студентов специалитета наблюдается следующая тенденция: одна половина респондентов никак не видит свою роль в будущей профессиональной деятельности или утверждает, что не думает об этом. Вторая половина ответов отражает общее понимание и картину будущей роли в профессии, видя себя как «наблюдатель», «наставник» или «помощник».

У студентов-специалистов наблюдается более пессимистичная картина представлений о будущей роли в профессиональной деятельности. В группе магистров представления носят более конкретизированный характер. Студенты-магистры видят себя в будущей профессиональной деятельности практикующими и успешными специалистами. У данной группы респондентов наблюдается более оптимистичный образ представления об их будущей профессии.

На основании полученных данных можно предположить, что оценка получаемой профессии и отношение к ней у студентов, прошедших исследование, незначительно различается, однако это не влияет на их восприятие себя, как профессионала. Можно сказать, что студенты обеих групп имеют чёткие представления о своей профессии и нацелены на будущее вне зависимости от того, в какой области они будут работать после выпуска из университета.

Результаты корреляционного анализа представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов специалитета и магистратуры можно интерпретировать с учетом данных математико-статистической обработки.

Проведённое диагностическое исследование представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов было подвергнуто корреляционному анализу с использованием параметрического коэффициента *r* Пирсона.

В результате в обеих студенческих группах были выявлены следующие значимые положительные и отрицательные взаимосвязи между различными показателями используемых в исследовании методик.

Основным отличием между двумя группами является отсутствие значимых взаимосвязей между показателями методик «Незаконченные предложения» и «Уровень субъективного контроля». Как и при интерпретации данных проведённого ранее сравнительного анализа, подобные изменения можно объяснить большей целеустремлённостью студентов-магистров на освоение определённой профессии.

Также между группами студентов, принявших участие в исследовании, существует разница во взаимосвязях между самооценкой готовности к будущей профессиональной деятельности и показателями методики «Незаконченные предложения». В обеих группах студентов существует значимая взаимосвязь между самооценкой готовности и отношением к будущему на основании чего можно предположить, что наличие жизненных перспектив положительно влияет на уверенность студентов в собственных профессиональных силах. Различие состоит в том, что в отличие от студентов-магистров, у которых самооценка готовности к будущей профессиональной деятельности не взаимосвязана больше ни с одним показателем, в группе учащихся на направлении специалитета существует взаимосвязь самооценки готовности с отношением к себе. Такую разницу можно объяснить тем, что на момент поступления в магистратуру большинство будущих студентов уже имеют опыт работы, благодаря которому у них формируется понимание своих возможностей при выполнении той или иной деятельности, что,

в свою очередь, может являться показателем более высокой личной и профессиональной ответственности, проявляющейся в разделении частной и трудовой сфер жизни.

Заключение

Теоретико-эмпирическое исследование подтвердило ожидаемый прогноз в плане большей подготовленности магистрантов к осуществлению профессиональной психологической деятельности, что не отрицает наличие таковой возможности и у выпускников специалитета, обучавшихся по направлению «Психология служебной деятельности».

1. На основании полученных в исследовании результатов можно сделать вывод, что у студентов, обучающихся по магистерской программе, представления о будущей профессиональной деятельности носят более конкретизированный характер, а сам образ будущей профессии является более позитивным и сформированным.

2. Обнаруженные между двумя группами студентов различия в особенностях представлений о будущей профессиональной деятельности связаны с более высокой личностной зрелостью студентов магистратуры, проявляющейся в их осознанном выборе продолжения образования именно в этой области.

Статья является логическим продолжением наших предыдущих исследований [1, 2, 3, 4].

Список источников

1. Борзова Т. А. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный аспект в современной молодежной культуре // Вопросы гуманитарных наук. 2010. 399 с.

2. Галай И. А. Специфика социально-психологической адаптации студентов педагогического вуза в условиях городского и районного центра // Международный журнал исследований в области развития. 2020. № 3. С. 34254–34258.

3. Даниленко Л. П. Особенности социально-психологической адаптации студентов первого курса в высшем учебном заведении / Л. П. Даниленко, Д. К. Празукин // Заметки учителя. 2023. № 2. С. 161–165.

4. Дворникова И.Н. Изучение формирования психологической готовности студентов-психологов к будущей профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2014. № 21.1 (80.1). С. 89–91.

5. Идрисова О. И. Диагностика сформированности представлений о направлениях профессиональной деятельности выпускника магистратуры / Молодой ученый. 2021. № 35 (377). С. 130–133.

6. Кизилова М. А. Взаимосвязь составляющих готовности к профессиональной деятельности у студентов и их осмысления жизни / М. А. Кизилова, Ю. Р. Мухина // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 145–148.

7. Овсянников Р. Ю. Влияние личностных особенностей и направленности студентов гуманитарных специальностей в период обучения в вузе на выбор типа психологического контракта / Р. Ю. Овсянников, А. С. Турчин // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика // Научно-образовательный журнал. 2017. № 1 (11). С.67–71.

8. Пашкин С. Б. Результаты исследования морально-правовых представлений обучающихся вузов / С. Б. Пашкин, Н. Б. Лисовская, Г. Ю. Иконникова // Карбышевские чтения: «80-летию Великой Победы посвящается…»: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Тюмень. 12–14 ноября 2025 года / под общ. ред. Л. И. Грошевой. Т. 3. Тюмень: ТВВИКУ, 2025. С. 329–336.

9. Пашкин С. Б. Особенности профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 2. С. 176–182.

10. Пашкин С.Б. Особенности жизненных планов у студентов, обучающихся на специальностях социономического профиля // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. № 1. С. 58–62.

11. Пашкин С. Б., Турчин А. С. Проблемы подготовки специалистов для морально-психологического обеспечения служебной деятельности / С. Б. Пашкин, А. С. Турчин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 4 (17). С. 53–56.

12. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы: учебное пособие. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1988. 141 с.

13. Рязанов Д. А. Киберсоциализация молодежи // Миссия исповеди. 2020. Т. 9. № 5(46). С. 540–542.

14. Семёнова А. Ю. Исследование профессионального самоопределения студентов-психологов в вузе // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 650–652.

15. Серов Н. В. Символика цвета. СПб. : Изд-во Страта, 2024. 196 с.

16. Турчин А. С. Педагогическая психология: учебное пособие (по программе дополнительного профессионального образования) / А. С. Турчин, А. А. Дьячков. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 108 с.

17. Турчин А. С. Особенности взаимных ожиданий предпринимателей и молодых специалистов в период трудоустройства / А. С. Турчин, Д. А. Турчин // Психология управления: Бизнес-хрестоматия. 2007. № 1 (1). С. 102–109.

18. Шерер И. Н. Проблемы занятости молодёжи на рынке труда // Известия ВГПУ. 2012. С. 99–103.

19. Якунин В. А. Психология учебной деятельности студентов. М., 1994. 156 с.

20. Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., Schroeder D. A. Prosocial behavior: multilevel perspectives // Annual review of psychology. 2005. Vol. 56. No. 1. P. 365-392.

21. Bakker A.B., BAL P.M. Weekly work engagement and performance: A study among starting teachers // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2010 b. 83. Pp. 189–206.

22. Maddi S. R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // The Routledge international handbook of psychosocial resilience. Routledge, 2016. P. 104–110.

23. Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G. Untersuchungen zur Schopferischen Denken bei Schulern, Lehrlingen und Studenten // Beitrage zur Padagogik. Berlin, 1982. Bd. 27. 248 s.

24. Zur Stellung, Funktion, Gestaltung und zum Einsatz von gedruckten Lehr- Lernmitteln, Studienliteratur, in der Hochschulausbildung. T. 11 / Unter der Leitung von N. F. Talysina und W. Graf. VEB, Berlin, 1977. 60 S.

References

1. Borzova T. A. ZHiznennye plany, cennostnye orientacii i moral'nyj aspekt v sovremennoj molodezhnoj kul'ture // Voprosy gumanitarnyh nauk. 2010. 399 s. (In Russ.).

2. Galaj I. A. The specifics of socio-psychological adaptation of students at a pedagogical university in urban and district centers // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij v oblasti razvitiya. 2020;3: 34254–34258. (In Russ.).

3. Danilenko L. P. Features of socio-psychological adaptation of first-year students at a higher educational institution / L. P. Danilenko, D. K. Prazukin // Zametki uchitelya. 2023;2: 161–165. (In Russ.).

4. Dvornikova I.N. Studying the formation of psychological readiness of psychology students for future professional activities // Molodoj uchenyj. 2014;21.1 (80.1): 89–91. (In Russ.).

5. Idrisova O. I. Diagnostics of the formation of ideas about the areas of professional activity of a master's graduate // Molodoj uchenyj. 2021;35 (377): 130–133. (In Russ.).

6. Kizilova M. A. The relationship between students' readiness for professional activity and their understanding of life / M. A. Kizilova, YU. R. Muhina // Molodoj uchenyj. 2022;21 (416): 145–148. (In Russ.).

7. Ovsyannikov R. YU. The influence of personality traits and the orientation of students in the humanities during their university years on the choice of a psychological contract type / R. YU. Ovsyannikov, A. S. Turchin // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika // Nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal. 2017;1 (11): 67–71. (In Russ.).

8. Pashkin S. B. Rezul'taty issledovaniya moral'no-pravovyh predstavlenij obuchayushchihsya vuzov / S. B. Pashkin, N. B. Lisovskaya, G. YU. Ikonnikova // Karbyshevskie chteniya: «80-letiyu Velikoj Pobedy posvyashchaetsya…»: sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tyumen'. 12–14 noyabrya 2025 goda / pod obshch. red. L. I. Groshevoj. T. 3. Tyumen': TVVIKU, 2025. S. 329–336. (In Russ.).

9. Pashkin S. B. Features of professional motivation of young specialists in the socioeconomic field // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8;2: 176–182. (In Russ.).

10. Pashkin S.B. Features of life plans among students studying in socioeconomic fields // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2025;1: 58–62. (In Russ.).

11. Pashkin S. B., Turchin A. S. Problems of training specialists for moral and psychological support of official activities / S. B. Pashkin, A. S. Turchin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;4 (17): 53–56. (In Russ.).

12. Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnosticheskie materialy: uchebnoe posobie. M. : Izd-vo Moskovskogo gos. un-ta, 1988. 141 s. (In Russ.).

13. Ryazanov D. A. Cybersocialization of youth // Missiya ispovedi. 2020. Vol. 9;5(46): 540–542. (In Russ.).

14. Semyonova A. YU. Research on the Professional Self-Determination of Psychology Students at a University // Molodoj uchenyj. 2019;22 (260): 650–652. (In Russ.).

15. Serov N. V. Simvolika cveta. SPb. : Izd-vo Strata, 2024. 196 s. (In Russ.).

16. Turchin A. S. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie (po programme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya) / A. S. Turchin, A. A. D'yachkov. SPb. : Izd-vo ACADEMRG vojsk nacional'noj gvardii, 2020. 108 s. (In Russ.).

17. Turchin A. S. Features of mutual expectations of entrepreneurs and young specialists during the employment period / A. S. Turchin, D. A. Turchin // Psihologiya upravleniya: Biznes-hrestomatiya. 2007;1 (1): 102–109. (In Russ.).

18. SHerer I. N. Problems of youth employment in the labor market // Izvestiya VGPU. 2012: 99–103. (In Russ.).

19. YAkunin V. A. Psihologiya uchebnoj deyatel'nosti studentov. M., 1994. 156 s. (In Russ.).

20. Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., Schroeder D. A. Prosocial behavior: multilevel perspectives // Annual review of psychology. 2005. Vol. 56;1: 365-392.

21. Bakker A.B., BAL P.M. Weekly work engagement and performance: A study among starting teachers // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2010 b. 83: 189–206.

22. Maddi S. R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // The Routledge international handbook of psychosocial resilience. Routledge, 2016: 104–110.

23. Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G. Untersuchungen zur Schopferischen Den¬ken bei Schulern, Lehrlingen und Studenten // Beitrage zur Padagogik. Berlin, 1982. Bd. 27. 248 s.

24. Zur Stellung, Funktion, Gestaltung und zum Einsatz von gedruckten Lehr- Lernmitteln, Studienliteratur, in der Hochschulausbildung. T. 11 / Unter der Leitung von N. F. Talysina und W. Graf. VEB, Berlin, 1977. 60 S.

Информация об авторах

С. Б. Пашкин *– доктор педагогических наук, профессор*
А. С. Турчин *– доктор психологических наук, профессор*

Information about the authors

S. B. Pashkin *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*
A. S. Turchin *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026;
одобрена после рецензирования 17.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.06.2026;
approved after reviewing 17.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 37.015.3

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ, ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Екатерина Максимовна Архипова
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
Ekater1na.Arkhipova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу современных подходов к изучению цифровой образовательной среды. В ходе работы было выделено три ключевых подхода к изучению цифровой образовательной среды: личностно-ориентированный, технико-инструментальный и системный. Отмечается отсутствие единого подхода к определению цифровой образовательной среды, что препятствует рассмотрению проблемы психологического сопровождения образования в ней. Комплексное изучение цифровой образовательной среды с точки зрения всех трех подходов позволяет в полной мере оценить возможности и риски обучения в цифровом пространстве.

Ключевые слова: образование, цифровая образовательная среда, цифровое образование, система образования

Для цитирования: Архипова Е.М. Цифровая образовательная среда как объект психологического исследования: подходы к изучению, потенциал и риски развития // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 128–138. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/014.pdf.

Original article

DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS AN OBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH: APPROACHES, POTENTIAL, RISKS

Ekaterina M. Arkhipova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
Ekater1na.Arkhipova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of modern approaches to studying the digital educational environment. The work identified three key approaches to studying the digital educational environment: personality-oriented, technical-instrumental, and systemic. The lack of a unified approach to defining the digital educational environment is noted, which hinders the consideration of the problem of psychological support for education within it. A comprehensive study of the digital educational environment from the perspective of all three approaches makes it possible to fully assess the opportunities and risks of learning in the digital space.

Keywords: education, digital educational environment, digital education, educational system

For citation: Arkhipova E.M. Digital educational environment as an object of psychological research: approaches, potential, risks. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 128–138. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/014.pdf.

© Архипова Е.М., 2026

Введение

Цифровая трансформация – один из ключевых трендов в сфере образования на настоящий момент. В условиях широкого и повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий переосмысляются все традиционные сферы деятельности, и система образования не

является исключением. Среди множества исследований влияния информационных технологий на систему образования, центральное место внимания ученых в сфере психологии и педагогики занимает цифровая образовательная среда как новое образовательное пространство, которое может выступать как дополнением к традиционным формам обучения, так и основным местом получения образования. Внимание к изучению цифровой образовательной среды исходит от деятелей в сфере психологии, педагогики, социологии, информатики и многих других дисциплин. Вместе с тем, полное теоретико-методологическое осмысление цифровой образовательной среды как психологического феномена требует ее рассмотрения с различных точек зрения: и как пространства развития личности обучающегося и обучаемого, и как совокупности технологий и технических средств, и как системы взаимосвязанных технических, педагогических, социальных и управленческих компонентов.

Основные положения

Понятие цифровой образовательной среды от первого своего упоминания в рамках подготовки национального проекта «Образование»[1] до настоящего момента прошло значительную эволюцию от простого набора технических средств до системы, обеспечивающей образовательный процесс в цифровой среде. Если изначально цифровая образовательная среда рассматривалась как вспомогательный инструмент образовательной деятельности, то на данный момент рядом авторов она рассматривается как полноценное образовательное пространство.

Анализ многообразия взглядов и трактовок к определению цифровой образовательной среды позволил нам условно выделить три группы подходов к данному феномену. Критерием для выделения подходов послужила разница в фокусе рассмотрения самого феномена цифровой образовательной среды:

– Личностно-ориентированный подход.
– Технико-инструментальный подход.
– Системный подход.

[1] Паспорт национального проекта «Образование»: Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16.

В центре личностно-ориентированного подхода находится личность обучающегося и педагога, а также их потребности. Цифровая образовательная среда в данном случае рассматривается как пространство для того, чтобы личность могла максимально реализовать свои возможности, заниматься развитием, в том числе в профессиональном русле. Целью данного подхода является изучить то, каким образом цифровая образовательная среда влияет на развитие личности, как личность может строить свои индивидуальные образовательные траектории, рассматривают вопросы мотивации обучения в цифровой образовательной среде, а также условия создания комфортных и адаптивных условий для обучения в цифровой образовательной среде. Цифровая образовательная среда в рамках личностно-ориентированного подхода рассматривается как средство для достижения педагогических задач. С точки зрения С. Д. Дерябо, образовательная среда – это «совокупность всех позитивных и негативных возможностей обучения, воспитания и развития личности» [9]. В. И. Слободчиков, рассматривая цифровую образовательную среду как пространство взаимодействия студентов и преподавателей, считает, что образовательная среда образуется «образующим и образующимся» в результате совместного проектирования ее как ресурса своей совместной деятельности. По мнению И. Г. Захаровой, управление цифровой образовательной средой определяют целевые установки общества, обучаемых и педагогов. Основными целями цифровой образовательной среды в рамках личностно-ориентированного подхода является реализация возможностей освоения культуры, самореализации, выстраивания социальных отношений [26], сопровождения педагогического процесса, научного прогресса, профессионального становления студентов [13] с использованием цифровых образовательных ресурсов [26]. По мнению В. А. Ясвина, образовательная среда – это система влияний и условий формирования личности в совокупности с возможностями для ее развития. Центром внимания в рамках личностно-ориентированного подхода является личность и то, каким образом происходит ее развитие в цифровой образовательной среде. Одним из важных качеств личности, определяющим качество образования посредством цифровой образовательной

среды, является цифровая грамотность. Студенты, проявляющие большие навыки пользования компьютерными технологиями, обладают, соответственно, большим потенциалом обучения в цифровой среде. Цифровая грамотность приобретается учениками и студентами в процессе обучения: как самостоятельно, так и с помощью педагогов. Важным условием развития системы образования стала компетентность преподавателей, «реализующих модели цифровой компетентности и сами ею обладающих» [27]. Цифровая грамотность преподавателя является основополагающей категорией цифрового обучения в принципе [10]. Именно от цифровой грамотности зависит формирование цифровых компетенций и цифровой компетентности преподавателей.

Важно понимать, что в настоящее время цифровые образовательные технологии не столько оказывают влияние на развитие личности, сколько соответствуют требованиям, сложившимся у личности в процессе ее развития. Для современного поколения обучающихся сеть Интернет является одним из важнейших источников социокультурного развития [28]. Молодежь в нынешнее время характеризуется большой зависимостью от технологий и цифровых ресурсов, поэтому системе образования и преподавателям, в частности, необходимо «воспользоваться их любовью к технологиям, чтобы переориентировать образование» [2]. Однако, как справедливо отмечают А. В. Солодухин, Д. А. Сидоркин, не все педагоги на данный момент обладают достаточным уровнем подготовки для взаимодействия в цифровой образовательной среде [19].

С. Сагитов в ходе своего исследования выделил следующие преимущества цифровой образовательной среды, которые влияют на процесс развития личности в ней: экономия времени и финансов, возможность совмещать обучение с работой. Согласно результатам исследования Смирновой Е. В., студенты больше остального ценят интересное преподнесение материала в цифровой образовательной среде, отмечают разнообразие информации и форм ее преподнесения. Как справедливо отмечают А. Ю. Гузенко и А. А. Утюганов, сеть Интернет положительно влияет на деятельность не только студентов, но и преподавателей. Так, качество преподавания улучшается за счет свободного доступа к материалам, большого количества разнообразного контента для создания аудио- и видеопособий. Главный недостаток цифровой образовательной среды связан с качеством информации [8]. Ее поток слабо контролируется, в связи с чем в сети появляется большое количество ложной, недостоверной информации. Еще одной угрозой обучения в сети Интернет является развитие у обучающихся клипового мышления. В рамках личностно-ориентированного подхода затрагиваются и проблемы психологической безопасности обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде.

А. А. Пфетцер, М. С. Яницкий и А. В. Серый выделяют следующие угрозы психологической безопасности в цифровой образовательной среде: косвенные и прямые угрозы, связанные со взаимодействием в цифровой среде в целом, и косвенные и прямые угрозы, связанные со взаимодействием в цифровой образовательной среде в частности. Косвенными угрозами, связанными со взаимодействием в цифровой среде, авторами считаются изменение характера коммуникации, возникновение зависимостей, утраты связей в реальном мире, наличие в цифровом пространстве большого количества антисоциальных групп; прямые угрозы взаимодействия в цифровой среде связаны с распространением «деструктивных и агрессивных форм поведения, снижение ценности здоровья и жизни, риски суицидального поведения, угрозы финансовой безопасности и мошенничества» [28]. К косвенным угрозам, связанным со взаимодействием в цифровой образовательной среде, авторами, относится деформация когнитивной сферы личности, формирование так называемого «клипового» мышления, нарушения живого общения и социализации; прямыми угрозами считают нарушения конфиденциальности персональных данных, угрозы предоставления опасного контента под видом образовательного. Однако каждый аспект цифровизации имеет как угрозы, так и ресурсы безопасности [12]. Так, на основании ряда исследований, можно привести ряд условий, важных для обеспечения психологической безопасности цифровых технологий в образовании: мотивация к обучению [24], благоприятная атмосфера и условия [24, 15], адекватное отношение студентов к себе [24], учет потенциальных угроз безопасности в цифровой среде [16] и грамотное управления цифровой средой, создание организаци-

онно-педагогических условий для развития личности [24, 15, 16]. Большое внимание в рамках личностно-ориентированного подходя уделяется и мотивации обучения. Как справедливо отмечают М. С. Яницкий, А. В. Серый, М. С. Иванов, А. А. Утюганов, Н. Р. Хакимова, Интернет, социальные сети, видеоигры в настоящее время выступают сильным конкурентом в борьбе за мотивацию и внимание обучающихся [29], несмотря на то, что система образования уже адаптируется под требования современных обучающихся. В научных публикациях фигурируют два мнения касательно проблем мотивации обучающихся в цифровой образовательной среде. Ряд авторов считают, что обучающийся в цифровой образовательной среде уже на старте обучения знает, какие знания, умения и навыки ему уже нужны – соответственно, изначально обладает мотивацией для обучения. Противоположный взгляд заключается в том, что мотивация обучения в цифровой образовательной среде должна поддерживаться со стороны педагогического и административного персонала. Несмотря на значительные отличия цифрового образования от традиционного, педагогом сохраняются его функции управления учебно-самообразовательной и профессиональной мотивацией обучающихся [28].

Представители технико-инструментального подхода делают акцент на технологической составляющей цифровой образовательной среды. Авторами в рамках данного подхода цифровая образовательная среда отождествляется с программным обеспечением. Данный подход позволяет «изнутри» рассмотреть составные компоненты цифровой образовательной среды. Целью данного подхода является описание аппаратной и программных основ цифровой образовательной среды, а также условия бесперебойного взаимодействия ее компонентов. Авторами рассматриваются конкретные инструменты, платформы, ресурсы. Рассмотрение цифровой образовательной среды с точки зрения технико-инструментального подхода является важным фундаментом для формирования дальнейшего понимания того, как происходит образовательный процесс с технической точки зрения. К примеру, М. Э. Кушнир предлагает под цифровой образовательной средой подразумевать совокупность информационных систем, обеспечивающих эффективную организацию образовательной деятельности. Главной характеристикой цифровой образовательной среды автор видит доступность, что, в его понимании, является возможностью каждому участнику образовательного процесса использовать весь потенциал информационной системы в собственных целях. А. Г. Абросимов представляет цифровую образовательную среду с точки зрения технико-инструментального подхода. Согласно автору, данная система состоит из информационного потенциала среды, а также ресурсов: программно-технического и телекоммуникационного. Структуру цифровой образовательной среды, ее компоненты авторы рассматриваются также с точки зрения ее технологической составляющей. К примеру, Н. Чеботарь приводит следующие элементы цифровой образовательной среды: система управления обучением, не интерактивное содержание, инструментальная среда, хранилища данных.

Одним из важнейших так называемых «информационных потоков» внутри цифровой образовательной среды является информационный поток обратной связи [21]. Представителями данного подхода также признается несовершенство коммуникативных процессов внутри цифровой образовательной среды – они реализуются фрагментарно и зачастую не являются ответной реакцией на действия пользователя [21, 4]. Несмотря на множество существующих исследований, посвященной данной теме, проблема коммуникации, а также оперативного получения обратной связи в цифровой образовательной среде все еще является неразрешенным вопросом.

На данный момент технологии позволяют каждому образовательному учреждению подстроить цифровую образовательную среду под свои нужды. Так, множество компонентов цифровой образовательной среды (коммуникационный, административно-управленческий, технологический, оценочный и т. д.) образуются в особые структуры, характер которой определяется спецификой деятельности ее пользователей [7]. Так, например, полностью автоматизированная административная компонента цифровой образовательной среды позволяет педагогу оперативно учитывать посещаемость студентов, давать им обратную связь, формировать списки учащихся, составлять учебные планы, формировать списки литературы, определять темы учебных занятий, что во взаимосвязи с полностью разработанной системой об-

ратной связи помогает им оперативно связываться со студентами (которым, в свою очередь, открываются возможности вовремя получать домашнее задание и отзывы о его проверке, проходить учебную программу с опережением, коммуницировать с другими студентами и педагогом даже вне стен учебного заведения). Пользователями цифровой образовательной среды является и руководящий состав образовательной организации, которые должны получать своевременную и достоверную информацию о кадровом составе организации, контингенте учащихся, административно-хозяйственной и финансовой деятельности [7].

С точки зрения представителей системного подхода, цифровая образовательная среда является целостной структурой, которая состоит из взаимосвязанных подсистем, бесперебойно взаимодействующих друг с другом. Данный подход основан на изучении взаимодействия всех компонентов цифровой образовательной среды (в том числе и обучающихся и педагогов) между собой и внешней средой. Одной из задач в рамках системного подхода является понять, как технические, социальные, педагогические и нормативные элементы складываются в единую систему, обеспечивающую образовательный процесс. В рамках системного подхода изучаются проблемы коммуникации внутри образовательных платформ, потенциал и возможности дальнейшего развития цифровой образовательной среды, возможности сотрудничества между образовательными учреждениями и перспективы создания единой цифровой образовательной среды. Определение Е. В. Мельниковой является показательным для системного подхода. По ее мнению, цифровая образовательная среда – это «совокупность программно-аппаратных компонентов и психолого-педагогических средств для информационного взаимодействия всех участников педагогического процесса». Цифровая образовательная среда представляет собой педагогические условия, при которых мультимедийные технологии используются в целях воспитания, обучения и развития. Авторами цифровая образовательная среда рассматривается не только как пространство для обучения, но и как инструмент воспитания, обучения и развития. Важным, на их взгляд, во время обучения в цифровой образовательной среде является не только предоставлять учебный контент, но и обеспечивать социализацию обучающихся. Достаточно много внимания в рамках системного подхода уделяется изменению роли педагога в условиях цифровой образовательной среды. В цифровой образовательной среде педагог становится организатором учебной деятельности, посредником между виртуальным и реальным миром [5]. Теряя функцию носителя и транслятора знаний, педагог становится проводником студента в информационном пространстве, помогая студентам систематизировать самостоятельно найденную ими информацию [28]. Его задачами становится не столько предоставить студентам учебную информацию, сколько обучить их грамотному поиску и анализу данной информации в Сети. Используя цифровые платформы и сервисы, и цифровой контент, преподаватель оказывает мобильную помощь обучающемуся, консультирует его, организовывает индивидуальную работу с каждым студентом [22]. Несмотря на все сказанное, будет ошибочно полагать, что нынешние студенты смогут учиться и вовсе без педагога. Ввиду изменения самого процесса обучения (в цифровой образовательной среде обучение становится более гибким, персонализированным) на преподавателя ложатся функции наставника, который поможет студентам определиться с нужными образовательными траекториями и подскажет технологии, необходимыми для получения нужных компетенций.

Л. И. Кутепова, рассматривая цифровую образовательную среду как систему, приводит ее следующие структурные компоненты: технологические средства, средства коммуникации, педагогические технологии и информационные ресурсы. В большинстве публикаций взгляд ученых на компоненты цифровой образовательной среды можно свести к нескольким модулям: управление, методическое обеспечение, обучение и контроль результатов, постоянное взаимодействие которых помогает достичь определенные образовательные цели [11].

На данный момент проблемы взаимодействия субъектов в цифровой образовательной среде решаются образовательными учреждениями самостоятельно – посредством создания на их базе собственных цифровых платформ [23]. Коммуникативные процессы в сети Интернет не могут быть приравнены к взаимодействию «лицом к лицу», что является существенным недостатком цифровой образовательной среды [1]. Механическое встраивание цифровых технологий в образовательный процесс приведет к существенным недо-

статкам и обнажит уязвимые стороны обоих явлений – поэтому данный процесс должен быть подкреплен «адекватной психологической теорией» [6]. И. С. Пилко, учитывая личностные особенности обучающихся и преподавателей, а также технические возможности цифровой образовательной среды университета, описывает организационные решения, принятые университетом в целях реализации цифровой программы дополнительной профессиональной подготовки: формами контроля знаний выступили тесты, контроль умений обеспечивается за счет проверки практических работ, коммуникация обеспечивается за счет форм прямой и обратной связи (модулей «комментарии», «мои сообщения», «форум»), организационно-методическое сопровождение обеспечивается оперативным телефонным общением с обучающимися, а также с помощью электронной почты.

М. С. Яницким приводятся плюсы и минусы цифрового образования. К преимуществам им относятся отсутствие пространственных и временных ограничений при получении образования, массовизация образования, персонализация и индивидуализированность обучения, возможности самостоятельно простраивать собственные образовательные траектории, оперативность оценки и обратной связи, высокая интенсивность образования. К недостаткам автор относит снижение доверия к достоверности информации в сети, формирование искаженной картины мира, примитивного образа различных явлений реального мира, нарушение традиционных механизмов социализации и социальных контактов в целом, риски информационной безопасности участников образовательного процесса. Образовательные учреждения, по мнению автора, потеряли функции не только источника знаний, но и их проводника [29]. Один из основных вызовов образовательной среды связан с тем, что знания, информации и технологии зачастую успевают устареть еще прежде, чем они становятся частью образовательной программы. Вместе с этим связан и потенциал цифровых образовательных платформ – за счет своей гибкости и изменяемости они позволяют гораздо быстрее изменять образовательный контент и программы. Солодухин А. В. Сидоркин Д. А. выделяют целый ряд ключевых проблем, возникающих перед системой цифрового образования: «недостаточная разработанность методических, технических и организационных форм применения дистанционных технологий, низкая адаптация обучающихся к формату обучения с применением дистанционных технологий, недостаток подготовки самих педагогов к деятельности в цифровом пространстве» [19].

Выделенные теоретические подходы и их характерные особенности и отличия друг от друга представлены в таблице.

Таблица – Теоретические подходы к изучению цифровой образовательной среды (ЦОС)

Table – Theoretical approaches to researching the digital educational environment (DEE)

Характеристика	Подход		
	Личностно-ориентированный	Технико-инструментальный	Системный
Ключевой фокус изучения	ЦОС-пространство для развития и самореализации обучающегося и обучаемого	ЦОС-совокупность технологических средств и цифровых образовательных платформ	ЦОС-система взаимосвязанных технических элементов, функционирующих в целях воспитания и развития личности
Основная цель ЦОС	Раскрытие потенциала каждого участника образовательного процесса, обеспечение его психологической безопасности, воспитание способности к самообразованию	Обеспечение бесперебойного доступа к цифровым ресурсам, эффективной передачи информации и соблюдение цифровой безопасности	Создание сбалансированной цифровой структуры, гармонично интегрированной в образовательный процесс

Понимание сущности ЦОС	Среда создана для личности и фокусируется вокруг личности. ЦОС - система, включающая в себя коммуникацию, ценности, учитывающая важность человеческих отношений	Среда – набор технических средств, пользовательского обеспечения и Сети	Среда – совокупность технических, педагогических, социальных и управленческих компонентов
Роль обучающегося в процессе	Ключевой и самый активный субъект, автор своей образовательной траектории	Пользователь, потребитель образовательного контента и цифровых услуг	Активный элемент системы, взаимодействующий с другими элементами и компонентами
Роль обучающего в процесса	Наставник, тьютор, куратор, помощник в организации индивидуальной образовательной траектории	Технический специалист, хорошо разбирающийся в технологиях среды, автор или куратор образовательного контента	Координатор, управляющий образовательного процесса, обеспечивающий эффективное взаимодействие обучающегося с обучающим, технической поддержкой, компонентами среды
Основные компоненты	Не рассматриваются	Серверы, технические средства, системы управления обучением, цифровой образовательный контент, облачные технологии	Система управления обучением, система предоставления образовательного контента, система оценки и обратной связи, система коммуникации
Критерии эффективности обучения	Рост мотивации к обучению, удовлетворённость обучением, достижение личных целей обучающихся и обучающих	Не рассматриваются	Результаты контроля успеваемости и тестирований, удовлетворенность участников образовательного процесса работой в ЦОС
Возможности (преимущества) ЦОС	Гибкость, адаптивность, развитие ответственности обучающегося	Четкость, измеримость, адаптируемость, быстрая реализуемость и изменяемость под требования среды и участников образовательного процесса	Ориентация на долгосрочное развитие, устойчивость, учет различного контекста цифрового образования (сочетание различных форм контроля, необходимости коммуникации, системы управления обучением и т. д.)
Риски (ограничения) ЦОС	Игнорирование возможных технических проблем и недостатков ЦОС, ее рассмотрение как изначально идеально реализованной системы	Дегуманизация образовательного процесса, сведение образования к контролю и тестированию	Сложность управления и проектирования, риски излишней бюрократизации из-за высокой роли системы управления обучением

Представителями личностно-ориентированного подхода рассматриваются вопросы возможностей и рисков цифрового образования для развития личности. Принципиальным отличием личностно-ориентированного подхода от системного (который также рассматривает характер взаимодействия участников образовательного процесса) является то, что в рамках данного подхода особое внимание уделяется целям обучения, последствиям применения цифровой образовательной среды для формирования личности. В рамках технико-инструментального подхода цифровая образовательная среда не рассматривается как психолого-педагогический феномен, однако описывается техническая составляющая цифрового образования, что важно для понимания ее функционирования, технических возможностей и слабых мест, имеющихся компонентов. Системный подход подразумевает рассмотрение цифровой образовательной среды как совокупности технических и педагогических условий для обучения, воспитания и развития личности в цифровом пространстве. В отличие от технико-инструментального подхода, в рамках системного подхода изучается не только список компонентов цифровой образовательной среды, а то, как именно они взаимодействуют.

В рамках каждого описанного нами направления изучения цифровой образовательной среды авторами предпринимаются попытки ответить на ряд общих вопросов. Данные вопросы можно обозначить обобщенно: в рамках личностно-ориентированного вопроса авторами раскрываются ответы на вопрос «Какова цель участников образовательного процесса в рамках цифровой образовательной среды?», в рамках технико-инструментального «Из чего состоит цифровая образовательная среда?» и с парадигмы системного «Как функционирует цифровая образовательная среда?». Комплексный ответ на данные вопросы позволяет нам обозначить основную концепцию цифровой образовательной среды на данный момент времени. Понимание сути цифровой образовательной среды, процесса цифрового образования обеспечат возможность разработки программы психолого-педагогического сопровождения студентов, обучающихся в цифровом пространстве.

Заключение

Теоретические подходы к изучению цифровой образовательной среды условно можно разделить на личностно-ориентированный, технико-инструментальный и системный. В рамках личностно-ориентированного подхода внимание ученых направлено на влияние цифровой образовательной среды на развитие и становление личности, психологическую безопасность личности в цифровом пространстве, мотивацию к обучению в цифровой среде, а также риски и возможности цифровой образовательной среды для развития личности. При получении образования в цифровой образовательной среде обучающимися преследуются цели получения новых компетенций, отвечающим требованиям рынка труда, а также прокладывания индивидуальных образовательных траекторий. Преимуществами цифровой образовательной среды в области личностного развития являются: персонализация обучения, гибкость образовательного процесса, доступ к различным информационным ресурсам, развитие навыков саморегуляции, повышение цифровой грамотности. Рисками цифрового образования являются цифровое неравенство, когнитивная перегрузка, отсутствие коммуникации в процессе обучения. В рамках технико-инструментального подхода изучается функциональность цифровой образовательной среды, из какого программного обеспечения она состоит, а также ее компоненты. Условно средства обучения в цифровой образовательной среде можно разделить на аппаратные (компьютер, смартфоны, планшеты, и прочие гаджеты) и программные (платформы для организации видеоконференций, цифровые образовательные платформы, образовательные приложения). Ключевыми блоками, обязательными для эффективного функционирования цифровой образовательной среды, являются: информационный (библиотека обучающих материалов и ресурсов, электронные учебники, обучающие курсы), коммуникационный (инструменты для непосредственного (аудио- и видеоконференции) и опосредованного (чаты, форумы) взаимодействия), административно-управленческий (система управления обучением, формы обратной связи, система разработки учебных планов и составления расписания и пр.). Изучение цифровой образовательной среды с точки зрения системного подхода

предполагает отношение к ней как к целостной системе взаимосвязанных элементов. В рамках данного подхода исследования посвящены изучением взаимосвязей всех участников образовательного процесса. Взаимодействие в цифровой образовательной среде приобретает следующие особенности: взаимодействие приобретает сетевой характер, стирая жесткую иерархию между педагогом и студентами, формируются новые виртуальные образовательные сообщества, а взаимодействие регулируется не только педагогическими, но и техническими регламентами. Однако осмысление цифровой образовательной стороны только с точки зрения ее возможностей для развития личности, технических компонентов или особенностей взаимодействия субъектов внутри нее приводит к существенным пробелам в формировании цифровой среды как нового образовательного пространства. При исследовании цифровой образовательной среды с психолого-педагогической точки зрения необходимо подходить комплексно, объединяя все вышеперечисленные подходы к ее изучению. Полное теоретико-методологическое осмысление цифровой образовательной среды станет прочным фундаментов для проектирования психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, обеспечивающего не только получение знаний, умений и навыков, но и гармоничное развитие личности в условиях цифрового пространства.

Список источников

1. Bold M. Interaction in distance learning // Encyclopedia of distance learning. NY, 2009. P. 1244–1249.
2. Rosen L. Teaching the iGeneration // Educational Leadership. 2007. № 68 (5). P. 10–15.
3. Абросимов А. Г. Информационно-образовательная среда вуза // Вестник РУДН. 2004. № 1. С. 9–13.
4. Аниськин В. Н. Проектирование электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза на основе информационно-деятельностного подхода // Jurnalul Umanitar Modern, 2021. Т. 4. № 2. С. 5–9.
5. Блинов В. И. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения / В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина. М. : Изд-во «Перо», 2019. С. 45.
6. Вербицкий А. А. «Инклюзия» в контексте истории современного цифрового обучения // Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2020. С. 254–265.
7. Гриншкун В. В. О структуре организационно-управленческой компоненты цифровой образовательной среды современной школы // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2023. № 2 (64). С. 7–18.
8. Гузенко А. Ю. Интернет и образование: особенности интеграции // Философия образования. 2018. № 76(3). С. 66–73.
9. Дерябо С. Д. Учителю о диагностике эффективности образовательной среды / С. Д. Дерябо; под ред. В. П. Лебедевой, В. И. Панова. М. : Молодая гвардия, 1997. 216 с.
10. Игнатьев В. П. Терминологическая матрица цифровой образовательной среды // Образование и право. 2021. № 3. С. 301–308.
11. Игнатьев В. П. Цифровая образовательная среда сельской школы // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 172–179.
12. Краснянская Т. М. Принцип безопасности в психологических исследованиях проблем цифровизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 152–166.
13. Кутепова Л. И. Проектирование цифровой образовательной среды // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 2 (35). С. 229–232.
14. Пилко И. С. Обучение цифровым технологиям в цифровой образовательной среде // Культура: теория и практика. 2020. № 3 (36). С. 52–55.
15. Погодаева М. В. Пространство безопасного детства как условие развития личности ребенка // Казанский педагогический журнал. 2016. № 5. С. 179–183.
16. Пфетцер А. А. Принципы проектирования цифровой образовательной среды, отвечающей требованиям психологической безопасности // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 5 (51). С. 157–164.
17. Сагитов С. Трансформация цифровой образовательной среды // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 4-5 (89-90). С. 7–9.

18. Слободчиков В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. М., 2000. 230 с.
19. Солодухин А. В. Применение цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий: основные итоги использования в условиях пандемии COVID-19 // СибСкрипт. 2025 Т. 27. № 2. С. 203–215.
20. Смирнова Е. В. Образовательные технологии в системе цифровой образовательной среды // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-4. С. 266–269.
21. Смоленцева Т. Е. Формирование методологической и технологической концепции эффективной обратной связи в цифровой образовательной среде // Экономика и качество систем связи. 2025. № 37. С. 121–134.
22. Устюжанина Е. В. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 1 (97). С. 3–12.
23. Хапаева С. С. Цифровая образовательная среда: проблемы взаимодействия // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2021. № 3. С. 781–789.
24. Худякова Т. Л. Риски психологической безопасности личности в условиях внедрения цифровых образовательных технологий на этапе профессионального обучения // Национальный психологический журнал. 2022. № 4. С. 132–143.
25. Чеботарь Н. Манифест о цифровой образовательной среде // Образовательная политика. 2016. № 1 (71). С. 34–43.
26. Шилова О. Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд // Человек и образование. 2020. № 2 (63). С. 36–41.
27. Шмелькова Л. В. Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2016. № 8 (30). С. 3.
28. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 38–44.
29. Яницкий М. С. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд / М. С. Яницкий, А. В. Серый, М. С. Иванов [и др.]. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИРПО», 2017. 202 с.
30. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001. С. 12–14.

References

1. Bold M. Interaction in distance learning // Encyclopedia of distance learning. NY, 2009: 1244–1249.
2. Rosen L. Teaching the iGeneration // Educational Leadership. 2007;68 (5): 10–15.
3. Abrosimov A. G. Informacionno-obrazovatel'naya sreda vuza // Vestnik RUDN. 2004;1: 9–13. (In Russ.).
4. Anis'kin V. N. Proektirovanie elektronnoj informacionno-obrazovatel'noj sredy pedagogicheskogo vuza na osnove informacionno-deyatel'nostnogo podhoda // Jurnalul Umanitar Modern, 2021. Vol. 4;2: 5–9. (In Russ.).
5. Blinov V. I. Proekt didakticheskoj koncepcii cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya / V. I. Blinov, M. V. Dulinov, E. YU. Esenina. M. : Izd-vo «Pero», 2019. S. 45. (In Russ.).
6. Verbickij A. A. «Inklyuziya» v kontekste istorii sovremennogo cifrovogo obucheniya // Ponyatijnyj apparat pedagogiki i obrazovaniya: sb. nauch. trudov. Ekaterinburg: UrGPU, 2020. S. 254–265. (In Russ.).
7. Grinshkun V. V. O strukture organizacionno-upravlencheskoj komponenty cifrovoj obrazovatel'noj sredy sovremennoj shkoly // Vestnik MGPU. Seriya: Informatika i informatizaciya obrazovaniya. 2023;2 (64): 7–18. (In Russ.).
8. Guzenko A. YU. Internet and education: integration features // Filosofiya obrazovaniya. 2018;76(3): 66–73. (In Russ.).
9. Deryabo S. D. Uchitelyu o diagnostike effektivnosti obrazovatel'noj sredy / S. D. Deryabo; pod red. V. P. Lebedevoj, V. I. Panova. M. : Molodaya gvardiya, 1997. 216 s. (In Russ.).
10. Ignat'ev V. P. Terminological Matrix of the Digital Educational Environment // Obrazovanie i pravo. 2021;3: 301–308. (In Russ.).
11. Ignat'ev V. P. Digital educational environment of rural schools // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021;5: 172–179. (In Russ.).
12. Krasnyanskaya T. M. The principle of safety in psychological research on digitalization issues

// Znanie. Ponimanie. Umenie. 2020;2: 152–166. (In Russ.).

13. Kutepova L. I. Designing a digital educational environment // ANI: pedagogika i psihologiya. 2021;2 (35): 229–232. (In Russ.).

14. Pilko I. S. Learning digital technologies in a digital educational environment // Kul'tura: teoriya i praktika. 2020;3 (36): 52–55. (In Russ.).

15. Pogodaeva M. V. The Space of Safe Childhood as a Condition for the Development of a Child's Personality // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2016;5: 179–183. (In Russ.).

16. Pfetcer A. A. Principles of designing a digital educational environment that meets the requirements of psychological safety // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. 2023;5 (51): 157–164. (In Russ.).

17. Sagitov S. Transformation of the digital educational environment // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2020;4-5 (89-90): 7–9. (In Russ.).

18. Slobodchikov V. I. O ponyatii obrazovatel'noj sredy v koncepcii razvivayushchego obrazovaniya. M., 2000. 230 c. (In Russ.).

19. Soloduhin A. V. The use of digital technologies in remote pedagogical and psychocorrectional activities: key findings in the context of the COVID-19 pandemic // SibSkript. 2025 Vol. 27;2: 203–215. (In Russ.).

20. Smirnova E. V. Educational Technologies in the Digital Educational Environment System // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025;86-4: 266–269. (In Russ.).

21. Smolenceva T. E. Formation of a methodological and technological concept of effective feedback in a digital educational environment // Ekonomika i kachestvo sistem svyazi. 2025;37: 121–134. (In Russ.).

22. Ustyuzhanina E. V. Digitalization of the Educational Environment: Opportunities and Threats // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. 2018;1 (97): 3–12. (In Russ.).

23. Hapaeva S. S. Digital educational environment: problems of interaction // Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie. 2021;3: 781–789. (In Russ.).

24. Hudyakova T. L. Risks of psychological security of an individual in the context of the introduction of digital educational technologies at the stage of professional training // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2022;4: 132–143. (In Russ.).

25. CHebotar' N. Manifest o cifrovoj obrazovatel'noj srede // Educational policy. 2016;1 (71): 34–43. (In Russ.).

26. SHilova O. N. Digital educational environment: a pedagogical perspective // CHelovek i obrazovanie. 2020;2 (63): 36–41. (In Russ.).

27. SHmel'kova L. V. Staffing for the Digital Economy: A Look into the Future // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire. 2016;8 (30): 3. (In Russ.).

28. YAnickij M. S. Psychological aspects of digital education // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2019;2: 38–44. (In Russ.).

29. YAnickij M. S. Postneklassicheskaya pedagogicheskaya psihologiya: cennostno-smyslovoj trend / M. S. YAnickij, A. V. Seryj, M. S. Ivanov [i dr.]. Kemerovo: GBU DPO «KRIRPO», 2017. 202 s. (In Russ.).

30. YAsvin V. A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu. M. : Smysl, 2001. S. 12–14. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.11.2025;
одобрена после рецензирования 19.03.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 11.11.2025;
approved after reviewing 19.03.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

***Дарья Павловна Паулкина*[1], *Анастасия Дмитриевна Пашукова*[2]**
[1, 2] *Академия ФСИН России, Рязань, Россия*
[1] *dashakomleva@mail.ru*
[2] *pashukova_21@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса адаптации курсантов в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний России. Адаптация курсантов на начальном этапе обучения является критически важной для их профессионального становления и социальной интеграции. В статье рассматриваются теоретические основы понятия «адаптация»; различные виды адаптации, включая физиологическую и социальную; особенности и показатели адаптации у курсантов ведомственных вузов. Представлены психолого-педагогические показатели социально-психологической адаптации курсантов, выявленные авторами в результате эмпирического исследования. В результате теоретического и эмпирического анализа разработан психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов, включающий пять последовательных этапов, направленных на создание комфортной обучающей среды и поддержку курсантов.

Ключевые слова: курсант, адаптация, адаптивность, образовательные организации ФСИН России, показатели социально-психологической адаптации курсантов

Для цитирования: Паулкина Д.П., Пашукова А.Д. Психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 139–150. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/015.pdf.

Original article

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ALGORITHM FOR ADAPTING CADETS AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING

***Darya P. Paulkina*[1], *Anastasia D. Pashukova*[2]**
[1, 2] *The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia*
[1] *dashakomleva@mail.ru*
[2] *pashukova_21@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the adaptation process of cadets in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The adaptation of cadets at the initial stage of training is critically important for their professional development and social integration. The article discusses the theoretical foundations of the concept of "adaptation"; various types of adaptation, including physiological and social adaptation; and the features and indicators of adaptation among cadets of departmental universities. The article presents the psychological and pedagogical indicators of the socio-psychological adaptation of cadets, which were identified by the authors through an empirical study. As a result of theoretical and empirical analysis, a psychological and pedagogical algorithm for the adaptation of cadets has been developed, which includes five consecutive stages aimed at creating a comfortable learning environment and supporting cadets.

Keywords: cadet, adaptation, adaptability, educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, indicators of social and psychological adaptation of cadets

For citation: Paulkina D.P., Pashukova A.D. Psychological and pedagogical algorithm for adapting cadets at the initial stage of training. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 139–150. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/015.pdf.

© Паулкина Д.П., Пашукова А.Д., 2026

Введение

Адаптация курсантов в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) России является важнейшим условием их успешного профессионального становления и социальной интеграции. Специфика данной образовательной структуры требует особого подхода [8].

Ведомственные структуры требуют от своих сотрудников высокой профессиональной подготовки, физической и психологической устойчивости, а также способности к адаптации в условиях стресса. Начальный этап обучения представляет собой критически важный период, когда курсантам необходимо не только усвоить новые знания, но и адаптироваться к новым социальным условиям, требованиям и нормам [5]. Проблемы, возникающие на этом этапе, могут приводить к снижению учебной мотивации и ухудшению психоэмоционального состояния курсантов.

Адаптация курсантов первого года обучения становится важнейшим компонентом образовательного процесса, так как именно в этот период происходит усвоение норм, стандартов, требований и ценностей, которые играют ключевую роль в формировании личности компетентного сотрудника уголовно-исполнительной системы [16].

Актуальность проблемы адаптации курсантов нельзя переоценить: она носит междисциплинарный характер и затрагивает множество сфер знаний. Для полноценного изучения специфики процесса адаптации курсантов необходимо рассмотреть теоретические основы понятия «адаптация». В научной литературе представлено множество различных взглядов ученых на определение этого понятия, что свидетельствует о его многогранности и сложности.

Основные положения

В научный оборот категория «адаптация» была введена немецким физиологом Г. Аубертом во второй половине XIX века (1865 г.) и первоначально рассматривалась им в контексте функционирования сенсорных систем. В рамках физиологического подхода адаптация трактовалась как процесс изменения чувствительности кожных анализаторов под воздействием внешних раздражителей, обеспечивающий оптимизацию восприятия. Дальнейшее развитие научных представлений позволило установить, что явления адаптации характерны не только для отдельных анализаторных систем, но и для функционирования организма в целом, выступая универсальным механизмом приспособления к изменяющимся условиям среды [14]. Расширение содержания данного понятия обусловило его активное внедрение в различные области научного знания. Постепенно проблема адаптации вышла за рамки физиологии и общей биологии, получив развитие в естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплинах, где она стала рассматриваться как многомерное явление, отражающее процессы взаимодействия системы и среды.

В научной литературе выделяется ряд видов адаптации, среди которых существенное значение имеет физиологическая адаптация как базовый уровень приспособительных процессов. В интерпретации А. Д. Слонима физиологическая адаптация рассматривается как «совокупность физиологических особенностей, обуславливающих уравновешивание организма с постоянными или изменяющимися условиями среды» [13]. Физиологическая адаптация является ключевым механизмом, обеспечивающим способность организмов сохранять гомеостаз и эффективно функционировать в условиях изменяющейся среды. Она демонстрирует, как сложные физиологические процессы работают в согласии для поддержки жизни.

В рамках исследования проблемы адаптации С. А. Рунова обосновывает двоякую трактовку данного понятия, предполагающую его рассмотрение в широком и узком смысловых контекстах. Подобный подход позволяет более дифференцированно анализировать сущность адаптационных процессов и выявлять их многоуровневую природу.

В широком понимании адаптация в биологическом аспекте интерпретируется как процесс приспособления организма к условиям среды, основанный на взаимовлиянии и взаимной обусловленности организма и внешней среды. Данное взаимодействие обеспечивает возможность сохранения жизнедеятельности, устойчиво-

сти и развития организма в условиях изменяющейся окружающей действительности, что выступает важнейшим фактором его эволюционного функционирования.

В узком смысле адаптация рассматривается как процесс, локализованный на уровне внутренних механизмов активной системы, связанных с перестройкой ее структур и функций. В данном случае акцент переносится на внутренние изменения, происходящие в организме, которые носят преимущественно реактивный характер и отражают специфику функционирования его компонентов вне прямой зависимости от внешних воздействий. Это значит, что такие изменения происходят в ответ на внутренние факторы и условия, в отличие от более широкого подхода, который учитывает динамику взаимодействия между организмом и средой [12].

Таким образом, адаптация стала изучаться не только с физиологической точки зрения, но и с учетом психологических, социальных и культурных аспектов, что подразумевает ее многогранность и сложность. Эта концепция стала важной для понимания механизмов, с помощью которых организмы, включая человека, приспосабливаются к изменяющимся условиям жизни, как в индивидуальном, так и в общественном контексте.

В рамках рассматриваемого исследования приоритетное значение приобретает анализ социальной адаптации. Данный акцент обусловлен тем, что включение человека в новую образовательную среду неизбежно сопряжено с процессом освоения системы межличностных отношений, поиска и закрепления собственной ролевой позиции, а также реализации базовой потребности в общении и социальном взаимодействии. У каждого индивидуума существует своя система взглядов и моральных ценностей, от которой зависит скорость и успешность его интеграции в новую социальную среду.

Социальная адаптация представляет собой процесс, в ходе которого происходит интеграция человека в общество. В результате данного процесса формируются самосознание и ролевое поведение индивида, а также развиваются навыки самоконтроля и самообслуживания, обеспечивающие адекватные взаимодействия с другими людьми [10].

Поступая в образовательную организацию ФСИН России, курсанты сталкиваются с новыми условиями: они попадают в незнакомый коллектив, приспосабливаются к установленному распорядку дня, участвуют в спортивных тренировках и выполняют ряд других обязательств, которые требуют высокой дисциплины и ответственности. Успешная адаптация курсантов к новым условиям имеет решающее значение для их дальнейшего обучения и карьерного роста в уголовно-исполнительной системе.

Э. В. Зауторова обращает внимание на основные проблемы курсантов ведомственного вуза, с которыми они сталкиваются в процессе адаптации: условия жизнедеятельности в ведомственном вузе; адаптация к учебе; умение курсантов установить эффективное межличностное взаимодействие и организовать совместную деятельность; личностная «акклиматизация» в новых условиях ведомственного вуза [6].

В трудах отечественных психологов Г. И. Аксеновой, П. Ю. Аксеновой, И. И. Купцова, Д. В. Сочивко отмечается влияние высокого уровня адаптивности личности, на успешное протекание процесса адаптации. Под адаптивностью личности курсанта образовательных организаций ФСИН России они рассматривают «интегрирующее свойство адаптации к вузовскому обучению, отражающее явные и латентные возможности индивида вырабатывать адекватные условиям способы поведения и актуализировать способность быстро реагировать на изменения образовательного процесса вуза при сохранении внутреннего равновесия» [1].

С. Н. Сорокоумова, П. А. Гордеева выявили, что адаптация курсантов ведомственного вуза взаимосвязана с психологическим благополучием и эмоциональным комфортом [4].

В трудах П. В. Кустова и Н. Н. Силкина представлены основные критерии и показатели адаптированности первокурсников образовательных организаций Министерства Внутренних Дел России: «нормативность служебной деятельности, успешность учебной деятельности (успеваемость, наличие / отсутствие задолжностей по итогам первой сессии, уровень субъективного комфорта курсанта, эмоционально-деловой социометрический статус в коллективе учебного взвода)» [9].

Н. Н. Ивашко представила критериально-оценочный аппарат адаптации курсантов образовательных организаций ФСИН России, в котором выделила три показателя: «учебная деятельность, внеучебная деятельность и служебная деятельность» [7].

В научной литературе, в частности в работах Т. П. Браун, выделяются три основные формы адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в образовательной организации высшего образования:

«адаптация, касающаяся познавательно-информационного приспособления студентов к новому окружению, к структуре вуза, к содержанию обучения в нем, его требованиям, к своим студенческим обязанностям;

адаптация дидактическая, касающаяся подготовки студентов к новым формам и методам, новейшим информационным технологиям учебной работы и формам вузовского контроля;

адаптация, как процесс внутренней интеграции (объединения) со своей учебной группой студентов-первокурсников и интеграция со студенческим окружением в целом» [3].

Таким образом, основными показателями психологической адаптации являются адаптивность, психологическое благополучие, эмоциональный комфорт личности. Педагогическая адаптация охватывает успешность освоения учебной программы, нормативность служебной деятельности, социальные отношения (взаимодействие с одногруппниками и профессорско-преподавательским составом). Для успешной адаптации курсантов на первоначальном этапе службы считаем необходимым придерживаться психолого-педагогических подходов сопровождения образовательного процесса.

Методы

В эмпирическом исследовании приняли участие 86 курсантов психологического факультета Академии ФСИН России, обучающихся на первом и втором курсах. Организация исследования предполагала использование комплекса взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонний анализ изучаемого явления. В качестве диагностического инструментария были применены авторская анкета, разработанная с учетом ключевых показателей адаптации обучающихся в условиях высшего ведомственного образования, а также методика «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А. К. Осницкого.

Для обработки полученных данных использовались методы математико-статистического анализа, включающие расчет показателей описательной статистики и коэффициента линейной корреляции Пирсона. Статистическая обработка результатов осуществлялась с применением программных пакетов Microsoft Excel 2010 и SPSS Statistics 23.0, что обеспечило достоверность и обоснованность полученных эмпирических выводов.

Результаты

Анализ результатов, полученных с использованием методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А. К. Осницкого, позволяет выявить характерные особенности адаптационного профиля обследуемых курсантов. Установлено, что интегральный показатель «адаптивность» находится на высоком уровне, тогда как показатель «дезадаптивность» располагается в зоне неопределенных значений, приближаясь к нижней границе шкалы.

При рассмотрении частных показателей зафиксированы высокие значения по шкалам «принятие себя», «принятие других» и «внутренний контроль», что свидетельствует о сформированности позитивного самоотношения, готовности к конструктивному взаимодействию и выраженной субъектной позиции. Низкие значения выявлены по шкалам «непринятие себя», «эмоциональный дискомфорт» и «внешний контроль», что указывает на отсутствие выраженных внутренних конфликтов и зависимого типа регуляции поведения. В то же время ряд показателей («непринятие других», «эмоциональный комфорт», «доминирование», «ведомость», «эскапизм») располагается в зоне неопределенности, что отражает вариативность проявления данных характеристик и неоднородность адаптационных стратегий у курсантов (рисунок 1).

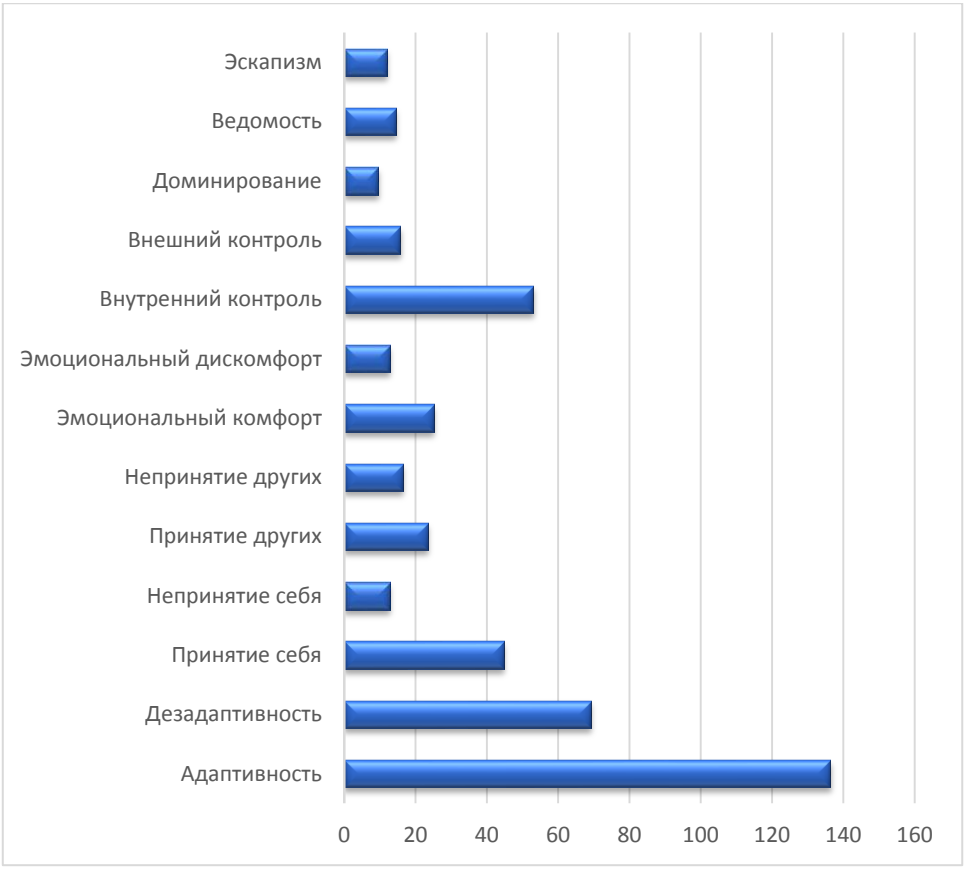


Рисунок 1 – Результаты исследования по методике «Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда» (в адаптации А. К. Осницкого)

Figure 1 – The results of a study using the methodology "Diagnosis of socio-psychological adaptation (SPA) by K. Rogers and R. Diamond" (adapted by A. K. Osnitsky)

Для наиболее репрезентативной оценки выборки, мы провели анализ интегральных показателей шкал методики, который позволил установить, что у курсантов высокий уровень адаптации, самопринятия, эмоциональной комфортности, интернальности; средний – принятие других, стремление к доминированию.

Обобщение и интерпретация полученных эмпирических данных позволяют констатировать, что для значительной части обследуемых курсантов характерен высокий уровень адаптированности к действующим социально-профессиональным требованиям ведомственного вуза. Респонденты в целом демонстрируют удовлетворенность собственными личностными характеристиками, выраженную потребность в межличностном взаимодействии и включенности в совместную деятельность, а также ориентированность на внешнее руководство при решении значимых задач. Наряду с этим, у большинства испытуемых преобладает интернальный локус контроля, что отражает их склонность к принятию ответственности за результаты собственной деятельности. Эмоциональное состояние курсантов характеризуется устойчивостью и переживанием психологического комфорта.

Детальный анализ данных методики показал, что у 2,3 % курсантов выявлены высокие значения по шкале «дезадаптивность». Для данных курсантов свойственна низкая адаптивность.

Анализ результатов анкетного опроса (таблица 1), позволил установить, что 9,3 % опрошенных испытывают трудности в адаптации; 2,3 % ответили, что еще не адаптировались к курсантской жизни; 2,3 % также отмечают трудности во взаимоотношениях с одногруппниками.

Таблица 1 – Результаты анкетного опроса

Table 1 – Results of the questionnaire survey

№ п/п	Вопрос	Ответы	%
1.	Представляете ли Вы на данный момент специфику своей будущей профессии?	Да	69,8
		Частично	30,2
2.	Легко ли Вы справляетесь с учебной нагрузкой?	Думал, что будет легче	23,8
		Легко	38,5
		Сложно, так как основное время занимает служебная деятельность: наряды, строевые и т. п.	30,4
		Трудно, в связи с большим объемом подготовки к учебным занятиям	7,3
3.	Испытываете (ли) ли Вы трудности в адаптации к курсантской жизни?	Испытывал некоторые сложности, трудно было в начале обучения	65,1
		Не испытывал никаких трудностей	25,6
		Испытываю некоторые проблемы к адаптации в вузе до сих пор	9,3
4.	Охарактеризуйте атмосферу в вашей учебной группе	Сотрудничество	14,7
		Доброжелательность	14
		Равнодушие	20,1
		Взаимопонимание	5,6
		Конфликтность	19,6
		Несогласованность	26
5.	Удовлетворены ли Вы в целом своей курсантской жизнью?	Разочарован	14,7
		Полностью удовлетворён	20,1
		Скорее удовлетворён	44,3
		Не совсем удовлетворён	18,6
		Затрудняюсь ответить	2,3
6.	Когда возникают какие-то проблемы на службе, к кому Вы обращаетесь за помощью в первую очередь?	К командиру группы	14
		К друзьям, одногруппникам	38,5
		К курсовому руководству	7
		К индивидуальному наставнику	11,6
		К куратору группы	2,3
		Другое	26,6
7.	Какие отношения у Вас сложились с одногруппниками?	Поддерживаю отношения только с избранными	25,6
		Нашел (а) со всеми общий язык	62,8
		Ни с кем не нашел (а) общего языка	2,3
		Поддерживаю отношения только с	7

		соседом по парте	
		Не могу ответить	2,3
8.	Ваша успеваемость (по результатам сессий)	Хорошо и отлично	30,2
		Отлично	11,6
		Хорошо	27,9
		Удовлетворительно	7
		Удовлетворительно и хорошо	23,3
9.	В какой семье Вы воспитывались?	Полной (мама и папа)	67,5
		Неполной (воспитывала мама)	27,9
		Воспитывался(ась) бабушкой, дедушкой	2,3
		Сирота	2,3
10.	Есть ли у Вас взыскания?	Да, от начальника курса	7
		Нет взысканий	86
		Да, от начальника вуза	7
11.	Вы активно принимаете участие в общественной жизни вуза?	Активно	30,2
		Хотелось бы активно, но не хватает времени	58,2
		Нет желания участвовать	11,6
12.	Как вы считаете, сколько времени у Вас ушло на адаптацию к курсантской жизни?	Адаптировался(ась) в первый месяц службы	37,2
		Больше 6 месяцев	7
		От 2 до 6 месяцев	48,8
		Больше 12 месяцев	4,7
		Еще не адаптировался(ась)	2,3
13.	Опишите свои трудности в адаптации... (возможно несколькими словами или более развернутым предложением)	Не ответили на вопрос	11,6
		Нет трудностей	16,3
		Многозадачность	8,8
		Распорядок дня и служебная дисциплина	32,9
		Сильная изоляция от гражданского общества	4,7
		Физическая и эмоциональная усталость	11,3
		Отсутствие родных рядом, нахождение вдали от дома, новая обстановка	9,8
		Сложности в налаживании межличностных отношений	4,6

Корреляционный анализ данных шкалы «дезадаптивность» с результатами анкетного опроса позволил выявить значимые взаимосвязи (рисунок 2, 3).

Рисунок 2 – Корреляционная плеяда данных шкалы «дезадаптивность» с результатами анкетного опроса (положительная корреляция при p≤0,05)

Figure 2 – Correlation of the "maladaptation" scale data with the results of the questionnaire survey (positive correlation at p≤0.05)

Рисунок 3 – Корреляционная плеяда данных шкалы «дезадаптивность» с результатами анкетного опроса (отрицательная корреляция при p≤0,05)

Figure 3 – Correlation of the "maladaptation" scale data with the results of the questionnaire survey (negative correlation at p≤0.05)

Так, курсанты с низкой адаптивностью частично представляют специфику своей будущей деятельности, испытывают трудности в учебе, адаптации и межличностном взаимодействии. Есть взыскания от руководства образовательной организации, не удовлетворены курсантской жизнью.

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования, можно выделить основные психолого-педагогические показатели, на которые необходимо обратить внимание при оценке социально-психологической адаптации курсантов: успешность учебной деятельно-

сти, успешность служебной деятельности, удовлетворенность курсантской жизнью, представление о будущей профессиональной деятельности, адаптивность, межличностная компетентность, удовлетворенность своими личностными качествами, потребность в межличностном взаимодействии и совместной деятельности, интернальная форма локус контроля, эмоциональный комфорт (чувство спокойствия и безопасности).

Обсуждение

В целом у обследуемых курсантов был выявлен высокий показатель адаптивности, однако у 2,3 % курсантов низкая адаптивность. Также у некоторых курсантов (согласно данным анкетного опроса) наблюдаются трудности в адаптации, взаимоотношениях с одногруппниками. Часть отмечает, что до сих пор не адаптировались к курсантской жизни.

Анализ результатов проведенного теоретического и эмпирического исследования указывает на актуальность психолого-педагогического сопровождения процесса адаптации курсантов. На рисунке 4 представлен Психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения.

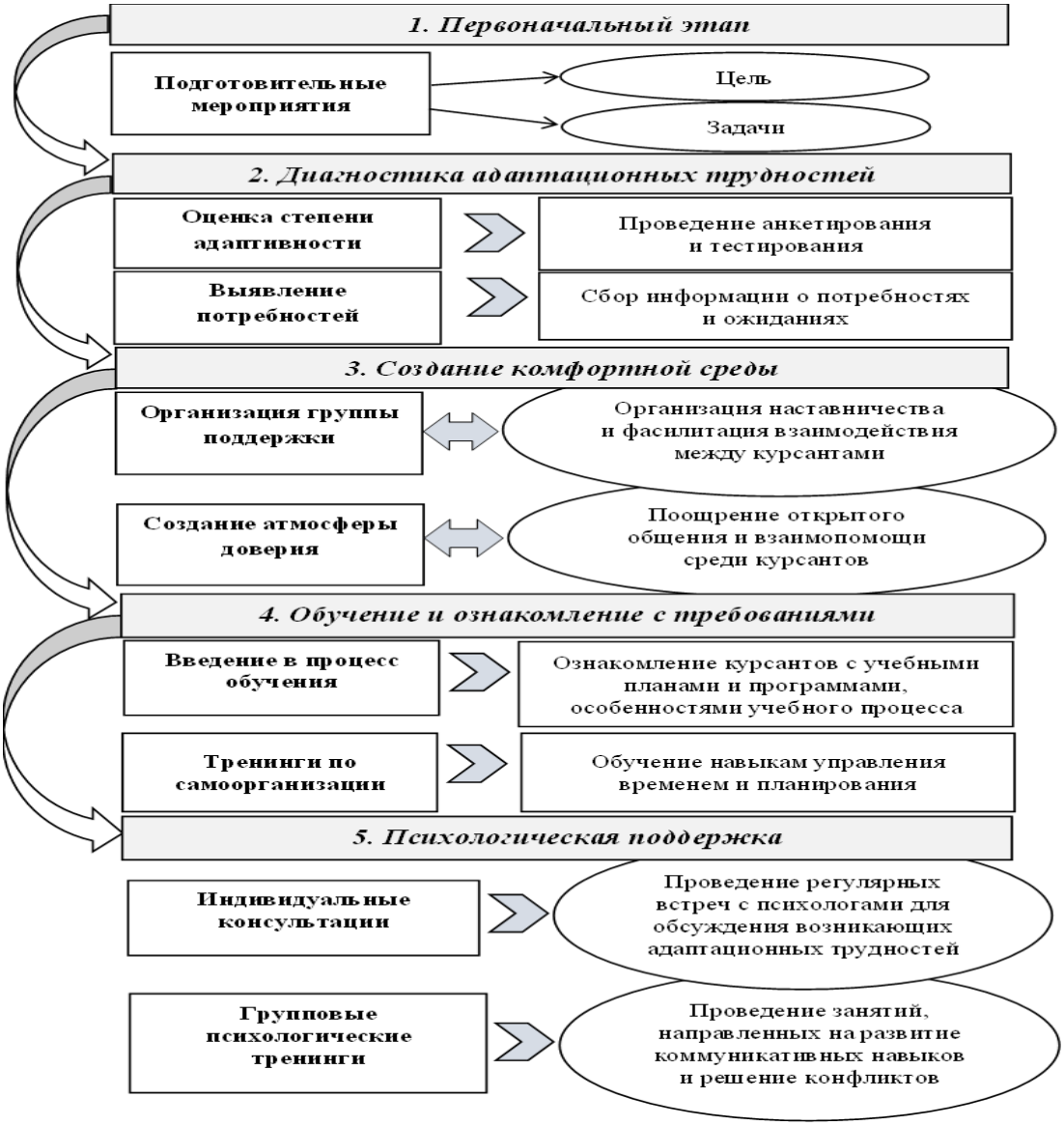


Рисунок 4 – Психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения

Figure 4 – Psychological and pedagogical algorithm for adapting cadets at the initial stage of training

Психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения представляет собой комплекс мероприятий, которые необходимо выполнять в строгой последовательности.

На первом этапе необходимо: определить ключевые цели адаптации (успешное вхождение в образовательную среду, снижение тревожности, мотивация к служебной деятельности); установить конкретные задачи для каждого курса; разработать план действий для реализации поставленных целей.

Второй этап предполагает: проведение анкетирования и тестирования для анализа психологического и эмоционального состояния курсантов, выявление степени адаптивности; психолого-педагогическая оценка социально-психологической адаптации курсантов; сбор информации о потребностях и ожиданиях курсантов от обучения; обработка и обсуждение полученных результатов для планирования стратегии психолого-педагогического сопровождения.

Согласно данному алгоритму *на третьем этапе* необходимо: привлекать старших курсантов для наставничества и поддержки новичков; поощрять открытое общение среди курсантов через групповые обсуждения и тренинги; организовать активные мероприятия, направленные на укрепление командного духа.

Четвертый этап заключается: в проведении вводных собраний для разъяснения особенностей учебного процесса; в обучении по управлению временем и планированию.

И последний *пятый этап* предполагает: организацию регулярных встреч с психологами для обсуждения трудностей и проблем курсантов; создание системы обратной связи, чтобы курсанты могли делиться своими переживаниями; организацию тренингов для развития коммуникативных навыков и решения конфликтов; формирование навыков самообразования и саморегуляции; применение интерактивных методов обучения, адаптивных технологий и других активных методов для улучшения взаимодействия между курсантами и развития индивидуально-психологических особенностей.

Заключение

Таким образом, представленный психолого-педагогический алгоритм адаптации курсантов на начальном этапе обучения является важным инструментом для обеспечения успешного вхождения курсантов в образовательный процесс. В результате реализации данного алгоритма достигается гармоничное взаимодействие между курсантами, что в свою очередь способствует повышению их образовательных результатов и улучшению общего психологического состояния.

Выделенные психолого-педагогические показатели социально-психологической адаптации курсантов могут использоваться в экспресс-оценке психологического состояния курсанта как психологами образовательных организаций, так и профессорско-преподавательским составом, а также курсовым руководством.

В завершении хотелось бы отметить, что процесс адаптации курсантов в образовательных организациях ФСИН России является многогранной и критически важной задачей, которая оказывает значительное влияние на успешность их профессионального становления и социальной интеграции. Начальный этап обучения, характеризующийся проявлением стресса и тревожности, требует четкой организации и комплексного подхода к решению возникающих проблем.

Список источников

1. Аксенова Г. И. Адаптивность личности курсантов: технология формирования / Г. И. Аксенова, П. Ю. Аксенова, И. И. Купцов, // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Пермь, 04–06 апреля 2018 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 232–234.

2. Алимова Е. Г. Особенности современных психолого-педагогических подходов сопровождения образовательного процесса // Центральноазиатский журнал образования и инноваций. 2025. 4(2). С. 36–38. URL: https://in-academy.uz/index.php/cajei/article/view/44849 (дата обращения: 19.06.2025).

3. Браун Т. П. Адаптация студентов к обучению в вузе в условиях оптимизации образовательной среды: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Браун Татьяна Петровна. СПб., 2007. 179 с.

4. Гордеева П. А. Типы личности курсантов в зависимости от стратегий адаптации в образовательной среде военного вуза / П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 4(29). С. 120–131.

5. Жигалова Е. А. Адаптация курсантов к служебной и учебной деятельности высших учебных заведений МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4(71). С. 76–85.

6. Зауторова Э. В. Адаптация курсантов первого курса к условиям обучения в ведомственном вузе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2019. № 4(67). С. 60–66.

7. Ивашко Н. Н. Адаптация курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Ивашко Наталья Николаевна. Новокузнецк, 2009. 19 с.

8. Ивашко Н. Н. Педагогические условия успешной адаптации курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 2(6). С. 25–32.

9. Кустов П. В. Критерии успешной адаптированности курсантов 1 курса образовательных организаций МВД России / П. В. Кустов, Н. Н. Силкин // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 05 (70). URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/kriterii-uspeshnoj-adaptirovannosti-kursantov-1-kursa-obrazovatelnykh-organizatsij-mvd-rossii.html (дата обращения: 19.06.2025)

10. Позднякова О. В. Социальная адаптация как стадия социализации личности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6(27-28). С. 362–366.

11. Паулкина Д. П. Влияние адаптивности на проявление виктимных качеств у курсантов образовательных организаций ФСИН России / Д. П. Паулкина, А. Д. Пашукова // Прикладная юридическая психология. 2025. № 3(72). С. 90–99.

12. Рунова С. А. Социально-профессиональная адаптация студентов первого курса к условиям педагогического вуза: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Рунова Светлана Альбертовна. Брянск, 2001. 184 с.

13. Слоним А. Д. О физиологических механизмах природных адаптации животных и человека. М.; Л., 1964.

14. Смыслова Н. М. Адаптация как один из этапов социально-профессионального становления личности // Казанский педагогический журнал. 2011. № 2(86). С. 85–90.

15. Суворова О. В. Модель управления процессом адаптации первокурсников к образовательной среде военного вуза / О. В. Суворова, Д. В. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2(23). С. 177–183.

16. Тарасова Л. Э. Адаптационный период первоначальной профессиональной подготовки курсантов первого года обучения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 7(110). С. 34–35.

References

1. Aksenova G. I. Adaptability of Cadets' Personalities: Technology of Formation / G. I. Aksenova, P. Yu. Aksenova, I. I. Kupcov, // Penitenciarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodejstviya: sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Perm', 04–06 aprelya 2018 goda. Perm': Permskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2018; 232–234. (In Russ.)

2. Alimova E. G. Features of modern psychological and pedagogical approaches to supporting the educational process // Central'noaziatskij zhurnal obrazovaniya i innovacij. 2025;4(2): 36–38. Available from: https://in-academy.uz/index.php/cajei/article/view/44849. (In Russ.)

3. Braun T. P. Adaptaciya studentov k obucheniyu v vuze v usloviyah optimizacii obrazovatel'noj sredy : dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08 / Braun Tat'yana Petrovna. SPb, 2007. (In Russ.)

4. Gordeeva P. A. Types of cadets' personalities based on their adaptation strategies in the educational environment of a military university / P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;4(29): 120–131. (In Russ.)

5. Zhigalova E. A. Adaptation of cadets to the service and educational activities of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2014;4(71): 76–85. (In Russ.)

6. Zautorova E. V. Adaptation of first-year cadets to the conditions of studying at a departmental university // Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment. 2019;4(67): 60–66. (In Russ.)

7. Ivashko N. N. Adaptaciya kursantov k obrazovatel'noj srede vuza FSIN Rossii : avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.01 / Ivashko Natal'ya Nikolaevna. Novokuzneck, 2009. (In Russ.)

8. Ivashko N. N. Pedagogical conditions for the successful adaptation of cadets to the educational environment of a university of the Federal Penitentiary Service of Russia / N. N. Ivashko // Teoriya i praktika nauchnyh issledovanij: psihologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie. 2019;2(6): 25–32. (In Russ.)

9. Kustov P. V. Criteria for Successful Adaptation of First-Year Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / P. V. Kustov, N. N. Silkin // Mir pedagogiki i psihologii: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2022;05 (70). Available from: https://scipress.ru/pedagogy/articles/kriterii-uspeshnoj-adaptirovannosti-kursantov-1-kursa-obrazovatelnykh-organizatsij-mvd-rossii.html (In Russ.)

10. Pozdnyakova O. V. Social adaptation as a stage of personality socialization // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011;5-6(27-28): 362–366. (In Russ.)

11. Paulkina D. P. The Influence of Adaptability on the Manifestation of Victimistic Qualities in Cadets of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / D. P. Paulkina, A. D. Pashukova // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2025;3(72): 90–99. (In Russ.)

12. Runova S. A. Social'no-professional'naya adaptaciya studentov pervogo kursa k usloviyam pedagogicheskogo vuza: dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08 / Runova Svetlana Al'bertovna. Bryansk, 2001. (In Russ.)

13. Slonim A. D. O fiziologicheskih mekhanizmah prirodnyh adaptacii zhivotnyh i cheloveka. M.; L., 1964. (In Russ.)

14. Smyslova N. M. Adaptation as one of the stages of personality social and professional formation // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2011;2(86): 85–90. (In Russ.)

15. Suvorova O. V. Model of the process of adaptation of first-year students to the educational environment of a military university / O. V. Suvorova, D. V. Andreev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023; 2(23): 177–183. (In Russ.)

16. Tarasova L. E. Adaptation period of the initial professional training of first-year cadets // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2011;7(110): 34–35. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. П. Паулкина – *кандидат психологических наук*
А. Д. Пашукова – *кандидат педагогических наук*

Information about the authors

D. P. Paulkina – *Candidate of Sciences (Psychology)*
A. D. Pashukova – *Candidate of Sciences (Pedagogy)*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026;
одобрена после рецензирования 29.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 24.04.2026;
approved after reviewing 29.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9:351.746

ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светлана Николаевна Сорокоумова[1], Александра Викторовна Башмакова[2]
[1] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия
[1] Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия
[2] ФГБОУ ВО «Академия права и управления ФСИН России», Рязань, Россия
[1] 4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597
[2] abogatyryova@bk.ru

Аннотация. Исследование обусловлено практической потребностью в создании специализированных педагогических условий для подготовки психологов к работе в уголовно-исполнительной системе. В рамках исследования поставлена задача по разработке и содержательному обоснованию программы, ориентированной на развитие психологической готовности курсантов, осваивающих специальность «Психология служебной деятельности». В основу программы положено сочетание контекстного, деятельностного и гуманистического подходов, позволяющее воссоздавать в обучении ситуации, характерные для будущей профессиональной среды. Структурно программа включает пять последовательных модулей, охватывающих формирование профессиональной компетентности, коммуникативных навыков, личностного потенциала, рефлексивных способностей и профилактику профессиональных рисков. В рамках программы используются интерактивные форматы (тренинги, разбор кейсов, ролевые игры), дополненные набором психодиагностических инструментов. Особенностью программы является реализация дифференцированного подхода через три траектории сопровождения курсантов. Результатом внедрения программы должно стать сокращение периода профессиональной адаптации выпускников и минимизация риска развития профессиональных деформаций.

Ключевые слова: психологическая подготовка, курсанты-психологи, уголовно-исполнительная система, профессиональная готовность, модульная программа, эмоциональное выгорание, дифференцированное обучение

Для цитирования: Сорокоумова С.Н., Башмакова А.В. Программа формирования психологической готовности курсантов психологического факультета к будущей профессиональной деятельности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 151–157. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/016.pdf.

Original article

A PROGRAM FOR DEVELOPING PSYCHOLOGICAL READINESS OF PSYCHOLOGY FACULTY CADETS FOR FUTURE PROFESSIONAL PRACTICE

Svetlana N. Sorokoumova[1], Aleksandra V. Bashmakova[2]
[1] Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian
[1] Center for Security Problems Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[2] Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
[1] 4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597
[2] abogatyryova@bk.ru

Abstract. The study is driven by the practical need to create specialized pedagogical conditions for training psychologists to work in the penitentiary system. The research aims to develop and substantiate a program focused on developing psychological readiness of cadets majoring in "Psychology of Official Activity". The program is based on a combination of contextual, activity-based and humanistic approaches, allowing to recreate situations characteristic of the future

professional environment in the learning process. Structurally, the program includes five consecutive modules covering the formation of professional competence, communication skills, personal potential, reflective abilities and prevention of professional risks. The program uses interactive formats (trainings, case studies, role-playing games) supplemented by a set of psychodiagnostic tools. A feature of the program is the implementation of a differentiated approach through three trajectories of cadet support. The expected result of the program implementation is a reduction in the period of professional adaptation of graduates and minimization of the risk of professional deformations.

Keywords: psychological training, cadet-psychologists, penitentiary system, professional readiness, modular program, emotional burnout, differentiated learning

For citation: Sorokoumova S.N., Bashmakova A.V. A program for developing psychological readiness of psychology faculty cadets for future professional practice. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 151–157. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/016.pdf.

© Сорокоумова С.Н., Башмакова А.В., 2026

Введение

Профессиональное становление психолога служебной деятельности для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) представляет собой сложный процесс, сопряженный с целым рядом специфических трудностей. Эти трудности обусловлены особенностями профессиональной среды УИС, которая характеризуется высокой степенью регламентации, постоянным взаимодействием с девиантным контингентом и повышенным уровнем психоэмоционального напряжения [3, 16]. Современные исследования в области психологии служебной деятельности подчеркивают, что именно совокупность этих факторов формирует уникальный профессиональный контекст, требующий от специалиста не только специальных знаний, но и развитой психологической устойчивости [7, 15].

В подобных условиях у психолога УИС возникает повышенный риск формирования профессиональных деструкций, таких как эмоциональное истощение, профессиональный цинизм, снижение эмпатии и ответственности, что в современной науке рассматривается в контексте синдрома профессионального выгорания [3, 10, 12].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» прямо указывает на необходимость формирования у выпускника готовности к профессиональной деятельности в нестандартных, экстремальных условиях учреждений уголовно-исполнительной системы [21]. Иными словами, от будущего психолога УИС требуется целостная психологическая готовность, включающая когнитивные, операциональные, личностные и ценностные компоненты.

Однако анализ образовательных практик в ведомственных вузах ФСИН России показывает, что традиционный учебный процесс в значительной степени акцентирован на теоретическом освоении дисциплин (правовых, общепсихологических, криминально-психологических) [13].

При этом целенаправленное формирование практико-ориентированных компетенций, личностной устойчивости и рефлексивной позиции будущего специалиста, составляющих суть психологической готовности, часто остается за рамками системного педагогического воздействия. Данный аспект подтверждается исследованиями, отмечающими связь между дефицитом специальной психологической подготовки на этапе обучения и последующими трудностями адаптации молодых специалистов в силовых структурах [20].

Таким образом, выявляется основное противоречие, определившее проблему данного исследования: с одной стороны, объективная потребность ведомственной практики и требования образовательного стандарта в психологически готовом специалисте, способном эффективно и устойчиво работать в специфических условиях УИС. С другой стороны, недостаточная ориентированность сложившейся модели профессионального образования курсантов-психологов на целенаправленное и системное формирование именно этой комплексной психологической готовности.

Разрешение данного противоречия видится в создании и интеграции в образовательный процесс специализированной психолого-педагогической программы, которая бы напрямую и системно моделировала ключевые аспекты будущей профессиональной реальности, воздействуя на все компоненты готовности.

Целью данной работы является разработка и содержательное обоснование мо-

дульной программы формирования психологической готовности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», к их будущей профессиональной деятельности в учреждениях УИС.

Основные положения

Теоретической основой разработки послужили три взаимодополняющих научных подхода:

1. Контекстный подход (А. А. Вербицкий) задает общую стратегию, предполагая переход от абстрактно-академического знания к моделированию профессиональных ситуаций [7]. В рамках программы это реализуется через создание квази-профессиональной среды.

2. Теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин) обеспечивает технологичность процесса обучения, позволяя разбить сложные профессиональные навыки на последовательные, управляемые этапы [8].

3. Принципы гуманистической психологии определяют ценностно-смысловую рамку программы, ориентируя ее на создание безопасной образовательной среды, поддержку личностного роста и профилактику дегуманизации [5]. Необходимость такого акцента подтверждается современными исследованиями, которые связывают сохранение профессионального здоровья и успешность практикующего психолога напрямую с развитием его профессионально-личностных качеств и ценностной сферы [11].

Программа рассчитана на курсантов 3–5 курсов. Методический инструментарий был подобран в строгом соответствии с задачами каждого содержательного блока и включает интерактивные формы (тренинги, ролевые и деловые игры, кейс-стади, групповые дискуссии и супервизию) и психодиагностический инструментарий для мониторинга динамики (опросники коммуникативной компетентности, саморегуляции, волевых качеств, профессиональной рефлексии, диагностики выгорания и др.). При формировании содержания модулей мы опирались на системное представление о профессиональной деятельности психолога в силовых структурах, изложенное в современных фундаментальных работах [1, 2, 4, 6].

Для обеспечения индивидуализации обучения программа предусматривает распределение курсантов по трем траекториям сопровождения (базовая, стандартная, интенсивная) на основе данных входной диагностики.

Результаты

В результате исследования была разработана программа, построенная по модульному принципу, включающая пять последовательных модулей: «Профессиональная компетентность и документация психолога УИС», «Профессиональное общение», «Личностный потенциал», «Профессиональная рефлексия», «Профессиональные риски и барьеры», а также итоговую сессию. Схематично это можно выразить следующим образом (рисунок).

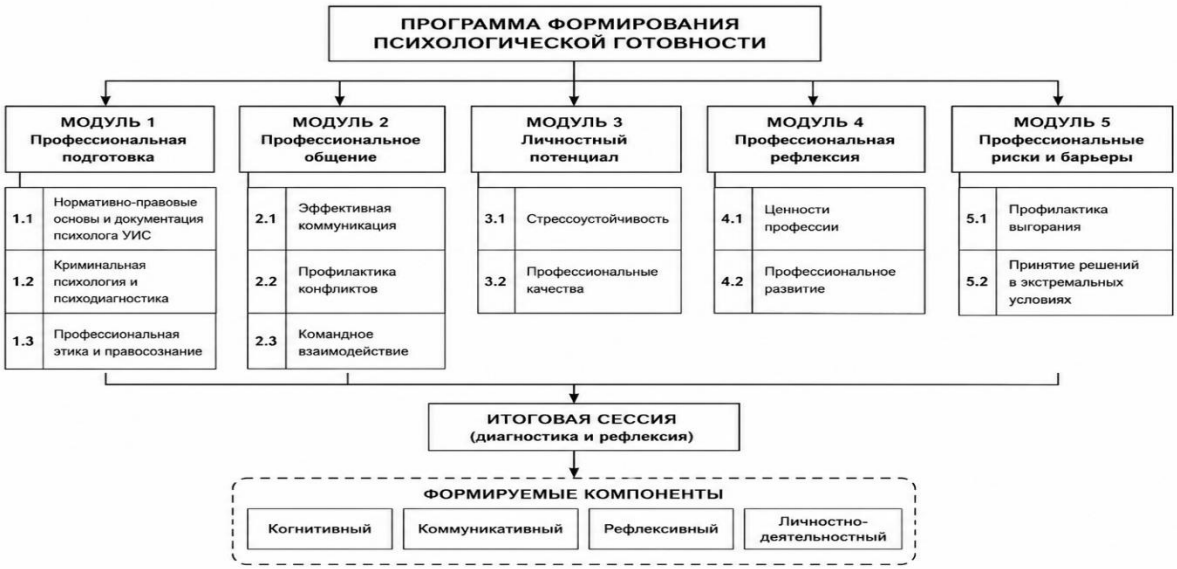


Рисунок – Программа формирования психологической готовности курсантов к будущей профессиональной деятельности в УИС

Figure – Program for the formation of psychological readiness of cadets for future professional activities in the penal system (UIS)

Программа представляет собой последовательный пятимодульный комплекс, реализующий системный подход к формированию когнитивного, коммуникативного, личностно-деятельностного и рефлексивного компонентов готовности [5, 9].

Апробация программы проводилась на базе Академии ФСИН России. В экспериментальной группе (ЭГ, n = 42) программа реализовывалась в течение шести месяцев, контрольная группа (КГ, n = 42) продолжала обучение по стандартной программе. Для проверки внешней валидности результатов на базе Вологодского института была сформирована группа кросс-валидизации (n = 92).

Обсуждение

Разработанная нами программа представляет собой комплексное психолого-педагогическое решение, направленное на преодоление разрыва между теоретической подготовкой и практическими требованиями профессии будущего психолога УИС. Мы полагаем, что ее системный характер, основанный на моделировании профессионального контекста [1, 17, 19] и дифференцированном подходе, позволит целенаправленно воздействовать не только на когнитивную сферу, но и на эмоционально-волевые и ценностные структуры личности будущего специалиста. Интеграция групповой супервизии и рефлексивных практик, по нашему мнению, направлена на профилактику профессиональных деформаций [2, 12] и создание внутренних ресурсов для противодействия эмоциональному выгоранию. Данный подход согласуется с выводами новейших исследований, показавших высокую эффективность именно рефлексивных и супервизорских методов в снижении симптомов выгорания и повышении психологической устойчивости у практикующих психологов в силовых структурах [3].

К перспективам дальнейшей работы мы лонгитюдное изучение долгосрочных эффектов программы с отслеживанием выпускников экспериментальной и контрольной групп через один-два года службы, адаптацию программы для других категорий сотрудников УИС (оперативных подразделений и воспитательных служб), разработку сокращенной версии для системы дополнительного профессионального образования, а также проведение конфирматорного факторного анализа на независимой выборке для окончательной верификации модели.

Заключение

На основе проведенного теоретического анализа нами была разработана модульная программа формирования психологической готовности курсантов к будущей профессиональной деятельности в УИС.

Содержательное наполнение программы базируется на синтезе контекстного, деятельностного и гуманистического подходов и реализуется через интерактивные методы (тренинги, кейсы, ролевые игры) и психодиагностический мониторинг, что позволило нам оценить ее эффективность в ходе апробации.

Ключевой особенностью программы, с нашей точки зрения, является реализация дифференцированного обучения через три траектории сопровождения курсантов, определяемые по результатам входной диагностики.

Мы считаем, что внедрение данной программы позволит повысить уровень психологической готовности выпускников, сократить сроки их профессиональной адаптации в учреждениях УИС и минимизировать риски раннего эмоционального выгорания и профессиональных деформаций.

Список источников

1. Башмакова, А. В. Валидизация комплекса психодиагностических методик для оценки профессиональной готовности курсантов // Сборник научных статей и воспоминаний о жизненном, научном и творческом пути кандидата философских наук, заслуженного работника высшей школы полковника внутренней службы в отставке Казанцева Валерия Николаевича. Рязань, 2026. С. 57–60.

2. Башмакова А. В. Диагностический инструментарий оценки психологической готовности курсантов ведомственных вузов

к профессиональной деятельности // Мир университетской науки: культура, образование. 2026. № 2. С. 15–20.

3. Башмакова А. В. Проблема психологической готовности курсантов ФСИН к будущей профессиональной деятельности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14, № 4. С. 45–49.

4. Башмакова А. В. Психологическая готовность курсантов к будущей профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе / А. В. Башмакова, С. Н. Сорокоумова // Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике: сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2021 года. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2021. С. 97–99.

5. Башмакова А. В. Психологическая готовность курсантов ФСИН к службе в уголовно-исполнительной системе на разных стадиях становления личности // Научное мнение. 2021. № 12. С. 123–125.

6. Башмакова А. В. Эволюция понятия «психологическая готовность» в отечественной психологии: от функционального состояния к системному образованию // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты: сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола. Рязань, 2026. С. 14–17.

7. Вербицкий А. А. Контекстное образование в компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 39–46.

8. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М. : Книжный дом «Университет», 2000. 336 с.

9. Кон И.С. Формирование самосознания в юношеском возрасте // Психология личности / под ред. А. Г. Спиркина. М. : Просвещение, 1988. С. 234–245.

10. Костина Л. Н. Основные теоретические подходы в психологической науке к проблеме профессионального выгорания представителей профессий типа «человек-человек» / Л. Н. Костина, М. С. Лаврова // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 43–48.

11. Кубышко В. Л. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста / В. Л. Кубышко, В. М. Крук, А. Ю. Федотов // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 219–235.

12. Лаврова М. С. Профессиональное выгорание у психологов органов внутренних дел // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2022. № 2. С. 42–43. EDN QDMNRG.

13. Лопес Е. Г. Психологическая готовность к профессиональной деятельности студентов-психологов // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2022. № 1 (9). С. 60–75.

14. Мясищев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев; под ред. А. А. Бодалева. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2011. 400 с.

15. Нечаев Н. Н. Роль теории поэтапного формирования в развитии методологии деятельностного подхода // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 23–42.

16. Об утверждении Инструкции по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 15 марта 2023 г. № 124. URL: http://www.fsin.gov.ru/documents/.

17. Психология служебной деятельности : учебник и практикум для вузов / В. М. Позднякова; под общ. ред. А. В. Кокурина, В. Е. Петрова, В. И. Екимовой. М. : Изд-во Юрайт, 2020. 375 с.

18. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М. : Апрель-Пресс, 2002. 512 с.

19. Свинухова Е. С. Профессиональное здоровье: проблема сохранения; профессионально-личностные качества практикующего психолога / Е. С. Свинухова, А. С. Горшкова // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф., Ставрополь, 11–12 дек. 2024 г. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 236–243. EDN TOUFKA.

20. Сиворонова М. С. Психологические особенности профессионального выгорания психологов органов внутренних дел: дис. … канд. психол. наук: 19.00.03 / Сиворонова Мария Сергеевна. 2023. 275 с. EDN HBNAMN.

21. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности (уровень специалитета): утв. приказом Минобрнауки России от 12 января 2016 г. № 6 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2016. 25 янв.

References

1. Bashmakova, A. V. Validizaciya kompleksa psihodiagnosticheskih metodik dlya ocenki professional'noj gotovnosti kursantov // Sbornik nauchnyh statej i vospominanij o zhiznennom, nauchnom i tvorcheskom puti kandidata filosofskih nauk, zasluzhennogo rabotnika vysshej shkoly polkovnika vnutrennej sluzhby v otstavke Kazanceva Valeriya Nikolaevicha. Ryazan', 2026. S. 57–60. (In Russ.).
2. Bashmakova A. V. Diagnostic tools for assessing the psychological readiness of cadets at departmental universities for professional activity // Mir universitetskoj nauki: kul'tura, obrazovanie. 2026;2: 15–20. (In Russ.).
3. Bashmakova A. V. The problem of psychological readiness of FSI cadets for future professional activity // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2021. Vol. 14;4: 45–49. (In Russ.).
4. Bashmakova A. V. Psihologicheskaya gotovnost' kursantov k budushchej professional'noj deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme / A. V. Bashmakova, S. N. Sorokoumova // Psihologiya XXI veka. Psihologicheskie issledovaniya: ot teorii k praktike: sbornik tezisov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, Sankt-Peterburg, 21–23 aprelya 2021 goda. SPb. : OOO «Skifiya-print», 2021. S. 97–99. (In Russ.).
5. Bashmakova A. V. Psychological readiness of FSI cadets to serve in the penal system at different stages of personality development // Nauchnoe mnenie. 2021;12: 123–125. (In Russ.).
6. Bashmakova A. V. Evolyuciya ponyatiya «psihologicheskaya gotovnost'» v otechestvennoj psihologii: ot funkcional'nogo sostoyaniya k sistemnomu obrazovaniyu // Duhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti v penitenciarnoj sisteme: pedagogicheskie i social'no-psihologicheskie aspekty: sbornik nauchnyh statej po materialam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola. Ryazan', 2026. S. 14–17. (In Russ.).
7. Verbickij A. A. Contextual Education in a Competency-Based Approach // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2006;11: 39–46. (In Russ.).
8. Gal'perin P. YA. Vvedenie v psihologiyu. M. : Knizhnyj dom «Universitet», 2000. 336 s. (In Russ.).
9. Kon I.S. Formation of self-awareness in adolescence // Psihologiya lichnosti / pod red. A. G. Spirkina. M. : Prosveshchenie, 1988. S. 234–245. (In Russ.).
10. Kostina L. N. The main theoretical approaches in psychological science to the problem of professional burnout among people in human-to-human professions/ L. N. Kostina, M. S. Lavrova // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2021;3: 43–48. (In Russ.).
11. Kubyshko V. L. Psychological Training: Lessons and Prospects in the Context of Professional and Personal Development of Specialists / V. L. Kubyshko, V. M. Kruk, A. YU. Fedotov // Psihologiya i pravo. 2018. Vol. 8;4: 219–235. (In Russ.).
12. Lavrova M. S. Professional Burnout among Internal Affairs Psychologists // Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii i pedagogiki v sluzhebnoj deyatel'nosti. 2022;2: 42–43. EDN QDMNRG. (In Russ.).
13. Lopes E. G. Psychological readiness of psychology students for professional activities // Innovacionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skaya traektoriya (INSAJT). 2022;1 (9): 60–75. (In Russ.).
14. Myasishchev V. N. Psihologiya otnoshenij: izbrannye psihologicheskie trudy / V. N. Myasishchev; pod red. A. A. Bodaleva. M. : Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: MODEK, 2011. 400 s. (In Russ.).
15. Nechaev N. N. The role of the theory of gradual formation in the development of the activity-based approach methodology // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2012;4: 23–42. (In Russ.).
16. Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii professional'noj podgotovki sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: prikaz FSIN Rossii ot 15 marta 2023 g. № 124. Available from: http://www.fsin.gov.ru/documents/.(In Russ.).
17. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti : uchebnik i praktikum dlya vuzov / V. M. Pozdnyakova; pod obshch. red. A. V. Kokurina, V. E. Petrova, V. I. Ekimovoj. M. : Izd-vo YUrajt, 2020. 375 s. (In Russ.).
18. Rodzhers K. Klientocentrirovannaya terapiya. M. : Aprel'-Press, 2002. 512 s. (In Russ.).
19. Svinuhova E. S. Professional'noe zdorov'e: problema sohraneniya; professional'no-lichnostnye kachestva praktikuyushchego psihologa / E. S. Svinuhova, A. S. Gorshkova // Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti: teoriya i praktika: sb. materialov X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Stavropol', 11–

12 dek. 2024 g. Stavropol': Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2024. S. 236–243. EDN TOUFKA. (In Russ.).

20. Sivoronova M. S. Psihologicheskie osobennosti professional'nogo vygoraniya psihologov organov vnutrennih del: dis. … kand. psihol. nauk: 19.00.03 / Sivoronova Mariya Sergeevna. 2023. 275 s. EDN HBNAMN. (In Russ.).

21. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po special'nosti 37.05.02 Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti (uroven' specialiteta): utv. prikazom Minobrnauki Rossii ot 12 yanvarya 2016 g. № 6 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 2016. 25 yanv. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Сорокоумова *– доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования*

Вклад авторов:
Сорокоумова Светлана Николаевна – критический анализ, развитие методологии, формализованный анализ данных.
Башмакова Александра Викторовна – осуществила цикл работы: от постановки проблемы и теоретического анализа до разработки структуры и содержания программы.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 26.02.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

S. N. Sorokoumova *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education*

Contribution of the authors:
Sorokoumova Svetlana Nikolaevna – critical analysis, methodology development, formal data analysis.
Bashmakova Aleksandra Viktorovna – carried out the full cycle of work: from problem statement and theoretical analysis to the development of the program structure and content.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 25.12.2025;
approved after reviewing 26.02.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Дмитрий Александрович Нестеров[1], Денис Александрович Ивлев[2]

[1] Военная академия связи имени маршала Советского Союза С. М. Буденного Министерства Обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

[2] Главное управления Федеральной службы войск национальной гвардии по Московской области, Реутов, Россия

[1] vas@mil.ru

[2] ivlev89@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого в 2025 году на выборке военнослужащих (N=180). Изучалось, какие психологические механизмы срабатывают у военных, когда они оказываются в ситуации информационной неопределённости – при дефиците достоверных сведений о политических событиях. Выделены четыре механизма: подстройка под мнение группы, доверие к командиру, эмоциональное «заражение» и упрощённое мышление по шаблонам (эвристики). Показано, что в сплочённых подразделениях главную роль играет доверие к авторитетам, а в разобщённых – иррациональные механизмы, ведущие к неадекватным установкам. Даны практические рекомендации для офицеров-воспитателей.

Ключевые слова: политические установки, военнослужащие, информационная неопределённость, психологические механизмы, социальная идентичность, когнитивные эвристики, эмоциональное заражение

Для цитирования: Нестеров Д.А., Ивлев Д.А. Психологические механизмы формирования политических установок у военнослужащих в условиях информационной неопределённости // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 158–165. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/017.pdf.

Original article

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FORMATION OF POLITICAL ATTITUDES AMONG MILITARY PERSONNEL IN CONDITIONS OF INFORMATION UNCERTAINTY

Dmitry A. Nesterov[1], Denis A. Ivlev[2]

[1] Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

[2] The Main Directorate of the Federal Service of the National Guard Troops in the Moscow region, Reutov, Russia

[1] vas@mil.ru

[2] ivlev89@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study conducted in 2025 on a sample of military personnel (N=180). It examines what psychological mechanisms are triggered in military personnel when they find themselves in a situation of information uncertainty — a lack of reliable information about political events. Four mechanisms are identified: conformity to group opinion, trust in the commander, emotional contagion, and simplified thinking using heuristics. It is shown that in cohesive units the main role is played by trust in authorities, while in disunited units irrational

mechanisms leading to inadequate attitudes dominate. Practical recommendations for educational officers are given.

Keywords: political attitudes, military personnel, information uncertainty, psychological mechanisms, social identity, cognitive heuristics, emotional contagion

For citation: Nesterov D.A., Ivlev D.A. Psychological mechanisms of formation of political attitudes among military personnel in conditions of information uncertainty. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(35): 158–165. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/017.pdf.

© Нестеров Д.А., Ивлев Д.А., 2026

Введение

Политические установки военнослужащих – штука не абстрактная. Они прямо влияют на то, как солдаты и офицеры воспринимают приказы, насколько доверяют командованию, готовы ли действовать в сложной обстановке. В последние годы информационная картина мира стала крайне пёстрой. Человек в погонах, особенно в отрыве от дома, часто получает противоречивые новости, слухи, откровенные фейки. При этом проверить информацию бывает негде – связь ограничена, доступ к Интернету купирован, а официальные сводки приходят с задержкой. Такое состояние в психологии называют информационной неопределённостью [11]. Простыми словами: человек не понимает, чему верить, какие факты считать истинными.

Для военнослужащего эта неопределённость усугубляется жёсткой субординацией, необходимостью быстро принимать решения и нести за них ответственность. Плюс стресс, плюс изоляция. В гражданской жизни можно открыть несколько источников и сравнить. В казарме или на полигоне такой возможности нет. Как же в этих условиях у человека формируется политическая позиция? Какие кнопки в психике нажимаются? Вопрос не праздный. От ответа зависит, как строить воспитательную работу, как предотвращать панические настроения и недоверие к власти.

Теоретических работ по социальным установкам написано много – к примеру, классиков Узнадзе, Шихирева [12]. Исследований когнитивных процессов в ситуации неопределённости рассмотрены (Канеман, Тверски) [10].

Эмпирических данных, полученных именно на военнослужащих, в открытом доступе мало. А то, что имеется, зачастую устарели. Мы попытались восполнить этот пробел.

Цель нашей работы – выявить, какие психологические механизмы запускаются у военных, когда они вынуждены вырабатывать политическую оценку при дефиците информации. И посмотреть, как эти механизмы связаны с тем, насколько подразделение спаяно, дружно.

Основные положения

За теоретическую базу мы взяли три классических подхода, которые в сумме хорошо объясняют, что происходит с психикой человека, когда он перестаёт понимать, что происходит вокруг.

Первый подход – теория когнитивного диссонанса Леона Фестингера [9]. Суть её проста: человеку некомфортно жить с противоречиями. Если он верит в одно, а реальность (или информация) говорит о другом, возникает внутреннее напряжение – диссонанс. Чтобы его снять, можно либо изменить своё поведение, либо изменить убеждение, либо неоправданно использовать дополнительные факты. В условиях информационной неопределённости, когда фактов нет, легче всего изменить убеждение. Например, солдат слышит слух, что командование собирается бросить их подразделение без подкрепления. Если он не может проверить этот слух, у него возникает тревога. Чтобы успокоиться, он либо перестаёт верить слуху (редко), либо начинает искать подтверждение в других источниках, либо просто принимает этот слух за истину и меняет своё отношение к командирам – от доверия к подозрению. Это и есть работа диссонанса.

Второй подход – концепция социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тёрнера [10]. Она объясняет, почему для военного мнение сослуживцев так важно. Человек определяет себя через группы, к которым принадлежит: «Я – офицер», «Я – разведчик», «Я – из такой-то роты». Группа даёт ему готовые нормы, ценности, оценки. Когда информации нет, эти групповые ярлыки работают как путеводители. Если во взводе принято считать определённое политическое событие предательством, отдельный солдат будет так же считать, иначе он «чужой». В армии этот эффект усилива-

ется из-за реальной опасности: быть изгоем в боевых условиях смертельно опасно. Поэтому механизм принятия групповых норм срабатывает почти автоматически, особенно у младших по званию.

Третий подход – теория эвристик и предубеждений Даниэля Канемана и Амоса Тверски [12]. Мозг не компьютер, он часто берёт короткие пути. Вместо полного анализа ситуации он использует правила-замены – эвристики. Например, эвристика доступности: я легко вспоминаю случай, когда страна N вела себя агрессивно, значит, она агрессивна всегда. Эвристика репрезентативности: этот человек похож на того, кого я уже считал врагом, значит, он тоже враг. Эвристика привязки: первое число, которое я услышал (скажем, процент потерь), становится точкой отсчёта, и я неохотно от неё отказываюсь. В уставшей, недосыпающей, постоянно напряжённой армейской среде эвристики работают с удвоенной силой. Времени на размышления нет, когнитивные ресурсы истощены, приходится упрощать.

Скрестив эти три подхода, мы выделили четыре конкретных психологических механизма. Каждый из них может включаться в разных обстоятельствах.

Первый механизм – редукция неопределённости через принятие групповых норм. Военнослужащий, особенно молодой, не хочет выделяться. Он смотрит на сослуживцев: как они реагируют? Что говорят? Если большинство осуждает какого-то политика или, наоборот, поддерживает – новичок почти наверняка примет ту же позицию. Даже если у него нет собственных аргументов. Это не лицемерие, а защита психики. В неопределённой ситуации быть как все – значит, снизить риск ошибки. В армейской жизни масса примеров: когда в казарму приходит непроверенная новость, через час у всех уже сформировано одно и то же мнение. И оно редко бывает умеренным, чаще – полярным. Командиры знают этот феномен и иногда используют его намеренно, формируя единую позицию личного состава через групповое обсуждение. Но если не управлять этим механизмом, он может породить стадные настроения.

Второй механизм – ориентация на авторитетный источник. Когда непонятно, чему верить, человек ищет того, кто «знает правду». В армии это естественно командир, замполит, психолог, а также неформальные лидеры – опытные сержанты, ветераны. Механизм работает так: военнослужащий делегирует авторитетному лицу функцию проверки информации. Он думает: «Если командир сказал, значит, это точно». Критичность снижается. Установка принимается как истинная, потому что исходит от «своего» и «главного». Но есть важное условие: механизм срабатывает только при реальном доверии к источнику. Если подчинённые не уважают командира, если он раньше ошибался или лгал – они будут искать альтернативные источники (слухи, Интернет, разговоры в курилке). В таких случаях ориентация на авторитет блокируется, и военнослужащий остаётся один на один с неопределённостью – что толкает его к другим, менее управляемым механизмам. Поэтому в реальной практике укрепление авторитета командиров – это не самоцель, а прямой инструмент управления политическими установками в условиях неопределённости.

Третий механизм – эмоциональное заражение и перенос валентности. Информационная неопределённость всегда порождает фоновую тревожность. Человек чувствует: «что-то не так, но я не понимаю, что». Эта тревога ищет объект, к которому можно привязаться. И вот приходит сообщение – яркое, эмоциональное, часто пугающее или, наоборот, гневное. Например, «противник применяет запрещённые методы» или «наше командование продалось врагу». Такое сообщение не анализируется рассудком, а буквально «прилипает» к уже существующей тревоге. Эмоция (страх, гнев) передаётся от человека к человеку через мимику, жесты, интонации. В замкнутом воинском коллективе, где все находятся в одном помещении или на одном полигоне, этот процесс идёт молниеносно – за полчаса может сформироваться устойчивое паническое настроение или, наоборот, агрессивный угар. Мы все это видели в реальной жизни, когда непроверенная новость за вечер превращается в «общеизвестный факт». В армии, где дисциплина и так держит людей в напряжении, эмоциональное заражение особенно опасно. Оно не требует рациональных аргументов. Один испуганный голос, одно громкое высказывание – и вот уже вся рота считает, что их бросили на произвол судьбы.

Четвёртый механизм – когнитивное упрощение (эвристики). Это целый набор

коротких путей мышления [8]. Самые частые в военной среде – три. Эвристика доступности: военнослужащий оценивает вероятность события по тому, насколько легко он может вспомнить похожий случай. Если в памяти есть яркий пример жестокости определённой страны, любое новое сообщение о ней будет восприниматься в штыки. Эвристика репрезентативности: человек судит о новом объекте по его сходству с уже известным стереотипом. Например, политик носит такую же форму или говорит такими же фразами, как прежний «враг» – значит, он такой же. Эвристика привязки: первая информация, которую военнослужащий получил (например, о численности противника или о сроках операции), становится якорем. Даже если потом придут уточнения, он будет недооценивать их и переоценивать первый якорь. В боевой обстановке, когда спать приходится урывками, а решение надо принимать быстро, эти эвристики становятся доминирующим способом мышления. Они экономят энергию, но ведут к ошибкам и к формированию грубых, искажённых политических установок.

Мы предположили, что эти четыре механизма редко действуют поодиночке. Обычно они комбинируются, и их относительная сила зависит от двух ключевых факторов: (1) уровня информационной неопределённости (низкий или высокий) и (2) степени социальной сплочённости подразделения (низкая или высокая). Исходя из этого, мы построили двухфакторную модель. В первом квадранте (низкая неопределённость, высокая сплочённость) доминирует принятие групповых норм. Во втором (низкая неопределённость, низкая сплочённость) все механизмы ослаблены, человек полагается на личные факты – это безопасно, но редко бывает в армии. В третьем (высокая неопределённость, высокая сплочённость) главным становится ориентация на авторитет – самый управляемый и конструктивный вариант. В четвёртом (высокая неопределённость, низкая сплочённость) активируются эмоциональное заражение и эвристики – самый опасный сценарий, ведущий к хаотичным, часто деструктивным установкам. Задача офицеров-воспитателей и психологов – сдвигать реальное состояние подразделения из четвёртого квадранта в третий или первый, через снижение неопределённости (информирование) и повышение сплочённости (командообразование).

Методы

Исследование провели в первой половине 2025 года. Задействовали три воинские части: две из Росгвардии и одну из Минобороны. Все они находились в условиях частичной информационной изоляции – доступ к Интернету был ограничен, связь шла по закрытым каналам [9]. Такая обстановка, согласитесь, близка к реальной боевой.

Общая выборка – 180 человек. Только мужчины. Возраст от 19 до 42 лет, средний – 26,3 года. Стаж службы – от года до 18 лет. 78 офицеров, 102 контрактника (сержанты и солдаты). Срочников не брали, так как их психика и уровень информированности сильно отличаются, это отдельная тема.

Что мы измеряли? Во-первых, уровень информационной неопределённости. Создали авторскую шкалу из пяти вопросов. Пример вопроса: «Я часто сталкиваюсь с противоречивыми сообщениями о политических событиях, и не могу понять, где правда». Шкала от 1 до 7. Надёжность (альфа Кронбаха) получилась 0,84 – нормально.

Во-вторых, сплочённость подразделения. Взяли методику Сишора, адаптировали под воинские коллективы. Вопросы типа «Если бы у вас возникла проблема, обратились бы вы за помощью к сослуживцам?». Альфа 0,79.

В-третьих, выраженность четырёх механизмов. Для каждого механизма придумали по 4 утверждения. Например, для механизма «ориентация на авторитет»: «Когда я не понимаю политическую ситуацию, я полностью доверяю мнению моего командира». Ответы по 7-балльной шкале Лайкерта. Общая надёжность опросника 0,88, по субшкалам от 0,76 до 0,85 – приемлемо.

В-четвёртых, итоговые политические установки. Мы оценивали их направленность – от лояльности к официальной линии до критики. Использовали семантический дифференциал [13]: три пары прилагательных (например, «справедливая – несправедливая»). Альфа 0,82.

Статистику считали в SPSS 26. Применили описательные статистики, корреляцию Пирсона, множественный регрессионный анализ (пошаговый метод). Ничего экзотического.

Результаты

Средние значения по всей выборке составили: уровень информационной неопределённости – 4,2 балла из 7 (SD = 1,3), сплочённость подразделения – 3,8 из 7 (SD = 1,5). Выраженность механизмов: ориентация на авторитетный источник – 5,1 (SD = 1,2), принятие групповых норм – 4,7 (SD = 1,4), эмоциональное заражение – 3,9 (SD = 1,6), когнитивное упрощение – 4,3 (SD = 1,3) [7, 8]. Политические установки в среднем сдвинуты в сторону лояльности (5,2 из 7, SD = 1,4).

Корреляционный анализ (таблица 1) показал значимые положительные связи между уровнем неопределённости и выраженностью механизмов ориентации на авторитет ($r = 0,52$, $p < 0,01$), эмоционального заражения ($r = 0,41$, $p < 0,01$) и когнитивного упрощения ($r = 0,38$, $p < 0,01$). Сплочённость подразделения отрицательно коррелировала с эмоциональным заражением ($r = –0,45$, $p < 0,01$) и когнитивным упрощением ($r = –0,33$, $p < 0,05$), но положительно – с принятием групповых норм ($r = 0,48$, $p < 0,01$).

Таблица – Корреляции между переменными (N=180)

Table – Correlations between variables (N=180)

Переменная	1	2	3	4	5	6
1. Неопределённость	1					
2. Сплочённость	–0,12	1				
3. Ориентация на авторитет	0,52**	0,08	1			
4. Принятие групповых норм	0,09	0,48**	0,35*	1		
5. Эмоциональное заражение	0,41**	–0,45**	0,21	0,06	1	
6. Когнитивное упрощение	0,38**	–0,33*	0,29*	0,14	0,53**	1

Примечание: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Неопределённость сильно связана с ориентацией на авторитет (r=0,52), с эмоциональным заражением (r=0,41) и с когнитивным упрощением (r=0,38). То есть чем больше человек не понимает, что происходит, тем чаще он цепляется за мнение начальника, тем легче заражается эмоциями и тем больше упрощает мышление.

Сплочённость, наоборот, отрицательно коррелирует с эмоциональным заражением (r = -0,45) и с упрощением (r = -0,33). Зато положительно – с принятием групповых норм (r = 0,48). В дружном коллективе люди больше ориентируются на мнение сослуживцев и меньше подвержены панике и стереотипам.

Проверили нашу двухфакторную модель. Разбили выборку на четыре группы по медиане неопределённости и сплочённости. В группе с высокой неопределённостью и низкой сплочённостью (41 человек): самые высокие, средние по эмоциональному заражению (5,3) и когнитивному упрощению (5,1). В группе с высокой неопределённостью и высокой сплочённостью (47 человек) лидирует ориентация на авторитет (5,8). В группе с низкой неопределённостью и высокой сплочённостью (52 человека) – принятие групповых норм (5,4). Различия между группами достоверны (ANOVA, F от 12,4 до 18,7, $p < 0,01$).

Регрессионный анализ [7]. Зависимая переменная – лояльность политических установок. Независимые – четыре механизма. Модель получилась значимой. Самый большой вклад у ориентации на авторитет (бета=0,47, $p < 0,001$). Второй – принятие групповых норм (бета=0,31, $p < 0,01$). А вот эмоциональное заражение даёт отрицательный вклад (бета=-0,22, $p < 0,05$). То есть чем сильнее человек подвержен эмоциональному заражению, тем менее лояльны его установки. Модель объясняет 51 % дисперсии (R-квадрат = 0,51).

Обсуждение

Наши данные подтвердили, что теоретическая модель работает. Когда военнослужащий сталкивается с информационной неопределённостью, его психика ищет

выход. В сплочённых подразделениях этот выход – доверие к командиру. Это хорошо: установки формируются быстрые, лояльные, предсказуемые. Но есть и минус: если командир сам ошибается или дезинформирован, то вся рота получит искажённую картину [12].

В несплочённых подразделениях – беда. Там на первый план выходят эмоции и стереотипы. Люди начинают верить слухам, паниковать, ненавидеть «врага» без реальных оснований. Это прямой путь к снижению боеспособности. Поэтому офицеру-воспитателю важно не только информировать, но и работать над климатом в коллективе. Бесполезно читать лекции о политике в коллективе, где люди не доверяют друг другу [16].

Удивило, что принятие групповых норм оказалось связано со сплочённостью, но не с неопределённостью. То есть этот механизм – фон. Он работает всегда в стабильных коллективах, независимо от того, много информации или мало. А вот отрицательная связь эмоционального заражения с лояльностью – важный сигнал. Значит, те подразделения, где легко распространяются панические настроения, чаще скатываются к критике и недоверию.

Конечно, у нашего исследования есть ограничения. Мы не брали срочников. Мы опрашивали людей в относительно спокойной обстановке, а не под обстрелами. И самооценка – вещь коварная [9], человек может приукрашивать свою лояльность. Тем не менее, результаты достаточно убедительные.

Выводы

Итак, что мы выяснили в итоге. Информационная неопределённость реально запускает у военнослужащих особые психологические механизмы. Самые главные из них – доверие к авторитету, подстройка под группу, эмоциональное заражение и упрощённое мышление по шаблонам [17]. На цифрах видно: когда неопределённость высокая, а подразделение дружное, люди спасаются доверием к командиру – и их политические установки остаются лояльными и устойчивыми. А вот если подразделение разобщённое, при той же высокой неопределённости начинают править бал эмоции и примитивные стереотипы [18]. Тогда установки становятся стихийными, часто враждебными, непредсказуемыми. Регрессионный анализ подтвердил: лояльность растёт от доверия к начальству и от групповой нормы, а от эмоционального заражения – падает. Это практический вывод: нельзя недооценивать внутриколлективный климат [14]. Одних информчасов мало. Нужно одновременно сплачивать коллектив и укреплять авторитет командиров. Тогда даже в тумане слухов и фейков люди сохранят адекватную политическую позицию.

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Волощук Д. А. Информационно-психологическое противоборство: угрозы и меры защиты личного состава войск // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2026. 101–102 с.
3. Гузенко А. Ю. Информационно-психологическое воздействие сети «Интернет» на военнослужащих внутренних войск МВД России // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 322–324.
4. Глазунова. С. Н. Психологическое состояние военнослужащих / С. Н. Глазунова, Е. В. Шапорова // Молодой ученый. 2022. № 13.1 (408.1). С. 8–9.
5. Гончаров С. В. Автоматизация управления военно-политической работой в соединениях и воинских частях в боевой обстановке// Военная мысль. 2021. № 7. 108–109 с.
6. Икрамов Д. Б. Проблемы совершенствования системы социологического обеспечения управленческой деятельности вооруженных сил Российской Федерации в условиях активизации информационно-психологических угроз // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 17–19.
7. Ксенофонтов В. А. Социально-философские аспекты информационной безопасности // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2024. № 1 (281). С. 24–25.
8. Поминова О. Л. Система обучения способам распознавания и противодействия современным направлениям информационно-психологического воздействия на военнослужащих // МНКО. 2024. № 3 (106). 240 с.

9. Серкин Р. С. Военно-политическая работа как важнейшее направление работы с личным составом силовых структур российской федерации в условиях возрастания угроз национальной безопасности // Вестник науки и образования. 2025. № 6 (161). С. 3–12.
10. Канеман Д. Принятие решений в неопределённости: правила и предубеждения / Д. Канеман, А. Тверски. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
11. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер, 2011. 800 с.
12. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2008. 368 с.
14. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 317 с.
15. Филоненко Л. В. Технологии организации и проведения работы по информационной и психологической безопасности личности военнослужащих / Агапова Г. В., Прилепина Н. В. // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2024. № 29. 26 с.
16. Чалдини Р. Психология влияния. 5-е изд. СПб. : Питер, 2020. 336 с.
17. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 2022. 312 с.
18. Janis I.L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 276 p.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47 (2). P. 263–291.
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

References

1. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. M. : Aspekt Press, 2007. 363 s. (In Russ.).
2. Voloshchuk D. A. Information and Psychological Warfare: Threats and Measures to Protect Troops // Al'manah Permskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2026. 101–102 s. (In Russ.).
3. Guzenko A. YU. Information and Psychological Impact of the Internet on Military Personnel of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Molodoj uchenyj. 2016;7 (111): 322–324. (In Russ.).
4. Glazunova. S. N. Psychological state of military personnel / S. N. Glazunova, E. V. SHaporova // Molodoj uchenyj. 2022. № 13.1 (408.1). S. 8–9. (In Russ.).
5. Goncharov S. V. Avtomatizaciya upravleniya voenno-politicheskoj rabotoj v soedineniyah i voinskih chastyah v boevoj obstanovke// Voennaya mysl'. 2021. № 7. 108–109 s. (In Russ.).
6. Ikramov D. B. Problems of Improving the System of Sociological Support for the Management Activities of the Armed Forces of the Russian Federation in the Context of Increased Information and Psychological Threats // Akademicheskaya mysl'. 2022;4 (21): 17–19. (In Russ.).
7. Ksenofontov V. A. Social and Philosophical Aspects of Information Security // Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. 2024;1 (281): 24–25. (In Russ.).
8. Pominova O. L. System for teaching methods of recognizing and countering modern methods of information and psychological influence on military personnel // MNKO. 2024;3 (106). 240 s. (In Russ.).
9. Serkin R. S. Military and political work as the most important area of work with the personnel of the Russian Federation's security forces in the face of increasing threats to national security // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2025;6 (161): 3–12. (In Russ.).
10. Kaneman D. Prinyatie reshenij v neopredelyonnosti: pravila i predubezhdeniya / D. Kaneman, A. Tverski. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2005. 632 s. (In Russ.).
11. Majers D. Social'naya psihologiya. 7-e izd. SPb. : Piter, 2011. 800 s. (In Russ.).
12. Moskovichi S. Vek tolp: istoricheskij traktat po psihologii mass. M. : Centr psihologii i psihoterapii, 1998. 480 s. (In Russ.).
13. Stefanenko T. G. Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M. : Aspekt Press, 2008. 368 s. (In Russ.).
14. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. SPb. : YUventa, 1999. 317 s. (In Russ.).
15. Filonenko L. V. Technologies for organizing and conducting work on the information and psychological security of military personnel / Agapova G. V., Prilepina N. V. // Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika. 2024;29. 26 s. (In Russ.).

16. CHaldini R. Psihologiya vliyaniya. 5-e izd. SPb. : Piter, 2020. 336 s. (In Russ.).
17. SHestopal E.B. Politicheskaya psihologiya: uchebnik dlya vuzov. 6-e izd., pererab. i dop. M. : Aspekt Press, 2022. 312 s. (In Russ.).
18. Janis I.L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 276 p. (In Russ.).
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47 (2). P. 263–291. (In Russ.).
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026;
одобрена после рецензирования 12.06.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.04.2025;
approved after reviewing 12.06.2025;
accepted for publication 18.06.2026.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК УДК 37(091):001.89

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Владимир Дмитриевич Волков
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
volkov6688@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3799-0904

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу характерных особенностей развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации в советский (1977–1991 гг.) и российский (1992–2025 гг.) периоды. В основу исследования положены системный и науковедческий подходы, метод периодизации, библиометрический анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод. Эмпирической базой послужили 294 диссертации и автореферата по педагогическим проблемам внутренних войск и Росгвардии, защищенные с 1977 по 2025 гг.

Выделяются и описываются характерные особенности каждого периода. Установлено, что советский период отличается малым числом исследований, их закрытостью и сосредоточением на проблемах воспитания и профессиональной подготовки. Для российского периода характерны: резкий рост количества диссертационных исследований, открытый характер диссертационных исследований, появление новых тематических направлений (история педагогики, педагогическое обеспечение служебно-боевой деятельности и т. д.). Значительное внимание уделяется сохраняющейся нехватке докторских диссертаций и единичным случаям лишения ученой степени кандидата педагогических наук из-за некорректных заимствований.

Автор приходит к выводу, что полученные результаты могут применяться для корректировки дальнейшего развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: характерные особенности развития педагогической науки, история развития педагогической науки, диссертационные исследования, внутренние войска, войска национальной гвардии Российской Федерации

Для цитирования: Волков В.Д. Характерные особенности периодов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере диссертационных исследований) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 166–177. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/018.pdf.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE PERIODS OF PEDAGOGICAL SCIENCE DEVELOPMENT IN THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF DISSERTATION RESEARCH

Vladimir D. Volkov
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
volkov6688@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3799-0904

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the specific features of the pedagogical

science development in the National Guard troops of the Russian Federation during the Soviet (1977–1991) and Russian (1992–2025) periods. The study is based on a systematic and scientific approach, the method of periodization, bibliometric analysis, content analysis, and the comparative-historical method. The empirical base included 294 dissertations and synopsis of a thesis on pedagogical issues of the Internal Troops and the Rosgvardiya, defended between 1977 and 2025.

The characteristic features of each period are identified and described. It is established that the Soviet period is characterized by a small number of studies, their closeness and focus on the problems of education and professional training. The Russian period is characterized by a sharp increase in the number of dissertation studies, the open nature of dissertation studies, and the emergence of new thematic areas (history of pedagogy, pedagogical support of service and combat activities, etc.). Considerable attention is paid to the continuing shortages of doctoral dissertations and the isolated cases of deprivation of an academic degree of Candidate of Pedagogical Sciences due to incorrect borrowing.

The author concludes that the obtained results can be used to adjust the further of pedagogical science development in the National Guard troops of the Russian Federation.

Keywords: characteristic features of the pedagogical science development, history of the pedagogical science development, dissertation research, internal troops, National Guard Troops of the Russian Federation

For citation: Volkov V.D Characteristic features of the periods of pedagogical science development in the national guard troops of the Russian Federation (on the example of dissertation research). Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(35):166–177. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/018.pdf.

© Волков В.Д., 2026

Введение

Актуальность. За полвека, прошедших с 1977 г., во внутренних войсках и Росгвардии накопилось почти 300 диссертаций, затрагивающих разные стороны педагогической деятельности. Этот массив диссертационных исследований давно перерос чисто историографический интерес и превратился в эмпирическую базу. Без анализа которой невозможно определить дальнейшие приоритеты развития ведомственной педагогики. Особую остроту вопросу придает то, что в 2016 году войска были серьезно реорганизованы, по сути, они стали самостоятельной федеральной службой. А в 2024 г. на базе Академии войск национальной гвардии был создан научно-исследовательский центр, в состав которого входит докторантура. Эти события актуализируют потребность в объективной оценке развития педагогической науки, а также в выявлении и устранении различных диспропорций как в отношении достаточно разработанных, так и в отношении дефицитных направлений педагогического поиска. Поскольку обнаружить подобные перекосы невозможно без определения характерных особенностей периодов развития педагогической науки, данное исследование приобретает практико-ориентированный характер для совершенствования научной политики в войсках.

Изученность проблемы. Вопросы, связанные с анализом большого количества диссертационных исследований и выявлением закономерностей развития научного знания на протяжении последних десятилетий, привлекают внимание представителей разных отраслей науки. В педагогической науке на уровне диссертационных исследований данные вопросы изучали Н. И. Загузов и Ф. И. Валиева [1; 2]. Кроме того, данной тематике посвящено множество научных публикаций. Так анализом педагогических диссертаций и вопросами историко-педагогических исследований занимались: И. А. Алехин и В. П Иванов; В. Д. Волков; А. Н. Джуринский; Д. Е. Кузнецов; В. И. и Л. В. Смирновы; Н. Н. Суртаева; Ф. Т. Шагеева, А. П. и Т. Г. Шарухины; В. А. Юматов и др. [3] – [11].

Серьезное внимание анализу диссертационных исследований уделялось и в других науках. В частности, данной проблематикой занимались: С. С. Алексанин, В. И. Евдокимов и В. Ю. Рыбников; А. Я. Анцупов и С. Л. Прошанов; В. Н. Баранов и

Б. Н. Шустин; Е. Б. Весна и А. А. Реан; К. С. Дивисенко и Б. Е. Винер; А. А. Дорская; М. А. Пискунов; Е. Э. Попова; В. С. Прядеин; В. С. Садовская и В. А. Ремизов; О. В. Тиунова и др. [12–22].

Интерес к анализу педагогических диссертаций характерен не только для отечественной науки, но и для международного научного сообщества. Об этом свидетельствует проведение подобных исследований турецкими учеными [23; 24].

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на основе обширного эмпирического материала выявлены характерные особенности периодов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Цель исследования заключается в проведении систематизации и наукометрического анализа 294 диссертационных исследований для определения характерных особенностей периодов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Для достижения цели предполагалось решить следующие *задачи:*

1) обосновать методологический инструментарий исследования;

2) выявить и описать характерные особенности периодов развития педагогической науки в войсках.

Теоретическая значимость работы состоит в насыщении истории педагогики систематизированным знанием о характерных особенностях советского и российского периодов развития педагогической науки во внутренних войсках и Росгвардии, что позволяет восполнить имеющиеся пробелы и создать более полную картину генезиса исследовательских интересов в области педагогического знания.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов: при выборе тем новых диссертационных исследований по педагогике, в процессе подготовки кадров высшей квалификации и при корректировке научной политики в войсках.

Основная часть

Методология. Методологическую основу работы составили системный и науковедческий подходы. Благодаря системному подходу получилось рассмотреть всю совокупность диссертаций, как целостный информационный объект, элементы которого (диссертации) взаимосвязаны и отражают общие закономерности развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Науковедческий подход в свою очередь обеспечил применение специфических методов количественного и качественного анализа всего массива рассматриваемых диссертационных исследований.

Эмпирическую базу работы составили данные из 294 диссертаций и авторефератов, посвященных педагогическим проблемам во внутренних войсках и Росгвардии, защищенных в период с 1977 по 2025 гг. В процессе обработки данных применялся комплекс методов, включающий:

- метод периодизации – для выявления хронологических рамок исследования и определения периодов и этапов развития педагогической науки;
- библиометрический анализ, который использовался для количественной оценки динамики защит диссертаций и расчета индекса интенсивности диссертационных исследований по педагогике, проведенных во внутренних войсках и Росгвардии. Данный индекс представляет собой отношение числа защищенных диссертаций к продолжительности временного периода в годах [25];
- контент анализ – для определения тематической направленности диссертаций и их распределению по общепедагогическим проблемам;
- сравнительно-исторический метод, который был необходим для сопоставления советского и российского периодов и выявления характерных особенностей каждого из них.

Достоверность полученных результатов обеспечивается сплошным характером выборки и применением объективных количественных показателей.

Результаты. Развитие педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации подразделяется на два периода: советский (1977 –1991 гг.) и

российский (1992 – 2025 гг.). Российский период в свою очередь включает в себя: этап развития педагогической науки во внутренних войсках МВД России (1992 – 2016 гг.) и этап развития педагогической науки в Росгвардии (2017 – 2025 гг.) [4]. Каждый из периодов обладает характерными особенностями, которые буду рассмотрены ниже.

Советский период по праву считается временем зарождения и становления педагогической науки во внутренних войсках МВД СССР. Его специфику определяет целый ряд взаимосвязанных факторов от макрополитических условий до незначительной доли научно-педагогических кадров, имевших ученую степень кандидата или доктора педагогических наук.

Для советского периода характерна крайне низкая интенсивность исследований. За 15 лет было защищено всего 11 диссертаций, что составляет 3,7 % от общего количества диссертаций (294 работы) с 1977 по 2025 гг. Еще одна характерная особенность советского периода заключается в том, что большинство проведенных диссертационных исследований (9 из 11) были с ограничительной пометкой «для служебного пользования», что делало их недоступными для широкой аудитории (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика защит диссертационных исследований

Table 1 – Dynamics of Dissertation Research Defenses

Периоды	Годы	Количество диссертаций	Индекс интенсивности	Для служебного пользования		
				Количество диссертаций	%	Индекс интенсивности
Советский период	1977 – 1991	11	0,73	9	81,8 %	0,6
Российский период	1992 – 2025	283	8,32	15	5,3 %	0,44
Этап развития педагогической науки во ВВ МВД России	1992-2016	214	8,56	15	7 %	0,6
Этап развития педагогической науки в Росгвардии	2017-2025	69	7,67	-	-	-
ВСЕГО	*1977 – 2025*	*294*	6	*24*	*8,1 6%*	*0,49*

В ходе проведения анализа распределения диссертаций по общепедагогическим проблемам в советском периоде было выявлено, что все исследования посвящены проблемам воспитания и профессиональной подготовки, кроме одного, которое относится к вопросам обучения. При этом полностью отсутствовали диссертации по истории педагогики, педагогическому обеспечению служебно-боевой деятельности, проблемам развития личности и профессионализма военнослужащих, а также педагогических кадров в системе военного образования (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение диссертаций по общепедагогическим проблемам в советском периоде

Table 2 – Distribution of dissertations on general pedagogical issues in the Soviet period

Год	Воспитание	Обучение	Развитие	Профессиональная подготовка	Педагогическое обеспечение	История	Количество диссертационных исследований
1977	-	-	-	1	-	-	1
1978	-	-	-	-	-	-	-
1979	-	-	-	1	-	-	1
1980	-	-	-	-	-	-	-
1981	-	-	-	-	-	-	-
1982	1	-	-	-	-	-	1
1983	-	-	-	-	-	-	-
1984	-	-	-	-	-	-	-
1985	1	-	-	-	-	-	1
1986	1	-	-	-	-	-	1
1987	-	1	-	1	-	-	2
1988	1	-	-	-	-	-	1
1989	-	-	-	1	-	-	1
1990	-	-	-	-	-	-	-
1991	1	-	-	1	-	-	2
Всего во внутренних войсках МВД СССР	5	1	-	5	-	-	11
%	45,5 %	9 %	-	45,5 %	-	-	100 %
Индекс интенсивности диссертационных исследований	0,33	0,07	-	0,33	-	-	0,73

Примечательным является тот факт, что в советском периоде было проведено единственное диссертационное исследование, посвященное образовательному процессу с сотрудниками. Тема диссертации звучала: «Воспитание политической культуры у слушателей училища – будущих политработников органов внутренних дел». Автором данной работы был Стремоухов Алексей Васильевич, в дальнейшем почетный работник высшего профессионального образования, доктор юридических наук, профессор. Защита данной диссертации состоялась 22 января 1986 г. в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова.

С распадом СССР начинается российский период развития педагогической науки. Он характеризуется существенными трансформациями практически по всем параметрам. Эти изменения были обусловлены как сменой государственного строя и упразднением идеологии, так и новыми вызовами, с которыми пришлось столкнуться государству и войскам.

Наиболее значимая особенность заключается в резком увеличении общего количества диссертационных исследований (таблица 1). За 34 года российского периода было защищено 283 диссертации, индекс интенсивности диссертационных исследований по педагогике, проведенных во внутренних войсках и Росгвардии достигает 8,32, что более чем в 11 раз превышает этот показатель в советском периоде. Даже с учетом некоторого снижения на этапе

развития педагогической науки в Росгвардии, где индекс интенсивности составляет 7,67, общая динамика остается положительной. Такой рост объясняется: острой необходимостью научного осмысления и решения педагогических проблем, с которыми столкнулись войска, технологическим развитием (появление интернета, масштабное внедрение и использование персональных электронно-вычислительных машин и т. д.), началом самостоятельной подготовки кадров высшей квалификации (открытие диссертационных советов, факультетов подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, адъюнктур, докторантуры, научно-исследовательского центра и т. д.), появлением собственных научных школ. Прежде всего это научные школы В. Я. Слепова [26], А. П. Шарухина [27] и др.

В отличие от советского периода практика присвоения диссертациям ограничительной пометки «для служебного пользования» не была массовой и носила эпизодический характер. Всего в российском периоде с такой пометкой было 15 диссертаций. Их защиты состоялись на этапе развития педагогической науки во внутренних войсках МВД России в 2004 г. и с 2010 по 2014 гг. Все прочие диссертации легко доступны для широкого круга лиц. Это стало возможным со вступлением в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» в котором не предусмотрена возможность защиты диссертаций «для служебного пользования», поскольку такие диссертационные исследования не содержат государственную тайну. Исходя из этого, у организаций, на базе которых действуют диссертационные советы, отсутствуют правовые основания для ограничения публикации в сети Интернет текстов диссертаций и авторефератов со ссылкой на пометку «для служебного пользования».

Следующей важной характерной особенностью российского периода стало появление исследований, посвященных трем важным общепедагогическим проблемам: истории педагогики; педагогическому обеспечению служебно-боевой деятельности; проблемам развития личности и профессионализма военнослужащих, а также педагогических кадров в системе военного образования. Их совокупная доля превысила 12 % от общего количества диссертационных исследований, проведенных в российском периоде. Наибольший рост, равный 7,42 %, показали исследования, посвященные педагогическому обеспечению служебно-боевой деятельности, особенно увеличившие свою долю на этапе развития педагогической науки в Росгвардии (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение диссертаций по общепедагогическим проблемам в российском периоде

Table 3 – Distribution of Dissertations on General Pedagogical Issues in the Russian Period

Год	Воспитание	Обучение	Развитие	Профессиональная подготовка	Педагогическое обеспечение	История	Количество диссертационных исследований
Этап развития педагогической науки во ВВ МВД России							
1992	1	-	-	-	-	-	1
1993	-	-	-	-	-	-	-
1994	1	-	-	1	-	-	2
1995	-	1	-	1	-	-	2
1996	3	1	-	2	-	-	6
1997	-	2	-	3	-	-	5
1998	3	-	1	3	-	-	7
1999	3	-	-	2	-	-	5
2000	4	2	-	1	-	1	8
2001	5	-	-	1	-	-	6
2002	3	2	1	4	-	-	10
2003	2	1	1	1	-	-	5

2004	3	2	-	2	1	-	8
2005	5	1	1	2	-	-	9
2006	8	2	-	3	1	-	14
2007	8	1	-	2	-	1	12
2008	3	1	-	-	1	-	5
2009	1	-	-	2	-	-	3
2010	3	1	1	-	1	-	6
2011	4	3	-	1	2	-	10
2012	4	2	-	5	-	1	12
2013	9	6	1	10	2	2	30
2014	3	3	0	4	2	0	12
2015	10	8	0	3	3	1	25
2016	6	3	0	2	0	0	11
Всего во внутренних войсках МВД России	92	42	6	55	13	6	214
%	42,99 %	19,6 3 %	2,80 %	25,70 %	6,07 %	2,80 %	-
Индекс интенсивности диссертационных исследований	3,68	1,68	0,24	2,20	0,52	0,24	8,56
Этап развития педагогической науки в Росгвардии							
2017	3	-	1	2	-	-	6
2018	4	4	-	-	1	-	9
2019	8	4	-	2	2	1	17
2020	2	3	-	1	-	-	6
2021	4	-	-	1	-	-	5
2022	3	-	-	1	2	-	6
2023	3	1	-	-	-	-	4
2024	1	1	-	1	2	-	5
2025	5	1	-	4	1	-	11
Всего в Росгвардии	33	14	1	12	8	1	69
%	47,83 %	20,2 9 %	1,45 %	17,39 %	11,59 %	1,45 %	-
Индекс интенсивности диссертационных исследований	3,67	1,56	0,11	1,33	0,89	0,11	7,67
ИТОГО ЗА ПЕРИОД	125	56	7	67	21	7	283
%	44,17%	19,8%	2,47 %	23,67%	7,42 %	2,47 %	-
Индекс интенсивности диссертационных исследований	3,68	1,65	0,21	1,97	0,62	0,21	8,32

Докторские диссертации в любой области знания играют ключевую роль. В советском периоде удалось защитить лишь одно такое исследование, что соответствует индексу интенсивности 0,07 (таблица 4). Эта защита, состоявшаяся в последние дни 1991 г., фактически подвела итог процессу становления и развития педагогической науки во ВВ МВД СССР. В последующие десятилетия (с 1992–2025 гг.) картина немного поменялась: число докторских исследований увеличилось на шесть единиц. Пять из них появились на

этапе развития педагогической науки во ВВ МВД России. Еще одно исследование было проведено уже после, того, как создали Росгвардию. В результате индекс интенсивности в российском периоде стал 0,18, что превысило советский показатель в 2,5 раза.

Таблица 4 – Динамика защит докторских диссертаций

Table 4 – Dynamics of Doctoral Thesis Defenses

<table>
<tr><td rowspan="2">Периоды (этапы)</td><td rowspan="2">Советский период (1977–1991 гг.)</td><td colspan="6">Российский период (1992-2025 гг.)</td></tr>
<tr><td colspan="5">Этап развития педагогической науки во ВВ МВД России (1992–2016 гг.)</td><td>Этап развития педагогической науки в Росгвардии (2017–2025 гг.)</td></tr>
<tr><td>Год</td><td>1991</td><td>2002</td><td>2006</td><td>2007</td><td>2012</td><td>2013</td><td>2025</td></tr>
<tr><td>Количество диссертаций</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Индекс интенсивности диссертационных исследований</td><td rowspan="2">0,07</td><td colspan="5">0,20</td><td>0,11</td></tr>
<tr><td colspan="6">0,18</td></tr>
<tr><td colspan="7">0,14</td></tr>
</table>

Своеобразной чертой, присущей исключительно российскому периоду, стали единичные случаи (менее 1 % от всех диссертаций) лишения ученой степени кандидата педагогических наук. В 2021 г. Э. Х. Карсанов был лишен и ученой степени, и ученого звания доцента, а в 2026 г. завершилось второе разбирательство – в отношении П. А. Солдатова, процедура лишения по которому была начата еще в 2025 году. Основанием для лишения послужили выявленные в их диссертациях факты некорректных заимствований.

Еще одной присущей российскому периоду особенностью стало наличие исследований, посвященных тематике кадетского образования. Всего было проведено два диссертационных исследования. Защита первой диссертации состоялась в 2016 г., а второй – только в 2025 г. Суммарно за весь российский период кадетская проблематика охватила менее одного процента от общего числа защищенных диссертаций. Вместе с тем сам факт появления таких единичных исследований, безусловно, свидетельствует о расширении тематического поля педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ двух периодов выявил существенные различия в характере развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Советский период отличался закрытостью, малочисленностью и узкой направленностью тематик исследований, однако была защищена диссертация, посвященная образовательному процессу с сотрудниками, значимость которой возросла уже на современном этапе развития педагогической науки. В российский период на смену закрытости пришла широкая публичность исследований, резко увеличилось количество защит, расширился круг изучаемых проблем, включая кадетское образование, появились прецеденты лишения ученой степени «кандидат педагогических наук» из-за некорректных заимствований. При этом, несмотря на рост докторских диссертаций, их доля в общем массиве диссертаций осталась крайне низкой.

Список источников

1. Загузов Н. И. Становление и развитие квалификационных научных работ по педагогике в России (1934–1997 гг.): дис. … д-ра. пед. наук: 13.00.01 / Загузов Николай Иванович. М., 1998. 339 с.

2. Валиева Ф. И. Развитие педагогической науки в Санкт-Петербургском государственном университете в период с 1945 по 1990 гг.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Валиева Фатима Ивановна. СПб, 1996. 282 с.

3. Алехин И. А. Методологические основы историко-педагогического исследования / И. А. Алехин, В. П. Иванов // Известия Российской академии образования. 2013. № 4 (28). С. 49–55.

4. Волков В. Д. Периодизация развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере диссертационных исследований) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1 (74). С. 518–524. DOI: https://doi.org/10.25683/VOLBI.2026.74.1566.

5. Джуринский А. Н. Тенденции развития и проблемы историко-педагогической науки // Педагогика. 2011. № 7. С. 79–83.

6. Кузнецов Д. Е. История и результаты деятельности первого в войсках национальной гвардии Российской Федерации диссертационного совета по педагогике Д 203.037.01 // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 140–149.

7. Смирнов В. И. Основания периодизации в историко-педагогическом исследовании / В. И. Смирнов, Л. В. Смирнова // Историко-педагогический журнал. 2012. № 3. С. 33–42.

8. Суртаева Н. Н. О научных методах в педагогических исследованиях. Проблемы практической реализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 216. С. 9–20.

9. Шагеева Ф. Т. Диссертационные исследования по методологии и технологии профессионального образования: тенденции, проблемы, решения // Управление устойчивым развитием. 2025. № 6 (61). С. 81–88.

10. Шарухин А. П. Методологические основания исследования истории педагогики Росгвардии / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник НЦБЖД. 2022. № 3 (53). С. 51–58.

11. Юматов В. А. Историко-педагогический анализ научных исследований профессиональной подготовки офицерских кадров внутренних войск МВД России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–3. С. 96–99.

12. Алексанин С. С. Анализ диссертационных работ, защищённых в диссертационных советах при Всероссийском центре экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (1998–2013 гг.) : научное издание / С. С. Алексанин, В. И. Евдокимов, В. Ю. Рыбников. СПб. : Политехника сервис, 2014. 254 с.

13. Анцупов А. Я. История отечественной конфликтологии. Указатель 1991 диссертации / А. Я. Анцупов, С. Л. Прошанов: учебное пособие. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. 384 с.

14. Баранов В. Н. Анализ диссертаций в области спорта высших достижений и подготовки спортивного резерва / В. Н. Баранов, Б. Н. Шустин // Вестник спортивной науки. 2019. № 1. С. 4–9.

15. Весна Е. Б. Современные тенденции, проблемы и перспективы диссертационных исследований по психологии в России / Е. Б. Весна, А. А. Реан // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5, № 3. С. 319–344.

16. Дивисенко К. С. Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016) / К. С. Дивиченко, Б. Е. Винер // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 4. С. 156–187.

17. Дорская А. А. Тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе (анализ диссертационных исследований 2012–2022 гг.) // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 106–113.

18. Пискунов М. А. Систематизация массива диссертаций по отдельной научной специальности на основе периодизации защит и контент-анализа названий. (Часть 1) // Научные и технические библиотеки. 2023. № 5. С. 39–57.

19. Попова Е. Э. Состояние науки уголовно-исполнительного права: взгляд изнутри (на примере анализа диссертационных исследований за 2014–2024 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 8 (267). С. 41–49.

20. Прядеин В. С. О некоторых дискуссионных методологических (науковедческих) вопросах исторических исследований // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина : материалы в 2-х томах. Том 1. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 134–143.

21. Садовская В. С. Новизна диссертационных исследований в гуманитарных науках: современные тенденции и критерии оценки / В. С. Садовская, В. А. Ремизов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1 (33). С. 126-132.

22. Тиунова О. В. Анализ тематик диссертационных исследований как метод выявления основных тенденций развития спортивной науки // День спортивной информатики: материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. М. : ФГБУ «Федеральный центр подготовки спортивного резерва», 2022. С. 196–198.

23. Çabuk C., Özyürek C. Analysis of Theses Related to the Conceptual Change Approach in Education: Between 2014–2024 // International E-Journal of Educational Studies. 2025. Vol. 9 (21). P. 323–337. DOI: https://doi.org/10.31458/iejes.1737137.

24. Yağan S.A., Çubukçu Z. The content analysis of doctoral dissertations completed in the field of Ccurriculum and instruction (2006–2017) // Hacettepe University Journal of Education. 2021. Vol. 36 (1). P. 157–176. DOI: https://doi.org/10.16986/HUJE.2019056622.

25. Волков В. Д. Формирование понятия «Индекс интенсивности диссертационных исследований по педагогике, проведенных во внутренних войсках и Росгвардии» // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: ООО «Издательский дом "Среда"», 2026. С. 202-204. DOI: https://doi.org/10.31483/r-153387.

26. Кузнецов Д. Е. Первая научная школа по педагогике в российских войсках правопорядка: история создания, этапы развития, результаты деятельности (к 100-летнему юбилею профессора Слепова Владимира Яковлевича) // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1 (23). С. 135–145.

27. Бабичев А. М. Жизненный путь и Педагогическое наследие профессора А.П. Шарухина (к 70-летию) : служение Отечеству, науке и образованию [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал : Электрон. журн. 2026. № 1 (163). URL: https://research-journal.org/archive/1-163-2026-january/10.60797/IRJ.2026.163.48 (дата обращения: 17.04.2026).

References

1. Zaguzov N. I. Stanovlenie i razvitie kvalifikacionnyh nauchnyh rabot po pedagogike v Rossii (1934 – 1997 gg.): dis. … d-ra. ped. nauk: 13.00.01 / Zaguzov Nikolaj Ivanovich. M., 1998. 339 s. (In Russ.).

2. Valieva F. I. Razvitie pedagogicheskoj nauki v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete v period s 1945 po 1990 gg.: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Valieva Fatima Ivanovna. SPb, 1996. 282 s. (In Russ.).

3. Alekhin I. A. Methodological Basis of Historical and Pedagogical Research / I. A. Alekhin, V. P. Ivanov // Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2013; 4 (28): 49–55. (In Russ.).

4. Volkov V. D. Periodization of the development of pedagogical science in the National Guard Troops of the Russian Federation (on the example of dissertation research) // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2026; 1 (74): 518–524. Available from: https://doi.org/10.25683/VOLBI.2026.74.1566. (In Russ.).

5. Dzhurinsky A. N. Trends in the Development and Problems of Historical and Pedagogical Science // Pedagogika. 2011; 7: 79–83. (In Russ.).

6. Kuznetsov D. E. History and Results Activitiesof the First Pedagogical Dissertation Council on Pedagogy in the National Guard Troops of the Russian Federation D 203.037.01 // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024; 3 (28): 140–149. (In Russ.).

7. Smirnov V. I. Basis of Period in Historical Pedagogical Studies / V. I. Smirnov, L. V. Smirnova // Istoriko-pedagogicheskij zhurnal. 2012; 3: 33–42. (In Russ.).

8. Surtaeva N. N. Research Methods in Pedagogical Studies: Problems of Practical Implementation // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2025; 216: 9–20. (In Russ.).

9. Shageeva F. T. Dissertation Research on Methodology and Technology of Professional Education: Trends, Problems, and Solutions // Upravlenie ustojchivym razvitiem. 2025; 6 (61): 81–88 (In Russ.).

10. Sharukhin A. P. Methodological Methodological Grounds for Studying the Rosgvardia Pedagogy History / A. P. Sharukhin, T. G. Sharukhina // Vestnik NCBZHD. 2022; 3 (53): 51–58. (In Russ.).

11. Yumatov V. A. Historical-pedagogical analysis of studying the professional training of officer cadres of internal troops of Russia // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011; 2–3: 96–99. (In Russ.).

12. Aleksanin S. S. Analiz dissertacionnyh rabot, zashchishchyonnyh v dissertacionnyh sovetah pri Vserossijskom centre ehkstrennoj i radiacionnoj mediciny im. A. M. Nikiforova MCHS Rossii (1998–2013 gg.) : nauchnoe izdanie / S. S. Aleksanin, V. I. Evdokimov, V. Yu. Rybnikov. SPb. : Politehnika servis, 2014. 254 s. (In Russ.).

13. Ancupov A. Ya. Istoriya otechestvennoj konfliktologii. Ukazatel' 1991 dissertacii / A. Ya. Ancupov, S. L. Proshanov: uchebnoe posobie. M. : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Prospekt», 2024. 384 s. (In Russ.).

14. Baranov V. N. Analysis of Dissertations in the Field of Elite Sport and Training of a Sports Reserve / V. N. Baranov, B. N. Shustin // Vestnik sportivnoj nauki. 2019; 1: 4–9. (In Russ.).

15. Vesna E. B. Dissertations in Psychology in Russia: Current Trends, Problems and Prospects / E. B. Vesna, A. A. Rean // Psihologiya cheloveka v obrazovanii. 2023. Vol. 5; 3: 319-344. (In Russ.).

16. Divisenko K. S. The Periodization of Soviet and Post-Soviet Ethnology Based on Dissertation Topics (1934–2016) / K. S. Divichenko, B. E. Viner // Mir Rossii. Sociologiya. Ehtnologiya. 2021. Vol. 30; 4: 156–187. (In Russ.).

17. Dorskaya A. A. Tendencii razvitiya istoriko-pravovoj nauki v Rossii na sovremennom ehtape (analiz dissertacionnyh issledovanij 2012–2022 gg.) // Istoriko-pravovaya nauka v usloviyah sovremennyh social'nyh transformacij: sbornik nauchnyh statej po itogam Vserossijskogo foruma istorikov prava. Saratov: Izdatel'stvo "Saratovskij istochnik", 2022. S. 106–113. (In Russ.).

18. Piskunov M. A. Systematizing the array of dissertations in individual discipline based on chronologizing of Ph.D. defenses and title content-analysis (Part 1) // Nauchnye i tehnicheskie biblioteki. 2023; 5: 39–57. (In Russ.).

19. Popova E. E. The State of the Science of Penal Law: A View from the Inside (Based on the Analysis of Dissertation Researches for the Period of 2014–2024) // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2024; 8 (267): 41–49. (In Russ.).

20. Pryadein V. S. O nekotoryh diskussionnyh metodologicheskih (naukovedcheskih) voprosah istoricheskih issledovanij // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya : Industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII-XXI vv. : HII Vserossijskaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskih nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina: Materialy v 2-h tomah. Tom 1. Ekaterinburg: Izd-vo UMC UPI, 2014. S. 134–143. (In Russ.).

21. Sadovskaya V. S. The Novelty of Dissertation Research in the Humanities: Current Trends and Evaluation Criteria / V. S. Sadovskaya, V. A. Remizov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2010; 1 (33): 126–132. (In Russ.).

22. Tiunova O. V. Analiz tematik dissertacionnyh issledovanij kak metod vyyavleniya osnovnyh tendencij razvitiya sportivnoj nauki // Den' sportivnoj informatiki: materialy V Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno- prakticheskoj konferencii. M. : FGBU «Federal'nyj centr podgotovki sportivnogo rezerva», 2022. S. 196–198. (In Russ.).

23. Çabuk C.,`Özyürek C. Analysis of Theses Related to the Conceptual Change Approach in Education: Between 2014–2024 // International E-Journal of Educational Studies. 2025; 9 (21): 323–337. Available from: https://doi.org/10.31458/iejes.1737137.

24. Yağan S.A., Çubukçu Z. The content analysis of doctoral dissertations completed in the field of Ccurriculum and instruction (2006–2017) // Hacettepe University Journal of Education. 2021; 36 (1): 157–176. Available from: https://doi.org/10.16986/HUJE.2019056622.

25. Volkov V.D. Formirovanie ponyatiya «Indeks intensivnosti dissertacionnyh issledovanij po pedagogike, provedennyh vo vnutrennih vojskah i Rosgvardii» // Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i social'nyh nauk: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Cheboksary: OOO «Izdatel'skij dom "Sreda"», 2026. S. 202–204. Available from:

https://doi.org/10.31483/r-153387. (In Russ.).

26. Kuznetsov D. E. The First Scientific School on Pedagogy in the Russian Law Enforcement Forces: History of Creation, Stages of Development, Results of Activity (on the 100th Anniversary of Professor Vladimir Yakovlevich Slepov) // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2025; 1 (23): 135–145. (In Russ.).

27. Babichev A. M. The Life and Pedagogical Legacy of Professor A. P. Sharukhin (on his 70th Birthday): Service to the Fatherland, Science and Education [Electronic Resource] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2026; 1 (163). Available from: https://research-journal.org/archive/1-163- 2026-january/10.60797/IRJ.2026.163.48 (Accessed: 17.04.2026).

Статья поступила в редакцию 15.05.2026;
одобрена после рецензирования 17.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 15.05.2026;
approved after reviewing 17.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 378

УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СЛЕПОВА В. Я. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВОЙСКАХ ПРАВОПОРЯДКА

Денис Евгеньевич Кузнецов
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
goodjobman@inbox.ru

Аннотация. За прожитый век Слепову Владимиру Яковлевичу удалось оставить после себя солидное научное наследие, выраженное в опубликованных научных работах, реализованных проектах, введенных традициях, устоях и ритуалах, однако основополагающим стержнем итога его научного пути по праву следует считать целый «батальон» воспитанных им учеников и последователей, которые продолжают с гордостью нести идеи и заветы своего учителя, олицетворяя собой развитие педагогической науки войск правопорядка. В данном исследовании, на основе обобщения авторефератов и диссертаций учеников и последователей Слепова В. Я., определено общее число ученых, научным руководителем которых де-юре выступал Слепов В. Я., проанализированы их служебный и научный пути, отмечены успехи и достижения в профессиональной деятельности. Выявлены закономерности и особенности в характере научного руководства Слепова В. Я. Также анализировались диссертационные исследования, в которых Слепов В. Я. выступал в качестве официального оппонента.

Ключевые слова: научное наследие, войска правопорядка, Росгвардия, Академия войск национальной гвардии, коллектив ученых, В. Я. Кикоть

Для цитирования: Кузнецов Д.Е. Ученики и последователи Слепова В. Я. в контексте истории развития педагогической науки в войсках правопорядка // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 178–186. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/019.pdf

Original article

STUDENTS AND FOLLOWERS OF V. YA. SLEPOV IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL SCIENCE IN THE LAW ENFORCEMENT FORCES

Denis E. Kuznetsov
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
goodjobman@inbox.ru

Abstract. Over the course of his life, Vladimir Yakovlevich Slepov left behind a solid scientific legacy, expressed in published research papers, implemented projects, and established traditionsd, foundations, and rituals. However, the fundamental core of his scientific career should rightfully be considered the entire «battalion» of students and followers he mentored, who continue to proudly carry on the ideas and legacy of their teacher, embodying the development of pedagogical science in law enforcement. This study, based on a summary of the abstracts and dissertations of V. Ya. Slepov's students and followers, reliably determines the total number of scientists whose de jure academic mentor V. Ya. Slepov served as their academic mentor, analyzes their careers and academic paths, and highlights their successes and achievements in their professional activities. Patterns and characteristics in the nature of V. Ya. Slepov's academic mentorship are identified. Dissertation research in which V. Ya. Slepov contributed is also analyzed. acted as an official opponent.

Keywords: scientific heritage, law enforcement forces, the Russian National Guard, the Academy of the National Guard Troops, a team of scientists, V. Ya. Kikot'

For citation: Kuznetsov D.E. Students and followers of V. Ya. Slepov in the context of the history of the development of pedagogical science in the law enforcement forces. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 178–186. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/019.pdf

© Кузнецов Д. Е., 2026

Введение

6 июня 2025 года прервалась жизнь главного научного сотрудника научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, участника Великой Отечественной войны [1], полковника в отставке, доктора педагогических наук, профессора Слепова Владимира Яковлевича – патриарха отечественной военной педагогики, одного из отцов основателей современной военной педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации, в 2025 году отметившего столетний юбилей [2]. Научное и профессиональное сообщество скорбит о невосполнимой утрате [3], что многократно подчеркивалось присутствующими на церемонии прощания со Слеповым В. Я., состоявшейся 11 июня 2025 года в Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации – образовательной организации, где Слепов В. Я. 38 лет с полной самоотдачей занимался педагогической и научно-исследовательской деятельностью, до последнего дня жизни оставаясь в строю научно-педагогических работников, а также верным военной присяге, данной еще в период Великой Отечественной войны [4]. Произошедшее скорбное событие открывает возможность для анализа научного наследия Слепова В. Я., формирования не просто устойчивой социальной, но научной памяти о самобытном ученом-педагоге, находящейся в тесной увязке с историческим и культурным видами памяти, которая выступает уникальным видом памяти, объединенным с познавательной деятельности человека, направленной на получение, обоснование и систематизацию знаний и связанных с ними носителей информации – наукой [5, с. 419]. В контексте научной спецификации Слепова В. Я., в условиях проведения специальной военной операции, это является как никогда актуальным и позволит продуцировать новые знания в одном из наиболее значимых на сегодняшний день направлений педагогики – ее военном сегменте. В качестве субъекта для анализа избран коллектив ученых – ученики и последователи Слепова В. Я., объединенные и воспитанные его научно-педагогической идеей, многие из которых продолжают активную научно-педагогическую деятельность, делом прославляя своего учителя [6, с. 72–76].

Материалы и методы

Целью исследования выступает анализ достижений учеников и последователей Слепова В. Я., результатов их научно-педагогической и исследовательской деятельности, а также профессионального пути.

Исходя из поставленной цели, основу проведенного научного исследования составили общенаучные методы познания, систематически используемые при подготовке аналогичных исследовательских работ. Обширно применялись биографический метод и метод системного анализа, позволившие выявить и составить пофамильный список учеников Слепова В. Я., хронологически проследить деятельность Слепова В. Я. по научному руководству в контексте тех или иных событий в стране и жизни Слепова В. Я., а также педагогической направленности его научной деятельности. Широко применялись всесторонность, объективность и историзм, как фундаментальные принципы познания. С их помощью исследование приобрело целостность, полноту и завершенность.

Эмпирическую базу исследование образовали архивные документы Российской государственной библиотеки, автобиографические произведения Слепова В. Я. и его учеников, их научные публикации. Особую категорию составили нарративные источники, полученные в ходе бесед и интервью с учениками и последователями Слепова В. Я., которые, с целью проверки их достоверности, сопоставлялись между собой и анализировались в совокупности с другими источниками.

Хронологически исследование ограничено с одной стороны – 1974 годом, временем защиты Слеповым В. Я. диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук, после чего он официально начал выступать в качестве научного руководителя и формировать свою научную школу, а также начались первые защиты диссертаций под его научным руководством; с другой – 6 июня 2025 года, датой ухода из жизни Слепова В. Я. Вплоть до этого дня к нему за советом и консультацией приезжали члены его научной школы, соискатели ученых степеней, адъюнкты

и педагоги. Только с этого момента Слепов В. Я. перестал оказывать непосредственное влияние на созданную и возглавляемую им научную школу, а также на развитие педагогической науки в войсках правопорядка.

Результаты исследования

Из более 100 прожитых лет стаж работы и службы Слепова В. Я. составил 82 года, в том числе военной службы – 44 с половиной года. Из них стаж педагогической и научной деятельности составил более 60 лет. За это время при непосредственном участии (научном руководстве, наставничестве, консультировании, оппонировании и сопровождении) Слепова В. Я. защищено в общей сложности более 100 исследований на соискание ученой степени кандидата наук и более 10 доктора наук. Слепов В. Я. на протяжении целого ряда лет готовил и выводил на защиту по несколько учеников ежегодно, далеко не каждый научно-педагогический работник способен демонстрировать подобную продуктивность, при этом совмещая ее с научно-издательской, педагогической и просветительской деятельностью. В 2013 году научные достижения коллектива ученых под руководством Слепова В. Я. позволили зарегистрировать первую в истории войск правопорядка научную школу по направлению научных исследований «Воспитание и обучение военнослужащих; морально психологическое обеспечение деятельности частей и подразделений», которая оставалась единственной научной школой вплоть до 2023 года [7, с. 14-17].

Как научный руководитель (научный консультант) Слепов В. Я. был чрезвычайно востребованным ученым: соискатели ученых степеней, как кандидата наук, так и доктора наук, стремились попасть под научное руководство именно к Слепову В. Я., выступавшего в исследуемый период своеобразным гарантом качественной подготовки и результата – защиты. Обязательными условиями для реализации имеющихся возможностей соискателей Слепов В. Я. видел в триединстве уверенности в неограниченности своих возможностей, желании развивать эти возможности, обладания стойким характером и развитой силой воли для претворения возможностей в жизнь. Талант при этом он воспринимал как некое свойство, которое определяет только скорость достижения приемлемого результата деятельности – успеха. Вероятность успеха при этом увеличивалась с количеством реализованных попыток на пути к достижению конечной цели, таким образом, успех в большей степени зависел от активности человека, его упорства, методичности и последовательности. Именно поэтому наставнический метод Слепова В. Я. имел ошеломляющую результативность, выраженную не только в абсолютных величинах защит диссертаций, но и развитии его учеников. В этой связи Слепов В. Я. одновременно мог работать с большим числом соискателей, далеко не во всех случаях оформляя это документально. Кроме того, многие из соискателей ученых степеней работали со служебными сведениями ограниченного распространения, в связи с чем результаты их исследований не были в открытом доступе. Указанные факты затрудняют исчисление общего количества учеников Слепова В. Я. Как правило, в открытых источниках приводятся данные о более 100 учениках без конкретизации и персонификации [8, с. 175; 9, с. 501].

В рамках исследования предлагается ориентироваться на документально подтвержденные величины. За 40 лет деятельности по официальному научному руководству, исходя из обнаруженных в ходе проведения исследования материалов, Слепов В. Я. выступил научным руководителем (консультантом) не менее 68 ученых по 64 кандидатским и 6 докторским диссертациям. Именно данное количество ученых следует де-юре считать официальными учениками Слепова В. Я. Вместе с тем, как уже отмечалось, его фактическое научное руководство и консультирование не ограничивается указанным числом. В рамках работы научной школы, достигнув всевозможных высот в профессиональной научно-педагогической деятельности, Слепов В. Я. не гнался за числом официально защищенных учеников, он в первую очередь был заинтересован в развитии своих идей, личностном росте учеников и последователей, создании действительной и действенной связи между педагогической теорией и практикой. Так, некоторые фактически подготовленные им соискатели на финальном этапе подготовки диссертации передавались под научное руководство других ученых, которые, совместно с соискателями, завершали работу над диссертациями. Подобная практика в рамках

научной школы давала возможность молодым докторам и кандидатам наук пройти своеобразную «школу научного руководства» под пристальным вниманием Слепова В. Я., чем укреплялись горизонтальные и вертикальные связи внутри научной школы, создавался научно-исследовательский монолит. Обеспечивая для учеников личную примерность, Слепов В. Я. демонстрировал им приоритет науки над персональными амбициями. Именно поэтому общее число кандидатов и докторов педагогических наук, к подготовке которых Слепов В. Я. приложил свои усилия, составляет более 100. В ходе анализа рабочих ежедневников Слепова В. Я. был обнаружен составленный им лично список учеников, в котором значилось 107 фамилий.

Первым учеником, подготовившим диссертацию под научным руководством Слепова В. Я. был Остриков Николай Максимович, защита которого состоялась в 1974 году в ЛГУ им. А. А. Жданова [10]. Им была подготовлена диссертация на тему: «Исследование подготовленности выпускников вузов к командно-организаторской работе в войсках». Уже на тот момент Слепов В. Я. имел несколько учеников, с которыми работал в статусе кандидата наук, параллельно занимаясь докторским исследованием. В ноябре того же года Слепову В. Я. была присуждена ученая степень доктора педагогических наук. Первый опыт научного консультирования соискателя ученой степени доктора наук Слепов В. Я. осуществил с Кикотем В. Я., успешная защита которого состоялась в июне 1998 года.

Последним официальным учеником для Слепова В. Я. стал Куис Ю. А. с исследованием на тему: «Система воспитания культуры управленческой деятельности у курсантов вузов Внутренних Войск Министерства Внутренних Дел России», защита которого состоялась в 2013 году в диссертационном совете, созданном на базе Санкт-Петербургского военного института внутренних войск Министерства Внутренних Дел России, ныне – Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации [11]. Естественно, Слепов В. Я. продолжил работу в диссертационных советах, занимался подготовкой кадров высшей квалификации, работал с адъюнктами и аспирантами, однако, уже не принимая на себя статус и обязательства научного руководителя.

В контексте защит наиболее продуктивными в научном руководстве Слепова В. Я. стали: 1998 год, когда его учениками были защищены 2 докторские (Шарухин А. П., Кикоть В. Я.) и 1 кандидатская (Скрыпников Н. П.) диссертации; 2001–2002 годы, в каждый из которых его учениками были защищены по 3 и 4 кандидатских (Романов А. В., Ивлева Л. П., Титова Е. Н. и Лукова Т. Г., Байжуминов С. Н., Жакович А. В., Колпаков В. Ю. соответственно) и по 1 докторской диссертации (Литвиненко С. В. и Шарухина Т. Г. соответственно), а также 2006 и 2007 годы, в каждый из которых его учениками были защищены по 6 диссертаций (Приходько А. М., Суханов Д. Г., Смирнов В. Н., Ефимов В. С., Лычагина С. В., Лазебин Е. П. и Сычев С. Е., Завизионов Ю. Г., Костенко Ю. Я., Бакушкина Е. М., Варару А. Д., Перов В. В. соответственно). Следует акцентировать внимание на том, что в год своего 80-летия – в 2005 году, Слепов В.Я., несмотря на колоссальную загруженность, выступил научным руководителем по 2 кандидатским диссертациями (Пронин В. М., Дёмина М. А.).

Из числа учеников Слепова В. Я. высших офицерских званий на момент проведения исследования добились не менее 9 (генерал-полковник милиции Лазебин Е. П., генерал-лейтенант полиции Кикоть В. Я., генерал-лейтенант Завизионов Ю. Г., генерал-лейтенант Латышев О. М., генерал-майор Костенко Ю. Я., генерал-майор Петров А. Н., генерал-майор Косинов Г. Н., генерал-майор Тарасов М. М., генерал-майор полиции Бородавко Л. Т.). В их числе генерал-лейтенант полиции, доктор педагогических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии образования Кикоть Владимир Яковлевич. О его ошеломляющих профессиональных и научных заслугах [12, с. 232–233] ярче всего свидетельствует тот факт, что с 2014 года по указу Президента Российской Федерации [13] Московский университет Министерства Внутренних Дел (далее МВД) России с гордостью носит имя ученика Слепова В. Я. Кикотя Владимира Яковлевича.

Следует отметить, что Слепов В. Я. являлся научным руководителем многих начальников Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, руководивших образователь-

ной организацией с 1991 года. Для других начальников он являлся личным другом, который в любое время мог с ними связаться или же попасть на личный прием. Это говорит о том, что ему доверяли, к нему прислушивались, и он опосредованно и непосредственно влиял на развитие образовательной организации и построение, формирование в ней учебного и научного процессов.

Более 65 % учеников Слепова В. Я. состояли на государственной службе и имели офицерские звания. Большинство из них со временем стали старшими офицерами, более 30 из которых были присвоены звания, соответствующие воинскому званию «полковник».

Большинству учеников Слепова В. Я. в процессе научно-педагогической деятельности были присвоены ученые звания «старший научный сотрудник», «доцент» и «профессор», а некоторые за выдающиеся заслуги были удостоены званий «Заслуженных работников высшей школы Российской Федерации» и «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Его ученики со временем возглавили кафедры, факультеты, вошли в командование ведомственных образовательных организаций. Многие из тех, кого Слепов В. Я. привел в науку, со временем защитили докторские диссертации и стали видными учеными. Собственные научно-педагогические школы со временем создали два ученика Слепова В. Я. – это Шарухин А. П. и Поминова О. Л.

Некоторые из учеников Слепова В. Я. со временем стали председателями и заместителями председателей диссертационных советов (Иваницкий А.Т. [14], Бородавко Л. Т. [15], Шарухин А. П. [16] и другие), более 15 вошли в составы диссертационных советов в качестве членов.

Важно отметить, что выбор учеников Слепов В. Я. осуществлял исходя из их способностей и личностных качеств, вне зависимости от пола, возраста и служебного положения. Критерием отбора являлся живой интерес Слепова В. Я. к идеям, озвученным соискателем ученой степени в процессе общения, которые он, как научный руководитель, в процессе проведения исследования, помогал претворить в жизнь. Так, не менее 19 из его учеников были женского пола. Кроме того, Слепов В. Я. неоднократно выступал оппонентом по диссертациям соискательниц-девушек. Сам Слепов В. Я. вспоминал, что впервые осуществлял научное руководство у представительницы слабого пола, когда помогал при подготовке диссертации своей дочери Кошелевой С. В. Данный положительный опыт впоследствии был многократно с успехом повторен. Следует отметить, что кандидатская диссертация Слепова В. Я. была посвящена правильному отношению к женщине [17], проведенное им научное исследование во многом предопределило его уважение к противоположному полу и нашло реализацию в виде эффективного научного руководства.

Одна из амбициозных ценностей Слепова В. Я., на личном примере продемонстрированных ученикам, это идея образования научных династий: его дети – Софья и Владимир, защитили диссертации. Слепов В. Я. активно и небезуспешно продвигал данную идею среди своих учеников. Так, двое детей Кикотя В. Я. на сегодняшний день имеют ученые степени кандидата наук; сын Нимировского В. П. является кандидатом наук; сын Тарасова М. М. имеет ученую степень кандидата наук, и это далеко не все примеры, когда ученики Слепова В. Я. целенаправленно ориентируют и направляют свое потомство на научный путь. Важно отметить, что происходит это не случайно, а фактически внутри научной школы Слепова В. Я.

Анализ защит диссертаций учеников Слепова В. Я. демонстрирует, что большинство из них проводили исследования в рамках научной специальности 13.00.01 – «Общая педагогика, история педагогики и образования», в настоящее время соответствующей научной специальности 5.8.1. Это научная специальность, по которой сам Слепов В. Я. защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, и в рамках которой имел наибольшее количество трудов. Однако следует отметить, что Слепов В. Я. не ограничивал себя, своих учеников и последователей, а также участников научной школы рамками одной научной специальности. Слепов В. Я. сферой своих научных интересов избрал психолого-педагогическое направление, в частности, его военный и служебный аспекты. Так, среди его учеников есть кандидаты психологических наук, например, Кудешкин К. В. [18]. Сам Слепов В. Я. выступал оппонентом и имел научные труды по

группам научных специальностей «5.8. Педагогика», а также военная педагогика и военная психология, являлся членом диссертационных советов, уполномоченных к рассмотрению диссертаций по широкому спектру научных педагогических специальностей. В его научную школу так же входили ученые, представляющие иные педагогические научные специальности.

Научное наследие Слепова В. Я. прочно укоренилось сразу в нескольких силовых ведомствах – Росгвардии, МВД России, Минобороны России и других. Тематика диссертаций учеников Слепова В. Я. была разнообразной, ими проводились исследования в различных областях: формирования культуры профессионального общения (Кикоть В. Я., Лычагина С. В.), воинского воспитания (Завизионов Ю. Г., Аманацкий Ю. В., Приходько А. М., Сычев С. Е.), оптимизации военно-педагогического общения (Асриев С. А.), педагогических взглядов Н. И. Пирогова (Бакушкина Е. М.), формировании ценностных ориентаций и личных перспектив у курсантов (Варару А. Д.), новых педагогических технологий воспитательной деятельности (Ефимов В. С., Латышев О. М.), повышения качества обучения (Журавлев О. М., Пронин В. М.), повышения культуры воспитательной деятельности (Костенко Ю. Я.), развитие культуры педагогической деятельности у преподавателей (Скрыпников Н. П.), педагогического обеспечения деятельности военнослужащих (Тарасов М. М.), индивидуальных подходов в воспитании бдительности (Тарасов М. М.), совершенствованию профессиональной подготовки офицеров (Лазебин Е. П.).

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) начал развиваться в Российской Федерации с 2005 года [19, с. 87-93], в связи с чем научно-исследовательская деятельность части учеников Слепова В. Я. по объективным причинам не могла быть в нем учтена. Вместе с тем, исходя из анализа данных Elibrary, совокупное количество научных трудов учеников Слепова В. Я., опубликованных и учтенных в РИНЦ на момент проведения исследования, превышает 1330, с общим количеством цитирований более десяти тысяч раз. Приведенные неполные статистические данные, тем не менее, наглядно демонстрируют и подтверждают вклад Слепова В. Я. в педагогическую отрасль отечественной науки. Важно отметить, что приведенные величины имеют тенденции к увеличению, так как многие из учеников Слепова В. Я. продолжают активную научно-педагогическую деятельность, в том числе, в рамках уже собственных научных школ и направлений.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что научное наследие Слепова В. Я., выраженное в учениках и последователях, является феноменальным не только в масштабах войск правопорядка, но и отечественной педагогической науке в целом [20, с. 14–16]. Для образованной в 2016 году Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации научное наследие Слепова В. Я. стало педагогической базой, давшей возможность развиться до современных высот. Одновременно его ученики и последователи активно несли и продолжают нести службу в иных федеральных органах исполнительной власти, в частности, МВД России. По окончании службы большинство из них продолжают научно-педагогическую деятельность в образовательных организациях, транслируя и развивая идеи Слепова В. Я. в пространстве и времени. Научная школа Слепова В. Я., его жизненная позиция, выраженная в действии, дала нашей стране несколько десятков высококвалифицированных научно-педагогических кадров, которые, в свою очередь, обученные мудрым наставником, в настоящем занимают руководящие и административные должности в различных сферах, от военной службы до советов по защите диссертаций. Некоторые из них построили выдающиеся карьеры на государственной службе, другие – реализовались как педагоги и ученые, основав уже собственные научные школы и направления. Количество, как правило, перерастает в качество, однако в ситуации Слепова В. Я. мы видим, что его ученики в подавляющем большинстве изначально являли собой перспективу для работы, которую Слепов В. Я. увидел, развил и довел до логичного результата – защиты диссертации и присуждения ученой степени.

Список источников

1. Слепов Владимир Яковлевич: Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 16.08.2025).
2. 6 июня 2025 года на 100-м году жизни ушел Владимир Яковлевич Слепов. URL: https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/6-iyunya-2025-goda-na-101om-godu-zhizni-ushel-vladimir-yakovlevich-slepov (дата обращения: 12.6.2025).
3. Ушел из жизни фронтовик, ветеран Великой Отечественной войны, почетный житель МО Ульянка, профессор Владимир Яковлевич Слепов. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kirovsk/news/299686/ (дата обращения: 12.6.2025).
4. Архив Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. Личное дело Слепова В. Я. № 28.
5. Кодан С. В. Научная память, научное наследие и научная историография в исследовательском пространстве истории политических и правовых учений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 414–428.
6. Волков В. Д. Научная школа В. Я. Слепова как флагман самостоятельного развития педагогической науки Росгвардии // Яковлевские чтения: сборник научных статей III Межведомственной научно-практической конференция с международным участием: в 2 ч., Новосибирск, 20–21 марта 2024 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 72–76.
7. Кузнецов Д. Е. Научная дискуссия с одним из основателей военной педагогики Росгвардии: к 100-летнему юбилею Слепова Владимира Яковлевича и в честь 80-летия победы в Великой Отечественной войне. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 160 с.
8. Кайда Л. И. Золотой фонд России // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 174–176.
9. Шарухин А. П. Как рождалась житейская и научно-педагогическая мудрость Владимира Яковлевича Слепова // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 599–502.
10. Остриков Н. М. Исследование подготовленности выпускников ввузов к командно-организаторской работе в войсках: автореф. дис. … канд. пед. наук. 13.00.01. Ленинград, 1974. 27 с.
11. Куис Ю. А. Система воспитания культуры управленческой деятельности у курсантов вузов внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Куис Юрий Александрович. СПб., 2013. 24 с.
12. Памяти Владимира Яковлевича Кикотя // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 232–233.
13. Московскому университету МВД России присвоено имя Владимира Кикотя. URL: https://мвд.рф/news/item/2450292 (дата обращения: 29.06.2025).
14. Шестаков А. Г. К 80-летию профессора кафедры юридической психологии, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Анатолия Тихоновича Иваницкого юбилейный портретный очерк как форма презентации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 236–240.
15. Интервью с Бородавко Леонидом Трофимовичем. URL: https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/57789449 (дата обращения: 28.01.2026).
16. Бабичев А. М. Жизненный путь и педагогическое наследие профессора А. П. Шарухина (к 70-летию): служение Отечеству, науке и образованию // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 1(163). URL: https://research-journal.org/archive/1-163-2026-january/10.60797/IRJ.2026.163.48 (дата обращения: 28.01.2026)
17. Слепов В. Я. Воспитание у советских воинов коммунистического отношения к женщине: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.00. М., 1966. 267 с.
18. Кудешкин К. В. Влияние групповых отношений на саморегуляцию и самоорганизацию поведения личности в воинском коллективе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 20.02.02 / Кудешкин Константин Владимирович. СПб., 2003. 22 с.

19. Михайлов О. В. РИНЦ: первые 10 лет развития // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 86–94.

20. Кийко А. Ю. Владимир Яковлевич Слепов – гордость Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 13–17.

References

1. Slepov Vladimir YAkovlevich: Pamyat' naroda 1941–1945. Available from: https://pamyat-naroda.ru/ (data obrashcheniya: 16.08.2025).

2. 6 iyunya 2025 goda na 100-m godu zhizni ushel Vladimir YAkovlevich Slepov. Available from: https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/6-iyunya-2025-goda-na-101om-godu-zhizni-ushel-vladimir-yakovlevich-slepov (data obrashcheniya: 12.6.2025).

3. Ushel iz zhizni frontovik, veteran Velikoj Otechestvennoj vojny, pochetnyj zhitel' MO Ul'yanka, professor Vladimir YAkovlevich Slepov. Available from: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kirovsk/news/299686/ (data obrashcheniya: 12.6.2025).

4. Arhiv Voennoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. Lichnoe delo Slepova V. YA. № 28.

5. Kodan S. V. Scientific Memory, Scientific Heritage, and Scientific Historiography in the Research Space of the History of Political and Legal Thought // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. Vol. 8 (74);4: 414–428.

6. Volkov V. D. Nauchnaya shkola V. YA. Slepova kak flagman samostoyatel'nogo razvitiya pedagogicheskoj nauki Rosgvardii // YAkovlevskie chteniya: sbornik nauchnyh statej III Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 ch., Novosibirsk, 20–21 marta 2024 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 72–76.

7. Kuznecov D. E. Nauchnaya diskussiya s odnim iz osnovatelej voennoj pedagogiki Rosgvardii: k 100-letnemu yubileyu Slepova Vladimira YAkovlevicha i v chest' 80-letiya pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 160 s.

8. Kajda L. I. Zolotoj fond Rossii // Vladimir YAkovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova): materialy mezhvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 25 fevralya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 174–176.

9. SHaruhin A. P. Kak rozhdalas' zhitejskaya i nauchno-pedagogicheskaya mudrost' Vladimira YAkovlevicha Slepova // Vladimir YAkovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova): materialy mezhvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 25 fevralya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 599–502.

10. Ostrikov N. M. Issledovanie podgotovlennosti vypusknikov vvuzov k komandno-organizatorskoj rabote v vojskah: avtoref. dis. … kand. ped. nauk. 13.00.01. Leningrad, 1974. 27 s.

11. Kuis YU. A. Sistema vospitaniya kul'tury upravlencheskoj deyatel'nosti u kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Kuis YUrij Aleksandrovich. SPb., 2013. 24 s.

12. In Memory of Vladimir Yakovlevich Kikot // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2013;3: 232–233.

13. Moskovskomu universitetu MVD Rossii prisvoeno imya Vladimira Kikotya. Available from: https://mvd.rf/news/item/2450292 (data obrashcheniya: 29.06.2025).

14. SHestakov A. G. On the 80th anniversary of Anatoly Tikhonovich Ivanitsky, Professor of the Department of Legal Psychology, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education in the Russian Federation // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016;2 (70): 236–240.

15. Interv'yu s Borodavko Leonidom Trofimovichem. Available from: https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/57789449 (data obrashcheniya: 28.01.2026).

16. Babichev A. M. The Life and Pedagogical Legacy of Professor A. P. Sharukhin (on the occasion of his 70th birthday): Serving the Fatherland, Science, and Education // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2026. № 1(163). Available from: https://research-journal.org/archive/1-163-2026-january/10.60797/IRJ.2026.163.48 (data obrashcheniya: 28.01.2026)

17. Slepov V. YA. Vospitanie u sovetskih voinov kommunisticheskogo otnosheniya k

zhenshchine: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.00. M., 1966. 267 s.

18. Kudeshkin K. V. Vliyanie gruppovyh otnoshenij na samoregulyaciyu i samoorganizaciyu povedeniya lichnosti v voinskom kollektive: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 20.02.02 / Kudeshkin Konstantin Vladimirovich. SPb., 2003. 22 s.

19. Mihajlov O. V. The Life and Pedagogical Legacy of Professor A. P. Sharukhin (on the occasion of his 70th birthday): Serving the Fatherland, Science, and Education / Sociologiya nauki i tekhnologij. 2016. Vol. 7;1: 86–94.

20. Kijko A. YU. Vladimir YAkovlevich Slepov – gordost' Voennoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Vladimir YAkovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova): materialy mezhvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 25 fevralya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 13–17.

Информация об авторе

Д. Е. Кузнецов *– кандидат исторических наук*

Information about the author

D. E. Kuznetsov *– Candidate of Sciences (History)*

Статья поступила в редакцию 28.01.2026;
одобрена после рецензирования 09.04.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 28.01.2026;
approved after reviewing 09.04.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 37.01

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕЙ ПЕДАГОГИКИ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ПЕДАГОГИКИ РОСГВАРДИИ

Анатолий Петрович Шарухин
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385

Аннотация. Статья посвящена изучению малоисследованной темы, в которой рассматривается вопрос становления нового направления развития педагогики – служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации. Показана актуальность темы. Изложены причины необходимости разработки нового направления в педагогике. Служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации имеет свой объект и предмет исследования. Раскрыто значение общей педагогики для становления служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации. Сформулированы положения об универсальности общей педагогики. Выявлены логические взаимосвязи между служебно-боевой педагогикой войск национальной гвардии Российской Федерации и общей педагогикой.

Ключевые слова: общая педагогика, новые направления педагогики, теоретико-методологические основания как система взаимосвязи, служебно-боевая педагогика Росгвардии

Для цитирования: Шарухин А.П. Теоретико-методологическое значение общей педагогики для становления служебно-боевой педагогики Росгвардии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 187–197. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/020.pdf.

Original article

THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF GENERAL PEDAGOGY FOR FORMATION OF THE SERVICE AND COMBAT PEDAGOGY OF THE ROSGVARDIYA

Anatoly P. Sharukhin
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385

Abstract. The article is devoted to the study of a little–researched topic, which examines the issue of the formation of a new direction in the development of pedagogy - the service and combat pedagogy of the National Guard Troops of the Russian Federation. The relevance of the topic is shown. The reasons for the need to develop a new direction in pedagogy are outlined. The service and combat pedagogy of the National Guard Troops of the Russian Federation has its own object of research. The importance of general pedagogy for the formation of the service and combat pedagogy of the National Guard Troops of the Russian Federation is revealed. The provisions on the universality of general pedagogy are articulated. The logical interrelations between the service and combat pedagogy of the troops of the National Guard of the Russian Federation and general pedagogy are revealed.

Keywords: pedagogy, new directions, theoretical and methodological foundations as a system of interrelations, service and combat pedagogy of the Rosgvardiya

For citation: Sharukhin A.P. The theoretical and methodological significance of general pedagogy for formation of the service and combat pedagogy of the Rosgvardiya. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 187–197. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/020.pdf.

© Шарухин А.П., 2026

Введение

Для того, чтобы лучше понять, какая сложилась образовательная практика в образовательных организациях и воинских частях/территориальных органах войск национальной гвардии Российской Федерации и как ее изменить к лучшему, необходимо осмыслить теоретико-методологические основания образовательной практики, проанализировать их суть и значение как

для организации образовательного процесса, так и для расширения педагогических знаний, доказательства необходимости становления и развития новых педагогических отраслей и направлений.

Решая данную задачу, важно понимать, что современные ученые-педагоги Росгвардии оказались бы плохими «научными детьми» педагогики, если, охваченные исследовательскими чувствами и мыслями по случаю моделирования методологических, мировоззренческих и историко-педагогических конструкций, забыли о тех великих предшественниках и замечательных ученых, которые до них прокладывали дороги в сфере образования, «расчищали завалы» накопленной педагогической информации и показывали путь, которым следует идти [1].

Естественно, что современные ученые-педагоги, проводящие исследования в войсках национальной гвардии, склоняют головы перед именами Я.-А. Коменского, М. В. Ломоносова, И.-Г. Песталоцци, И. Ф. Гербарта, К. Д. Ушинского, М. Монтессори, С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Е. Н. Ильина, В. Ф. Шаталова, М. П. Щетинина и сотнями других имен, с которыми связана слава педагогики как науки и образовательной практики [2; 3].

Современные ученые-педагоги Росгвардии понимают, что нельзя с математической точностью вычислить вклад каждого из них в арсенал педагогических ценностей. Но ясно одно:

во-первых, что вклад этот грандиозен;

во-вторых, что победы на полях военных сражений проектируются еще в начальной школе;

в-третьих, благодаря достижениям в общей педагогике «военное направление педагогики России» смогло достичь сегодня достаточно высоких вершин и в нем появились такие прославленные имена ученых-педагогов, как И. А. Алехин, А. Г. Базанов, А. В. Барабанщиков, Л. Т. Бородавко, А. К. Быков, В. И. Вдовюк, В. Н. Герасимов, В. П. Давыдов, Н. Д. Давыдов, Н. И. Киряшов, А. К. Кочин, Н. С. Кравчун, Ю. М. Кудрявцев, М. А. Лямзин, Г. Д. Луков, В. П. Масягин, Д. П. Познанский, В. Я. Слепов, С. Л. Рыков, В. И. Хальзов, И. Е. Хоменко, Г. А. Шабанов, В. А. Щеголев, Я. Я. Юрченко и многие другие.

Ясный ум, стойкий характер, целеустремленность и терпение, любовь к педагогической науке, образовательной практике и к своим ученикам – вот лишь некоторые из качеств этих военных ученых-педагогов. Кого-то из них уже нет в живых, и современное поколение военных педагогов несет в сердце память о них, опирается на их труды в процессе своей педагогической деятельности, распространяет их новаторские взгляды и научные убеждения, ставшие также и их взглядами и убеждениями. С кем-то имеют счастье чаще или реже общаться, обмениваться научными взглядами, обогащать свой педагогический опыт.

Современным ученым-педагогам Росгвардии бес¬конечно дорого настоящее нашей отечественной педагогики. Они гордятся ее достижениями, а также тем, что имеют или имели возможность общаться с теми, кто за ними стоит: Н. В. Бордовская, Т. А. Бороненко, Н. Ф. Голованова, О. А. Калимуллина, Н. В. Кузьмина, Т. Г. Мухина, С. А. Писарева, О. Л. Поминова, С. А. Расчетина, А. П. Тряпицына, А. Г. Шабанов, Р. М. Шерайзина и многие другие.

Ученики научных школ А. В. Барабанщикова – В. Я. Слепова, разрабатывающие основы служебно-боевой педагогики Росгвардии, счастливы тем, что нынешнее поколение адъюнктов и соискателей стремится глубоко познать законы педагогики и выработать свой неповторимый педагогический стиль: Н. Н. Исаева, Д. Е. Кузнецов, С. Ю. Шимко, А. М. Бабичев, А. О. Барангов, В. Д. Волков, А. О. Игнатьев, А. М. Казимирович, А.-Н. М. Каибов, А. В. Киселев, и другие.

Рассматривая теоретико-методологическую ценность общей педагогики для становления служебно-боевой педагогики Росгвардии, необходимо также подчеркнуть важность организационной поддержки становления новой отрасли научного знания. Данная поддержка идет от начальника Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации А. Ю. Кийко, проявляющего чуткость и внимание к ученым-педагогам, создающего необходимые условия для проявления научного творчества, стимулирующего стремление поднять педагогическую науку в войсках национальной гвардии Российской Федерации на небывалую высоту.

В этой связи цель статьи состоит в раскрытии теоретико-методологического значения общей педагогики для становления

служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации, формулировании положений об универсальности общей педагогики.

Методология и методы

В методологическом плане основная идея исследования состояла в раскрытии того, как общая педагогика выполняет теоретико-методологическую функцию и способствует появлению и становлению новых научных знаний. Основными методами выступают теоретические методы: анализ литературных источников, обобщение материала, абстрагирование, идеализация и формализация и др.

Результаты

Одним из важных задач научной деятельности выступает расширение научно-педагогических знаний, в том числе в области подготовки войск национальной гвардии Российской Федерации к выполнению возложенных на них функций. Это означает, что необходимо обосновать и спроектировать в военных образовательных организациях высшего образования в Росгвардии, а также в войсках такие педагогические системы, которые выведут учебно-воспитательный процесс на новый качественный уровень. Разработка инновационных педагогических систем в войсковых подразделениях и в военных образовательных организациях высшего образования связана с задачами:

осознания смысла педагогических понятий, понимания их содержательного наполнения, исторического развития, раскрытия внутренних связей и соотнесения его с реальным образовательным (учебно-воспитательным) процессом [4];

осмысления теоретико-методологического потенциала общепедагогических понятий и в целом общей педагогики как фундамента построения инновационных педагогических систем в подразделениях войск [5];

раскрытия подходов к проектированию и созданию инновационных педагогических систем, а также характеристик самих систем [6];

формирования целостного педагогического мировоззрения у офицеров войсковых подразделений, курсантов, адъюнктов и преподавателей военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации, определяющего педагогическую культуру [7].

Решение обозначенных задач не может быть успешно осуществлено без организации системы научных и учебно-методических публикаций, которые могли бы использовать в своей деятельности командиры, преподаватели, адъюнкты, курсанты. В них содержание должно быть представлено в относительно легко воспринимаемой форме. Архитектоника научных и учебно-методических публикаций должна позволять не только понять основные педагогические смыслы, лежащие в основе учебно-воспитательной деятельности офицера, преподавателя, но и проверить уровень своей подготовленности к решению педагогических задач с позиции понимания этих смыслов [8; 9].

На что следует обратить первоочередное внимание адъюнктов, преподавателей, курсантов при изучении общей педагогики? На понимание ее сущности и предназначения. Для этого следует обратиться к семантическому и историческому анализу термина «педагогика» [10; 11; 12].

Термин «педагогика» происходит из греческого языка (пейда – ребенок, гогос – вести), которое дословно обозначает «детоводение», «детоведение». Человека, который вел ребенка в школу, звали «педагог» (так первоначально называли рабов, которые, как правило, не могли физически трудиться, и им поручалось наблюдать за детьми, отводить детей свободных и богатых граждан в школу). Впоследствии педагогами стали называть людей, которые помогают посредством осуществления обучения и воспитания входить в самостоятельную жизнь и идти по жизни [13; 14].

Педагогика, как наука, имеет глубокие корни. Педагогические проблемы, связанные с воспитанием, встречаются у древнегреческих, римских, восточных философов и мудрецов. Например, одно из основных правил Конфуция: «сообразуйся с надлежащими нормами поведения» [15]. В основе норм поведения лежат нравственные ценности: «видеть свой долг и не выполнить его – это отсутствие мужества». В Средневековье оформилась религиозная педагогика. Первый университет появляется в Сорбоне уже в 1200 году. В. Ратке (Ратихий) в 1613 году вводит понятие «дидактика». В 1623 году Ф. Бэкон выделил педагогику в отдельную науку. А в 1632 году выходит в

свет первое издание «Великой дидактики Я.-А. Коменского [16].

Особенностями педагогики как науки выступает то, что она:

во-первых, изучает характер образовательного потенциала среды и условия его реализации при нахождении в этой среде различных категорий людей: детей, которые готовятся к общественной жизни и деятельности, а также нравственно, законодательно и профессионально оправданному удовлетворению личных запросов; взрослых, которые стремятся более успешно удовлетворять личные и профессиональные интересы, более мастерски решать профессиональные задачи при выполнении социальных функций; военнослужащих, которые приняли на себя обязательства добросовестно служить Российской Федерации.

Если обобщить основные проблемы наук о человеке и описать их применительно к образовательному процессу в военной образовательной организации Росгвардии, то данные проблемы приобретут следующий вид:

каковы этапы эволюции развития образовательного процесса в военно-образовательных учреждениях Росгвардии, в чем их особенности, каковы тенденции развития (?);

каковы механизмы, модальность и сила влияния на курсанта средовых условий (?);

как добиться формирования и развития курсанта как нравственно и профессионально надежного офицера, творческой индивидуальности;

какие педагогические механизмы и условия обеспечивают гармоничное взаимодействие курсанта и общества (?);

какие педагогические механизмы и условия обеспечивают инкультурацию курсанта (?) и др.

Известно, что на сегодняшний день существуют разные подходы к классификации и сами классификации наук. Что касается классификации наук о человеке, то важно найти ответ на вопрос: по каким законам функционирует и развивается психика): социальные науки (социологические, политологические, культурологические) отмечают, что Человек – это общество и его культура в миниатюре; в человеке отражаются все состояния общества со всеми его достоинствами и пороками и для педагогики важно, какое влияние общество и культура оказывали и оказывают на человека и его развитие; собственно, человеческое в человеке изучает антропология, которая исследует естественную историю развития человека, его биологическое многообразие и т.д. Результат данных исследований, безусловно, необходим педагогике, так как без него невозможна научная организация педагогических влияний на человека.

Науки, изучающие вселенную и всеобщие законы бытия (философия, астрономия, астрофизика, религиоведение и др.) «видят» космическое в Человеке, подчиненность поведения человека фундаментальным законам бытия. Вместе с тем, связь человека с Космосом остается малоизученной. Идеи о влиянии космических процессов на человека высказывали К. Э. Циолковский (1835–1935), В. И. Вернадский (1863–1945), А. Л. Чижевский (1897–1964). Ни у кого сегодня не вызывает сомнения зависимость жизни от процессов, происходящих во Вселенной. Для общей педагогики как методологической основы исследования образовательных процессов в военных образовательных организациях Росгвардии философско-космические исследования человека важны в нескольких планах:

с точки зрения реализации потенциала, заложенного в курсанта космосом;

с точки зрения вхождения курсанта в ноосферные процессы для эффективного выполнения своих функций по обеспечению безопасности государства, общества, защите прав и свобод человека и гражданина. Поэтому в современных условиях широкое развитие и распространение получила антропология.

Еще более обобщенную классификацию представил В. Г. Борзенков [17]. По его классификации существует около 200 наук, исследующих природу человека. Это – науки о биологической природе человека; науки о человечестве и его связи с природой, ноосферой и космосом; науки о человеке как личности (персоналистика); науки, рассматривающие человека как субъекта деятельности.

Обобщение представленных классификаций позволяет сделать вывод о том, что педагогика – социально-гуманитарная наука.

Социальные науки изучают человека в системе социальных отношений (в системе форм и способов социальной жизне-

деятельности: политической, экономической, исторической и др.). Цель изучения – определение законов и закономерностей развития и функционирования системы общественных (социальных) отношений и их влияния на Человека (курсанта). Для педагогики важно понимать, что социальное влияние выступает фактором формирования человека (курсанта) как Личности и Специалиста. В то же время образование Человека (курсанта) выступает фактором развития общественных отношений [18].

Гуманитарные науки изучают человека (курсанта) в системе духовно-нравственных отношений (форм и способов духовно-нравственной жизнедеятельности: этической, эстетической, культурной и др.). Основные категории гуманитарной науки: «смыслы», «ценности», «диалог». Цель изучения – определение законов и закономерностей развития и функционирования системы духовно-нравственных отношений как фактора духовно-нравственного развития человека (курсанта). Для педагогики важно понимать, что система духовно-нравственных отношений, созданных в образовательной организации, выступает средой, в которой происходит духовно-нравственное развитие Человека (курсанта) [19].

Исторически сложилось, что педагогика имеет несколько значений.

Педагогика как ремесло. Такое понимание исходило из средневековой Европы, поскольку педагогу вменялось освоение воспитания на уровне владения ремесленным мастерством. Я. А. Коменский отмечал, что необходимо добиться, чтобы последовательность и точность действий (применение метода) можно было сравнить с тем, как действуют механические машины (были технологичными), чтобы все было предписано и осуществлялось определенно, чтобы успех был гарантирован [20].

Педагогика как искусство [21], которое отождествляется с конкретным учителем, имеет индивидуальный стиль преподавания и педагогической деятельности. При этом очень сложно или практически невозможно передать данный опыт другому учителю.

Педагогика как техника. Ее основа – прикладная психология Г. Мюнстерберга [22], основателя психотехники, смысл которой заключается в осуществлении профессионального отбора и точной ориентации действий обучающихся, что отвечало требованиям бурного развития производства. В СССР психотехника получила значительное развитие в 20-е годы 20-го столетия и в первую половину 30-х годов 20 века. Во многих городах работали психотехнические лаборатории, готовились кадры психотехников, было создано Всесоюзное общество психотехников и прикладной психофизиологии, издавался журнал «Советская психотехника» (с 1928 по 1934 гг.). Отрицательное отношение к психотехнике стало развиваться в период повсеместно развернувшейся критики педологии (1936–1937).

Педагогика как прикладная философия. По мнению ученого-философа С. И. Гессена, жившего в эмиграции в Польше и организовавшего русские школы, педагог должен в первую очередь ответить на вопрос о смысле жизни, а затем на этой методологической основе заниматься и предметным обучением и воспитанием детей [23].

Педагогика как технология [24; 25] – это содержательная техника реализации учебного процесса и достижения планируемых результатов.

Педагогика как теоретическая (самостоятельная) наука. Основателем отечественной (русской) педагогики является К. Д. Ушинский [26]. При этом его знаменитая триада: религиозность, народность, патриотизм, как основание для подготовки педагогов в процессе организации русских школ, в современном образовании приобретает особую актуальность в связи с так называемой изоляцией России. Известный русский ученый и педагог П. П. Блонский в начале XX века писал, что «вопрос философии – вопрос о том, что такое идеальное; вопрос педагогики – как идеальное можно сделать эмпирическим. Философия от эмпирического идет к идеальному…; педагогика от идеального идет к эмпирическому... Педагогика по своим заданиям наука гораздо более сложная, нежели философия: основная проблема педагогики – как установленные философом нормы идеального мира, посредством соответствующего конкретизирования их, воплотить в условиях данной общественной среды, описываемой социологом, в воспитуемом субъекте, картину душевного мира которого дает психолог. Итак, педагогика по отношению к философии, как и по от-

ношению к психологии и социологии, вполне самостоятельная наука со своими собственными проблемами и со своей собственной особой точкой зрения на познаваемые факты» [27].

В каждой науке имеются собственные объект и предмет исследования. При этом необходимо помнить, что объект – это независимая от ученого область реальности (процесс, пространство и прочее), которая вызывает у него исследовательский интерес, а предмет исследования – это конкретный участок объекта, рассмотренный под определенным углом зрения. Для педагогики важно рассмотрение возможностей инноваций (востребованных нововведений, изменяющих в лучшую сторону функционирование педагогических систем/ образовательных процессов).

Объект изучения общей педагогики – человек в системе образовательных отношений.

Каково значение педагогики для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации сегодня? Можно выделить несколько аспектов значения:

1. Бытовое – в процессе жизнедеятельности невозможно «уйти» от функции «педагога» и поэтому испытывается потребность в научном педагогическом знании.

2. Профессиональное – наличие высокого педагогического мастерства: а) обеспечивает эффективную педагогическую деятельность и достижение высоких результатов; б) повышает уважение и авторитет.

3. Научное – педагогика познает и совершенствует способы развития человека как субъекта деятельности, личности и индивидуальности.

4. Культурное – педагогика выступает механизмом передачи культурного наследия от поколения к поколению и тем самым создает условия для развития общества.

5. Государственное – педагогика способствует процветанию государства и общества.

Следует отметить, что педагогика может действовать как на всей территории государства, так и на его части. В этом плане каждая страна разрабатывает свою систему подходов к организации образования, исходя из своего понимания достижения позитивных результатов. Фундаментальным подходом/принципом Российской Федерации выступает единство образовательного пространства на всей территории страны [28].

Применительно к служебно-боевой педагогике и педагогике высшего профессионального образования Росгвардии смысл понятия «образовательное пространство» связан с ответом на вопросы: каковы его границы и каким оно должно быть, чтобы военнослужащий/сотрудник или курсант военной академии (института) войск национальной гвардии Российской Федерации наиболее успешно формировался и развивался как субъект эффективной учебно-служебной деятельности, надежная (в нравственном, государственно-патриотическом, профессиональном, правовом и общекультурном плане) личность и творческая индивидуальность?

Под образовательным пространством следует понимать единство учебно-воспитательных объектов и процессов в рамках границ педагогической системы образовательной организации, отличающееся определенным порядком, имеющее свое предназначение, выраженное в создании условий для развития курсанта как субъекта эффективной учебно-служебной деятельности, надежной (в нравственном, государственно-патриотическом, профессиональном, правовом и общекультурном плане) личности и творческой индивидуальности, наделенное своими смыслами (долг и честь, государственный патриотизм, наставничество, гуманизм, сотворчество, диалог и др.) и осознаваемое будущим офицером. Пространство может быть реальным и виртуальным [29].

Принцип единства образовательного пространства изначально зародился в Европе. Но, он стал актуален в России, на евразийском пространстве и принят в России как базовый принцип. Реализация данного принципа влечет за собой применение и других принципов, таких как:

отнесение сферы образования к приоритетным областям заботы государства и общества;

наделение каждого гражданина Российской Федерации правом на образование без каких-либо дискриминационных мер;

направленность образования на соблюдение гуманистических ценностей

(долг, честь, достоинство, уважение друг друга; патриотизм, законопослушность, трудолюбие, сбережение природы и др.);

организация светского образования в государственных и муниципальных образовательных организациях;

свободный выбор каждым направлений и форм получения образования, обучения, исходя из желаний и стремлений человека;

предоставление возможности каждому для самоактуализации, проявления и развития познавательных способностей;

возможность получения образования на любом отрезке жизненного пути;

недопущение ограничений педагогов в применении технологий обучения и воспитания и др.

В рамках единого образовательного пространства формируются образовательные отношения как совокупность юридических, управленческих, информационных, психологических, аксиологических, педагогических и других форм взаимодействия и взаимосвязей, реализующих права военнослужащих/сотрудников (в том числе курсантов) на образование.

Обучающиеся:

наделяются академическими правами (например, выбирать формы образования и обучения; обучаться по индивидуальному плану, получать психологическую помощь и социально-педагогическую поддержку; выбирать факультативные и элективные предметы; осваивать несколько основных профессиональных образовательных программ; получать отсрочку от призыва на военную службу; каникулярного и академического отпуска; бесплатного использования библиотечно-информационных ресурсов, учебной, материально-технической и научной базы; публикации своих работ и др.; курсантам образовательных организаций в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, в области таможенного дела, флота, подготовки летного состава и некоторых других предоставляется бесплатное питание, вещевое имущество (обмундирование), проживание, проезд на транспорте, медико-санитарная помощь и охрана здоровья);

по отношению к обучающимся действуют меры социальной поддержки и стимулирования (полное государственное обеспечение, получение образовательного кредита и стипендий: предоставление общежития; бесплатное пользование транспортом и др.).

Утверждение, что образование – это ценность общечеловеческого масштаба – практически для всех выступает аксиомой. В конституциях развитых и многих развивающихся стран четко обозначено положение о праве на образование. Организация же образования в каждой стране имеет свои особенности. Однако практически везде государство заботится о формировании необходимых социально-экономических условий с учетом сложившихся взглядов на предназначение образования. К началу XXI века в мире и в России сложились две основные точки зрения на предназначение образования. Одна считает образование фундаментальной потребностью человека, который будет заниматься профессиональной деятельностью, и поэтому предлагает сузить содержательное поле для изучения до уровня прагматических профессиональных знаний. Другая видит в образовании механизм реализации общественной потребности в воспитанном человеке и поэтому предлагает для изучения широкий спектр знаний, хотя далеко не все они могут пригодиться в профессиональной деятельности.

Очевидно, что истина включает в себя обе эти точки зрения. Должны быть удовлетворены и потребности личности, и потребности общества, о чем и говорит Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [28]. Каждый гражданин Российской Федерации должен быть компетентным в вопросах устройства окружающего природного мира и социального мира, культурной среды и в то же время четко видеть свое место в нем, понимать ответственность за него, понимать свою роль и свои возможности в его совершенствовании.

Какие задачи решает образование в гуманистическом плане?

1. Духовно-личностное развитие человека, достижение готовности достойно переносить трудности жизни и выходить победителем.

2. Формирование активной жизненной позиции, способности эффективно адаптироваться к социальной и профессиональной среде и самореализовываться.

3. Воспитание внутренней гармонии, позитивного отношения к жизни, стремле-

ния к счастью посредством принесения максимально возможной пользы людям.

4. Создание условий для проявления и развития творчества.

5. Воспитание разносторонне и гармонично развитой индивидуальности.

Каждый уровень образования вносит свой вклад в решение перечисленных задач. А государственные и муниципальные органы власти обязаны строго следить и координировать деятельность образовательных организаций. Прежде всего, отслеживая их целевые установки и организацию деятельности по достижению поставленных целей.

Решение всего комплекса стоящих перед образованием задач предполагает проектирование и реализацию соответствующих им методов, педагогических технологий, главное предназначение которых – обеспечить творческое развитие индивидуальности, любящей свое Отечество, готовой встать на ее защиту в случае необходимости, способной брать на себя ответственность и эффективно претворять в жизнь личные планы.

Основное предназначение современного образования состоит в том, чтобы каждое новое поколение, во-первых, могло освоить культурный опыт своих предшественников, во-вторых, обогатить его.

Педагогика, выступая наукой об образовании, выполняет:

а) теоретические функции:

– описательно-констатирующую – фиксирует и описывает учебно-воспитательную практику и особенности ее изучения;

– объясняющую – определяет причины сложившегося положения дел в области образовательной практики;

– обобщающую – формулирует понятия, выводит закономерности, обосновывает концепции, теории;

– прогностическую – выдвигает предположения относительно перспектив развития образовательной практики и педагогической науки;

б) технологического характера:

– проектировочно-преобразовательную – разрабатывает модели, технологии, методы, приемы, средства;

– рефлексивно-корректирующую – анализ эффективности обоснования принятия решений и их реализации в процессе осуществления практической и/или научной деятельности.

Выводы

Осмысление теоретико-методологических оснований образовательной практики в военной академии (институтах) и воинских частях/территориальных органах войск национальной гвардии Российской Федерации, анализ их сути и содержания свидетельствует о фундаментальной ценности общей педагогики для становления и развития новых педагогических отраслей и направлений в сфере подготовки личного состава Росгвардии к решению служебно-боевых задач.

На педагогику как науку ложатся следующие основные задачи: разработка методологических и мировоззренческих оснований образовательной практики и педагогической науки; изучение исторических закономерностей формирования современной образовательной практики и педагогической мысли; выявление закономерностей функционирования и развития систем образования; изучение и обобщение образовательной практики; проектирование инноваций в образовании, создание педагогических условий для их реализации; выяснение перспективных направлений реорганизации образовательной практики; внедрение результатов исследований в образовательную практику; разработка теоретических оснований интеграции педагогической теории и образовательной практики.

Решение данных задач создает теоретико-методологическую базу для деятельности современных ученых-педагогов Росгвардии.

Список источников

1. Волков В. Д. Патриархи педагогической науки Росгвардии: А. В. Барабанщиков, В. Я. Слепов / В. Д. Волков, А. П. Шарухин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. С. 56–63.

2. Богуславский М. В. История педагогики: методология, теория, персоналии: монография. М. : ФГНУ ИТИП РАО, Издательский центр ИЭТ, 2012. 436 с.

3. Пискунов А. И. Хрестоматия по истории педагогики: в 3 т. М. : Творческий центр «Сфера», 2006.

4. Бобрышов С. В. Историко-педагогическое исследование развития педагогического знания: методология и теория: монография. Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2006. 300 с.

5. Бережнова Е. В. Методология педагогики: новый этап: учебник / Е. В. Бережнова, В. В. Краевский. М. : Издательский центр «Академия», 2006. 400 с.

6. Рыков С. Л. Структурно-содержательная характеристика инновационной педагогической системы // Вестник Самарского государственного технического университета. 2020. № 4(48). С. 42–51. DOI: https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.4.4.

7. Бабичев А. М. Модель процесса формирования мировоззренческой позиции личной ответственности за выполнение служебно-боевых задач у курсантов центров подготовки личного состава Росгвардии на основе персонифицированного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-4. С. 39–42.

8. Давыдова О. В. Современный учебник для вузов: компетентностный подход. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uchebnik-dlya-vuzov-kompetentnostnyy-podhod (обращения: 10.10.2025).

9. Литовченко О. В. Современный учебник как средство организации самостоятельной познавательной деятельности школьников на материале естественнонаучных предметов: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Литовченко Ольга Валентиновна. СПб., 2021. 24 с.

10. Батура Т. В. Семантический анализ и способы представления смысла текста в компьютерной лингвистике // Программные продукты и системы. 2016. № 4. С. 45–56.

11. Рубашкин В. Ш. Семантический компонент в системах понимания текста. URL: http://www. raai.org/resurs/papers/kii-2006/#dokladi (дата обращения: 23.05.2026).

12. Безрогов В. Г. Концептуализация и моделирование в истории педагогики / В. Г. Безрогов, Т. Н. Матулис // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография. М. : ИТОП, 1996. С. 20–59.

13. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / П. И. Пидкасистый, В. А. Мижериков, Т. А. Юзефавичус; под ред. П. И. Пидкасистого. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2014. 624 с.

14. Сластенин В. А. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Сластенина. М : Издательский центр «Академия», 2012. 608 с.

15. Хрестоматия по истории философии: учебное пособие для студентов вузов: в 3 ч. / В. А. Башкалова. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 445 с.

16. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учебное пособие для педагогических учебных заведений / под ред. академика РАО А. И. Пискунова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ТЦ «Сфера», 2001. 512 с.

17. Борзенков В. Г. На пути к единой науке о человеке // Человек. 2004. № 3. С. 66–78.

18. Педагогика: учебник / А. Е. Бахмутский / под ред. А. П. Тряпицына. СПб. : Питер , 2013. 304 с.

19. Большая российская энциклопедия. М : Большая Российская энцикл., 2004–2017. URL: https://bigenc.ru/?ysclid=mnvlzwke1m286351103 (дата обращения: 12.04.2026).

20. Коменский Я.-А. Великая дидактика / Избр. пед. соч.: в 2 т. М. : АПН РСФСР, 1982. Т. 1. 655 с.

21. Джуринский А. Н. История педагогики и образования: учебник для бакалавров / А. Н. Джуринский. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2012. 675 с.

22. Основы психотехники. Вып. 3: Воспитание. Искусство. Наука. 1-е изд. М. : Русский книжник, 1925. 176 с.

23. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.

24. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.
25. Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе: (Анализ зарубежного опыта). М. : Знание, 1989. 80 с.
26. Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 10 т. М. : АПН РСФСР, 1948.
27. Блонский П. П. Психология и педагогика. Избранные труды. М. : «Юрайт», 2024. 184 с.
28. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://duma.consultant.ru/page.aspx?1646176 (Дата обращения: 11.05.2026).
29. Шарухин А. П. Служебно-боевая педагогика в войсках национальной гвардии Российской Федерации: учебник. СПб., 2024. 280 с.

References

1. Volkov V. D. Patriarhi pedagogicheskoj nauki Rosgvardii: A. V. Barabanshchikov, V. YA. Slepov / V. D. Volkov, A. P. SHaruhin // Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2025;1: 56–63. (In Russ.).
2. Boguslavskij M. V. Istoriya pedagogiki: metodologiya, teoriya, personalii: monografiya. M. : FGNU ITIP RAO, Izdatel'skij centr IET, 2012. 436 s. (In Russ.).
3. Piskunov A. I. Hrestomatiya po istorii pedagogiki: v 3 t. M. : Tvorcheskij centr «Sfera», 2006. (In Russ.).
4. Bobryshov S. V. Istoriko-pedagogicheskoe issledovanie razvitiya pedagogicheskogo znaniya: metodologiya i teoriya: monografiya. Stavropol': Izd-vo SKSI, 2006. 300 s. (In Russ.).
5. Berezhnova E. V. Metodologiya pedagogiki: novyj etap: uchebnik / E. V. Berezhnova, V. V. Kraevskij. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2006. 400 s. (In Russ.).
6. Rykov S. L. Strukturno-soderzhatel'naya harakteristika innovacionnoj pedagogicheskoj sistemy // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2020;4(48): 42–51. DOI: https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.4.4. (In Russ.).
7. Babichev A. M. Model' processa formirovaniya mirovozzrencheskoj pozicii lichnoj otvetstvennosti za vypolnenie sluzhebno-boevyh zadach u kursantov centrov podgotovki lichnogo sostava Rosgvardii na osnove personificirovannogo podhoda // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025;89-4: 39–42. (In Russ.).
8. Davydova O. V. Sovremennyj uchebnik dlya vuzov: kompetentnostnyj podhod. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uchebnik-dlya-vuzov-kompetentnostnyy-podhod(obrashcheniya: 10.10.2025). (In Russ.).
9. Litovchenko O. V. Sovremennyj uchebnik kak sredstvo organizacii samostoyatel'noj poznavatel'noj deyatel'nosti shkol'nikov na materiale estestvennonauchnyh predmetov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01 / Litovchenko Ol'ga Valentinovna. SPb., 2021. 24 s. (In Russ.).
10. Batura T. V. Semanticheskij analiz i sposoby predstavleniya smysla teksta v komp'yuternoj lingvistike // Programmnye produkty i sistemy. 2016;4: 45–56. (In Russ.).
11. Rubashkin V. SH. Semanticheskij komponent v sistemah ponimaniya teksta. Available from: http://www. raai.org/resurs/papers/kii-2006/#dokladi (data obrashcheniya: 23.05.2026). (In Russ.).
12. Bezrogov V. G. Konceptualizaciya i modelirovanie v istorii pedagogiki / V. G. Bezrogov, T. N. Matulis // Vsemirnyj istoriko-pedagogicheskij process: koncepcii, modeli, istoriografiya. M. : ITOP, 1996. S. 20–59. (In Russ.).
13. Pedagogika: uchebnik dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya / P. I. Pidkasistyj, V. A. Mizherikov, T. A. YUzefavichus; pod red. P. I. Pidkasistogo. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2014. 624 s. (In Russ.).
14. Slastenin V. A. Pedagogika: uchebnik dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, E. N. SHiyanov; pod red. V. A. Slastenina. M : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2012. 608 s. (In Russ.).
15. Hrestomatiya po istorii filosofii: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov: v 3 ch. / V. A. Bashkalova. M. : Gumanit. izd. centr VLADOS, 1997. 445 s. (In Russ.).
16. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do konca XX v.: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskih uchebnyh zavedenij / pod red. akademika RAO A. I. Piskunova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : TC «Sfera», 2001. 512 s. (In Russ.).
17. Borzenkov V. G. Na puti k edinoj nauke o cheloveke // CHelovek. 2004. № 3. S. 66–78. (In Russ.).

18. Pedagogika: uchebnik / A. E. Bahmutskij / pod red. A. P. Tryapicyna. SPb. : Piter , 2013. 304 s. (In Russ.).

19. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. M : Bol'shaya Rossijskaya encikl., 2004–2017. Available from: https://bigenc.ru/?ysclid=mnvlzwke1m286351103 (data obrashcheniya: 12.04.2026). (In Russ.).

20. Komenskij YA.-A. Velikaya didaktika / Izbr. ped. soch.: v 2 t. M. : APN RSFSR, 1982. T. 1. 655 s. (In Russ.).

21. Dzhurinskij A. N. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya: uchebnik dlya bakalavrov / A. N. Dzhurinskij. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Izd-vo YUrajt, 2012. 675 s. (In Russ.).

22. Osnovy psihotekhniki. Vyp. 3: Vospitanie. Iskusstvo. Nauka. 1-e izd. M. : Russkij knizhnik, 1925. 176 s. (In Russ.).

23. Gessen S. I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu. M. : SHkola-Press, 1995. 448 s. (In Russ.).

24. Bespal'ko V. P. Slagaemye pedagogicheskoj tekhnologii. M. : Pedagogika, 1989. 192 s. (In Russ.).

25. Klarin M. V. Pedagogicheskaya tekhnologiya v uchebnom processe: (Analiz zarubezhnogo opyta). M. : Znanie, 1989. 80 s. (In Russ.).

26. Ushinskij K. D. Sobr. soch.: v 10 t. M. : APN RSFSR, 1948. (In Russ.).

27. Blonskij P. P. Psihologiya i pedagogika. Izbrannye trudy. M. : «YUrajt», 2024. 184 s. (In Russ.).

28. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». Available from: https://duma.consultant.ru/page.aspx?1646176 (Data obrashcheniya: 11.05.2026). (In Russ.).

29. SHaruhin A. P. Sluzhebno-boevaya pedagogika v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: uchebnik. SPb., 2024. 280 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Шарухин *– доктор педагогических наук, профессор*

Статья поступила в редакцию 17.06.2026;
одобрена после рецензирования 18.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

A. P. Sharukhin *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

The article was submitted 17.06.2026;
approved after reviewing 18.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 378

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КАДЕТ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

Антон Васильевич Киселев
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
AngelFerum1988@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в теоретическом анализе и систематизации структуры и содержания ценностных ориентаций обучающихся кадетских образовательных организаций именно на военную службу. В условиях повышения роли довузовской военной подготовки актуальность формирования у кадет устойчивой мотивации к выбору профессии офицера, осознанного принятия воинских ценностей и готовности к службе возрастает многократно. Ведущим подходом к исследованию выступил системный анализ, позволивший рассмотреть ценностные ориентации на военную службу как сложное, иерархически организованное личностное образование. На основе типологии М. Рокича выделены терминальные ценности военной службы (защита Отечества, верность воинскому долгу, офицерская честь, служение народу и государству) и инструментальные ценности (дисциплинированность, профессиональное мастерство, коллективизм, физическая готовность, ответственное отношение к оружию и технике). Представлена трехкомпонентная динамическая структура: когнитивный («знания о военной службе»), мотивационно-волевой («стремление стать офицером») и аксиологический («принятие воинских ценностей как личностных смыслов»). Описаны функции ценностных ориентаций на военную службу (регулятивная, целеполагающая, адаптивная, мобилизующая, идентификационная) и факторы их формирования, включая военизированную среду, пример офицеров-наставников, военно-профессиональную подготовку, традиции, механизмы образовательно-карьерной системы «Кадетское училище – ВООВО Росгвардии – войска», а также конкурсы патриотической направленности (на примере XI Всероссийского конкурса «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях»). Предложен комплекс диагностических методов. Полученные результаты имеют теоретическую значимость для педагогики военного образования и практическую ценность для совершенствования системы военно-профессиональной ориентации и воспитания в кадетских корпусах.

Ключевые слова: ценностные ориентации, военная служба, кадетское образование, терминальные ценности, инструментальные ценности, военно-профессиональная ориентация, образовательно-карьерная система, офицер-наставник, конкурс патриотической направленности

Для цитирования: Киселев А.В. Структура и содержание ценностных ориентаций кадет на военную службу // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 198–205. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/021.pdf.

Original article

STRUCTURE AND CONTENT OF CADETS' VALUE ORIENTATIONS TOWARDS MILITARY SERVICE

Anton V. Kiselev
Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
AngelFerum1988@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to theoretically analyze and systematize the structure and content of value orientations of students in cadet educational organizations specifically towards military

service. In the context of the increasing role of pre-university military training, the relevance of forming in cadets a stable motivation to choose the officer profession, conscious acceptance of military values, and readiness for service is growing many times over. The leading approach to the research was a systematic analysis, which allowed us to consider value orientations towards military service as a complex, hierarchically organized personal formation. Based on M. Rokeach's typology, terminal values of military service (defense of the Fatherland, loyalty to military duty, officer's honor, service to the people and the state) and instrumental values (discipline, professional skill, collectivism, physical readiness, responsible attitude to weapons and equipment) are identified. A three-component dynamic structure is presented: cognitive ("knowledge about military service"), motivational-volitional ("desire to become an officer"), and axiological ("acceptance of military values as personal meanings"). The functions of value orientations towards military service (regulatory, goal-setting, adaptive, mobilizing, identification) and the factors of their formation, including the militarized environment, the example of officer-mentors, military-professional training, traditions, the mechanisms of the educational-career system "Cadet School – Military Higher Education Institution of the Russian Guard – Troops", as well as patriotic orientation competitions (on the example of the XI All-Russian Competition "Formation of Patriotism in Cadet Educational Organizations") are described. A set of diagnostic methods is proposed. The obtained results have theoretical significance for the pedagogy of military education and practical value for improving the system of military-professional orientation and education in cadet corps.

Keywords: value orientations; military service, cadet education, terminal values, instrumental values, military-professional orientation, educational-career system, officer-mentor, patriotic orientation competition

For citation: Kiselev A.V. Structure and content of cadets' value orientations towards military service. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;1(30): 198–205. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/021.pdf.

© Киселев А.В., 2026

Введение

Современные вызовы национальной безопасности, модернизация Вооруженных Сил и войск национальной гвардии Российской Федерации предъявляют повышенные требования к качеству подготовки офицерских кадров. Важнейшим звеном этой подготовки выступают кадетские образовательные организации, где у несовершеннолетних обучающихся формируются не только первоначальные военные знания и навыки, но и устойчивая система ценностных ориентаций на военную службу. Ценностные ориентации на военную службу представляют собой иерархически организованную систему убеждений, мотивов и идеалов, определяющих положительное отношение кадета к военной профессии, осознанный выбор карьеры офицера и готовность к выполнению воинского долга.

Как подчеркивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «таланты и достижения молодежи в самых разных сферах будут прямо влиять на развитие России, а их устремления и помыслы… будут определять её будущее» [1]. Федеральный закон от 22 июня 2024 года № 159-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закрепил уникальный статус кадетских организаций, разрешив интеграцию общеобразовательных программ с программами военно-патриотической направленности, что создает новые возможности для целенаправленного формирования ценностных ориентаций на военную службу [2].

Несмотря на значительное количество работ по военной педагогике (А. В. Барабанщиков, В. Я. Слепов, А.П. Шарухин, И. А. Федосеева и др.), проблема именно ценностных ориентаций кадет на военную службу как целостного педагогического феномена остается недостаточно исследованной. Вместе с тем, как отмечается в учебном пособии «Образовательно-карьерная система «Кадетское училище – военные образовательные организации высшего образования войск национальной гвардии – войска национальной гвардии Российской Федерации»», формирование ценностных ориентаций на военную службу является ядром всей довузовской подготовки, а их структура включает не только личностные, но и процедурно-организационные аспекты [3, с. 10–12].

Цель статьи – теоретически обосновать структуру и содержание ценностных ориентаций кадет на военную службу, выявить их компоненты, функции и факторы формирования, используя в том числе опыт функ-

ционирования образовательно-карьерной системы Росгвардии и конкурсов патриотической направленности.

Методика исследования

Исследование носит аналитический характер. Методологическую основу настоящего исследования составили: системный подход, позволивший рассмотреть ценностные ориентации на военную службу как целостное иерархическое образование; аксиологический подход, ориентирующий на выделение терминальных и инструментальных ценностей; компетентностный подход, задающий целевые ориентиры подготовки будущего офицера. Теоретическую базу составили труды отечественных учёных в области философии, психологии и педагогики (Аристотель [16], И. Кант [17], М. Шелер [18], М. Вебер [19], Э. Дюркгейм, П. Сорокин [20], А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, Д. А. Леонтьев, В. Франкл, Л. И. Божович, И. С. Кон, А. К. Быков, А. М. Егорычев, В. Я. Слепов, А. П. Шарухин, И. А. Федосеева и др.), а также работы по военной педагогике и кадетскому образованию. Использовались научные методы: историко-философский анализ, анализ и обобщение исследовательских материалов по проблеме, абстрагирование и прогнозирование процессов, связанных с формированием ценностных ориентаций кадет на военную службу. Эмпирическую базу составили данные официальных сайтов, публикации о XI Всероссийском конкурсе «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях» (2026 г.), а также материалы учебного пособия «Образовательно-карьерная система «Кадетское училище – ВООВО Росгвардии – войска»» [3; 15].

Результаты исследования Теоретико-методологические основы ценностных ориентаций на военную службу. В психолого-педагогической науке ценностные ориентации понимаются как механизм связи личности с обществом, регулятор поведения и деятельности (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов) [4; 5]. Применительно к военной службе они приобретают специфическое содержание, связанное с осознанием высокого общественного предназначения воинской деятельности, готовностью к риску и самопожертвованию. Ключевое значение для нашего исследования имеет типология М. Рокича, разделяющего ценности на терминальные (цели существования) и инструментальные (предпочитаемые способы действий) [6]. В контексте военной службы терминальные ценности выступают как смысложизненные ориентиры военно-профессиональной деятельности, а инструментальные – как профессионально важные качества и нормы воинского поведения. В работах В. Я. Слепова [7], А. П. Шарухина [8], А. К. Быкова [9] подчеркивается, что формирование ценностного отношения к военной службе начинается уже на этапе довузовской подготовки и требует создания особой воспитательной среды, где личный пример офицера-наставника играет решающую роль. Как справедливо указано в учебном пособии, «офицер-воспитатель является ключевой фигурой и персональным наставником», который «осуществляет постоянное наблюдение, изучает индивидуальные особенности, способности и проблемы каждого кадета» [3, с. 58-59].

Структуру ценностных ориентаций кадет на военную службу можно представить как иерархическую систему из двух уровней и трех динамических компонентов.

Терминальные ценности военной службы (ценности-цели). Определяют высший смысл военной службы в представлении кадета, его идеальный образ будущего офицера: защита Отечества – осознание военной службы как священного долга по обеспечению безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности (историческая традиция кадетства, как показано в пособии, закладывала эту ценность с XVIII века: «воспитание было проникнуто духом христианского вероучения и подготовкой юношей к службе Отечеству» [3, с. 15]); верность воинскому долгу – готовность в любых условиях выполнить поставленную задачу, вплоть до самопожертвования; офицерская честь – следование кодексу офицерской этики, верность слову, присяге, принципам справедливости и достоинства; служение народу и государству – понимание военной профессии как общественного служения, а не только средства заработка или карьеры.

Инструментальные ценности военной службы (ценности-средства). Регулируют повседневное поведение и деятельность кадета, выступая средствами достижения терминальных ценностей:

дисциплинированность и исполнительность – неукоснительное соблюдение уставов, приказов, распорядка дня (в образовательно-карьерной системе это закрепляется принципом «строго регламентированного уклада жизни» [3, с. 27]);

профессиональное мастерство – стремление к глубокому овладению военно-учетной специальностью, оружием, техникой; коллективизм и войсковое товарищество – умение действовать в составе подразделения,

взаимовыручка, поддержка сослуживцев (как подчеркивается в пособии, «ценности товарищества, взаимовыручки, чести мундира культивируются через систему наставничества и неформальные нормы» [3, с. 18]);
физическая готовность – поддержание высокой физической формы, выносливости, способности переносить нагрузки (нормативы по физической подготовке являются обязательным этапом отбора) [3, с. 88–89];
ответственное отношение к оружию и военной технике – бережное обращение, знание материальной части, безопасное обращение.

Динамические компоненты:
когнитивный компонент («знания о военной службе») – знание истории армии, уставов, традиций, правовых основ военной службы, требований к офицеру (в пособии этому посвящены разделы об исторических традициях кадетского образования и нормативной базе [3, с. 15–26]);
мотивационно-волевой компонент («стремление стать офицером») – внутреннее желание связать жизнь с армией, преодолевать трудности военной службы, развивать волевые качества (формируется через участие в рекомендованных мероприятиях, экскурсиях в военные вузы, учебных сборах, а также в конкурсах патриотической направленности [3, с. 66–69]);
аксиологический компонент («принятие воинских ценностей») – превращение ценностей военной службы из внешне заданных в личностно значимые, формирование образа «Я – будущий офицер» (результат прохождения всех этапов образовательно-карьерной системы [3, с. 38–40]).

Выделим специфические функции, наиболее значимые для военно-профессиональной ориентации:
регулятивная – направляют поведение кадета в соответствии с воинскими нормативами и требованиями;
целеполагающая – определяют выбор кадетом военной профессии, поступление в военный вуз, долгосрочные карьерные планы;
адаптивная – помогают кадету приспособиться к строгому уставному порядку, субординации, режиму;
мобилизующая – активизируют волевые усилия при подготовке к службе, на сборах, соревнованиях, в конкурсных мероприятиях;
идентификационная – способствуют отождествлению кадета с офицерским сообществом, принятию корпоративной культуры (в пособии это названо «источником гордости и идентичности» [3, с. 17]).

Система ценностных ориентаций кадета не статична. Она формируется и развивается под воздействием множества факторов.

Специфическая образовательная среда кадетского учреждения:
военизированный уклад жизни – строгий распорядок дня, ношение формы, система званий и субординации являются мощным инструментом интериоризации ценностей дисциплины, порядка, уважения к символам [10, с. 208; 8, с. 224];
система традиций и ритуалов – торжественные построения, вахты памяти, посвящение в кадеты, дни воинской славы эмоционально насыщают абстрактные ценности, делая их личностно значимыми, формируют «коллективную память» (историческая преемственность кадетского образования, как показано в учебном пособии, выступает «нравственным ориентиром» для современных воспитанников [3, с. 17]);
средовая культура и «дух кадетства» – формируется особое чувство принадлежности к элитарному сообществу с высокими стандартами поведения, ценности товарищества, взаимовыручки, чести мундира культивируются через систему наставничества и неформальные нормы [11, с. 91–95; 12, с. 33–39].

Целенаправленная воспитательная система, где воспитание ценностей является основополагающей целью, для достижения которой используется комплекс средств: учебные дисциплины (история, литература с патриотическим акцентом), дополнительное образование (военно-патриотические клубы, спортивные секции), система воспитательной работы (тематические вечера, встречи с ветеранами, военно-спортивные игры) [9, с. 156; 13, с. 576]. Важной формой воспитательной работы выступают профильные конкурсы.

Роль офицера-воспитателя (воспитателя): ключевая фигура, являющаяся носителем традиций, личным примером и наставником, формирующим ценностные отношения через личный контакт. В учебном пособии подчеркивается, что «офицер-воспитатель – ключевая фигура и персональный наставник» [3, с. 58–59].

Ориентация на будущую профессию офицера: все ценности преломляются через призму будущей служебной деятельности, что создает высокую личностную значимость формируемых ценностей [14, с. 192].

Практико-ориентированная военная подготовка: занятия по тактике, огневой подготовке, военной топографии, участие в полевых

выходах и военно-спортивных играх [3, с. 66–68].

Макросоциальные факторы:

состояние общества и государства (уровень социальной стабильности, престиж армии, государственная политика в области патриотического воспитания);

культурно-исторический контекст (традиции российского офицерства, историческая память, современные культурные тренды, влияние СМИ и интернета).

Микросоциальные факторы:

семья – ценностные установки родителей, их отношение к военной службе, патриотизму;

семейный уклад и традиции; референтная группа (товарищи по корпусу) – групповые нормы и ценности, принятые в непосредственном окружении кадета; лидеры мнений в коллективе.

Индивидуально-личностные факторы:

возрастные особенности и потребность в самоопределении; индивидуальный опыт и личные переживания;

личностные характеристики (интеллект, волевые качества, способность к рефлексии); изначальная мотивация поступления в кадетский корпус.

Образовательно-карьерная система «Кадетское училище – ВООВО Росгвардии – войска»: единый путь «Кадет – Курсант – Офицер», где каждый этап имеет свои цели, содержание и критерии перехода [3, с. 38–40]. Эта система создает долгосрочную перспективу и укрепляет ценностные ориентации именно на военную службу.

Конкурсы патриотической направленности как эффективный пример воспитательного мероприятия: значимым примером фактора, способствующего формированию ценностных ориентаций кадет, выступает XI Всероссийский конкурс «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях», состоявшийся в 2026 году на базе Академии войск национальной гвардии [15]. Конкурс, посвященный 215-й годовщине войск национальной гвардии и 10-летию создания Росгвардии, собрал более 400 воспитанников из 13 команд, представлявших 10 регионов России [15]. Участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Пермского края, Донецкой Народной Республики и других регионов продемонстрировали высокий уровень подготовки в рамках конкурсной программы, включавшей защиту социальных проектов, визитных карточек и индивидуальных инициатив [15]. Конкурс призван актуализировать формы и методы патриотического воспитания, обеспечивая площадку для обмена опытом между учебными заведениями и создавая условия для выявления и распространения лучших педагогических практик в области формирования ценностных ориентаций кадет. По итогам конкурса высоких результатов добились воспитанники и офицеры-воспитатели Московского президентского кадетского училища им. М. А. Шолохова (второе место) и Пермского президентского кадетского училища им. Ф. Кузьмина (первое место в номинации «Офицер-воспитатель года»), что служит внешним подтверждением эффективности внедрения образовательно-карьерной системы и целенаправленной воспитательной работы [15].

Методологический аспект диагностики ценностных ориентаций кадет на военную службу. Изучение структуры и содержания ценностных ориентаций кадет требует применения комплекса диагностических методов (с опорой на пособие [3, с. 73–78]): анкетирование (стандартизированные методики: Морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной; методика М. Рокича [6];

опросник ценностей Ш. Шварца; авторские анкеты);

глубинное интервью;

метод незаконченных предложений («Быть кадетом для меня значит...», «Служить Отечеству – это...», «Быть офицером для меня значит…»);

наблюдение (включенное и внешнее); анализ продуктов деятельности (изучение сочинений, эссе, творческих работ, конкурсных проектов [15])

социометрические методы;

метод экспертных оценок;

анализ личного дела и портфолио достижений кадета [3, с. 73–75].

Интерпретация результатов должна учитывать возрастные особенности, социальный контекст и специфику кадетского корпуса, опираясь на понимание двухуровневой структуры ценностных ориентаций (терминальные и инструментальные ценности) и их трехкомпонентной динамики.

Ценностные ориентации кадет на военную службу представляют собой сложную, иерархически организованную и динамичную систему. Ее ядро составляют терминальные ценности (по М. Рокичу) – высшие смыслообразующие ориентиры защиты Отечества, верности воинскому долгу, офицерской чести и служения, которые реализуются через инструментальные ценности (дисциплина, профессиональное мастерство, коллективизм, физическая готовность,

ответственное отношение к оружию) как средства достижения целей.

Ключевой особенностью структуры является ее трехкомпонентность:

когнитивный («знания о военной службе»);

мотивационно-поведенческий («стремление стать офицером»);

аксиологический («принятие воинских ценностей»).

Все эти компоненты находятся в тесной взаимосвязи, определяя целостность и эффективность данной системы как регулятора поведения и профессионального самоопределения.

Эта система формируется и функционирует под влиянием уникальной среды кадетского образовательного учреждения, характеризующейся военизированным укладом, сильными традициями, корпоративным духом и четкой ориентацией на подготовку к служению Отечеству. Выполняемые ею функции (регулятивная, целеполагающая, адаптивная, мобилизующая, идентификационная) охватывают все ключевые аспекты жизнедеятельности и развития кадета. Как показано в учебном пособии, образовательно-карьерная система «Кадетское училище – ВООВО Росгвардии – войска» не только информирует, но и воспитывает, формируя осознанное стремление к службе, понимание её высокой ответственности и гордость за принадлежность к славным традициям защитников Отечества [3, с. 11]. Дополнительным импульсом для формирования ценностных ориентаций выступают конкурсы патриотической направленности, такие как XI Всероссийский конкурс «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях», которые актуализируют лучшие практики воспитательной работы и создают среду соревновательности и взаимообогащения опытом [15].

Понимание структуры, содержания, функций и факторов формирования ценностных ориентаций кадет на военную службу имеет принципиальное значение как для теоретического осмысления проблем военно-профессиональной ориентации, так и для практики. Оно создает базу для: оценки эффективности существующей системы воспитательной и профориентационной работы; выявления факторов, способствующих и препятствующих формированию желаемых ценностных ориентаций; разработки научно обоснованных психолого-педагогических рекомендаций и программ; индивидуализации воспитательного подхода; прогнозирования возможных проблем и ценностных конфликтов. Дальнейшее исследование будет направлено на эмпирическое изучение реальной структуры и содержания ценностных ориентаций обучающихся в кадетских образовательных организациях Росгвардии, выявление их специфики на разных этапах обучения и анализ влияния различных факторов (включая участие в конкурсах патриотической направленности) для разработки практических мер по оптимизации процесса их формирования как основы патриотического сознания и готовности к военной службе.

Список источников

1. Заседание Государственного Совета от 22.12.2022 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169 (дата обращения: 09.04.2026).

2. Федеральный закон от 22 июня 2024 года № 159-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50770 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Киселёв А. В. Образовательно-карьерная система «Кадетское училище – военные образовательные организации высшего образования войск национальной гвардии – войска национальной гвардии Российской Федерации»: учебное пособие / А. В. Киселёв, И. А. Федосеева; под общ. ред. А. Ю. Кийко. СПб. : Академия войск национальной гвардии; ЛЕМА, 2026. 112 с.

4. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986. 223 с.

5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Добросвет, 1995. 596 с.

6. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 154-159.

7. Киселев А. В. Роль педагога-наставника Владимира Яковлевича Слепова в воспитании патриотизма у кадет // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 210–214.

8. Шарухин А. П. Военно-патриотическое воспитание: теория и практика. СПб. : Речь, 2010. 224 с.

9. Быков А. К. Патриотическое воспитание школьников: учебное пособие. М. : НИИ школьных технологий, 2006. 208 с.
10. Краснорядцева О. М. Ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения студентов: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2000. 186 с.
11. Рогов М. Г. Ценностные ориентации кадет как основа их профессионального становления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 91–95.
12. Аверин В. А. Психология личности: учебное пособие. СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2011. 192 с.
13. Сластенин В. А. Педагогика: учебное пособие. М. : Академия, 2002. 576 с.
14. Киселев А. В. Воспитание патриотизма у обучающихся в специализированных учебных заведениях как педагогическая проблема // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 34–37.
15. Кадетов наградили за вклад в формирование патриотизма // Победа Российской Федерации. 04.04.2026. URL: https://pobedarf.ru/2026/04/04/kadetov-nagradili-za-vklad-v-formirovanie-patriotizma/ (дата обращения: 09.04.2026).
16. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 375–644.
17. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 240.
18. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 490 с.
19. Вебер М. Объективность социальнонаучного и социальнополитического познания // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
20. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 88.

References

1. Zasedanie Gosudarstvennogo Soveta ot 22.12.2022 goda. Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169 (data obrashcheniya: 09.04.2026). (In Russ.).
2. Federal'nyj zakon ot 22 iyunya 2024 goda № 159-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 86 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii"». Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50770 (data obrashcheniya: 09.04.2026). (In Russ.).
3. Kiselyov A. V., Fedoseeva I.A. Obrazovatel'no-kar'ernaya sistema «Kadetskoe uchilishche – voennye obrazovatel'nye organizacii vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii – vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii»: uchebnoe posobie / pod obshch. red. A.Yu. Kijko. SPb.: VA VNG RF, LEMA, 2026. 112 s. (In Russ.).
4. Zdravomyslov A. G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti. M.: Politizdat, 1986. 223 s. (In Russ.).
5. Yadov V. A. Strategiya sociologicheskogo issledovaniya. M.: Dobrosvet, 1995. 596 s. (In Russ.).
6. Rokich M. Metodika «Cennostnye orientacii» // Psihologiya lichnosti. Teksty / pod red. Yu. B. Gippenreiter, A.A. Puzyreya. M.: Izd-vo MGU, 1982. S. 154–159. (In Russ.).
7. Kiselev A. V. Rol' pedagoga-nastavnika Vladimira Yakovlevicha Slepova v vospitanii patriotizma u kadet // Vladimir Yakovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. Ya. Slepova): materialy mezhvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb.: Tipografiya Akademii vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 210–214. (In Russ.).
8. Sharuhin A. P. Voenno-patrioticheskoe vospitanie: teoriya i praktika. SPb.: Rech', 2010. 224 s. (In Russ.).
9. Bykov A. K. Patrioticheskoe vospitanie shkol'nikov: uchebnoe posobie. M.: NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. 208 s. (In Russ.).
10. Krasnoryadceva O. M. Cennostnye orientacii kak faktor professional'nogo samoopredeleniya studentov: dis. ... kand. psihol. nauk. Barnaul, 2000. 186 s. (In Russ.).
11. Rogov M. G. Cennostnye orientacii kadet kak osnova ih professional'nogo stanovleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2005. № 4 (28). S. 91-95. (In Russ.).
12. Averin V. A. Psihologiya lichnosti: Uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo Mihajlova V. A., 2011. 192 s. (In Russ.).
13. Slastenin V. A. Pedagogika: Ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2002. 576 s. (In Russ.).

14. Kiselev A. V. Vospitanie patriotizma u obuchayushchihsya v specializirovannyh uchebnyh zavedeniyah kak pedagogicheskaya problema // Sovremennoe professional'noe obrazovanie. 2025;12: 34-37. (In Russ.).

15. Kadetov nagradili za vklad v formirovanie patriotizma // Pobeda RF. 04.04.2026. URL: https://pobedarf.ru/2026/04/04/kadetov-nagradili-za-vklad-v-formirovanie-patriotizma/ (data obrashcheniya: 09.04.2026). (In Russ.).

16. Aristotel'. Politika // Soch. v 4 t. T.4. M., 1984. S. 375-644. (In Russ.).

17. Kant I. Traktaty i pis'ma. M., 1980. S. 240. (In Russ.).

18. Sheler M. Formalizm v etike i material'naya etika cennostej // Izbrannye proizvedeniya. M.: Gnozis, 1994. 490 s. (In Russ.).

19. TVeber M. Ob"ektivnost' social'nauchnogo i social'nopoliticheskogo poznaniya // Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. (In Russ.).

20. Sorokin P. A. Social'naya i kul'turnaya dinamika. SPb., 2000. S. 88. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.05.2026;
одобрена после рецензирования 10.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.05.2026;
approved after reviewing 10.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 37.017:343.352

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПУТИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ВОСПИТАНИЯ

Дмитрий Минуллович Вахитов[1], Алексей Анатольевич Утюганов[2]
[1] Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия
[2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] kuban0807@mail.ru
[2] outioganov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается коррупция как социально-педагогическая патология, деформирующая правовое сознание, систему ценностей и поведенческие нормы личности. Обосновывается продуктивность медицинской метафоры «коррупционной болезни», позволяющей описать профилактику, коррекцию и восстановление антикоррупционной культуры в образовательной среде. Цель статьи состоит в теоретическом обосновании системы антикоррупционного воспитания обучающихся, ориентированной на формирование правовой культуры, гражданской ответственности, нравственной устойчивости и готовности к противодействию коррупционным практикам. Методологическую основу исследования составляют системный, аксиологический, компетентностный, субъектно-деятельностный и средовой подходы. Показано, что эффективное антикоррупционное воспитание не может быть сведено к информированию о юридической ответственности: оно требует целенаправленного формирования ценностно-смысловой позиции личности, моральной аргументации, критического мышления и устойчивых моделей правомерного поведения. Особое внимание уделено работам Д. М. Вахитова о формировании антикоррупционной компетентности курсантов и исследованиям А. А. Утюганова, раскрывающим значение ценностно-смысловых ориентаций в профессиональном становлении будущих офицеров. Предложены уровни, принципы, методы и критерии оценки эффективности антикоррупционного воспитания в образовательной системе.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное воспитание, антикоррупционная компетентность, правовая культура, ценностно-смысловые ориентации, нравственное развитие, образовательная среда, цифровизация образования

Для цитирования: Вахитов Д.М., Утюганов А.А. Коррупция как социальная болезнь: педагогические основания и пути антикоррупционного воспитания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 206–217. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/022.pdf.

Original article

CORRUPTION AS A SOCIAL DISEASE: PEDAGOGICAL FOUNDATIONS AND WAYS OF ANTI-CORRUPTION EDUCATION

Dmitrij M. Vakhitov[1], Aleksej A. Utyuganov[2]
[1] Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, Novosibirsk, Russia
[2] Military Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] kuban0807@mail.ru
[2] outioganov@mail.ru

Abstract. The article considers corruption as a socio-pedagogical pathology that deforms the legal consciousness, value system and behavioral norms of the individual. The article substantiates the effectiveness of the medical metaphor of "corruption disease", which makes it possible to describe the prevention, correction and restoration of an anti-corruption culture in an educational environment. The

purpose of the article is to theoretically substantiate the system of anti-corruption education of students, focused on the formation of a legal culture, civic responsibility, moral stability and readiness to counteract corrupt practices. The methodological basis of the research consists of systematic, axiological, competence-based, subject-activity and environmental approaches. It is shown that effective anti-corruption education cannot be reduced to informing about legal responsibility: it requires the purposeful formation of a person's value-semantic position, moral argumentation, critical thinking and stable models of legitimate behavior. Special attention is paid to the works of D. M. Vakhitov on the formation of anti-corruption competence of cadets and the research of A. A. Utyuganov, revealing the importance of value-semantic orientations in the professional development of future officers. The levels, principles, methods and criteria for evaluating the effectiveness of anti-corruption education in the educational system are proposed.

Keywords: corruption, anti-corruption education, anti-corruption competence, legal culture, value orientations, moral development, educational environment, digitalization of education

For citation: Vakhitov D.M., Utyuganov A.A. Corruption as a social disease: pedagogical foundations and ways of anti-corruption education. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 206–217. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/022.pdf.

© Вахитов Д.М., Утюганов А.А., 2026

Введение

Коррупция относится к числу наиболее устойчивых негативных социальных явлений, сопровождающих развитие государственных институтов на различных этапах истории. В современных условиях глобализации экономических отношений, усложнения управленческих процессов, цифровизации публичного управления и роста взаимозависимости государственных и общественных структур проблема коррупции приобретает не только правовое, экономическое и политическое, но и выраженное педагогическое значение. По оценкам, приводимым в материалах Организации Объединенных Наций и Управления ООН по наркотикам и преступности, совокупный мировой ущерб от коррупции сопоставим примерно с 2,6 трлн долларов США, или около 5 % мирового валового внутреннего продукта [4]. Следовательно, коррупция выступает не частным дефектом управления, а системным фактором разрушения доверия, социальной справедливости и правовой культуры.

Российское законодательство рассматривает противодействие коррупции как деятельность, включающую предупреждение коррупции, выявление, пресечение и расследование коррупционных правонарушений, а также минимизацию и ликвидацию их последствий [1]. Однако сама по себе нормативная регламентация не исчерпывает проблему, поскольку коррупционное поведение укореняется не только в недостатках контроля, но и в деформации ценностных установок, правового сознания, нравственной ответственности и повседневных моделей поведения личности. Поэтому важнейшим направлением противодействия коррупции становится образование, способное воздействовать на причины коррупционного поведения до момента его юридического проявления.

Педагогическая наука не должна оставаться на периферии антикоррупционной политики. Если право реагирует преимущественно на совершенное правонарушение, то педагогика работает с теми внутренними предпосылками, которые делают коррупционное действие возможным или, напротив, невозможным для личности. В этом смысле антикоррупционное воспитание представляет собой не вспомогательное мероприятие, а самостоятельный компонент государственной и общественной системы противодействия коррупции. Оно направлено на формирование у обучающихся устойчивой правовой культуры, нравственной рефлексии, гражданской ответственности, уважения к закону и готовности противостоять коррупционным практикам в профессиональной и повседневной жизни.

Теоретическое осмысление коррупции как социального феномена представлено в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

А. И. Долгова, В. В. Лунеев, Г. А. Сатаров раскрывают коррупцию как сложное криминологическое и социально-правовое явление, связанное с деформацией институтов и общественных норм [13; 14; 15]. R. Klitgaard, S. Rose-Ackerman, R. Fisman и E. Miguel показывают, что коррупция зависит от системы стимулов, социальных ожиданий, правоприменительной практики и устойчивых поведенческих норм [16; 17; 18]. Для педагогического исследования особенно значим вывод о том, что коррупция имеет не только институциональную, но и культурно-поведенческую природу.

В контексте военного и ведомственного образования особую значимость имеют

исследования Д. М. Вахитова, посвященные формированию антикоррупционной компетентности курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации. В его работах антикоррупционная компетентность рассматривается как профессионально значимое личностное новообразование, включающее мотивационный, эмоциональный, когнитивный и деятельностный компоненты [5; 6]. Существенным является и вклад А. А. Утюганова, обосновавшего центральное место ценностно-смысловых ориентаций в структуре профессионально важных качеств будущих офицеров национальной гвардии [8; 9]. Совместная работа Д. М. Вахитова и А. А. Утюганова актуализирует проблему формирования антикоррупционной компетентности курсантов в условиях цифровизации общества [7].

Цель настоящей статьи состоит в теоретическом обосновании педагогической системы антикоррупционного воспитания обучающихся на основе понимания коррупции как социальной патологии и определения принципов, уровней, методов и критериев эффективности такого воспитания. Задачи исследования включают: раскрытие педагогического смысла медицинской метафоры коррупции; выявление психолого-педагогических детерминант коррупционного поведения; характеристику уровней антикоррупционного воспитания; описание методического арсенала; определение роли семьи, образовательной среды и цифровых технологий; формулирование критериев результативности антикоррупционного образования.

Основная часть

Методологическую основу статьи составляют системный, аксиологический, компетентностный, субъектно-деятельностный и средовой подходы. Системный подход позволяет рассматривать антикоррупционное воспитание как целостный процесс, включающий цели, содержание, методы, субъектов, условия и результаты. Аксиологический подход ориентирует исследование на формирование у обучающихся устойчивой иерархии ценностей, в которой честность, справедливость, законность, долг и ответственность выступают не внешними требованиями, а внутренними основаниями поведения. Компетентностный подход позволяет определить антикоррупционную компетентность как интегральный результат образования, включающий знания, ценностные установки и практическую готовность действовать правомерно.

Субъектно-деятельностный подход предполагает отказ от пассивной модели воспитания, при которой обучающийся лишь воспринимает готовые нормы. В антикоррупционном воспитании обучающийся должен становиться субъектом анализа, выбора, оценки и действия. Поэтому принципиальное значение имеют дискуссии, кейсы, нравственные дилеммы, проектная деятельность и социальные практики. Средовой подход подчеркивает, что антикоррупционное воспитание невозможно реализовать только через отдельный учебный курс: оно требует построения образовательной среды, в которой коррупционные микропрактики – списывание, протекционизм, фиктивная отчетность, покупка работ, двойные стандарты – не поощряются и не нормализуются.

Методы исследования включают теоретический анализ научной литературы и нормативных актов, сравнительно-педагогический анализ отечественного и международного опыта, педагогическое моделирование, обобщение практик антикоррупционного просвещения и логико-содержательную реконструкцию критериев эффективности воспитательной работы. Нормативной основой исследования выступают Федеральный закон «О противодействии коррупции», Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы и Конвенция ООН против коррупции [1; 2; 3].

Коррупция как социальная патология: медицинская метафора и ее педагогический смысл. Образ болезни применительно к коррупции является продуктивной научной метафорой, поскольку позволяет описать не только внешние проявления, но и внутренние механизмы распространения данного явления. В классической политико-философской традиции злоупотребление властью рассматривалось как признак разложения политического порядка: у Аристотеля проблема порчи форм правления связывалась с утратой ориентации на общее благо, а у Н. Макиавелли – с разрушением политического тела государства внутренними пороками власти [11; 12]. В современном педагогическом контексте эта метафора не должна пониматься буквально, но она помогает выявить логику профилактики и коррекции коррупционного поведения.

Подобно заболеванию, коррупция часто развивается постепенно и на начальных этапах не воспринимается участниками как серьезное нарушение. Она поражает прежде всего те социальные среды, где

низок уровень правовой грамотности, ослаблены механизмы общественного контроля и отсутствует культура нетерпимости к неправомерным преимуществам. Коррупция способна адаптироваться к новым условиям: при усилении формального контроля она меняет формы, переходит в неформальные договоренности, цифровые схемы, посредничество и скрытые практики обмена услугами. Наконец, коррупция может принимать хронический характер, когда участники уже не воспринимают ее как девиацию, а рассматривают как обычный способ решения вопросов.

Педагогический смысл медицинской метафоры состоит в том, что борьба с коррупцией не может ограничиваться «оперативным вмешательством», то есть наказанием уже совершенного правонарушения. Необходимы профилактика, коррекция и восстановление здоровой социальной ткани. Профилактика предполагает формирование у обучающихся антикоррупционных ценностей и правовой культуры до возникновения профессиональных коррупционных рисков. Коррекция направлена на преодоление уже сложившихся оправдательных установок: «все так делают», «иначе невозможно», «это никому не вредит». Реабилитация связана с восстановлением доверия к институтам, демонстрацией справедливости правил и последовательности ответственности.

Особое значение имеет борьба с нормализацией коррупции. Наиболее опасной является ситуация, когда коррупционное действие перестает восприниматься как нарушение нравственного и правового порядка. Тогда оно включается в повседневный язык, семейные стратегии, профессиональные практики и неформальные правила. Педагогика обязана работать именно с этим уровнем: с языком оправдания, социальными сценариями, коллективными ожиданиями и нравственной чувствительностью личности.

Психолого-педагогические детерминанты коррупционного поведения. Понимание коррупционного поведения невозможно без анализа психологии личности. Вопрос о том, почему люди, обладающие образованием и профессиональными знаниями, совершают коррупционные правонарушения, выводит исследователя в сферу нравственного развития, мотивации, ценностных ориентаций и механизмов самооправдания. Правовая информированность сама по себе не гарантирует правомерного поведения, если она не соединена с внутренним принятием нравственных принципов и личной ответственностью.

Теория стадий нравственного развития Л. Кольберга позволяет объяснить, почему многие взрослые люди ориентируются преимущественно на нормы ближайшей группы и на ожидания авторитетного окружения. На конвенциональном уровне нравственного сознания человек склонен следовать тем правилам, которые приняты в его коллективе. Если в профессиональной среде коррупция нормализована, то индивид может воспроизводить коррупционные действия без выраженного внутреннего конфликта. Постконвенциональный уровень предполагает способность оценивать групповые нормы с позиции универсальных этических принципов [19].

Из этого следует важный педагогический вывод: антикоррупционное воспитание не должно ограничиваться сообщением сведений о вреде коррупции и юридической ответственности. Оно должно развивать способность обучающегося к моральной аргументации, самостоятельному этическому выбору и критическому анализу группового давления. Обучающийся должен научиться видеть не только формальную незаконность поступка, но и его разрушительные последствия для доверия, справедливости и достоинства человека.

К факторам, предрасполагающим к коррупционному поведению, можно отнести выраженную ориентацию на личную материальную выгоду, низкий уровень эмпатии, внешний локус контроля, слабую способность к отсроченному удовлетворению потребностей, зависимость от групповых норм, дефицит гражданской ответственности, а также убеждение в том, что «правила существуют только для слабых». Эти характеристики не являются неизменными: они могут корректироваться в образовательном процессе через организацию нравственного выбора, рефлексию, социальные проекты, обсуждение последствий поступков и развитие субъектной позиции обучающегося.

Особого внимания требует феномен нейтрализации. Г. Сайкс и Д. Матза показали, что человек может совершать девиантные поступки, не разрушая образ себя как «нормального» и «хорошего», если использует специальные техники самооправдания: отрицание ответственности, отрицание вреда, отрицание жертвы, осуждение обвинителей и апелляцию к более высоким обстоятельствам [20]. В коррупционном контексте эти механизмы проявляются в формулах: «от

меня ничего не зависит», «сумма небольшая», «все так делают», «система вынуждает», «я помогаю своим».

Педагогическая задача состоит в том, чтобы сделать эти механизмы видимыми для обучающихся. Пока самооправдание остается неосознанным, оно эффективно защищает коррупционное поведение от нравственной оценки. Поэтому антикоррупционное воспитание должно включать анализ речевых и психологических схем оправдания коррупции, их критическое обсуждение и выработку альтернативных моделей поведения.

Антикоррупционная компетентность и ценностно-смысловая основа воспитания. Под антикоррупционным образованием и воспитанием в настоящей статье понимается целенаправленный, системный педагогический процесс, направленный на формирование у обучающихся устойчивого антикоррупционного мировоззрения, правовой культуры, нравственной нетерпимости к коррупционным практикам и готовности к правомерному поведению в ситуациях профессионального и социального риска.

В исследованиях Д. М. Вахитова антикоррупционная компетентность курсантов раскрывается как интегративное образование, обеспечивающее способность будущего офицера не только самому не допускать коррупционных правонарушений, но и требовать соблюдения антикоррупционного законодательства от подчиненных, воспитывая у них устойчивое неприятие коррупции [5; 6]. Такая постановка вопроса принципиально важна: в профессиональной среде силовых структур антикоррупционная компетентность имеет не только личностный, но и управленческий характер.

Существенным дополнением к данной логике является аксиологический подход А. А. Утюганова. Исследователь показывает, что система ценностно-смысловых ориентаций личности занимает центральное место в структуре профессионально важных качеств офицера войск национальной гвардии, выполняя мировоззренческую, идентификационную и адаптационную функции [8; 9]. Для антикоррупционного воспитания это означает, что устойчивое правомерное поведение формируется не только через знание запретов, но и через внутреннее принятие ценностей долга, чести, ответственности, справедливости, служения и уважения к праву.

Совместная исследовательская позиция Д. М. Вахитова и А. А. Утюганова позволяет рассматривать антикоррупционную компетентность как результат соединения правового знания, ценностно-смыслового принятия норм и готовности к действию в условиях профессионального выбора [7]. В этом смысле антикоррупционное воспитание должно строиться не по модели разовой лекции, а по модели целостного сопровождения личности обучающегося в учебной, воспитательной, практической, научной, цифровой и повседневной деятельности.

Принципы построения системы антикоррупционного воспитания. Первым является принцип системности. Антикоррупционное воспитание должно проходить через содержание учебных дисциплин, воспитательную работу, организацию практики, деятельность кураторов и командиров, научно-исследовательскую работу обучающихся, цифровую образовательную среду и повседневную культуру образовательной организации. Оно не может быть сведено к одному мероприятию, неделе профилактики или формальному инструктажу.

Вторым является принцип возрастной и профессиональной сообразности. На уровне общего образования акцент должен делаться на честности, справедливости, уважении к правилам, понимании общего блага и недопустимости обмана. На уровне среднего профессионального образования возрастает значение правового компонента и анализа профессиональных рисков. На уровне высшего образования центральным становится формирование профессиональной антикоррупционной позиции, готовности действовать в ситуациях давления, конфликта интересов и неформальных предложений.

Третий принцип – субъектность обучающегося. Авторитарная формула «коррупция – это плохо» недостаточна, поскольку она формирует внешнее подчинение норме, но не обеспечивает внутреннего нравственного выбора. Обучающийся должен иметь возможность анализировать неоднозначные ситуации, формулировать позицию, видеть последствия решения, оценивать аргументы и соотносить поведение с правовыми и нравственными основаниями.

Четвертый принцип – связь с жизнью и профессиональной практикой. Антикоррупционное воспитание должно работать с ситуациями, узнаваемыми для обучающихся: «благодарности» за услуги, использование связей, списывание, плагиат, фиктивная практика, давление группы, кон-

фликт интересов, подарки должностным лицам, просьбы «решить вопрос». Через анализ близкого опыта формируется понимание того, что коррупция начинается не только с крупной взятки, но и с малых уступок несправедливости.

Пятый принцип – педагогическое моделирование. Личность преподавателя, командира, наставника и руководителя является мощным воспитательным фактором. Преподаватель, требующий честности, но допускающий двойные стандарты, фактически разрушает антикоррупционный эффект обучения. Поэтому образовательная организация должна исключать коррупционные микропрактики на уровне собственной среды: несправедливое оценивание, фаворитизм, формализм, покупку работ, фиктивное участие в мероприятиях, закрытость принятия решений.

Шестой принцип – диагностичность. Воспитательная работа должна иметь измеримые ориентиры. Речь идет не о формальном подсчете мероприятий, а об оценке динамики знаний, ценностей, нравственных суждений, готовности к правомерному поведению и способности распознавать коррупционные риски. Именно диагностичность переводит антикоррупционное воспитание из декларации в управляемый педагогический процесс.

Уровни антикоррупционного воспитания в образовательной системе. Первый уровень – основное и среднее общее образование. Подростковый возраст является периодом интенсивного морального развития, переоценки авторитетов и освоения социальных норм. В этот период важно сформировать базовое понимание коррупции как несправедливого преимущества, разрушающего доверие, права других людей и общее благо. В рамках обществознания, истории, основ права и внеурочной деятельности целесообразно анализировать исторические и современные примеры коррупции, обсуждать последствия обмана, протекционизма и несправедливого распределения возможностей.

Второй уровень – среднее профессиональное образование. Здесь антикоррупционное воспитание приобретает профессионально-ориентированный характер. Будущие специалисты должны понимать коррупционные риски конкретной сферы: образования, медицины, строительства, юриспруденции, государственных услуг, безопасности, экономики. Эффективны кейсы профессиональной этики, анализ конфликтов интересов, разработка кодексов поведения, моделирование отказа от неправомерного предложения, изучение процедур обращения в компетентные органы.

Третий уровень – высшее образование. Университеты и ведомственные вузы готовят специалистов, которые будут принимать решения в управлении, праве, экономике, образовании, науке, силовых структурах и социальной сфере. Антикоррупционная подготовка в высшей школе должна включать специализированные учебные курсы, проектную деятельность, студенческие антикоррупционные инициативы, экспертизу локальных актов, анализ цифровой прозрачности управленческих процедур и личностно-профессиональную рефлексию.

В военных образовательных организациях высшего образования антикоррупционное воспитание имеет дополнительную специфику: будущий офицер выступает не только как субъект личного правомерного поведения, но и как организатор воспитательной работы с подчиненными (таблица). Поэтому формирование антикоррупционной компетентности должно быть интегрировано в учебную, служебную, командирскую и воспитательную подготовку курсантов [5; 6].

Таблица – Логика построения антикоррупционного воспитания

Table – Logic of Building Anti-Corruption Education

Уровень результата	Содержание результата	Методы формирования	Диагностика
Когнитивный	Знание сущности коррупции, правовых последствий, механизмов противодействия и профессиональных рисков	Мини-лекции, правовой анализ, кейсы, работа с нормативными актами	Тестирование, решение ситуационных задач, анализ кейсов

Аксиологический	Внутреннее принятие ценностей честности, справедливости, долга, ответственности, уважения к праву	Нравственные дилеммы, дискуссии, рефлексия, наставничество, проектная деятельность	Анализ моральных суждений, эссе, наблюдение, экспертная оценка
Поведенческий	Готовность действовать правомерно, отказываться от коррупционных предложений, сообщать о рисках, поддерживать честные правила	Ролевые игры, тренинги отказа, социальные практики, цифровые симуляции	Моделирование ситуаций, портфолио действий, наблюдение, самооценка

Методический арсенал антикоррупционного образования и воспитания. Метод нравственных дилемм, разработанный в логике исследований Л. Кольберга и развиваемый в современных подходах к моральному образованию, предполагает предъявление обучающимся ситуаций, не имеющих простого и однозначного решения [19; 21]. Например: руководитель образовательной организации получает предложение «не замечать» нарушение в обмен на помощь учреждению; студент знает о списывании группы, но боится испортить отношения; молодой специалист получает подарок после оказания услуги и сомневается, считать ли его благодарностью или коррупционным риском. Обсуждение таких ситуаций развивает нравственную аргументацию и способность видеть последствия решения для разных участников.

Метод анализа конкретных ситуаций позволяет преодолеть абстрактность антикоррупционной тематики. Коррупция часто кажется обучающимся далекой от их жизни, пока она описывается только через крупные уголовные дела. Кейсы из образования, медицины, муниципального управления, закупок, службы и профессиональной этики показывают, что коррупционные риски возникают в повседневных решениях, а их последствия затрагивают конкретных людей.

Дискуссионные технологии развивают критическое мышление, аргументацию и способность выявлять логические ошибки в коррупционных самооправданиях. Особенно продуктивен формат дебатов Карла Поппера, где команды анализируют тезисы вроде «Коррупция неистребима, потому что соответствует природе человека» или «Ужесточение наказания является главным средством борьбы с коррупцией» [22]. Педагогический эффект состоит в том, что участники вынуждены рассматривать проблему многомерно, отделять аргументы от эмоций и видеть ограничения односторонних решений.

Проектная деятельность переводит антикоррупционное воспитание из области обсуждения в область действия. Обучающиеся могут разрабатывать информационные кампании, памятки, цифровые карты коррупционных рисков, регламенты прозрачного оценивания, проекты студенческого общественного контроля, материалы для родительского просвещения. Такая деятельность формирует гражданскую эффективность – убеждение, что индивидуальные и коллективные действия способны изменить социальную практику.

Ролевые игры и тренинги отказа позволяют отработать поведенческую готовность. В реальной ситуации коррупционное предложение часто сопровождается давлением, зависимостью, страхом, неопределенностью и социальными ожиданиями. Поэтому обучающемуся недостаточно знать, что делать правильно; он должен иметь опыт речевого и поведенческого реагирования: как отказаться, как зафиксировать ситуацию, как обратиться за консультацией, как сохранить профессиональное достоинство.

Цифровые симуляции и образовательные платформы открывают новые возможности. Моделирование последствий коррупции для виртуального города, организации, подразделения или учебной группы позволяет увидеть системный ущерб от индивидуального нарушения. Электронные курсы могут включать адаптивные сценарии, проверку решений, обратную связь, анализ открытых данных и задания по выявлению коррупционных рисков [24; 25].

Роль семьи и ближайшего социального окружения. Антикоррупционное воспитание не может быть эффективным без учета семейной и микросоциальной среды обучающегося. Согласно экологическому подходу У. Бронфенбреннера, развитие личности происходит во взаимодействии нескольких систем: семьи, образовательной организации, группы сверстников, профессионального окружения, культуры и социальных институтов [23]. Если школа или

вуз формируют уважение к праву, но семья транслирует установки «без связей ничего не решишь» или «главное – договориться», воспитательный эффект значительно ослабляется.

Семья является первичной средой, в которой ребенок усваивает отношение к честности, правилам, труду, справедливости и успеху. Если родители оправдывают взятки как «необходимость», покупку оценок как «заботу о будущем», использование знакомств как «жизненную мудрость», то у ребенка формируется представление о коррупции как о нормальной социальной технологии. Поэтому антикоррупционное воспитание должно включать просветительскую работу с родителями: родительские собрания, памятки, дискуссии, совместные проекты, разъяснение долгосрочного вреда коррупционных практик.

Ближайшее социальное окружение – друзья, коллеги, соседи, профессиональная группа – также формирует ожидания. Человек с большей вероятностью отказывается от коррупционного поведения там, где честность поддерживается групповой нормой. Следовательно, задача педагогики состоит не только в индивидуальном воспитании, но и в создании коллективной культуры нетерпимости к несправедливым преимуществам. В образовательной организации это выражается в честном оценивании, прозрачности правил, равном отношении к обучающимся и реальной реакции на нарушения.

Цифровизация антикоррупционного воспитания: новые вызовы и возможности. Цифровая трансформация общества создает новый контекст антикоррупционного образования. С одной стороны, цифровизация снижает пространство для коррупционного посредничества: электронные государственные услуги, открытые данные, цифровые закупки, автоматизированные реестры и прозрачные процедуры уменьшают зависимость гражданина от личного контакта с должностным лицом. С другой стороны, цифровая среда порождает новые коррупционные риски: манипуляции данными, неформальный доступ к информационным системам, цифровое посредничество, скрытые конфликты интересов при разработке алгоритмов.

Поэтому антикоррупционное воспитание в эпоху цифровизации должно включать развитие информационной культуры. Обучающийся должен понимать, как использовать открытые данные, как проверять информацию, как распознавать манипуляции, как работает цифровая прозрачность и какие этические риски связаны с технологиями. OECD подчеркивает, что открытые данные могут усиливать общественный контроль и помогать выявлять коррупционные риски, особенно в сфере закупок и публичного управления [24].

Д. М. Вахитов и А. А. Утюганов справедливо актуализируют вопрос формирования антикоррупционной компетентности курсантов в условиях цифровизации общества [7]. Для ведомственного образования это особенно важно, поскольку будущий офицер должен быть готов не только к традиционным коррупционным рискам, но и к цифровым формам искажения информации, недобросовестного использования служебных данных, нарушения регламентов электронного документооборота и неформального влияния через сетевые коммуникации.

Перспективной является гибридная модель антикоррупционного воспитания, в которой очные дискуссии, наставничество и профессиональные практики соединяются с онлайн-курсами, цифровыми тренажерами, анализом открытых данных, интерактивными кейсами и электронным портфолио антикоррупционной активности обучающегося. Такая модель позволяет сделать воспитание не разовой кампанией, а постоянной, персонализированной и диагностируемой системой.

Критерии эффективности антикоррупционного воспитания. Педагогическая наука требует не только формулирования целей, но и разработки критериев оценки их достижения. Применительно к антикоррупционному воспитанию можно выделить три взаимосвязанных критерия: когнитивный, аксиологический и поведенческий.

Когнитивный критерий отражает уровень знаний обучающегося о сущности коррупции, ее видах, правовых последствиях, механизмах предупреждения, способах обращения за защитой и профессиональных коррупционных рисках. Его диагностика может осуществляться через тестирование, решение правовых задач, анализ кейсов и проверку способности применять нормы к конкретной ситуации.

Аксиологический критерий характеризует систему ценностей обучающегося. Важно установить, воспринимает ли он честность, справедливость, уважение к праву и гражданскую ответственность как внутренние основания поведения. Диагностика данного уровня требует более тонких методов: анализа нравственных дилемм, рефлексивных эссе, наблюдения, экспертной оценки, самооценки, групповой дискуссии. Именно этот критерий является ключевым, поскольку знание закона без внутреннего принятия ценностей может оставаться внешним и формальным.

Поведенческий критерий отражает готовность действовать правомерно в ситуации риска: отказаться от неправомерного предложения, не поддерживать коррупционную практику группы, сообщить о нарушении, соблюдать правила оценивания и профессиональной этики, защищать справедливые процедуры. Диагностика поведенческого уровня наиболее сложна, поскольку реальные коррупционные ситуации трудно воспроизвести в образовательной среде. Тем не менее ролевые игры, симуляции, наблюдение в проектах, анализ портфолио и экспертная оценка позволяют получить важные данные.

Важно подчеркнуть, что эффективность антикоррупционного воспитания не должна измеряться количеством проведенных лекций или распространенных памяток. Настоящий результат проявляется в устойчивой динамике знаний, ценностей, решений и поступков обучающихся. Поэтому образовательная организация должна переходить от отчетности по мероприятиям к оценке сформированности антикоррупционной компетентности.

Международный опыт и педагогические уроки. Международный опыт показывает, что антикоррупционное воспитание эффективно только тогда, когда образовательные усилия поддерживаются реальными институциональными практиками. Сингапурская модель демонстрирует сочетание жесткого правоприменения, прозрачных процедур, достойного статуса государственной службы и воспитания гражданской идентичности, в которой честность рассматривается как основа национального развития [26; 27]. Для педагогики здесь важен вывод: обучающийся должен видеть, что правила действительно работают, а компетентность и честность являются реальными основаниями профессионального продвижения.

Североевропейские страны демонстрируют иной, но не менее значимый опыт: низкий уровень коррупции связан с высоким доверием к институтам, развитой культурой гражданского участия, прозрачностью процедур и устойчивыми нормами общественного контроля. Для образования это означает необходимость формировать у обучающихся опыт участия в справедливых и понятных процедурах. Нельзя воспитать уважение к честным правилам там, где сами образовательные правила непрозрачны, избирательны или фиктивны.

Главный педагогический урок международного опыта состоит в том, что антикоррупционное воспитание не может компенсировать противоречивую социальную практику. Если общество демонстрирует обучающемуся, что коррупция «работает», а честность «невыгодна», воспитательный эффект будет ограниченным. Поэтому образовательная система должна быть частью более широкой культуры законности, прозрачности и ответственности.

Заключение

Коррупция как социальная болезнь требует комплексного педагогического ответа, включающего профилактику, коррекцию и восстановление здоровой правовой культуры. Как ни одно заболевание не преодолевается одним средством, так и коррупция не может быть устранена отдельной лекцией, формальным инструктажем или разовой акцией. Необходима целостная система, объединяющая правовое просвещение, нравственное воспитание, ценностно-смысловое развитие, практическую подготовку к отказу от коррупционных предложений и создание честной образовательной среды.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что антикоррупционное воспитание должно строиться на системном, аксиологическом, компетентностном, субъектно-деятельностном и средовом подходах. Его результатом должна становиться антикоррупционная компетентность личности, включающая знания, ценности и готовность к правомерному действию. Особое значение имеют исследования Д. М. Вахитова, раскрывающие структуру и условия формирования антикоррупционной компетентности курсантов, а также работы А. А. Утюганова, показывающие фундаментальную роль ценностно-смысловых ориентаций в становлении будущего офицера [5; 6; 8; 9].

Практическая реализация предложенной системы предполагает последовательную работу на всех уровнях образования, согласование усилий образовательной организации, семьи и государства, использование активных методов обучения, цифровых инструментов и диагностических процедур. Антикоррупционное образование является не только педагогической технологией, но и миссией образования в современном обществе: оно направлено на формирование человека, для которого честность, справедливость и уважение к праву являются не внешним запретом, а внутренней нормой жизни.

Список источников

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025). URL: <url> https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 / (дата обращения: 03.05.2026).

2. О Национальном плане развития корпорации на 2021–2024 годы: Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478. URL: <url> https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999 / (дата обращения: 03.05.2026).

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 03.05.2026).

4. Управление ООН по наркотикам и преступности. Специальное мероприятие ОБСЕ: Укрепление сотрудничества в целях предотвращения коррупции и противодействия ей во время кризиса. Вена, 2020. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/speeches/2020/osce-corruption-060720.html (дата обращения: 03.05.2026).

5. Вахитов Д. М. Совершенствования системы управления по формированию антикоррупционной компетентности курсантов // Мир науки. Психология. 2020. Т. 8, № 2.

6. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов военного института войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Вахитов Дмитрий Минуллович. Кемерово, 2024. 170 с.

7. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов в условиях цифровизации общества / Д. М. Вахитов, А. А. Утюганов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3. С. 272–283.

8. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 401 с.

9. Утюганов А. А. Место и ценностно-смысловых ориентаций роль личности в системе профессионально важных качеств офицеров войск национальной гвардии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 115–123.

10. Утюганов А. А. Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии / А.А. Утюганов, Л. В. Фролова// Российский журнал девиантологический. 2024. Т. 4, № 1. С. 104–116.

11. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.

12. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М. : АСТ, 2020. 640 с.

13. Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2000. 784 с.

14. Лунев В. В. Наступление XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

15. Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого?: аналитический доклад Фонда ИНДЕМ. М. : Фонд ИНДЕМ, 1998. 86 с.

16. Клитгаард Р. Борьба с коррупцией. Беркли: Изд-во Калифорнийского университета, 1988. 230 с.

17. Роуз-Аккерман С. Коррупция и правительство: причины, последствия и реформы. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1999. – 266 с.

18. Фисман Р. Коррупция, нормы и правоприменение: свидетельства из дипломатических парковочных талонов // Журнал политической экономии. 2007. Т. 115, № 6. С. 1020–1048.

19. Кольберг Л. Очерки о нравственном развитии. Т. 1: Философия нравственного развития. Сан-Франциско: Harper & Row, 1981. 441 с.

20. Сайкс Г. М., Матца Д. Техники нейтрализации: теория правонарушений // Американское социологическое обозрение. 1957. Т. 22, № 6. С. 664–670.

21. Линд Г. Пересмотр обсуждения моральной дилеммы: Метод Констанца // Европейский психологический журнал. 2015. Т. 11, № 2. С. 249–267.

22. Правила дебатов Карла Поппера. Формат академических дебатов. URL: https://debatovani.cz/files/dokumenty/120923_kp-debate-rules.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

23. Бронфенбреннер У. Экология человеческого развития: эксперименты природы и дизайна. Кембридж, Массачусетс: Изд-во Гарвардского университета, 1979. 330 с.

24. ОЭСР. Сборник передовых практик по использованию открытых данных для борьбы с коррупцией. Париж: Издательство ОЭСР, 2017. 62 с.

25. Всемирный банк. Повышение эффективности и прозрачности государственного управления: борьба с коррупцией. Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный банк, 2020. 384 с.

26. Ли Куан Ю. Из третьего мира в первый: Сингапурская история, 1965-2000. Нью-Йорк: HarperCollins, 2000. 752 с.

27. Бюро по расследованию коррупционных практик. Сингапурская система борьбы с коррупцией. URL: https://www.cpib.gov.sg/about-corruption/prevention-and-corruption/singapores-corruption-control-framework/ (дата обращения: 03.05.2026).

28. Патнэм Р. Д. Боулинг в одиночку: крах и возрождение американского сообщества. Нью-Йорк : Simon & Schuster, 2000. 544 с.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ (red. ot 28.12.2025). Available from: <url> https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 / (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

2. O Nacional'nom plane razvitiya korporacii na 2021–2024 gody: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16 avgusta 2021 g. № 478. URL: <url> https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999 / (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

3. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv korrupcii : prinyata rezolyuciej 58/4 General'noj Assamblei OON ot 31 oktyabrya 2003 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

4. Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Special'noe meropriyatie OBSE: Ukreplenie sotrudnichestva v celyah predotvrashcheniya korrupcii i protivodejstviya ej vo vremya krizisa. Vena, 2020. Available from: https://www.unodc.org/unodc/en/speeches/2020/osce-corruption-060720.html (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).

5. Vahitov D. M. Improving the management system for developing anti-corruption competence among cadets // Mir nauki. Psihologiya. 2020. Vol. 8;2. (In Russ.).

6. Vahitov D. M. Formirovanie antikorrupcionnoj kompetentnosti kursantov voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Vahitov Dmitrij Minullovich. Kemerovo, 2024. 170 s. (In Russ.).

7. Vahitov D. M. Formation of Cadets' Anti-Corruption Competence in the Context of Digitalization of Society / D. M. Vahitov, A. A. Utyuganov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3: 272–283. (In Russ.).

8. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyh orientacij kursantov vuzov nacional'noj gvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya: dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.07 / Utyuganov Aleksej Anatol'evich. Kemerovo, 2019. 401 s. (In Russ.).

9. Utyuganov A. A. The place and value-semantic orientations of the individual's role in the system of professionally important qualities of officers of the National Guard // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2017;1 (39): 115–123. (In Russ.).

10. Utyuganov A. A. Value-based predictors of the success of professional activities of employees and military personnel of the National Guard / A.A. Utyuganov, L. V. Frolova// Rossijskij zhurnal deviantologicheskij. 2024. Vol. 4;1: 104–116. (In Russ.).

11. Aristotel'. Politika // Sochineniya: v 4 t. M. : Mysl', 1983. T. 4. S. 375–644. (In Russ.).

12. Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoj dekade Tita Liviya. M. : AST, 2020. 640 s. (In Russ.).

13. Dolgova A. I. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. A. I. Dolgovoj. M. : Norma, 2000. 784 s. (In Russ.).

14. Lunev V. V. Nastuplenie XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. Mirovoj kriminologicheskij analiz. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Volters Kluver, 2005. 912 s. (In Russ.).

15. Satarov G. A., Levin M. I., Cirik M. L. Rossiya i korrupciya: kto kogo?: analiticheskij doklad Fonda INDEM. M. : Fond INDEM, 1998. 86 s. (In Russ.).

16. Klitgaard R. Bor'ba s korrupciej. Berkli: Izd-vo Kalifornijskogo universiteta, 1988. 230 s. (In Russ.).

17. Rouz-Akkerman S. Korrupciya i pravitel'stvo: prichiny, posledstviya i reformy. Kembridzh: Izd-vo Kembridzhskogo universiteta, 1999. – 266 s. (In Russ.).
18. Fisman R. Korrupciya, normy i pravoprimenenie: svidetel'stva iz diplomaticheskih parkovochnyh talonov // ZHurnal politicheskoj ekonomii. 2007. Vol. 115, № 6. S. 1020–1048. (In Russ.).
19. Kol'berg L. Ocherki o nravstvennom razvitii. T. 1: Filosofiya nravstvennogo razvitiya. San-Francisko: Harper & Row, 1981. 441 s. (In Russ.).
20. Sajks G. M., Matca D. Tekhniki nejtralizacii: teoriya pravonarushenij // Amerikanskoe sociologicheskoe obozrenie. 1957. T. 22, № 6. S. 664–670. (In Russ.).
21. Lind G. Revisiting the Moral Dilemma Discussion: The Constanz Method // Evropejskij psihologicheskij zhurnal. 2015. Vol. 11;2: 249–267. (In Russ.).
22. Pravila debatov Karla Poppera. Format akademicheskih debatov. URL: https://debatovani.cz/files/dokumenty/120923_kp-debate-rules.pdf (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).
23. Bronfenbrenner U. Ekologiya chelovecheskogo razvitiya: eksperimenty prirody i dizajna. Kembridzh, Massachusets: Izd-vo Garvardskogo universiteta, 1979. 330 s. (In Russ.).
24. OESR. Sbornik peredovyh praktik po ispol'zovaniyu otkrytyh dannyh dlya bor'by s korrupciej. Parizh: Izdatel'stvo OESR, 2017. 62 s. (In Russ.).
25. Vsemirnyj bank. Povyshenie effektivnosti i prozrachnosti gosudarstvennogo upravleniya: bor'ba s korrupciej. Vashington, Okrug Kolumbiya: Vsemirnyj bank, 2020. 384 s. (In Russ.).
26. Li Kuan YU. Iz tret'ego mira v pervyj: Singapurskaya istoriya, 1965-2000. N'yu-Jork: HarperCollins, 2000. 752 s. (In Russ.).
27. Byuro po rassledovaniyu korrupcionnyh praktik. Singapurskaya sistema bor'by s korrupciej. Available from: https://www.cpib.gov.sg/about-corruption/prevention-and-corruption/singapores-corruption-control-framework/ (data obrashcheniya: 03.05.2026). (In Russ.).
28. Patnem R. D. Bouling v odinochku: krah i vozrozhdenie amerikanskogo soobshchestva. N'yu-Jork : Simon & Schuster, 2000. 544 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. М. Вахитов *– кандидат педагогических наук*
А. А. Утюганов *– доктор психологических наук, профессор*

Information about the authors

D. M. Vakhitov *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*
A. A. Utyuganov *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ВИКТОРИНЫ

Александр Анатольевич Игнатьев
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
aleksan-83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема формирования военно-патриотических качеств у курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях цифровизации военной сферы деятельности. Автором обосновывается эффективность использования мультимедийной викторины как действенного метода работы, направленной на воспитание курсантов – военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. На основе анализа психолого-педагогической литературы и результатов эмпирического исследования выявлены следующие структурные компоненты военно-патриотических качеств: мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный. Данное исследование раскрывает доказательства положительного влияния игровых форм обучения на уровень сформированности личности курсанта. Предложена авторская методика проведения мультимедийной викторины, включающая основные этапы: этап подготовки, основной этап, этап подведения итогов и рефлексии. Содержание статьи может быть использовано командирами подразделений, заместителями командиров подразделений по военно-политической работе, профессорско-преподавательским составом военных образовательных организаций высшего образования в целях военно-патриотического воспитания личного состава.

Ключевые слова: военно-патриотические качества, военнослужащие, курсанты, мультимедийная викторина, военно-политическая работа, цифровые образовательные технологии, мотивация

Для цитирования: Игнатьев А.А. Формирование военно-патриотических качеств личности курсанта войск национальной гвардии Российской Федерации посредством проведения мультимедийной викторины // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 218–226. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/023.pdf.

Original article

FORMATION OF MILITARY-PATRIOTIC QUALITIES OF THE PERSONALITY OF A CADET OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE CONDUCT OF A MULTIMEDIA QUIZ

Aleksandr A. Ignatev
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
aleksan-83@mail.ru

Abstract. The article addresses the urgent issue of forming military-patriotic qualities in cadets of the National Guard troops of the Russian Federation in the context of digitalization of the military sphere of activity. The author substantiates the effectiveness of using a multimedia quiz as an effective method of work aimed at educating cadets – servicemen of the National Guard troops of the Russian Federation. Based on an analysis of psychological and pedagogical literature and the results of an empirical study, the following structural components of military-patriotic qualities were identified: motivational-value, cognitive, and activity-based. This study reveals evidence of the positive impact of game-based forms of learning on the level of cadet personality development. An author's methodology for conducting a multimedia quiz is proposed, including the main stages: the preparation stage, the main stage, the stage of summing up and reflection. The content of the article can be used by unit commanders, deputy commanders for military-political work, and the teaching staff of military higher education institutions for the purpose of military-patriotic education of personnel.

Keywords: military-patriotic qualities, servicemen, cadets, multimedia quiz, military-political work, digital educational technologies, motivation

For citation: Ignatev A.A. Formation of military-patriotic qualities of the personality of a cadet of the national guard troops of the Russian Federation through the conduct of a multimedia quiz. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 218–226. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/023.pdf.

© Игнатьев А.А., 2026

Введение

Современная военно-политическая обстановка, характеризующаяся ростом угроз, информационно-психологических воздействий и динамичным изменением форм и способов вооружённой борьбы, предъявляет качественно новые требования к личности курсанта – будущего офицера войск национальной гвардии Российской Федерации. На первый план выходит не только профессиональная компетентность, физическая выносливость и владение современным вооружением, но и сформированность системы ценностных ориентиров, включающей в себя любовь к Отечеству, верность воинскому долгу, психологическую готовность к защите национальных интересов в любых условиях обстановки. Формирование военно-патриотических качеств традиционно является приоритетным направлением военно-патриотической (патриотической) работы, проводимой в целях формирования у курсантов государственно-патриотического сознания и духовно-нравственных ориентиров, чувства верности своему Отечеству, готовности к исполнению должностных обязанностей [1, 4, 9, 26, 27].

Вместе с тем традиционные формы обучения и воспитания, такие как лекции, беседы, рассказы о героическом прошлом, проведение уроков мужества, в основе которых вербальные методы, зачастую сталкиваются с феноменом клипового мышления современного поколения, характеризующимся фрагментарностью, низкой способностью к удержанию длинных смысловых цепочек и высокой потребностью в визуальной и интерактивной стимуляции. Данное явление значительно снижает эффективность классических педагогических форм [12, 18]. В этих условиях возникает объективное противоречие между необходимостью глубокого усвоения военно-исторического наследия, патриотических ценностей, правовых основ военной службы, с одной стороны, и недостаточной вовлечённостью личного состава в основные формы направлений военно-политической работы – с другой.

Разрешение данного противоречия возможно в условиях активного внедрения интерактивных и цифровых технологий, игровых методов и подходов в образовательный процесс военных вузов. Особый интерес в этом контексте представляет мультимедийная викторина, являющаяся одной из основных форм культурно-досуговой работы и эффективной формой обучения и воспитания, синтезирующая игровые механизмы, соревновательность, наглядность цифрового учебного контента и возможность оперативной обратной связи [7, 19, 23].

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке эффективности применения мультимедийной викторины как средства формирования военно-патриотических качеств личности военнослужащих.

Объектом исследования явились процессы формирования военно-патриотических качеств курсантов войск национальной гвардии.

Предметом исследования – педагогические условия применения мультимедийной викторины в процессе обучения и воспитания курсантов.

Гипотеза исследования: учебные занятия, в ходе которых могут применяться мультимедийные викторины с военно-патриотическим содержанием, способствуют более интенсивному и устойчивому формированию когнитивного, мотивационно-ценностного и деятельностного компонентов военно-патриотических качеств по сравнению с традиционными формами занятий.

Теоретические основы формирования военно-патриотических качеств

В современной военной педагогике и психологии категория «военно-патриотические качества» рассматривается как интегративное свойство личности военнослужащего, включающее в себя три основных компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный (знаниевый) и деятельностный (поведенческий) [1, 2, 5, 11, 27].

Мотивационно-ценностный компонент отражает осознанное отношение курсанта к военной службе как к высшей форме служения Отечеству, чувство гордости за принадлежность к войскам национальной гвардии Российской Федерации, верность воинскому долгу и Военной присяге, личную ответственность за судьбу страны, готовность к самопожертвованию. Формирование этого компонента сопряжено с развитием эмоционально-чувственной сферы, что сложно достижимо исключительно традиционными вербальными методами. Как отмечает Вдовюк В. И. (2021), «патриотиче-

ские чувства не могут быть транслированы только через знание – они рождаются в переживании, в эмоционально окрашенных ситуациях, в поступках» [2, с. 87]. Современные исследования подчёркивают, что ценностные ориентации военнослужащих нуждаются в постоянной актуализации через механизмы идентификации с героическими образцами и коллективного эмоционального сопереживания [5, 14].

Когнитивный компонент предполагает глубокие и системные знания истории Отечества, военных традиций, государственной символики, правовых основ военной службы, а также понимание роли войск национальной гвардии Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности страны и за её пределами [6, 8, 17]. Когнитивный компонент выступает фундаментом, на котором базируется осознанная патриотическая позиция: без знания невозможно ответственное отношение.

Деятельностный компонент проявляется в активной жизненной позиции, готовности к выполнению служебно-боевых задач, добросовестном отношении к учёбе и службе, участии в военно-патриотических мероприятиях, дисциплинированности, коллективизме, способности подчинить личные интересы интересам воинского коллектива и государства. Именно деятельностный компонент превращает патриотические убеждения в реальное поведение [2, 13].

Анализ научных трудов (А. В. Барабанщиков, В. И. Вдовюк, В. Н. Герасимов, С. С. Муцынов, П. А. Корчемный) показывает, что эффективность формирования данных качеств напрямую зависит от активности субъекта воспитания, его включённости в специально организованные ситуации [1, 2, 3, 11, 13]. Принцип деятельностного подхода (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн) диктует необходимость включения военнослужащего в такие формы активности, которые требуют проявления патриотических чувств, актуализации военно-исторических знаний, демонстрации воинской компетентности и стимулирования военно-профессионального творчества в соревновательных и игровых условиях[4, 10, 28].

Мультимедийная викторина в данном контексте выступает не просто развлекательным мероприятием, а сложной формой учебно-воспитательной деятельности, позволяющей:

1. Актуализировать имеющиеся знания в условиях временного дефицита и соревновательной напряжённости, что стимулирует когнитивные процессы и долговременное запоминание [7, 15, 23].

2. Использовать широкий спектр аудиовизуальных средств (историческая хроника, карты сражений, 3D-модели вооружения, аудиозаписи военных песен и маршей) для создания эффекта присутствия, эмоциональной вовлечённости и яркого чувственного переживания исторических событий [3, 19].

3. Обеспечить обратную связь в реальном времени (немедленное информирование о правильности ответа, развёрнутый комментарий ведущего), что позволяет корректировать представления военнослужащих об истории, традициях войск национальной гвардии, правовых нормах и тактико-специальных ситуациях [7, 20, 23].

4. Реализовать механизмы геймификации (очки, рейтинги, бонусы, уровни) для устойчивого поддержания мотивации участия в учебных занятиях и воспитательных мероприятиях на протяжении длительного времени [18, 22].

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации в течение одного семестра. В исследовании приняли участие 82 курсанта второго и третьего курсов обучения факультета военно-политической работы. Выборка была разделена на контрольные группы (КГ 2 курс, n=23; КГ 3 курс, n=21) и экспериментальные группы (ЭГ 2 курс, n=23; ЭГ 3 курс, n=21), эквивалентные по социально-демографическим характеристикам (возраст, образование до поступления, регион призыва, семейное положение) и исходному уровню сформированности военно-патриотических качеств по результатам первичной диагностики (констатирующий этап) [2, 5].

Исследование включало три основных этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

Констатирующий этап содержал диагностику исходного уровня сформированности военно-патриотических качеств с использованием комплекса валидизированных методик:

методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич, адаптация А. Г. Каракина) для изучения иерархии терминальных и инструментальных ценностей [5, 16];

модифицированный опросник «Военно-патриотическая направленность личности» (разработан на кафедре военно-политической работы, содержащий шкалы: гордость за службу в Росгвардии, готовность к выполнению задач, идентификация с воинским коллективом) [2, 13];

тест на знание истории Отечества (30 вопросов: памятные даты, дни воинской

славы, ключевые сражения, полководцы, Герои России) и правовых основ (Федеральные конституционные законы, Федеральный закон «О войсках национальной гвардии», общевоинские уставы) [6, 8, 17];

экспертная оценка командиров подразделений по шкале деятельностных проявлений (дисциплинированность, участие в общественной работе, инициативность, взаимопомощь) [5].

В ходе формирующего этапа с курсантами экспериментальной группы на учебных занятиях по дисциплине «Организация военно-политической (политической) работы», а также во время, отведенное на мероприятия военно-политической работы, проводились мультимедийные викторины по темам: «Ратные страницы истории Отечества», «Правовые основы государственного строя и военной службы», «Войска правопорядка: от опричных полков до Росгвардии», «Герои нашего времени». Проведено более 30 викторин, каждая продолжительностью
45–60 минут. Контрольная группа участвовала в традиционных занятиях по тем же темам без внедрения игровых интерактивных форм [3, 7, 23].

Контрольный этап включал повторную диагностику с применением аналогичного диагностического инструментария (параллельные формы тестов для исключения эффекта тренировки) для выявления динамики изменений по всем трём компонентам [5, 14].

Математическая обработка данных проводилась с использованием описательной статистики, t-критерия Стьюдента для независимых и зависимых выборок, углового преобразования Фишера (φ*). Расчёты выполнены в среде SPSS Statistics 26.0.

Авторская методика проведения мультимедийной викторины

На основе анализа психолого-педагогических условий, требований деятельностного подхода и учёта феномена клипового мышления была разработана и апробирована авторская методика «Мультимедийная викторина как инструмент патриотического воспитания курсантов Росгвардии» [7, 23]. Структура викторины включала три логически взаимосвязанных этапа: подготовительный, основной (игровой) и заключительный.

На подготовительном этапе формировались команды по 5–6 человек от учебных взводов (обеспечивался принцип добровольности с элементами назначения капитанов), определялись темы раундов с учётом календаря военно-исторических дат и содержания учебной программы: «Великие полководцы России», «Оружие Победы: от кремнёвого ружья до современных комплексов», «Символы воинской чести (знамёна, награды, ритуалы)», «Города-герои и города воинской славы», «Современная армия и войска национальной гвардии: день сегодняшний». Важнейшим элементом подготовки являлось создание мультимедийного контента силами преподавателей и самих курсантов (элемент сотворчества): видеовопросы (отрывки из отечественных художественных и документальных фильмов, 30–45 секунд), аудиовопросы (фрагменты военных песен, маршей, звуки военной техники), фотодокументы (фрагменты карт сражений, портреты полководцев, образцы формы одежды разных эпох). Для повышения мотивации вводилась система баллов: правильный ответ – 1 балл, досрочный ответ (до истечения отведённого времени) – дополнительный 0,5 балла, наиболее полный развёрнутый ответ — до 3 баллов [3, 7, 20].

В ходе основного (игрового) этапа викторина проводилась в учебных аудиториях или специализированных аудиториях кафедры военно-политической работы, оборудованных стационарным или переносным мультимедийным оборудованием (видеопроектор, акустическая система, компьютер ведущего с пультом управления) [3, 19].

Структура викторины

Как правило мероприятия такого плана состоят из трех частей: вводной, заключительной и основной.

Вводная часть (5–7 минут) является организационной. Ведущий (преподаватель или командир) объявляет начало мероприятия, проверяет готовность команд (наличие бланков, ручек, технического оснащения), приветствует участников, обосновывает тему викторины, связь с Днями воинской славы или актуальными задачами военно-патриотического воспитания, доводит правила. Это задаёт смысловой вектор всей игре [1, 3].

В водной части также были представлены команды и члены жюри.

Каждая команда назвала своё название, девиз и приветствие соперникам [2, 8].

Основная часть состояла из пяти раундов:

Раунд 1. «Разминка» (блиц-опрос).

Раунд 2. «Историческая реконструкция».

Раунд 3. «Честь мундира».

Раунд 4. «Капитанский конкурс».

Раунд 5. «Мгновенная история» (блиц для присутствующих).

Раунд 1. «Разминка» (блиц-опрос) – 10 вопросов на скорость реакции и базовые знания (например, «Назовите дату Бородинского сражения», «Кто автор строк «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет»», «Расшифруйте аббревиатуру ФС

ВНГ РФ»). Время на один вопрос – 10 секунд. Цель – активизация, создание соревновательного настроя [1, 23].

Раунд 2. «Историческая реконструкция» – команде демонстрируется фрагмент исторической хроники (или реконструкции) без звука длительностью 20–30 секунд. Необходимо описать событие, назвать дату и участников (не менее трёх фактов). Возможность использования подсказки (один вопрос преподавателю) снижает итоговый балл на 50 %. Цель — развитие контекстного мышления, визуальной памяти [7, 13].

Раунд 3. «Честь мундира» — мультимедийные вопросы о системе воинских званий, истории наград (орденов и медалей), правилах воинского этикета, военной геральдике Росгвардии. Вопросы в форме «Что лишнее?», «Установите соответствие», «Назовите награду по изображению». Цель – углубление знаний военной символики как основы корпоративной идентичности [2, 17].

Раунд 4. «Капитанский конкурс» — практико-ориентированные задачи повышенной сложности. Например: по карте на экране (фрагмент сражения Отечественной войны 1812 года или Великой Отечественной войны) определить тактический замысел сторон; по фрагменту общевоинского устава определить правильность (неправильность) действий военнослужащего и указать номер статьи; по описанию внешних признаков идентифицировать современный образец вооружения Росгвардии и назвать его тактико-технические характеристики. Цель – перенос знаний в квазипрофессиональную плоскость [6, 14].

Раунд 5. «Мгновенная история» (блиц для присутствующих) – пока команды совещаются перед финальным вопросом, проводится интерактивный опрос среди незадействованных курсантов. Правильные ответы приносят дополнительные баллы в копилку команд. Цель – включение максимальной аудитории, профилактика пассивного наблюдения [5, 20].

В ходе заключительной части (10–12 минут) подводились итоги и объявлялись результаты.

После подведения итогов, объявления победителей и награждения проводилось групповое обсуждение в формате открытого микрофона (7–10 минут). С помощью «мгновенных опросов» (опросные листы) фиксировалось эмоциональное состояние участников по шкале дифференциальных эмоций К. Изарда, их отношение к пройденному материалу, оценка полезности викторины. Важно, что ошибки в ответах не оставались без внимания: ведущий (преподаватель или старший курсант-инструктор) давал развёрнутый историко-правовой комментарий, превращая каждый ошибочный ответ в обучающую микросессию. Такая обратная связь принципиально отличает воспитательную викторину от развлекательного шоу [5, 7, 23].

Результаты исследования и их обсуждение

Напомним, в исследовании приняли участие 88 курсантов 2-х и 3-х курсов. На 2-м курсе в экспериментальной и контрольной группах было по 21 человеку, на 3-м курсе – по 23 человека в каждой группе.

Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов показал существенные различия в динамике сформированности военно-патриотических качеств между экспериментальной и контрольной группами.

На констатирующем этапе уровни сформированности военно-патриотических качеств в группах 2-го курса были близкими. В экспериментальной группе (ЭГ-2, n=21) высокий уровень показали 23,8 % (5 человек), средний – 47,6 % (10 человек), низкий – 28,6 % (6 человек). В контрольной группе (КГ-2, n=21) исходные показатели были сопоставимы.

После проведения формирующего этапа (в ЭГ-2 – мультимедийная викторина, в КГ-2 – традиционные занятия) в экспериментальной группе произошли положительные изменения. Доля курсантов с низким уровнем в ЭГ-2 снизилась с 28,6 % до 9,5 % (с 6 до 2 человек), тогда как в КГ-2 низкий уровень остался значительно выше – 23,8 % (5 человек). Доля курсантов с высоким уровнем в ЭГ-2 выросла с 23,8 % до 42,9% (с 5 до 9 человек, прирост +19,1 %), в КГ-2 – лишь до 28,6 % (с 5 до 6 человек, прирост +4,8 %).

В когнитивной сфере у курсантов 2-го курса экспериментальной группы прирост уровня знаний (по тестированию) составил 18,5 % (с 54,2 % до 72,7 % правильных ответов), в контрольной группе – только 7,2 % (с 53,8 % до 61,0 %). Курсанты ЭГ-2 продемонстрировали более глубокие знания по датам и событиям, а также лучшее понимание причинно-следственных связей исторических процессов.

В мотивационно-ценностной сфере у 52 % участников ЭГ-2 (11 человек из 21) повысился интерес к военной истории и традициям. Ценности «служение Отечеству» поднялись с 8-го ранга на 5-й, «правовые основы и законность» – с 11-го на 7-й, «значимость выбранной профессии офицера» – с 7-го на 4-й. Гордость за принадлежность к Росгвардии выросла с 67 % до 82 %. В КГ-2 сдвиги в структуре ценностей были незначительными и статистически недостоверными (p>0,05).

В деятельностной сфере командиры подразделений и преподаватели отметили в ЭГ-2 повышение активности, проявившейся в участии в организации культурно-досуговых мероприятий. Повысилась групповая сплоченность, нарушений воинской дисциплины стало гораздо меньше. Учебная успеваемость в ЭГ-2 выросла в среднем на 8,5 %.

На констатирующем этапе в экспериментальной группе 3-го курса (ЭГ-3, n=23) высокий уровень имели 21,7 % (5 человек), средний – 47,8 % (11 человек), низкий – 30,5 % (7 человек). В контрольной группе (КГ-3, n=23) исходные данные были сопоставимы.

На контрольном этапе в ЭГ-3 доля курсантов с низким уровнем снизилась с 30,5 % до 13,0 % (с 7 до 3 человек), в КГ-3 низкий уровень составил 26,1% (6 человек). Доля курсантов с высоким уровнем в ЭГ-3 выросла с 21,7 % до 39,1 % (с 5 до 9 человек, прирост +17,4 %), в КГ-3 – лишь до 26,1 % (с 5 до 6 человек, прирост +4,4 %).

Прирост уровня знаний в ЭГ-3 составил 17,9% (с 53,9 % до 71,8 % правильных ответов), в КГ-3 – 8,1 % (с 54,0 % до 62,1 %). Курсанты ЭГ-3 показали не только более высокие результаты, но и лучшее понимание причинно-следственных связей, а также более равномерную подготовку.

В мотивационно-ценностной сфере у 52 % участников ЭГ-3 (12 человек из 23) повысился интерес к военной истории. Ценностные ориентации сместились аналогично ЭГ-2: «служение Отечеству» – с 8-го на 5-й ранг, «правовые основы и законность» – с 11-го на 7-й, «значимость профессии офицера» – с 7-го на 4-й. Гордость за принадлежность к Росгвардии выросла с 66 % до 81 %. В КГ-3 достоверных сдвигов не зафиксировано ($p>0,05$).

В деятельностной сфере в ЭГ-3 отмечен рост активности на 17 % по участию в общественных мероприятиях, повышение индекса сплочённости с 61% до 75 % ($p<0,05$), снижение дисциплинарных взысканий на 15 % (в КГ-3 – на 5 %). Успеваемость по смежным дисциплинам в ЭГ-3 выросла в среднем на 8,2 %.

Полученные данные свидетельствуют о том, что мультимедийная викторина способствовала положительной динамике сформированности военно-патриотических качеств как у курсантов 2-го, так и 3-го курса. Разница в приросте показателей между экспериментальной и контрольной группами составила 15–20 %, что подтверждает эффективность предложенного метода. В контрольных группах обоих курсов значимых изменений не произошло.

Эти результаты согласуются с положениями деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев, 2020): личностные новообразования возникают только в собственной активной деятельности субъекта [4]. Мультимедийная викторина, в отличие от лекции, вынуждает курсанта не просто воспринимать информацию, но и извлекать её из памяти, оперировать ею в условиях дефицита времени и социального сравнения. Это способствует углублению усвоения материала и формированию устойчивого интереса к военно-патриотической тематике [10, 15, 23].

Важно отметить, что эффективность викторины не сводится только к игровой механике. Решающее значение имеют: а) качество мультимедийного контента (аутентичность, эмоциональная насыщенность, соответствие возрасту и статусу); б) компетентность ведущего, способного развернуть ошибочный ответ в полноценную микролекцию; в) регулярность (системный, а не эпизодический характер [7, 18, 23].

Выводы

Проведённое исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что мультимедийная викторина, реализованная в рамках авторской методики, является эффективным средством формирования военно-патриотических качеств курсантов войск национальной гвардии. Эффективность достигается за счёт совокупности таких факторов, как:

интерактивность – переход от пассивного восприятия информации к активному поиску решений в условиях ограниченного времени, что соответствует психологическим особенностям современного поколения с преобладанием клипового мышления [7, 12, 23];

наглядность – мультимедийный контент (видео, аудио, анимация) обеспечивает эмоциональное вовлечение, эффект присутствия и лучшее запоминание материала по сравнению с вербальными методами [3, 19];

соревновательность – актуализирует мотивы достижения и самоутверждения, что особенно важно для воинской среды с её акцентом на иерархию и статус [5, 18];

коллективный характер – способствует сплочению воинских коллективов, формированию «командного духа», взаимопомощи и коллективной ответственности за результат [2, 13];

оперативная обратная связь с обучающей функцией – превращает ошибку в элемент развития, снижает страх публичной неудачи и повышает мотивацию к учебе [20, 23].

Практическая значимость результатов заключается в возможности широкого внедрения разработанной методики в рабочие программы дисциплин, изучаемых в

военных образовательных организациях высшего образования (в первую очередь «Организация военно-политической работы», «История военного искусства», «Общевоинские уставы»), а также в планы боевой подготовки и военно-политической работы воинских частей и соединений войск национальной гвардии Российской Федерации. Методика может быть адаптирована для различных категорий военнослужащих (сержанты, прапорщики, офицеры) и для разных форм учебных занятий, мероприятий культурно-досуговой работы.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке системы мультимедийных викторин с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности для моделирования исторических сражений и реконструкции тактических эпизодов. Также требуется повторное исследование устойчивости сформированных военно-патриотических качеств (через 6–12 месяцев) и сравнительный анализ эффективности различных форматов геймификации (викторина, квиз, ролевая игра, военно-исторический квест) [7, 21, 24].

Список источников

1. Барабанщиков А. В. Военная педагогика и психология / М. : Воениздат, 2019. 384 с. ISBN 978-5-203-02115-7.

2. Вдовюк В. И. Военно-патриотическое воспитание личного состава: теория и практика М. : Военный университет, 2021. 215 с. ISBN 978-5-98161-124-3.

3. Герасимов В. Н. Информационно-коммуникационные технологии в системе воспитания военнослужащих // Вестник военного университета. 2023. № 2 (84). С. 45–52.

4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М. : Смысл, 2020. 352 с. ISBN 978-5-89357-397-0.

5. Каракин А. Г. Психология воинского коллектива. М. : Кнорус, 2022. 288 с. ISBN 978-5-406-09123-4.

6. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53–ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

7. Щеголев В. А. Геймификация в военном образовании: потенциал и ограничения // Военная мысль. 2024. № 1 (1245). С. 78–84.

8. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03 июля 2016 г. № 226–ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4159.

9. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02 июля 2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2019. 720 с. ISBN 978-5-496-02601-3.

11. Муцынов С. С. Актуальные проблемы военно-патриотического воспитания курсантов вузов Росгвардии / С. С. Муцынов, И. В. Овчаров // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 4 (17). С. 112–119.

12. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в контексте клипового мышления / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 3–15.

13. Корчемный П. А. Военная акмеология: методология, теория, практика. М. : Изд-во РАГС, 2020. 272 с. ISBN 978-5-7729-0821-7.

14. Мыльников Д. В. Психологические условия формирования патриотической направленности курсантов военных вузов // Прикладная юридическая психология. 2022. № 3 (56). С. 84–92.

15. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как ресурс учебной деятельности курсантов / В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 2. С. 28–43.

16. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации»: адаптация для военно-профессиональных групп / Под ред. А. Г. Каракина. М. : Воениздат, 2020. 48 с.

17. Устав внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 14.12.1993 № 2140, ред. от 10.07.2023). М. : Эксмо, 2024. 416 с. ISBN 978-5-04-198765-7.

18. Орлова О. В. Геймификация как технология патриотического воспитания молодёжи / О. В. Орлова, А. А. Яковлева // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 5. С. 167–194.

19. Козлов О. А. Мультимедийные технологии в военном профессиональном образовании / О. А. Козлов, Е. В. Панюкова // Информатика и образование. 2022. № 4 (333). С. 54–61.

20. Чирков В. И. Обратная связь в обучении и воспитании военнослужащих / В. И. Чирков, Н. В. Бордовская // Психология обучения. 2021. № 8. С. 24–36.

21. Шевченко, А. В. Технологии дополненной реальности в военно-историческом образовании / А. В. Шевченко, Д. А. Трубников // Открытое образование. 2024. Т. 28. № 1. С. 42–51.

22. Кругликов, В. Н. Коллективные формы воспитательной работы в военном вузе / В. Н. Кругликов, Д. А. Ермаков // Высшее образование в России. 2023. № 12. С. 134–147.

23. Тихомиров С. А. Мультимедийная викторина как средство развития познавательного интереса курсантов / С. А. Тихомиров, Р. В. Кузнецов // Современные наукоёмкие технологии. 2025. № 2. С. 112–118.

24. Баранов Е. А. VR-технологии в системе военно-патриотической работы / Е. А. Баранов, П. Н. Соболев // Информационные технологии в военной сфере. 2025. № 1 (29). С. 63–70.

25. Кобзарь А. И. Методология оценки эффективности воспитательных инноваций в войсках национальной гвардии / А. Кобзарь, Ю. В. Матвеев // Вестник Национального центра войск национальной гвардии. 2024. № 3 (12). С. 34–43.

26. Приказ федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации «Об утверждении Наставления по организации в войсках национальной гвардии Российской Федерации военно-политической (политической) работы» от 20 апреля 2021г. № 132 (ред. Приказов Росгвардии от 15 октября 2025 г. № 372, от 08 декабря 2025 г. № 454).

27. Деникин А. В. Исторический анализ развития проблемы самостоятельности личности в трудах зарубежных и отечественных исследователей / А. В. Деникин, И. В. Юдин // Вестник российского нового университета. 2015. № 4. С. 103–106.

28. Юдин И. В. Стимулирование военно-профессионального творчества как путь развития служебной самостоятельности офицеров подразделений / И. В. Юдин, А. Ю. Кармаев, Р. В. Мишин // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 2. С. 190–192.

References

1. Barabanshchikov A. V. Voennaya pedagogika i psihologiya / M. : Voenizdat, 2019. 384 s. ISBN 978-5-203-02115-7. (In Russ.).

2. Vdovyuk V. I. Voenno-patrioticheskoe vospitanie lichnogo sostava: teoriya i praktika M. : Voennyj universitet, 2021. 215 s. ISBN 978-5-98161-124-3. (In Russ.).

3. Gerasimov V. N. Information and communication technologies in the system of military personnel upbringing // Vestnik voennogo universiteta. 2023;2 (84): 45–52. (In Russ.).

4. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' / A.N. Leont'ev. M. : Smysl, 2020. 352 s. ISBN 978-5-89357-397-0. (In Russ.).

5. Karakin A. G. Psihologiya voinskogo kollektiva. M. : Knorus, 2022. 288 s. ISBN 978-5-406-09123-4. (In Russ.).

6. Federal Law 'On Military Duty and Military Service' of March 28, 1998 No. 53-FZ (as amended on 04.08.2023)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998;13. St. 1475. (In Russ.).

7. SHCHegolev V. A. Gamification in Military Education: Potential and Limitations // Voennaya mysl'. 2024;1 (1245): 78–84. (In Russ.).

8. Federal Law "On the National Guard Troops of the Russian Federation" of July 3, 2016 No. 226-FZ (as amended on December 28, 2024)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;27. St. 4159. (In Russ.).

9. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of the National Security of the Russian Federation" dated July 2, 2021 No. 400// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021;27. St. 5351. (In Russ.).

10. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. SPb. : Piter, 2019. 720 s. ISBN 978-5-496-02601-3. (In Russ.).

11. Mucynov S. S. Current Issues of Military-Patriotic Education of Cadets of Rosgvardiya Universities / S. S. Mucynov, I. V. Ovcharov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;4 (17): 112–119. (In Russ.).

12. Soldatova G. U. Digital socialization in the context of clip thinking / G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2021;2 (42): 3–15. (In Russ.).

13. Korchemnyj P. A. Voennaya akmeologiya: metodologiya, teoriya, praktika. M. : Izd-vo RAGS,

2020. 272 s. ISBN 978-5-7729-0821-7. (In Russ.).

14. Myl'nikov D. V. Psychological conditions for the formation of patriotic orientation of cadets in military universities // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2022;3 (56): 84–92. (In Russ.).

15. Morosanova V. I. Conscious self-regulation as a resource for cadets' learning activities / V. I. Morosanova, T. G. Fomina // Eksperimental'naya psihologiya. 2021. Vol. 14;2: 28–43. (In Russ.).

16. Rokich M. Metodika «Cennostnye orientacii»: adaptaciya dlya voenno-professional'nyh grupp / Pod red. A. G. Karakina. M. : Voenizdat, 2020. 48 s. (In Russ.).

17. Ustav vnutrennej sluzhby Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14.12.1993 № 2140, red. ot 10.07.2023). M. : Eksmo, 2024. 416 s. ISBN 978-5-04-198765-7. (In Russ.).

18. Orlova O. V. Gamification as a technology for patriotic education of youth / O. V. Orlova, A. A. YAkovleva // Obrazovanie i nauka. 2023. Vol. 25;5: 167–194. (In Russ.).

19. Kozlov O. A. Multimedia Technologies in Military Professional Education / O. A. Kozlov, E. V. Panyukova // Informatika i obrazovanie. 2022;4 (333): 54–61. (In Russ.).

20. CHirkov V. I. Feedback in the training and education of military personnel / V. I. CHirkov, N. V. Bordovskaya // Psihologiya obucheniya. 2021;8: 24–36. (In Russ.).

21. SHevchenko, A. V. Augmented reality technologies in military-historical education / A. V. SHevchenko, D. A. Trubnikov // Otkrytoe obrazovanie. 2024. Vol. 28;1: 42–51. (In Russ.).

22. Kruglikov, V. N. Collective forms of educational work in a military university / V. N. Kruglikov, D. A. Ermakov // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2023;12: 134–147. (In Russ.).

23. Tihomirov S. A. Multimedia quiz as a means of developing cadets' cognitive interest / S. A. Tihomirov, R. V. Kuznecov // Sovremennye naukoyomkie tekhnologii. 2025;2: 112–118. (In Russ.).

24. Baranov E. A. VR technologies in the system of military-patriotic work / E. A. Baranov, P. N. Sobolev // Informacionnye tekhnologii v voennoj sfere. 2025;1 (29): 63–70. (In Russ.).

25. Kobzar' A. I. Methodology for Assessing the Effectiveness of Educational Innovations in the National Guard Troops / A. Kobzar', YU. V. Matveev // Vestnik Nacional'nogo centra vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3 (12): 34–43. (In Russ.).

26. Prikaz federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Nastavleniya po organizacii v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii voenno-politicheskoj (politicheskoj) raboty» ot 20 aprelya 2021g. № 132 (red. Prikazov Rosgvardii ot 15 oktyabrya 2025 g. № 372, ot 08 dekabrya 2025g. № 454). (In Russ.).

27. Denikin A. V. Historical analysis of the development of the problem of personal independence in the works of foreign and domestic researchers / A. V. Denikin, I. V. YUdin // Vestnik rossijskogo novogo universiteta. 2015;4: 103–106. (In Russ.).

28. YUdin I. V. Stimulating military-professional creativity as a way to develop the service independence of unit officers / I. V. YUdin, A. YU. Karmaev, R. V. Mishin // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2018;2: 190–192. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.04.2026;
одобрена после рецензирования 05.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026;
approved after reviewing 05.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 355.233

КОНКУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ В ВОСПИТАНИИ КАДЕТ

Нина Васильевна Масло[1], Ирина Александровна Федосеева[2]
[1] Автономная некоммерческая организация патриотического воспитания «Победоносец», Москва, Россия
[2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] n.maslo@ano-pobedonosets.ru
[2] fedosseevairina60@gmail.com

Аннотация. В статье подчеркивается значимость социальных проектов в воспитании подрастающего поколения. Ведь социальность как объективная категория «проектирует» социализацию личности. Опираясь на высказывание (Б. З. Вульфов), что «Образование Человека – результат его социального воспроизводства – и есть творение и самотворение его социальности», авторы подчеркивают значимость социальных проектов в воспитании патриотов страны. Анализируя конкурс социальных проектов «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях», авторы обращают внимание на профориентационную составляющую, сохранение преемственности кадет-курсант. Системный анализ конкурса, включающий визитную карточку и социальный проект под руководством педагогов, позволяет говорить о сотрудничестве и сотворчестве взрослых и детей по достижению поставленной социальной цели. Социальность выступает как интегративное качество, отражающее результат взаимодействия воспитанника и общества. В статье обосновывается, что проекты обладают мощной силой воспитания подрастающего поколения, импульсом, который мотивирует к получению новой информации, расширения границ познания, умения анализировать, критически мыслить, получения навыков исследовательской деятельности. Приводя примеры, авторы подводят к тому, что в подготовке проекта каждый обучающийся получает определенный социальный опыт, примеряя определенные социальные роли, способствующие его самовыражению, позволяющие чувствовать себя уверенно, возможно будут вектором его дальнейшего жизненного пути. В статье использованы материалы конкурсов различных лет.

Ключевые слова: проект, социальный проект, нравственность, духовность, образование, кадеты

Для цитирования: Масло Н.В., Федосеева И.А. Конкурс социальных проектов как инструмент в воспитании кадет // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 227–233. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/024.pdf.

Original article

SOCIAL PROJECTS COMPETITION AS A TOOL FOR CADETS' EDUCATION

Nina V. Maslo[1], Irina A. Fedoseeva[2]
[1] Autonomous Non-Profit Organization for Patriotic Education "Pobedonosets", Moscow, Russia
[2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] n.maslo@ano-pobedonosets.ru
[2] fedosseevairina60@gmail.com

Abstract. This article emphasizes the importance of social projects in the education of the younger generation. Sociality, as an objective category, "designs" the socialization of the individual. Drawing on B.Z. Vulfov's assertion that "Human education – the result of social reproduction – is the creation and self-creation of his sociality," the authors emphasize the importance of social projects in fostering patriots. Analyzing the social project competition "Formation of Patriotism in Cadet Educational Organizations," the authors draw attention to the career guidance component and the preservation of cadet-cadet continuity. A systematic analysis of the competition, including a business card and a social project led by teachers, suggests cooperation and co-creation between adults and children to achieve the stated social goal. Sociality acts as an integrative quality, reflecting the result of interaction between the student and society. The article argues that projects have a powerful educational impact on the younger generation, motivating them to acquire new information, expand their knowledge, develop analytical skills, think critically, and

acquire research skills. Citing examples, the authors suggest that project preparation provides each student with social experience, exploring specific social roles that foster self-expression, allow them to feel confident, and may even shape their future life. The article draws on materials from competitions over the years.

Keywords: project, social project, morality, spirituality, education, cadets

For citation: Maslo N.V., Fedoseeva I.A. Social projects competition as a tool for cadets' education. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35):227–233. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/024.pdf.

© Масло Н.В., Федосеева И.А., 2026

Введение

Сегодня приходит понимание того, что развитие устойчивого российского государства требует не только цифровизации, прорыва искусственного интеллекта, но и целенаправленной и системной работы по воспитанию подрастающего поколения, во главу которой положены нормы, смыслы, ценности отечественной культуры. А. М. Егорычев пишет, что «культура – это явление и процесс принципиально этнический, процесс духовного прогресса человека и человечества» [9. С. 268]. Именно из духовного вытекают нравственная и творческая идентичности личности; без духовного не может быть и нравственного. Нет сильного государства, если нет духовных связей в обществе. На духовности строится патриотическое чувство, такие понятия как Отчизна, Родина, Народ, Семья, где патриотизм является наивысшей ценностью. Проблемой духовно-нравственного воспитания, его значением в жизни российского человека, формированием у него сознания и мировоззрения, соответствующее историческому социокультурному коду российского народа, занимались А. М. Егорычев, Л. В. Мардахаев, А. Д. Лопуха, А. И. Субетто, А. К. Быков и др.

Воспитание – это всегда целенаправленный организованный процесс, в соответствии с нормативными моделями, ценностями, смыслами, ориентированными на формирование определенного типа личности. Основу воспитания составляет духовно-нравственная составляющая. Ведь «образование без воспитания есть дело сложное и опасное; а образование в отрыве от духа, совести, веры, характера не формирует человека, а разнуздывает и портит его…» (И. А. Ильин) [11].

Основные положения

Традиционно воспитание являлось мощным фактором стабильности и процветанием государства. Понимание необходимости и важности воспитания уходит глубокими корнями в античные времена. Так, в трудах древнегреческих философов прослеживается мысль о том, что воспитание является средством преобразования государства, обеспечивая прогрессивное его развитие (Платон) [5, 13]. С позиции Аристотеля, воспитание выступает гарантом государственной стабильности. «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где его нет, и самый государственный строй терпит ущерб» [3].

Справедливости ради отметим, что уже в пределах античного полиса выдвигался тезис об активной позиции гражданина в делах родного города.

Т. А. Ромм пишет: «Государственные интересы были неотделимы от личных, поэтому в политических интересах государства было воспитать из молодежи людей, умеющих «делать добро» государству…» [19]. И далее: «Афинский гражданин при желании имел возможность каждый девятый день посвятить себя служению государственным делам …» [12]. По сути, речь идет о воспитании гражданина с ярко выраженной патриотической направленностью, основу которого составляет ценностно-смысловая платформа, с формированием «привычки к нравственному поведению» как государственно одобряемому (Аристотель). Такая модель воспитания соответствовала жизнедеятельности в античный период, позволяя успешно социализироваться и эффективно существовать в социуме.

Обращаясь к философскому обоснованию воспитания, можно констатировать, что воспитание соотносится с человеческой сущностью, … общегосударственным делом; … средством формирования социальной идентичности человека [17]. Это означает, что воспитание возделывает человека, взращивает его.

Сегодня на государственном уровне проводится большая работа по государственно-патриотическому воспитанию. Принимаются документы (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президен-

та Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400; Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и др.); разрабатываются проекты, разворачивается грантовая деятельность с вовлечением подрастающего поколения, продвигается кадетское движение. Уместно привести слова нашего президента, что «нравственным ориентиром для подростков в России должен быть патриотизм… в самом хорошем, здоровом смысле этого слова. Ничего другого придумать нельзя. Любовь к Родине надо развивать» (В. В. Путин 2015 г.). Действительно, любовь к Родине – это знание ее истории, достижений, отношение к памятникам культуры, сохранение традиций, соблюдение законности и др.

В отечественном образовании идет поиск путей, форм и средств, направленных на формирование патриота страны в соответствии с нормами, смыслами российского общества, его национально-культурных традиций.

Одним их мощнейших средств воспитания молодежи выступает проектная деятельность. Проект в переводе означает «предлагать что-то наперед» [18]. Под проектом можно понимать «некоторую акцию, совокупность мероприятий, объединенных одной программой или организационной формой целенаправленной деятельности» [7]. Педагогический проект может содержать разработку и освоение новой технологии или организацию деятельности обучающихся. К таким проектам на государственном уровне относятся: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Патриотическое воспитание», «Цифровая образовательная среда», «Молодежь России», «Социальная активность» и др. Все они ориентированы на раскрытие потенциальных возможностей подрастающего поколения, самовыражения молодежи, ее карьерного, профессионального роста.

В законе Российской Федерации «Об Образовании» в 2021 году внесены изменения в формулировку понятия «воспитания», с акцентом на патриотическую составляющую. «Воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества, и подвигам Героев Отечества, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации…» [20]. Такое включение позволяет актуализировать патриотическую составляющую в воспитании молодежи.

Рассуждая по этому поводу, отметим, что в сложный исторический момент, когда произошел резкий переход к принятию рыночных ценностей, из общественного сознания выпала духовно-нравственная основа [10]. Нынешняя ситуация несет отпечатки таких мощных социальных трансформаций, особенно это касается вопросов воспитания. Ведь воспитание как социальный институт есть начало развития и социализации человека. Сегодня мы наблюдаем тревожную ситуацию, где столкнулась социокультурная система сложившихся ценностей российского человека и инновационных реалий. А. М. Егорычев, В. И. Слободчиков, А. И. Субетто пишут об опасности аксиологической диссоциации российского общества, его разобщенности, духовной деградации народа [2]. Все зависит от тех парадигмальных основ, которые закладываются государством и обществом.

Как уже было выше сказано, проекты обладают мощной силой воспитания подрастающего поколения. Это тот импульс, который мотивирует к получению новой информации, расширения границ познания, умения анализировать, критически мыслить, получения навыков исследовательской деятельности. В подготовке проекта каждый обучающийся получает определенный социальный опыт, примеряя определенные социальные роли, способствующие его самовыражению, позволяющие чувствовать себя уверенно, возможно будут вектором его дальнейшего жизненного пути.

Ярким примером реализации социального проектирования в воспитании подрастающего поколения является Всероссийский конкурс «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях». Данный конкурс проводится под эгидой Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, цель которого – продвижение патриотического воспитания в кадетских корпусах, а также выявление талантливых офицеров воспитателей в работе с обучающимися.

Оглядываясь на историю Всероссийского конкурса, которому 11 лет, надо сказать,

что кадетские корпуса, это есть тот фундамент, который закладывает будущее России, с ее патриотичностью, духовно-нравственным воспитанием, сохранением преемственности кадет-курсант, с долгом честного и чистого сердца гражданина своего Отечества [16, 21]. На начальном этапе в 2015 г. было задействовано всего 4 команды, численностью 16 человек. По мере заинтересованности участников, увеличивалась численность кадет, расширялась их география, подключалась группа поддержки. В 2019 году участвовало уже 11 команд, количество участников 75 человек. С 2021 года Конкурс «Формирование патриотизма в кадетских образовательных организациях» стал проходить в двух крупных регионах страны. Это в Северо-Западном регионе (г. Санкт-Петербург), с охватом Центральной части России, Поволжья, Крыма, Донецкой Народной Республики и Западной Сибири (г. Новосибирск), включая Алтай, Красноярский край, Тыву, Бурятию, Восточные районы России. Общий охват участников более 600 человек, с различных ведомств силовых структур: Министерство обороны, Следственного комитета, ФСБ, МЧС, Казачества, Росгвардии, Министерства Просвещения.

Анализ одиннадцатилетнего опыта проведения конкурса (2015–2026 гг.) показывает, что это мощный мотивационный компонент по привлечению кадет для поступления в военные учебные заведения, профориентационная сила для современной молодежи. Так, если в 2017 г. 20 % кадет написали, что участие в Конкурсе повлияло на их поступление в военные институты силовых структур, то в 2025 г. этот показатель был увеличен в 1,8 раз.

Для воспитанников кадетских корпусов понятие «патриотизм» – это родная земля, учебное заведение, коллектив, Родина. Они отождествляют слово патриот с теми, кто подарил им жизнь, мирное небо, испытывая при этом гордость и уважение за свою страну.

Приведем некоторые результаты опроса из выступлений ребят из кадетских образовательных организациях:

– около 85 % кадет переживают гордость за свою страну;

– среди причин, отрицательно влияющих на формирование патриотизма, обучаемые назвали низкую нравственность в обществе (20 %) и низкий материальный доход населения (17 %);

– более половины кадет (75 %) готовы поставить государственные интересы выше своих собственных;

– для 85% кадет герои Великой Отечественной войны являются примером для подражания.

Подтверждением являются и названия социальных проектов. Приведем некоторые примеры (2024года): «Храните память о героях прошлого» (Белокалитвенский Матвея Платова кадетский корпус); «Патриотизм не в лозунгах и словах, а в деятельности» (Школа № 4 – кадетский корпус им. А. В. Захарченко); «Вечные солдаты Росгвардии» (Московское президентское кадетское училище); «С патриотизмом через всю Россию» (Кадетский пожарно-спасательный корпус им. Генерала армии Е. Н. Зиничева); «Мы все солдаты необъявленной войны» (Санкт-Петербургский кадетский военный корпус им. Князя Александра Невского) и др.

Рассматривая эти проекты, уместно привести слова М. И. Кутузова, подчеркивающие единение российского народа, его величайшее самоотречение во имя общего блага. «Враг мог разрушить стены ваши, обратить в пепел и развалины имущество, наложить на вас тяжкие оковы, но он не мог и не может победить и покорить сердец ваших [1, С. 23].

Несмотря на вариативный характер социальных проектов, нельзя не отметить региональный компонент, в также практическую значимость защищаемых работ. Это создание сайта «Школа героев» (Пермское президентское кадетское училище), «Книга памяти: наследники героев» (Кадетский корпус следственного комитета г. Москва); «Методическое пособие для поступающих в ряды движения «Дзержинец» (Кадетский корпус им. А. В. Захарченко); «Мультипликационная деятельность: Пока мы помним прошлое, у нас есть будущее» (Белокалитвенский Матвея Платова кадетский корпус); Социальный проект: «История бессмертия» об увековечивании памяти гвардии старшего лейтенанта Н. Д. Царапкина (Губернский казачий генерала Слепцова кадетский корпус г. Пенза) и др.

Квинтэссенцией социальных проектов кадет являются слова «Не трогайте Россию, господа!», потому что для всех участников Святое: Родина и мать!». Каждый проект был объективен и обоснован, что является доказательством того, что идея проекта, подход к решению проблемы оказались не случайным образом, а являются следствием работы авторов по осмыслению ситуа-

ции и оценки возможностей воздействия на нее.

Сегодня, когда понятие «коллектив» подменяется командой, социальный проект – это тот инструмент, который учит работать в коллективе, формируя такие качества, как сплоченность, взаимовыручка, умение стоять до конца. Представленные социальные проекты – это совместная исследовательская деятельность, где взрослые выступали в роли наставников, а сотрудничество сплачивало всех в единый коллектив по реализации задуманного [22].

Определенный тон в конкурсе «Формирование патриотизма в кадетских корпусах» задают визитные карточки кадетских корпусов, во время которых ребята продемонстрировали глубокие теоретические знания истории своей страны, края. Это своего рода «врата» в кадетку, кадетскую дружбу, которая навсегда остается в памяти воспитанников. Ведь «быть кадетом – это не родиться, нужно это жизнью доказать, стать кадетом нужно потрудиться, волю и характер показать». Такой посыл звучал практически в каждой визитке команд.

Приведем некоторые примеры ключевых позиций визитных карточек. «Золотые купола – славься русская земля. Никому не победить, Русь всегда будет жить» (Белокалитвенский Матвея Платова кадетский корпус); «В согласии жить – это главное» (Башкирский кадетский корпус им. Героя России А. В. Доставалова); «Мой папа ушел на войну, значит я дочь героя, … мы ненавидим войну!» (Школа № 4 – кадетский корпус им. А. В. Захарченко) и др. Дух единства, товарищества звучал в визитных карточках каждого кадетского корпуса, истинных патриотов страны. Подтверждением являются слова ребят Пермского президентского кадетского училища, которые идентифицируют свои поступки, дела с созиданием и процветанием страны: «Я – Россия. Мы вместе!».

Подводя результаты выступления ребят кадетских образовательных организаций, члены жюри отметили, что все участники в своих визитных карточках, социальных проектах отразили душу кадетского корпуса, его значимость в воспитании кадета. Отвечая на вопросы членов жюри, можно сказать, что кадеты мотивированы не только на деятельность «здесь и сейчас», но и то «послевкусие», которое останется после окончания кадетского корпуса.

Заключение

Масштабы реализации представленных проектов различны: от сообщества школы до масштабов города, края. Однако всех их объединяет любовь к родной земле, своему Отечеству. Очень метко по этому поводу выразился академик В. Голубев, анализируя установки мировоззрения русского человека и западного: для западного менталитета характерно принятие установки «служение себе», своему «я». Для российского менталитета, отвечающего «русской идее», свойственно «служение людям», Отечеству [6].

Подводя итог, надо сказать, что пока существуют такие образовательные организации, которые направлены на воспитание патриотичных ребят, с высоким уровнем творческой силы и желанием жить и трудиться во благо своей страны, мира на планете, Россия находится под надежной защитой.

Список источников

1. Архиепископ Курганский и Шадринский Константие (Горянов). 200-летие Бородинского сражения. Новосибирск, 2012. 48 с.
2. Академик В. А. Казначеев. Человек, врач, ученый: Сборник очерков / отв. ред. профессор Н. П. Толоконская. Новосибирск: Параллель, 2010. 249 с.
3. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 628.
4. Бобровский П. О. Юнкерские училища. Обучение и военное воспитание. СПб., 1881. Т. 2. С. 523.
5. Вульфов Б. З. Основы педагогики в лекциях, ситуациях, первоисточниках: учебное пособие / Б. З. Вульфов, В. Д. Иванов. М., 1997. С. 5.
6. Голубев В. Жизнетворение // Природа и человек (Свет). 2000. № 3. С. 33.
7. Гуманитарная миссия сопровождения проектной деятельности в многонациональном образовательном пространстве: учебное пособие / под общ. ред. Л. Н. Бережновой. СПб., 2008. 141с.
8. Добродомов Р. Н. Ценностные ориентации в историко-педагогической ретроспективе / Р. Н. Добродомов, И. А. Федосеева // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных

статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2017. С. 267–273.

9. Егорычев А. М. Человек в ноосферном измерении / Человек и общество: ноосферное развитие: монография/ О. С. Анисимов, В. К. Батурин и др.; под ред. В. Н. Василенко. М., Белгород, 2011. 485 с.

10. Егорычев А. М. Социально-философские основания интеграции этнокультурных традиций в системе образования России: автореф. дис. … д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Егорычев Александр Михайлович. Барнаул, 2006. 40 с.

11. Ильин И. А. О русской душе // Педагогика. 1999. № 5. С. 94.

12. Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 349.

13. Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / под ред. М. В. Захарченко. СПб., 2000. Ч. 1. 492 с.

14. Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917–1973. М., 1974. С. 100.

15. Нестеров Ф. Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М., 1980. С. 70–71.

16. Нравственные качества офицера русской армии XVIII–XIX веков // Военная мысль. 1994. № 2. С. 67–73.

17. Новейший психолого-педагогический словарь / сост. Е. С. Рапацевич; под общ. ред. А. П. Астахова. Минск: Современная школа, 2010. 928 с. С. 212.

18. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Русский язык, 1990. 917 с.

19. Ромм Т. А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образов. Новосибирск: Наука; Изд-во НГТУ, 2007. С. 109.

20. Федеральный закон Российской Федерации от 11 июня 2022 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/70291362/ (дата обращения: 15.11.2025).

21. Федосеева И. А. К вопросу о сохранении преемственности в воспитании кадета как будущего офицера // ЦИТИСЭ.

2018. № 4 (17). С. 9.

22. Федосеева И. А. Роль российского государства в становлении и развитии социального воспитания // Социальная политика и социология. 2012. № 8 (86). С. 117–124.

References

1. Arhiepiskop Kurganskij i SHadrinskij Konstantie (Goryanov). 200-letie Borodinskogo srazheniya. Novosibirsk, 2012. 48 s. (In Russ.).

2. Akademik V. A. Kaznacheev. CHelovek, vrach, uchenyj: Sbornik ocherkov / otv. red. professor N. P. Tolokonskaya. Novosibirsk: Parallel', 2010. 249 s. (In Russ.).

3. Aristotel'. Nikomahova etika // Soch.: v 4 t. M., 1984. Vol. 4. S. 628. (In Russ.).

4. Bobrovskij P. O. YUnkerskie uchilishcha. Obuchenie i voennoe vospitanie. SPb., 1881. T. 2. S. 523. (In Russ.).

5. Vul'fov B. Z. Osnovy pedagogiki v lekciyah, situaciyah, pervoistochnikah: uchebnoe posobie / B. Z. Vul'fov, V. D. Ivanov. M., 1997. S. 5. (In Russ.).

6. Golubev V. Life creation // Priroda i chelovek (Svet). 2000;3: 33. (In Russ.).

7. Gumanitarnaya missiya soprovozhdeniya proektnoj deyatel'nosti v mnogonacional'nom obrazovatel'nom prostranstve: uchebnoe posobie / pod obshch. red. L. N. Berezhnovoj. SPb., 2008. 141s. (In Russ.).

8. Dobrodomov R. N. Cennostnye orientacii v istoriko-pedagogicheskoj retrospektive / R. N. Dobrodomov, I. A. Fedoseeva // Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh statej VIII Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk, 2017. S. 267–273. (In Russ.).

9. Egorychev A. M. CHelovek v noosfernom izmerenii / CHelovek i obshchestvo: noosfernoe razvitie: monografiya/ O. S. Anisimov, V. K. Baturin i dr.; pod red. V. N. Vasilenko. M., Belgorod, 2011. 485 s. (In Russ.).

10. Egorychev A. M. Social'no-filosofskie osnovaniya integracii etnokul'turnyh tradicij v sisteme obrazovaniya Rossii: avtoref. dis. … d-ra. filos. nauk: 09.00.11 / Egorychev Aleksandr Mihajlovich. Barnaul, 2006. 40 s. (In Russ.).

11. Il'in I. A. O russkoj dushe // Pedagogika. 1999. № 5. S. 94. (In Russ.).

12. Lur'e S. YA. Istoriya Grecii. SPb., 1993. S. 349. (In Russ.).

13. Modzalevskij L. N. Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen / pod red. M. V. Zaharchenko. SPb., 2000. CH. 1. 492 s. (In Russ.).

14. Narodnoe obrazovanie v SSSR: Sb. dokumentov. 1917–1973. M., 1974. S. 100. (In Russ.).
15. Nesterov F. F. Svyaz' vremen: opyt istoricheskoj publicistiki. M., 1980. S. 70–71. (In Russ.).
16. Moral qualities of officers in the Russian army in the 18th and 19th centuries // Voennaya mysl'. 1994;2: 67–73. (In Russ.).
17. Novejshij psihologo-pedagogicheskij slovar' / sost. E. S. Rapacevich; pod obshch. red. A. P. Astahova. Minsk: Sovremennaya shkola, 2010. 928 s. S. 212. (In Russ.).
18. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / pod red. N. YU. SHvedovoj. 23-e izd., ispr. M. : Russkij yazyk, 1990. 917 s. (In Russ.).
19. Romm T. A. Social'noe vospitanie: evolyuciya teoreticheskih obrazov. Novosibirsk: Nauka; Izd-vo NGTU, 2007. S. 109. (In Russ.).
20. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 11 iyunya 2022 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». Available from: https://base.garant.ru/70291362/ (data obrashcheniya: 15.11.2025). (In Russ.).
21. Fedoseeva I. A. On the issue of maintaining continuity in the education of a cadet as a future officer // CITISE. 2018;4 (17): 9. (In Russ.).
22. Fedoseeva I. A. The Role of the Russian State in the Formation and Development of Social Education // Social'naya politika i sociologiya. 2012;8 (86): 117–124. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Федосеева *– доктор педагогических наук, профессор*

Information about the authors

I. A. Fedoseeva *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026;
одобрена после рецензирования 12.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.05.2026;
approved after reviewing 12.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 377.5:34

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ УЧЕБНОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И НОРМЫ

Наталья Александровна Ноздрина[1], Егор Сергеевич Кузнецов[2]
[1, 2] Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия
[1] nozdrina.natalye@mail.ru
[2]egorkuznecov470@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается воспитательный потенциал учебной и производственной практики в системе среднего профессионального образования (далее – СПО). Практика анализируется не только как форма формирования профессиональных компетенций, но и как один из наиболее действенных воспитательных институтов профессиональной школы. Прослеживается историческое развитие практической подготовки в отечественном профессиональном образовании. Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая организацию практики в СПО, прежде всего Положение о практической подготовке обучающихся, утверждённое совместным приказом Минобрнауки России и Минпросвещения России от 05 августа 2020 г. № 885/390. Раскрывается роль рабочей программы воспитания и института наставничества в реализации воспитательных задач практики. Показано, каким образом правовые нормы, регулирующие практику, создают условия для формирования у обучающихся трудовой дисциплины, ответственности, профессиональной этики и готовности к самостоятельной профессиональной деятельности. Сформулированы проблемы и предложены пути совершенствования воспитательной составляющей практики.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, учебная практика, производственная практика, практическая подготовка, воспитательный потенциал, рабочая программа воспитания, наставничество, трудовая дисциплина, профессиональная социализация, правовое регулирование

Для цитирования: Ноздрина Н.А., Кузнецов Е.С. Воспитательный компонент учебной и производственной практики в среднего профессионального образования: правовые аспекты и нормы // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 234–245. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/025.pdf.

Original article

THE EDUCATIONAL COMPONENT OF ACADEMIC AND INDUSTRIAL PRACTICE IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: LEGAL ASPECTS AND REGULATIONS

Natalia A. Nozdrina[1], Egor S. Kuznetsov[2]
[1, 2] Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia
[1] egorkuznecov470@gmail.com
[2] nozdrina.natalye@mail.ru

Abstract. The article examines the educational potential of academic and industrial practice within the system of secondary vocational education (SVE). Practice is analyzed not only as a means of developing professional competencies but also as one of the most effective educational institutions of vocational schooling. The historical development of practical training in Russian vocational education is traced. The study analyzes the legal and regulatory framework governing the organization of practice in SVE, primarily the Regulations on Practical Training of Students, approved by the joint Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Ministry of Education of the Russian Federation No. 885/390 dated August 5, 2020. The role of the educational work program and the institution of mentoring in implementing the educational objectives of practice is revealed. The article demonstrates how legal regulations

governing practice create conditions for developing students' work discipline, responsibility, professional ethics, and readiness for independent professional activity. Existing challenges are identified, and ways to improve the educational component of practice are proposed.

Keywords: secondary vocational education, academic practice, industrial practice, practical training, educational potential, educational work program, mentoring, work discipline, professional socialization, legal regulation

For citation: Nozdrina N.A., Kuznetsov E.S. The educational component of academic and industrial practice in secondary vocational education: legal aspects and regulations. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 234–245. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/025.pdf.

© Ноздрина Н.А., Кузнецов Е.С., 2026

Введение

Практическая подготовка занимает центральное место в системе среднего профессионального образования. Именно в ходе учебной и производственной практики абстрактные знания, полученные на теоретических занятиях, превращаются в реальные профессиональные умения, а студент впервые погружается в условия настоящей трудовой деятельности. Однако значение практики не исчерпывается формированием компетенций. Практика – это мощнейший воспитательный институт, в котором будущий специалист усваивает нормы профессионального поведения, трудовую дисциплину, ответственность за результат и культуру взаимоотношений в коллективе.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, изменения, внесённые в законодательство об образовании в 2020 году, закрепили воспитание как обязательную часть образовательной деятельности и обязали образовательные организации разрабатывать рабочие программы воспитания, действие которых распространяется в том числе на период практики. Во-вторых, в том же 2020 году было принято новое Положение о практической подготовке обучающихся, изменившее саму концепцию практики и усилившее роль работодателей. В-третьих, развитие движения наставничества и программы «Профессионалитет» придало воспитательному сопровождению практики особую значимость. Всё это делает необходимым специальное рассмотрение воспитательного компонента практики в его правовом измерении.

Степень изученности проблемы остаётся недостаточной. В педагогической литературе практика традиционно рассматривается прежде всего с позиций формирования профессиональных навыков, тогда как её воспитательный потенциал, особенно в связи с правовым регулированием, освещён фрагментарно. Между тем именно правовые нормы – о договоре практической подготовки, об обязанностях обучающихся в период практики, об ответственности сторон – создают каркас, в рамках которого протекает воспитательное воздействие практики на личность будущего специалиста.

Цель статьи – выявить воспитательный потенциал учебной и производственной практики в СПО в его правовом измерении и обозначить пути его практической реализации. Для достижения цели решаются следующие задачи: прослеживается историческое развитие практической подготовки в отечественном профессиональном образовании; анализируется современная нормативно-правовая база организации практики в СПО; раскрывается воспитательное содержание учебной и производственной практики; исследуется роль рабочей программы воспитания и наставничества; формулируются проблемы и пути совершенствования.

Методологическую основу работы составляют историко-педагогический метод, формально-юридический анализ нормативных актов и метод системного анализа. Теоретической базой выступают труды отечественных педагогов [11] в области теории профессионального образования [21] и трудового воспитания [9].

Основные положения

1. Историческое развитие практической подготовки в отечественном профессиональном образовании

Практическая подготовка, как организованная форма обучения профессии, имеет давнюю историю. В системе ремесленного ученичества, предшествовавшей появлению профессиональной школы, практика и обучение были неразделимы: ученик жил и работал в доме мастера, осваивая ремесло непосредственно в процессе труда. Воспитательное значение такой подготовки было исключительно велико: ученик усваивал не только технические приёмы, но и весь уклад профессиональной жизни – отношение к труду, к заказчику, к инструменту и материалу. Мастер выступал одновременно учителем, работодателем и нравственным наставником.

С появлением в XIX веке организованного профессионального образования практика стала самостоятельным элементом учебного процесса: теоретическое обучение дополнялось работой в мастерских и на действующих предприятиях, а сама практика рассматривалась как средство приучения учащихся к дисциплине, порядку и ответственности.

В советский период практическая подготовка получила наиболее развитую институциональную форму: система фабрично-заводского ученичества прямо связывала обучение с производством, а в техникумах и ПТУ производственная практика была обязательным и протяжённым этапом обучения. Через неё формировались коллективизм, трудовая дисциплина, уважение к рабочей профессии. Институт наставничества обеспечивал воспитательное сопровождение молодого работника опытным мастером.

Советская модель убедительно демонстрировала, что практика, прочно встроенная в реальное производство и обеспеченная наставническим сопровождением, обладает мощным воспитательным потенциалом: закрепление образовательных организаций за базовыми предприятиями, признание наставника воспитателем, тесная связь с системой трудового воспитания обеспечивали её устойчивость и содержательность.

В 1990-е годы система пережила тяжёлый кризис: разрушение хозяйственных связей и закрытие многих предприятий лишили образовательные организации традиционных баз практики, а сама производственная практика во многих случаях формализовалась. Воспитательный потенциал практики в этот период во многом не реализовывался.

Современный этап характеризуется восстановлением и обновлением системы практической подготовки. Принятие Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], утверждение в 2020 году нового Положения о практической подготовке обучающихся, развитие дуального обучения, программы «Профессионалитет» и движения наставничества обозначили курс на тесную интеграцию образовательных организаций с работодателями. В этих условиях воспитательная функция практики вновь оказалась в центре внимания: практика рассматривается как пространство профессиональной социализации, в котором формируется личность будущего специалиста.

Исторический обзор позволяет сделать вывод: воспитательная функция практической подготовки органически присуща данному институту. На всех этапах развития профессионального образования практика выступала не только способом передачи навыков, но и средством формирования трудовой морали. Чем теснее практика связана с реальным производством и чем полнее обеспечено наставническое сопровождение, тем сильнее её воспитательное воздействие.

2. Нормативно-правовая база организации практики в СПО

Правовое регулирование практической подготовки в системе СПО носит многоуровневый характер и включает федеральное законодательство, подзаконные акты, федеральные государственные образовательные стандарты и локальные нормативные акты образовательных организаций.

2.1. Федеральное законодательство. Базовой нормой выступает статья 13 Федерального закона от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ [1] «Об образовании в Российской Федерации», которая закрепляет возможность организации образовательной деятельности в форме практической подготовки. Существенное значение имеют также изменения, внесённые Федеральным законом от 31 июля

2020 г. № 304-ФЗ [2], который определил воспитание как деятельность, направленную на развитие личности и создание условий для самоопределения и социализации обучающихся, и обязал образовательные организации включать в образовательные программы рабочие программы воспитания. Тем самым воспитательные требования распространяются и на период прохождения практики.

2.2. Положение о практической подготовке. Ключевым подзаконным актом является Положение о практической подготовке обучающихся, утверждённое совместным приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05 августа 2020 г. № 885/390 [3]. Положение устанавливает порядок организации практической подготовки, определяет виды практики, регулирует отношения между образовательной организацией и организацией, на базе которой проводится практика. Принципиально важно, что Положение предусматривает возможность проведения практической подготовки непосредственно в организации, осуществляющей деятельность по профилю образовательной программы, на основании специального договора. Тем самым студент в период практики оказывается включённым в реальную производственную среду – а именно эта включённость и обеспечивает воспитательный эффект практики.

Договор о практической подготовке, примерная форма которого утверждена тем же приказом № 885/390 [3], имеет не только организационное, но и воспитательное значение. Заключение договора означает, что студент вступает в формализованные отношения, в рамках которых у него возникают определённые права и обязанности. Студент обязан соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организации, требования охраны труда и техники безопасности. Подчинение этим требованиям представляет собой практическую школу трудовой дисциплины: впервые студент соблюдает не учебные, а производственные нормы, нарушение которых имеет реальные последствия.

2.3. Федеральные государственные образовательные стандарты. ФГОС СПО [6] определяют место практики в структуре образовательной программы, устанавливают её виды и объём. Действующие стандарты предусматривают, как правило, два вида практики: учебную и производственную, причём производственная практика делится на практику по профилю специальности и преддипломную практику. ФГОС закрепляют требования к результатам прохождения практики, в том числе к формируемым общим компетенциям, многие из которых имеют выраженную воспитательную природу: способность работать в коллективе, ответственно относиться к порученному делу, соблюдать нормы профессиональной этики.

2.4. Локальные нормативные акты. На уровне образовательной организации практика регулируется положением о практической подготовке обучающихся, программами практики по конкретным специальностям, а также рабочей программой воспитания и календарным планом воспитательной работы. Эти документы конкретизируют федеральные требования и, что особенно важно, прямо включают период практики в систему воспитательной работы колледжа. Программа практики, как правило, содержит не только перечень профессиональных заданий, но и требования к поведению студента, к ведению дневника практики, к взаимодействию с руководителем.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о статусе обучающегося в период практики. В отличие от работника, заключившего трудовой договор, студент на практике сохраняет статус обучающегося, и его отношения с организацией регулируются не трудовым законодательством, а договором о практической подготовке и образовательным законодательством. Вместе с тем на студента распространяются требования правил внутреннего распорядка организации, нормы охраны труда, а в ряде случаев – режим коммерческой или иной охраняемой законом тайны. Это промежуточное положение имеет важное воспитательное значение: студент, ещё не будучи полноправным работником, уже принимает на себя часть обязанностей и ответственности, характерных для трудовой деятельности. Тем са-

мым практика становится постепенным, правомерно оформленным переходом от ученичества к профессиональному труду.

3. Воспитательное содержание учебной и производственной практики

Учебная и производственная практика, при всём их единстве, выполняют различные задачи и обладают разным воспитательным содержанием. Действующие ФГОС СПО [6], как правило, выделяют учебную практику, направленную на первоначальное формирование умений, и производственную практику, нацеленную на освоение профессиональной деятельности в реальных условиях; производственная практика, в свою очередь, включает практику по профилю специальности и преддипломную практику. Каждый из этих видов вносит свой особый вклад в воспитание будущего специалиста. Рассмотрим их последовательно.

3.1. Воспитательный потенциал учебной практики. Учебная практика, как правило, проводится в учебных мастерских, лабораториях или полигонах образовательной организации и направлена на первоначальное освоение профессиональных умений. Её воспитательное значение состоит прежде всего в формировании базовой трудовой культуры: студент впервые систематически работает с инструментом и оборудованием, приучается к порядку на рабочем месте, к соблюдению технологической дисциплины и требований безопасности. Учебная практика формирует аккуратность, внимательность, бережное отношение к материалам и оборудованию. Здесь же закладывается важнейшее профессиональное качество – ответственность за качество собственной работы.

3.2. Воспитательный потенциал производственной практики. Производственная практика, проводимая непосредственно на предприятиях и в организациях, обладает наибольшим воспитательным потенциалом. В отличие от учебной практики, она помещает студента в реальный трудовой коллектив с его профессиональными нормами, иерархией, ритмом работы. Студент усваивает не смоделированные, а подлинные правила профессионального поведения. Он учится взаимодействовать с коллегами и руководителями, нести ответственность перед коллективом, понимать значение своей работы для общего результата. Производственная практика формирует профессиональную идентичность: студент начинает воспринимать себя как представителя профессии, а не только как учащегося.

Особое воспитательное значение имеет преддипломная практика – завершающий этап практической подготовки. На этом этапе студент, как правило, выполняет реальные профессиональные задачи, нередко на том рабочем месте, где предполагается его дальнейшее трудоустройство. Преддипломная практика становится переходным звеном между учебной и трудовой жизнью, в котором окончательно формируется готовность к самостоятельной профессиональной деятельности.

Воспитательное содержание практики включает несколько взаимосвязанных направлений: трудовое воспитание (приучение к систематическому труду, дисциплине, ответственности), нравственное (нормы профессиональной этики, честности, добросовестности), социальное (включение в трудовой коллектив) и правовое (соблюдение правил внутреннего распорядка, требований охраны труда, условий договора о практической подготовке). Все эти направления действуют в единстве.

Воспитательный эффект практики не возникает автоматически: формально проведённая практика способна сформировать у студента представление о ней как о бессмысленной формальности, тогда как содержательно организованная – с реальными заданиями, квалифицированным руководством и наставническим сопровождением – закрепляет ценность профессионального труда.

4. Практика как институт профессиональной социализации: теоретические основания

Центральное значение для понимания воспитательного потенциала практики имеет категория профессиональной социализации – процесса, в ходе которого личность усваивает нормы, ценности и модели поведения, характерные для профессии и профессионального

сообщества. Практика является пространством, в котором профессиональная социализация протекает в наиболее естественной и интенсивной форме. Теория деятельности объясняет, почему практика обладает столь значительным воспитательным воздействием: согласно деятельностному подходу [13], личностные качества формируются не в результате усвоения знаний о них, а в процессе реальной деятельности, в которой эти качества востребованы. Ответственность формируется тогда, когда человек несёт реальную ответственность; трудовая дисциплина – когда он включён в дисциплинированный труд.

Производственная практика, помещая студента в трудовой коллектив, запускает процесс формирования профессиональной идентичности [13] – он начинает воспринимать себя как представителя профессии. В теории профессионального образования практика рассматривается как реализация принципа связи обучения с трудом [16] и принципа профессиональной направленности обучения: практика воспитывает не специальными приёмами, а самим характером деятельности – её реальностью, ответственностью, включённостью в производственные отношения. Существенную роль играет эмоциональный компонент: первый профессиональный успех, признание со стороны опытных работников становятся переживаниями, закрепляющими мотивацию, тогда как формальное отношение и отсутствие наставника способны сформировать разочарование в профессии.

5. Рабочая программа воспитания и наставничество в период практики

Реализация воспитательного потенциала практики обеспечивается двумя важнейшими институтами современной системы СПО – рабочей программой воспитания и наставничеством.

5.1. Рабочая программа воспитания. Во исполнение Федерального закона № 304-ФЗ [2] образовательные организации СПО разрабатывают рабочие программы воспитания, являющиеся частью основной профессиональной образовательной программы. Примерная рабочая программа воспитания [7] для СПО предусматривает ряд воспитательных модулей, среди которых особое значение для практики имеют модули «Наставничество», «Социальное партнёрство» и «Образовательная деятельность». Программа воспитания прямо распространяет воспитательные задачи на период практики: практика рассматривается не как перерыв в воспитательной работе, а как её особая, наиболее действенная форма. Календарный план воспитательной работы, сопровождающий программу, может предусматривать конкретные воспитательные мероприятия, приуроченные к периоду практики.

Включение практики в рабочую программу воспитания означает, что воспитательное сопровождение перестаёт быть делом доброй воли отдельного преподавателя и становится нормативно закреплённой обязанностью образовательной организации.

5.2. Институт наставничества. Наставничество – традиционная для отечественного профессионального образования форма воспитательного сопровождения. В современной системе СПО оно получило нормативное оформление: методология (целевая модель) наставничества обучающихся утверждена распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № Р-145 [4]. В период практики наставник – опытный работник предприятия или мастер производственного обучения – выполняет ключевую воспитательную функцию. Он не только передаёт профессиональные умения, но и служит образцом профессионального поведения, носителем трудовой морали и этики. Через личный пример наставника студент усваивает то, что невозможно передать в форме учебного материала: отношение к делу, профессиональную добросовестность, культуру труда.

В период практики студент находится вне привычной образовательной среды; наставник помогает ему адаптироваться к трудовому коллективу, преодолеть первые трудности и сформировать адекватную профессиональную самооценку. Качество наставнического сопровождения во многом определяет, станет ли практика подлинным воспитательным опытом.

Взаимодействие двух институтов – рабочей программы воспитания и настав-

ничества – создаёт целостную систему воспитательного сопровождения практики. Программа воспитания задаёт цели, нормативные рамки и планирование, а наставничество обеспечивает их реализацию в живом профессиональном общении. Там, где оба института работают согласованно, воспитательный потенциал практики раскрывается наиболее полно.

Эффективное наставничество предполагает достаточную квалификацию наставника, его готовность передавать опыт и поддержку со стороны как предприятия, так и образовательной организации. Возрастает значение подготовки самих наставников – формирования у них элементарных педагогических компетенций и понимания воспитательных задач практики.

6. Правовые механизмы реализации воспитательного компонента практики

Анализ нормативно-правовой базы позволяет выделить несколько конкретных правовых механизмов, посредством которых практика реализует свой воспитательный потенциал.

6.1. Трудовая дисциплина. Обязанность студента соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организации, на базе которой проводится практика, закреплена в Положении № 885/390 [3] и в договоре о практической подготовке. Эта обязанность является практической школой трудовой дисциплины. Студент приучается являться на рабочее место вовремя, соблюдать установленный режим, выполнять распоряжения руководителя. В отличие от учебной дисциплины, трудовая дисциплина усваивается в условиях, близких к реальным трудовым отношениям, что придаёт ей особую воспитательную действенность.

6.2. Охрана труда и ответственность за безопасность. Правовые требования к организации практики включают обязательное соблюдение норм охраны труда и техники безопасности. Перед началом практики студент проходит соответствующий инструктаж, а в период практики обязан выполнять требования безопасности. Это формирует у будущего специалиста ответственное отношение к собственной безопасности и безопасности окружающих – качество, имеющее не только профессиональное, но и нравственное измерение. Студент усваивает, что пренебрежение правилами безопасности недопустимо, поскольку может причинить вред людям.

6.3. Профессиональная этика и культура труда. Включение студента в реальный трудовой коллектив в период производственной практики формирует профессиональную этику. Студент усваивает нормы взаимодействия с коллегами, клиентами, руководством, нормы профессиональной коммуникации, представления о профессиональном долге. Правовая регламентация практики – через программу практики и требования к её прохождению – задаёт рамки, в которых эта этика формируется целенаправленно, а не стихийно.

6.4. Ответственность и самостоятельность. В период практики студент впервые выполняет профессиональные задачи, за результат которых несёт реальную ответственность. Ведение дневника практики, подготовка отчёта, оценка результатов практики руководителем – все эти процедуры, закреплённые в программе практики, приучают студента к ответственному и самостоятельному выполнению обязательств. Аттестация по итогам практики, предусмотренная ФГОС [6] и локальными актами, придаёт этой ответственности формализованный характер.

6.5. Правосознание. Участие в практической подготовке, регулируемой правовыми нормами, формирует у студента практический опыт правовых отношений. Студент осознаёт, что договор о практической подготовке порождает взаимные права и обязанности, что его статус в период практики определён правовыми нормами. Это способствует формированию правосознания и уважения к правовым формам организации трудовой деятельности.

Перечисленные механизмы действуют в единстве. Воспитательное воздействие здесь осуществляется не через назидание, а через сам порядок организации практики: студент воспитывается, действуя в правовых рамках реальной профессиональной деятельности. В этом и состоит особая ценность практики как воспитательного института – она формирует личностные качества естественным образом, через включённость в под-

линные профессиональные и правовые отношения.

7. Зарубежный опыт воспитательного сопровождения производственного обучения

Наиболее показателен опыт Германии, чья дуальная система профессионального образования [23] рассматривается как одна из наиболее эффективных в мире. Обучающийся с самого начала заключает с предприятием договор о производственном обучении и значительную часть учебного времени проводит непосредственно на рабочем месте, посещая профессиональную школу лишь один-два дня в неделю. Он является не просто практикантом, а работником предприятия: получает оплату, обязан соблюдать трудовую дисциплину и корпоративные правила. Тем самым воспитательный эффект достигается за счёт подлинности трудовой ситуации. Институт наставника на производстве имеет строгое правовое оформление: лицо, отвечающее за производственное обучение, должно обладать подтверждённой профессиональной и педагогической квалификацией; контроль осуществляют торгово-промышленные и ремесленные палаты.

Воспитательное значение немецкой модели состоит в том, что обучающийся усваивает трудовую дисциплину, ответственность и профессиональную этику не в специально организованных мероприятиях, а в повседневной трудовой практике под руководством квалифицированного наставника.

Сопоставление с отечественным опытом показывает: российская система СПО, развивая дуальное обучение, программу «Профессионалитет» и институт наставничества, движется в русле передовой международной практики. Вместе с тем в немецкой модели обучающийся является работником предприятия на протяжении всего срока обучения, тогда как в российской системе практика остаётся периодическим этапом. Развитие «Профессионалитета» способно сократить этот разрыв; полезен и немецкий опыт правового закрепления требований к квалификации наставника.

8. Проблемы и пути совершенствования воспитательной составляющей практики

Анализ практики показывает, что воспитательный потенциал учебной и производственной практики реализуется далеко не полностью. К числу основных проблем относятся следующие.

Во-первых, сохраняется проблема формализации практики. В ряде случаев производственная практика сводится к оформлению документов без реального погружения студента в трудовую деятельность. Студент формально числится проходящим практику, но не выполняет содержательных профессиональных заданий и не получает наставнического сопровождения. В таких условиях воспитательный потенциал практики оказывается нереализованным. Причины формализации различны: это и трудности с поиском баз практики, готовых принять студентов на содержательные роли, и недостаточная заинтересованность отдельных предприятий, и слабость контроля со стороны образовательной организации. Преодоление формализации требует системных усилий, прежде всего развития устойчивого социального партнёрства между колледжами и работодателями.

Во-вторых, не всегда обеспечено качественное наставническое сопровождение. Несмотря на наличие нормативной базы наставничества, на практике наставники нередко не имеют ни времени, ни мотивации для полноценной воспитательной работы со студентами. Отсутствие системы отбора, подготовки и стимулирования наставников снижает воспитательную отдачу практики.

В-третьих, существует разрыв между рабочей программой воспитания и реальной организацией практики. Воспитательные задачи, заявленные в программе, не всегда транслируются в программы практики и в деятельность руководителей практики. В результате практика и воспитательная работа существуют как бы параллельно, не образуя единого целого.

В-четвёртых, недостаточна правовая осведомлённость студентов. Студенты часто не знают содержания договора о практической подготовке, своих прав и обязанностей в период практики, порядка разрешения возможных спорных ситуаций. Это снижает воспитательный эффект правовой регламентации прак-

тики и затрудняет формирование правосознания.

Для решения указанных проблем представляется целесообразным реализовать комплекс мер. Прежде всего, обеспечить содержательную организацию практики с реальными профессиональными заданиями и противодействовать её формализации, в том числе через усиление контроля со стороны образовательной организации. Далее – развивать институт наставничества: создавать систему отбора и подготовки наставников, предусматривать формы их морального и материального стимулирования. Необходимо также обеспечить реальную интеграцию рабочей программы воспитания и программ практики, чтобы воспитательные задачи находили отражение в содержании практики и в деятельности её руководителей. Целесообразно проводить систематическое правовое просвещение студентов перед началом практики, разъясняя содержание договора о практической подготовке, права и обязанности сторон. Наконец, полезно расширять практику дуального обучения и участия работодателей в образовательном процессе, поскольку именно тесная связь с реальным производством обеспечивает наибольший воспитательный эффект практики.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что учебная и производственная практика в системе среднего профессионального образования обладает значительным воспитательным потенциалом, имеющим как исторические корни, так и современное нормативно-правовое обоснование. Историческое развитие практической подготовки свидетельствует о том, что воспитательная функция практики органически присуща данному институту: на всех этапах развития профессионального образования практика выступала средством формирования трудовой морали и профессиональной культуры.

Современная нормативно-правовая база – Федеральный закон № 273-ФЗ, Федеральный закон № 304-ФЗ «О воспитании», Положение о практической подготовке обучающихся № 885/390, ФГОС СПО [6], локальные акты образовательных организаций – создаёт развёрнутую правовую основу для реализации воспитательного компонента практики. Особую роль играют рабочая программа воспитания, прямо распространяющая воспитательные задачи на период практики, и институт наставничества, обеспечивающий воспитательное сопровождение студента в реальной профессиональной среде.

Вместе с тем реализация воспитательного потенциала практики на деле остаётся неполной. Преодоление выявленных проблем – формализации практики, недостаточного наставнического сопровождения, разрыва между программой воспитания и организацией практики, низкой правовой осведомлённости студентов – требует осознанной педагогической позиции и согласованных усилий образовательных организаций и работодателей. Интеграция правового и педагогического подходов к практической подготовке позволит превратить практику в полноценный институт профессионального воспитания.

Следует подчеркнуть, что особая ценность практики как воспитательного института состоит в естественности её воспитательного воздействия. В отличие от специально организованных воспитательных мероприятий, практика воспитывает самим характером деятельности – её реальностью, ответственностью, включённостью в профессиональные и правовые отношения. Студент усваивает трудовую дисциплину, ответственность и профессиональную этику не потому, что ему о них рассказывают, а потому, что он действует в условиях, где эти качества необходимы. Задача образовательной организации и работодателя состоит в том, чтобы создать и поддерживать такие условия – содержательную организацию практики, качественное наставническое сопровождение, ясную правовую рамку. Именно тогда практика в полной мере раскрывает свой воспитательный потенциал.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой педагогических технологий воспитательного сопровождения практики, изучением эффективности института наставничества и сравнительным анализом отечественной и зарубежной практики воспитательной работы в период производственного обучения.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» по вопросам воспитания обучающихся» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5063.
3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05 августа 2020 № 885/390 «О практической подготовке обучающихся». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).
4. Распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 25 декабря 2019 № Р-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования». URL: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 01.04.2026).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3357.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. URL: https://fgos.ru (дата обращения: 01.04.2026).
7. Примерная рабочая программа воспитания для профессиональных образовательных организаций / Институт изучения детства, семьи и воспитания. М., 2021. URL: https://институтвоспитания.рф (дата обращения: 01.04.2026).
8. Батышев С. Я. Производственная педагогика: учебник. М. : Машиностроение, 1984. 672 с.
9. Новиков А. М. Профессиональное образование России: перспективы развития. М. : ИЦП НПО, 1997. 254 с.
10. Скакун В. А. Организация и методика профессионального обучения : учебное пособие. М. : Форум ; Инфра-М, 2013. 336 с.
11. Сластёнин В. А. Педагогика: учебное пособие. М. : Академия, 2013. 576 с.
12. Подласый И. П. Педагогика: учебник. М. : Юрайт, 2020. 576 с.
13. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учебник. М. : Академия, 2009. 384 с.
14. Эрганова Н. Е. Методика профессионального обучения: учебное пособие. М. : Академия, 2008. 160 с.
15. Кругликов Г. И. Методика профессионального обучения с практикумом: учебное пособие. М. : Академия, 2007. 288 с.
16. Махмутов М. И. Принцип профессиональной направленности обучения // Принципы обучения в среднем профессионально-техническом училище. М. : АПН СССР, 1986. С. 35–52.
17. Сергеев И. С. Основы педагогической деятельности: учебное пособие. СПб. : Питер, 2004. 316 с.
18. Блинов В. И. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 4–18.
19. Челнокова Е. А. Эволюция системы наставничества в педагогической практике // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 4. С. 11.
20. Ткаченко Е. В. История становления и развития отечественного профессионального образования // Образование и наука. 2006. № 1 (37). С. 97–109.
21. Смирнов И. П. Теория профессионального образования. М. : Российская академия образования; НИИРПО, 2006. 320 с.
22. Дуальное обучение в системе среднего профессионального образования: опыт и перспективы // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 2 (26). С. 6–14.
23. Есенина Е. Ю. Трудовое воспитание и профессиональное обучение в Германии: краткий исторический обзор // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 162–184.
24. Профессиональное обучение в Германии: дуальная система и роль наставника на производстве // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 18–27.
25. Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация : учебное пособие. М. : Академия, 2006. 192 с.
26. Коджаспирова Г. М. Педагогика: учебник. М. : КноРус, 2019. 744 с.

References

1. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii. 2012;53 (ch. 1). St. 7598. (In Russ.).

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation"" on the education of students" // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii. 2020;31 (ch. 1). St. 5063. (In Russ.).

3. Prikaz Ministerstva nauki i visshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii i Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii ot 05 avgusta 2020 № 885/390 «O prakticheskoi podgotovke obuchayushchikhsya». Available from: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).

4. Rasporyazhenie Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii ot 25 dekabrya 2019 № R-145 «Ob utverzhdenii metodologii (tselevoi modeli) nastavnichestva obuchayushchikhsya dlya organizatsii, osushchestvlyayushchikh obrazovatelnuyu deyatelnost po obshcheobrazovatelnim, dopolnitelnim obshcheobrazovatelnim i programmam srednego professionalnogo obrazovaniya». Available from: http://docs.cntd.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).

5. Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r "On approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period up to 2025" // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii. 2015;23. St. 3357. (In Russ.).

6. Federalnii gosudarstvennii obrazovatelnii standart srednego professionalnogo obrazovaniya. Available from: https://fgos.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).

7. Primernaya rabochaya programma vospitaniya dlya professionalnikh obrazovatelnikh organizatsii / Institut izucheniya detstva, semi i vospitaniya. M., 2021. Available from: https://institutvospitaniya.rf (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).

8. Batishev S. Ya. Proizvodstvennaya pedagogika: uchebnik. M. : Mashinostroenie, 1984. 672 s. (In Russ.).

9. Novikov A. M. Professionalnoe obrazovanie Rossii: perspektivi razvitiya. M. : ITsP NPO, 1997. 254 s. (In Russ.).

10. Skakun V. A. Organizatsiya i metodika professionalnogo obucheniya : uchebnoe posobie. M. : Forum ; Infra-M, 2013. 336 s. (In Russ.).

11. Slastyonin V. A. Pedagogika : uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2013. 576 s. (In Russ.).

12. Podlasii I. P. Pedagogika : uchebnik. M. : Yurait, 2020. 576 s. (In Russ.).

13. Zeer E. F. Psikhologiya professionalnogo obrazovaniya: uchebnik. M. : Akademiya, 2009. 384 s. (In Russ.).

14. Erganova N. Ye. Metodika professionalnogo obucheniya: uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2008. 160 s. (In Russ.).

15. Kruglikov G. I. Metodika professionalnogo obucheniya s praktikumom : uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2007. 288 s. (In Russ.).

16. Makhmutov M. I. Printsip professionalnoi napravlennosti obucheniya // Printsipi obucheniya v srednem professionalno-tekhnicheskom uchilishche. M. : APN SSSR, 1986. S. 35–52. (In Russ.).

17. Sergeev I. S. Osnovi pedagogicheskoi deyatelnosti: uchebnoe posobie. SPb. : Piter, 2004. 316 s. (In Russ.).

18. Blinov V. I. Mentoring in education: a well-sharpened tool is needed // Professionalnoe obrazovanie i rinok truda. 2019;3: 4–18. (In Russ.).

19. Chelnokova Ye. A. Evolution of mentoring system in teaching practice // Vestnik Mininskogo universiteta. 2018. Vol. 6;4. S. 11. (In Russ.).

20. Tkachenko Ye. V. The history of the formation and development of domestic vocational education // Obrazovanie i nauka. 2006;1 (37): 97–109. (In Russ.).

21. Smirnov I. P. Teoriya professionalnogo obrazovaniya. M. : Rossiiskaya akademiya obrazovaniya; NIIRPO, 2006. 320 s. (In Russ.).

22. Dual education in the system of secondary vocational education: experience and prospects // Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2017;2 (26): 6–14. (In Russ.).

23. Yesenina Ye. Yu. Labor education and vocational training in Germany: a brief historical overview // Obrazovanie i nauka. 2018. Vol. 20;10. S. 162–184. (In Russ.).

24. Vocational Training in Germany: Dual System and the Role of an Industrial Mentor // Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2019;1 (33): 18–27. (In Russ.).

25. Zagvyazinskii V. I. Teoriya obucheniya: sovremennaya interpretatsiya: uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2006. 192 s. (In Russ.).

26. Kodzhaspirova G. M. Pedagogika: uchebnik. M. : KnoRus, 2019. 744 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Ноздрина *– доктор педагогических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026;
одобрена после рецензирования 10.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

N. A. Nozdrina *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.06.2026;
approved after reviewing 10.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 796/799

ОБОСНОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ВИДА СПОРТА «РЕГБИ» В СИСТЕМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОЙ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ)

Владимир Викторович Прокопенко[1], Альберт Рамилевич Шайдуллов[2]
[1, 2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] vvbars@yandex.ru
[2] shaidullovar@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу, раскрывающему обоснование внедрения вида спорта «Регби» в образовательную деятельность и спортивно-массовую работу с курсантами военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии. Авторы делают акцент на доступности занятия данным видом спорта для курсантов с разным уровнем подготовленности, его популярности и военно-прикладной значимости. Раскрыто влияние занятий регби на совершенствование физических и психологических качеств, повышение вариативности двигательных навыков у курсантов, расширение диапазона адаптационных и функциональных возможностей их организма к повышенной мышечной деятельности, воспитание волевых качеств. Доказательно представлена корреляционная связь между формируемыми в процессе занятий регби физическими качествами и прикладными навыками, и практическими действиями военнослужащих в ходе выполнения служебно-боевых задач. Основываясь на данных из открытых источников и личный практический опыт, приводятся доводы и формулируется вывод о целесообразности внедрения регби в систему физической подготовки курсантов военных образовательных организациях высшего образования войск Росгвардии.

Ключевые слова: служебно-боевая деятельность, военнослужащие, образовательная и внеучебная деятельность, курсанты, регби, физическая подготовка, прикладная направленность, перенос качеств и навыков, методика обучения, военные образовательные организации высшего образования, Росгвардия

Для цитирования: Прокопенко В.В., Шайдуллов А.Р. Обоснование внедрения вида спорта «регби» в систему образовательной и внеучебной деятельности курсантов по физической подготовке (на примере Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 246–257. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/026.pdf.

Original article

JUSTIFICATION FOR THE INTRODUCTION OF THE SPORT OF "RUGBY" INTO THE SYSTEM OF EDUCATIONAL AND EXTRACURRICULAR ACTIVITIES FOR CADETS IN PHYSICAL TRAINING (USING THE EXAMPLE OF THE MILITARY ORDER OF ZHUKOV ACADEMY OF THE NATIONAL GUARD TROOPS)

Vladimir V. Prokopenko[1], Albert R. Shaidullov[2]
[1, 2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] vvbars@yandex.ru
[2] rizhi1@mail.ru

Abstract. This article explores the rationale for integrating rugby into the educational and sports programs for cadets at the National Guard Military Educational Institution of Higher Education. The authors emphasize the sport's accessibility for cadets of varying skill levels, its popularity, and its military-applied value. The article explores the impact of rugby on improving physical and psychological skills, increasing the variability of cadets' motor skills, expanding their adaptive and functional capabilities to increased muscular activity, and fostering willpower. A correlation is demonstrated between the physical qualities and applied skills developed through rugby training and the practical actions of military personnel during combat missions. Based on open source data and personal practical experience, the article presents arguments and draws a conclusion

regarding the feasibility of integrating rugby into the physical training system for cadets at the National Guard Military Educational Institution of Higher Education.

Keywords: military and combat activities, military personnel, educational and extracurricular activities, cadets, rugby, physical training, applied focus, transfer of qualities and skills, teaching methods, military educational institutions of higher education, Rosgvardia

For citation: Prokopenko V.V., Shaidullov A.R. Justification for the introduction of the sport of "rugby" into the system of educational and extracurricular activities for cadets in physical training (using the example of the Military order of Zhukov academy of the national guard troops). Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(35):246–257. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/026.pdf.

© Прокопенко В.В., Шайдуллов А.Р., 2026

Введение

Современные напряженные условия служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии, личный состав которых зачастую действует в незнакомых и экстремальных, сопряженных с риском для жизни и здоровья условиях обстановки, предъявляют повышенные требования к уровню «боевой» подготовленности молодых офицеров-командиров, где одной из важных составляющих является их высокая личная профессионально-прикладная и методическая физическая подготовка.

Данную задачу по качественной физической практической и методической подготовке выпускников решают военные образовательные организации высшего образования Росгвардии.

Практический опыт боевых действий, в том числе и опыт специальной военной операции, показывает, что, несмотря на использование противоборствующими сторонами современного воздушно-космического, артиллерийского и стрелкового вооружения, бронетехники и инновационных технологий, зачастую успех в решении локальной боевой задачи зависит не только от личной высокой профессионально-прикладной физической подготовленности командиров подразделений, но и от уровня обученности их подчиненного личного состава.

Есть уже достаточное количество примеров, когда российским воинам приходилось вступать в единоборство с противником в ограниченном пространстве используя практические навыки боевых приемов борьбы самбо и рукопашного боя, эффективно использовать умения, физические качества и прикладные навыки для быстрого перемещения по открытым участкам незнакомой местности под огневым воздействием противника, в городских строениях и в замкнутых пространствах с ограниченной видимостью и при недостатке кислорода в организме [11–13].

Пятилетний период обучения курсантов в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО), при системном и целенаправленном использовании всех имеющихся форм физической подготовки, инновационных методик обучения, позволит сформировать у курсантов требуемый высокий уровень развития физических и специальных качеств, овладеть устойчивыми практическими навыками боевых приемов борьбы, тактико-специальных приемов и действий с оружием без экипировки и в полной экипировке, расширить функциональные и адаптационные возможности организма к повышенной мышечной деятельности, устойчивости организма к недостатку кислорода, а также устойчивости к различным фобиям на фоне значительных физических нагрузок и нервно-психических напряжений.

Поиск новых средств в системе физической подготовки и спорта, способствующих повышению военно-прикладной подготовленности курсантов ВООВО Росгвардии, формированию вариативности их прикладных навыков, а также апробации и научному обоснованию найденных новых средств подготовки, позволил определить, что внедрение вида спорта «Регби» в систему физической и спортивной подготовки курсантов 1–5 курсов в формате образовательной деятельности ВООВО, как раз и будет способствовать решению практических задач обучения в интересах боевой подготовки войск [10; 20–24].

Актуальность исследования

Занятия игрой в регби, в силу их высокой прикладной значимости, с каждым годом становятся все более популярными не только в гражданских вузах, но и в образовательных учреждениях различных силовых ведомств нашей страны [1; 2].

После образования в 2016 году Федеральной службы войск национальной гвардии России, перенимая положительный опыт Вооруженных Сил, регби стало активно развиваться и в системе боевой подготовки войск Росгвардии, где «законодателями моды» выступают ведомственные военные образовательные организации выс-

шего образования: Военная академия и военные институты.

В авангарде системно организованной работы по внедрению вида спорта «Регби» в образовательную деятельность, стала Академия войск национальной гвардии, в которой были задействованы разные формы физической подготовки при нахождении курсантских подразделений в пункте постоянной дислокации ВООВО и в учебном центре.

Результатом такой целенаправленной и методически грамотно организованной работы стал не только рост показателей физической и прикладной подготовленности курсантов, занимающихся в спортивной секции по виду спорта «Регби», но и повышение их спортивного мастерства, которое позволяет сборной команде академии четвертый год подряд выигрывать чемпионаты войск и стать победителем первого международного турнира по регби-7 в 2025 году.

Кроме того, с каждым годом увеличивается число курсантов Академии войск национальной гвардии, включенных в состав сборной команды Санкт-Петербурга для участия в первенстве России и в других всероссийских и международных соревнованиях, что является стимулирующим фактором для других курсантов к занятиям в регбийной секции академии [14; 15; 20–24].

Материалы и методы

В работе представлена совокупность теоретических и эмпирических способов научного познания объекта, как объективных методов исследования современной педагогики, метод системного анализа, фундаментальные принципы всесторонности и объективности.

Эмпирическую основу составили опросные материалы специалистов по физической подготовке и спорту войск национальной гвардии, тренеров и спортсменов по виду спорта регби, констатирующие и формирующие составляющие педагогического эксперимента. Для обработки экспериментальных данных применялись статистические методы.

Результаты исследования

Современные условия служебно-боевой деятельности войск показывают немаловажную и действенную роль принципа «переноса тренированности» в системе прикладной физической подготовки военнослужащих.

Данный принцип характеризует прямую и косвенную связь между занятиями физическими упражнениями и определенными видами спорта и эффективностью военнослужащих при выполнении практических служебно-боевых задач.

Иначе говоря, формируемые навыки и умения в одном виде деятельности (спортивной) оказывают положительное влияние на другой вид (профессиональный).

Значение и влияния этого фактора необходимо учитывать при организации и проведении с курсантами ВООВО разных форм физической подготовки и особенно спортивно-массовой работы, где преимущественное значение должно отдаваться занятиям военно-прикладными видами спорта и прикладными единоборствами, где у курсантов будут формироваться необходимые профессионально-прикладные двигательные навыки и умения.

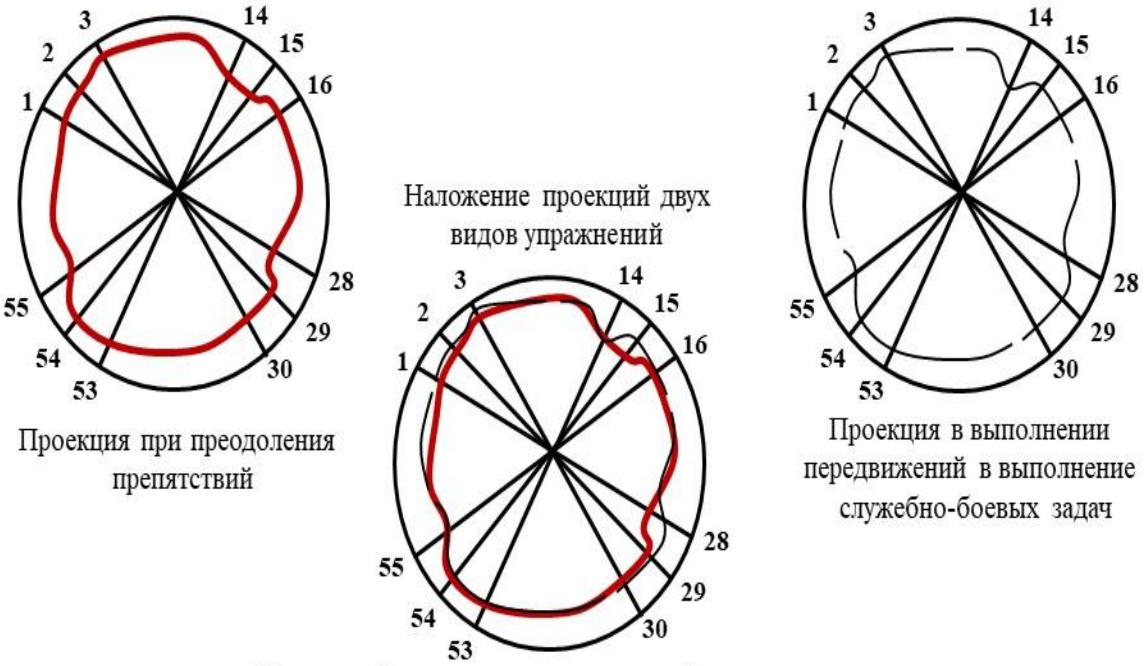
При этом важное значение имеет системно-организованный процесс спортивной подготовки курсантов, для формирования устойчивых и долгосрочных факторов переноса спортивной тренированности на практическую деятельность.

При реализации методики системной спортивной подготовки курсантов, будут и максимально приближенными друг другу спортивная и профессиональная функциональные системы.

Также, чем в более интенсивном режиме будет осуществляться процесс физической и спортивной подготовки курсантов, тем в более интенсивном режиме они в дальнейшем в войсках смогут выполнять практические профессиональные действия.

В то же время, для обеспечения необходимой вариативности в переносе физической и прикладной подготовленности военнослужащего на его профессиональную деятельность по предназначению, интенсивность выполнения физических упражнений должна соответствовать напряженности (косвенному или непосредственному моделированию) выполняемых на практике двигательных действий.

Эта взаимосвязь двух указанных выше функциональных систем отражена на рисунке 1 в виде сопоставления двух проекций: выполняемых двигательных действий на спортивных тренировках и профессиональных двигательных действий при выполнении служебно-боевых задач по предназначению.



Проекции функциональных систем, формирующихся в различных видах деятельности и их совмещение

1 – смелость
2 – решительность
3 – психо-эмоциональная подготовленность
14 – ловкость
15 – сила
16 – быстрота
28 – силовая выносливость
29 – быстрота двигательной реакции
30 – устойчивость к перегрузкам

53 – состояние нервно-мышечного аппарата
54 – состояние опорно-двигательного аппарата
55 – состояние зрительного анализатора

Рисунок 1 – Проекция совмещения двух видов практической деятельности военнослужащих

Figure 1 – Projection of combining two types of practical activities of military personnel

На рисунке 1 видно их взаимовлияние при реализации принципа переноса тренированности от одного вида деятельности на другой вид, это: во-первых, влияние системы, сформированной в результате многократных спортивных тренировок в регби, а во-вторых, влияние системы, сформированной в результате многократных тренировок практических «боевых» упражнений [22].

На рисунке 1 на проекции (слева) от центра каждого круга проведено достаточно большое число радиусов, характеризующих разные факторы «своей» функциональной системы.

Каждый из секторов отображает свойство, навык, умение, качество, способность или функцию, характеризующий соответствующие стороны подготовленности военнослужащего, а расстояние от центра круга – степень развития данных факторов или требуемый уровень функционирования.

На основе изучения различных фаз выполнения передвижений в преодолении препятствий, схожих с двигательными действиями при игре в регби и проявляемых при этом физических и психологических качеств, навыков и свойств функциональной системы, на имеющихся радиусах круга отмечены количественные и качественные характеристики подготовленности военнослужащих.

В результате соединения конечных точек векторов получилась площадь, ограниченная замкнутой кривой, которая может служить внешним отражением специфичности функциональной системы, характерной при выполнении военнослужащими определенных профессиональных практических задач.

Другая проекция на рисунке 1 отражает функциональную систему, формирующуюся при выполнении практических «боевых» упражнений.

Совпадающие площади на совмещенных проекциях показывают взаимосвязь и взаимовлияние обоих функциональных систем, характерных для определенных видов практической деятельности, и обеспечивающих наибольший перенос взаимозависимых качеств и двигательных спортивных и военно-прикладных навыков, что подтверждает влияние регбийных двигательных функций на эффективность схожих двигательных профессиональных действий военнослужащих.

Принцип переноса по характеру воздействия действует, как прямое положительное, по степени воздействия, как полное, по направленности воздействия, как одностороннее, по виду воздействия, как комплексное и оптимальное [6–9].

Игра в регби характеризуется командными действиями, в которых, каждый игрок, используя индивидуальную физическую и техническую подготовленность и в тактическом взаимодействии с другими игроками команды стремиться достичь максимального командного результата за счет надежности и эффективности командных технико-тактических действий.

Научный анализ показывает, что курсанты-выпускники, которые активно и успешно занимались военно-прикладными и игровыми видами спорта, достигают большей эффективности в войсках не только в повседневной деятельности, но и при выполнении практических боевых задач в экстремальных условиях.

Из многообразия спортивных игр специалисты выделили игру в регби, которая своими физическими и технико-тактическими особенностями характеризует, а по отдельным параметрам моделирует двигательные действия военнослужащих при выполнении служебно-боевых задач, при этом у военнослужащих-регбистов наиболее ярко выражена способность к вариативности профессионально направленных прикладных двигательных навыков, подчеркнуто выделяется высокий уровень универсальности физических и специальных качеств.

Использование возможностей занятий в регби особенно целесообразно в подготовке военнослужащих подразделений специального и оперативного назначения, а также курсантов Военной академии и других ВООВО Росгвардии, но при этом требует дополнительного научного исследования для создания специальной методики организации учебно-тренировочного процесса по виду спорта «Регби».

В целях установления взаимосвязи тренировочных средств регби с выполнением военнослужащими нормативов по боевой подготовке, авторами нами был проведен корреляционный анализ с использованием имеющихся результатов выполнения военнослужащими-регбистами вышеуказанных подразделений нормативов общей физической и специальной физической подготовки (Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 30 декабря 2014 г. № 1106 «Об утверждении Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Регби»), а также практических нормативов по программе боевой подготовки (таблица).

Таблица – Корреляционная взаимосвязь между нормативами по физической, специальной и боевой подготовке

Table – Correlation relationship between standards for physical, special and combat training

Упражнения (нормативы) для проверки общей и специальной физической подготовки регбистов	Коэффициент корреляции после выполнения военнослужащими-регбистами практических нормативов из программы боевой подготовки					
	1	2	3	4	5	6
Бег на 30 м	0,62	0,67	0,43	0,39	0,54	0,40
Челночный бег 10х30 м	0,64	0,68	0,46	0,44	0,57	0,43
Бег на 3000 м	0,45	0,53	0,52	0,53	0,55	0,54
Сгибание разгибание рук в упоре лежа	0,31	0,34	0,48	0,42	0,42	0,44
Подтягивание на перекладине	0,33	0,32	0,43	0,44	0,39	0,45
Стойка на одной ноге с закрытыми глазами (удержание равновесия)	0,52	0,44	0,32	0,35	0,54	0,36

Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье (от уровня скамьи)	0,49	0,45	0,44	0,41	0,40	0,42
Прыжок в длину с места толчком двумя ногами	0,47	0,42	0,45	0,47	0,43	0,44
Жим штанги лежа на скамье (игровое амплуа защитник, нападающий)	0,38	0,34	0,53	0,42	0,32	0,55
Тяга штанги в упоре на скамью (игровое амплуа защитник, нападающий)	0,33	0,31	0,52	0,42	0,33	0,51
Тест «Бронко» (игровое амплуа защитник, нападающий)	0,51	0,53	0,55	0,57	0,56	0,57
Тест «Скрам» (схватка на стационарной машине)	0,56	0,35	0,58	0,66	0,55	0,61
Техническое мастерство	0,44	0,41	0,52	0,68	0,51	0,57
Борьба с партнером	0,45	0,40	0,57	0,67	0,46	0,60

Примечание:
1 – действия военнослужащего по сигналам управления; 2 – передвижение боевыми двойками (тройками) по фронту; 3 – захват (задержание), групповой захват преступника; 4 – действия группы изъятия при выполнении служебно-боевой задачи; 5 – преодоление участка местности с элементами населенного пункта; 6 – действия в боевой тройке по отражению нападения на должностное лицо

Результаты корреляционного анализа позволяют утверждать, что при выполнении практических нормативов, связанных с передвижениями боевой «двойки» («тройки») военнослужащих при преодолении участка местности с элементами населенного пункта, отмечаются их достаточно высокие корреляционные связи:

– с проявлением физических качеств: быстроты и скоростно-силовой выносливости у спортсменов-регбистов;

– с технической подготовкой военнослужащих при проведении силового задержания или отражения нападения – с техническим мастерством спортсменов-регбистов: схватка на стационарной машине, борьба с противником [17; 23; 24].

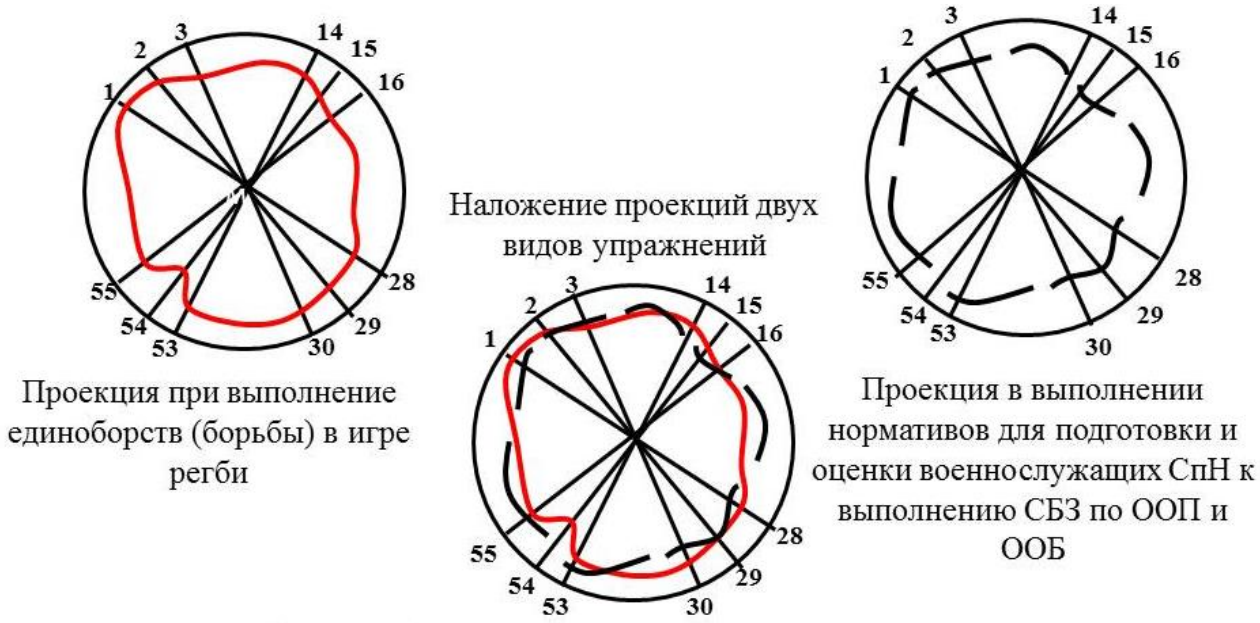
Следовательно, применяя в процессе физической подготовки курсантов упражнений и приемов, из арсенала тренировочных средств игры в регби, а также игровых упражнений с элементами игры в регби, мы сможем повышать уровень профессионально-прикладной подготовленности курсантов ВООВО войск национальной гвардии.

Данная методика использования регбийных физических упражнений и тактико-технических действий, с 2018 года стала активно внедряться в образовательный и внеучебный процесс по физической подготовке с курсантами Военной академии Росгвардии, что будет представлено ниже.

Основной акцент при проведении занятий по физической подготовке с использованием упражнений, приемов и тактических действий игры в регби, должен быть направлен на формирование у военнослужащих и курсантов ВООВО устойчивых навыков владения боевыми приемами, в преодолении различных препятствий и водных преград, на совершенствование силы и быстроты, специальной выносливости, навыков в коллективных действиях в режиме воздействия нагрузок высокой интенсивности, воспитание смелости, решительности и уверенности в собственных силах [21; 22].

Сопоставление двух функциональных систем, формируемых в ходе физической подготовки и учебно-тренировочных занятий и соревнований по игре в регби, показывает их прямую корреляционную связь.

На рисунке 2 эта связь отражена между функциональной системой, формирующейся при игре в регби, когда спортсмены-регбисты участвуют в силовых единоборствах, и функциональной системой, формирующейся при выполнении практических нормативов для оценки уровня подготовки военнослужащих подразделений специального назначения к выполнению служебно-боевых задач по охране общественного порядка и общественной безопасности.



Проекции функциональных систем, формирующихся в различных видах деятельности и их совмещение

1 – смелость
2 – решительность
3 – состояние зрительного анализатора
14 – ловкость
15 – сила
16 – быстрота двигательной реакции
28 – психологическая подготовленность
29 – эмоциональная устойчивость
30 – устойчивость к перегрузкам
53 – умение оценивать ситуацию
54 – взаимодействие с партнером
55– координационные способности

Рисунок 2 – Проекция совмещения профессиональной и спортивной деятельности

Figure 2 – Projection of combining professional and sports activities

На проекции слева представлена функциональная система, характеризующая влияние жестких игровых регбийных единоборств на психофизические качества игроков, которые требуют их более повышенной физической и психологической концентрации, способности в «экстремальной» обстановке максимально быстро и эффективно выполнить приемы единоборств и при этом не допустить получение травмы [12; 16; 18].

На проекции справа – другая функциональная система, характеризующая уровень практической «боевой» подготовленности военнослужащих к выполнению профессиональных задач.

Данные нормативы характеризуют экстремальную и повышенную опасность военно-профессиональной деятельности военнослужащих при выполнении служебно-боевых, боевых задач, условия которых требуют устойчивой и повышенной психоэмоциональной устойчивости, четкого взаимодействия в коллективе, технико-тактической подготовленности.

На проекции в центре, совпадающие площади двух функциональных систем, показывают наиболее схожие практические параметры корреляции спортивной и профессиональной деятельности, обеспечивающие наибольший перенос прикладных навыков единоборств в регби на практические показатели военнослужащих по профессиональной подготовке.

Выступающие части первой и второй кривой показывают положительное влияние единоборств в регби на выполнение военнослужащими практических «боевых» нормативов, а также характеризуют их комплексность, оптимальность и неравномерность [21 – 23].

Подготовка курсантов к предстоящему после выпуска из ВООВО выполнению служебно-боевых задач по предназначению в войсках Росгвардии, исходя из рассмотренных в данной работе концепций, пред-

ставляет собой педагогический процесс целенаправленной деятельности руководителя занятий по физической подготовке – тренера по регби и обучаемых курсантов.

Прикладная направленность регби и ее корреляционная связь с практической деятельностью войск, послужили важным фактором для активизации научно-исследовательской работы в данном направлении профессорско-преподавательским составом кафедры физической подготовки и спорта Военной академии Росгвардии и внедрения регби в систему физической подготовки курсантов в учебной и во внеурочной деятельности.

Для этого в Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии были разработаны и проводятся следующие мероприятия: внесены изменения в рабочую программу по физической подготовке для курсантов 1 – 5 курсов, где в раздел «Спортивные и подвижные игры» начиная с 1 курса обучения включен вид спорта «Регби», а в учебные вопросы включены технико-тактические параметры этой игры;

– активизирована работа среди курсантов первокурсников, имеющих высокие физические и скоростно-силовые показатели, а также определенную спортивную подготовку по единоборствам и легкой атлетике, по отбору из их числа потенциальных кандидатов в секцию или в сборную спортивную команду Военной академии по регби;

– разработана программа спортивной подготовки по спортивной дисциплине «Регби-7» для членов сборной команды Академии;

– согласовано взаимодействие с профессиональным регбийным клубом «Нарвская застава» Санкт-Петербурга в оказании методической и практической помощи в организации учебно-тренировочного процесса со сборной командой Академии;

– разработан план ежегодного проведения чемпионатов Академии по регби-7 с участием сборных команд рот курсантов;

– создана спортивная секция «Регби» для всех желающих в ней заниматься курсантов под руководством специалистов физической подготовки и спорта Академии;

– организована работа по повышению квалификации профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки и спорта Академии по направлению вида спорта «Регби-7» и «Тэг-регби» в Военном институте физической культуры;

– организовано взаимодействие Академии с Федерацией «Регби» Санкт-Петербурга по вопросам методического и технического обеспечения тренировочного процесса и в сфере спортивных мероприятий;

– вовлечение профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки и спорта Академии к участию в научно-представительских мероприятиях всероссийского и международного уровня с рассмотрением вопросов дальнейшего развития регби в Росгвардии и в иных силовых структурах [21; 22].

Развиваемые и значимые при занятиях регби физические и специальные качества: сила, скоростно-силовая выносливость, специальные прикладные двигательные навыки единоборств: захваты, схватки, задержания, выталкивания и т. п., командное тактическое взаимодействие, находят свою реализацию в практической деятельности военнослужащих и сотрудников Росгвардии при выполнении служебно-боевых задач по предназначению.

Наглядный пример реализации в двух функциональных системах (в профессионально-прикладной и спортивно-прикладной на базе «регби») принципа переноса тренированности прикладных навыков и технико-тактических действий, формируемых на занятиях по регби, на практическую деятельность войск национальной гвардии при пресечении массовых беспорядков, показан на рисунке 3.

На рисунке достаточно четко прослеживается корреляционная связь между формируемыми у регбистов качествами, прикладными двигательными навыками и тактическими действиями с профессиональными действиями военнослужащих и сотрудников с использованием средств активной обороны, которые можно отразить в виде структурного построения, где технико-тактические действия в игре регби моделируют действия воинских подразделений в ходе пресечения массовых беспорядков, например:

схватки, захваты, отбивы и другие тактические элементы во время игры в регби – моделируют практические действий группы изъятия;

согласованность в групповых командных действиях, особенно важна, как в процессе пресечения массовых беспорядков, так и во время игры в регби и т. п.

Рисунок 3 – Взаимосвязь формируемых в регби навыков на профессиональную деятельность

Figure 3 – The relationship between skills developed in rugby and professional activities

Силовые противоборства (схватки, единоборства), многократно происходящие во время игры в регби, моделирующие практические профессиональные действия военнослужащих Росгвардии, обоснованно показывают эффективность действия принципа «переноса» [21–23].

Заключение

В заключение можно сделать следующий вывод: внедрение вида спорта Регби» в систему физической подготовки курсантов ВООВО Росгвардии в условиях образовательной и внеучебной деятельности, как одного из действенных средств развития и совершенствования общей и прикладной физической и спортивной подготовленности курсантов, будет способствовать более качественной подготовке выпускников к выполнению служебно-боевых практических задач по предназначению в войсках.

Список источников

1. Антонов Е. И. Начальная подготовка регбистов. М. : Физкультура и спорт, 1991. 107 с.
2. Афонина И. П. Оптимизация технической подготовки единоборцев // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура и спорт, 2013. № 1. С. 177–181.
3. Баландин В. И. Ментальный тренинг для повышения соревновательной надежности спортсменов: методическое пособие / В. И. Баландин, П. В. Бундзен. СПб. : Комитет по ФК и СПб, СПб НИИФК, 1998. 27 с.
4. Борзунов А. В. Программирование в спортивной борьбе. М. : Спортивная борьба: Ежегодник, 1983. С.44–47.
5. Бриль М. С. Отбор в спортивных играх. М. : Физкультура и спорт, 1980. 127 с.
6. Варакин Б. А. Предсоревновательная подготовка квалифицированных регбистов: автореф. дис. … канд. пед. наук. М. : ВНИИФК, 1983. 23 с.
7. Воробьев С. Н. Организация и методика проведения специальной функциональной тренировки с военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии: научно-практическое пособие / С. Н. Воробьев, Н. Н. Цирульников, В. В. Прокопенко. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2019. 128 с.

8. Еганов В. А. Методика организации тренировочных заданий / В. А. Еганов, А. О. Миронов, С. В. Олин // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2011. № 7(77). С. 63–69.

9. Егоров В. Ю. Использование подготовки по регби в целях развития военно-прикладных и служебно-прикладных (прикладных) двигательных навыков военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации / В. Ю. Егоров, Р. В. Кириченко, А. Р. Шайдуллов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2021. № 3. С. 139–142.

10. Ефимов В. В. Специальная профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии: монография / В. В. Ефимов, В. В. Прокопенко, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 227 с.

11. Ефимов В. В. Организация и методика обучения курсантов военно-прикладным упражнениям, выполняемым в экипировке: учебное пособие / В. В. Ефимов, В. В. Прокопенко, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во Академия войск национальной гвардии, 2025. 236 с.

12. Камалов Р. З. Тактика – организующее начало в системе спортивного единоборства // Ученые записки университета П. Ф. Лесгафта. 2013. № 4(98). С. 49–53.

13. Карпов Е. Б. Анализ взглядов на организацию профессионального формирования и развития курсантов военных институтов Росгвардии // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2022. № 3 (61). С. 233–236.

14. Карпов Е. Б. Технология профессионально-продуктивного обучения курсантов военных институтов Росгвардии: сущность, структура и особенности применения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 4 (25). С. 148–157.

15. Кириченко Р. В. Частная методика тренировки основных физических качеств и прикладных двигательных навыков у военнослужащих внутренних войск МВД России в разных формах физической подготовки: методическое пособие / Р. В. Кириченко, И. Е. Кабаев, В. В. Прокопенко. СПб. : Изд-во СПВИ ВВ МВД России, 2011. 137 с.

16. Клименко А. А. Пространство деятельности спортсмена и его развитие в ходе технико-тактической подготовки // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 6 (200). С. 65–68.

17. Колев Н. Н. Особенности структуры и содержания силовой подготовки высоко квалифицированных регбистов в годичном цикле тренировочного процесса: автореф. дис. … канд. пед. наук. М. : РГАФК, 1996. 22 с.

18. Кучин В. А. Комплексный педагогический контроль в системе подготовки квалифицированных юных регбистов. Педагогика, психология. Тезисы Всемирного научного конгресса «Спорт в современном обществе». Тбилиси, 1980. С. 79–80.

19. Лобанов Ю. Я. Физическая подготовка в вопросах и ответах: методическое пособие / Ю. Я. Лобанов, И. Е. Кириченко, В. В. Прокопенко // СПб. : Изд-во СПВИ ВВ МВД России, 2012. 96 с.

20. Малиновский С. В. Моделирование тактического мышления спортсмена. М. : Физкультура и спорт, 1981. 192 с.

21. Миронов В. В. Адаптация к физическим нагрузкам и перенос подготовленности военнослужащих – объективная основа влияния физической подготовки на боеспособность войск // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2012. № 1 (14). С. 92–96.

22. Прокопенко В. В. Организация и методика специальной функциональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования: монография / В. В. Прокопенко, В. В. Ефимов, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2022. 230 с.

23. Прокопенко В. В. Организация и методика профессионально-прикладной физической подготовки курсантов ВООВО Росгвардии: монография / В. В. Прокопенко, Н. Н. Цирульников, В. В. Ефимов. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 250 с.

24. Спортивные игры: учебник / В. Ю. Егоров, Г. П. Рыбаков, А. А. Тихончук [и др.]; под общ. ред. В. Ю. Егорова. СПб. : Военный институт физической культуры, 2023. 205 с. ISBN 978-5-93856-727-6.

References

1. Antonov E. I. Nachal'naya podgotovka regbistov. M. : Fizkul'tura i sport, 1991. 107 s. (In Russ.).

2. Afonina I. P. Optimization of technical training of martial artists // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura i sport, 2013;1: 177–181. (In Russ.).

3. Balandin V. I. Mental'nyj trening dlya povysheniya sorevnovatel'noj nadezhnosti sportsmenov: metodicheskoe posobie / V. I. Balandin, P. V. Bundzen. SPb. : Komitet po FK i SPb, SPb NIIFK, 1998. 27 s. (In Russ.).

4. Borzunov A. V. Programmirovanie v sportivnoj bor'be. M. : Sportivnaya bor'ba: Ezhegodnik, 1983. S.44–47. (In Russ.).

5. Bril' M. S. Otbor v sportivnyh igrah. M. : Fizkul'tura i sport, 1980. 127 s. (In Russ.).

6. Varakin B. A. Predsorevnovatel'naya podgotovka kvalificirovannyh regbistov: avtoref. dis. … kand. ped. nauk. M. : VNIIFK, 1983. 23 s. (In Russ.).

7. Vorob'ev S. N. Organizaciya i metodika provedeniya special'noj funkcional'noj trenirovki s voennosluzhashchimi i sotrudnikami vojsk nacional'noj gvardii: nauchno-prakticheskoe posobie / S. N. Vorob'ev, N. N. Cirul'nikov, V. V. Prokopenko. SPb. : Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2019. 128 s. (In Russ.).

8. Eganov V. A. Methods of organizing training tasks / V. A. Eganov, A. O. Mironov, S. V. Olin // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2011;7(77): 63–69. (In Russ.).

9. Egorov V. YU. The use of rugby training to develop military and service-related (applied) motor skills of military personnel (officers) of the National Guard of the Russian Federation / V. YU. Egorov, R. V. Kirichenko, A. R. SHajdullov // Aktual'nye problemy fizicheskoj i special'noj podgotovki silovyh struktur. 2021;3: 139–142. (In Russ.).

10. Efimov V. V. Special'naya professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii: monografiya / V. V. Efimov, V. V. Prokopenko, N. N. Cirul'nikov. SPb. : Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2021. 227 s. (In Russ.).

11. Efimov V. V. Organizaciya i metodika obucheniya kursantov voenno-prikladnym uprazhneniyam, vypolnyaemym v ekipirovke: uchebnoe posobie / V. V. Efimov, V. V. Prokopenko, N. N. Cirul'nikov. SPb. : Izd-vo Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 236 s. (In Russ.).

12. Kamalov R. Z. Tactics are the organizing principle in the system of martial arts // Uchenye zapiski universiteta P. F. Lesgafta. 2013;4(98): 49–53. (In Russ.).

13. Karpov E. B. Analiz vzglyadov na organizaciyu professional'nogo formirovaniya i razvitiya kursantov voennyh institutov Rosgvardii // Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota. 2022;3 (61): 233–236. (In Russ.).

14. Karpov E. B. Technology of Professional and Productive Training of Cadets at Military Institutes of the National Guard: Essence, Structure, and Application Features // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;4 (25): 148–157. (In Russ.).

15. Kirichenko R. V. CHastnaya metodika trenirovki osnovnyh fizicheskih kachestv i prikladnyh dvigatel'nyh navykov u voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii v raznyh formah fizicheskoj podgotovki: metodicheskoe posobie / R. V. Kirichenko, I. E. Kabaev, V. V. Prokopenko. SPb. : Izd-vo SPVI VV MVD Rossii, 2011. 137 s. (In Russ.).

16. Klimenko A. A. The athlete's activity space and its development during technical and tactical training // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2013;6 (200): 65–68. (In Russ.).

17. Kolev N. N. Osobennosti struktury i soderzhaniya silovoj podgotovki vysoko kvalificirovannyh regbistov v godichnom cikle trenirovochnogo processa: avtoref. dis. … kand. ped. nauk. M. : RGAFK, 1996. 22 s. (In Russ.).

18. Kuchin V. A. Kompleksnyj pedagogicheskij kontrol' v sisteme podgotovki kvalificirovannyh yunyh regbistov. Pedagogika, psihologiya. Tezisy Vsemirnogo nauchnogo kongressa «Sport v sovremennom obshchestve». Tbilisi, 1980. S. 79–80. (In Russ.).

19. Lobanov YU. YA. Fizicheskaya podgotovka v voprosah i otvetah: metodicheskoe posobie / YU. YA. Lobanov, I. E. Kirichenko, V. V. Prokopenko // SPb. : Izd-vo SPVI VV MVD Rossii, 2012. 96 s. (In Russ.).

20. Malinovskij S. V. Modelirovanie takticheskogo myshleniya sportsmena. M. : Fizkul'tura i sport, 1981. 192 s. (In Russ.).

21. Mironov V. V. Adaptation to physical exertion and transfer of military personnel's preparedness are the objective basis for the impact of physical training on the combat capability of troops // Aktual'nye problemy fizicheskoj i special'noj podgotovki silovyh struktur. 2012;1 (14): 92–96. (In Russ.).

22. Prokopenko V. V. Organizaciya i metodika special'noj funkcional'noj podgotovki kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya: monografiya / V. V. Prokopenko, V. V. Efimov, N. N. Cirul'nikov. SPb. : Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022. 230 s. (In Russ.).

23. Prokopenko V. V. Organizaciya i metodika professional'no-prikladnoj fizicheskoj podgotovki kursantov VOOVO Rosgvardii: monografiya / V. V. Prokopenko, N. N. Cirul'nikov, V. V. Efimov. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 250 s. (In Russ.).

24. Sportivnye igry: uchebnik / V. YU. Egorov, G. P. Rybakov, (In Russ.). A. A. Tihonchuk [i dr.]; pod obshch. red. V. YU. Egorova. SPb. : Voennyj institut fizicheskoj kul'tury, 2023. 205 s. ISBN 978-5-93856-727-6. (In Russ.).

Информация об авторах

В.В. Прокопенко *– кандидат педагогических наук, доцент*
А.Р. Шайдуллов *– кандидат педагогических наук*

Вклад авторов:
Прокопенко В.В. – 90 %,
Шайдуллов А.Р. – 10 % вклад в подготовку публикации..
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026;
одобрена после рецензирования 27.04.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

V.V. Prokopenko *– Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent*
A.R. Shaidullov *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*

Contribution of the authors:
Prokopenko V.V. – 90 %,
Shaidullov A.R. – 10 % contribution to the preparation of the publication..
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.02.2026;
approved after reviewing 27.04.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 355.23:159.9

СТРУКТУРНО-УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Михаил Иванович Федоришин
Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия
maskarad14@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-6790-4835

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности служебно-боевой деятельности воинских подразделений в условиях современной специальной военной операции, характеризующихся высокой динамичностью, неопределенностью и интенсивностью боевого взаимодействия между членами воинского коллектива. В статье представлено теоретико-эмпирическое обоснование структурно-уровневой организации коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих (далее – КММ ВВ) как системообразующего фактора успешности решения служебно-боевых задач. На основе общесистемного подхода предложено оригинальное решение проблемы выявления закономерностей структурной организации КММ ВВ, заключающееся в применении системного и функционального критериев-дифференциаторов. Теоретически обоснована и эмпирически верифицирована трехуровневая иерархическая структура ментальных моделей, включающая уровень исполнительных механизмов (эмоционально-волевая и статусно-ролевая подсистемы), стратегический и смысловой контур (когнитивная и мотивационно-ценностная подсистемы), уровень интегративного управления (метакогнитивная подсистема). Эмпирическая верификация осуществлена с применением эксплораторного факторного анализа (объясненная дисперсия 83,56 %) и множественного регрессионного анализа. Полученные результаты подтверждают необходимый и достаточный состав пяти подсистем, образующих субсистемный уровень индивидуальных ментальных моделей военнослужащих, а также демонстрируют эффекты супераддитивности при их интеграции в коллективную ментальную модель взаимодействия военнослужащих. Доказано, что метакогнитивная подсистема выполняет системообразующую функцию, определяя интеграцию всех нижележащих компонентов. Практическая значимость исследования заключается в возможности целенаправленного формирования КММ ВВ в процессе служебно-боевой подготовки для повышения слаженности и эффективности действий воинских коллективов в ходе выполнения служебно-боевых задач как в мирное, так и в военное время.

Ключевые слова: коллективные ментальные модели взаимодействия военнослужащих, структурно-уровневая организация, системный критерий-дифференциатор, функциональный критерий, служебно-боевые задачи, военно-профессиональная деятельность, метакогнитивная подсистема, военнослужащие

Для цитирования: Федоришин М.И. Структурно-уровневая организация коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 258–266. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/027.pdf.

Original article

STRUCTURAL AND LEVEL-BASED ORGANIZATION OF COLLECTIVE MENTAL MODELS OF MILITARY PERSONNEL INTERACTION

Mikhail I. Fedorishin
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia
maskarad14@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-6790-4835

Abstract. The modern operational environment, characterized by high dynamism and non-standard nature, brings to the forefront the ability of a military unit to act as a single cognitive organism. The article presents a comprehensive theoretical and empirical analysis of the role of collective mental models of military personnel interaction (CMM MI) as a system-forming factor in the effectiveness of service-combat activities during a special military operation (SMO). Based on the synthesis of theories of socially distributed cognition, team learning, and military psychology, it is proved that the professional competencies of cadets serve as the cognitive foundation for the formation of CMM MI. The empirical basis was a longitudinal study (N=208 at the 3rd year; N=197 at

the 5th year). Structural analysis methods (express χ^2 method, coherence index) confirmed the hypothesis of a qualitative transformation of the CMM MI structure as competencies are mastered. The key result is the identification of a non-linear relationship "competence – CMM MI integration", which follows the law of optimum: maximum integration of the motivational-value, metacognitive, emotional-volitional, and status-role subsystems of CMM MI is achieved at an average, rather than high, level of competency formation. The obtained data are discussed in the context of the issues of group thinking and adaptability. The conclusion provides practical recommendations for modernizing the educational process in military institutes, aimed at the targeted formation and diagnosis of CMM MI as a critical resource for effectiveness.

Keywords: collective mental models of military personnel interaction, structural-level organization, systemic differentiation criterion, functional criterion, service-combat tasks, military-professional activity, metacognitive subsystem, military personnel

For citation: Fedorishin M.I. Structural and level-based organization of collective mental models of military personnel interaction. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 258–266. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2025/09/027.pdf.

© Федоришин М.И., 2026

Введение

Современная оперативная обстановка, складывающаяся в ходе проведения специальной военной операции, предъявляет качественно новые, более высокие требования к уровню профессиональной подготовленности военнослужащих и степени слаженности воинских коллективов, действующих в условиях повышенного риска. Высокая динамичность и маневренность современных боевых действий, нестандартный, зачастую непредсказуемый характер возникающих тактических ситуаций, жесткий лимит времени на принятие решений, а также высокая степень информационной неопределенности и психологического давления существенно актуализируют проблему формирования у личного состава устойчивой способности к согласованным, четко скоординированным действиям, позволяющим подразделению эффективно выполнять служебно-боевые задачи в составе единого сводного подразделения. В этой связи центральное значение приобретает углубленное изучение психологических механизмов и когнитивных процессов, обеспечивающих такую слаженность, среди которых особое место занимают коллективные ментальные модели взаимодействия военнослужащих. Данный феномен представляет собой разделяемые всеми членами воинского коллектива устойчивые, динамичные представления о содержании предстоящей служебно-боевой задачи, оптимальных способах и алгоритмах ее решения, функционально-ролевых позициях каждого участника, а также о специфике коммуникации и особенностях взаимодействия в различных условиях боевой обстановки, что позволяет достигать успешные результаты в процессе выполнения поставленных задач.

Несмотря на то, что важность и значимость КММ ВВ признается как в зарубежных, так и в отечественных научных исследованиях, ключевая проблема, связанная с выявлением устойчивых закономерностей их структурной организации, внутреннего строения и иерархической подчиненности компонентов, до настоящего времени остается недостаточно разработанной и теоретически доказанной [16; 19]. В связи с этим целью настоящего исследования выступает теоретическое обоснование и последующая эмпирическая верификация структурно-уровневой организации КММ ВВ, осуществляемые на основе применения общесистемного подхода, позволяющего рассматривать изучаемое феномен в единстве его уровневых, функциональных и интегративных характеристик. Научная новизна работы заключается в применении системного и функционального критериев-дифференциаторов для обоснованного выделения уровней и подсистем КММ ВВ, построении иерархической трехуровневой модели организации КММ ВВ, отражающей субординационные связи между подсистемами, а также в эмпирическом доказательстве необходимого и достаточного количества подсистем, образующих субсистемный уровень индивидуальных ментальных моделей, а также обосновании системообразующей роли метакогнитивной подсистемы, обеспечивающей интеграцию и управление всеми нижележащими компонентами в процессе совместного выполнения военнослужащими воинского коллектива служебно-боевых задач.

Основные положения

Теоретико-методологический анализ существующих подходов к изучению командных и коллективных ментальных моделей свидетельствует о наличии существенного пробела в научном знании, выраженного в отсутствии единой, концептуально выверенной и эмпирически обоснованной системы их классификации. Преодоление

данного ограничения становится возможным благодаря обращению к метасистемному подходу, который задает принципиально иную оптику рассмотрения, предполагая анализ изучаемого явления как сложной, многоуровневой, иерархически организованной системы, где каждый вышележащий уровень выполняет функции управления и интеграции по отношению к последующим.

В качестве первого основания для дифференциации структурных элементов нами был применен системный критерий, позволивший выделить три качественно своеобразных уровня в строении коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих. Первый уровень, обозначенный как уровень исполнительных механизмов, объединяет те подсистемы, которые обеспечивают непосредственную, реактивно-адаптивную регуляцию совместных действий в режиме реального времени, отличаясь высокой степенью зависимости от ситуационного контекста, внешних стимулов и текущих изменений боевой обстановки. Второй уровень, представляющий собой стратегический и смысловой контур, образуют подсистемы, ответственные за содержательно-целевую интеграцию коллективных представлений, постановку тактических и оперативных целей, определение ценностных ориентиров и выбор стратегий поведения при выполнении служебно-боевых задач в условиях специальной военной операции. Третий уровень, квалифицируемый как уровень интегративного управления, представлен подсистемой, осуществляющей рефлексивный контроль, координацию и при необходимости перестройку работы всех нижележащих уровней, что обеспечивает целостность, устойчивость и адаптивность всей системы к динамично меняющимся условиям боевого взаимодействия (рисунок 1).

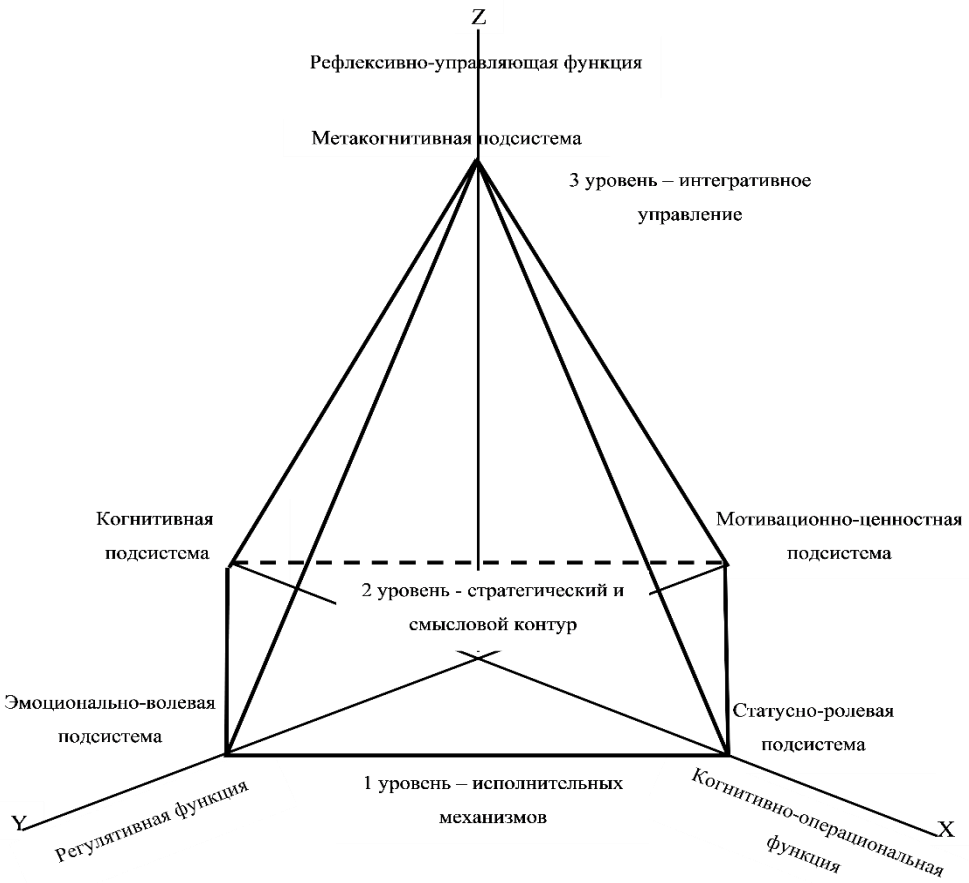


Рисунок 1 – Подсистемы индивидуальной ментальной модели взаимодействия военнослужащих в пространстве трех функций

Figure 1 – Subsystems of the individual mental model of military personnel interaction in the space of three functions

Дальнейшая дифференциация конкретных подсистем в рамках выделенных уровней потребовала применения второго критерия-дифференциатора, в качестве которого выступил функциональный критерий, базирующийся на углубленном анализе ключевых аспектов индивидуального участия военнослужащего в коллективной служебно-боевой деятельности в условиях современного общевойскового боя (рисунок 1). Когнитивно-операционная функция, реализующая понимание служебно-боевой задачи, оценку оперативной обстановки и выбор способов действий, позволила дифференцировать когнитивную и статусно-ролевую подсистемы, поскольку эффективное решение боевых задач требует не только адекватного восприятия информации, но и четкого осознания своего места и функциональных обязанностей в боевом порядке подразделения. Регулятивная функция, обеспечивающая управление военнослужащим собственным психологическим состоянием и деятельностью в экстремальных условиях боя, выступила основанием для подразделения мотивационно-ценностной и эмоционально-волевой подсистем, так как способность к саморегуляции напрямую зависит от устойчивости мотивов и развитости волевых качеств личности. Рефлексивно-управляющая функция, отвечающая за осознание военнослужащим своей должностной и функциональной позиции в сводном воинском коллективе. Оценку собственных способностей и боевого умения эффективно выполнить служебно-боевую задачу, а также своих сослуживцев. За своевременную корректировку решения с учетом изменяющейся обстановки и действий личного состава воинского формирования. В свою очередь, метакогнитивная подсистема интегрирует процессы рефлексии и метапознания на уровне всего воинского коллектива. Следовательно, базисный первый уровень образуют эмоционально-волевая подсистема, обеспечивающая самообладание, настойчивость в достижении цели, контроль аффективных реакций в стрессовых ситуациях боя. Статусно-ролевая подсистема, определяющая социометрические позиции военнослужащих в структуре межличностных отношений, а также ролевые обязанности, определяющие функциональную нагрузку каждого военнослужащего воинского коллектива в ходе выполнения служебно-боевой задачи. Данный уровень выступает фундаментом всего взаимодействия, обеспечивая возможность непосредственного, быстрого реагирования на тактические изменения обстановки без потери времени. Второй уровень представлен когнитивной подсистемой, включающей показатели продуктивности, точности и эффективности внимания, памяти, оперативного мышления, необходимые для адекватной оценки быстро меняющейся боевой обстановки, а также мотивационно-ценностной подсистемой, отражающей стремление военнослужащих к достижению значимых результатов, самореализации в военно-профессиональной деятельности и систему ценностных ориентаций, определяющих направленность личности в условиях выполнения служебно-боевых задач. Третий, вершинный уровень представлен метакогнитивной подсистемой, интегрирующей рефлексивность как способность к осознанию собственных когнитивных процессов и состояний, метакогнитивные знания о специфике выполнения боевых задач и метакогнитивные стратегии планирования, контроля и оценки совместных действий. Данная подсистема выполняет функцию системного управляющего центра, осуществляя рефлексивный контроль, координацию всех нижележащих подсистем, что в конечном итоге обеспечивает адаптивность и эффективность коллективных действий воинского подразделения в условиях высокой неопределенности и динамичности современного боя.

Методология эмпирического исследования. Дизайн и выборка

Для проверки ключевых положений было организовано исследование. Выборку составили курсанты Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. 208 респондентов (возраст 18–27 лет).

Методы и методики:

Для верификации структурно-уровневой организации КММ ВВ применялся комплекс психодиагностических методик, направленных на оценку компонентов пяти выделенных подсистем: методики диагностики когнитивных процессов (внимание, память, мышление); опросники для изучения мотивационно-ценностной сферы (ценностные ориентации, стремление к достижениям, самореализации); методики диагностики эмоционально-волевых качеств (самоконтроль, настойчивость, самообладание); социометрия и ролевая диагностика для оценки статусно-ролевой подсистемы; методики диагностики рефлексивности и метакогнитивных страте-

гий для оценки метакогнитивной подсистемы.

Методы обработки данных: для проверки теоретической модели применялся эксплораторный факторный анализ.

Результаты

Проведенный факторный анализ подтвердил теоретически обоснованную пятикомпонентную структуру субсистемного уровня индивидуальных ментальных моделей военнослужащих. Полученная эксплораторная модель объясняет 83,56 % общей изменчивости признаков, что свидетельствует о высокой объяснительной способности предложенной структуры (рисунок 2).

Рисунок 2 – Факторная модель структуры коллективной ментальной модели взаимодействия военнослужащих

Figure 2 – Factor model of the structure of the collective mental model of military personnel interaction

Первый фактор (29,07 % дисперсии) образован признаками, отражающими содержание метакогнитивной подсистемы. Он включает 11 переменных, характеризующих различные виды рефлексивности, метакогнитивные знания и стратегии. Доминирование данного фактора по величине объясненной дисперсии свидетельствует о его системообразующей роли в структуре индивидуальной ментальной модели. Второй фактор (26,93 % дисперсии) составили показатели когнитивной подсистемы. В него вошли 10 переменных, отражающих продуктивность, точность и эффективность внимания (0,82; 0,69; 0,83), продуктивность памяти (0,54), продуктивность и эффективность интеллекта (0,65; 0,68), точность и эффективность теоретического мышления (0,55; 0,54). Третий фактор (16,2 % дисперсии) объединил параметры мотивационно-ценностной подсистемы, включая стремление к самореализации (0,51) и достижениям (0,69), а также стабильность эмоций (0,60). Четвертый фактор (5,85 % дисперсии) образован эмоционально-волевыми признаками: оптимизм (0,55), адекватность и контроль влечений (0,64; 0,66), волевой самоконтроль (0,71), настойчивость (0,67), самообладание (0,66). Пятый фактор (5,51 % дисперсии) определяется социально-ролевыми параметрами статусно-ролевой подсистемы: индексы социометрического статуса (0,53), эмоциональной экспансивности (0,56), психологической взаимности (0,56), а также выраженность ролей координато-

ра (0,58), мыслителя (0,58) и дипломата (0,63).

Таким образом, факторная структура эмпирически верифицирует необходимый и достаточный состав пяти подсистем, а также выявляет их иерархическую организацию. Разный процент объясненной дисперсии факторов указывает на неравномерный вклад подсистем в общую организацию ментальной модели: ведущая роль принадлежит метакогнитивной и когнитивной подсистемам.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд значимых выводов относительно структурной организации КММ ВВ. Во-первых, эмпирически подтверждена теоретическая модель, согласно которой субсистемный уровень индивидуальной ментальной модели представлен пятью функционально специализированными, но взаимосвязанными подсистемами. Выделение данных подсистем на основе функционального критерия является не случайным, а отражает объективную структуру военно-профессиональной деятельности, требующей от военнослужащего понимания задачи и обстановки (когнитивно-операционная функция), саморегуляции (регулятивная функция), а также осознания своего места в воинском коллективе и управления взаимодействием внутри подразделения в период выполнения служебно-боевых задач (рефлексивно-управляющая функция). Во-вторых, выявленная иерархия факторов (от метакогнитивного к статусно-ролевому) подтверждает трехуровневую организацию КММ ВВ. Эмоционально-волевая и статусно-ролевая подсистемы, имеющие наименьший процент объясненной дисперсии, образуют базисный уровень (уровень исполнительных механизмов), обеспечивающий непосредственное реагирование. Когнитивная и мотивационно-ценностная подсистемы, обладающие большей объяснительной силой, формируют стратегический и смысловой контур. Метакогнитивная подсистема, как фактор с максимальной дисперсией, является вершинным уровнем интегративного управления, подчиняющим и направляющим работу всей системы. Это согласуется с представлениями А. Маслоу и других авторов об иерархическом принципе построения сложных систем, где вышележащие уровни управляют нижележащими, опираясь на них как на свою основу. В-третьих, ключевая роль первого (метакогнитивного) фактора (29,07 % дисперсии) указывает на то, что именно рефлексивность и метакогнитивные стратегии определяют реальную меру проявления и интеграции всех остальных компонентов индивидуальных ментальных моделей. Метакогнитивная подсистема выступает не просто одним из компонентов, а системообразующим фактором, обеспечивающим целостность и адаптивность ментальной модели военнослужащего к изменяющимся условиям боевой обстановки. В условиях СВО это означает, что способность военнослужащего к рефлексии собственных действий и состояний, а также к осознанию когнитивных стратегий других членов коллектива, становится критическим условием для быстрой выработки общего понимания ситуации и координации усилий [1, 11].

Проведенное исследование подтверждает, что структурная организация КММ ВВ представляет собой иерархически организованную систему, включающую три уровня и пять функционально взаимосвязанных подсистем, выделенных на основе военно-профессиональной деятельности. Эмпирически доказано, что метакогнитивная подсистема выполняет системообразующую функцию, выступая вершинным уровнем интегративного управления и определяя степень согласованности всех нижележащих компонентов ментальной модели. Следовательно, в условиях специальной военной операции именно развитая метакогнитивная подсистема обеспечивает способность воинского коллектива к быстрой выработке общего понимания ситуации и эффективной координации совместных действий. [2, 7, 10, 14].

Выводы

Таким образом, в статье эмпирически подтверждены выдвинутые теоретических положений в вводной части о структурно-уровневой организации коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих, что позволяет рассматривать КММ ВВ как сложноорганизованную иерархическую систему, включающую три уровня управления и пять функционально специализированных, но тесно взаимосвязанных подсистем. Принципиально важным результатом выступает установление системообразующей роли метакогнитивной подсистемы, которая, интегрируя рефлексивные процессы и метакогнитивные стратегии, обеспечивает целостность, согласованность и адаптивность всей ментальной модели военнослужащего к динамично изменяющимся условиям боевой обстановки [16; 19]. Выявленные в исследовании эффекты супераддитивности убеди-

тельно доказывают, что коллективная ментальная модель не сводится к простой сумме индивидуальных представлений, а порождает новые системные качества, обеспечивающие качественно иной уровень слаженности и эффективности совместных действий при выполнении служебно-боевых задач. В условиях специальной военной операции это означает, что способность воинского коллектива к быстрому формированию общего понимания оперативной обстановки, синхронизации усилий и взаимной координации действий напрямую зависит от степени развития и интегрированности метакогнитивных компонентов в структуре индивидуальных и коллективных ментальных моделей взаимодействи военнослужащих. Практическая значимость полученных результатов заключается в обосновании необходимости в процессе боевой подготовки развития не только отдельных когнитивных, эмоционально-волевых и статусно-ролевых характеристик, но и целенаправленное формирование метакогнитивных навыков рефлексии, саморегуляции и осознанного контроля совместной деятельности, что требует внедрения разработанной модели в программы психологического сопровождения и тренинги по слаживанию подразделений, действующих в условиях современного боя.

Список источников

1. Андронов А. В. Возможности использования информационных технологий для развития саморегуляции курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации / А. В. Андронов, А. Г. Андронова, М. И. Федоришин // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники: сборник научных статей международной конференции / отв. ред. Е. Д. Родионов. Барнаул, 2018. С. 1261–1264.

2. Большунова Н. Я. Структура психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации / Н. Я. Большунова, А. Г. Чапоргин, М. И. Федоришин // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2019. № 1 (1). С. 23–27.

3. Мекебаев Н. С. Конфигурации коллективных ментальных моделей при решении служебно-боевых задач курсантами Росгвардии / Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Российский психологический журнал. 2022. № 19 (2). С. 50–59.

4. Мекебаев Н. С. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих / Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Смальта. 2021. № 3. С. 65–76.

5. Перевозкина Ю. М. Ментальные модели социального взаимодействия в служебной деятельности: электронное учебное пособие / Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, М. И. Федоришин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. 110 с.

6. Перевозкина Ю. М. Системный подход в психологии индивидуальности / Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3 (45). С. 12–13.

7. Смоленцев И. О. Саморегуляция и критическое мышление в процессе профессионального становления курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации / И. О. Смоленцев, М. И. Федоришин, В. А. Жаббаров // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66. С. 332–336.

8. Спирин А. В. Специфика структуры личностных особенностей в зависимости от типа темперамента у курсантов Новосибирского военного института войск национальной гвардии / А. В. Спирин, Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 295–303.

9. Федоришин М. И. Взаимосвязь саморегуляции и индивидуализации в процессе обучения у курсантов военных образовательных организаций высшего образования // Ярославский психологический вестник. 2018. № 2 (41). С. 86–90.

10. Федоришин М. И. Индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военного вуза / М. И. Федоришин, А. В. Андронов // Ярославский психологический вестник. 2018. № 1 (40). С. 76–83.

11. Федоришин М. И. Особенности структурной организации метакогнитивной подсистемы ментальных моделей взаимодействия военнослужащих Росгвардии / М. И. Федоришин, Ю. М. Перевозкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, № 1 (53). С. 62–76.

12. Федоришин М. И. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач / М. И. Федоришин, Ю. М. Перевозкина // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченковские чтения – 2022): сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 513–520.

13. Федоришин М. И. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции / М. И. Федоришин, А. В. Спирин, П. В. Чайковский // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 423–435.

14. Фролова Л. В. Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов / Л. В. Фролова, М. И. Федоришин // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. ст. VIII Межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2017. С. 271–276.

15. Hackman J. R. (1987). The design of work teams. In J. W. Lorsch (Ed.), Handbook of organizational behavior. NY: Prentice Hall, 315–342.

16. Johnson-Laird P. N. (1980). Mental models in cognitive science. Cognit. Sci., 4(1), 71–115.

17. Marks M. A., Mathieu J. E., Zaccaro S. J. (2001). A temporally based framework and taxonomy of team processes. Academy of Management Review, 26, 356–376.

18. Rouse W. B., Cannon-Bowers J. A., Salas E. (1992). The role of mental models in team performance in complex systems. IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, 22(6), 1296–1308.

19. Wegner D. M. (1987). Transactive Memory: A Contemporary Analysis of the Group Mind. In Theories of Group Behavior. NY : Springer, 185–208.

References

1. Andronov A. V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij dlya razvitiya samoregulyacii kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii / A. V. Andronov, A. G. Andronova, M. I. Fedorishin // Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i tekhniki: sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj konferencii / otv. red. E. D. Rodionov. Barnaul, 2018. S. 1261–1264. (In Russ.).

2. Bol'shunova N. YA. The structure of psychological readiness for performing combat missions by military personnel of the National Guard of the Russian Federation / N. YA. Bol'shunova, A. G. CHaporgin, M. I. Fedorishin // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2019;1 (1): 23–27. (In Russ.).

3. Mekebaev N. S. Configurations of collective mental models in solving combat missions by Rosgvardia cadets / N. S. Mekebaev, YU. M. Perevozkina, M. I. Fedorishin // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2022;19 (2): 50–59. (In Russ.).

4. Mekebaev N. S. Mental models of military personnel's social interaction / N. S. Mekebaev, YU. M. Perevozkina, M. I. Fedorishin // Smal'ta. 2021;3: 65–76. (In Russ.).

5. Perevozkina YU. M. Mental'nye modeli social'nogo vzaimodejstviya v sluzhebnoj deyatel'nosti: elektronnoe uchebnoe posobie / YU. M. Perevozkina, S. B. Perevozkin, M. I. Fedorishin. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2023. 110 s. (In Russ.).

6. Perevozkina YU. M. A systematic approach to personality psychology / YU. M. Perevozkina, M. I. Fedorishin // YAroslavskij psihologicheskij vestnik. 2019;3 (45): 12–13. (In Russ.).

7. Smolencev I. O. Self-regulation and critical thinking in the process of professional development of cadets of the National Guard of the Russian Federation / I. O. Smolencev, M. I. Fedorishin, V. A. ZHabbarov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020;66: 332–336. (In Russ.).

8. Spirin A. V. The structure of personality traits in cadets of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard / A. V. Spirin, YU. M. Perevozkina, M. I. Fedorishin // CHelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2020;2 (40): 295–303. (In Russ.).

9. Fedorishin M. I. The relationship between self-regulation and individualization in the learning process of cadets in military educational institutions of higher education // YAroslavskij psihologicheskij vestnik. 2018;2 (41): 86–90. (In Russ.).

10. Fedorishin M. I. Individual characteristics of self-regulation among military university cadets / M. I. Fedorishin, A. V. Andronov // YAroslavskij psihologicheskij vestnik. 2018;1 (40): 76–83. (In Russ.).

11. Fedorishin M. I. Features of the structural organization of the metacognitive subsystem of mental models of interaction between Rosgvardia military personnel / M. I. Fedorishin, YU. M.

Perevozkina // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2025. T. 14;1 (53): 62–76. (In Russ.).

12. Fedorishin M. I. Specifika vyrazhennosti sposobnostej i kognitivnyh processov v zavisimosti ot dominiruyushchej rolevoj modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevyh zadach / M. I. Fedorishin, YU. M. Perevozkina // Aktual'nye problemy professional'no-prakticheskoj psihologii (D'yachenkovskie chteniya – 2022): sbornik nauchnyh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2022. S. 513–520. (In Russ.).

13. Fedorishin M. I. Personality traits of cadets with a high level of self-regulation / M. I. Fedorishin, A. V. Spirin, P. V. CHajkovskij // CHelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2019;1 (37): 423–435. (In Russ.).

14. Frolova L. V. Problemy social'noj adaptacii vypusknikov voennyh vuzov / L. V. Frolova, M. I. Fedorishin // Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sb. nauch. st. VIII Mezhvuz. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2017. S. 271–276. (In Russ.).

15. Hackman J. R. (1987). The design of work teams. In J. W. Lorsch (Ed.), Handbook of organizational behavior. NY: Prentice Hall, 315–342.

16. Johnson-Laird P. N. (1980). Mental models in cognitive science. Cognit. Sci., 4(1), 71–115.

17. Marks M. A., Mathieu J. E., Zaccaro S. J. (2001). A temporally based framework and taxonomy of team processes. Academy of Management Review, 26, 356–376.

18. Rouse W. B., Cannon-Bowers J. A., Salas E. (1992). The role of mental models in team performance in complex systems. IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, 22(6), 1296–1308.

19. Wegner D. M. (1987). Transactive Memory: A Contemporary Analysis of the Group Mind. In Theories of Group Behavior. NY: Springer, 185–208.

Информация об авторе

М. И. Федоришин *– кандидат психологических наук, доцент*

Information about the author

M. I. Fedorishin *– Candidate of Sciences (Psychology), Docent*

Статья поступила в редакцию 30.05.2026;
одобрена после рецензирования 09.06.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 30.05.2026;
approved after reviewing 09.06.2025;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 378.02

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ (ИНСТИТУТЕ) РОСГВАРДИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна Геннадьевна Шарухина
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
tgsha2006@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-5169-3044

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о воспитательной деятельности преподавателя военной академии (института) Росгвардии. Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения качества и результативности воспитания будущих офицеров. Цель статьи заключается в раскрытии сущности и функционального состава воспитательной деятельности преподавателя как объекта самоуправления. Раскрываются методологические подходы к анализу воспитательной деятельности преподавателя как объекта самоуправления. Большое внимание уделяется описанию функций воспитательной деятельности и условий ее результативности. Формулируются правила осуществления педагогических действий преподавателями для обеспечения высокого качества воспитательной деятельности. Делаются выводы и приводятся рекомендации для преподавателей.

Ключевые слова: военная образовательная организация Росгвардии, преподаватель, воспитательная деятельность, теоретико-методологический аспект

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Воспитательная деятельность преподавателя в процессе обучения в военной академии (институте) Росгвардии: теоретико-методологический аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 267–275. URL: http://vestnik- academrg.ru/2026/06/028.pdf.

Original article

UPBRINGING ACTIVITIES OF A LECTURER IN THE PROCESS OF TEACHING AT A MILITARY ACADEMY (INSTITUTE) ROSGVARDIYA: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Tatiana G. Sharukhina
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
tgsha2006@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-5169-3044

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of the upbringing activities of a lecturer of the Rosgvardiya Military Academy (Institute). The relevance of the article is due to the need to improve the quality and effectiveness of future officers' upbringing. The purpose of the article is to reveal the essence and functional composition of the lecturer's upbringing activities as an object of self-management. Methodological approaches to the analysis of the lecturer's upbringing activities are revealed. Much attention is paid to the description of the functions of upbringing activities and the conditions of its effectiveness. The rules for the implementation of pedagogical actions by lecturers are formulated to ensure high-quality upbringing activities. Conclusions are drawn and recommendations for lecturers are given.

Keywords: Rosgvardiya military educational organization, lecturer, upbringing activities, theoretical and methodological aspect

For citation: Sharukhina T.G. Upbringing activities of a lecturer in the process of teaching at a military academy (institute) Rosgvardiya: theoretical and methodological aspect. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35):267–275. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/028.pdf.

© Шарухина Т.Г., 2026

Введение

Кардинальные и «болезненные» изменения в современном мироустройстве, сопровождающиеся нескончаемыми вооруженными конфликтами в разных регионах планеты и развязыванием прокси-войны против Российской Федерации, смещение центров мировых осей, казавшихся незыблемыми и выполнявших на протяжении нескольких десятилетий функцию цивилизационной стандартизации, в сторону России и восточного полушария, вызывают

необходимость изменения подходов в подготовке офицерских кадров, которые будут отвечать за обеспечение безопасности российского государства, общества, личности человека и гражданина.

Центр внимания должен быть смещен с подготовки будущего офицера как носителя компетенций на его фундаментальное образование, в процессе которого будет сформирована гармоничная личность, отличающаяся этической и профессиональной надежностью и проявляющаяся как творческая индивидуальность. Для этого в условиях информационных перегрузок и активного использования искусственного интеллекта у будущего офицера должны быть сформированы четкие ценностные ориентиры и мировоззренческая позиция, способность профессионально общаться, слушать, слышать подчиненных, убеждать их и умело организовывать, осуществлять результативную саморегуляцию и обладать лидерскими свойствами.

Основная нагрузка за решение данных задач ложится на преподавательский состав и командиров курсантских подразделений военных образовательных организаций. Причем речь идет о выделении в рамках педагогической деятельности деятельности воспитательной. Такую позицию разделяют И. А. Алехин [1], Т. А. Бороненко [3], А. К. Быков [4], О. А. Калимуллина [6], Т. Г. Мухина [7], О. Л. Поминова [11], С. Л. Рыков [12], С. Н. Сорокоумова [13], А. С. Турчин [15], А. А. Утюганов [16], А. Г. Шабанов [17], Л. В. Шабанов [18], А. П. Шарухин [21] и многие другие ученые, исследующие образовательный процесс в высшей военной школе Росгвардии.

Необходимо отметить, что во многом эта позиция перекликается и с мнением гражданских ученых-педагогов: С. А. Писаревой [9], О. К. Поздняковой [10], А. П. Тряпицыной [14] и другими.

В связи с тем, что сущность и структура воспитательной деятельности преподавателей на сегодняшний день достаточно подробно раскрыта [24], цель статьи заключается в обосновании и проектировании функциональной структуры результативной воспитательной деятельности командиров курсантских подразделений. Основное внимание планируется уделить теоретико-методологическому аспекту решаемой научной задачи.

Методология и методы исследования

В исследовании теоретико-методологическую основу исследования составили идеи системного, синергетического, акмеологического и профессионально-этического подходов, а также положения, изложенные В. А. Якуниным [25], А. П. Шарухиным [23], Т. Г. Шарухиной [23] о функциональном составе педагогической деятельности.

Основными методами выступили анализ научной литературы и обобщение изложенных в них идей, абстрагирование, проектирование.

Результаты

В исследовании системно-функциональный подход [2] нашел отражение в процессе разработки функционального состава педагогической деятельности преподавателя. Его основные положения относительно воспитательного аспекта деятельности преподавателя в процессе обучения говорят о следующем.

Преподаватель, глубоко осознающий свою педагогическую миссию, имеет четко сформированную мировоззренческую позицию, в которой ценности педагогического долга, педагогической ответственности [22] выступают центральным звеном в мотивационно-смысловой структуре личности и определяют как отношение к педагогическому труду, так и самоотношение к себе как к педагогу. В единстве с потребностями в трудовой самореализации, достижении высоких результатов в деле воспитания и уважении к себе как к педагогу, отличающемуся высоким профессионализмом, они становятся основой педагогической направленности на использование воспитательного потенциала занятий и формирование необходимых личностных качеств у курсантов.

Мотивационная обусловленность активности преподавателя и проявления творческой инициативы побуждает его качественно решить задачу педагогического целеполагания. Решение задачи осуществляется более успешно, когда преподаватель хорошо осознает модель личности будущего выпускника и понимает, какие качества у него должны быть обязательно сформированы, какую структуру они имеют и какими способами можно достичь желаемого результата.

Решение задачи педагогического целеполагания [19] непосредственно связано с выполнением аналитической и прогностической функций, то есть сбором и глубоким анализом сложившейся воспитательной ситуации в процессе обучения в целом и на каждом занятии в частности, выявлением различных групп факторов, влияющих на формирование качеств личности и

прогнозированием возможных вариантов развития ситуации при осуществлении тех или иных педагогических действий.

На основе проведенной аналитико-прогностической работы принимается решение, в котором должно быть с высокой точностью (фактически на технологическом уровне) определено, какая программа действий будет реализовываться.

Организационная функция включает в себя обеспечение (консультационное, стимулирующее, учебно-методическое, психологическое и др.) реализации решения по достижению воспитательных целей. При этом преподаватель системно выстраивает контроль и оценку процесса и достигнутых результатов, а также при необходимости вносит коррективы в решение и организацию его исполнения.

С системно-функциональным подходом тесно связан синергетический подход [8]. Он также представляет собой методологическую ориентацию преподавателя в его исследовательской и практической управленческо-педагогической деятельности, который исходит из того, что функционирование и развитие системы воспитания в процессе обучения является частью более широкой системы, в значительной степени самоорганизующейся системой с многовариантными направлениями необратимого развития. Комплексность использования различных идей и методов позволяет добиться в проектировании модели системы воспитания в процессе занятий, самоподготовки курсантов и ее реализации синергетического эффекта (увеличение общего результата по сравнению с простым суммарным результатом от действия одних и тех же компонентов).

Синергетический подход «требует» от преподавателя, чтобы он постоянно анализировал:

а) как могут повлиять его педагогические действия на траекторию развития системы воспитания при реализации того или иного стиля педагогической деятельности;

б) где расположена та грань (точка бифуркации), за которой процесс развития системы воспитания может принять многовариантный и необратимый позитивный или негативный характер;

в) состояние системы воспитания и педагогической деятельности, появление в них новых компонентов и свойств, влияющих на последующее развитие и порядок функционирования и развития системы воспитания;

г) степень и характер влияния средовых факторов на появление новых компонентов и свойств в системе воспитания и управления ею.

Результат анализа преподавателя должен лечь в основу принятия решения, реализация которого будет обеспечивать динамичное позитивное саморазвитие системы воспитания, что скажется позитивно на личностно-профессиональном росте курсантов, повышении достижений в решении учебных задач.

Возникновение новой отрасли научного знания – акмеологии – на рубеже XX–XXI веков обусловлено необходимостью обоснования способов, обеспечивающих достижение курсантом и учебным подразделением максимально-пиковых значений в образовательной деятельности, прежде всего, в нравственном и профессионально-творческом росте, здоровом образе жизни, выполнении учебных и служебных задач. Решение данной задачи связано с тем, что человеческий фактор рассматривается как основной ресурс, от дефицита которого может наступить как кризис в решении поставленных учебных и служебных задач, так и найден выход из него. Эта новая научная область, возникшая на стыке философских, военно-социологических, военно-культурологических, военно-психологических, биологических, педагогических и других наук, фактически ответственна за выявление закономерных связей и способов достижения акме-вершин курсантом и учебным подразделением.

Возникает вопрос: что нужно сделать в воспитательном плане для достижения акме-вершин курсантом и учебным подразделением? Акмеология отвечает [5]: сосредоточить внимание на средовых факторах, организовать соответствующим образом социокультурные условия. Условия бытия курсанта и учебного подразделения должны стать акмеологичными, то есть, максимально раскрепощающими и развивающими нравственный, патриотический, учебный творческо-профессиональный и здоровьесберегающий потенциал курсантов в момент самореализации, в процессе нравственного и профессионального становления (образовательного процесса), а также саморазвития. Акме-развитие курсанта, «пришедшего» на службу в войска национально гвардии Российской Федерации и находящегося в определенной системе жизненных условий, выступает объектом изучения акмеологии.

В процессе разработки модели системы воспитания в подразделении важно понять:

Каким образом и в каких средовых условиях курсант, учебное подразделение достигают акме-вершин в нравственном и профессиональном плане?

Какие микродостижения приводят к пику успехов на разных этапах их взрослости и развития подразделения как коллектива?

Какие факторы среды наибольшим образом повлияли на развитие курсанта, учебного подразделения (социальные, технические, организационно-деятельностные или, может быть, комплексные)?

Какова структура акме-вершин: простая или сложная (многоуровневая и многоплановая)?

По каким критериям определять, что курсант и/или подразделение достигли максимума в своем развитии (нравственном и/или творческо-профессиональном)?

Связь между разработкой модели системы воспитания и акмеологией очевидна. Созданная в учебных подразделениях на занятиях система воспитания и управление ею должны быть нацелены в своем функционировании на достижение акме-вершин. Акме-вершины выступают в разных формах. И сам оптимум для каждого курсанта и/или подразделения также будет различным. Его конкретизация зависит от многих факторов.

Существует несколько вариантов акме-развития. Один из них связан с тем, что, достигнув максимума в какой-то сфере в рамках одной учебной дисциплины или деятельности, курсант может начать/продолжить развитие в другой сфере, направив свои усилия на достижение новой вершины. Данный путь открывает перед курсантами все новые перспективы. Основным условием движения по этому пути выступает готовность к разностороннему саморазвитию и самореализации. Другой путь связан с полным «обнулением» результатов и кардинальной сменой характера деятельности.

Важной функцией акмеологии как методологического основания разработки модели системы воспитания курсантов в военной академии (институте) Росгвардии выступает прогнозирование развития будущего офицера и/или подразделения, в котором он находится.

Акмеология «настраивает» преподавателей на осуществление прогностической деятельности и обязательный учет средовых условий.

В методологическом плане акмеология «требует» от преподавателей:

1) Обеспечивать постоянный прогресс в нравственном, государственно-патриотическом, творческо-профессиональном, правовом и здоровьесберегающем развитии курсантов и подразделения; не допускать «скатываний» и негативных отклонений.

2) Обосновывать, разрабатывать и применять для этого соответствующие технологии, инновационные находки, способствующие решению задачи акме-развития курсантов.

Сам факт разработки модели системы воспитания курсантов в военной академии (институте) войск национальной гвардии Российской Федерации на основе акмеологического подхода носит инновационный характер, который при должной научной проработке, безусловно, опирается на прочный теоретико-методологический и экспериментальный фундамент психолого-педагогической и акмеологической науки. Если педагогика обосновывает модель системы воспитания курсантов в военной академии (институте) Росгвардии, обеспечивающую разностороннее нравственное, государственно-патриотическое, творческо-профессиональное, правовое и здоровьесберегающее развитие и саморазвитие курсантов и учебных подразделений в конкретных условиях среды их жизнедеятельности в терминах «акме», «достижения вершин», «оптимальности», то она действительно выполняет функции науки.

Профессионально-этический подход ориентирует преподавателя на проявление высокой ответственности в процессе осуществления педагогической деятельности. Следует иметь в виду, что ответственность рассматривается в двух аспектах: как нормативная юридическая и как моральная категории.

Как нормативная юридическая категория, модель педагогической ответственности преподавателей наиболее четко представлена в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», в Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации и других нормативных документах, регламентирующих организацию образовательного процесса. Именно преподаватель несет персональную ответственность за организацию педагогических отношений на занятиях. В его руках сосредоточена установленная зако-

ном власть. Преподаватель, носящий погоны, пользуется правами командира батальона.

В качестве примера можно отметить следующее: так как преподаватель на занятиях выступает в роли командира (начальника), в Уставе внутренней службы отмечается, что обязанность командиров (начальников) – быть примером для подчиненных, чутким и внимательным к ним; не совершать действия, унижающие честь и достоинство подчиненных; повышать свою профессиональную подготовку; оказывать помощь подчиненным в процессе их обучения; внедрять в учебно-воспитательный процесс все передовое, что способствует повышению эффективности обучения и воспитания подчиненных; воспитывать подчиненных, изучать их качества, беседовать с ними, поощрять и при необходимости наказывать, создавать условия для их отдыха, личностно-профессионального и культурного развития, укрепления здоровья; заботиться о быте, социальной и правовой защите; требовательность и принципиальность сочетать с уважением личного достоинства подчиненных; поддерживать внутренний порядок.

Частные требования, изложенные в общих обязанностях командиров (начальников) и конкретных должностных обязанностях, говорят о том, что вся нагрузка, связанная с организацией педагогических отношений, лежит на командире.

Командир (начальник) несет личную ответственность за организацию учебно-воспитательного процесса. Командир обязан постоянно работать над повышением своего профессионально-педагогического мастерства. Результат самообразования и организаторских усилий командира проявляется в дисциплинированности подчиненных и их морально-политическом и психологическом состояниях, за которые командир также несет личную ответственность.

Предметом особой заботы командира выступает обучение и воспитание подчиненных, способности эффективно действовать в реальных условиях.

Самый большой блок обязанностей командира (начальника) относится к области воспитания подчиненного личного состава. И самое главное, что среди всего комплекса методов и технологий на первом месте должны быть забота о подчиненных, а также личный пример командира (начальника). Отсутствие личного примера ведет к снижению уважения и доверия подчиненных к своему командиру (начальнику), потере авторитета.

В учебно-воспитательном процессе важны не только забота и пример со стороны командиров (начальников). Без разъяснения, контроля, педагогического сопровождения, объективной оценки происходящего, успехов и неудач воспитательный процесс вряд ли будет эффективным.

Еще один аспект ответственности командира (начальника) в области учебно-воспитательного процесса связан с тем, что он должен хорошо знать профильную специальность, иметь твердые умения и навыки управленческой деятельности и быть умелым педагогом. Все эти роли важны и в каждой из них командир должен выглядеть профессионалом.

Моральная ответственность преподавателя связана с офицерским долгом и офицерской честью. С педагогической точки зрения сказать: «Честь имею!» может только тот преподаватель, в котором подчиненные увидели своего «Учителя» и «Воспитателя» и признали его педагогический авторитет, предоставив ему неформальное право их обучать и воспитывать. Образовательный процесс свидетельствует, что за некоторыми преподавателями курсанты признают только формальное право обучать их, видя, что эти офицеры хорошие специалисты, но не воспринимают их как «Воспитателей» из-за отсутствия личностных качеств, на которые следует равняться. Для преподавателя такое положение вещей неприемлемо. Моральная ответственность «обязывает» командира (начальника) быть для подчиненных «Учителем» и «Воспитателем».

Выводы

Подводя итог анализу ответственности преподавателя в системе педагогических отношений, необходимо сделать вывод о том, что профессионально-педагогическая подготовка каждого преподавателя должна носить индивидуальный характер и требует постоянного самосовершенствования.

В образовательном процессе, организованном на основе антропоцентристской парадигмы, в которой будущий выпускник рассматривается не как объект, а как субъект учебной деятельности, ради которого фукционирует специально созданная образовательная система военной академии (института) Росгвардии, воспитательная деятельность преподавателя должна носить не административно-командный, а сопровождающе-наставнический характер. Речь идет прежде всего о том, что пре-

подаватель должен выступать не только как администратор, а быть при этом безусловным авторитетом.

Авторитет свидетельствует о том, что преподаватель своей честной службой добился обладания полномочиями, данными ему от государства в рамках выполнения обязанностей в сфере особого вида государственной службы (военной службы). А также добился доверия со стороны подчиненных курсантов, которые не сомневаются в своем командире, в том, что он сможет сделать все правильно для их офицерского становления как достойных носителей офицерской доблести и чести. Для этого преподаватель создает и «культивирует» в подразделении, в котором ведет занятия, систему жизненных обстоятельств, обладающих стимулирующим потенциалом, находясь в которых курсанты объективно испытывают потребность в проявлении себя с позиции профессионально-нравственных (товарищество, взаимовыручка, честное отношение друг к другу и др.) и служебно-правовых (на основе норм права) отношений. В системе сложившихся обстоятельств курсанты стремятся спроектировать и реализовать такую модель взаимодействий, которая обеспечивает непрерывное личностное и профессиональное развитие.

В самом общем виде к воспитательным задачам относится формирование фундаментальных качеств личности курсанта (нравственная зрелость – долг, честь, ответственность, достоинство, мужество; государственный патриотизм; профессиональная надежность; законопослушность и др.) [20], а результат воспитательной деятельности – это уровень сформированности различных компонентов личности курсантов (мотивационно-целевых и операциональных структур; интеллектуальных и волевых свойств и др., которые лежат в основе качеств будущих офицеров), а также социально-психологического развития учебного подразделения (идейное, организационное, интеллектуальное, волевое, эмоционально-чувственное единство, сплоченность, солидарность, взаимопомощь и др.).

Интеллектуально-педагогической задачей преподавателя выступает проектирование целостной системы воспитания курсантов в подразделении (нравственного, государственно-патриотического, военно-профессионального, правового, культурно-эстетического).

Список источников

1. Алехин И. А. Педагогическая технология современной подготовки специалистов в военных вузах России / И. А. Алехин, Н. А. Давыдов // Известия Российской академии образования. 2021. № 1-2(54). С. 135–146.

2. Ананьин Г. Е. Развитие системного подхода в теории воспитания: монография / под ред. Л. В. Байбородовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 198 с.

3. Бороненко Т. А. Направления подготовки будущих педагогов к использованию дистанционных образовательных технологий в профессиональной деятельности (праксиологический аспект деятельностного подхода) / Т. А. Бороненко, В. С. Федотова // Образование и наука. 2015. № 3 (122). С. 87–102.

4. Быков А. К. Формирование государственно-патриотического сознания курсантов военных вузов при изучении дисциплины «Психология и педагогика» // Педагогическое образование и наука. 2024. № 5. С. 19–24.

5. Деркач А. А. Акмеология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. М. : Питер, 2003. 252 с.

6. Калимуллина О. А. Подходы в образовании: специфика, интерпретации, статус, система // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2025. № 6. С. 328–336.

7. Мухина Т. Г. Педагогическая технология формирования навыков обращения с оружием в контексте военно-патриотического воспитания / В. В. Иванов, Т. Г. Мухина // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2 (24). С. 181–196.

8. Новикова И. Ю. Синергетический подход в образовательном процессе // Современная высшая школа: инновационный аспект. Т. 11. № 4. 2019. С. 61–66.

9. Писарева С. А. Содействие профессиональному становлению студента в процессе университетского образования / С. А. Писарева, А. П. Тряпицына // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2026. № 2 (205). С. 8–14.

10. Позднякова О. К. Модель нравственного воспитания студентов в культурно-образовательном пространстве вуза // С. А. Вдовин, О. К. Позднякова // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13. № 1. С. 132–137.

11. Поминова О. Л. Проблема развития общекультурной компетенции устной коммуникации у курсантов военных институтов // Образование и качество жизни. 2026. № 1 (43). С. 27–33.

12. Рыков С. Л. Структурно-содержательная характеристика инновационной педагогической системы // Вестник Самарского государственного технического университета. 2020. № 4(48). С. 42–51.

13. Сорокоумова С. Н. Образовательная среда высшей школы как условие для развития профессионально-личностных качеств курсантов – будущих командиров / П. А. Гордеева, В. И. Орлов, С. Н. Сорокоумова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2026. № 1 (81). С. 294–299.

14. Тряпицына А. П. Методология исследования трансформации высшего педагогического образования в современных условиях / С. А. Писарева, А. П. Тряпицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14. № 1 (53). С. 77–89.

15. Турчин А. С. Когнитивные основы информационной безопасности / В. И. Малюта, А. С. Турчин // Научный поиск: личность, образование, культура. 2026. № 1 (59). С. 48–53.

16. Утюганов А. А. Психолого-педагогическое управление процессом адаптации курсантов к высоким учебным нагрузкам //

Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 171–183.

17. Шабанов А.Г. Психолого-педагогические аспекты формирования профессионально важных качеств курсантов // Инновации в образовании. 2023. № 3. С. 92–97.

18. Шабанов Л. В. Психологическое сопровождение воспитания навыка ответственности в педагогических средах высшего образования / Е. А. Королева, Л. В. Шабанов, С. В. Марихин // Научное мнение. 2026. № 3. С. 157–162.

19. Шарухин А. П. Проблема целеполагания в системе воспитания курсантов военных институтов Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 187–194.

20. Шарухин А. П. Качества личности выпускника военного института Росгвардии как цель и результат воспитательного процесса // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 165–172.

21. Шарухин А. П. Служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации: учебник. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 280 с.

22. Шарухин А. П. Система профессиональных ценностей офицеров национальной гвардии / А. П. Шарухин, Э. В. Дарбинян // Вестник Санкт–Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 179–184.

23. Шарухин А. П. Творческая деятельность преподавателя в процессе подготовки занятий с курсантами на основе управленческого подхода / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 4 (170). С. 358–362.

24. Шарухина Т. Г. Воспитательная деятельность преподавателя военной образовательной организации высшего образования / Т. Г. Шарухина, В. П. Сальников // Вестник Санкт–Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (29). С. 260–268.

25. Якунин В. А. Педагогическая психология: учебное пособие. СПб., Изд-во «Полиус», 1998. 604 с.

References

1. Alekhin I. A. Pedagogical Technology of Modern Training of Specialists in Russian Military Universities / I. A. Alekhin, N. A. Davydov // Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2021;1-2(54):135–146. (In Russ.).

2. Anan'in G. E. Razvitie sistemnogo podhoda v teorii vospitaniya: monografiya / pod red. L. V. Bajborodovoj. YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2011. 198 s. (In Russ.).

3. Boronenko T. A. Directions for training future teachers to use distance learning technologies in their professional activities (the praxeological aspect of the activity-based approach) / T. A. Boronenko, V. S. Fedotova // Obrazovanie i nauka. 2015;3 (122): 87–102. (In Russ.).

4. Bykov A. K. Formation of State and Patriotic Consciousness among Military University Cadets in the Course of Psychology and Pedagogy // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2024;5: 19–24. (In Russ.).

5. Derkach A. A. Akmeologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu i special'nostyam psihologii / A. A. Derkach, V. G. Zazykin. M. : Piter, 2003. 252 s. (In Russ.).

6. Kalimullina O. A. Approaches in Education: Specificity, Interpretations, Status, and System // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2025;6: 328–336. (In Russ.).

7. Muhina T. G. Pedagogical Technology for Developing Weapons Handling Skills in the Context of Military-Patriotic Education / V. V. Ivanov, T. G. Muhina // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2025;2 (24): 181–196. (In Russ.).

8. Novikova I. YU. A synergetic approach in the educational process // Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt. Vol. 11;4. 2019: 61–66. (In Russ.).

9. Pisareva S. A. Promoting the professional development of students during their university education / S. A. Pisareva, A. P. Tryapicyna // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2026;2 (205): 8–14. (In Russ.).

10. Pozdnyakova O. K. Model of Moral Education of Students in the Cultural and Educational Space of a University // S. A. Vdovin, O. K. Pozdnyakova // Samarskij nauchnyj vestnik. 2024. Vol. 13;1: 132–137. (In Russ.).

11. Pominova O. L. The Problem of Developing General Cultural Competence in Oral Communication among Cadets at Military Institutes // Obrazovanie i kachestvo zhizni. 2026;1 (43): 27–33. (In Russ.).

12. Rykov S. L. Structural and Content Characteristics of an Innovative Pedagogical System // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2020;4(48): 42–51. (In Russ.).

13. Sorokoumova S. N. The educational environment of a higher education institution as a condition for the development of professional and personal qualities of cadets – future commanders / P. A. Gordeeva, V. I. Orlov, S. N. Sorokoumova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2026;1 (81): 294–299. (In Russ.).

14. Tryapicyna A. P. Methodology for Researching the Transformation of Higher Pedagogical Education in Modern Conditions / S. A. Pisareva, A. P. Tryapicyna // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2025. Vol. 14;1 (53): 77–89. (In Russ.).

15. Turchin A. S. Cognitive foundations of information security / V. I. Malyuta, A. S. Turchin // Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura. 2026;1 (59): 48–53. (In Russ.).

16. Utyuganov A. A. Psychological and pedagogical management of cadets' adaptation to high academic loads // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3 (32): 171–183. (In Russ.).

17. SHabanov A.G. Psychological and Pedagogical Aspects of Forming Professionally Important Qualities in Cadets // Innovacii v obrazovanii. 2023;3: 92–97. (In Russ.).

18. SHabanov L. V. Psychological support for developing the skill of responsibility in higher education pedagogical environments / E. A. Koroleva, L. V. SHabanov, S. V. Marihin // Nauchnoe mnenie. 2026;3: 157–162. (In Russ.).

19. SHaruhin A. P. The Problem of Goal-Setting in the Education System of Cadets at Military Institutes of the National Guard // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 187–194. (In Russ.).

20. SHaruhin A. P. Personal qualities of a graduate of the National Guard Military Institute as the goal and result of the educational process // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2 (27): 165–172. (In Russ.).

21. SHaruhin A. P. Sluzhebno-boevaya pedagogika vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: uchebnik. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 280 s. (In Russ.).

22. SHaruhin A. P. The system of professional values of National Guard officers / A. P. SHaruhin, E. V. Darbinyan // Vestnik Sankt–Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016;2 (70): 179–184. (In Russ.).

23. SHaruhin A. P. The teacher's creative activity in preparing classes with cadets based on a management approach / A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2019;4 (170): 358–362. (In Russ.).

24. SHaruhina T. G. Educational activities of a teacher at a military educational institution of

higher education / T. G. SHaruhina, V. P. Sal'nikov // Vestnik Sankt–Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024;4 (29): 260–268. (In Russ.).

25. YAkunin V. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie. SPb., Izd-vo «Polius», 1998. 604 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Шарухина *– доктор педагогических наук, профессор*

Статья поступила в редакцию 17.06.2026;
одобрена после рецензирования 17.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

Т. Г. Шарухина – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

The article was submitted 17.06.2026;
approved after reviewing 17.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 377:34

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЙ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Наталья Александровна Ноздрина[1], Егор Сергеевич Кузнецов[2]
[1, 2] Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия
[1] nozdrina.natalye@mail.ru
[2]egorkuznecov470@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются воспитательные коллизии в системе среднего профессионального образования (далее – СПО) – ситуации противоречия и конфликта, возникающие в процессе воспитательной деятельности, – в их правовом измерении. Под воспитательной коллизией понимается противоречие между педагогическими целями и правовыми нормами, между правами различных участников образовательных отношений либо между различными правовыми нормами, регулирующими воспитательный процесс. Анализируется нормативно-правовая база, в рамках которой возникают и разрешаются такие коллизии, включая Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и новый Порядок применения к обучающимся мер дисциплинарного взыскания, утверждённый приказом Минпросвещения России от 27 марта 2025 г. № 243. Рассматриваются основные типы воспитательных коллизий: дисциплинарные, аттестационные, коллизии прав участников образовательных отношений, коллизии воспитательных целей и правовых средств. Предлагаются правовые и педагогические подходы к предупреждению и разрешению воспитательных коллизий.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, воспитательная коллизия, образовательные отношения, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание, права обучающихся, защита прав, комиссия по урегулированию споров, правовое регулирование, педагогический конфликт

Для цитирования: Ноздрина Н.А., Кузнецов Е.С. Правовой аспект воспитательных коллизий в системе среднего профессионального образования // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 276–286. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/029.pdf.

Original article

THE LEGAL ASPECT OF EDUCATIONAL CONFLICTS IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Natalia A. Nozdrina[1], Egor S. Kuznetsov[2]
[1, 2] Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia
[1] egorkuznecov470@gmail.com
[2] nozdrina.natalye@mail.ru

Abstract. The article examines educational conflicts in the system of secondary vocational education (SVE) – situations of contradiction and conflict arising in the course of educational activities – from a legal perspective. An educational conflict is understood as a contradiction between pedagogical objectives and legal norms, between the rights of different participants in educational relations, or between different legal provisions governing the educational process. The study analyzes the legal and regulatory framework within which such conflicts arise and are

resolved, including the Federal Law "On Education in the Russian Federation" and the new Procedure for Applying Disciplinary Sanctions to Students, approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 243 dated March 27, 2025. The article considers the main types of educational conflicts: disciplinary conflicts, assessment-related conflicts, conflicts concerning the rights of participants in educational relations, and conflicts between educational objectives and legal means. Legal and pedagogical approaches to the prevention and resolution of educational conflicts are proposed.

Keywords: secondary vocational education, educational conflict, educational relations, disciplinary liability, disciplinary sanction, students' rights, protection of rights, commission for dispute resolution, legal regulation, pedagogical conflict

For citation: Nozdrina N.A., Kuznetsov E.S. The legal aspect of educational conflicts in the system of secondary vocational education. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(35): 276–286. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/029.pdf.

© Ноздрина Н.А., Кузнецов Е.С., 2026

Введение

Воспитание в системе среднего профессионального образования представляет собой сложный процесс, в котором взаимодействуют различные участники – обучающиеся, педагогические работники, родители несовершеннолетних обучающихся, администрация образовательной организации. В ходе этого взаимодействия неизбежно возникают противоречия и конфликты: между педагогическими целями и правовыми ограничениями, между правами и интересами разных участников, между различными нормами, регулирующими воспитательный процесс. Такие противоречия можно обозначить как воспитательные коллизии.

Система СПО обладает в этом отношении определённой спецификой. Обучающиеся колледжей и техникумов находятся в особом возрастном периоде – на границе между подростковым возрастом и взрослостью; значительная их часть является несовершеннолетними, тогда как другие уже достигли совершеннолетия. Образовательный процесс в СПО тесно связан с практической подготовкой и выходом в профессиональную среду. Всё это делает воспитательную работу в СПО особенно насыщенной и одновременно повышает вероятность возникновения воспитательных коллизий, придавая им дополнительную сложность.

Термин «коллизия» традиционно используется в юриспруденции для обозначения противоречия между правовыми нормами. В настоящей статье он применяется в расширенном значении – для обозначения противоречий, возникающих в воспитательной сфере и имеющих правовое измерение. Воспитательная коллизия – это ситуация, в которой воспитательная деятельность сталкивается с правовым противоречием: педагогически целесообразное действие может оказаться юридически небезупречным, права одного участника образовательных отношений могут вступать в противоречие с правами другого, а различные нормы – давать основания для противоположных решений.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, усиление воспитательной функции образования, закреплённое изменениями 2020 года в законодательстве об образовании, повысило значимость правового сопровождения воспитательной деятельности. Во-вторых, в 2025 году вступил в силу новый Порядок применения к обучающимся мер дисциплинарного взыскания, что делает необходимым анализ правовых аспектов дисциплинарных коллизий. В-третьих, развитие правосознания обучающихся и их родителей приводит к тому, что воспитательные конфликты всё чаще переводятся в правовую плоскость – обжалуются, рассматриваются комиссиями по урегулированию споров. Всё это требует специального рассмотрения воспитательных коллизий в их правовом измерении.

Степень изученности проблемы недостаточна. В педагогической литературе традиционно рассматриваются педагогические конфликты, однако их правовая сторона освещается фрагментарно. В юридической литературе исследуются образовательные споры, но преимущественно в общем виде, без специального внимания к их воспитательной природе. Между тем именно на стыке педагогики [17] и права находятся наиболее сложные вопросы воспитательной деятельности, и их анализ имеет значительную практическую ценность.

Цель статьи – выявить и систематизировать воспитательные коллизии в системе

СПО, проанализировать их правовое измерение и предложить подходы к их предупреждению и разрешению. Для достижения цели решаются следующие задачи: определяется понятие воспитательной коллизии; анализируется нормативно-правовая база, в рамках которой возникают и разрешаются воспитательные коллизии; рассматриваются основные типы коллизий – дисциплинарные, аттестационные, коллизии прав участников, коллизии целей и средств; исследуются правовые механизмы разрешения коллизий; формулируются рекомендации по их предупреждению.

Методологическую основу работы составляют формально-юридический анализ нормативных правовых актов, регулирующих воспитательную деятельность и образовательные отношения; метод системного анализа, позволяющий рассмотреть воспитательные коллизии как взаимосвязанную совокупность; а также сравнительно-правовой подход. Теоретической базой исследования выступают труды в области образовательного права [8], теории воспитания [16] и педагогической конфликтологии [15].

Основные положения

1. Понятие и природа воспитательной коллизии

Для содержательного анализа необходимо прежде всего уточнить понятие воспитательной коллизии и определить её природу. Воспитательная коллизия отличается как от обычного педагогического конфликта, так и от чисто юридической коллизии норм.

Педагогический конфликт [14] – это противоречие в отношениях участников образовательного процесса, проявляющееся в столкновении интересов, взглядов, позиций. Педагогическая конфликтология рассматривает такие конфликты как нормальное и даже необходимое явление, способное при правильном разрешении служить развитию личности. Юридическая коллизия в строгом смысле – это противоречие между двумя или несколькими действующими правовыми нормами, регулирующими одно и то же отношение. Воспитательная коллизия занимает промежуточное положение: это педагогически значимая ситуация, которая одновременно имеет правовое измерение и не может быть разрешена без учёта правовых норм.

Природа воспитательной коллизии двойственна: она одновременно педагогична (в её основе ситуация формирования личности) и правовая (её разрешение затрагивает права и обязанности участников образовательных отношений). Поэтому такие коллизии нельзя разрешать ни чисто педагогически, ни чисто юридически.

Можно выделить несколько источников воспитательных коллизий. Первый источник – противоречие между воспитательной целесообразностью и правовой формой: педагогически оправданное воздействие может не иметь правового основания или, напротив, выходить за пределы правовых полномочий педагога. Второй источник – столкновение прав и интересов различных участников: право одного обучающегося может вступать в противоречие с правами других, право педагога на требовательность – с правом обучающегося на уважение его достоинства. Третий источник – неполнота или противоречивость правового регулирования: отдельные воспитательные ситуации недостаточно урегулированы нормами, что порождает неопределённость. Четвёртый источник – расхождение между формальными правовыми нормами и нравственными представлениями участников.

Понимание её природы позволяет уйти от двух крайностей: формально-юридического подхода и педагогического волюнтаризма. Корректное разрешение воспитательной коллизии требует одновременного учёта и педагогических целей, и правовых требований.

Воспитательные коллизии можно классифицировать по источнику (противоречие целей и средств, столкновение прав, неполнота регулирования), по кругу участников и по сфере возникновения. В настоящей статье за основу принята классификация по содержанию: последовательно рассматриваются дисциплинарные, аттестационные коллизии, коллизии прав участников и коллизии целей и средств.

2. Нормативно-правовая база, регулирующая воспитательные коллизии

Воспитательные коллизии возникают и разрешаются в рамках определённой нормативно-правовой базы. Рассмотрим основные её элементы.

2.1. Федеральный закон об образовании. Базовым актом является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Закон определяет воспитание как деятельность, направленную на развитие личности обучающегося (понятие воспитания закреплено в редакции Федерального закона № 304-ФЗ [3] 2020 года). Закон закреп-

ляет права и обязанности обучающихся (статьи 34, 43), права, обязанности и ответственность педагогических работников (статьи 47, 48), устанавливает требования к дисциплинарной ответственности обучающихся (статья 43) и предусматривает механизм защиты прав участников образовательных отношений, включая комиссию по урегулированию споров (статья 45). Эти нормы образуют правовой каркас, в рамках которого возникают и разрешаются воспитательные коллизии.

2.2. Порядок применения мер дисциплинарного взыскания. Дисциплинарные коллизии регулируются специальным подзаконным актом. Долгое время действовал Порядок, утверждённый приказом Минобрнауки России от 15 марта 2013 г. № 185. С 1 сентября 2025 года он заменён новым Порядком, утверждённым приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 243 [4], который распространяется в том числе на обучающихся по программам среднего профессионального образования. Порядок определяет виды мер дисциплинарного взыскания, основания и процедуру их применения, а также порядок снятия взысканий. Этот документ имеет прямое отношение к воспитательным коллизиям, поскольку дисциплинарное взыскание представляет собой правовую форму воспитательного воздействия.

2.3. Локальные нормативные акты. На уровне образовательной организации воспитательные отношения регулируются уставом, правилами внутреннего распорядка обучающихся, рабочей программой воспитания, положением о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, кодексами профессиональной этики педагогических работников. Именно локальные акты конкретизируют правила поведения, нарушение которых может повлечь дисциплинарную ответственность, и устанавливают процедуры разрешения споров. Качество локального регулирования во многом определяет, насколько часто возникают воспитательные коллизии и насколько успешно они разрешаются.

Помимо перечисленных актов, на воспитательные отношения влияют нормы иных отраслей права. Конституция Российской Федерации [1] закрепляет право на образование, достоинство личности, иные права, которые должны учитываться при разрешении воспитательных коллизий. Нормы о защите прав несовершеннолетних имеют значение, поскольку значительная часть обучающихся СПО являются несовершеннолетними. Таким образом, нормативно-правовая база воспитательных коллизий носит комплексный характер и включает нормы как образовательного, так и иных отраслей права.

3. Дисциплинарные коллизии

Дисциплинарные коллизии – наиболее распространённый и наиболее разработанный с правовой точки зрения тип воспитательных коллизий. Они возникают в связи с применением к обучающимся мер дисциплинарного взыскания за нарушение установленных правил.

Дисциплинарное взыскание имеет двойственную природу. С одной стороны, это мера юридической ответственности, применяемая за совершение дисциплинарного проступка. С другой стороны, это форма воспитательного воздействия, цель которой – не кара, а коррекция поведения обучающегося. Именно в этой двойственности и коренится дисциплинарная коллизия: педагогические и правовые требования к дисциплинарному взысканию могут не совпадать.

Действующее законодательство устанавливает закрытый перечень мер дисциплинарного взыскания, применимых к обучающимся: замечание, выговор и отчисление из образовательной организации. Никакие иные меры – например, удаление с занятия, снижение оценки за поведение, публичное порицание в качестве официальной санкции – не являются мерами дисциплинарного взыскания в правовом смысле. Здесь возникает первая дисциплинарная коллизия: педагог в воспитательных целях нередко прибегает к воздействиям, не предусмотренным законом как меры взыскания. Если такое воздействие остаётся в рамках педагогического общения, оно правомерно; но, если оно приобретает характер наказания, ограничивающего права обучающегося, оно выходит за пределы правового поля.

Законодательство и Порядок применения мер дисциплинарного взыскания устанавливают ряд требований, направленных на защиту прав обучающихся. Мера взыскания применяется в установленные сроки; перед её применением у обучающегося запрашивается письменное объяснение (отказ дать объяснение не препятствует применению взыскания, но должен быть зафиксирован); при выборе меры учитываются тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее пове-

дение обучающегося, его психофизическое и эмоциональное состояние. Меры взыскания не применяются к отдельным категориям обучающихся и не применяются в определённые периоды – во время болезни, каникул, академического отпуска. Соблюдение этих требований обязательно: их нарушение делает взыскание неправомерным.

Здесь возникает вторая дисциплинарная коллизия – между воспитательной оперативностью и правовой процедурой. Педагогически воздействие наиболее действенно тогда, когда оно следует непосредственно за проступком. Правовая же процедура требует времени: запроса объяснения, учёта обстоятельств, в ряде случаев – учёта мнения советов обучающихся. Соблюдение процедуры может ослабить непосредственный воспитательный эффект, однако её нарушение делает взыскание незаконным и, более того, даёт обучающемуся наглядный пример пренебрежения правовыми нормами. Разрешение этой коллизии состоит в признании приоритета правовой процедуры: воспитательное воздействие, осуществлённое с нарушением права, не достигает воспитательной цели, поскольку подрывает уважение к закону.

Третья дисциплинарная коллизия связана с соразмерностью взыскания. Наиболее острым является вопрос об отчислении как мере дисциплинарного взыскания. Отчисление – крайняя мера, влекущая серьёзные последствия для обучающегося, в том числе несовершеннолетнего. Закон устанавливает, что отчисление применяется, если иные меры не дали результата и дальнейшее пребывание обучающегося оказывает отрицательное влияние на других, а в отношении несовершеннолетних предусматривает дополнительные гарантии. Коллизия здесь состоит в противоречии между интересами образовательной организации и коллектива, с одной стороны, и интересами конкретного обучающегося – с другой. Воспитательно корректное разрешение требует рассматривать отчисление как действительно крайнюю меру и исчерпать возможности педагогического воздействия прежде, чем прибегать к ней.

Анализ дисциплинарных коллизий приводит к важному выводу: правовая процедура применения дисциплинарного взыскания не противостоит воспитательным целям, а служит им. Соблюдение сроков, запрос объяснения, учёт обстоятельств и личности обучающегося, соразмерность взыскания – всё это не только правовые требования, но и условия того, чтобы дисциплинарное взыскание стало воспитательным, а не просто карательным актом. Дисциплинарная коллизия разрешается тогда, когда правовая форма и воспитательная цель приводятся в соответствие.

Особого рассмотрения заслуживает дисциплинарная коллизия, связанная с нарушениями в период практики. Студент остаётся обучающимся, но подчиняется правилам внутреннего распорядка организации – базы практики. Дисциплинарное взыскание применяется образовательной организацией; организация – база практики не является работодателем и не вправе применять меры, предусмотренные трудовым законодательством. Коллизия разрешается через разграничение статусов: образовательная организация реагирует в рамках образовательного законодательства, а база практики может лишь информировать её и при необходимости ставить вопрос о прекращении практики.

4. Аттестационные коллизии

Второй значимый тип воспитательных коллизий связан с процедурами оценивания и аттестации обучающихся. Аттестация, как и дисциплинарное взыскание, обладает воспитательным потенциалом, но именно поэтому становится источником коллизий.

Первая аттестационная коллизия – это противоречие между объективностью оценки и её воспитательным использованием. Оценка по своему назначению должна объективно отражать уровень освоения программы. Вместе с тем в педагогической практике существует соблазн использовать оценку как инструмент поощрения или наказания за поведение, прилежание, отношение к предмету. Такое использование оценки порождает коллизию: оценка перестаёт быть объективным показателем и превращается в средство воспитательного давления. С правовой точки зрения это недопустимо, поскольку результаты аттестации должны отражать именно образовательные достижения. Воспитательно же это контрпродуктивно: обучающийся утрачивает доверие к справедливости оценки.

Вторая аттестационная коллизия связана с академической добросовестностью. Списывание, плагиат, иные формы академического мошенничества являются нарушением, однако правовая квалификация такого нарушения неоднозначна. Само по себе академическое мошенни-

чество не названо в законе в качестве дисциплинарного проступка; оно может быть признано таковым лишь постольку, поскольку нарушает локальные нормативные акты. Возникает коллизия между нравственной очевидностью недопустимости мошенничества и неполнотой его правовой регламентации. Разрешение этой коллизии состоит в чётком закреплении в локальных актах образовательной организации правил академической честности и последствий их нарушения.

Третья аттестационная коллизия – это право обучающегося на обжалование результатов аттестации. Обучающийся вправе не согласиться с оценкой и обжаловать её в установленном порядке. Здесь возникает противоречие между авторитетом педагога и правом обучающегося оспорить его решение. На первый взгляд, обжалование оценки подрывает авторитет преподавателя. В действительности же наличие законной процедуры обжалования имеет значительную воспитательную ценность: оно учит обучающегося отстаивать свою позицию правомерными средствами, а педагога – обосновывать свои решения и действовать в рамках прозрачных критериев. Коллизия разрешается через признание того, что право на обжалование не противоречит авторитету педагога, а основанный на произволе авторитет не имеет воспитательной ценности.

Аттестационные коллизии показывают, что воспитательный потенциал оценивания реализуется только при соблюдении правовых требований к объективности и прозрачности аттестации. Попытки усилить воспитательное воздействие оценки за счёт отступления от этих требований приводят к обратному результату – разрушению доверия и формированию у обучающихся представления о несправедливости системы.

Особую остроту аттестационные коллизии приобретают в связи с распространением цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта. Появление общедоступных систем, способных выполнять учебные задания, генерировать тексты и решения, поставило перед образовательными организациями новые вопросы. С одной стороны, использование таких инструментов без указания на это может рассматриваться как форма академической недобросовестности. С другой стороны, действующая правовая база не содержит специальных норм об этом, а локальные акты многих образовательных организаций пока не успели отреагировать на новую ситуацию. Возникает коллизия между нравственной оценкой недобросовестного использования таких инструментов и отсутствием чёткого правового регулирования. Разрешение этой коллизии требует оперативного обновления локальных актов – закрепления правил использования цифровых инструментов в учебном процессе, – а также воспитательной работы, формирующей у обучающихся понимание ценности самостоятельно достигнутого образовательного результата.

5. Коллизии прав участников образовательных отношений

Третий тип воспитательных коллизий связан со столкновением прав и интересов различных участников образовательных отношений – обучающихся, педагогических работников, родителей несовершеннолетних обучающихся, образовательной организации. Особенность этого типа коллизий состоит в том, что в них сталкиваются не правомерное и неправомерное поведение, а законные права и интересы разных субъектов, каждый из которых по-своему прав. Это делает данные коллизии наиболее сложными для разрешения и наиболее показательными для понимания природы воспитательной деятельности в правовом измерении.

Коллизия прав обучающегося и прав педагога. Обучающийся имеет право на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности. Педагогический работник имеет право на уважение профессиональной чести и достоинства, а также обязанность и право предъявлять к обучающимся обоснованные требования, поддерживать дисциплину. Эти права и полномочия могут вступать в противоречие: требовательность педагога может восприниматься как давление, а реализация обучающимся своих прав – как нарушение дисциплины. Разрешение коллизии состоит в проведении границы между правомерной требовательностью, которая является обязанностью педагога, и недопустимым унижением достоинства, которое правом не является ни при каких обстоятельствах.

Коллизия прав отдельного обучающегося и прав коллектива. Поведение одного обучающегося может нарушать права других – их право на получение образования в нормальных условиях, на безопасность. Здесь возникает классическая коллизия между индивидуальным и коллективным.

Право отдельного обучающегося оставаться в образовательной организации может вступать в противоречие с правом остальных на нормальную образовательную среду. Законодательство разрешает эту коллизию, допуская в крайнем случае отчисление обучающегося, систематически нарушающего права других, однако обставляя такое решение существенными гарантиями.

Коллизия прав обучающегося и прав (полномочий) родителей. Несовершеннолетний обучающийся обладает собственными правами, в то же время родители имеют права и обязанности по его воспитанию. Между позицией обучающегося, позицией родителей и позицией образовательной организации могут возникать противоречия – например, по вопросам выбора образовательной траектории, оценки поведения, применения дисциплинарных мер. Образовательная организация при разрешении таких коллизий обязана учитывать как права несовершеннолетнего, так и правомерные интересы родителей, а в ряде случаев – мнение самого обучающегося.

Особенность этих коллизий состоит в том, что в них нет однозначно правой и неправой стороны: сталкиваются законные права и интересы. Их разрешение требует не механического применения нормы, а взвешивания интересов и поиска решения, в наибольшей степени обеспечивающего права всех участников; для этого законодательство предусматривает специальный институт – комиссию по урегулированию споров.

6. Коллизии воспитательных целей и правовых средств

Четвёртый тип воспитательных коллизий – наиболее тонкий – связан с противоречием между воспитательными целями и правовыми средствами их достижения. Эти коллизии возникают тогда, когда педагогически желательный результат не может быть достигнут правовыми средствами либо когда правовые средства, формально допустимые, оказываются воспитательно неэффективными.

Один из примеров – коллизия между целью формирования внутренней дисциплины и средствами внешнего принуждения. Конечная цель воспитания – формирование внутренней, осознанной дисциплины, когда обучающийся соблюдает нормы не из страха наказания, а в силу собственных убеждений. Правовые же средства – правила, требования, дисциплинарные взыскания – по своей природе являются средствами внешнего регулирования. Возникает коллизия: чрезмерная опора на внешнее принуждение может препятствовать формированию внутренней дисциплины, формируя лишь внешнюю исполнительность или, напротив, скрытое сопротивление. Разрешение этой коллизии состоит в понимании того, что правовые средства создают лишь необходимые рамки, внутри которых должна вестись собственно воспитательная работа, обращённая к сознанию и убеждениям обучающегося.

Другой пример – коллизия между целью формирования ответственности и принципом гуманизма: полное ограждение от последствий поступков препятствует формированию ответственности, тогда как жёсткое их возложение может противоречить гуманизму. Разрешение состоит в нахождении меры: последствия должны осознаваться обучающимся, но не быть разрушительными для его развития.

Ещё один пример – коллизия между воспитательной автономией педагога и правовой регламентацией. Эффективное воспитание требует от педагога творчества, гибкости, способности принимать нестандартные решения в конкретных ситуациях. Правовая регламентация, напротив, стремится упорядочить, формализовать, поставить деятельность педагога в определённые рамки. Чрезмерная регламентация способна сковать воспитательную инициативу, тогда как её отсутствие открывает путь произволу. Разрешение этой коллизии состоит в том, что правовое регулирование должно устанавливать рамки и гарантии, не претендуя на регламентацию всего содержания воспитательной деятельности, оставляя педагогу необходимое пространство профессионального усмотрения.

Коллизии целей и средств не имеют простого, раз и навсегда данного решения. Они требуют от педагога и администрации образовательной организации постоянного соотнесения воспитательных целей с правовыми средствами, понимания, что право задаёт необходимые рамки воспитания, но не заменяет собой собственно воспитательную работу. Осознание этих коллизий – условие профессиональной зрелости педагога.

7. Правовые механизмы предупреждения и разрешения воспитательных коллизий

Действующее законодательство предусматривает ряд механизмов, позволяющих предупреждать и разрешать воспитатель-

ные коллизии. Рассмотрим основные из них:

7.1. Комиссия по урегулированию споров. Центральным механизмом разрешения воспитательных коллизий является комиссия по урегулированию споров [22] между участниками образовательных отношений, предусмотренная статьёй 45 Федерального закона № 273-ФЗ [2]. Комиссия создаётся в образовательной организации из равного числа представителей обучающихся, родителей несовершеннолетних обучающихся и работников организации. Она рассматривает споры, в том числе связанные с применением дисциплинарных взысканий, с реализацией права на образование, с конфликтами интересов педагогических работников. Решение комиссии является обязательным для участников и может быть обжаловано в установленном законодательством порядке. Комиссия по урегулированию споров имеет важное воспитательное значение: она демонстрирует обучающимся, что конфликты разрешаются правовым, цивилизованным путём.

7.2. Право на обжалование. Обучающиеся и их родители вправе обжаловать акты образовательной организации, в том числе решения о применении дисциплинарных взысканий, результаты аттестации. Обжалование возможно как во внутренние органы (комиссию по урегулированию споров), так и в вышестоящие инстанции, органы управления образованием, а в конечном счёте – в суд. Наличие права на обжалование является гарантией защиты прав участников и одновременно дисциплинирует образовательную организацию, побуждая её действовать правомерно.

7.3. Качественное локальное регулирование. Значительная часть воспитательных коллизий может быть предупреждена путём качественного локального нормативного регулирования. Чёткие, понятные, доведённые до сведения всех участников правила внутреннего распорядка, положение о комиссии по урегулированию споров, правила академической честности, кодекс профессиональной этики педагогических работников снижают вероятность возникновения коллизий и облегчают их разрешение. Неопределённость локального регулирования, напротив, является источником коллизий.

7.4. Правовое просвещение участников. Многие воспитательные коллизии обостряются вследствие правовой неосведомлённости участников. Обучающиеся не знают своих прав и обязанностей, педагоги не всегда чётко представляют пределы своих полномочий, родители не осведомлены о порядке защиты прав. Систематическое правовое просвещение всех участников образовательных отношений – обучающихся, педагогов, родителей – является действенным средством предупреждения воспитательных коллизий.

Перечисленные механизмы действуют наиболее эффективно в совокупности. Качественное локальное регулирование и правовое просвещение предупреждают возникновение коллизий, комиссия по урегулированию споров и право на обжалование обеспечивают их разрешение. Существенно, что все эти механизмы имеют не только правовое, но и воспитательное значение: они формируют у обучающихся опыт правомерного разрешения конфликтов, уважение к правовой процедуре, навыки защиты своих прав законными средствами.

8. Проблемы и пути совершенствования

Разрешение воспитательных коллизий в системе СПО сталкивается с рядом взаимосвязанных проблем. Сохраняется недооценка правового измерения воспитательной деятельности: воспитательные коллизии нередко не осознаются как правовые проблемы и разрешаются стихийно. Имеет место правовая неосведомлённость обучающихся, педагогов и родителей. Комиссии по урегулированию споров в ряде образовательных организаций создаются формально и не пользуются доверием. Локальное нормативное регулирование страдает неполнотой и противоречивостью. Наконец, педагогические работники нередко получают недостаточную подготовку в области образовательного права, в результате чего добросовестное стремление к воспитательному результату может сопровождаться нарушением правовых норм.

Для решения указанных проблем целесообразен комплекс мер: подготовка педагогических работников в области образовательного права; систематическое правовое просвещение обучающихся, педагогов и родителей; повышение качества локального нормативного регулирования; обеспечение реального функционирования комиссий по урегулированию споров; включение в программы воспитательной работы и в содержание правовых дисциплин рассмотрения типовых воспитательных коллизий, что одновременно служит и

их предупреждению, и правовому воспитанию обучающихся.

Заключение

Воспитательная деятельность в системе среднего профессионального образования неизбежно порождает коллизии – противоречия, имеющие одновременно педагогическую и правовую природу. В статье рассмотрены четыре основных их типа: дисциплинарные, аттестационные, коллизии прав участников образовательных отношений и коллизии воспитательных целей и правовых средств. Современная нормативно-правовая база – Федеральный закон № 273-ФЗ [2], новый Порядок применения мер дисциплинарного взыскания, утверждённый приказом Минпросвещения России № 243 [4], локальные нормативные акты – создаёт основу для предупреждения и разрешения этих коллизий через комиссию по урегулированию споров, право на обжалование, качественное локальное регулирование и правовое просвещение участников.

Главный вывод состоит в том, что правовая форма не противостоит воспитательным целям, а служит им: воспитательное воздействие, осуществлённое с нарушением права, не достигает цели, поскольку подрывает уважение к закону. Корректное разрешение воспитательных коллизий требует от педагога одновременного владения и педагогическими, и правовыми компетенциями, а для обучающихся правомерное разрешение коллизии само становится уроком права и справедливости, формирующим правосознание будущего специалиста.

Перспективы дальнейших исследований связаны с детальным анализом отдельных типов коллизий, изучением практики работы комиссий по урегулированию споров и разработкой методических рекомендаций по правомерному разрешению типовых воспитательных ситуаций.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации по вопросам воспитания обучающихся"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (Ч. 1). Ст. 5063.

4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 243 «Об утверждении Порядка применения к обучающимся по образовательным программам основного общего, среднего общего, среднего профессионального образования и иным программам мер дисциплинарного взыскания и снятия их с указанных обучающихся». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 марта 2013 г. № 185 «Об утверждении Порядка применения к обучающимся и снятия с обучающихся мер дисциплинарного взыскания» (утратил силу). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3357.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. URL: https://fgos.ru (дата обращения: 01.04.2026).

8. Образовательное право: учебник для вузов / под ред. А. И. Рожкова. М. : Юрайт, 2021. 324 с.

9. Шкатулла В. И. Образовательное право России: учебник. М. : Юстицинформ, 2015. 774 с.

10. Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. М. : ИЦ ИЭТ, 2000. 198 с.

11. Рукавишникова И. В. Образовательное право: вопросы теории и практики. Ростов н/Д: Феникс, 2018. 256 с.

12. Анцупов А. Я. Конфликтология: учебник. СПб. : Питер, 2019. 528 с.

13. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2018. 576 с.

14. Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. М. : Просвещение, 1991. 128 с.

15. Журавлёв В. И. Основы педагогической конфликтологии: учебник. М. : Российское педагогическое агентство, 1995. 184 с.
16. Подласый И. П. Педагогика: учебник. М. : Юрайт, 2020. 576 с.
17. Сластёнин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учебное пособие. М. : Академия, 2013. 576 с.
18. Коджаспирова Г. М. Педагогика: учебник. М. : КноРус, 2019. 744 с.
19. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник. М. : Логос, 2004. 384 с.
20. Кодекс профессиональной этики педагогических работников: модельные подходы и практика применения // Народное образование. 2021. № 3. С. 47–55.
21. Защита прав участников образовательных отношений: практическое пособие / под ред. С. В. Барабановой. М. : Проспект, 2020. 208 с.
22. Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений: организация и деятельность // Юрист вуза. 2019. № 6. С. 12–19.
23. Матюшева Т. Н. Право на образование в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2016. 264 с.
24. Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация : учебное пособие. М. : Академия, 2006. 192 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). Available from: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).
2. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012;53 (ch. 1). St. 7598. (In Russ.).
3. Federal Law of 31.07.2020 No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation on the Education of Students"" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020;31 (CH. 1). St. 5063. (In Russ.).
4. Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2025 g. № 243 «Ob utverzhdenii Poryadka primeneniya k obuchayushchimsya po obrazovatel'nym programmam osnovnogo obshchego, srednego obshchego, srednego professional'nogo obrazovaniya i inym programmam mer disciplinarnogo vzyskaniya i snyatiya ih s ukazannyh obuchayushchihsya». Available from: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).
5. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 15 marta 2013 g. № 185 «Ob utverzhdenii Poryadka primeneniya k obuchayushchimsya i snyatiya s obuchayushchihsya mer disciplinarnogo vzyskaniya» (utratil silu). Available from: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).
6. Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r "On approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period up to 2025" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015;23. St. 3357. (In Russ.).
7. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego professional'nogo obrazovaniya. Available from: https://fgos.ru (data obrashcheniya: 01.04.2026). (In Russ.).
8. Obrazovatel'noe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. A. I. Rozhkova. M. : YUrajt, 2021. 324 s. (In Russ.).
9. SHkatulla V. I. Obrazovatel'noe pravo Rossii: uchebnik. M. : YUsticinform, 2015. 774 s. (In Russ.).
10. Syryh V. M. Obrazovatel'noe pravo kak otrasl' rossijskogo prava. M. : IC IET, 2000. 198 s. (In Russ.).
11. Rukavishnikova I. V. Obrazovatel'noe pravo: voprosy teorii i praktiki. Rostov n/D: Feniks, 2018. 256 s. (In Russ.).
12. Ancupov A. YA. Konfliktologiya: uchebnik. SPb. : Piter, 2019. 528 s. (In Russ.).
13. Grishina N. V. Psihologiya konflikta. SPb. : Piter, 2018. 576 s. (In Russ.).
14. Rybakova M. M. Konflikt i vzaimodejstvie v pedagogicheskom processe. M. : Prosveshchenie, 1991. 128 s. (In Russ.).
15. ZHuravlyov V. I. Osnovy pedagogicheskoj konfliktologii: uchebnik. M. : Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1995. 184 s. (In Russ.).
16. Podlasyj I. P. Pedagogika: uchebnik. M. : YUrajt, 2020. 576 s. (In Russ.).
17. Slastyonin V. A. Pedagogika: uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2013. 576 s. (In Russ.).
18. Kodzhaspirova G. M. Pedagogika: uchebnik. M. : KnoRus, 2019. 744 s. (In Russ.).
19. Zimnyaya I. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnik. M. : Logos, 2004. 384 s. (In Russ.).
20. Code of Professional Ethics of Teachers: Model Approaches and Application Practice // Narodnoe obrazovanie. 2021;3: 47–55. (In Russ.).

21. Zashchita prav uchastnikov obrazovatel'nyh otnoshenij: prakticheskoe posobie / pod red. S. V. Barabanovoj. M. : Prospekt, 2020. 208 s. (In Russ.).
22. Commission for the settlement of disputes between participants in educational relations: organization and activities // YUrist vuza. 2019;6: 12–19. (In Russ.).
23. Matyusheva T. N. Pravo na obrazovanie v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie. M. : YUrlitinform, 2016. 264 s. (In Russ.).
24. Zagvyazinskij V. I. Teoriya obucheniya : sovremennaya interpretaciya : uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2006. 192 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Ноздрина *– доктор педагогических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026;
одобрена после рецензирования 11.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

N. A. Nozdrina *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.06.2026;
approved after reviewing 11.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 355.5

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ОПЕРАТИВНОГО НАЗНАЧЕНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

Евгений Васильевич Прохоренко[1], Андрей Владимирович Молдованов[2], Александр Вадимович Фетисов[3], Анвер Сайядович Латуга[4]
[1–4] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] prokhorenkoev@inbox.ru
[2] andrei.moldovanov@mail.ru
[3] Eletskayasveta@yandex.ru
[4] latuga700@bk.ru

Аннотация. В статье коллективом авторов представлена разработанная ими усовершенствованная модель подготовки подразделений оперативного назначения войск национальной гвардии оперативного назначения с учетом наиболее характерных служебно-боевых (боевых) задач в соответствии с их предназначением. По мнению авторов, материал статьи актуален для командиров (начальников, должностных лиц органов военного управления), занимающихся вопросами организации подготовки воинских формирований (частей и подразделений) к выполнению служебно-боевых (боевых) задач в соответствии с предназначением, в том числе и в районе проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: процесс подготовки подразделений, модуль, принципы, методы, свойства, модель подготовки, эффективность системы подготовки, характерные служебно-боевые (боевые) задачи

Для цитирования: Прохоренко Е.В., Молдованов А.В., Фетисов А.В., Латуга А.С. Усовершенствованная модель подготовки подразделений войск национальной гвардии оперативного назначения к выполнению служебно-боевых задач // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 287–296. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/030.pdf.

Original article

IMPROVED MODEL OF TRAINING OPERATIONAL UNITS OF THE NATIONAL GUARD FOR PERFORMING SERVICE AND MILITARY TASKS

Evgeniy V. Prokhorenko[1], Andrei V. Moldovanov[2], Aleksandr V. Fetisov[3], Anver S. Latuga[4]
[1–4] Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] prokhorenkoev@inbox.ru
[2] andrei.moldovanov@mail.ru
[3] Eletskayasveta@yandex.ru
[4] latuga700@bk.ru

Abstract. In the article, a team of authors presents an improved model of training for operational units of the National Guard, taking into account the most typical service and combat (military) tasks in accordance with their purpose. According to the authors, the material in the article is relevant for commanders (chiefs, officials of military administration bodies) who are responsible for organizing the training of military formations (units and formations) to perform service and combat (military) tasks in accordance with their purpose, including in the area of a special military operation.

Keywords: unit training process, module, principles, methods, properties, training model, training system effectiveness, typical service and combat (military) tasks

For citation: Prokhorenko E.V., Moldovanov A.V., Fetisov A.V., Latuga A.S. Improved model of training operational units of the national guard for performing service and military tasks. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 287–296. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/030.pdf.

© Прохоренко Е.В., Молдованов А.В., Фетисов А.В., Латуга А.С., 2026

Введение

В настоящее время стремительно развиваются и воздействуют условия совершенствования методов ведения боевых действий в сочетании с координацией маневренных действий и широким применением артиллерийских подразделений в интеграции с современными беспилотными системами на подготовку подразделений войск национальной гвардии оперативного назначения к выполнению служебно-боевых (боевых) задач, в связи с этим меняются, совершенствуются требования на уровень обученности личного состава в соответствии с современным условиями, ведь одним из инструментов обеспечения национальной безопасности государства являются войска национальной гвардии Российской Федерации.

Основная часть

Разработка усовершенствованной модели подготовки подразделений оперативного назначения войск национальной гвардии к выполнению задач в различных условиях боевой обстановки и повседневной деятельности, а также на основании их служебно-боевого предназначения, проведена в соответствии и с учетом их организационных и штатных структур [1]. Под стабильным функционированием системы подготовки рассматриваемых подразделений оперативного назначения понимается алгоритмическая последовательность выполнения специфических действий командирами (начальниками), органами управления частями и подразделениями, в интересах качественного достижения требуемого уровня реализации служебно-боевых (боевых) возможностей подчиненных формирований по показателю уровня обученности личного состава [20].

Исходя из основной научной задачи, которая преследуется в статье, целью процесса подготовки рассматриваемых подразделений является достижение требуемого уровня обученности личного состава в соответствии с современным условиями.

Разработка усовершенствованной модели подготовки подразделений оперативного назначения проходила в несколько этапов [4, 5].

На первом этапе были определены основные задачи, необходимые для моделирования процесса подготовки рассматриваемых формирований подразделений оперативного назначения и сформулированы требования, которым должна соответствовать проектируемая модель:

основной задачей первого этапа является разработка рациональной системы подготовки рассматриваемых подразделений для достижения поставленных целей обучения на требуемом уровне специалистов за директивное время;

к главным требованиям, которым должна соответствовать модель подготовки, принадлежат следующие свойства: сбалансированное представление основных атрибутов первоисточника, их целесообразность, элементарность использования составленной модели в практической деятельности.

На втором этапе была создан состав и определена последовательность структурирования основополагающего проекта подготовки изучаемых формирований оперативного назначения в соответствии с рисунком.

На третьем этапе процесса было установление начальных параметров на моделирование деятельности подготовки, а именно:

– обусловлены в руководящих документах и других источниках по руководству подготовкой квалификационные требования к формированиям оперативного назначения;

– ключевые положения, представленные в системном подходе, в концепции и принципах системного моделирования, в теории организации мероприятий общего управления и управления системами военного назначения, а также в методах и организационных вопросах принятия оптимальных управленческих решений в ходе выполнения служебно-боевых (боевых) задач, поучительности обучения и воспитания в современной действительности;

– применяемые в ходе реализации построения модели условия ограничения и допустимые допуски.

За регламентирующее требование, взявшееся при определении характеристик свойств величин и их показателей, установлено, что они сформулированы как стабильные, регулярные показатели необхо-

димых, равнозначных требований для упорядочения, организации подготовки обсуждаемых, созданных величин. При таком критерии влияние содержания основы управляющего принципа обусловлены: величиной количественно-качественных показателей укомплектованности анализируемых формирований, а также наличие и состав необходимой учебной материально-технической базы и других средств обучения для подготовки и проведения мероприятий по подготовке.

В качестве условия в ходе исследования принято положение, что подготовка рассматриваемых формирований оперативного назначения осуществляется в условиях отсутствия угрозы непосредственного воздействия противника (деструктивных сил противника) на обучаемые подразделения и личный состав [11–13].

На заключительном этапе моделирования – составление основополагающего проекта подготовки рассматриваемых формирований оперативного назначения, при производстве которой по порядку устанавливались нижеприведенные последовательные действия моделирования:

1. Были определены основы модели подготовки исследуемых формирований оперативного назначения, которые являются между собой сочетанием конкретных, последовательных действий командиров (начальников), органов управления, а также обучающихся (обучаемых), которые осуществляются в целях реализации требуемого качества обученности, то есть такого, который превосходит предложенный.

2. Стремление обучения состоит в организации и проведении множество видов занятий с этими подразделениями, которое позволяет достигнуть необходимого уровня обученности квалифицированных работников (специалистов) для продуктивного выполнения задач в соотношении своего функционала:

$$УП=f(УТ,УР,КП) \rightarrow У^{ТРЕБ}_{П}, \quad (1)$$

где: *УП* – обобщенный показатель, характеризующий эффективность подготовки подразделений оперативного назначения, стремится к значению не ниже $У^{ТРЕБ}_{П}$;

УТ – показатель оперативности организации подготовки, характеризующей степень достижения требуемых уровней обученности за директивное время;

УР – показатель результативности подготовки, который характеризует изменение уровня обученности после проведения одного занятия;

КП – коэффициент, характеризующий начальный уровень обученности личного состава подразделений оперативного назначения.

3. Основной задачей подготовки личного состава является поддержание высокой готовности подразделения к выполнению задач в соответствии с предназначением, то есть способности выполнять служебно-боевые (боевые) задачи в соответствии с предназначением.

4. Для успешного достижения цели подготовки подразделений оперативного назначения определены следующие условия:

организация и тематика подготовки рассматриваемых формирований надлежит быть предельно системной и целостной (содержащиеся в ней элементы (блоки, модули, предметы) согласовываются по задачам и времени);

процесс и последовательность отработки практических действий по всем предметам обучения, планируется и осуществляется непосредственно в рамках обучения личного состава и формирований, на основе наличия времени, а также сложности и объема изучаемого учебного материала:

$$(F,M,H) \subset \mu_{v}, \quad (2)$$

где: *F* – формы обучения, принятые в системе подготовки;

M – методы обучения, принятые в системе подготовки;

H – виды занятий, принятые в системе подготовки;

μ_v – коэффициент, определяющий степень обоснованности последовательности организации подготовки (сущность коэффициента определяется исходя из учета времени и предложенных целей занятий).

Функционирование подготовки подразделений протекает в виде построения разносторонней организационной и технологической модели военного назначения, основанной на принципах обучения от простого к сложному. Данный фактор создает необходимость в его формировании с учетом установленных правил, то есть конкретными основными руководящими правилами.

5. К основным принципам подготовки подразделений оперативного назначения следует отнести следующее:

обучить личный состав тому, что необходимо при выполнении служебно-боевых (боевых) задач с учетом приобретенного опыта боевых действий и других способов действий войск в соответствии с предназначением;

поддерживать подразделения в степени постоянной боевой готовности и способности к выполнению внезапно возникающих задач;

организовывать и проводить подготовку формирований на научной и методологической основе, в соответствии с последовательностью важностью выполнения стоящих перед ними служебно-боевых (боевых) задач;

оперативность и грамотное методическое воздействия командиров (начальников), органов военного управления в процессе реализации плана подготовки подразделений оперативного назначения;

многогранность в процессе учета внешних и внутренних факторов, причин и условий, влияющих на функционирование подготовки подразделений оперативного назначения;

соответствие результатов подготовки подразделений оперативного назначения требуемым уровням обученности личного состава;

комплексное применение определенных директивными документами форм и методов проведения занятий;

применение современных инновационных технологий подготовки специалистов.

Для обеспечения достижения необходимой требуемой эффективности подготовки подразделений оперативного назначения применение вышеперечисленных принципов является обязательным и более чем достаточным критерием.

6. Для выявления подсистем и элементов системы подготовки подразделений оперативного назначения, реализующих процесс обучения личного состава, согласно условиям протекания процесса обучения, теоретическим постулатам и принципам обучения, система подготовки рассмотрена как педагогическая система, включающая устоявшуюся структуру, разбивается на традиционные подсистемы: содержание (объем) подготовки; организация (процесс) обучения личного состава; обучаемые (объект обучения) и обучающие (субъект обучения). В целях реализации установленной задачи было проведено разделение перечисленных выше подсистем.

Подсистема содержания подготовки подразделений оперативного назначения должна соответствовать служебно-боевым (боевым) задачам, определяемых их предназначением. Для этого необходимо последовательно провести следующие основные процедуры:

Экспертным путем, на основе метода нечетких суждений, определить степень соответствия содержания плана подготовки задачам, решаемым подразделениями оперативного назначения по предназначению.

Определить структуру содержания подготовки рассматриваемых формирований оперативного назначения по учебным модулям, совпадающим с каждой из отрабатываемых задач [2]:

$$Z_{\text{ПОД}} = \sum_{k=1}^{N_z} z_k \, \alpha_k,$$

(3)

где: ZПОД – содержание подготовки рассматриваемых формирований оперативного назначения;

z_k – учебный модуль, соответствующий определенной учебной задаче;

a_k –коэффициент, определяющий последовательность прохождения учебных модулей.

Сформировать тематику учебных занятий внутри учебных блоков, как единиц учебной информации по всем предметам обучения:

$$z_k = \sum_{v=1}^{S_e} e_v \mu_v,$$

(4)

где e_v– единица учебной информации, соответствующая содержанию темы подготовки по предмету обучения, необходимого для выполнения конкретной служебно-боевой (боевой) задачи;

μ_v– коэффициент, определяющий рациональную форму организации подготовки и обучения личного состава (метод, вид занятий, последовательность и время проведения занятия).

Детерминировать (определить) весовые коэффициенты a_k, μ_v путем метода экспертных оценок командиров (начальников), должностных лиц органов военного управления.

Составная часть организации подготовки и обучения личного состава проявляет прямолинейное, базовое влияние на сроки реализации необходимых уровней обученности [3], что определяет готовность подразделений оперативного назначения к результативному выполнению служебно-боевых (боевых) задач в соответствии с их предназначением. Определено, что при организации подготовки подразделения для

выполнения условия готовности к выполнению служебно-боевых (боевых) задач, целесообразно остановиться на следующем:

– целенаправленная последовательная подготовка обучаемых к предстоящим действиям в составе учебного подразделения;

– конкретное выполнение действий в составе штатного подразделения, соответствующего служебно-боевой (боевой) задаче;

Основываясь на содержание предметов обучения, составляющих программу подготовки подразделений оперативного назначения для формирования знаний, умений и навыков личного состава, необходимых для выполнения служебно-боевых (боевых) задач, используются следующие формы обучения: индивидуальная, коллективная и комплексная подготовка [6, 10].

При этом методы обучения личного состава подразделений могут быть следующими: его практическая работа на технике; тренировки в условиях, приближенных к характерным для выполнения каждой служебно-боевой (боевой) задачи.

При этом возможно применение нижеуказанных действий, в ходе реализации видов проведения учебных занятий подготовки:

– на первом этапе обучения первоначально организуется и проводится тактико-строевое занятие по предметам подготовки, а в завершении этапа, как итог – проведение комплексного занятия;

– на втором этапе обучения продолжается организация и проведение тактико-специальных и комплексных занятий, и в свою очередь этап завершает тактико-специальное учение на фоне единой тактической обстановки.

Упорядоченное овладевание подразделением сформированных учебных модулей (предметов) определяется на основе весовых коэффициентов, характеризующих каждый из этих модулей (предметов). При этом проведение учебных занятий по предметам подготовки целесообразно организовывать не по этапам, а по учебным задачам (целям подготовки):

$$z_1\alpha_1 \ldots \succ z_{k-1}\alpha_{k-1}z_k\alpha_k.$$

(5)

В ходе грамотного и целесообразного планирования времени, необходимого для достижения учебных целей и задач, стоящих перед подразделениями оперативного назначения, необходимо исходить из того, что время, затрачиваемое на функционирование процесса подготовки подразделения, не предсказуемо, и может быть определено по выражению:

$$T_{\text{ПОД}} = \sum_{i=1}^{N_z} \text{tz}_k\, m_k$$

(6)

где: $T_{ПОД}$ – время подготовки подразделения оперативного назначения;

t_k – время (продолжительность) одной тренировки подразделения оперативного назначения;

m_k – количество тренировок подразделений оперативного назначения, при условии, что

$$m = \gamma_0 \ln \frac{Y_Q^{\text{ПР}} - Y_Q^{\text{Н}}}{Y_Q^{\text{ПР}} - Y_Q^{\text{ТРЕБ}}}$$

(7)

Предельный уровень обученности личного состава подразделений оперативного назначения, достигаемый в ходе подготовки теоретически равен 1.

Необходимый уровень подготовки подразделения для успешного выполнения служебно-боевых (боевых) задач должен составлять не менее 0,8 отн. ед.

В выражении (7) γ0 – показатель, характеризующий способность личного состава к обучению, может быть определен по следующей формуле:

$$\gamma_0 = \frac{\gamma_1}{\ln \frac{Y_Q^{\text{ПР}} - Y_Q^{\text{Н}}}{Y_Q^{\text{ПР}} - Y_Q^{Y_1}}},$$

(8)

где: γ1 – любое текущее значение $m1$ ($m1 \neq 0$);

$Y_Q^{Y_1}$ – уровень обученности личного состава подразделений оперативного назначения, соответствующий текущему значению $m1$ ($m1 \neq 0$).

Подсистема обучающих. С учетом, что опыт проведения специальной военной операции показал ограниченный уровень подготовки руководителей занятий в звене «отделение – взвод», представляется необходимая потребность привлекать дополнительно к проведению занятий штатных инструкторов учебных центров. В данных обстоятельствах обучающимися (обучаемыми) являются, не только личный состав подразделений оперативного назначения в звене «отделение – взвод» но и их командиры. При организации подготовки подразделений необходимо учитывать уровни первоначальной обученности личного состава [14, 15].

К условиям, определяющих эффективность организации подготовки подразделений, которые необходимо учитывать при моделировании, являются своевременность, ресурсопотребление и результативность подготовки [3].

Показатель своевременности характеризует способность системы подготовки достигать требуемых уровней обученности личного состава за директивное время [3]. Таким образом, показатель своевременности ограничивает продолжительность подготовки и накладывает ограничения на продолжительность всех учебных мероприятий. В практике органов управления для определения директивного времени на подготовку подразделений используют зависимость (6). Показатель своевременности может быть выражен соотношением:

$$Y_T = 1 - \frac{\Delta T}{T_{ПОД}^{ДИР}}, \quad (9)$$

где: Y_T – показатель своевременности;

$T_{ПОД}^{ДИР}$ – директивное время подготовки, определенное в соответствии с требованиями руководящих документов или выделяемое старшим начальником;

$\Delta T = T_{ПОД}^{ДИР} - T_{ПОД}$ – коэффициент, характеризующий соотношение между директивным и потребным временем подготовки, определяемый по формуле:

$$\Delta T = T_{ПОД}^{ДИР} - T_{ПОД} \quad (10)$$

Подготовка подразделений оперативного назначения считается организованной рационально при условии, что *ТПОД* меньше или равно $T_{ПОД}^{ДИР}$. То есть, критериальное значение показателя своевременности подготовки подразделений оперативного назначения может быть представлено выражением: $Y_T \le Y_T^{ДИР}$ [7–9].

В свою очередь, результативность подготовки подразделений оперативного назначения определяется, как соотношение между запланированными уровнями обученности личного состава и уровнями, реально полученными в ходе проведения учебных мероприятий. В данном случае результативность подготовки, характеризует полученный эффект, приводящий к требуемому результату в процессе проведения учебных мероприятий. Она напрямую связана с ресурсопотреблением каждого из них и позволяет оптимизировать распределение временного ресурса.

В этих ситуационных условиях показатель ресурсопотребления может быть определен по следующей математической формуле:

$$K_{ПС} = \frac{Y_Q}{Y_Q^{треб}}, \quad (11)$$

где: $K_{ПС}$ – показатель результативности подготовки личного состава:

Y_Q– обобщенный уровень обученности личного состава, который определяется по математической зависимости следующего вида:

$$YQ = \frac{\sum_{j=1}^{q_z} Y_j}{q_z} \quad (12)$$

где: q_z – количество учебных модулей, составляющих всю программу подготовки;

Y_j – частный уровень подготовки ПС за учебный модуль, в свою очередь характеризующийся зависимостью следующего вида:

$$Yj = \frac{\sum_{i=1}^{S_e} Y_i \mu_v}{S_e} \quad (13)$$

где S_e – количество учебных единиц (предметов обучения);

Y_i– единичный уровень подготовки ПС за учебную единицу (предмет обучения), определяемый по следующей математической зависимости (формуле):

$$Y_i = \frac{N_{ВЫП}}{N_{ТР}}, \quad (14)$$

где: *N*– количество нормативов, операций, действий.

Физический смысл показателя результативности состоит в том, что уровень результатов подготовки подразделения Y_Q (уровень обученности личного состава) должен быть не ниже требуемого значению $Y_Q^{ТРЕБ}$.

Тогда его критериальное значение может быть представлено следующем выражением:

$$Y_Q = Y_Q^{треб} \quad (15)$$

Следует заметить, что общая эффективность подготовки определяется способностью подразделения оперативного назначения выполнять учебные служебно-боевые (боевые) задачи с эффективностью не ниже заданной. В процессе моделирования установлено, что эффективность зависит от показателей существенных свойств процесса подготовки:

$$YПс = f(Y_T, K_{ПС}), \quad (16)$$

где :УПС – эффективность подготовки подразделения.

Оценка эффективности подготовки производится в соответствии с правилом [4]:

$$Y_{ПС} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} K_{ПС}, \quad (17)$$

где *n* – количество проверок.

На пятом этапе разработан алгоритм процесса подготовки подразделения опе-

ративного назначения, отображенный на рисунке.

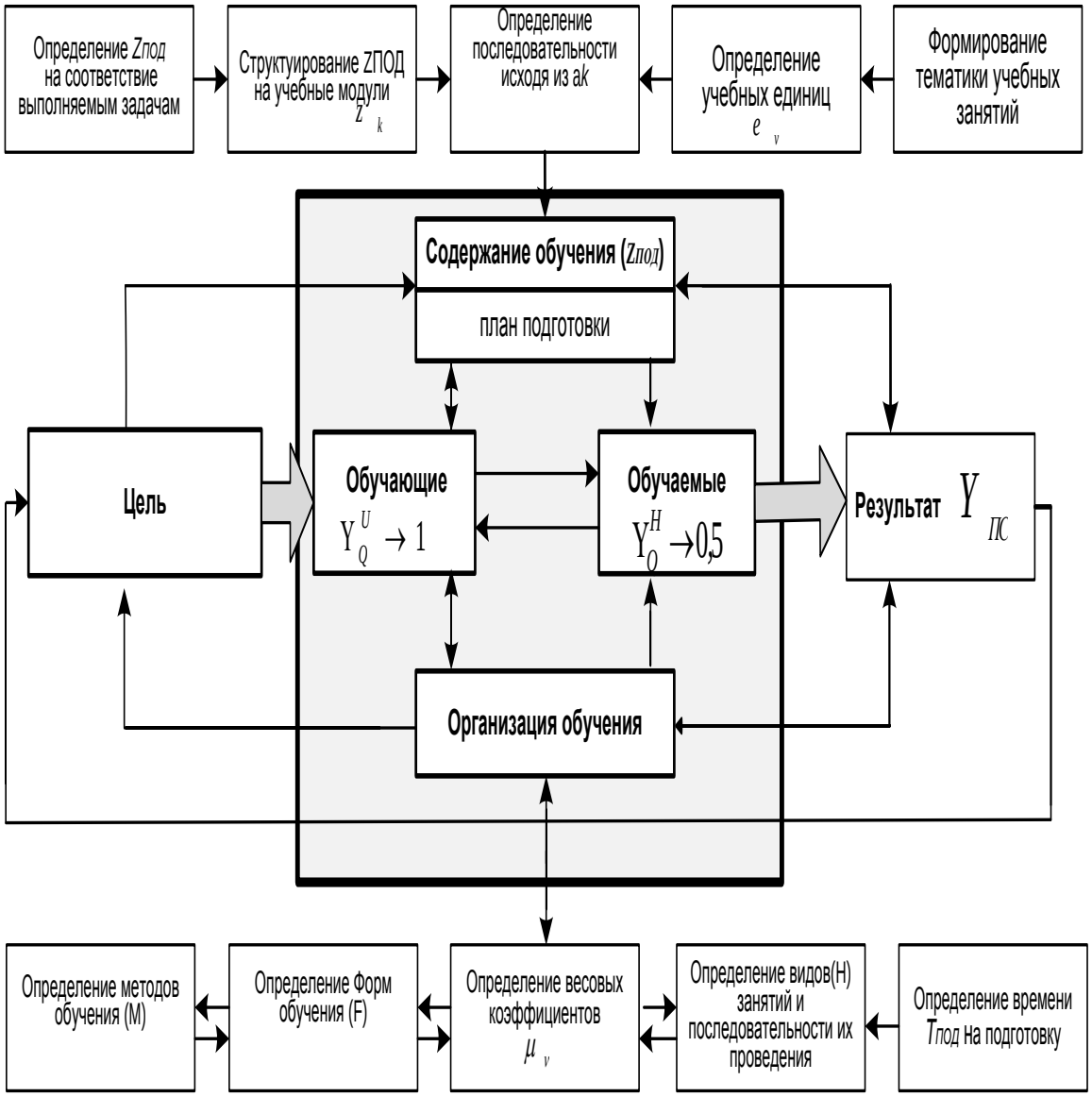


Рисунок – Алгоритм процесса подготовки подразделения

Figure – The algorithm of the units combat training process

На шестом этапе анализируются результаты, полученные при реализации процесса моделирования. В качестве результатов выступают следующие достигнутые цели:

Первая цель. Установлена сущность и основная задача подготовки рассматриваемых формирований оперативного назначения.

При достижении второй цели были определены условия эффективного правления подготовкой подразделениями оперативного назначения:

определено достаточное количество учебно-методических материалов и другой учебной информации, который следует разделить между предметами (учебными модулями) подготовки, соответствующим учебным (боевым) задачам и целям, на основе которых была упорядочена целенаправленная подготовка подразделения;

подготовлен аргументированный план подготовки описываемых формирований оперативного назначения, в сочетании с потребностью установленного времени и совокупности учебного материала по рассматриваемым предметам обучения [16–18].

Выводы

Таким образом, в представленной статье, на основе математического моделирования процесса обучения личного состава, сформулированы общие принципы оптимизации процессов подготовки под-

разделений оперативного назначения и сформированы правила оценки ее продуктивности. Реализация метода математического моделирования представляет собой возможность органам военного управления принимать во внимание все ключевые условия, воздействующих на организацию подготовки подразделений оперативного назначения и, таким образом, разрабатывать наиболее оптимальный план подготовки. Подготовку подразделений необходимо рассматривать как комплексность полученных знаний, приобретенного опыта и навыков как в ходе подготовки, так и при выполнении служебно-боевых (боевых) задач [19].

Использование усовершенствованной модели подготовки для ее планирования в различных условиях обеспечит достижение необходимого уровня обученности личного состава подразделения, позволяющего успешно выполнять служебно-боевые (боевые) задачи в соответствии с предназначением.

Список источников

1. Ермишан А. Г. Теоретические основы построения систем военной связи в объединениях и соединениях: учебник. Ч. 1. Методологические основы построения организационно-технических систем военной связи. СПб. : ВАС, 2005. 740 с.

2. Басовский Л. Е. Управление качеством: учебник / Л. Е. Басовский, В .Б. Протасьев. М. : ИНФРА-М, 2004. 212 с.

3. Соловьев С.А. Педагогика: учебное пособие. / Н. Б. Ачкасов, В. В. Майоров, Н. А. Репях. СПб. : ВКА им. А. Ф. Можайского, 2007. 321 с.

4. Чошанов М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения. М. : Народное образование, 1996. 157 с.

5. Голубев М. А. Реализация компетентностного подхода в эксплуатационной подготовке курсантов Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы создания и эксплуатации вооружения, военной и специальной техники» / М. А. Голубев, Н. В. Бойков, Е. Н. Шаповалов. СПб. : ВКА, 2012. С. 72–83.

6. Гидрович С. Р. Компетентностный подход к формированию основных образовательных программ третьего поколения / С. Р. Гидрович, И. И.Егорова, А. Ю. Курочкина. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 107 с.

7. Багрецов. С. А. Психолого-педагогический эксперимент: организация и методы обработки результатов: монография. СПб. : ВКА имени А.Ф. Можайского, 2008. 347 с.

8. Шимановский М. В. Теоретические аспекты создания системы резервных формирований // Военная мысль. 2015. № 1. С. 23–31.

9. Слюсарев А. В. Управление частями регионального командования внутренних войск МВД России при подготовке к выполнению задач территориальной обороны: монография / А. Н. Сивак, Н. В. Носов А. В. Фетисов. СПб. : СПВИ ВВ МВД России, 2011. С. 68.

10. Программа боевого слаживания подразделений и воинских частей внутренних войск МВД России военного времени. М. : Редакция журнала «На боевом посту», 2014. 85 с.

11. Современные образовательные технологии: учебное пособие / под ред. Н. В. Бордовской. 3-е изд. стер. М. : КНОРУС, 2013. 432 с.

12. Боговик А. В. Теория управления в системах военного назначения: учебник. СПб. : ВАС, 2008. 460с.

13. Барашков П. Н. Интенсификация учебно-воспитательного процесса в вузе. Л. : ВАС, 1990. 212 с.

14. Подготовка вновь формируемых подразделений внутренних войск МВД России к участию в территориальной обороне Российской Федерации»: монография. СПб. : СПВИ ВВ МВД России, 2015. 160 с.

15. Работа командиров по подготовке подразделений ВВ МВД РФ к выполнению СБЗ в соответствии с планом территориальной обороны:

учебно-методическое пособие. СПб. : СПВИ ВВ МВД России, 2011. 98 с.

16. Шарапов И. А. Особенности организации и несения боевой службы КПП, маневренной группой, заслоном, засадой и наблюдательным постом в особых условиях СПб. : СПВИ ВВ МВД России, 2006.

17. Анисков В. В. «Моделирование задач исследования операций» / В. В. Анисков, И. М. Виттенберг, А. Б. Либеров. М. : «Энергия», 1978. 88 с.

18. Методическое пособие по организации деятельности служб и подразделений органов внутренних дел и внутренних войск МВД России по обеспечению охраны общественного порядка безопасности в период подготовки и проведения массовых мероприятий. М. : МВД России, 2008. 342 с.

19. Важнейшее условие боеспособности Вооружённых Сил Российской Федерации – высокий уровень подготовки войск и сил к ведению боевых действий. URL: http://redstar.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

20. В Московском командном училище изменили программу боевой подготовки с учетом опыта СВО. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/20827741 (дата обращения: 10.04.2025).

References

1. Ermishan A. G. Teoreticheskie osnovy postroeniya sistem voennoj svyazi v ob"edineniyah i soedineniyah: uchebnik. CH. 1. Metodologicheskie osnovy postroeniya organizacionno-tekhnicheskih sistem voennoj svyazi. SPb. : VAS, 2005. 740 s. (In Russ.).

2. Basovskij L. E., Protas'ev V. B. Upravlenie kachestvom: uchebnik / L. E. Basovskij, V .B. Protas'ev. M. : INFRA-M, 2004. 212 s. (In Russ.).

3. Solov'ev S.A. Pedagogika: uchebnoe posobie. / N. B. Achkasov, V. V. Majorov, N. A. Repyah. SPb. : VKA im. A. F. Mozhajskogo, 2007. 321 s. (In Russ.).

4. CHoshanov M. A. Gibkaya tekhnologiya problemno-modul'nogo obucheniya. M. : Narodnoe obrazovanie, 1996. 157 s. (In Russ.).

5. Golubev M. A. Realizaciya kompetentnostnogo podhoda v ekspluatacionnoj podgotovke kursantov Voenno-kosmicheskoj akademii imeni A. F. Mozhajskogo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sovremennye problemy sozdaniya i ekspluatacii vooruzheniya, voennoj i special'noj tekhniki» / M. A. Golubev N. V. Bojkov, E. N. SHapovalov. SPb. : VKA, 2012. S. 72–83. (In Russ.).

6. Gidrovich S. R. Kompetentnostnyj podhod k formirovaniyu osnovnyh obrazovatel'nyh programm tret'ego pokoleniya / S. R. Gidrovich, I. I.Egorova, A. YU. Kurochkina. SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2010. 107 s. (In Russ.).

7. Bagrecov. S. A. Psihologo-pedagogicheskij eksperiment: organizaciya i metody obrabotki rezul'tatov: monografiya. SPb. : VKA imeni A.F. Mozhajskogo, 2008. 347 s. (In Russ.).

8. SHimanovskij M. V. Theoretical Aspects of Creating a Reserve Formation System // Voennaya mysl'. 2015;1: 23–31. (In Russ.).

9. Slyusarev A. V. Upravlenie chastyami regional'nogo komandovaniya vnutrennih vojsk MVD Rossii pri podgotovke k vypolneniyu zadach territorial'noj oborony: monografiya / A. N. Sivak, N. V. Nosov A. V. Fetisov. SPb. : SPVI VV MVD Rossii, 2011. S. 68. (In Russ.).

10. Programma boevogo slazhivaniya podrazdelenij i voinskih chastej vnutrennih vojsk MVD Rossii voennogo vremeni. M. : Redakciya zhurnala «Na boevom postu», 2014. 85 s. (In Russ.).

11. Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii: uchebnoe posobie / pod red. N. V. Bordovskoj. 3-e izd. ster. M. : KNORUS, 2013. 432 s. (In Russ.).

12. Bogovik A. V. Teoriya upravleniya v sistemah voennogo naznacheniya: uchebnik. SPb. : VAS, 2008. 460s. (In Russ.).

13. Barashkov P. N. Intensifikaciya uchebno-vospitatel'nogo processa v vuze. L. : VAS, 1990. 212 s. (In Russ.).

14. Podgotovka vnov' formiruemyh podrazdelenij vnutrennih vojsk MVD Rossii k uchastiyu v territorial'noj oborone Rossijskoj Federacii»: monografiya. SPb. : SPVI VV MVD Rossii, 2015. 160 s. (In Russ.).

15. Rabota komandirov po podgotovke podrazdelenij VV MVD RF k vypolneniyu SBZ v sootvetstvii s planom territorial'noj oborony: uchebno-metodicheskoe posobie. SPb. : SPVI VV MVD Rossii, 2011. 98 s. (In Russ.).

16. SHarapov I. A. Osobennosti organizacii i neseniya boevoj sluzhby KPP, manevrennoj gruppoj, zaslonom, zasadoj i nablyudatel'nym postom v osobyh usloviyah SPb. : SPVI VV MVD Rossii, 2006. (In Russ.).

17. Aniskov V. V. «Modelirovanie zadach issledovaniya operacij» / V. V. Aniskov, I. M. Vittenberg, A. B. Liberov. M. : «Energiya», 1978. 88 s. (In Russ.).

18. Metodicheskoe posobie po organizacii deyatel'nosti sluzhb i podrazdelenij organov vnutrennih del i vnutrennih vojsk MVD Rossii po obespecheniyu ohrany obshchestvennogo

poryadka bezopasnosti v period podgotovki i provedeniya massovyh meropriyatij. M. : MVD Rossii, 2008. 342 s. (In Russ.).

19. Vazhnejshee uslovie boesposobnosti Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii – vysokij uroven' podgotovki vojsk i sil k vedeniyu boevyh dejstvij. Available from: http://redstar.ru/ (data obrashcheniya: 10.04.2025). (In Russ.).

20. V Moskovskom komandnom uchilishche izmenili programmu boevoj podgotovki s uchetom opyta SVO. Available from: https://tass.ru/armiya-i-opk/20827741 (data obrashcheniya: 10.04.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Фетисов *– кандидат военных наук, доцент*
А. В. Молдованов *– кандидат военных наук*

Information about the authors

A. V. Fetisov – Candidate of Sciences (Military), Docent
A. V. Moldovanov – Candidate of Sciences (Military)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026;
одобрена после рецензирования 22.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.02.2026;
approved after reviewing 22.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 355/359

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Даниил Владимирович Ставицкий[1], Александр Александрович Шапошников[2], Родион Львович Глазков[3]
[1–3] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] stavitskiydv@mail.ru
[2] shaposhnikov.a.a@bk.ru
[3] erragammi@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость формирования интегративной модели патриотического воспитания и правового обеспечения воинской дисциплины в условиях специальной военной операции (далее – СВО). На основе междисциплинарного синтеза педагогических, криминологических и нормативно-правовых подходов авторы анализируют специфику формирования патриотического сознания военнослужащих в условиях боевой обстановки, а также проблемы профилактики правонарушений в смешанных воинских коллективах. Рассматриваются адаптационные механизмы традиционных воспитательных практик к полевым условиям, роль военно-эстетических средств в укреплении морально-психологической устойчивости личного состава, а также пробелы в квалификации преступлений против военной службы, совершённых в зоне проведения СВО. Особое внимание уделяется разграничению дисциплинарной, административной и уголовной ответственности военнослужащих в условиях военного времени. На основе социологического анализа факторов девиантного поведения предложены комплексные меры профилактики, включая совершенствование нормативной базы, методическое сопровождение командиров подразделений и интеграцию опыта СВО в программы подготовки офицерского состава. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для органов воспитательной работы Вооружённые Силы Российской Федерации и Росгвардии.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, специальная военная операция, воинская дисциплина, профилактика правонарушений, военно-эстетическое воздействие, междисциплинарный подход, уголовно-правовая квалификация, боевая обстановка, морально-психологическая устойчивость, профессиональная компетентность офицера

Для цитирования: Ставицкий Д.В., Шапошников А.А., Глазков Р.Л. Интегративная модель патриотического воспитания и правового обеспечения воинской дисциплины в условиях специальной военной операции: педагогический, криминологический и нормативно-правовой аспекты // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 297–306. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/031.pdf.

Original article

INTEGRATIVE MODEL OF PATRIOTIC EDUCATION AND LEGAL SUPPORT OF MILITARY DISCIPLINE IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION: PEDAGOGICAL, CRIMINOLOGICAL, AND REGULATORY-LEGAL ASPECTS

Daniil V. Stavitsky[1], Alexander A. Shaposhnikov[2], Rodion L. Glazkov[3]
[1–3] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] stavitskiydv@mail.ru
[2] shaposhnikov.a.a@bk.ru
[3] erragammi@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need to form an integrative model of patriotic education and legal support for military discipline in the context of a special military operation (hereinafter referred to as SVO). Based on an interdisciplinary synthesis of pedagogical, criminological, and regulatory-legal approaches, the author analyzes the specifics of forming patriotic consciousness

among military personnel in combat conditions, as well as challenges in preventing offenses within mixed military collectives. The study examines adaptive mechanisms for traditional educational practices in field conditions, the role of military-aesthetic means in strengthening the moral and psychological resilience of personnel, and gaps in the legal qualification of crimes against military service committed in the SMO zone. Particular attention is paid to distinguishing between disciplinary, administrative, and criminal liability of servicemen under martial law. Based on a sociological analysis of deviant behavior factors, comprehensive preventive measures are proposed, including improvements to the regulatory framework, methodological support for unit commanders, and integration of SMO experience into officer training programs. The practical significance of the research lies in developing recommendations for the educational bodies of the Armed Forces of the Russian Federation and the National Guard.

Keywords: patriotic education, Special Military Operation (SMO), military discipline, offense prevention, military-aesthetic influence, interdisciplinary approach, criminal-legal qualification, combat conditions, moral and psychological resilience, professional competence of an officer

For citation: Stavitsky *D*.V., Shaposhnikov A.A., Glazkov R.L. Integrative model of patriotic education and legal support of military discipline in the context of the special military operation: pedagogical, criminological, and regulatory-legal aspects. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 299–308. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/031.pdf.

© Ставицкий Д.В., Шапошников А.А., Глазков Р.Л., 2026

Введение

Современный этап развития военно-политической обстановки, характеризующийся проведением СВО, актуализирует комплекс проблем, находящихся на стыке военной педагогики, юриспруденции, криминологии и психологии. В условиях гибридного характера современных конфликтов, высокой динамики боевой обстановки и качественного изменения структуры воинских коллективов (интеграция контрактников, мобилизованных граждан, добровольческих формирований) традиционные подходы к патриотическому воспитанию и обеспечению воинской дисциплины демонстрируют ограниченную эффективность.

Необходимость междисциплинарного подхода к проблемам обусловлена следующими факторами:

1. Комплексность объекта воздействия. Формирование патриотического сознания и поддержание правопорядка – это взаимосвязанные процессы, где педагогические методы (убеждение, пример, ритуал) выступают профилактическим инструментом предупреждения правонарушений, а правовые нормы создают институциональные рамки воспитательного процесса.

2. Синергия профилактических механизмов. Эффективность предупреждения преступлений против военной службы (гл. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) зависит не только от неотвратимости наказания, но и от уровня морально-психологической устойчивости личного состава, формируемой средствами военно-эстетического и патриотического воспитания.

3. Нормативно-правовая адаптация. Динамика законодательства в период военного времени требует постоянного научно-практического осмысления с позиций как догмы права, так и педагогической целесообразности применения тех или иных мер государственного принуждения.

Вопросы патриотического воспитания в армии традиционно исследуются в педагогике (А. В. Барабанщиков, В. И. Марченков) и психологии. Проблемы преступности военнослужащих и воинского правопорядка анализируются в трудах военных юристов и криминологов
(В. В. Лунеев, А. В. Галахова). Однако в существующих работах недостаточно освещены механизмы интеграции этих направлений в условиях непосредственного участия войск в боевых действиях, что создаёт научно-практический пробел.

Проблема заключается в выявлении и научном обосновании путей преодоления противоречия между: устоявшимися в мирное время педагогическими практиками патриотического воспитания, ориентированными на стационарные условия дислокации и плановый учебный процесс; и объективными требованиями современной боевой реальности СВО, характеризующейся высокой интенсивностью боевых действий, психологическим напряжением, ротационным принципом комплектования и необходимостью быстрой адаптации личного состава с разным уровнем подготовки.

Данное противоречие проявляется в:

– недостаточной адаптивности традиционных форм воспитательной работы к полевым условиям;

– росте рисков девиантного поведения в условиях боевого стресса;

– сложностях квалификации отдельных деяний как преступлений против военной службы при их совершении в боевой обстановке.

Основные положения

Теоретико-методологический фундамент исследования базируется на синтезе когнитивного, компетентностного и междисциплинарного подходов, что позволяет рассматривать патриотизм не как абстрактно-идеологическую категорию, а как системную профессиональную компетенцию офицера, непосредственно влияющую на боевую эффективность и правовой климат подразделения [21, 9]. В условиях современных гибридных конфликтов данный синтез обеспечивает переход от фрагментарного воспитания к целостной системе подготовки командного состава, интегрирующей педагогические, правовые и психологические механизмы [18].

Когнитивный подход обеспечивает формирование устойчивой системы знаний об историческом пути государства, конституционных основах военной службы, геополитических реалиях и нормативно-правовом регулировании деятельности войск [1, 7]. В современных условиях когнитивный компонент трансформируется: от академического усвоения материала к оперативному осмыслению боевых задач, правовых режимов зон конфликта и морально-этических дилемм командира. Знание истории воинской доблести, основ международного гуманитарного права и положений УК РФ о преступлениях против военной службы становится базой для принятия взвешенных решений в условиях неопределённости [2, 19].

Компетентностный подход переводит патриотическое воспитание в плоскость практической деятельности. Патриотизм офицера рассматривается как интегративное качество, включающее: способность транслировать государственные ценности и правовые нормы подчинённым; умение применять меры дисциплинарного воздействия с учётом педагогической целесообразности и требований ст. 51–55 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской федерации [6]; владение навыками морально-психологической поддержки личного состава; готовность к личному примеру исполнения воинского долга. В контексте СВО данная компетенция приобретает критическую значимость, поскольку именно офицер выступает ключевым агентом трансляции нормативно-ценностного поля и гарантом предотвращения девиаций [29, 10].

Междисциплинарный синтез проявляется во взаимодополнении военной педагогики, юриспруденции, криминологии и военной психологии [9, 14]. Педагогические механизмы формирования ценностных ориентаций неразрывно связаны с правовым просвещением, предупреждающим правонарушения, а психологические методы поддержки усиливаются историко-культурным контекстом, обеспечивающим смысловую опору личности [20, 22]. Данный синтез позволяет преодолеть ведомственную разобщённость и рассматривать воспитание и правопорядок как единый контур обеспечения боеспособности.

Методы

Особое место в теоретической модели занимает военно-эстетический аспект. Эстетическое воздействие, реализуемое через воинские ритуалы (принятие присяги, вручение боевого знамени, церемонии награждения, построения), историко-культурное наследие (память о защитниках Отечества от Куликовского побоища до современных операций) и художественные образы (литература, кинематограф, монументальное искусство, современная фронтовая поэзия), выполняет функцию эмоционально-смысловой консолидации [8]. В условиях СВО, когда рационально-правовые аргументы могут уступать силе боевого стресса и информационной перегрузки, именно эстетико-символический пласт формирует устойчивый внутренний «стержень», препятствующий моральному выгоранию и правовому нигилизму, что соответствует задачам сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей [5]. Ритуалы и символы выступают не как формальность, а как институты социальной памяти, активирующие архетипические модели поведения «защитника» и «воина-гражданина», что научно подтверждается исследованиями в области военной антропологии и социальной психологии [26]. Эстетическое воспитание снижает латентность дисциплинарных проступков, формируя эмоциональный барьер против нарушений уставных правил и межличностных конфликтов [13].

Специфика патриотического воспитания в условиях проведения специальной

военной операции детерминируется принципиально новой операционной средой, требующей отказа от кабинетно-казарменных форм в пользу динамичных, ситуативно-адаптированных практик, интегрированных в тактический ритм подразделений [34, 29].

Адаптация воспитательных мероприятий к полевым условиям и ротационному принципу предполагает их трансформацию в формат кратких тактических инструктажей, разборов боевых эпизодов, «полевых бесед» и церемоний чествования, проводимых непосредственно в районах сосредоточения, на временных позициях или в пунктах ротации [34]. Воспитательная работа перестаёт быть изолированным процессом и становится элементом ежедневной боевой подготовки. Ротационный принцип комплектования, характерный для СВО, создаёт объективный риск разрыва воспитательной преемственности и снижения сплочённости коллектива. В связи с этим внедряются модульные программы «быстрого реагирования», позволяющие в сжатые сроки (7–10 суток) провести базовую ценностно-правовую адаптацию прибывшего пополнения с акцентом на боевое товарищество, уставную дисциплину и психологическую готовность [25]. Ключевым инструментом становится система наставничества, где опытные командиры и ветераны боевых действий обеспечивают передачу не только тактических, но и морально-правовых норм поведения в зоне конфликта [11, 20].

Роль цифровых образовательных ресурсов и дистанционных форм работы приобретает стратегическое значение в условиях рассредоточения личного состава и высокой мобильности подразделений [24]. Использование защищённых сегментов военных информационных систем, офлайн-приложений с базой нормативно-правовых актов, историко-патриотическим контентом и программами психологической саморегуляции позволяет поддерживать воспитательный процесс вне зависимости от географической локализации. Дистанционные формы (вебинары для командиров по вопросам правового просвещения, мобильные консультационные центры психологической поддержки, цифровые тренажёры принятия этических и правовых решений в бою) обеспечивают непрерывность методического сопровождения. При этом внедрение цифровых инструментов строго регламентируется требованиями информационной безопасности и режимом секретности, что исключает риски утечки данных и обеспечивает контролируемое информационное поле. Цифровизация также позволяет оперативно корректировать воспитательные программы на основе анализа анонимизированных данных о морально-психологическом состоянии личного состава [30, 32].

Интеграция мобилизованных граждан в единый ценностно-мотивационный контур воинского коллектива остаётся наиболее сложным элементом системы воспитания в период СВО. Контингент мобилизованных характеризуется высокой гетерогенностью: возрастные различия, разный уровень военно-учётных специальностей, гражданские профессии, вариативность исходной мотивации и правовой грамотности [25]. Для преодоления потенциальных разрывов применяется модель «адаптивного наставничества и боевого братства», где опытные контрактники выступают трансляторами корпоративных норм, уставных требований и правовых стандартов, установленных законодательством о воинской обязанности [3]. Важнейшим условием интеграции становится прозрачность командной коммуникации, справедливость в распределении задач и поощрений, а также оперативное разъяснение социальных гарантий, правового статуса участников СВО и механизмов юридической защиты [23, 12]. Формирование единого ценностного поля достигается через совместное осмысление исторической миссии, взаимную правовую и психологическую поддержку, а также ритуализацию боевых успехов и памяти о павших товарищах. Данный процесс трансформирует разнородную группу в сплочённый коллектив с высокой морально-боевой устойчивостью, где патриотизм реализуется не как лозунг, а как ежедневная практика взаимовыручки, дисциплинированности и осознанного выполнения боевых задач в рамках правового поля государства [34, 13].

Правовое обеспечение воинской дисциплины в условиях специальной военной операции требует особого научно-практического осмысления, поскольку боевая обстановка существенно трансформирует традиционные механизмы правоприменения и квалификации правонарушений [23]. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о наличии существенных пробелов в квалификации преступлений против военной службы, совершённых в условиях непосредственного участия в боевых действиях [15, 27]. В част-

ности, диспозиция ч. 3 ст. 331 УК РФ, предусматривающая квалифицирующие признаки преступлений против военной службы в военное время или в боевой обстановке, не всегда учитывает специфику современных гибридных конфликтов, где границы между боевой и небоевой обстановкой размыты, а интенсивность психологического давления на личный состав носит экстремальный характер [19]. В связи с этим целесообразно модифицировать ч. 3 ст. 331 УК РФ, дополнив её оценочными критериями, учитывающими степень боевого напряжения, характер выполнения тактических задач и наличие объективных факторов, затрудняющих реализацию волевого поведения военнослужащего [16]. Это позволит избежать избыточной криминализации дисциплинарных проступков и обеспечит дифференциацию ответственности в соответствии с принципом справедливости [2].

Важнейшим аспектом правового регулирования выступает чёткое разграничение дисциплинарной, административной и уголовной ответственности военнослужащих в зоне СВО [6]. В условиях высоких боевых нагрузок и ротационного принципа комплектования возрастает риск неправомерного перевода дисциплинарных проступков в разряд уголовно наказуемых деяний, либо, напротив, игнорирования административных правонарушений, которые в боевой обстановке могут приобретать латентно-кумулятивный эффект [12]. Для минимизации данных рисков необходимо внедрить в практику военных судов и командного состава единые методические алгоритмы квалификации деяний, основанные на анализе субъективной стороны правонарушения, степени общественной опасности и условий его совершения [27]. При этом административная ответственность должна применяться строго в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ведомственных нормативных актов, исключающих двойное наказание за одно и то же деяние в условиях действия специальных правовых режимов [3].

Механизмы гражданского контроля и ведомственного надзора выступают неотъемлемыми инструментами профилактики правонарушений, обеспечивая баланс между необходимостью жёсткой воинской дисциплины и защитой прав военнослужащих [28]. В условиях СВО возрастает роль институтов военной прокуратуры, органов военного управления и общественных советов при министерствах, осуществляющих мониторинг соблюдения законности в войсках [32]. Эффективность данных механизмов повышается за счёт внедрения цифровых систем оперативного реагирования на жалобы и обращения, а также регулярного проведения независимых аудитов состояния правопорядка в подразделениях [34]. Ведомственный надзор должен быть дополнен прозрачными процедурами взаимодействия с уполномоченными по правам человека и институтами гражданской обороны, что способствует формированию атмосферы доверия и снижает уровень правовой напряжённости в коллективах [11].

Профилактика девиантного поведения в смешанных воинских коллективах, формируемых в ходе проведения СВО, требует комплексного социологического и криминологического анализа факторов риска, детерминирующих отклонения от установленных норм поведения [14]. В условиях гетерогенности личного состава ключевыми деструктивными факторами выступают психологическая дезадаптация, обусловленная резкой сменой социального статуса и интенсивным боевым стрессом, алкоголизация как форма саморегуляции в условиях информационно-эмоциональной перегрузки, а также межгрупповые конфликты, возникающие на почве культурных, возрастных и профессиональных различий между мобилизованными, контрактниками и добровольцами [13, 20]. Социологические исследования фиксируют прямую корреляцию между отсутствием системной психологической поддержки, низкой сплочённостью первичных коллективов и ростом числа дисциплинарных проступков и преступлений против личности [17, 30]. При этом латентность девиаций часто маскируется под «боевую необходимость» или «неформальные традиции», что требует от командного состава и органов воспитательной работы высокой правовой и педагогической бдительности [25].

Результаты

Комплекс мер по профилактике девиантного поведения должен носить превентивный, многоуровневый характер и охватывать все этапы службы военнослужащего. На первоначальном этапе критически важно совершенствование медицинского отбора и углублённого психодиагностического скрининга, направленного на выявление лиц с признаками пограничных психических состояний, склонности к агрессии или химическим зависимостям [25]. В

процессе несения службы центральное место занимает система психологического сопровождения, включающая, работу штатных психологов, мобильных бригад экстренной помощи и программы по стресс-менеджменту, адаптированные к полевым условиям [30]. Особую роль в нейтрализации конфликтного потенциала играет ротация командного состава и усиление роли офицеров-воспитателей, которые выступают не только трансляторами уставных требований, но и медиаторами в межличностных отношениях, обеспечивая справедливое распределение задач и своевременное пресечение неуставных проявлений [29]. Важным элементом профилактики является развитие института наставничества, формирование культуры правового просвещения и внедрение регулярных социологических мониторингов морально-психологического климата в подразделениях [32]. Только интеграция правовых, педагогических и психологических инструментов позволяет трансформировать смешанный коллектив в устойчивую боевую единицу, где дисциплина базируется не на страхе наказания, а на осознанном долге, взаимном уважении и профессиональной солидарности [34].

Обсуждение

На основе проведённого исследования сформулированы научно обоснованные практические рекомендации, направленные на оптимизацию системы патриотического воспитания и правового обеспечения воинской дисциплины в условиях проведения СВО.

Во-первых, целесообразна разработка и внедрение специализированных методических указаний для командиров подразделений всех уровней по организации воспитательной работы в полевых условиях. Данный нормативно-методический документ должен содержать алгоритмы проведения кратких инструктажей, разборов боевых эпизодов с акцентом на правовые и этические аспекты, а также чёткие критерии экспресс-оценки морально-психологического состояния подчинённых [34, 29]. Методические материалы должны быть адаптированы под ограниченные временные ресурсы и условия рассредоточения личного состава, опираясь на проверенные педагогические модели ротационной адаптации и боевого наставничества [18, 10]. Внедрение единых рекомендаций исключит ведомственную фрагментацию и обеспечит единообразие воспитательных практик на уровне рот и батальонов.

Во-вторых, необходимо инициировать комплекс предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы. В части УК РФ предлагается конкретизировать диспозицию ч. 3 ст. 331 УК РФ, введя объективные критерии отнесения деяний к категории «совершённых в боевой обстановке», что исключит произвольное толкование норм правоприменителями и обеспечит соразмерность наказания степени общественной опасности [27, 16]. В Дисциплинарный устав Вооруженных сил Российской Федерации и ведомственные приказы Министерство обороны Российской Федерации следует внести положения, регламентирующие дифференцированное применение мер дисциплинарного взыскания с учётом психофизиологического состояния военнослужащего в период ротации и выполнения интенсивных боевых задач [6, 23]. Также требуется разработка межведомственного приказа, унифицирующего процедуры профилактики административных правонарушений и неуставных взаимоотношений в смешанных коллективах, с чётким распределением компетенций между командованием, военными прокуратурами и психологическими службами [12, 28].

В-третьих, опыт СВО должен быть системно интегрирован в программы переподготовки и повышения квалификации офицерского состава военных вузов. В учебные планы следует ввести обязательные модули по «Правовому регулированию деятельности в зоне вооружённого конфликта», «Психологии боевого стресса и профилактике девиаций», а также «Методике воспитательной работы в полевых условиях» [21, 24]. Особое внимание необходимо уделить подготовке офицеров-воспитателей и командиров первичного звена к работе с гетерогенным контингентом, используя методы кейс-стади, основанные на реальных ситуациях, возникающих в ходе СВО [22, 32]. Практико-ориентированная переподготовка обеспечит формирование у командного состава устойчивых профессиональных компетенций, необходимых для управления подразделением в условиях высокой боевой нагрузки и правовой неопределённости.

Проведённое исследование подтверждает, что в условиях современной гибридной войны, характеризующейся высокой динамикой, информационной конфронтацией и структурной трансформа-

цией воинских коллективов, традиционные разрозненные подходы к патриотическому воспитанию и обеспечению правопорядка утрачивают свою эффективность. Полученные данные свидетельствуют о необходимости создания единой государственно-военной программы патриотического воспитания и правового просвещения, адаптированной к реалиям современных конфликтов [5, 22]. Данная программа должна базироваться на синтезе педагогических, криминологических и нормативно-правовых механизмов, обеспечивающих непрерывность формирования ценностных ориентаций от этапа мобилизации/призыва до возвращения в место постоянной дислокации [7, 14].

Адаптация воспитательных и профилактических практик к условиям СВО требует отказа от кабинетно-формалистских моделей в пользу ситуативно-обусловленных, гибких алгоритмов, интегрированных в тактический ритм подразделений [34]. Ключевым элементом новой системы выступает офицер-командир, обладающий не только тактическими знаниями, но и развитыми компетенциями в области правовой культуры, психологической поддержки и военно-эстетического воздействия [29, 26]. Совершенствование уголовно-правового регулирования, чёткое разграничение дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, а также усиление ведомственного контроля создают необходимый правовой каркас, предотвращающий девиации и укрепляющий уставную дисциплину [27, 30].

Выводы

Реализация предложенных мер позволит не только минимизировать риски правонарушений в войсках, но и сформировать устойчивый морально-боевой потенциал личного состава, где патриотизм проявляется через осознанное исполнение долга, правовую грамотность и сплочённость коллектива. Создание единой государственной программы, учитывающей эмпирический опыт СВО, станет стратегическим шагом в укреплении обороноспособности страны и обеспечении долгосрочной стабильности вооружённых сил в условиях неопределённости геополитической обстановки [22, 33]. Только интегративный, научно обоснованный подход к воспитанию и правопорядку способен обеспечить высокую боеготовность армии в эпоху трансформации характера войн и требований к личности защитника Отечества [9, 18].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп., внесёнными Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

4. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

5. Указ Президента Российской Федерации от 05 ноября 2023 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022 г. № 46. Ст. 7977.

6. Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47. Ст. 5749.

7. Баранов П. П. Патриотическое воспитание в российской армии: исторический опыт и современные вызовы // Вестник военного образования. 2022. № 3. С. 45–53.

8. Васильев А. Н. Развитие государственно-патриотических качеств личности будущего офицера войск национальной гвардии Российской Федерации: военно-эстетический аспект // Национальная гвардия: история и современность. 2023. № 1. С. 78–86.

9. Громов М. А. Междисциплинарный характер процесса формирования патриотизма у курсантов военных вузов в отечественной образовательной практике // Педагогика и психология образования. 2021. № 4. С. 112–120.

10. Ермаков С. В. Педагогические условия, способствующие повышению эффективности патриотического воспитания курсантов военных вузов // Военно-социальные исследования. 2022. Т. 15, № 2. С. 34–42.

11. Козлов И. П. Предупреждение преступлений и иных правонарушений в воинских коллективах: организационно-правовые меры // Право в Вооружённых Силах. 2023. № 5. С. 23–31.

12. Лебедев В. Д. Профилактика административных правонарушений среди военнослужащих Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 56–63.

13. Морозов А. В. Предупреждение преступности в сфере межличностных и межгрупповых отношений в воинских коллективах: социологический аспект // Социология власти. 2021. Т. 33, № 4. С. 89–101.

14. Николаев К. С. Преступность военнослужащих: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Российский следователь. 2023. № 2. С. 45–52.

15. Орлов Ю. В. Воинский правопорядок и военная служба как элементы объекта преступления и основания систематизации преступлений против военной службы // Уголовное право. 2022. № 6. С. 67–75.

16. Соколов Д. А. Критерии построения системы преступлений против военной службы в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное правоведение. 2023. № 1. С. 102–115.

17. Федоров А. Г. Причины и условия преступности: теоретико-методологический анализ // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 12–24.

18. Барабанщиков А.В. Военная педагогика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 487 с.

19. Галахова А. В. Преступления против военной службы: научно-практический комментарий к главе 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. 312 с.

20. Лунеев В. В. Преступность в армии: криминологический анализ. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 256 с.

21. Марченков В. И. Патриотизм как профессиональная компетенция офицера: монография. М. : ВУНЦ ВС «ВВА», 2022. 198 с.

22. Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-патриотического воспитания до 2030 года: аналитический доклад / под ред. С. А. Комкова. М. : ВАГШ, 2023. 144 с.

23. Алексеев Н. С. Правовое регулирование воинской дисциплины в условиях военного времени: проблемы и перспективы // Военно-юридический журнал. 2023. № 4. С. 15–23.

24. Борисов А. А. Цифровизация воспитательной работы в Вооружённых Силах Российской Федерации: возможности и риски // Вестник Академии военных наук. 2024. № 1 (86). С. 67–74.

25. Васильева О. М. Психологические особенности адаптации мобилизованных граждан в воинских коллективах // Психология и педагогика в силовых структурах. 2023. № 2. С. 44–51.

26. Григорьев С. П. Военно-эстетическое воспитание как фактор повышения морально-психологической устойчивости личного состава // Культура и образование. 2022. № 5. С. 88–96.

27. Дмитриев А. В. Квалификация преступлений против военной службы, совершённых в боевой обстановке: проблемы правоприменения // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2024. № 1. С. 33–40.

28. Ефремов П. А. Межведомственное взаимодействие в сфере профилактики правонарушений среди военнослужащих // Право и безопасность. 2023. № 3. С. 56–64.

29. Захаров М. В. Роль командира подразделения в формировании патриотического сознания подчинённых в условиях СВО // Армейский сборник. 2024. № 2. С. 112–119.

30. Иванов Д. С. Социологический мониторинг морально-психологического состояния личного состава в зоне проведения специальной военной операции // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 78–87.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izm. i dop., vnesyonnymi Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ, ot 05 fevralya 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ, ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 11. St. 1416. (In Russ.).

2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.04.2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954. (In Russ.).

3. Federal'nyj zakon ot 28 marta 1998 g. № 53-FZ «O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe» (red. ot 14.07.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998. № 13. St. 1475. (In Russ.).

4. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ «O policii» (red. ot 24.04.2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900. (In Russ.).

5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05 noyabrya 2023 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022 g. № 46. St. 7977. (In Russ.).

6. Disciplinarnyj ustav Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 noyabrya 2007 g. № 1495 (red. ot 25.12.2023) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 47. St. 5749. (In Russ.).

7. Baranov P. P. Patriotic Education in the Russian Army: Historical Experience and Modern Challenges // Vestnik voennogo obrazovaniya. 2022;3: 45–53. (In Russ.).

8. Vasil'ev A. N. Development of the State and Patriotic Qualities of the Future Officer of the National Guard of the Russian Federation: Military and Aesthetic Aspects // Nacional'naya gvardiya: istoriya i sovremennost'. 2023;1: 78–86. (In Russ.).

9. Gromov M. A. The interdisciplinary nature of the process of forming patriotism among military university cadets in domestic educational practice // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2021;4: 112–120. (In Russ.).

10. Ermakov S. V. Pedagogical conditions that contribute to improving the effectiveness of patriotic education among military university cadets // Voenno-social'nye issledovaniya. 2022. Vol. 15;2: 34–42. (In Russ.).

11. Kozlov I. P. Prevention of Crimes and Other Offenses in Military Units: Organizational and Legal Measures // Pravo v Vooruzhyonnyh Silah. 2023;5: 23–31. (In Russ.).

12. Lebedev V. D. Prevention of Administrative Offenses among Military Personnel of the Russian Federation // Administrativnoe pravo i process. 2022;8: 56–63. (In Russ.).

13. Morozov A. V. Prevention of Crime in Interpersonal and Intergroup Relations in Military Units: A Sociological Aspect // Sociologiya vlasti. 2021. Vol. 33;4: 89–101. (In Russ.).

14. Nikolaev K. S. Military Crime: Criminal Law and Criminological Aspects // Rossijskij sledovatel'. 2023;2: 45–52. (In Russ.).

15. Orlov YU. V. Military law and military service as elements of the object of a crime and the basis for the systematization of crimes against military service // Ugolovnoe pravo. 2022;6: 67–75. (In Russ.).

16. Sokolov D. A. Criteria for Building a System of Crimes Against Military Service in Domestic and Foreign Criminal Legislation: A Comparative Legal Analysis // Sravnitel'noe pravovedenie. 2023;1: 102–115. (In Russ.).

17. Fedorov A. G. Causes and Conditions of Crime: A Theoretical and Methodological Analysis // Kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 3. S. 12–24. (In Russ.).

18. Barabanshchikov A.V. Voennaya pedagogika: uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., pererab. i dop. M. : YUrajt, 2023. 487 s. (In Russ.).

19. Galahova A. V. Prestupleniya protiv voennoj sluzhby: nauchno-prakticheskij kommentarij k glave 33 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii. M. : Prospekt, 2022. 312 s. (In Russ.).

20. Luneev V. V. Prestupnost' v armii: kriminologicheskij analiz. M. : Norma: INFRA-M, 2021. 256 s. (In Russ.).

21. Marchenkov V. I. Patriotizm kak professional'naya kompetenciya oficera: monografiya. M. : VUNC VS «VVA», 2022. 198 s. (In Russ.).

22. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti voenno-patrioticheskogo vospitaniya do 2030 goda: analiticheskij doklad / pod red. S. A. Komkova. M. : VAGSH, 2023. 144 s. (In Russ.).

23. Alekseev N. S. Legal Regulation of Military Discipline in Wartime: Problems and Prospects // Voenno-yuridicheskij zhurnal. 2023;4: 15–23. (In Russ.).

24. Borisov A. A. Digitalization of Educational Work in the Armed Forces of the Russian Federation: Opportunities and Risks // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2024;1 (86): 67–74. (In Russ.).

25. Vasil'eva O. M. Psychological Features of the Adaptation of Mobilized Citizens in Military Units // Psihologiya i pedagogika v silovyh strukturah. 2023;2: 44–51. (In Russ.).
26. Grigor'ev S. P. Military-Aesthetic Education as a Factor in Increasing the Moral and Psychological Stability of Personnel // Kul'tura i obrazovanie. 2022;5: 88–96. (In Russ.).
27. Dmitriev A. V. Qualification of Crimes Against Military Service Committed in Combat Situations: Problems of Law Enforcement // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2024;1: 33–40. (In Russ.).
28. Efremov P. A. Interdepartmental Cooperation in the Field of Prevention of Delinquency among Military Personnel // Pravo i bezopasnost'. 2023;3: 56–64. (In Russ.).
29. Zaharov M. V. The role of a unit commander in shaping the patriotic consciousness of his subordinates in the context of the special military operation // Armejskij sbornik. 2024;2: 112–119. (In Russ.).
30. Ivanov D. S. Sociological monitoring of the moral and psychological state of personnel in the special military operation zone // Sociologicheskie issledovaniya. 2023;11: 78–87. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. В. Ставицкий *– кандидат военных наук*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026;
одобрена после рецензирования 04.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

D. V. Stavitsky – Candidate of Sciences (Military)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.05.2026;
approved after reviewing 04.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Обзорная статья

УДК 340.12

ТОКИЙСКИЙ ТРИБУНАЛ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Александр Григорьевич Звягинцев
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия
1825za@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу деятельности Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского трибунала) в контексте его сопоставления с Нюрнбергским процессом. Автор исследует роль Токийского трибунала в становлении основ современного международного права, в частности, в вопросах квалификации военной агрессии как тягчайшего преступления против человечества. В работе рассматривается влияние итогов трибуналов на механизмы сдерживания глобальных конфликтов и предотвращение применения оружия массового поражения.

Ключевые слова: Токийский трибунал, Вторая мировая война, нацизм, геноцид, международное право

Для цитирования: Звягинцев А.Г. Токийский трибунал: исторические уроки и современные вызовы // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 307–314. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/032.pdf.

Review article

THE TOKYO TRIBUNAL: HISTORICAL LESSONS AND CURRENT CHALLENGES

Aleksandr G. Zvyagincev
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
1825za@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and legal analysis of the activities of the International Military Tribunal for the Far East (the Tokyo Tribunal) in the context of its comparison with the Nuremberg Trials. The author explores the role of the Tokyo Tribunal in the development of the foundations of modern international law, particularly in the classification of military aggression as the gravest crime against humanity. The article examines the impact of the tribunals' outcomes on the mechanisms for deterring global conflicts and preventing the use of weapons of mass destruction.

Keywords: Tokyo Tribunal, World War II, Nazism, Genocide, International Law

For citation: Zvyagincev A. G. The Tokyo tribunal: historical lessons and current challenges. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 307–314. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/06/032.pdf.

© Звягинцев А.Г., 2026

Ровно 80 лет назад в мае 1946 года начал работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока или, как его сейчас называют, Токийский трибунал.

Как и Нюрнбергский международный военный трибунал, Токийский процесс осудил зачинщиков агрессивных войн, целью которых было завоевание мирового господства, порабощение народов и утверждение права «сильных и избранных» не соблюдать никаких моральных норм в отношении «низших» рас.

Наряду с Судом народов (Нюрнбергским трибуналом) Международный военный трибунал для Дальнего Востока имел важное значение для утверждения принципов и норм современного международного права, рассматривающих военную агрессию как тягчайшее преступление против человечества. Его итоги способствовали недопущению в новейшей истории глобальных международных конфликтов, сдерживали применение оружия массового поражения. Нюрнбергский и Токий-

ский процессы, по сути, выработали новые принципы международного правосудия. Через призму именно этих процессов лучшего всего в наши дни рассматривать уроки Второй мировой войны – уроки, которые требуют скрупулезного юридического осмысления и анализа, глубокого нравственного и исторического осознания в свете современных вызовов и угроз.

И не только потому, что за хроникой военных действий и геополитических столкновений скрывается целая летопись зверств, трагедий и борьбы человечества с ужасами агрессии. Но и потому, что Запад, Япония и многие другие страны, находящиеся в их орбите, стараются всячески вычеркнуть эти события из своей истории и предать их забвению.

Основные положения

История Второй мировой войны оставила миру не только руины разрушенных городов и миллионы безвинно погибших, но и огромный массив документальных свидетельств бесчеловечных деяний. С легкой руки современных киллеров от истории агрессия Третьего рейха и «Страны восходящего солнца» вдруг стала переписываться.

Об этом, в частности, ярко свидетельствуют результаты пленарного заседания 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (15 декабря 2025 г.), где по инициативе Российской Федерации была принята резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Против этой резолюции выступило 51 государство (тем не менее за его принятие проголосовали 119 государств, 10 стран воздержались).

Происходит это не вследствие исторической амнезии. А в результате того, что многие страны больше не хотят видеть в нацизме главную угрозу цивилизации. Они превратили его из своего врага в союзника. Мы наблюдаем, как страны, ранее осудившие преступления национал-фашизма, сейчас открыто поддерживают режимы, прославляющие его символику и даже идеологию. Оправдывают преступления нацистов и пытаются не говорить о геноциде, который творили нацисты на Западе, а японцы – на Востоке и Юго-Востоке нашей планеты.

И мы здесь видим много общего между немецким и японскими рейхами и можем провести между ними прямые юридические и идеологические параллели. Сегодня, как и 80 лет назад, мы можем четко артикулировать: у национал-фашистов нет человеческого лица. Но есть имена! Имена убийц, организаторов, подстрекателей и сообщников. И мы знаем их! Мы знаем тех, кто прежние «гитлеровские арийские стандарты» и «японские стандарты расы Ямато» сейчас стремится заменить на так называемые «демократические ценности», которые на самом деле таковыми не являются! И через цветные революции, санкции, прокси-войны, «кровавые деньги» – привести их в движение, чтобы похоронить историческую правду.

Напомню, что война, развязанная фашистской Германией и милитаристской Японией, втянула в свою орбиту более 80 % населения всего мира. В ней участвовало 62 государства. Под ружьё было поставлено более 110 млн человек.

С июня 1941 года, ведя освободительную войну против немецко-фашистских агрессоров, мы сражались с 607 дивизиями противника. Из них 500 соединений – были отборными дивизиями германского вермахта. В то время как всем нашим союзникам, вместе взятым, противостояло в 3,5 раза меньше – не более 176 дивизий (и это с учётом воевавших в Северной Африке и Южной Италии).

А с японской Квантунской армией на Востоке мы вообще практически сражались в одиночку и менее чем за 2 недели разгромили её, взяв в плен более 600 тысяч японцев, в том числе командующего Квантунской армии Ямада Отодзо.

Как же тут не вспомнить те «кровавые скрижали» – 9 миллионов советских граждан участвовали в освобождении от коричневой чумы 16 стран Европы! И 1 миллион наших сограждан навсегда остались лежать там, в сырой земле. Смело можно сказать, что мы своей «кровью искупили Европы вольность, честь и мир». А на Востоке от японского ига мы тоже освободили многие страны, в частности: Китай, Корею, Монголию.

Мысленно окидывая взором время, предшествующее Токийскому процессу, изучая историю, хорошо понимаешь, что ведь этого процесса, как и Нюрнбергского, могло и не быть.

Мир запомнил Освенцим и Майданек, но почти забыл Харбин, Пинфан и Нанкин. Запад произносит имена Гитлера, Гиммлера, Менгеле – но до сих пор молчит об Исии Сиро, «генерале-чуме», возглавлявшем фабрики смерти, в которых проводи-

ли эксперименты на живых людях, и Ямада Отодзо – командующем Квантунской армии. А имя того, кто стоял над ними – императора Хирохито – не упоминается и вовсе. Хотя путь, начертанный именно им, привёл его генералов к виселицам…

Это молчание – не просто следствие исторической амнезии. Это тишина, обернутая в геополитику и стратегические альянсы, а порой и в шелка японской учтивости, ассоциируется с молчанием ада. Но как бы там ни было, это идеология – столь же тотальная и смертоносная, как и немецкий национал-социализм.

Идеологическая основа «японского рейха» созвучна идеологии германского фашизма. Японцев убедили в том, что у них нет никаких моральных обязательств перед другими народами, что им все дозволено. Это во многом объясняет те жестокости, которые творили солдаты и офицеры японской армии не только на поле боя, но и в оккупированных городах и селах.

Японский адвокат Такаянаги, объясняя мотивы преступлений, совершенных немецкими и японскими военнослужащими, нисколько не смущаясь, утверждал: *«Такой вид действий может являться лишь отражением национальных или расовых особенностей. Преступления не меньше, чем величайшие произведения искусства, могут выражать характерные черты, отражающие нравы расы...»*

То есть подсудимые, совершая кошмарные злодеяния, просто воплотили в себе характерные черты «расы Ямато» и «нордической расы», стоящих «по ту сторону добра и зла». А их преступления можно сравнивать «с величайшими произведениями искусства».

Поэтому неудивительно, что в современном западном и японском нарративе упорно отсутствует тема геноцида славян, китайцев и других народов. Хотя геноцид не ограничивается лишь холокостом, географией или временем.

Об этом, в частности, в своей заключительной речи на Нюрнбергском процессе еще 26 июля 1946 года говорил главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс:

«Биологическое истребление расы (геноцид) не ограничивалось истреблением еврейского народа или цыган». Геноцид распространялся и на другие национальности. При этом, как отмечал Шоукросс: «Техника менялась в зависимости от национальности и от народа. Но долгосрочная цель была одной и той же во всех случаях».

«The Crime Of All Crimes» – «преступление из преступлений». Именно так сейчас все чаще многие зарубежные юристы называют геноцид. К сожалению, это зло оказалось очень живучим – нацизм опять поднял голову.

Современная действительность сталкивает нас с множеством фактов возрождения нацистской идеологии. На примере сегодняшней Украины мы видим, как беспристрастная логика, отбрасывающая все нормы человеческой морали, великую религию, обычаи, традиции, историческую память и культуру, обернулась полной разрушительной иррациональностью. Видим, как украинское общество впало в состояние фрустрации и агрессии. И фактически проводит культурный геноцид.

Представляется, что именно сейчас было бы весьма уместным актуализировать понятие «геноцида» существенными дополнениями и поставить вопрос об ответственности за национально-культурный геноцид и его пропаганду.

В этой связи сегодня в понятие «геноцид», как мне видится, мы должны включить такие действия, как:

– запрещение или ограничение пользования национальным языком в общественной и частной жизни;

– запрещение или уничтожение публикаций, запрещение проведения научных и исследовательских работ на национальных языках;

– запрещение или ограничение создания литературных произведений, произведений театрально-сценического, кинематографического искусства и аудиовизуальных программ;

– уничтожение исторических, религиозных строений и памятников, музеев, предметов искусства, в том числе произведений церковно-литургического искусства, документов, а также других артефактов национальной культуры, традиций и обычаев народов

В общем, всё то, что убивает память и душу народа!

Сейчас мир как никогда нуждается в разработке эффективных инструментов обеспечения права в международных отношениях, которые должны определить дальнейшее развития человеческой цивилизации. Поэтому уж кто-кто, а Россия, как мне представляется, будучи мультирегиональной державой, не должна стоять в стороне от этого процесса. Ведь мы граничим с 18 странами, и нам должно быть дело до всего…

В таких условиях нашему Отечеству чрезвычайно важно сохранять моральные ориентиры, среди которых итоги Нюрнберга занимают центральное место.

Напомню, что вопрос о культурном геноциде уже рассматривался в Организации Объединенных Наций в конце 40-х годов накануне принятия Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года. Тогда советская делегация внесла следующее предложение: *«Комитет констатирует, что в понятие геноцида должны быть включены также мероприятия и действия, направленные против национальной культуры, так называемый национально-культурный геноцид…»*. Это предложение было принято голосами СССР, Польши, Франции, Ливана, Китая и Венесуэлы. К сожалению, другие страны нас тогда не поддержали. И понятно почему…

Попытки колониальной эксплуатации «низших рас» Китая и Кореи власти Японии начали предпринимать еще в начале XX века. Летом 1910 года японская армия фактически аннексировала Корею, которая оставалась колонией Японии вплоть до окончания Второй мировой войны.

Начало Второй мировой войны создало благоприятную обстановку для осуществления Японией захватнических планов в Тихоокеанском регионе. В официальных документах японских властей эти усилия провозглашались как борьба за создание «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» и предусматривали присоединение к Японии Австралии, Филиппин, Бирмы, Таиланда и Новой Зеландии, а также части Китая. План заключался в том, чтобы, освободив восточноазиатские страны от западного колониализма и формально предоставив некоторым из них независимость, на деле установить над ними жесткий контроль, сделав бесправными сателлитами.

В японском правительстве постоянно, особенно в начале войны, поднимался вопрос о том, на какой фронт направить свои силы: на северный или южный. Многие представители военного командования Японии отстаивали стратегию «Нансин», что означает «На юг»; эта стратегия подразумевала захват Юго-Восточной Азии и Голландской Ост-Индии. Другие были сторонниками стратегии «Хокусин», или «На север»: они считали, что Советский Союз представляет угрозу, с которой нужно разобраться в первую очередь…

Преступления против человечности, ставшие юридическим термином в Нюрнберге, на Тихоокеанском театре правосудия были признаны лишь частично и избирательно. А за лаконичными юридическими формулировками скрывались ужасы, сравнимые с нацистскими, а порой и превосходящие их по изощрённости.

Токийский процесс начал свою работу 3 мая 1946 года и задумывался как восточный аналог Нюрнбергского трибунала. Но полностью таковым так и не стал – он стал фасадным. В качестве обвиняемых было привлечено 29 преступников, главным образом из числа высшего военного и гражданского руководства Японской империи. Семеро из них были приговорены к высшей мере наказания.

Если Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге был выработан на основе соглашения между правительствами четырех держав, то Международный военный трибунал в Токио образовывался совсем по-другому. Его организация поручалась исключительно генерал-губернатору Японии, генералу Дугласу Макартуру, как его называли еще, «Цезарю Японии». И он лично решал многие вопросы, в том числе процессуальные, относящиеся к компетенции процесса.

И право здесь напрямую столкнулось с политикой, а справедливость оказалась заложником компромиссов. В подтверждение своих слов хочу привести мнение профессора истории Вашингтонского университета США Питера Кузника, с которым я сотрудничаю почти 20 лет. Он давал интервью для многих документальным фильмов, которые снимались по моим сценариям. Последняя очная встреча с Питером и обмен мнениями у меня прошла с ним в апреле 2025 года в Москве.

Вот, в частности, что он говорил: *«США устанавливали правила на этом процессе, определяли состав судебной коллегии, принимали решения. То есть в большой степени это было представление, срежиссированное США… Процессом в реальности управлял американский прокурор, а руководил этим всем генерал Дуглас Макартур. США были заинтересованы в главенствующей роли на процессе еще и потому, что определенная информация на суде не должна была всплыть. В конце концов, трибунал фактически развалился на два лагеря. Американцы занимались своими делами, СССР – своими. Сотрудничество свелось на нет».*

Вместе с американским ученым-историком, писателем и сценаристом Питером Кузником в Москве (апрель 2025 г.)

Вот так злодеяния, совершённые с изощренной жестокостью против рода человеческого, пытались похоронить под могильными плитами – судили там не всех. Многие архитекторы войны, идеологи японского милитаризма, элита дзайбацу – остались вне досягаемости.

Император Хирохито, чья тень буквально висела в зале, где вершилось правосудие, и под чьим именем шла война, так и не оказался на скамье подсудимых. США сознательно провели красную линию, исключив его из обвинений. Тем не менее тень Хирохито, как символ высшей безнаказанности, легла на весь Токийский процесс.

Генерал-губернатор Дуглас Макартур, которому США поручили организовать Токийский процесс, не скрывал своей позиции по этому вопросу. Он считал, что необходимо сохранить Хирохито для стабилизации ситуации Японии в послевоенный период. Император, по его мнению, обладал сакральным авторитетом, который можно было использовать для проведения реформ и подавления возможных выступлений: *«Если бы мы предали суду императора, мы бы потребовали миллионы солдат, чтобы удерживать Японию»*, – утверждал Макартур.

Тем не менее, даже сквозь железобетонные стены западной цензуры и политических ограничений, правда прорвалась. Свидетели говорили. Документы вскрывались. В ходе процесса появлялись факты, указывающие на вину «монополистов» и «банкиров», хотя никто из них не предстал перед судом. Миру показали лишь верхушку айсберга, под которой скрывалась планомерная система насилия, выстроенная во имя «расы Ямато» и во славу императорского культа.

Но Советский Союз знал: под этой «верхушкой» скрываются архичудовищные преступления, о которых Токийский трибунал по понятным причинам не осмелился и не пожелал говорить вслух. Опыты на живых людях (которых японцы назвали «бревнами»), использование их в качестве «материала» для вивисекции, массовое применение бактериологического оружия, тайные биолаборатории – всё это было не просто частью японской военной машины, но и прямой угрозой для будущего человечества.

И только проведение Советским Союзом молниеносной Манчьжурской стратегической операции (август 1945 года) лишило японцев возможности продолжать свои сатанинские преступления, а для многомиллионных народов Азии означало спасение их от истребления.

Тишина Токио заставила говорить Хабаровск. Ведь именно Хабаровский процесс, прошедший в СССР в 1949 году, стал пер-

вым и единственным масштабным судом в истории, открыто признавшим факты разработки и применения бактериологического оружия. К уголовной ответственности на нем были привлечены 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия в нарушение Женевского протокола 1925 года в период Второй мировой войны. Все они признали вину и были осуждены.

Хабаровский процесс, который поведал нам об этих кровавых скрижалях – это боль, в которой до сих пор стонет преисподня.

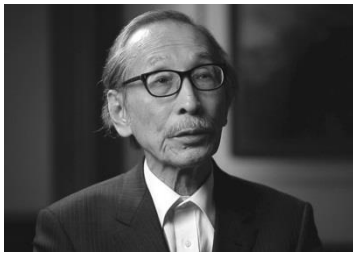
И всё же, даже на Хабаровском процессе, не было главного отравителя, креатуры Императора Хирохито – генерала-микробиолога Исии Сиро. Его американцы СССР не выдали. В обмен на переданные США наработки и эксперименты, проводимые в отрядах 100 и 731, Исии Сиро не был предан суду и был использован американцами при создании секретной базы Форт-Детрик в штате Мэриленд, ставшей ядром американской программы бактериологического оружия. Правосудие в отношении него так и не состоялось. Но состоялся бартер на крови.

Во время съемок фильмов «Токийский процесс. Правосудие с акцентом» и «Апокалипсис по-японски», которые были показаны по российскому телевидению (я был художественным руководителем и автором сценариев этих фильмов), мы встречались со многими известными японцами. И они в откровении много чего нам под камеру рассказали:

– Харуки Вада, историк, заслуженный профессор Токийского университета: *«Существование отряда № 731, равно как и то, что его деятельность была преступной, японским правительством до настоящего времени так и не признано. Это очень постыдный факт. До сих пор делается вид, что в истории Японии вообще не существовало никакого отряда № 731… Я убежден, что это обстоятельство четко и недвусмысленно должно быть исправлено».*

– Акина Кобаяси, известный политолог, преподаватель токийского университета Хосэй: *«Если говорить о чувствах японцев, особенно молодых, то им почти ничего не известно о войне. И это одна из главных проблем японского общества. Чем Япония занималась (…), и что она делала в других странах Азии, в Японии сегодня вообще почти не говорят. В результате, когда рядовой японец пытается представить себе, что такое война, у него возникает ощущение, что "мы, японцы, – жертвы"».*

А старший научный сотрудник Гарвардской школы им. Дж. Кеннеди Закари Кауфман из США тогда нам недвусмысленно артикулировал: *«Правительство США предоставило расширенную амнистию, обеспечило питание, довольствие и досуг более чем 3600 японских ученых, врачей и других служащих, задействованных в проведении экспериментов над людьми, жертвами которых стали тысячи мирных жителей и военнопленных из числа союзных армий. Зачем? США были крайне заинтересованы в информации, полученной в результате медицинских экспериментов, и в связи с надвигающейся холодной войной предпочли получение этой информации торжеству правосудия. В обмен на бумаги с результатами ценных опытов Исии Сиро (командующий химическими и биологическими войсками Квантунской армии) и его коллеги получили от Америки иммунитет от судебного преследования. Требование Советского правительства предать сотрудников отряда № 731 Международному военному суду было отвергнуто».*



Харуки Вада

Акина Кобаяси

Закари Кауфман

Тем не менее на Токийском процессе было неопровержимо доказано, что агрессивная политика в отношении Советского Союза являлась важнейшей составной частью внешнеполитической программы правящих кругов Японии. Свое

начало она берет еще со времен участия Японии в интервенции на советском Дальнем Востоке. Когда Япония оказалась перед явным крахом своих захватнических грабительских планов на Дальнем Востоке, ее представители на Дайренской конференции в апреле 1922 года все же пытались навязать Дальневосточной республике договор, который по сути своей был попыткой превратить советский Дальний Восток в колонию Японии.

В период между двумя мировыми войнами политика Японии по отношению к Советскому государству складывалась как традиционно враждебная. Один из ее активных вдохновителей, подсудимый на Токийском процессе Коки Хирота, как это зафиксировано в приговоре, еще в бытность свою послом в Москве в 1931 году, передал в Генеральный штаб Японии, что *«нужно занять решительную позицию по отношению к Советскому Союзу, приняв решение воевать с СССР в любое время, когда это окажется необходимым. Однако целью должна быть не столько зашита против коммунизма, сколько оккупация Дальнего Востока и Сибири»*.

Агрессивность антисоветской политики Японии особенно возросла после ее вступления в альянс с гитлеровской Германией и заключения Антикоминтерновского пакта, прикрывавшего секретные военно-политические соглашения блока агрессоров против СССР.

Готовясь к захвату советских территорий, японские стратеги детально разрабатывали формы «нового порядка», который намечалось насадить на советской земле. Они считали этот захват вполне реальным. Поэтому неудивительно, что в Генеральном штабе и в штабе Квантунской армии был выработан конкретный план по дальнейшему управлению захваченными территориями. И с июля по сентябрь 1941 года специальная группа офицеров Генерального штаба конкретно занималась изучением только этого вопроса.

Советский Союз планировалось разделить между Японией и Германией. Причем граница между японскими и германскими владениями должна была проходить в районе Омска. Территория Советского Приморья и Восточной Сибири, вплоть до озера Байкал, должна была войти в состав Японии и Маньчжоу-Го.

В планах по управлению оккупируемыми областями, составленных Институтом тотальной войны, были намечены террористические мероприятия по установлению политического режима на территориях СССР. В оккупируемых районах предусматривалось введение военной администрации. *«Все старые законы и указы должны считаться недействительными. Вместо них будут проводиться в жизнь простые, но сильные военные приказы. <…> Местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни. <…> На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны. <…> Нашей целью должно быть внедрение нашей мощи, и для этого мы должны приложить все силы, не опускаясь при этом до так называемой отеческой опеки»*. Советских граждан, проживавших на Северном Сахалине, японцы собирались использовать в качестве рабочей силы для разработки рудников.

В целом, планы японских империалистов мало чем отличались от кровавого режима террора и подавления, установленного немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях.

К сожалению, послевоенные реалии позволили многим нацистам уйти от ответственности. И пока мы «закатывали в асфальт» Сталина, они подняли опять на щит Гитлера и его сателлитов.

Через 19 лет после войны в Западной Германии нацистское прошлое имели: 20 членов правительства; 189 генералов, адмиралов и офицеров бундесвера и НАТО; 1118 высокопоставленных чиновников юстиции, прокуроров и судей, 244 руководящих чиновника МИД.

А еще раньше, в Японии, через 14 лет после капитуляции – 16 августа 1960 года – на вершине горы Микэнояма около города Нагоя был открыт памятник семи главным японским военным преступникам, повешенным в 1948 году. На памятнике высекли надпись: *«Могила семи самураев-мучеников»*. При открытии памятника им были возданы все надлежащие почести…

Вот так нацизм выходил из тени прошлого. И сейчас страны, его поддерживающие, семимильными шагами опять несутся в фашистскую тьму.

Говоря сегодня о Токийском процессе, можно смело констатировать, что он актуален и сегодня – в условиях роста неонационализма, реваншизма и политики силы. Он напоминает: угроза миру исходит не только от власти, армии и милитаризиро-

ванного бизнеса, но и от идеологии, поставленной на службу смерти, а также от технократического цинизма и милитаризации научных исследований, агрессивной неофашистской риторики.

Заключение

И в заключение хотел бы отметить, что проведенный Токийский процесс – это не только историческая необходимость, но и чрезвычайный повод для раздумий о том, что произошло и что было потом; почему многие «палачи ада» – представители расы Ямато – ушли от законной ответственности, и кто им в этом помог. А также это еще и великая печаль от того, что некоторые современные «киллеры от истории» пытаются извращать прошлое и делают это самым беспардонным образом.

Поэтому только через правду и историческую память возможно построить будущее, свободное от повторения трагедий прошлого. И наш долг – быть ревностными стражами трагических уроков прошлого и дерзновенно бороться с преступной идеологией превосходства, способной сжечь в пламени войны все человечество.

Информация об авторе

А. Г. Звягинцев *– Заслуженный юрист Российской Федерации, Лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова*

Статья поступила в редакцию 14.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the author

A. G. Zvyagincev *– Honored Lawyer of the Russian Federation, Winner of the State Prize of the Russian Federation named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov*

The article was submitted 14.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Обзорная статья

УДК 340.12

ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА ЗВЯГИНЦЕВА КАК ОСОБАЯ ФОРМА ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И САМОПОЛАГАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андрей Юрьевич Кийко[1], Анатолий Анатольевич Бакин[2]
[1, 2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] schizis@inbox.ru

Аннотация. Александр Григорьевич Звягинцев предстает перед читателями как видный советский и российский юрист, ученый-правовед, историк, писатель, сценарист, педагог, человек энциклопедического склада, жизнь которого является свидетельством беззаветного служения Отечеству и преданности делу права. Указывается, что работы Александра Григорьевича связаны с проблемами обеспечения справедливости и неотвратимости наказания преступников, особенно тех, кто совершил преступления против человечности, независимо от сроков давности. В соответствии с воззрениями А. Г. Звягинцева рассматриваются ценности и смыслы Нюрнбергского процесса, проводятся параллели между событиями 40-х гг. прошлого века и ситуацией, сложившейся в современной международной политике после начала специальной военной операции.

Ключевые слова: А. Г. Звягинцев, нравственность, ценности, патриотизм, истина, сознание, Нюрнбергский процесс, Великая Отечественная война, нацизм, историческая правда, политика

Для цитирования: Кийко А.Ю., Бакин А.А. Творчество Александра Звягинцева как особая форма ценностной ориентации и самополагания человека в современном мире // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 315–320. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/033.pdf.

Review article

CREATIVITY OF ALEXANDER ZVYAGINTSEV AS A SPECIAL FORM OF VALUE ORIENTATION AND SELF-DETERMINATION OF A PERSON IN THE MODERN WORLD

Andrey Yu. Kiiko[1], Anatoly A. Bakin[2]
[1, 2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] schizis@inbox.ru

Abstract. Alexander Grigoryevich Zvyagintsev appears before readers as a prominent Soviet and Russian lawyer, legal scholar, historian, writer, screenwriter, teacher, a man of an encyclopedic mindset, whose life is evidence of selfless service to the Fatherland and dedication to the cause of law. It is pointed out that Alexander Grigorievich's works are related to the problems of ensuring justice and the inevitability of punishment of criminals, especially those who have committed crimes against humanity, regardless of the statute of limitations. In accordance with the views of A.G. Zvyagintsev examines the values and meanings of the Nuremberg trials, draws parallels between the events of the 40s of the last century and the situation prevailing in modern international politics after the start of a special military operation.

Keywords: A. G. Zvyagintsev, morality, values, patriotism, truth, consciousness, the Nuremberg trials, the Great Patriotic War, Nazism, historical truth, politics

For citation: Kiiko A. Yu., Bakin A.A. Creativity of Alexander Zvyagintsev as a special form of value orientation and self-determination of a person in the modern world. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 315–320. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/033.pdf.

© Кийко А.Ю., Бакин А.А., 2026

Введение

Нравственный авторитет и широкая известность Звягинцева Александра Григорьевича в медийном пространстве обусловлены тем, что его усилия в сфере общественно-политической, правоохранительной, научной и т. д. деятельности направлены на поиск Истины

(что является высшей целью, к которой только может стремиться человек). С другой стороны – тем, что, являясь яркой, харизматичной личностью, профессиональным юристом, он конструирует смыслы, приобщая к творческому поиску «себя и своего места» в этом мире подрастающее поколение.

Основные положения

По мнению коллег, знакомство с творчеством А. Г. Звягинцева дает возможность значительному числу лиц ювенального возраста (как россиян, так и граждан зарубежных стран) не только многое узнать о состоянии правовой реальности, но и пережить ту особую эмоцию соприкосновения с исторической наукой, с познанием, с культурой, которая, по существу, имеет ту же природу, что и соприкосновение с чем-то сакральным и, одновременно, чрезвычайно важным, практически значимым. Трудно даже себе представить, насколько велико значение этих чувств и эмоциональных переживаний в развитии патриотического правосознания, в формировании вкусовых предпочтений, ценностных ориентаций молодых людей. То есть всего того, что называется интеллектуально-этической структурой личности.

Если взять драматургию, сценарии, художественные произведения автора, то сразу же обращает на себя внимание бережная работа с текстом, с каждым словом. Текст как бы оживает и передает определённый посыл, выражая мысли и чувства А. Г. Звягинцева. Как правило, персонажи Александра Григорьевича находятся в экстремальных обстоятельствах, в условиях общечеловеческого, криминального или остросоциального конфликта (кризиса) и им предстоит сделать моральный выбор. Через знаковые штрихи, едва уловимые детали, автор передает весь драматизм времени, всю разноголосицу судеб, очерчивая «сектор противоборства» Добра и Зла, как столкновение «низости» с чем-то высоким и гуманным.

С каждой новой страницей читатель убеждается, что автор обладает большим жизненным опытом, ему есть, что сказать, суждения его искренни, глубоки и нередко афористичны. В отличие от современной «литературной поденщины» у А. Г. Звягинцева отсутствуют банальные и поверхностные фразы, резонерство, он усиленно избегает излишнего пессимизма, использования всякого рода суррогатов и симулякров. Художественная литература, сценарная деятельность для А. Г. Звягинцева – это область высокого искусства, а писатель воспринимается уважаемым автором, как человек с особо чутким видением мира, отмеченный талантом и невероятным трудолюбием.

Александр Григорьевич признает, что мы живем в сложное и крайне ответственное время, когда каждый должен четко и однозначно заявить о своей гражданской позиции, определиться, чью сторону он занимает. Нельзя быть пассивным наблюдателем в то время, когда над русским миром нависла угроза физического уничтожения. Силы ЗЛА создали прочный и радикальный антироссийский консенсус, деятельность которого ощущается во всех сферах жизнедеятельности, а особенно – на идеологическом фронте. Примером тому служат попытки пересмотра итогов Второй мировой войны. Для этого используется либо императивное отрицание очевидных фактов, либо нравственный релятивизм, который опасен тем, что приводит не только к конформизму и терпимости, но и к откровенной лжи, к имморализму, «уравнивающему» добро и зло в их экзистенциальном значении. Приверженцы постдемократии открыто объявляют нравственность не только надуманной и субъективной категорией, но и опасным, противоречащим природе вещей феноменом, рудиментом, который следует удалять «хирургическим» методом. В работах А. Г. Звягинцева убедительно доказывается, что ЗЛО не может быть жизнеутверждающим фактором, в какой-то момент оно выйдет из-под контроля и «поглотит» своих адептов.

Умышленная фальсификация истории стала обязательной частью либерального политического дискурса. Нацистские преступники, изуверы и садисты стали объявляться героями, а освободители Европы – захватчиками. А. Г. Звягинцев ищет ответ на вопрос – как такое стало возможным? Ищет и пытается ответить на него максимально честно, искренне – всем своим творчеством.

Как нам представляется, А. Г. Звягинцев считает, что в сознании каждого человека присутствуют элементы непреложного нравственного закона. Но если они находятся в зачаточном состоянии, если их никто и никогда не культивировал, то дисгармония души, ложные убеждения, потеря «человеческого образа» и

добродетели становится источниками ЗЛА, саморазрушения, противоправной активности.

К сожалению, в современном мире мораль и право по-прежнему далеко неоднозначны, но внутренняя «противоречивость» данных понятий способствует тому, что их требования предписывают верность таким позициям, таким качествам, которые позволяют бережно относиться к прошлому, понимать настоящее и с уверенностью глядеть в будущее. При этом не вызывает сомнений, что к морали более применима не временная хронология, а детализация ценностного содержания массового сознания (в виде информации о состоянии нравов, царящих в обществе, уровне духовности различных слоев населения, их запросах и потребностях).

Согласно А. Г. Звягинцеву, никакая перезагрузка массового сознания, никакие смены поколений, никакие культурно-исторические парадоксы и манипуляции не могут служить обоснованием перехода ЗЛА в ДОБРО и наоборот. Ученый придерживается позиции, согласно которой, при любом, даже самом неблагоприятном развитии событий, традиционная, общечеловеческая мораль постоянно, изо дня в день, делает свою кропотливую работу по нравственному очищению сознания, защите исторической памяти, укреплению духовности. Мораль по своей природе активна и представляет собой тот срез ментальной жизни человека, где обнаруживается его независимость от деструктивных воздействий. Именно общечеловеческая мораль дает людям возможность противостоять лжи и лицемерию, откликаться на те запросы и потребности времени, которые в силу своей актуальности более всего беспокоят неравнодушных граждан.

Научно-исследовательская и просветительская деятельность Александра Григорьевича неразрывно связана с изучением итогов Второй мировой войны, с Нюрнбергским процессом, с той сферой, где вопросы поиска Истины, сохранения Правды, объективности, проблемы моральной и юридической ответственности за военные преступления и их оправдание изначально имели непреходящее значение [1, с. 13–18; 2, с. 100–107; 3, с. 199–207].

События последних лет имеют явное сходство с событиями тридцатых – сороковых годов прошлого века, когда «коллективный Запад» бросил все свои силы на покорение Советского Союза. Складывающаяся обстановка обязывает нас вновь обратиться к тем урокам Великой Победы, которые могут помочь преодолеть существующие трудности. Это – уроки единства и сплочения, исторического оптимизма. Информация, содержащаяся в этих уроках, уже однажды позволила нашим людям выдержать тяжелейшие испытания.

В 40-х годах прошлого века в сознании абсолютного большинства советских людей зрели чувства, не допускавшие страха и уныния, они укрепляли уверенность в правоте борьбы против нацизма, в неизбежность торжества справедливости, в победе. В момент экзистенциальной опасности наш народ особенно остро прочувствовал и осознал неразрывную связь со своим историческим прошлым. В его мыслях и делах сфокусировались потребности переломной эпохи, бремя который он взвалил на свои плечи. По убеждению таких людей, как А. Г. Звягинцев, существенным уроком минувшей войны является необходимость отказа от излишней толерантности с силами, демонстрирующими высокий уровень конфронтации. Любой шаг к диалогу, к примирению, к сотрудничеству агрессор воспринимает как слабость. Поэтому на любые повторяющиеся провокации исторически враждебно настроенных к нам стран нужно отвечать жестко и незамедлительно.

Сегодня сотрудничество стран мирового большинства приобретает новые черты и сталкивается с новыми задачами. Поэтому России важно находить пути решения самых неоднозначных и спорных вопросов, эффективно воздействовать как на партнёров, так и на оппонентов ради достижения конструктивных целей. Перед государствами и народами, разделяющими концепцию многополярности, всё сильнее растет потребность в сотрудничестве. К сожалению, говоря о защите национальных интересов, приходится констатировать, что в XXI веке прежние представления о международной политике, «взаимных договоренностях», безопасности и стабильности уже не могут рассматриваться как «достаточные». Тем не менее понятие безопасности по-прежнему отражает такую объективную

потребность стран и народов, которая предполагает оптимизацию существования человека при обязательном исключении насилия над ним, над его семьей, общественными отношениями, внешней средой (природой).

Но вернемся к Нюрнбергскому процессу, которому за 80 лет было посвящено несметное количество литературы. Александру Григорьевичу удалось сформулировать и отстоять собственную точку зрения. Она отличалась научной новизной и теоретической значимостью. В результате А. Г. Звягинцев стал общепризнанным авторитетом по данной проблематике. Одной из главных заслуг автора является то, что он сумел продемонстрировать влияние Нюрнбергского процесса на всю юридическую науку и мировой порядок.

Во время выступления на Всероссийской научно-практической конференции в Санкт-Петербурге 22 ноября 2022 года А. Г. Звягинцев акцентировал внимание присутствующих на том, что Нюрнбергский трибунал стал важной вехой в развитии международного права и национальных правовых систем. Трибунал оказал существенное влияние на становление многих норм международного гуманитарного и уголовного права. Нюрнбергский трибунал сделал то, чего не удалось добиться человечеству после окончания Первой мировой войны.

Приговор Суда, по мнению ученого, был обращен не только к прошлому, но и к будущему. По замыслу мирового сообщества, он должен был стать грозным предостережением всем тем, кто попытался бы посягнуть на мирную жизнь человечества. Фактически, он и сегодня воспринимается как первый в истории цивилизации суд народов над агрессией и агрессорами. Однако, как оказалось, Зло не кануло в Лету, как думали тогда в эйфории Великой Победы. И это крайне прискорбно, ибо приходится констатировать, что в наше время мы видим немало примеров возрождения нацистской идеологии, а также забвения и искажения истории и уроков Второй мировой войны.

Профессор А. Г. Звягинцев упомянул об инициативе нашего государства, которая на протяжении уже многих лет вносит на пленарные заседания Генеральной ассамблеи ООН резолюцию, осуждающую героизацию нацизма, неонацизма и другие практики способствующие эскалации различных форм расизма, расовой дискриминации и ксенофобии. Против нее с завидным упорством голосуют лишь две страны – США и Украина.

Еще одно важное наблюдение, сделанное А. Г. Звягинцевым, касается того, что в насаждаемых в ряде стран и международных организациях политизированных трактовках истории предвоенного и военного периода звучат утверждения о якобы равной ответственности Гитлера и Сталина, нацизма и коммунизма за развязывание Второй мировой войны. В этой связи А. Г. Звягинцев дал максимально исчерпывающие пояснения. Во-первых, Суд народов чётко определил, кто развязал Вторую мировую войну. Во-вторых, на этот счёт существуют очевидные и установленные факты, закреплённые приговором Нюрнбергского военного трибунала. В-третьих, существует очевидная разница между идеологией и практикой политики Третьего рейха и Советского Союза.

А тем, кто прибегает к таким, мягко говоря, некорректным сравнениям, заявил ученый, надо напоминать, что самые чудовищные, сатанинские злодеяния, совершённые во время Второй мировой войны, были взращены на человеконенавистнических постулатах и окормлены в кичащейся своей культурностью и цивилизованностью Западной Европе.

Заключение

Подводя итог сказанному, Александр Григорьевич особо подчеркнул: исторические факты о Второй мировой войне настолько очевидны, что отрицать их – значит совершать преступление. Таким образом, Нюрнбергский процесс – это не только историческая необходимость, но и чрезвычайный повод для раздумий о том, что произошло и что было потом, и наконец, великая жалость по поводу того, что решения трибунала некоторые пытаются извращать и ревизировать. С учётом этих попыток, а также желания отдельных современных витий предать Нюрнбергский процесс забвению или умалить его значение – перед человечеством стоит задача постоянно поддерживать огонь этой свечи разума и справедливости!

Да, действительно, главное в выступлении уважаемого ученого – это

подтверждение того, что сам факт Нюрнбергского трибунала и его решения не имеют обратной силы, не подлежат пересмотру. И пусть здесь есть разные точки зрения насчёт давности, они не имеют (во всяком случае, в существующем на сегодняшний день общественно-политическом измерении) срока давности. Они не могут быть списаны в архив, потому что имеют высшую степень актуальности и по настоящий момент.

Как нам представляется, попытки пересмотреть решение Нюрнбергского трибунала имеют под собой как минимум три возможных объяснения. Первое непосредственно связано с проблемой «возрождения» нацистской идеологии в Европе и на Украине. Вторая составляющая этой ситуации заключается в том, что многим на Западе по-прежнему крайне «болезненно» и раздражающе видеть название нашей страны (как, когда то Советский Союз) на мировой карте. В-третьих, Нюрнберг не устраивают тех, кто стремится отдать лавры победителя исключительно США.

В финальной части нашей статьи хотелось бы остановиться еще на двух, заслуживающих внимание моментах. Так, Федеральным законом от 19 апреля 1995 года «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в нашей стране была учреждена ежегодная Государственная премия Российской Федерации имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Начиная с 1996 года, данная премия вручается ежегодно за выдающиеся достижения в области военной науки, создание новейших образцов вооружения и военной техники, а также за лучшие произведения литературы и искусства, посвященные Великой Отечественной войне. В 2026-м году Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина А.Г. Звягинцеву была присуждена Государственная премия Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и присвоено звание лауреата Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства за военно-исторический художественный фильм «Нюрнберг». Александр Григорьевич Звягинцев принял самое деятельное участие в создании этой киноленты - ведь он был автором идеи, литературного сценария и романа «На веки вечные», по которому снят фильм «Нюрнберг».

Напомним, что кинокартина, вышедшая на экраны страны в 2022-м году, имела большой успех. Более подробная версия в 4 сериях транслировалась также по российскому телевидению. Общее количество просмотров (с повторами) в кинотеатрах, на телевидении, стриминговых сервисах и онлайн-кинотеатрах составило около 100 миллионов.

С вручением указанной почетной награды Звягинцева А. Г. поздравила дочь Г. К. Жукова, выразив искреннюю радость в том, что премию получил «достойный человек».

В контексте сказанного важно уточнить, что Комиссию по государственной премии возглавляет начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, первый заместитель министра обороны Российской Федерации, командующий объединенной группировкой российских войск на Украине генерал армии В. В. Герасимов. В состав Комиссии входят видные военачальники, руководители ветеранских организаций, учёные, разработчики и организаторы производства военной техники, признанные деятели культуры, высшего военного образования и т. д.

Александр Григорьевич Звягинцев имеет особые отношения с Военной ордена Жукова академией войск национальной гвардии Российской Федерации. В частности, он многократно принимал участие в организуемых на ее базе мероприятиях, стал идейным вдохновителем создания учебного курса «Нюрнбергский процесс», преподаваемого курсантам [4, с. 125–133]. Его преданность исторической правде и профессионализм являются примером для всех коллег и близких. Военная академия войск национальной гвардии присоединяется к сердечным поздравлениям Звягинцева А. Г. со столь значимой и важной наградой [5], а также выражает искреннюю надежду на его дальнейшую продуктивную работу на благо российского права и исторической справедливости.

Список источников

1. Звягинцев А. Г. Историческая память: уроки Нюрнберга, геноцид и военные преступления в современном политическом дискурсе // Память и уголовное право: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 80-летию Победы советского народа и стран антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Ростов-на-Дону, 18 апреля 2025 года. Ростов н/Д: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. С. 13–18.
2. Звягинцев А. Г. Уроки Нюрнберга. Вселенское зло перед судом истории // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1(22). С. 100–107.
3. Звягинцев А. Г. Вирус нацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2026. № 1(111). С. 199–207.
4. Евстратова Ю. А. Обзор выступлений всероссийской научной конференции с международным участием «Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат» / Ю. А. Евстратова, А. А. Утюганов, Д. Е. Кузнецов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 4(21). С. 125–133.
5. Поздравляем Александра Звягинцева с присвоением звания лауреата Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства за фильм «Нюрнберг»! URL: https://alrf.ru/news/pozdravlyaem-aleksandra-zvyagintseva-s-prisvoeniem-zvaniya-laureata-gosudarstvennoy-premii-rf-v-obla/ (дата обращения: 24.05.2026).

References

1. Zvyagincev A. G. Istoricheskaya pamyat': uroki Nyurnberga, genocid i voennye prestupleniya v sovremennom politicheskom diskurse // Pamyat' i ugolovnoe pravo: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoj 80-letiyu Pobedy sovetskogo naroda i stran antigitlerovskoj koalicii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov, Rostov-na-Donu, 18 aprelya 2025 goda. Rostov n/D: Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2025. S. 13–18. (In Russ.).
2. Zvyagincev A. G. Lessons from Nuremberg. Universal Evil before the Court of History // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;1(22): 100–107. (In Russ.).
3. Zvyagincev A. G. The virus of Nazism // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2026;1(111): 199–207. (In Russ.).
4. Evstratova YU. A. Overview of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "The Main Process of Humanity. The Nuremberg Alarm" / YU. A. Evstratova, A. A. Utyuganov, D. E. Kuznecov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2022;4(21): 125–133. (In Russ.).
5. Pozdravlyaem Aleksandra Zvyaginceva s prisvoeniem zvaniya laureata Gosudarstvennoj premii Rossijskoj Federacii v oblasti literatury i iskusstva za fil'm «Nyurnberg»! Available from: https://alrf.ru/news/pozdravlyaem-aleksandra-zvyagintseva-s-prisvoeniem-zvaniya-laureata-gosudarstvennoy-premii-rf-v-obla/ (data obrashcheniya: 24.05.2026). (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*
А.А. Бакин *– кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук*

Information about the authors

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Legal), Docent*
A.A. Bakin – *Candidate of Sciences (Legal), Candidate of Sciences (Medical)*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Обзорная статья

УДК 340.1

ТРАДИЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ В ОБОСНОВАНИИ ЦЕННОСТНОЙ ПРИРОДЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Андрей Юрьевич Кийко[1], Дмитрий Васильевич Шкрум[2], Алик Галимзянович Хабибулин[3]
[1] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
[3] Высшая школа государственного аудита Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] dschkrum@mail.ru
[3] 21alik@mail.ru

Аннотация. Обсуждается вопрос о значении научной парадигмы естественного права в историческом развитии Российского государства, в культурных традициях коренных народов России и в их ценностях, об особенностях возрождения естественного права в современном научном дискурсе с учетом опыта П. И. Новгородцева. Рассматривается проблема степени актуальности естественно-правового мышления для обоснования аксиологического измерения права и понимания его значимости как нормативно-ценностного регулятора поведения личности в современном обществе. Ответы на эти вопросы во многом дает обращение к книге «Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности». Делается общий вывод о том, что эта работа подтверждает актуальность обновленной естественно-правовой модели, а сама книга В. П. Сальникова и Р. Ф. Исмагилова может стать существенным вкладом в разработку суверенной философии права России XXI столетия.

Ключевые слова: естественное право, нравственно-правовые ценности, традиция, философия права, правосознание, суверенитет, правовая культура

Для цитирования: Кийко А.Ю., Шкрум Д.В., Хабибулин А.Г. Традиции естественно-правового мышления в обосновании ценностной природы права и государства: их актуальность в XXI веке // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 321–328. URL: http://vestnik- academrg.ru/2026/06/034.pdf.

Review article

TRADITIONS OF NATURAL LAW THINKING IN SUBSTANTIATING THE VALUE-BASED NATURE OF LAW AND STATE: THEIR RELEVANCE IN THE 21ST CENTURY

Andrey Yu. Kiiko[1], Dmitry V. Shkrum[2], Alik G. Khabibulin[3]
[1] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky, Saint-Petersburg, Russia
[3] Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] dschkrum@mail.ru
[3] 21alik@mail.ru

Abstract. This article discusses the significance of the scientific paradigm of natural law in the historical development of the Russian state, the cultural traditions and values of Russia's indigenous peoples, and the specifics of the revival of natural law in modern academic discourse, taking into account the experience of P. I. Novgorodtsev. It examines the relevance of natural law thinking for substantiating the axiological dimension of law and understanding its significance as a normative and value-based regulator of individual behavior in modern society. Answers to these questions are largely provided by reference to the book "Philosophy of Law in Russia: Theoretical and Spiritual Prerequisites of Its Sovereignty." The general conclusion is that this work confirms the relevance of the updated natural law model, and the book by V. P. Salnikov and R. F. Ismagilov itself can become a significant contribution to the development of a sovereign philosophy of law in Russia in the 21st century.

Keywords: natural law, moral and legal values, tradition, philosophy of law, legal consciousness, sovereignty, legal culture

For citation: Kiiko A.Yu., Shkrum D.V., Khabibulin A.G. Traditions of natural law thinking in substantiating the value-based nature of law and state: their relevance in the 21st century. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 321–328. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/034.pdf.

© Кийко А.Ю., Шкрум Д.В., Хабибулин А.Г., 2026

Введение

Вопрос о природе права и правовых отношений на протяжении многих веков притягивал к себе внимание самых значительных умов человечества от Платона и Аристотеля до Гуго Гроция и Джона Локка, от Иммануила Канта и Георга Гегеля до Ганса Кельзена и Ивана Ильина. И до сегодняшнего дня дискуссии по этому вопросу не утратили своей остроты. Представители юридического позитивизма, до недавнего времени доминировавшие в научном сообщества, совершенно не готовы сдавать свои позиции. В то же время более глубокое знакомство с трудами классиков правовой мысли, особенно в отечественной традиции, заставляет нас еще и еще раз задуматься о ценностной природе права, о присутствии в нем абсолютного начала, выходящего за пределы эмпирии повседневных отношений. Это начало исторически определяла в правовых явлениях, осуществляя его теоретический синтез в понятии, метафизика права [7, с. 7].

Очевидно, что только тогда, когда абсолютное ценностное начало стимулирует человека на свободное следование нормам права, только тогда эти нормы вызывают у человека уважение, а подчинение им он связывает со своим нравственным выбором и человеческим достоинством. И лишь при соблюдении этих условий мы можем отличить право от насилия, а государство, по словам Блаженного Августина, от «шайки разбойников». Признать правоту классиков нас побуждает и внимательное отношение к тем тенденциям, которые мы наблюдаем в процессах развития законодательства Российской Федерации в крайние годы и которые явно говорят об усилении роли аксиологического начала в праве.

Основные положения

Сегодня теория права как никогда нуждается в фундаментальных философско-правовых исследованиях, обосновывающих аксиологическое измерение права и его возможности как нормативно-ценностного регулятора поведения личности. Такие исследования должны затрагивать также и область культурологии права, поскольку именно культура является той сферой жизнедеятельности общества, которая накапливает в себе ценностный потенциал общества и через механизм традиции передает его новым поколениям.

Культура современного общества – это исключительно сложный, многоплановый духовный, социальный, аксиологический феномен. Культура концентрирует в себе традиционные духовно-нравственные ценности, формы и способы отношения человека к природе, к обществу, к самому себе. Она составляет основной элемент любого способа деятельности человека, от материального производства до образцов высокого искусства, от самопознания и рефлексии до государственно-политического строительства.

«Государство не механизм, – писал Гегель, – а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [4, с. 229]. Это – совершенно справедливая мысль, которая определяет принадлежность государства и права к кругу явлений культуры и к ценностному миру. А значит, государственность и право следует рассматривать как формы проявления в объективном мире социальных отношений человеческой, духовной субъективности, составляющей основу свободы и целеполагание социального действия с ориентиром на идеал абсолютного добра, блага [6, с. 362–363]. Но именно эти начала – свобода и благая цель – составляют высшие метафизические основания культуры.

Связь сознания как непосредственной формы субъективности с правом и государством является, поэтому, не внешней рефлексией по отношению к ним, а их собственной внутренней определенностью. Правы были теоретики, выдающиеся мыслители прошлого, которые справедливо относили сознание, индивидуальное, а в особенности общественное сознание, к самой сущности социально-правовых отношений. В качестве примера можно привести учение Ф. К. фон Савиньи, для которого источником норм права и основ государственности выступало общественное правосознание, которое он трактовал предельно широко, как народный дух, лежащий в основе и естественного, и позитивного права [3, с. 40–49]. Тем самым правосознание можно понимать и как самостоятельное явление культуры, и как основание формирования права и государства, при-

дающее им ценностное и духовное измерение.

Классическая философия права, основы которой были заложены Платоном и Аристотелем, была преимущественно метафизикой права, сосредоточенной на проблеме экспликации абсолютного начала в праве, которое она связывала с областью естественного права [2; 9; 17]. В XVII–XVIII вв. конкуренцию ей составила теория общественного договора, ставшая прообразом современных позитивистских моделей права. На рубеже XVIII–XIX вв. сформировались новые парадигмы правового мышления – парадигма абсолютной свободы, выдвинутая И. Кантом, И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегелем, и историческая парадигма, предложенная Ф.К. фон Савиньи [5].

В начале XX столетия теория естественного права стала возвращать свои позиции, но уже как «возрожденное естественное право», модернизированное в Европе Р. Штаммлером, а в России П. И. Новгородцевым и его учениками. Философской предпосылкой возрожденного естественного права стала философия неокантианства с ее исключительным вниманием к проблематике ценностей и к вопросам их закрепления и реализации в культуре [22, с. 84–89]. Поэтому теорию «нового», постклассического, естественного права можно назвать по-преимуществу правовой культурологией, в отличие от классической теории естественного права, представители которой преимущественно разрабатывали вопросы метафизическихи теологических начал права.

Думается, что сегодня философия права, если она стремится определять теоретические и духовные основания суверенитета правовой политики государства, а значит и основания его суверенитета в целом, должна учитывать как абсолютные метафизические и теологические [12; 13; 14; 15; 16; 20], так и связанные с ними ценностно-культурологические основания права. Ее создатели должны с учетом актуальных задач правового строительства суверенной России как уникального «государства-цивилизации» [18] заново осмыслить все мировое, а особенно национальное, философско-правовое наследие, и разработать на этой основе целостное учение, включающее в себя метафизику, аксиологию, культурологию и теологию права. Именно такого рода ориентиры видели пред собой петербургские ученые, стоявшие еще в 1990-е годы у истоков философско-правовой школы, известной сегодня как научная школа проф. В. П. Сальникова.

1990-е и 2000-е годы были отмечены общим подъемом интереса к русской философии права, во многом инициированном работами, осуществленными по инициативе и при активном участии В. П. Сальникова: антология «Русская философия права: философия веры и нравственности» (1997), «История философии права» (1998), а также подготовленные к печати, снабженные научным аппаратом и вступительными статьями издания трудов классиков русской философии права. В следующем десятилетии увидели свет работы В. П. Сальникова: «Причинность как философско-правовая проблема» (2002) (в соавторстве с В. А. Бачининым); «Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа» (2005) (в соавторстве с В. А. Бачининым); учебник по философии права в соавторстве с С. Д. Чукиным и В. В. Балахонским.

Ко второй половине 2010-х гг. научная школа В. П. Сальникова сложилась окончательно; сформировался устойчивый ориентир на разработку метафизических, историко-философских, историко-правовых, культурологических и религиоведческих основ суверенной философии права [11, с. 14–18]. Рубежной стала работа Р. Ф. Исмагилова и В. П. Сальникова «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.)» (2017), которая представляла собой авторское исследование истории развития проблемы справедливости – центральной проблемы всей философско-правовой мысли, где глубоко взаимосвязаны метафизические основания права, восходящие к идее абсолютного добра [1; 8; 19, с. 32–40; 21, с. 196–210], и религиозно-нравственные аспекты правовой культуры общества.

Опираясь на положение П. И. Новгородцева о том, что своеобразные элементы русской философии права берут свое начало в философии Ф. М. Достоевского, В. П. Сальников выдвигает в качестве приоритета исследование под этим углом зрения творческого наследия великого представителя русской национальной культуры. Первый шаг на этом пути был сделан профессором Р. Ф. Исмагиловым, выпустившим под редакцией В. П. Сальникова курс лекций на тему «Философское наследие Ф. М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» (2017). Ряд глубоких и концептуально значимых монографий В. П. Сальников также подготовил в

этот период вместе с профессором С. И. Захарцевым: «Некоторые проблемы теории и философии права» (2014), «Философия. Философия права. Юридическая наука» (2015), «Философия и юридическая наука» (2019) и др. Одна из этих книг была переведена на английский язык и издана в Кембриджском университете Великобритании [23].

Итогом этого периода развития научной школы В. П. Сальникова стала монография, написанная им совместно с проф. Д. В. Масленниковым и проф. С. И. Захарцевым: «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» (2019, 2024). Эта работа, безусловно, имела программный характер и к настоящему времени выдержала два издания в России и одно в Великобритании [24]. В ней представлена развернутая концепция теоретических и методологических условий постижения и дискурсивного воспроизведения идеи абсолюта в праве, разработанная на основе авторской интерпретации достижений античной, новоевропейской и в особенности немецкой классической философии. При этом тема Ф. М. Достоевского получила здесь свое развернутое обоснование.

В дальнейшем тема «Достоевский и право» была еще более детально проработана в книге А. И. Бастрыкина, Р. Ф. Исмагилова, В. П. Сальникова «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)», изданной в 2021 г., а затем в 2023 г. В ней было показано, как великий писатель смог свести в единый синтез и выявить внутреннюю взаимосвязь ключевых вопросов бытия человека – идеи абсолютного добра, свободы, бессмертия души, и какое значение этот синтез имел и имеет для развития философии права в России.

В 2020-е годы рост влияния научной школы В. П. Сальникова при поддержке руководства Санкт-Петербургской военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации и при активном участии сотрудников Военной академии имел практический результат в подготовке и выпуске в свет целого ряда коллективных монографий, посвященных фундаментальным вопросам философии права, разработке ее суверенной модели: «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность» (2022, 2025), «Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства» (2022, 2024), «Философско-правовое познание: актуальные проблемы» (2022, 2025).

Опыт научной работы трех десятилетий, включая не только указанные выше книги, но и многочисленные статьи учеников и соратников В. П. Сальникова, в значительной степени обобщен в его новой фундаментальной монографии, написанной совместно с Р. Ф. Исмагиловым «Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности» (2025). В ней основной акцент сделан на аксиологические, культурологические и религиозные начала суверенной философии права. На основе анализа исключительно большого объема исторических, правовых и философских источников показано, как из духовных основ национальной культуры народов России «вырастало» ее общественное правосознание, как оно осознавало себя в формах классической русской философии права и как это знание могло преломиться в конкретные формы законотворческой деятельности.

Заключение

Авторами выделены различные грани отношения русской правовой культуры к многовековой традиции, основанной на опыте духовной жизни: «русский характер права имеет глубокую укорененность в жизненном укладе народа, обычаях, становящихся его основой, сущностью» [10, с. 33]. Именно поэтому «в русской духовной культуре традиция предстает живым началом, органически связанным с социальным бытием. Потому источником философии права в России стали не абстрактные формы рассудочной мысли, а действительные смыслы бытия ее народа и государства» [10, с. 36]. Творческое наследие митрополита Илариона Киевского, преп. Иосифа Волоцкого, митрополита Филарета (Дроздова) и других выдающихся русских мыслителей, глубоко познавших природу и историческое предназначение России, рассматриваются авторами в качестве значимого свидетельства о традициях правовой культуры нашей страны.

Исходя из анализа первоисточников, В. П. Сальников и Р. Ф. Исмагилов обосновывают мысль о том, что «Российское государство стало по-настоящему суверенным вместе с принятием православия князем Владимиром, о чем свидетельствует митрополит Иларион. Российское государство обрело новые формы, адекватные реалиям Нового времени, переосмыслив вслед за преп. Сергием Радонежским и преп. Иосифом Волоцким основы христианского миропонимания и трансформировав их в комплекс идей о человеке и государстве. И уже в послепетровской России, в XVIII, XIX, XX вв., эти идеи обрели четкие логические формы рационального европейского мышления в трудах

В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина… Включение в процесс государственного строительства России народов исламской культуры, начиная с XV века, дало еще одну опору российской государственности. И лишь с этого времени, утверждаясь на духовных опорах двух мировых религий – христианства и ислама, Российское государство окончательно обрело свою устойчивость и незыблемость, что было продемонстрировано всей его последующей историей» [10, с. 195].

Не менее значимой для становления национального правосознания в России авторам монографии представляется также и мусульманская правовая культура, имеющая мировое значение отечественная исламская теология [10, с. 198–271]. Как справедливо отмечают В. П. Сальников и Р. Ф. Исмагилов: «Сегодня суверенная философия права должна быть также и философией политико-правового диалога между различными народами, имеющими специфику своих ценностных систем» [10, с. 11]. Авторы ставят практическую задачу акцентировать в современном правовом просвещении генетическую связь духовно-нравственных основ российской государственности и традиционной исламской правовой культуры. И, наоборот, отмечают они, следует указывать на несовместимость с последней современного радикального исламизма. Здесь особенно важно донести до общества представление об авторитете классической российской теологии, представляющей подлинный ислам и несущей в себе заряд эффективной превенции экстремизму.

Высшую задачу права В. П. Сальников и Р. Ф. Исмагилов видят в том, чтобы гармонизировать все многообразные устремления, замыслы и действия людей, внося в их совместную жизнь начала справедливости. Но при этом и само право должно быть результатом гармонического синтеза различных правовых традиций и духовно-нравственных ценностей, которые и стремится осмыслить каждый из ученых, относящих себя к философско-правовой школе В. П. Сальникова. В итоге мы имеем своего рода версию обновленного естественного права, сочетающего традиции классической философии абсолютной справедливости и постклассической правовой культурологии, на которую ориентируется эта школа.

Разумеется, научная школа В. П. Сальникова – лишь одно из направлений в разработке современной философии права для суверенной России. Решение такой задачи и не может, и не должно быть делом только одного коллектива, но, скорее, – оно должно быть результатом разработок всего российского научного сообщества, дополняющих друг друга, нередко взаимопротиворечащих, вызывающих дискуссии. Сегодня среди философов права, вносящих наиболее значительный вклад в решение этих задач, можно назвать целую плеяду выдающихся ученых, таких как В. С. Горбань, В. Н. Жуков, А. В. Корнев, А. И. Овчинников, А. В. Поляков, А. Н. Савенков, Е. А. Фролова, И. Л. Честнов. Можно надеяться, что эта деятельность принесет свои плоды для развития и для дальнейшей аксиологизации российского законодательства, для возрастания духовных основ общественного правосознания и правовой культуры народов России.

Список источников

1. Ващенко А. Н. Идея абсолютного добра в учении о человеке Ф. М. Достоевского / А. Н. Ващенко, В. П. Сальников, И. В. Бердников // Modernity: человек и культура: Сборник материалов XXV научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Егоров. СПб. : РХГА, 2023. С. 66–70.

2. Верховодов Е. В. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля / Е. В. Верховодов, В. П. Сальников, В. Б. Романовская // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201–208.

3. Воробьев А. О. Идея общественного правосознания в учении Ф. К. фон Савиньи / А. О. Воробьев, П. А. Оль // Теория государства и права. 2025. № 2–1 (44). С. 40–50.

4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.

5. Денисов А. М. Идеи Фридриха Карла фон Савиньи в становлении исторической школы права (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1 / Денисов Антон Михайлович. СПб., 2026. 25 с.

6. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.

7. Захарцев С. И. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с.

8. Захарцев С. И. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1. С. 4–7.

9. Исмагилов Р. Ф. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19–26.

10. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб: Фонд «Университет», 2025. 552 с.

11. Керимов А. Д. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права / А. Д. Керимов, Д. В. Масленников // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 14–18.

12. Корнев А. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права / А. В. Корнев, В. В. Лазарев // Lex russica. 2025. № 3 (220). С. 142–151.

13. Лазарев В. В. Теологический аспект сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 1. С. 31–35.

14. Овчинников А. И. Правовая теология в контексте современного правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 87–92.

15. Овчинников А. И. Природа государственной власти в фокусе теологического мышления / А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 27–34.

16. Правовая теология в междисциплинарном дискурсе: монография / отв. ред. А. И. Овчинников. М. : РГ Пресс, 2023. 544 с.

17. Романовская Л. Р. Античные корни естественно-правовой теории / Л. Р. Романовская, Е. В. Верховодов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 84–88.

18. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М. : Наука, 2024. 739 с.

19. Сальников В. П. Институты права в идее абсолютного добра / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, М. В. Сальников // Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф. М. Раянов. Уфа: БашГУ, 2018. С. 32–40.

20. Сальников В. П. Конкретность тождества мышления и бытия как основание философии и теологии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, Е. В. Лукашин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 38–46.

21. Сальников В. П. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.

22. Фролова Е. А. Европа и Россия: неокантианцы о личности, праве и государстве (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научные труды. Российская академия юридических наук. Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 84–89.

23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

24. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI 10.17513/np.490

References

1. Vashchenko A. N. Ideya absolyutnogo dobra v uchenii o cheloveke F. M. Dostoyevskogo / A. N. Vashchenko, V. P. Sal'nikov, I. V. Berdnikov // Modernity: chelovek i kul'tura: Sbornik materialov XXV nauchno-prakticheskoy konferentsii / Otv. red. V. A. Yegorov. SPb.: RKHGA, 2023. S. 66–70. (In

Russ.).

2. Verkhovodov Ye. V. «Yestestvennoye pravo» i «dobrodetel'» v trudakh Aristotelya / Ye. V. Verkhovodov, V. P. Sal'nikov, V. B. Romanovskaya // Legal Science: History and Modernity. 2015;8: 201–208. (In Russ.).

3. Vorob'yev A. O. Ideya obshchestvennogo pravosoznaniya v uchenii F. K. fon Savin'i / A. O. Vorob'yev, P. A. Ol' // Theory of State and Law 2025;2–1 (44): 40–50.

4. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s. (In Russ.).

5. Denisov A. M. Idei Fridrikha Karla fon Savin'i v stanovlenii istoricheskoy shkoly prava (istoriko-pravovoye issledovaniye): Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 5.1.1 / Denisov Anton Mikhaylovich. SPb., 2026. 25 s. (In Russ.).

6. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye. V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ.).

7. Zakhartsev S. I. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 s. (In Russ.).

8. Zakhartsev S. I. Svoboda kak konkretnost' idei absolyutnogo dobra v filosofii prava Dostoyevskogo / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // Monitoring of Law Enforcement. 2020;1: 4–7. (In Russ.).

9. Ismagilov R. F. Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v yestestvenno-pravovoy traditsii / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // The World of Politics and Sociology. 2016;9: 19–26. (In Russ.).

10. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskiye i dukhovnyye predposylki yeye suverennosti / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb: Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).

11. Kerimov A. D. Nauchnaya rabota peterburgskikh pravovedov v perspektive suverennoy filosofii prava / A. D. Kerimov, D. V. Maslennikov // Monitoring of Law Enforcement. 2019;4 (33): 14–18. (In Russ.).

12. Kornev A. V. Teleologicheskiye i teologicheskiye smysly razvitiya rossiyskogo prava / A. V. Kornev, V. V. Lazarev // Lex russica. 2025;3 (220): 142–151. (In Russ.).

13. Lazarev V. V. Teologicheskiy aspekt sravnitel'nogo pravovedeniya // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2025. Vol. 21;1: 31–35. (In Russ.).

14. Ovchinnikov A. I. Pravovaya teologiya v kontekste sovremennogo pravoponimaniya // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2021. T. 8;4: 87–92. (In Russ.).

15. Ovchinnikov A. I. Priroda gosudarstvennoy vlasti v fokuse teologicheskogo myshleniya / A. I. Ovchinnikov, T. A. Fetisov // North Caucasian Legal Bulletin. 2022;1: 27–34. (In Russ.).

16. Pravovaya teologiya v mezhdistsiplinarnom diskurse: Monografiya / otv. red. A. I. Ovchinnikov. M.: RG Press, 2023. 544 s. (In Russ.).

17. Romanovskaya L. R. Antichnyye korni yestestvenno-pravovoy teorii / L. R. Romanovskaya, Ye. V. Verkhovodov // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Law. 2002;1: 84–88. (In Russ.).

18. Savenkov A. N. Filosofiya prava i stanovleniye rossiyskogo gosudarstva-tsivilizatsii: monografiya. M.: Nauka, 2024. 739 s. (In Russ.).

19. Sal'nikov V. P. Instituty prava v ideye absolyutnogo dobra / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, M. V. Sal'nikov // Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva: sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.) / otv. red. F. M. Rayanov. Ufa: BashGU, 2018. S. 32–40. (In Russ.).

20. Sal'nikov V. P. Konkretnost' tozhdestva myshleniya i bytiya kak osnovaniye filosofii i teologii prava / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, Ye. V. Lukashin // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2025. Tom 12 Nomer 2: 38–46. (In Russ.).

21. Sal'nikov V. P. Teoreticheskiye i dukhovno-nravstvennyye predposylki istinnoy suverennosti filosofii prava Rossii / V. P. Sal'nikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [i dr.] // Theory of State and Law. 2024;3 (38): 196–211. (In Russ.).

22. Frolova Ye. A. Yevropa i Rossiya: neokantiantsy o lichnosti, prave i gosudarstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Trudy chlenov Rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk (RAYUN) i materialy XXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2025. S. 84–89. (In Russ.).

23. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

24. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI 10.17513/np.490

Информация об авторах

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*
Д. В. Шкрум *- кандидат политических наук*
А. Г. Хабибулин *– доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Заслуженный юрист Республики Башкортостан*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

Information about the authors

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Law), Docent*
D. V. Shkrum *– Candidate of Sciences (Politics)*
A. G. Khabibulin *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 27.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02349, https://rscf.ru/project/25-28-02349/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Обзорна статья

УДК 355.23

ФОРМИРОВАНИЕ 607-го ОРДЕНА ЖУКОВА ЦЕНТРА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Павел Дмитриевич Козаев[1], Антон Дмитриевич Внуков[2], Денис Александрович Ткачев[3]
[1, 3] Войсковая часть 6762, Железноводск, Ставропольский край, Россия
[2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] kozaevpd@rosgvard.ru
[2] anton.vnukov.00@mail.ru
[3] tkachevda@rosgvard.ru

Аннотация. В статье, на основе анализа документальных сведений, рассматривается история создания, реорганизации и боевого пути

607-го ордена Жукова центра специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации. Прослеживается преемственность от 17-го отдельного отряда специального назначения внутренних войск Министерства Внутренних Дел России (далее – МВД России), раскрываются этапы комплектования, география служебно-боевых задач и роль подразделения в обеспечении безопасности на Северном Кавказе. Анализируются методики боевой и психологической подготовки личного состава, а также механизмы отбора (испытания на краповый берет). Отдельное внимание уделяется системе увековечения памяти погибших военнослужащих и государственным наградам. На основе боевого опыта и интервьюирования участников событий выявляются факторы, влияющие на успешное выполнение служебно-боевых задач. Работа вводит в научный оборот фактические данные о деятельности одного из ключевых спецподразделений Росгвардии.

Ключевые слова: Росгвардия, 607-й центр специального назначения, 17-й отряд спецназа, войска национальной гвардии, внутренние войска МВД России, контртеррористическая операция, специальная военная операция, воинская память, спецназ, Кавказские Минеральные Воды, краповый берет, горная подготовка, психологическая устойчивость

Для цитирования: Козаев П.Д., Внуков А.Д., Ткачев Д.А. Формирование 607-го ордена Жукова центра специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации: историко-аналитический обзор // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 329–341. URL: http://vestnik- academrg.ru/2026/06/035.pdf.

Review article

FORMATION OF THE 607th ORDERS OF ZHUKOV SPECIAL PURPOSE CENTER OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND ANALYTICAL REVIEW

Pavel D. Kozaev[1], Anton D. Vnukov[2], Denis A. Tkachev[3]
[1, 3] Military Unit 6762, Zheleznovodsk, Stavropol Territory, Russia
[2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] kozaevpd@rosgvard.ru
[2] anton.vnukov.00@mail.ru
[3] tkachevda@rosgvard.ru

Abstract. Based on the analysis of documentary information, the article examines the history of the creation, reorganization, and combat path of the 607th Zhukov Order Special Purpose Center of the National Guard Troops of the Russian Federation. It traces the continuity from the 17th Separate Special Purpose Detachment of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, reveals the stages of recruitment, the geography of combat missions, and the role of the unit in ensuring security in the North Caucasus. The article analyzes the methods of combat and psychological training of personnel, as well as the selection mechanisms (the Krapov Beret test). Special attention is given to the system of commemorating fallen military personnel and state awards. Based on combat experience and interviews with participants in the events, the factors influencing the successful performance of combat missions are identified. This work introduces factual data on the activities of one of the key special units of the Russian National

Guard into scientific circulation.

Keywords: Rosgvardia, 607th Special Purpose Center, 17th Special Forces Detachment, National Guard Troops, Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Counter-Terrorist Operation, Special Military Operation, Military Memory, Special Forces, Caucasian Mineral Waters, Krapov Beret, Mountain Training, Psychological Stability

For citation: Kozaev P.D., Vnukov A.D., Tkachev D.A. Formation of the 607th orders of Zhukov special purpose center of the national guard troops of the Russian Federation: historical and analytical review. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 329–341. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/06/035.pdf.

© Козаев П.Д., Внуков А.Д., Ткачёв Д.А., 2026

Введение

Изучение истории подразделений специального назначения является важной частью военно-исторической науки, поскольку позволяет выявить закономерности развития войск, механизмы адаптации к изменяющимся угрозам и принципы воспитания личного состава. Одним из таких формирований, чей путь отражает эволюцию силовых структур постсоветской России, является 607-й ордена Жукова центр специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации, дислоцированный в г. Железноводске Ставропольского края. Настоящая статья представляет собой анализ его становления, оперативной деятельности и традиций на основе первичного документа – официальной исторической справки.

Основные положения

Исторические предпосылки и этап формирования.

Точкой отсчета истории подразделения считается 1998 г., когда в соответствии с приказом МВД России от 5 октября 1998 г. на базе 208 отдельного специального моторизированного батальона внутренних войск МВД России был сформирован 17-й отряд специального назначения войсковой части 6762. Пункт постоянной дислокации – г. Минеральные Воды Ставропольского края. Выбор места базирования был обусловлен сложной оперативной обстановкой на Северном Кавказе в конце 1990-х годов.

Кадровую основу отряда составили военнослужащие, имевшие опыт службы в группах специального назначения следующих соединений ВВ МВД России:

8-й бригады оперативного назначения;

59-го, 81-го, 676-го полков оперативного назначения;

взвода специального назначения 84-й отдельной бригады внутренних войск.

Таким образом, 17-й отряд с самого начала комплектовался подготовленными специалистами, что позволило ему в короткие сроки приступить к выполнению задач.

География служебно-боевых задач и хронология участия в конфликтах.

С первых дней существования личный состав войсковой части 6762 привлекался к поддержанию конституционного порядка и охране общественной безопасности на обширной территории, включавшей Ставропольский край, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую, Дагестан, Северную Осетию – Аланию, Ингушетию, населённый пункт Тамарашевский (Республика Южная Осетия), Чеченскую Республику. Данный перечень свидетельствует о ключевой роли отряда в контртеррористических операциях на Северном Кавказе в период активной вооружённой фазы. Особо следует отметить, что с 24 февраля 2022 года подразделение принимает непосредственное участие в специальной военной операции Российской Федерации. Это указывает на сохранение высокой боеготовности и востребованности спецподразделения на современном этапе.

Реформирование и создание 607-го центра специального назначения.

В 2018 г. произошло институциональное преобразование:

на основании приказа Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) легендарный 17-й отдельный отряд специального назначения «Авангард» был реформирован в 607-й центр специального назначения. Символично, что реформа сопровождалась доукомплектованием за счёт личного состава 37-го отдельного разведывательного отряда. Местом постоянной дислокации был определён г. Железноводск (Ставропольский край).

За короткое время подразделения нового центра прошли боевое слаживание и приступили к выполнению служебно-боевых задач. Таким образом, реорганизация не привела к потере оперативных возможностей, напротив, усилила подразделение за счёт соединения опыта спецназа и войсковой разведки.

Геополитическая специфика региона.

Можно подчеркнуть уникальность дислокации центра. С одной стороны, регион является «всероссийской здравницей», требующей повышенной охраны; с другой

– горно-лесистая местность и наличие целебных источников создают естественную среду для реабилитации и подготовки. Отмечается, что использование фактора природы (включая минеральную воду) в режиме боевой подготовки позволяет ускорить восстановление организма после интенсивных нагрузок, что подтверждается многолетней практикой.

Методология боевой подготовки.

Тактические занятия в центре строятся на принципе «риск имитации ниже, чем риск гибели». Спецназовцы регулярно отрабатывают:

адресные мероприятия и штурм зданий (в том числе с использованием трех вертолетных площадок для десантирования);

поиск баз условного противника в горно-лесистой местности с имитацией инженерных заграждений и минных полей;

горную подготовку, включающую экипировку и передвижение по скалам.

Учебные программы разработаны на основе реального боевого опыта, полученного на Северном Кавказе, Сирийской Арабской Республики и при участии в специальной военной операции.

Психологическая составляющая и военная социализация.

Значительное внимание уделено роли военных психологов. В подразделении работает механизм завоевания доверия в замкнутых воинских коллективах. Психологическая поддержка в Центре неразрывно связана с этапами профессионального отбора.

Ключевым элементом является система испытаний на право ношения крапового берета – элитного символа чести. Процесс включает:

допуск: служба не менее года;

физическую закалку и боевые навыки;

финальный этап – 12-минутный рукопашный спарринг с несколькими инструкторами (рисунок 1).

Рисунок 1 – Испытания на право ношения крапового берета

Figure 1 – Tests for the right to wear a maroon beret

Как показало исследование, повторные попытки (пример подполковника Александра Махтеенко, добившегося берета с четвертой попытки) способствуют формированию устойчивого бойцовского характера. Получение крапового берета интерпретируется не как конечная точка, а как «вершина пути воина».

Динамика наград, потерь и мемориальной работы.

Важнейшим показателем боевой эффективности и духовного состояния воинского коллектива являются данные о наградах и увековечении памяти. В истории 607-го центра специального назначения (и его предшественника) зафиксированы следующие достижения:

6 военнослужащих удостоены звания Героя Российской Федерации (высшая государственная награда);

более 800 человек награждены государственными наградами Российской Федерации;

14 военнослужащих навечно зачислены в списки воинской части (традиция, восходящая к советской и российской военной этике);

9 улиц названы именами павших боевых товарищей;

установлено свыше 15 мемориальных памятных досок.

За воинской частью закреплено 28 семей погибших (умерших) военнослужащих.

Данные цифры демонстрируют, что командование подразделения и местные власти ведут системную работу по сохранению исторической памяти и социальной поддержке семей погибших.

Отдельного и пристального внимания заслуживают те, кто составляет гордость и несокрушимую основу центра специального назначения – его герои. За каждым званием, каждой наградой и каждой операцией стоят живые люди с несгибаемой волей, стальным характером и горячим сердцем. Это не просто бойцы – это легенды, чьи имена вписаны в летопись мужества. Они действуют там, где вероятность ошибки становится непозволительным, и каждый их шаг – это сплав высочайшего профессионализма, самопожертвования и беззаветной преданности долгу. Говоря о центре, невозможно обойти молчанием их подвиги:

Герой Российской Федерации (посмертно) лейтенант Григоревский Михаил Валерьевич

Родился 28 февраля 1985 года в селе Топчиха Алтайского края.

В 2007 году окончил Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России и был отобран в войсковую часть 3772 (37 отдельный разведывательный отряд) города Зеленокумска Минеральные Воды Ставропольского края.

В период с августа 2007 года по июль 2008 года проходил службу в 37-м отдельном разведывательном отряде на должности командира взвода радиоэлектронной разведки.

5 июля 2008 года в селе Верхние Ачалуки Малгобекского района Республики Ингушетии террористы обстреляли автомобиль УАЗ, с постом курганских милиционеров. Завязался бой, среди милиционеров появились раненые. На помощь правоохранителям была направлена штурмовая группа 37-го отдельного разведывательного отряда, которую возглавил лейтенант Григоревский М. В. (рисунок 2).

Рисунок 2 – Герой Российской Федерации
лейтенант Григоревский М.В.

Figure 2 – Hero of the Russian Federation
Lieutenant Grigorevskij M.V.

Под огнем боевиков лейтенанту Григоревскому М.В. и рядовому Минлишеву Ф. Ф. удалось вынести двух раненых в безопасное место. Когда разведчики вернулись за оставшимися милиционерами, свой огонь бандиты сосредоточили на них. Михаил заметил, как террористы стали менять позицию. Он уничтожил одного из нападавших, прицельным огнем из своего автомата сковал действия остальных. В бою офицер получил множественные огнестрельные ранения. Истекая кровью, лейтенант Григоревский М. В. приказал рядовому Минлишеву Ф. Ф. спасать милиционеров, а сам, пока мог держать оружие, прикрывал их отход. Рядовой Минлишев Ф. Ф. пытался вынести из-под огня и своего раненого командира, но, к сожалению, оба отважных воина погибли.

Подошедшая на помощь военнослужащим штурмовая группа стала оттеснять бандитов. Не имея единого руководства, боевики спешно отступили. На следующий день при осмотре местности были найдены два уничтоженных боевика, а в ближайшем лесу – тела еще двух бандитов.

Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2008 года № 1255 за мужество, отвагу и самоотверженность проявленные при исполнении воинского долга, лейтенанту Григоревскому М. В. присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Приказом МВД России от 27 марта 2011 года № 151 навечно зачислен в списки личного состава войсковой части 3772 (37-й отдельный разведывательный отряд). Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 19 марта 2020 года № 68 перезачислен в списки личного состава войсковой части 6762 (607-й центр специального значения).

Герой Российской Федерации полковник Фомин Алексей Юрьевич

Родился 30 июня 1977 года в городе Грозный Чеченской Республики.

В Вооруженных силах Российской Федерации с 1995 года. В 1999 году окончил Дальневосточное общевойсковое военное училище, после чего получил направление для прохождения службы во внутренние войска МВД России. Служил в разведывательном отряде внутренних войск МВД Северо-Кавказского округа. В 2006 году окончил Общевойсковую Академию Вооруженных Сил Российской Федерации. На данный момент все еще продолжает службу в рядах внутренних войск в звании полковника на должности начальника отдела разведки (рисунок 3).

Рисунок 3 – Герой Российской Федерации полковник Фомин А. Ю.

Figure 3 – Hero of the Russian Federation Colonel Fomin A. Yu.

С августа 1999 года находился в служебной командировке на территории Северного Кавказа. Принимал непосредственное участие в боевых действиях по отражению вторжения банд Басаева и Хаттаба в Дагестан, а затем в боях Второй чеченской кампании.

Во время боестолкновения, которое произошло 15 октября 1999 года в районе села Серноводск, офицер возглавил действия разведгруппы

по спасению окруженной крупными силами боевиков разведки одной из мотострелковых частей. В разгар боя спецназовцы атаковали противника, уничтожив несколько огневых точек. Когда боевики попытались оказать организованное сопротивление, Фомин А. Ю. занял открытую позицию и открыл огонь по боевикам, вызвав на себя мощный ответный огонь. Остальные разведчики быстро уничтожили все выявленные таким образом огневые точки врага.

После этого группа лейтенанта Фомина А. Ю. воссоединилась с заблокированными мотострелками и вывела их из кольца окружения. При преследовании разведчиков боевиками, командир отразил все попытки врага настигнуть уходящие группы, лично уничтожив несколько бандитов.

Вскоре, в районе села Верхний Алхун, группа Фомина А. Ю. выявила засаду боевиков. Под руководством Алексея Юрьевича разведчики скрытно выдвинулись и обошли врагов с тылу. Затем внезапным ударом полностью уничтожили бандформирование. В результате операции погибших и раненых среди подчиненных Фомина А. Ю. не было.

За мужество и героизм, проявленные в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе, Указом Президента Российской Федерации 30 декабря 1999 года лейтенанту Фомину Алексею Юрьевичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

Герой Российской Федерации майор Мищенко Алексей Леонидович

Родился 12 сентября 1988 года в селе Павловка, Угловского района Алтайского края. В 2011 году окончил Новосибирский военный институт ВВ МВД России и был отобран в войсковую части 6762 (17 отряд специального назначения) города Минеральные Воды Ставропольского края. В период с августа 2011 года по сентябрь 2018 года проходил службу в 17-м отряде специального назначения на разных должностях командира взвода группы специального назначения, заместителя командира группы специального назначения, командира группы специального назначения. В сентябре 2018 года был назначен на должность командира группы специального назначения 607-го центра специального назначения Северо-Кавказского округа войск национальной гвардии Российской Федерации город Железноводск поселок Капельница (рисунок 4).

Рисунок 4 – Герой Российской Федерации майор Мищенко А.Л.

Figure 4 – Hero of the Russian Federation Major Mishhenko A.L.

Командир группы специального назначения центра специального назначения майор Мищенко А. Л. в бою с превосходящими силами противника умело руководил подразделением, в результате чего было уничтожено более пятидесяти националистов, три минометных расчёта, две командно-штабные машины и узел связи противника. Действуя умело и решительно, майор Мищенко А. Л. лично уничтожил пулеметный расчёт противника и пятерых боевиков, оказал первую помощь и вынес из-под шквального огня двух подчиненных, организовал эвакуацию раненных военнослужащих.

Благодаря самоотверженным и профессиональным действиям майора Мищенко А. Л. населенный пункт был взят под контроль, что позволило развить успех на важном направлении.

За время прохождения военной службы выполнял служебно – боевые задачи в Северо-Кавказском регионе, Специальном административном районе и Украине.

Указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2022 года № 435 за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга, майору Мищенко А. Л. присвоено звание Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации капитан Палазник Никита Андреевич

Родился 15 октября 1985 года в городе Саратове.

В 2017 году окончил Саратовский военный Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации и был отобран в войсковую часть 6762 (37-й отдельный разведывательный города отряд специального назначения) города Зеленокумска Ставропольского края. В период с августа 2017 года по сентябрь 2018 года проходил службу в 37-м отдельном разведывательном отряде на должности командира разведывательного взвода разведывательной роты. В сентябре 2018 года был переведен для дальнейшего прохождения военной службы в 607 центр специального назначения Северо-Кавказского округа войск национальной гвардии Российской Федерации посёлка Капельница, города Железноводска, Ставропольского края (рисунок 5).

Рисунок 5 – Герой Российской Федерации капитан Палазник Н. А.

Figure 5 – Hero of the Russian Federation Captain Palaznik N. A.

В центре специального назначения проходил военную службу на должностях: командир взвода специального назначения (охраны должностных лиц) группы специального назначения, заместитель командира группы специального назначения, командир группы специального назначения.

В ходе ожесточённых боев подразделение спецназа под командованием капитана Палазник Н. А. уничтожило значительные силы противника (рисунок 4).

Мужественные действия и решительность офицера спасли жизни росгвардейцам. Боевые задачи были успешно выполнены, врагу нанесен серьезный урон.

Благодаря разведданным капитана Палазник Н. А., не позволяющим осуществить прорыв российских позиций, националисты понесли невосполнимые потери в живой силе и технике.

За время прохождения военной службы выполнял служебно-боевые задачи в Северо-Кавказском регионе, Специальном административном районе и Украине.

Указом Президента Российской Федерации от 24 января 2023 года № 27 за мужество, отвагу и самоотверженность проявленные при исполнении воинского долга, капитану Палазник Н. А. присвоено звание Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации прапорщик Безруков Алексей Павлович

Родился 3 августа 1981 года в городе Лермонтов Ставропольского края. Окончив среднюю школу, получил среднее про-

фессиональное образование в Лермонтовском колледже. В последующем получил высшее юридическое образование (рисунок 6).

Рисунок 6 – Герой Российской Федерации прапорщик Безруков А. П.

Figure 6 – Hero of the Russian Federation Ensign Bezrukov A. P.

В начале 2000-х годов прошёл срочную военную службу во внутренних войсках МВД России. В составе 46-й отдельной бригады оперативного назначения участвовал в контртеррористической операции на Северном Кавказе, награждён медалью «За отвагу» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени с мечами.

С 2006 года служил в Вооружённых силах Российской Федерации на контрактной основе в звании сержанта. В мае 2014 года поступил на службу в частную военную компанию. Во взаимодействии с Вооружёнными силами Донецкой (далее – ДНР) и Луганской (далее – ЛНР) Народных Республик, бойцы отличились в штурме Луганского и Донецкого аэропортов, в интенсивных боях вокруг города Дебальцево, итогом которых стало окружение группировки Вооружённых сил Украины, а также в ряде других операций (рисунок 5).

В период специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, начавшейся 24 февраля 2022 года, А. П. Безруков (позывной «Безрук») командовал одним из штурмовых отрядов Частной военной компании, принимая активное участие в боевых действиях против Вооружённых сил Украины, которые Частная военная компания вела на наиболее сложных и опасных участках фронта. Бойцы сыграли одну из ключевых ролей в овладении такими населёнными пунктами, как города Попасная, Северодонецк, Лисичанск (ЛНР), Углегорская теплоэлектростанция, находящаяся на стратегически значимом Соледарско-Бахмутском направлении (ДНР). Многократно вместе со своими подчинёнными проявлял мужество, самоотверженность и героизм. Одной из самых известных операций, в которой участвовал его отряд, стал штурм города Артёмовск (ДНР), освобождённого к концу мая 2023 года.

Указом Президента Российской Федерации («закрытым») от 23 мая 2023 года за мужество и героизм, проявленные в боевых действиях по защите Отечества и государственных интересов, Безрукову Алексею Павловичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия – медали «Золотая Звезда».

Герой Российской Федерации майор Тибилов Марат Георгиевич

Родился 20 августа 1988 года в городе Владикавказ РСО Алания.

В 2011 г. окончил Северо-Кавказский военный институт внутренних войск МВД России.

С 2011 по 2015 гг. – командир 1-го взвода специального назначения 2-й группы специального назначения 29-го отряда специального назначения Приволжского регионального командования внутренних войск МВД России, г. Уфа.

С 2015 по 2018 гг. – заместитель командира 3-й разведывательной роты 37-го отдельного разведывательного отряда 49-й отдельной бригады оперативного назначения Северо-Кавказского округа войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Зеленокумск.

С 2018 г. – командир подгруппы специальной разведки группы специального назначения «СпМ» 607-го центра специального назначения Северо-Кавказского ордена Жукова округа войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Железноводск (рисунок 7).

Рисунок 7 – Герой Российской Федерации майор Тибилов М. Г.

Figure 7 – Hero of the Russian Federation Major Tibilov M. G.

За время прохождения службы в центре специального назначения майор Тибилов Марат Георгиевич зарекомендовал себя профессионально подготовленным и грамотным военнослужащим. Хорошие волевые качества, требовательность к себе, энергичность, решительность – это основа его характера. К исполнению своих обязанностей всегда относился с чувством высокой ответственности. В коллективе пользовался заслуженным авторитетом. При выполнении специальных задач показал высокую готовность к выполнению обязанностей в боевых условиях.

Марат Георгиевич неоднократно принимал участие в контртеррористической операции на территории Северного Кавказа.

С 24 февраля 2022 года выполнял специальные задачи, направленные на защиту национальных интересов Российской Федерации в районе проведения специальной военной операции на территории Украины.

22 апреля 2022 года руководил действиями разведывательной группы (группой по борьбе с бронеобъектами) по недопущению развития контрнаступления противника в районе н. п. Казачья Лопань. Обнаружив перемещение техники и живой силы противника, майор Тибилов М. Г. выдвинулся для предупреждения их действий в направлении н. п. Казачья Лопань. Скрытно приблизившись к противнику на расстояние 1100 метров, точным огнем из ПТУР «Фагот» уничтожил БТР противника. Быстро проведя перезарядку ПТУР, точным выстрелом уничтожил БМП противника. В дальнейшем вел корректировку артиллерийского огня, которым было уничтожено до 7 националистов. Проводя разведку района боестолкновения, разведывательная группа майора Тибилова М. Г. обнаружила отходящую группу противника. Огнем из стрелкового вооружения и гранатометов противник был уничтожен. Результатом грамотных, профессиональных действий майора Тибилова М. Г. явилось успешное выполнение боевой задачи и недопущение гибели военнослужащих. Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2022 г. № 576 – был награжден Орденом Мужества.

10 сентября 2022 года майор Тибилов М. Г. командовал маневренной противо-

танковой группой № 3, задачей которой являлось выявление и уничтожение объектов инфраструктуры, живой силы и техники противника, корректировка огня поддерживающей артиллерии по выявленным целям. От оперативного дежурного по командному пункту Министерства обороны Российской Федерации поступила информация, что на позиции отдельной мотострелковой бригады в населенном пункте Веселое противник предпринял попытку наступления силами ударной бронегруппы на 4 танках и 6 БМП с группой пехоты. Расчет дистанционно-пилотируемого летательного аппарата тактической группы приступил к разведке переднего края обороны и обнаружил 2 БМП противника, пытающихся зайти в левый фланг позиций бригады. В последующем, по приказу командира тактической группы, маневренная противотанковая группа под руководством майора Тибилова М. Г. убыла в н. п. Веселое. В ходе выдвижения группа обнаружила БМП и пехоту противника, действующего в тылу подразделений отдельной мотострелковой бригады. Майор Тибилов М. Г., оценив обстановку, занял огневую позицию и приготовился к ведению огня. Рискуя быть обнаруженным, майор Тибилов М. Г. определил себе наиболее сложную для поражения БМП противника, занял выгодную огневую позицию для стрельбы из противотанкового ракетного комплекса «Фагот». Подпустив БПМ противника на расстояние для более эффективного поражения, метким выстрелом уничтожил её. Благодаря самоотверженности, мужеству и отваге, а также смелым и решительным действиям майора Тибилова М. Г., поставленная боевая задача была выполнена, БМП и группа пехоты противника до 20 человек уничтожены, сорваны планы противника по действию в тылу подразделений Министерства обороны Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 988 – был награжден Орденом Мужества.

С первых дней проведения специальной военной операции майор Тибилов М. Г. вносит значительный вклад для демилитаризации и денацификации Украины, о чем свидетельствуют его заслуги, которые были оценены на самом высоком уровне. Так, благодаря добытым под руководством майора Тибилова М. Г. разведывательным данным, уничтожен ряд опорных пунктов Вооруженных Сил Украины, большое количество вооружения, боевой и специальной техники, а также живой силы противника.

В период оккупации Курской области майор Тибилов М. Г. с вверенным ему подразделением, успешно осуществлял оборону назначенных ему рубежей, раз за разом, рискуя жизнью, он отбивал атаки противника, нанося ему при этом значительный урон как в вооружении, боевой и специальной технике, так и в живой силе.

Благодаря смелым и решительным действиям майора Тибилова М.Г. удалось сдержать, а на некоторых участках отбросить противника с захваченных территорий Курской области, а также не допустить гибели подчиненного личного состава. Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 2025 г. № 84 – удостоен звания Героя Российской Федерации.

28 марта 2025 года огневая группа войсковой части 6762 выполняла служебно-боевые задачи по поддержке подразделений Вооружённых сил Российской Федерации на Суджанском направлении в районе лесного массива северо-восточнее 2-й Княжий. После занятия огневой позиции 152-мм САУ 2С3 из состава группировки войск (сил) Вооружённых сил Российской Федерации «Курчатов», группа прикрытия из состава огневой группы 607 цСпН под управлением майора Тибилова М.Г. выдвинулась в направлении Черкасское Поречное для сопровождения и последующего выставления на огневую позицию танка. 28 марта 2025 года в 09 ч. 55 мин. в Черкасское Поречное группа прикрытия подверглась огневому воздействию противника с применением БПЛА неустановленного образца. В результате разрыва неустановленного боеприпаса получил несовместимые с жизнью ранения майор Тибилов М. Г.

Героически погиб, проявив мужество, отвагу и самоотверженность при исполнении обязанностей военной службы.

Вручение центру специального назначения ордена Жукова.

В октябре 2025 года по поручению директора Росгвардии Героя России генерала армии Виктора Золотова заместитель главы ведомства генерал-полковник Владислав Ершов вручил орден Жукова центру специального назначения (рисунок 8).

Рисунок 8 – Вручение центру ордена Жукова генерал-полковником Владиславом Ершовым

Figure 8 – Presentation of the Order of Zhukov to the Center by Colonel General Vladislav Ershov

В торжественном мероприятии приняли участие заместитель директора Росгвардии генерал-полковник Юрий Аверин, помощник директора Росгвардии Герой России генерал-полковник Алибек Делимханов, представители руководства ведомства, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе Андрей Конин, командующий Северо-Кавказским ордена Жукова округом войск национальной гвардии Российской Федерации генерал-полковник Владимир Спиридонов и его заместители, командование и личный состав войсковой части, представители местных органов власти, а также духовенства (рисунок 9).

Рисунок 9 – Участники торжественного вручения ордена Жукова центру специального назначения

Figure 9 – Participants of the Grand Presentation of the Order of Zhukov to the Special Purpose Center

На плацу центра генерал-полковник Владислав Ершов вручил командиру войсковой части генерал-майору Павлу Козаеву удостоверение к ордену Жукова и

прикрепил государственную награду к полотнищу Боевого знамени (рисунок 10).

Рисунок 10 – Вручение генерал-полковником Владиславом Ершовым удостоверения к ордену Жукова командиру войсковой части генерал-майору Павлу Козаеву

Figure 10 – Colonel General Vladislav Ershov presents a certificate for the Order of Zhukov to Major General Pavel Kozaev, commander of the military unit

Заместитель главнокомандующего отметил, что боевой путь центра – это летопись мужества и отваги личного состава, их несгибаемой воли и преданности Родине.

В рамках торжественной церемонии генерал-полковник Владислав Ершов вручил росгвардейцам, отличившимся при выполнении служебно-боевых задач, ведомственные награды. Участники мероприятия возложили цветы к памятнику погибшим при выполнении воинского долга военнослужащим и почтили их память минутой молчания.

В ходе торжественных мероприятий генерал-полковник Владислав Ершов встретился с родными погибших при исполнении воинского долга военнослужащих, обсудил с ними волнующие вопросы и вручил подарки от директора Росгвардии Героя России генерала армии Виктора Золотова.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

607-й центр специального назначения Росгвардии является наследником богатой боевой традиции, заложенной в 1998 году в 17-м отряде спецназа «Авангард»;

география задач подразделения охватывала ключевые конфликтные зоны Северного Кавказа, а с 2022 года – территорию специальной военной операции, что подтверждает его постоянную высокую оперативную готовность;

реформирование 2018 года (включение 37-го разведывательного отряда) стало примером удачной оптимизации войск национальной гвардии без потери боеспособности;

высокий уровень государственных наград (включая 6 званий Героя России) вкупе с разветвлённой системой мемориализации свидетельствуют о культивировании в подразделении воинской чести, мужества и памяти о павших товарищах.

Дальнейшие исследования могут быть посвящены сравнительному анализу боевого пути 607-го центра специального назначения и других подразделений специального назначения Росгвардии, а также углублённому изучению вклада ветеранов подразделения в развитие тактики специальных действий.

Список источников

1. Материалы служебных отчетов Центра специального назначения Росгвардии (г. Железноводск), 2018–2023 гг.

2. Интервью с личным составом и ветеранами отряда «Авангард» (архив автора, период сбора данных: 2022–2024 гг.).

3. Регламент испытаний на право ношения крапового берета «Краповый берет» (утвержденная редакция Росгвардии).

4. Аналитический обзор: Специфика горной подготовки подразделений специального назначения на Кавказе // Военная мысль. 2021. № 7.

5. Историческая справка о формировании 607-го центра специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации (внутренний документ в/ч).

6. Приказ Министра внутренних дел Российской Федерации от 5 октября 1998 г. (о формировании 17-го отряда спецназа внутренних войск МВД России).

7. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (о реформировании 17 ОСпН в 607-й центр специального назначения, 2018 г.).

References

1. Materialy sluzhebnyh otchetov Centra special'nogo naznacheniya Rosgvardii (g. ZHeleznovodsk), 2018–2023 gg. (In Russ.).

2. Interv'yu s lichnym sostavom i veteranami otryada «Avangard» (arhiv avtora, period sbora dannyh: 2022–2024 gg.). (In Russ.).

3. Reglament ispytanij na pravo nosheniya krapovogo bereta «Krapovyj beret» (utverzhdennaya redakciya Rosgvardii). (In Russ.).

4. Analytical Review: The Specific Features of Mountain Training for Special Forces Units in the Caucasus // Voennaya mysl'. 2021;7. (In Russ.).

5. Istoricheskaya spravka o formirovanii 607-go centra special'nogo naznacheniya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (vnutrennij dokument v/ch). (In Russ.).

6. Prikaz Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii ot 5 oktyabrya 1998 g. (o formirovanii 17-go otryada specnaza vnutrennih vojsk MVD Rossii). (In Russ.).

7. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (o reformirovanii 17 OSpN v 607 CSN, 2018 g.). (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 19.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Обзорная статья

УДК 378.18

ОБЗОР ИТОГОВ МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ И АДЪЮНКТОВ В ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОСГВАРДИИ»

Татьяна Геннадьевна Шарухина
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
tgsha2006@inbox.ru

Аннотация. Автором представлен обзор итогов межвузовского научно-практического семинара «Теория и практика совершенствования иноязычного обучения курсантов и адъюнктов в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии». Семинар был проведен 05 марта 2026 года кафедрой иностранных языков Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. Ключевыми темами семинара стало обсуждение вопросов, касающихся профессионально ориентированного обучения курсантов и адъюнктов иностранному языку, специфики и методов обучения иностранному языку, подготовки учебно-методических материалов, технологии сотрудничества, ошибок курсантов при освоении иностранного языка, использовании метаязыка в иноязычной подготовке курсантов и адъюнктов, подходов к развитию универсальной компетенции.

Ключевые слова: иноязычное обучение, совершенствование, военные образовательные организации высшего образования Росгвардии, курсанты и адъюнкты

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Обзор итогов межвузовского научно-практического семинара «теория и практика совершенствования иноязычного обучения курсантов и адъюнктов в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии» // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 342–347. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/036.pdf.

Review article

OVERVIEW OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL SEMINAR «THEORY AND PRACTICE OF IMPROVING FOREIGN LANGUAGE EDUCATION OF THE CADETS AND MILITARY POSTGRADUATE STUDENTS IN ROSGVARDIYA MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION»

Tatiana G. Sharukhina
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
tgsha2006@inbox.ru

Abstract. The author presents an overview of the results of the scientific and practical seminar «Theory and practice of improving foreign language education of the cadets and military postgraduate students in Rosgvardiya military educational institutions of higher education». The seminar was held on March 05, 2026 by the Department of Foreign Languages of Military Zhukov's order Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation. The key topics of the seminar were the discussion of issues related to: professionally oriented education of the cadets and military postgraduate students in a foreign language, the specifics and methods of teaching a foreign language, the preparation of educational and methodical materials, technology of cooperation, mistakes of the cadets in learning a foreign language, the use of metalanguage in foreign language teaching of the cadets and military postgraduate students, approaches to the development of universal competence.

Keywords: foreign language education, improving, Rosgvardiya military educational institutions higher education, cadets and military postgraduate students

For citation: Sharukhina T.G. Overview of the scientific and practical seminar «theory and practice of improving foreign language education of the cadets and military postgraduate students in Rosgvardiya military educational institutions of higher education». Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;2(35): 342–347. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/06/036.pdf.

© Шарухина Т.Г., 2026

Введение

5 марта 2026 года кафедрой иностранных языков Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации был проведен традиционный ежегодный научно-практический семинар «Теория и практика совершенствования иноязычного обучения курсантов и адъюнктов в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии». В нем приняли участие преподаватели 9 образовательных организаций высшего образования: из Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации; Новосибирского военного ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации; Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации; Военного института физической культуры; Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева; Михайловской военной артиллерийской академии; Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Санкт-Петербургского университета МВД России.

Основные положения

В рамках проведения семинара были рассмотрены актуальные вопросы совершенствования иноязычной подготовки курсантов и адъюнктов, осуществлен обмен мнениями относительно особенностей организации обучения иностранному языку.

Открывая научно-практический семинар, с приветственным словом к участникам обратилась Т. Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой иностранных языков Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии, отметив актуальность и значимость проблематики научного мероприятия.

Беломытцева Наталия Анатольевна (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент) рассказала об актуальной проблеме патриотического воспитания курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России. В качестве нетрадиционного образовательного ресурса предложила изучить посвящённую обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны топонимику Красносельского района Санкт-Петербурга – территории, на которой расположено данное учебное заведение.

*Берзина Галина Петровна (*Новосибирский военный институт ордена Жукова войск национальной гвардии, доктор филологических наук, доцент) поделилась опытом преподавания, выделила и кратко описала четырнадцать дидактико-методических принципов, которыми следует профессорско-преподавательскому составу руководствоваться при разработке и написании учебно-методических пособий по иностранному языку: 1) принцип учета требований Государственного образовательного стандарта, рабочей программы и учебного плана по выбранной специальности; 2) принцип научности; 3) принцип коммуникативной направленности; 4) принцип функциональности; 5) принцип ситуативности; 6) принцип доступности и посильности учебного материала; 7) принцип наглядности обучения, к которым относятся звукозапись, видео, учебные картинки, карточки, таблицы, схемы; 8) принцип прочности усвоения материала; 9) принцип преемственности; 10) принцип избыточности упражнений в учебно-методическом пособии; 11) принцип учёта родного языка обучающихся; 12) принцип циклического построения учебных материалов; 13) принцип комплектности; 14) принцип преемственности; 15) принцип

Вахрушева Оксана Валерьевна (Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент) рассматривала принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку и интегрированного предметно-языкового обучения, проанализировала различия и сходство рассматриваемых подходов к обучению с тем, чтобы дать ответ на вопрос, требуется ли интегрированное предметно-языковое обучение в военных образовательных организациях высшего образования. Был сделан вывод о том, что интегрированное предметно-языковое обучение может быть реализовано по «модели поддержки предметно ориентированного обучения», которая имеет несколько вариантов: профессионально ориентированное содержание дополняется отдельными несвязанными материалами, отражающими содержание специальной дисциплины. Данная модель повышает интерес к изучению иностранного языка, расширяет кругозор обучающихся в рамках их будущей специальности за счет использования

более узкого профессионального контекста, способствующего приобретению новых знаний; обучение на профессионально ориентированном содержании, реализуемое в рамках совместного и активного обучения с одновременным предоставлением обучающимся определенной степени автономности. Обучение заключается не в передаче знаний и навыков обучающимся, а в создании условий для обучающихся с целью получения ими собственного знания

Витушко Татьяна Валерьевна (Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева) раскрыла факторы мотивации студентов – будущих юристов – к изучению иностранного языка, представив эффективные методы мотивации, способствующие освоению профессиональной лексики в вопросах изучения международного права. К ним были отнесены:

1. Понимание значимости языка – мотивация повышается, когда студенты осознают практическую пользу английского, связанную с карьерой и профессиональной деятельностью.

2. Внутренняя мотивация – стимулирование интереса через увлекательные и релевантные материалы, связанные с юридической тематикой.

3. Стимулирование – поддержка со стороны преподавателей, возможность получать оценки и бонусы за использование английского в учебном процессе.

Войтенко Юлия Александровна (Саратовский военный Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации) рассмотрела некоторые вопросы развития у курсантов готовности к профессиональному общению. Уделила внимание факторам, которые могут помешать эффективному профессиональному общению будущих военнослужащих: факторы внешней среды, технически факторы и человеческие факторы. Привела примеры заданий для развития у курсантов готовности к профессиональному общению на занятиях по английскому языку.

Емельянова Елена Александровна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, кандидат педагогических наук) сосредоточила внимание на выявлении и формулировании трудностей иноязычного обучения говорению курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии и поиску путей по ее разрешению. Раскрыла причины их возникновения и проанализировала особенности процесса обучения иноязычному говорению в условиях военно-образовательной организации. При этом выявила педагогические, психологические и социальные аспекты исследуемого явления. На основании анализа существующей педагогической практики Елена Александровна предложила наиболее эффективные пути и приемы обучения курсантов иноязычному говорению. Перспективы разрешения, сложившегося противоречия между необходимостью более эффективного обучения курсантов иноязычному говорению и реальной образовательной практикой, лежат на путях применения современных методов обучения, основанных на принципах коммуникативного подхода в иноязычном обучении.

Живлакова Анна Евгеньевна (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат социологических наук) подняла вопрос о специфике обучения иностранному языку в неязыковых военных образовательных организациях высшего образования. Акцентировала внимание на том, что профессионально ориентированные методы являются ключевым мотиватором в обучении курсантов иностранному языку. К таким методам относятся:

– отработка терминологии по профилю обучения (документы, оборудование, оснащение, вооружение, должностные роли);

– моделирование диалогов (доклад, запрос, подтверждение, уточнение);

– разбор ситуаций будущей профессиональной деятельности (патрулирование, взаимодействие с правонарушителями, потерпевшими, гражданским населением, обеспечение правопорядка, опрос местного жителя, допрос военнопленного, изучение инструкций к трофейной технике и т. д.).

Загорулько Любовь Петровна (Новосибирский военный институт ордена Жукова войск национальной гвардии, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат философских наук, доцент) акцентировала внимание на учебных материалах как ключевом компоненте обучения иностранному языку в военной образовательной организации высшего образования, проанализировала их роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции будущих офицеров с учётом профессиональной направленности обучения. Особое внимание уделила содержательным и функциональным особенностям учебных материалов, используемых в условиях военного образования, а также возможностям их совершенствования в связи с цифровизацией образовательного процесса. В военном институте учебные материалы по

иностранному языку связаны с лингвистическими особенностями подъязыка такой предметной области как военное дело.

Кайда Людмила Ивановна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, кандидат педагогических наук, доцент) рассказала об особенностях реализации педагогической технологии сотрудничества при обучении иностранному языку курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации. Основными условиями успешного применения технологии сотрудничества выступают: понимание учебных устремлений курсанта и его способности к освоению учебного материала, а также высокое педагогическое мастерство преподавателя.

Калимуллин Сергей Михайлович (Новосибирский военный институт ордена Жукова войск национальной гвардии, доцент) изложил свое мнение о проблеме составления вопросов к английскому предложению как одного из аспектов языковой подготовки курсантов первого курса неязыковой военной образовательной организации высшего образования, выделив некоторые ошибки, на которые необходимо обратить внимание. К наиболее часто повторяющимся ошибкам относятся: слабое представление того, какие типы вопросов существуют, какова структура вопросов к конкретному члену предложения. Поэтому стандартный алгоритм по привитию умений, а потом и навыков включает: рассмотрение структуры предложения, выделение главных членов предложения, рассмотрение структуры различных типов вопросов к различным членам предложения, составление вопросов согласно конкретным структурам, закрепление умений посредством выполнения упражнений на выученные правила.

Калинина Марина Георгиевна (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент) поделилась информацией о том, что при обучении курсантов иностранному языку в военной образовательной организации высшего образования значимыми вопросами являются: эффективное освоение лексического компонента и систематическое расширение словарного запаса.

Кольцова Ольга Николаевна (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи, кандидат технических наук, профессор) остановилась на вопросах использования метаязыка в иноязычной подготовке курсантов и адъюнктов при формировании и совершенствовании языковых навыков, а также для описания терминов и понятий и составления терминологического словаря.

Язык как инструмент человеческого общения имеет ряд функций: – коммуникативную, когнитивную, эмоциональную, контактоустанавливающую, функцию хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народов, а также метаязыковую.

Кузнецова Лина Александровна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, кандидат педагогических наук) сосредоточила внимание на особенностях цифровой трансформации дидактических средств обучения иностранному языку курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации. Особое внимание уделила использованию электронных учебных пособий, цифровых учебно-методических комплексов, образовательных платформ, интерактивных и мультимедийных средств обучения иностранному языку.

Лангенштейн Вера Александровна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, кандидат педагогических наук, доцент) изложила свое мнение по исследованию важной педагогической проблемы – педагогическому общению как фактору повышения эффективности иноязычного обучения курсантов. Раскрыла наиболее значимые аспекты педагогического общения деятельности преподавателя иностранного языка высшей школы, которые необходимо учитывать в иноязычном обучении курсантов: информативность, логичность, понятность, оптимальная скорость сообщения учебного материала.

Малкова Татьяна Вячеславовна (Санкт-Петербургский университет МВД России) проанализировала учебно-методическую разработку темы “Police duties at crime scenes”, используемую в процессе изучения учебной дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» обучающимися по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность. Продемонстрировала различные виды заданий, направленные на совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Муслова Любовь Анатольевна (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук) посвятила выступление семантизации лексических единиц в процессе их введения посредством использования упражнений и мето-

дических приемов, направленных на формирование лексических умений и навыков при обучении иностранным языкам в неязыковых вузах с целью активизации учебно-познавательной деятельности и профессиональной подготовки выпускников высшей школы.

Орлова Дарья Сергеевна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии) представила сравнительный анализ существующих подходов к развитию универсальных компетенций у курсантов в контексте иноязычного образования в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии. Особое внимание уделила возможностям использования гештальт-подхода, рассматриваемому как перспективному инструменту когнитивных и коммуникативных универсальных компетенций, с учетом специфики военной подготовки, обосновав необходимость интеграции гештальт-подхода в традиционные методики иноязычного образования.

Полич Виктор Валентинович (Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат философских наук), *Ульянова Ульяна Александровна* (Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент), *Арбузова Наталия Александровна* (Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации) представили свое видение роли междисциплинарных связей в комплексной подготовке выпускников факультета. Лингвистическая компетентность рассмотрена ими как системообразующий элемент, который формируется в единстве специальной подготовки и иностранного языка. Авторы детально раскрыли механизм этого синтеза на примере адаптации содержания профессиональных дисциплин в языковые практикумы, что позволяет выработать у выпускников конкретные навыки для взаимодействия в международной среде.

Райкова Анна Николаевна (Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент) поделилась опытом исследования роли рефлексии в процессе обучения иностранным языкам в условиях трансформации образовательных парадигм, уделив особое внимание интеграции цифровых технологий (адаптивные платформы, искусственный интеллект, виртуальные симуляции) в рефлексивные практики.

Семухина Елена Александровна (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент) выступила с докладом об интеграционном подходе к формированию умений и навыков публичных выступлений у обучающихся военных образовательных организаций высшего образования. Изложила поэтапную методику, включающую упражнения, направленные на овладение как языковыми, так и риторическими умениями, а также психологической устойчивостью.

Синявская Светлана Павловна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат филологических наук, доцент), *Корнева Татьяна Сергеевна* (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) представили обзор эффективности аутентичных материалов в профессионально ориентированном обучении иностранному языку как средства формирования практических языковых умений и навыков. Предложили дифференцированный подход к отбору материалов с учётом уровня подготовки и профессиональных задач обучающихся и сформулировали принципы их применения. Показали, что работа с аутентичными источниками развивает как языковые, так и когнитивные способности, необходимые для успешной профессиональной деятельности в международном контексте.

Смердова Екатерина Андреевна (Пермский военный институт войск национальной гвардии, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук) раскрыла актуальность применения междисциплинарного подхода в военных образовательных организациях высшего образования в условиях применения различных методов исследования, комплексирования содержания различных дисциплин. Раскрыла структуру модуля по изучению «Тактики СБП войск национальной гвардии Российской Федерации» и «Иностранного языка» в условиях бинарных учебных занятий.

Соболь Наталья Владимировна (Пермский военный институт войск национальной гвардии, кандидат педагогических наук, доцент) раскрыла особенности и технологию комплексирования дисциплин в военной образовательной организации высшего образования, где иностранный язык выступает инструментом решения профессиональной задачи. Проанализировала условия, снижающие несогласованность требований между кафедрами.

Трубникова Ирина Борисовна (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», кандидат педагогических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации) представила свое понимание того, каким должен быть преподаватель иностранного языка высшей школы в процессе использования технологии сотрудничества и как он должен организовывать и проводить занятия, чтобы помочь студентам найти свой собственный путь к знаниям.

Ульянова Ульяна Александровна (Новосибирский военный институт ордена Жукова войск национальной гвардии, кандидат филологических наук, доцент) раскрыла особенности организации самостоятельной работы курсантов по дисциплине «Практический курс перевода первого иностранного языка», уделив особое внимание формированию ориентировочной основы действий.

Черновец Елена Георгиевна (Михайловская военная артиллерийская академия, кандидат педагогических наук, доцент), *Мирошникова Елена Анатольевна* (Военный институт физической культуры, кандидат педагогических наук, доцент) посвятили свой доклад обоснованию формирования умений чтения на иностранном языке в неязыковых образовательных организациях высшего образования посредством правильного построения структуры и композиции учебных текстов. Проанализировали основные структурные компоненты текстов и их роль в восприятии профессионально значимой информации и контроле ее понимания. Обосновали значимость композиционных элементов, таких как заголовки, подзаголовки, логичное деление на абзацы и использование визуальных средств для облегчения восприятия, отметили существование недостатка в методической обработке аутентичных профориентированных текстов с точки зрения их структуры и композиции в современных учебных пособиях и учебниках. Обратили особое внимание принципам построения учебных текстов на иностранном языке для эффективного развития умений профессионально ориентированного чтения.

Шарая Валентина Васильевна (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук, профессор) рассматривала проблему разработки материала на иностранном языке для работы с адъюнктами в аудитории. Особое внимание обратила на связь содержания учебного материала с тематикой проводимых исследований.

Шарухина Татьяна Геннадьевна (Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, заведующий кафедрой иностранных языков, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации) посвятила свой доклад роли коммуникативных стратегий в иноязычном обучении курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии. Опираясь на системный подход, рассмотрела коммуникативные стратегии, применяемые в процессе иноязычного обучения курсантов, как стратегический комплекс, включающий несколько взаимосвязанных компонентов.

Заключение

Итоги научно-практического семинара стали катализаторами позитивных изменений в обучении иностранным языкам в неязыковых образовательных организациях «силовых» ведомств. Об этом свидетельствуют отзывы от руководителей кафедр иностранных языков, преподаватели которых приняли участие в научно-практическом семинаре. Обсуждение объединило теорию и практику, науку и педагогическую деятельность, способствовало профессиональному росту участников и в конечном счёте – повышению качества языкового образования.

Был проведен обмен опытом, преподаватели поделились собственными наработками, интерактивными ресурсами, игровыми и проектными технологиями в обучении иностранному языку. Обсуждены сложные педагогические ситуации. Установлен контакт с коллегами из других образовательных организаций высшего образования.

Информация об авторах

Т. Г. Шарухина *– доктор педагогических наук, профессор*

Information about the authors

T. G. SHaruhina *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Статья поступила в редакцию 18.06.2026;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 18.06.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

Главный редактор:
А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора:
С.Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:
А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.И. Александров – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Г. Анисимов – доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Антонов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Бакин – кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
М.Х. Гельдибаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.В. Горшкова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Григорьев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
М.Ю. Гутман – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарцев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
И.И. Иванов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.В. Игнатьева – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Н. Исаева – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Р.Ф. Исмагилов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Б. Карабущенко – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Ю.М. Караяни – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.Д. Косолапов– кандидат педагогических наук, доцент(Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.Е. Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Н.Н. Миняйленко – кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
В.А. Митрахович – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Е.В. Мищенко – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Николаева – доктор юридических наук, профессор(Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшонов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.П. Очередько – доктор юридических наук, профессор(Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Л. Поминова – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Прюсс – доктор педагогики, профессор (Грайсвальд, Германия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Сидоров – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
И.В. Семенова – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Смирнов – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Э. Старовойтова – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
С.В. Степашин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
И.Л. Третьяков – доктор юридических наук, доцент(Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
Р.М. Шамионов – доктор психологических наук, профессор (Саратов, Россия)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Е.А. Шмелева – доктор психологических наук, профессор (Иваново, Россия)

Учредитель:
федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
Эл № ФС77-88843
от 28 декабря 2024 г.

Редакторы:
А.Д. Внуков
Е.Ю. Юпатова
И.А. Бабкин

Тираж 1 экз. Заказ № 200-26
Дата выхода в свет 30.06.2026
Издатель:
Академия войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1
(Академия
войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 22-40)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-academrg@mail.ru

Отпечатано в типографии
Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии
Российской Федерации
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

12+

Founder:
Federal State Official Military Establishment of Higher Education «Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation»

Mass media is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (certificate Jel No FS77-88843 of 28 December 2024)

Editors:
A.D. Vnukov
E.Yu. Yupatova
I.A. Babkin

Circulation 1 copies. Order No 200-26
Date of publishing 30.06.2025
Publisher:
Academy of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Academy
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (22-40)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-academrg@mail.ru

Printed in the printing-office
of Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation

12+

Editor in Chief:
A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:
S.N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:
A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.I. Alexandrov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.G. Anisimov – Doctor of Sciences (Technical), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Antonov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Bakin – Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Medical) (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
M.H. Gel'dibaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.V. Gorshkova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.V. Grigor'ev – Doctor of Sciences (Historical), Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.YU. Gutman – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpisbaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
I.I. Ivanov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.N. Isaeva – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
R.F. Ismagilov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.B. Karabushchenko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
V.I. Kovalenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.D. Kosolapov – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History) (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
N.N. Minyailenko – Candidate of Sciences (Law), Professor
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
V.A. Mitrahovich – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
E.V. Mishchenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Санкт-Петербург, Россия)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Sciences(Medical), Professor (Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. NIkonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Nikolaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.P. Ochered'ko – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokof'eva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prjuss – Doctor of Pedagogy, Professor (Grajfsval'd, Germany)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Sidorov – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
I.V. Semenova – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Smirnov – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
O.E. Starovoitova– Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Ust'-Kamenogorsk, Kazahstan)
S.V. Stepashin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
I.L. Tret'yakov – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
R.M. Shamionov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saratov, Russia)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.A. SHmeleva – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Ivanovo, Russia)